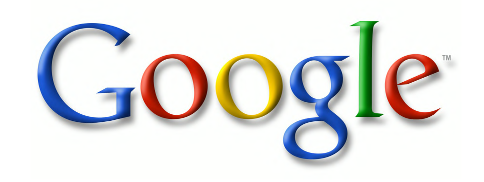

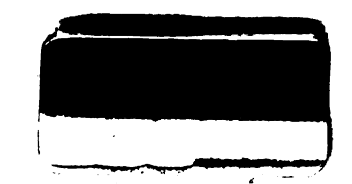

ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ

ГРИГОРЬЕВЪ

ПО ЕГО ПИСЬМАМЪ И ТРУДАМЪ.

1816—1881.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПОРТРЕТА И ФАКСИМИЛЕ.

СОСТАВИЛЪ

Н. И. Веселовскій.

(Изданіе Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія и Хромолитографія А. Траншеля, Стремянная, № 12.
1887.

Напечатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества.
Секретарь *гр. П. Толстой.*

В. Григорьевъ

Дозв. Ценз. Спб. 12 Іюня 1887 г. Фотот. В. И. Штейнъ. Почтамтская 13, Спб.

Василій Васильевичъ
Григорьевъ
проф. исторіи Востока въ
С. П. Б. Императорскаго Университета

По разнымъ случайнымъ обстоятельствамъ, не совсѣмъ отъ меня зависѣвшимъ, печатаніе біографіи В. В. Григорьева затянулось на весьма продолжительное время. Задержка эта тѣмъ болѣе для меня непріятна, что не послужила она даже на пользу біографіи: о многомъ долженъ былъ я умолчать, такъ какъ приходилось говорить о событіяхъ къ намъ близкихъ, не вполнѣ еще ставшихъ достояніемъ исторіи.

Василій Васильевичъ много испыталъ на своемъ вѣку, много передумалъ, сталкивался съ людьми самыхъ разнообразныхъ направленій, дружилъ съ ними болѣе или менѣе, и постепенно выработалъ свои убѣжденія и свои взгляды на окружающую среду, на жизнь и ея проявленія. Мысли такого человѣка, къ какому бы лагерю онъ ни принадлежалъ, заслуживаютъ полнаго вниманія. Вотъ почему мнѣ казалось, что вмѣсто описанія и объясненія жизни и дѣятельности В. В., лучше всего предоставить ему самому говорить за себя. Съ этою цѣлію я и помѣстилъ въ біографіи значительныя выдержки изъ писемъ его къ разнымъ лицамъ, на сколько, по плану моему, письма эти относились къ дѣлу. Къ сожалѣнію, пробѣловъ въ его перепискѣ очень много. Такъ, не могъ я получить писемъ В. В. къ Аксакову, Погодину, Плотникову, Глѣбову и ко многимъ другимъ; тѣмъ съ большею признательностію воспользовался я матеріалами, предоставленными мнѣ В. В. Вельяминовымъ-Зерновымъ, Н. И. Ильминскимъ, А. А. Красильниковымъ, Я. М. Невѣровымъ, Султаномъ Сейдалинымъ, Е. Ф. Срезневскою, которымъ и приношу глубокую благодарность. Съ такою же благодарностію обращаюсь я и къ И. В. Помяловскому, принимавшему самое теплое, живое участіе въ появленіи на свѣтъ настоящей біографіи.

Н. Веселовскій.

Сентябрь, 1887 года.

I.

Василій Васильевичъ Григорьевъ родился 15 марта 1816 г. въ Петербургѣ, въ „самомъ не русскомъ городѣ изъ русскихъ городовъ", въ небольшомъ домѣ на Итальянской улицѣ, находившемся противъ Шестилавочной. Когда Шестилавочную, переименованную потомъ Надеждинскою, продолжили до Невскаго проспекта, домикъ этотъ сломали, и теперь на мѣстѣ, гдѣ стоялъ онъ, пролегаетъ улица. „Мнѣ почему-то непріятно—говорилъ по этому поводу В. В.—что дома, гдѣ я родился, не существуетъ болѣе. Ужъ хоть-бы другой домъ на мѣстѣ его выстроили, а то и слѣда нѣтъ, что тутъ жилье было"....

Скажу нѣсколько словъ о ближайшихъ родственникахъ В. В., что самъ слышалъ отъ покойнаго и что удалось мнѣ извлечь изъ бумагъ его. Отцу В. В-ча, Василью Ивановичу Григорьеву, было, при рожденіи сына, 35 лѣтъ, матери Агриппинѣ Ивановнѣ, въ дѣвицахъ Алексѣвой,—не знаю сколько. Говорила она про себя, что десятью годами моложе отца, было бы ей въ такомъ случаѣ лѣтъ 25. Но В. В. показывалъ мнѣ маленькую книжку своей библіотеки: „О должностяхъ человѣка и гражданина", съ надписью на ней, что 23 сентября 1798 года подарена она ученицѣ 1-го старшаго класса Казанскаго народнаго училища Аграфенѣ Алексѣевой за прилежаніе и благонравіе. Тогда давались въ награду такія книжки. „Неужели при полученіи этого подарка, замѣтилъ В. В., матери моей,—ученицѣ 1-го старшаго класса, было только семь съ небольшимъ лѣтъ? Сомнительно что-то. Годковъ пятокъ, или около того, сбавляла, должно полагать: женщина была". О происхожденіи матери В. В. знаю я не больше того, что была она дочь какого-то очень мелкаго чиновника придворнаго конюшеннаго

вѣдомства и лишилась отца еще до своего замужества. Бабушку по матери, Василису Екимовну, помнилъ В. В. очень хорошо, потому что она порядочно баловала своего единственнаго внука. Умерла она когда было этому внуку 12 лѣтъ.

Дѣдъ В. В-ча по отцу, Иванъ Григорьевичъ Григорьевъ, не дожилъ до появленія на свѣтъ внука. Былъ онъ также чиновникомъ, и въ 1803 году получилъ чинъ коллежскаго ассесора, служилъ въ сенатѣ, кажется секретаремъ, имѣлъ собственный домикъ на Петербургской сторонѣ, пріобрѣтенный едва ли не за 50 руб. серебромъ. Женатъ былъ на Дарьѣ Ивановнѣ, урожденной Набатовой, и прижилъ съ нею довольно многочисленное семейство. Василій Ивановичъ былъ вторымъ сыномъ. Старшій, Александръ Ивановичъ, умеръ также до рожденія В. В-ча. Младшіе сыновья—Григорій и Владиміръ. Кромѣ сыновей И. Г. имѣлъ четырехъ дочерей, да много умерло въ дѣтствѣ.

Про дѣда зналъ и слышалъ В. В., что онъ былъ нелюдимъ, что отличался образцовою честностью—такъ гласила семейная хроника. Былъ большой любитель чтенія, и особенно любилъ читать нѣмецкія книги. Откуда выучился онъ нѣмецкому языку, не могъ объяснить мнѣ В. В., но что онъ зналъ по нѣмецки и зналъ хорошо, не подлежитъ сомнѣнію. По смерти И. Г. остатки небольшой библіотеки его сохранялись у одной изъ дочерей его, и въ числѣ книгъ много было на нѣмецкомъ языкѣ. Одну изъ такихъ книгъ В. В. взялъ себѣ на память и потому особенно берегъ во время тѣхъ странствованій, какія испытывала его собственная библіотека. Это Die Religion innerhalb der Grenzen der blossen Vernunft, Эммануила Канта. Значитъ, И. Г. читалъ и могъ понимать серьезныя вещи. Кое-что перевелъ онъ съ нѣмецкаго и едва ли не напечаталъ. Въ то время дворяне наши стали обращаться въ высшую интеллигенцію, и домашнія библіотеки, въ большемъ или меньшемъ объемѣ, сдѣлались необходимою принадлежностью каждой помѣщичьей усадьбы, каждаго хорошо образованнаго человѣка. Впослѣдствіи не знали, что съ этими библіотеками дѣлать, старались такъ или иначе отдѣлаться отъ лишней обузы и даже равняли ими ухабы и выбоины на улицахъ при барскихъ домахъ, но въ XVIII вѣкѣ книги заводились не для того, чтобы любоваться на нихъ. „Тогда учились—замѣтилъ В. В. въ одной своей статьѣ—не по журналамъ, а по книгамъ, и книгъ не глотали, а читали ихъ внимательно; оттого здравый смыслъ предковъ нашихъ не былъ еще сбитъ съ толку“ [1]).

[1]) Замѣтка. «Молва» 1857, № 18, стр. 216.

Этотъ честный чиновникъ и любознательный, съ высокимъ, повидимому, образованіемъ человѣкъ, о воспитаніи собственныхъ дѣтей, какъ и многіе изъ его современниковъ, особенно не заботился, можетъ быть по недостатку средствъ, а вѣроятнѣе, кажется, по винѣ жены своей, такъ какъ въ домашнемъ быту находился подъ полнымъ ея вліяніемъ, а она, по отношенію къ дѣтямъ была великой баловницей, и не находила нужнымъ утруждать ихъ излишнею мудростію.

Фамилію „Григорьевъ" дѣдушка В. В-ча принялъ самъ. По отцу былъ онъ Пожарскій. Другой его братъ также перемѣнилъ родовую фамилію Пожарскаго на Поморцева. По семейнымъ преданіямъ причиною этому было то, что третій братъ И .Г. тоже, разумѣется, Пожарскій, состоялъ чѣмъ-то при императорѣ Петрѣ III и пользовался его расположеніемъ, а послѣ кончины императора, изъ опасенія опалы и, можетъ быть, преслѣдованія, бѣжалъ въ Пруссію, откуда потомъ не было уже о немъ никакой вѣсти. Этотъ поступокъ бывшаго фаворита императора напугалъ двухъ его младшихъ братьевъ до такой степени, что они желая укрыться отъ мнимыхъ или дѣйствительно возможныхъ тогда преслѣдованій, не нашли ничего лучше, какъ отречься отъ всякой связи съ бѣглецомъ, перемѣнивъ фамилію. Въ то время это было дѣломъ весьма легкимъ. И вотъ, Иванъ Григорьевичъ сталъ зваться „Григорьевымъ". Другой почему-то принялъ фамилію и Поморцевъ" [1]). Эти три брата не были Петербургскими уроженцами. Въ Петербургъ явились они—не знаю когда, какъ и зачѣмъ—изъ Суздаля, гдѣ отецъ ихъ, прадѣдъ В. В-ча Григорій Екимовичъ былъ соборнымъ протопопомъ. Въ тѣ времена дворяне нерѣдко еще вступали въ духовное званіе. Родной братъ Григорья Екимовича, Филиппъ Екимовичъ, имѣлъ чинъ премьера или секундъ маіора—хорошенько не знаю, стало быть служилъ въ военной службѣ. Отца у нихъ звали Екимъ Филипповичъ. Далѣе этого пращура, В. В. ничего уже не зналъ и ни отецъ его, ни тетка, хранительница семейныхъ преданій, ничего сообщить ему не могли. Дочерей Филиппа Екимовича, Марью Филипповну, бывшую замужемъ за Масальскимъ, и Надежду Филипповну, бывшую замужемъ за Лобановымъ, В. В. знавалъ въ дѣтствѣ и бывалъ у нихъ.

---

[1]) Въ 1838 г. пріѣзжалъ къ Василію Ивановичу Григорьеву изъ Закавказья, находившійся тамъ на государственной службѣ, двоюродный братъ его, Петръ Поморцевъ 1-ый, который потомъ, по выслугѣ 35-лѣтія, поселился въ началѣ 60-хъ годовъ въ Москвѣ. Въ какихъ отношеніяхъ находился В. В. къ этому родственнику, у котораго былъ сынъ, служившій въ конторѣ госуд. Банка въ Москвѣ, мнѣ неизвѣстно.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что предки Григорьева были дворяне и помѣщики Суздальскіе. А какіе же могли быть тамъ Пожарскіе, кромѣ потомковъ знаменитаго рода князей Пожарскихъ, или можетъ быть родственной имъ линіи, не имѣвшей княжескаго титула, или утратившей его? Извѣстно, что многіе роды у насъ на Руси оставили княжескій титулъ свой, въ которомъ не видѣли никакого толку, никакой пользы, а иногда, пожалуй, испытывали еще и неудобства, и обратились добровольно въ простыхъ нетитулованныхъ дворянъ [1]). Такъ или иначе, только В. В. слышалъ отъ отца, что они происходятъ отъ князей Пожарскихъ. В. В. приводилъ еще какіе то доводы, но я ихъ не запомнилъ. Добавлю только, что разъ, когда зашла рѣчь объ этомъ предметѣ, на замѣчаніе мое: отчего бы не попытаться разслѣдовать происхожденіе прежней фамиліи,—В. В. отвѣтилъ: „если бы у меня было хорошее состояніе въ молодости, да нажилъ бы я потомство, т. е. было бы кому передать свою настоящую фамилію съ княжескимъ титуломъ, если таковой принадлежалъ моимъ предкамъ, я бы статься можетъ, пустился въ розыски и нашелъ доказательства связи своей съ считающимся вымершимъ родомъ князей Пожарскихъ—фамилія громкая; но при отсутствіи того и другаго условія, смѣшно было бы покушаться на подобныя затѣи, хотя долженъ сознаться, мнѣ всю жизнь было досадно носить какую-то курьерскую или сторожевскую фамилію, принятую дѣдушкой“. Коснувшись предковъ В. В-ча, не счелъ я себя вправѣ умолчать объ этомъ обстоятельствѣ.

Отъ далекихъ предковъ В. В-ча переходимъ къ отцу его. По словамъ В. В-ча это былъ благообразный мущина средняго роста, довольно полный, даже съ брюшкомъ. Въ молодости былъ онъ очень красивъ собою. Кромѣ пріятной наружности и крѣпкаго тѣлосложенія, природа не обдѣлила его и духовными дарами. При обработкѣ ихъ хорошимъ воспитаніемъ могъ бы выдти изъ него человѣкъ недюжинный. Но воспитанія, какъ уже было замѣчено, не досталось на его долю не только хорошаго, а ровно никакого. Дома былъ онъ баловнемъ матери, и не пріобрѣлъ не только твердыхъ нравственныхъ началъ, но даже и добрыхъ привычекъ; а на улицѣ, гдѣ слонялся съ другими мальчишками, набрался только безпутности всякаго рода. Въ такомъ обществѣ скоро узнаютъ „на чемъ свѣтъ стоитъ“. Это же знаніе, при сильной и

---

[1]) Внукъ упомянутаго Масальскаго доказалъ княжеское происхожденіе свое и сталъ носить этотъ титулъ.

горячей натурѣ В.И. повело его къ раннему, весьма раннему сближенію съ прекраснымъ поломъ. И не смотря на то, сохранилъ онъ до глубокой старости вполнѣ и умственныя и физическія силы; а умеръ 82 лѣтъ. Книжное образованіе, данное ему въ отрочествѣ, ограничивалось умѣньемъ читать и писать, да знаніемъ первыхъ четырехъ правилъ ариѳметики. Большаго и не требовалось, чтобы юноша могъ поступить на государственную службу—естественную карьеру чиновничьяго сына. Съ этимъ образованіемъ, когда минуло Василію Ивановичу 14 лѣтъ, и былъ онъ—чтобы свой хлѣбъ пріучался добывать—опредѣленъ, по протекціи своего отца, въ Правительствующій Сенатъ копіистомъ.

Въ теченіе десяти лѣтъ затѣмъ, какъ значится въ формулярномъ спискѣ его, достигъ онъ въ Сенатѣ званія канцеляриста и чина коллежскаго регистратора (съ 1799 г.), перешелъ оттуда на службу въ штатъ полиціи, потомъ въ Ассигнаціонный Банкъ, оттуда въ заемный, и въ 1805 году дослужился до чина губернскаго секретаря. Въ октябрѣ 1811 года поѣхалъ онъ, чтобы попытать счастья на службѣ, въ Сибирь, гдѣ и занималъ въ Тобольскѣ должность стряпчаго, но не ужился съ начальствомъ и вернулся въ Петербургъ лѣтомъ 1815 г., а въ октябрѣ того же года снова поступилъ въ полицію, гдѣ прослужилъ около года. Уволившись изъ полиціи 20 августа 1816 г., В. И. занималъ послѣ того разныя другія должности, постоянно жалуясь на неблагосклонность къ нему судьбы.

Причиною переходовъ изъ одного мѣста служенія въ другое было, полагать надо, легкое отношеніе В.И. къ своимъ служебнымъ обязанностямъ, увлеченіе кутежами, что̀, конечно, навлекало ему выговоры отъ начальства, тогда какъ онъ кротостію характера не отличался. Въ своемъ кругу, гдѣ бы ни жилъ, считался онъ всегда человѣкомъ умнымъ и способнымъ, думалъ тоже самое и самъ о себѣ, а на пороки и недостатки свои вниманія не обращалъ; потому всегда и во всемъ считалъ себя правымъ, и при всякомъ столкновеніи съ высшими винилъ ихъ, а не себя и нерѣдко приходилъ въ „азартъ", полагая, что такъ и слѣдуетъ благородному дворянину. Подвигами такого рода наполненъ его дневникъ, веденный имъ въ молодости, въ которомъ излагаются, между прочимъ, и взгляды его на благородство.

Такъ, впрочемъ, въ его время не онъ одинъ думалъ. Что же касается до кутежей, то не надо упускать изъ виду, что рѣдко когда безумствовала и безпутствовала петербургская молодежь съ такимъ беззавѣтнымъ увлеченіемъ, какъ въ первые годы по воцареніи императора Александра I. Въ предшествовавшее царствованіе какой-то страхъ ви-

сѣлъ надо всѣми, и удерживалъ порывы къ разгулу. По кончинѣ императора Павла, всѣ преграды рухнули, и гуляки принялись безобразничать, точно съ цѣпи сорвались. Удальство во всемъ, не жалѣя ни себя, ни другихъ, безо всякой цѣли и мысли о послѣдствіяхъ, было тогда лазунгомъ молодежи. Перепить товарищей, надѣлать буйствъ, считалось подвигомъ. Нѣкоторыя подробности такого безшабашнаго разгула читали мы въ дневникѣ В. И., который и по своимъ понятіямъ о „благородствѣ“, и по требованіямъ духа товарищества, не могъ отставать отъ другихъ.

Но чтобы вести разгульную жизнь, хотя и въ самыхъ грубыхъ формахъ и наивозможно дешевымъ способомъ, все таки нужны средства для этого—деньги, тѣмъ болѣе, что катанья на тройкахъ за городъ не обходились безъ сильныхъ ощущеній, доставляемыхъ „банчишкомъ“. У мелкихъ чиновниковъ, подобныхъ В. И., съ грошевымъ жалованьемъ и отсутствіемъ всякой подмоги отъ родителей, но тѣмъ не менѣе съ сильнымъ позывомъ къ развлеченіямъ, не доставало денегъ сплошь и рядомъ. Зарабатывать ихъ честнымъ образомъ не представлялось никакой возможности: ну, и пріобрѣтались онѣ per omne nefas.

Должать и не платить долговъ ремесленникамъ и торговцамъ всякаго рода было въ обыкновеніи даже между людьми съ состояніемъ: это, кажется, входило въ тогдашній кодексъ житейской мудрости. Принять „благодарность“, даже сорвать взятку за услугу по службѣ, въ ущербъ справедливости, или чтобы избавить мошенника изъ силковъ закона—считали это безчестнымъ только Правдолюбы и Честоновы въ комедіяхъ того времени. Обыграть человѣка съ деньгами, споивши его предварительно, считалось дѣломъ самымъ позволительнымъ. Пускались и на худшее...

Въ кругу такихъ людей вращался и жилъ отецъ В. В-ча, не видя въ нихъ ничего предосудительнаго. Коснувшись этой печальной стороны нашего чиновничества въ началѣ текущаго столѣтія, не можемъ не замѣтить вмѣстѣ съ тѣмъ, что подъ корою всевозможныхъ пороковъ крылись, однако, даже въ испорченныхъ людяхъ того времени ростки разныхъ хорошихъ качествъ, какими не всегда могутъ похвалиться нынѣшніе люди. Они не дорожили комфортомъ на столько, чтобы считать его высшимъ благомъ жизни, для обладанія которымъ можно всѣмъ жертвовать; были для нихъ и болѣе высокіе идеалы. Вслѣдствіе отсутствія удобствъ жизни не ушли бы они за границу, какъ зачастую продѣлывали это ихъ потомки. Многіе изъ нихъ хотя и предпочитали иностранные языки родному и говорили на нихъ безъ всякой нужды,

но думали все таки по русски. Свою готовность на самопожертвованіе доказывали они не словами только, а дѣломъ. Вѣрили въ свою силу, оттого вѣрили и въ силу Россіи, оттого въ случаѣ надобности каждый могъ сдѣлаться героемъ. Какъ легки были они на пакости всякаго рода, такъ легки были и на добро. Трусами не были ни противъ товарищей, ни противъ начальства, ни противъ врага, и отъ неудачъ не падали духомъ.

При томъ незначительномъ чиновномъ положеніи, какое занималъ отецъ В. В-ча и при частыхъ перемѣнахъ имъ рода службы, не имѣлось у него ничего опредѣленнаго, никакой обезпеченности въ будущемъ, все зависѣло отъ случайныхъ обстоятельствъ и побочныхъ доходовъ. Выдавались періоды избытка въ матеріальномъ отношеніи, но за то при невзгодахъ и терялось все разомъ.

Мать В. В—ча была женщина добрая, горячо любившая сына. Умерла она когда онъ былъ уже въ университетѣ [1]). Смерть матери, при тѣхъ семейныхъ условіяхъ, въ какихъ росъ и воспитывался В. В., была для него тяжелой утратой. И главнымъ утѣшеніемъ для него сдѣлалось посѣщеніе Смоленскаго кладбища, гдѣ схоронена его мать, и куда отправлялся онъ всякій разъ. какъ было у него свободное время.

Въ статьѣ своей о Грановскомъ В. В., упомянувъ о воспитаніи, которое давалось въ началѣ нынѣшняго столѣтія дома и въ пансіонахъ, замѣтилъ: „Если при плохомъ началѣ подобнаго рода выходилъ еще чѣмъ—нибудь порядочнымъ тотъ или другой изъ насъ, этимъ счастливцы обязаны были исключительно матерямъ своимъ. Женщины восемьсотъ десятыхъ восемьсотъ двадцатыхъ годовъ, не смотря на то, что носили коротенькія платья въ обтяжку, съ тальею подъ мышками, и одѣвались вообще съ страшнымъ безвкусіемъ, были женщины очень хорошія, почитательницы Карамзина, Жуковскаго, Нелединскаго-Мелецкаго; сантиментальныя въ дѣвушкахъ, женами и матерями были онѣ едва ли не лучше современныхъ слишкомъ эманципированныхъ галантныхъ маменекъ. Папеньки того времени были еще очень дики и необузданны; маменькамъ часто приходилось плакать отъ ихъ подвиговъ. Все, что было въ женскомъ, сердцѣ теплой любви, неудовлетворенной нѣжности, оскорбленнаго достоинства, со всѣмъ этимъ матери нашего поколѣнія обращались къ дѣтямъ и вслѣдствіе того, если попадали на натуру впечатлительную и воспріимчивую, рано и глубоко развивали въ ней чувствительность, рано и глубоко возбуждали младенческія души къ отвращенію отъ нравствен-

---

[1]) Въ январѣ 1834 года.

наго безобразія и къ высокимъ человѣческимъ стремленіямъ". Это вѣрный портретъ матери Григорьева, который въ приведенномъ изложеніи имѣлъ прежде всего свое собственное семейство.

Послѣ матери остался В. В-чу въ наслѣдство деревянный домъ въ Графскомъ (нынѣ Саперномъ) переулкѣ и небольшое имѣніе въ Новгородской губерніи.

О дѣтствѣ В. В-ча знаемъ мы немного. Читать научился онъ очень рано, не имѣя еще и шести лѣтъ отъ роду. Чтеніемъ занимался съ большою охотою, но читалъ не тѣ произведенія, которыя обыкновенно предназначаются для дѣтей, не дѣтскія повѣсти съ прописною моралью, а русскія народныя сказки, въ лубочныхъ изданіяхъ того времени—тетрадками, съ рисунками на каждой верхней половинѣ страницы для поясненія того разсказа, который помѣщенъ внизу. Съ ранняго, стало быть, дѣтства, когда полученныя впечатлѣнія не изглаживаются уже во всю жизнь, началъ В. В. пропитываться духомъ народности. Онъ разглядывалъ тѣже самыя картинки, которыя служили къ удовлетворенію эстетическаго чувства и для простаго народа, онъ развивалъ свое воображеніе тѣми же разсказами, какими утѣшается и масса народа, онъ поучался народною мудростію, проявлявшеюся въ сказкахъ. Словомъ, вступилъ въ духовное родство съ народомъ. „А разъ, и хотя въ чемъ бы то ни было породнившись съ народомъ, говорилъ по этому поводу В. В., мы ужь не будемъ ему чужды и во многомъ другомъ, да—и это еще важнѣе—не будетъ и онъ намъ чѣмъ-то постороннимъ и непонятнымъ. Искренно раздѣливъ съ простолюдиномъ его наслажденіе въ чемъ бы то ни случилось, освобождаемся мы и отъ того чувства мнимаго надъ нимъ превосходства, которое служитъ источникомъ множества глупыхъ дѣлъ и нелѣпыхъ сужденій въ образованныхъ слояхъ нашего общества" [1]). О впечатлѣніяхъ производимыхъ сказками въ дѣтствѣ, В. В., на основаніи личнаго опыта, высказался такъ: „Чтобы ни говорили о нелѣпости многихъ старинныхъ сказокъ нашихъ, и пусть даже сказки эти будутъ переводными, а не оригинальными, все же проникло въ нихъ много русскаго духа, и все же онѣ несравнительно занимательнѣе и питательнѣе для ума и воображенія, чѣмъ казенныя приключенія Машенекъ и Васинекъ дѣтскихъ книгъ новаго времени... Кто, выросши, помнитъ содержаніе нравственныхъ книжекъ, которыми дарили его въ дѣтствѣ по праздникамъ и въ именины, и кто забудетъ, если разъ читалъ или слышалъ о Жаръ-птицѣ и похожденіяхъ Ивашки

---

[1]) „О воспитаніи въ духѣ народности".

Синей-Рубашки? Не говорю уже о такихъ сказкахъ, какъ про Илью Муромца или про Акиндина: въ этихъ столько положено русскаго сердца и русскаго духа, что если въ ребенкѣ есть хотя капля настоящей русской крови, эта капля заиграетъ и закипитъ при чтеніи этихъ произведеній такъ сильно, что ощущеніе отъ того испытанное не только отзовется въ жизни при вызывающихъ случаяхъ, но и въ состояніи сообщить дѣтскому чувству никогда неизгладимую складку". Была и другая случайность, повліявшая на развитіе и укрѣпленіе въ ребенкѣ народнаго духа и безпредѣльной любви къ родинѣ: въ людской ихъ дома данъ былъ пріютъ бѣдной слѣпой старухѣ, сынъ которой нѣкогда служилъ подъ начальствомъ отца В. В-ча, спился и умеръ. „Старуха родомъ Москвичка—разсказывалъ о ней В. В.,—помнила коронацію императрицы Екатерины II, чуму московскую, казнь Пугачева, ходила не разъ на поклоненіе святымъ мѣстамъ въ Кіевъ, въ Соловки, и вообще по своему, по-бабьи, много видѣла и наслушалась на своемъ вѣку. Сидитъ бывало, слѣпая, на сундукѣ, набитомъ всякою дрянью и цѣлый день разсказываетъ безъ умолку о томъ, о другомъ, есть-ли кто въ людской, или нѣтъ, все равно. Я отъ шести до девяти лѣтъ былъ усерднымъ ея слушателемъ, и приписываю этому обстоятельству большое вліяніе на развитіе свое въ народномъ духѣ. Кіевъ и Соловки стали знакомы моему слуху и воображенію прежде, чѣмъ Парижъ или Лондонъ; раздольемъ народныхъ празднествъ нашихъ, какъ коронація, и ужасомъ народныхъ бѣдствій, какъ чума и Пугачевщина, чувства мои поражены были еще во всей ихъ свѣжести, прежде чѣмъ узналъ я о римскихъ циркахъ и Сицилійской вечернѣ. Такимъ образомъ, съ ранняго дѣтства научился я принимать къ сердцу не римскія и не греческія, а отечественныя событія, и на этотъ уже, твердо заложенный, фундаментъ легло послѣдующее знакомство мое съ всемірною исторіею, почему картины ея никогда уже не могли поразить меня съ силою, соотвѣтственною впечатлѣнію, испытанному въ младенчествѣ отъ разсказовъ очевидца о домашнихъ происшествіяхъ. Огорчаясь или радуясь всѣмъ, что происходитъ на Руси дурнаго или хорошаго, какъ бы происходило это въ собственной семьѣ моей и касалось до меня лично, я никогда не могъ принудить себя интересоваться преніями бельгійскихъ или сардинскихъ палатъ, никогда не хватался съ жадностію за послѣдній листокъ заграничной газеты. Непонятною и въ другихъ представлялась мнѣ эта общая у насъ внимательность къ чужимъ дѣламъ и пересудамъ, точно будто дома у насъ все передѣлано, обо всемъ передумано и остается только сѣсть на завалинку, да глазѣть на Божій міръ. Если

такое отсутствіе пустаго любопытства по моему, или невѣжественное безучастіе къ общечеловѣческимъ интересамъ, какъ назовутъ это иные —хорошо, то имъ обязанъ я именно этому раннему возбужденію моего вниманія къ тому, что близко мнѣ, въ чемъ словомъ или дѣломъ могу я принять участіе, а не къ тому что творится за тридевять земель, въ сферахъ никоимъ образомъ мнѣ не доступныхъ.

„Разсказы старухи дѣйствовали на меня тѣмъ сильнѣе, что наслажденіе слушать ихъ не обходилось даромъ. Замѣтивъ, что сынокъ не вертится гдѣ-нибудь подъ рукой, и зная куда влечетъ его „вредное“ любопытство, матушка нерѣдко самолично отправлялась въ людскую и за ухо возвращала преступника въ приличное общество, гдѣ почтенной наружности господа молча или горячась козыряли въ бостонъ или вистъ, а барыни съ увлеченіемъ разсуждали о бантикахъ и фалбалахъ. Куда какъ весело и поучительно было ребенку присутствовать молча при подобномъ препровожденіи времени, тогда какъ въ людской шли разсказы о похожденіяхъ Ивана Царевича, о царственномъ змѣѣ, о разрывъ-травѣ, и тому подобныхъ чудесахъ! Потому увлеченіе брало свое, и я опять, при первой удобной оказіи, пробирался къ старухѣ, которая сверхъ разсказовъ о видѣнномъ ею лично, обогащала память мою и передачею множества разныхъ разностей ею слышанныхъ. При этомъ впадали иногда въ рѣчь, прерывая токъ краснорѣчія разсказщицы своими замѣчаніями и разсказами, камердинеръ моего отца, ѣздившій съ нимъ когда-то въ Сибирь и наглядѣвшійся тамъ всякой всячины, и наемные кучера, которые, хотя и смѣнялись довольно часто, но всѣ почти почему то были большими повѣствователями. Публика эта научила меня множеству повѣрьевъ и близко познакомила со взглядами народа на все его окружающее. Какъ ребенокъ, весь этотъ матеріалъ принялъ я въ себя безъ всякой критики и вполнѣ имъ пропитался. Короче, развитіемъ своимъ въ народномъ духѣ и живымъ сочувствіемъ къ русскому человѣку обязанъ я—людской“.

И это вліяніе людской было такъ сильно, что ни взгляды общества, ни господствующія въ разныя времена ученія не могли сдвинуть В. В. съ занятой имъ позиціи. Дороги были В. В. его идеалы и онъ ни разу не измѣнилъ имъ.

II.

Первоначальное образованіе В. В. получилъ, можно сказать, дома. По свѣдѣніямъ, мною собраннымъ, хотя и былъ онъ опредѣленъ въ

Анненскую школу, но оставался тамъ не долго и курса не кончилъ. Своимъ поступленіемъ въ Университетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всею своею будущностію В. В. былъ обязанъ не столько отцу, сколько матери. Доступъ въ Университетъ для людей привиллегированнаго класса въ тѣ времена былъ очень легокъ, какъ по ученой подготовкѣ, такъ и относительно требованій возраста. „Большая часть моихъ товарищей—сознавался В. В.—вступила въ университетъ, какъ и я, съ такими неразвитыми понятіями и такимъ ничтожнымъ запасомъ положительныхъ свѣдѣній, что вспомнить совѣстно". Достаточно подготовленнымъ къ слушанію университетскаго курса оказался В. В. только по латыни, но у кого онъ учился латыни, мнѣ неизвѣстно; а что зналъ онъ этотъ предметъ и зналъ хорошо, свидѣтельствуется его письмами, писанными на латинскомъ языкѣ уже по выходѣ изъ университета, гдѣ этому языку не могъ онъ посвящать много времени. Въ 1831 году пятнадцати всего лѣтъ В. В. былъ принятъ въ университетъ на филологическій факультетъ, тогда называвшійся философскимъ, и приписался къ Восточному отдѣленію. Почему выбралъ онъ такую спеціальность, не могу я сказать, но видно, что выборъ сдѣланъ не случайно, безъ колебаній, и занимался В. В своимъ предметомъ съ увлеченіемъ. Восточное отдѣленіе было въ то время особенно труднымъ. Студенты его, кромѣ языковъ арабскаго, персидскаго и турецкаго, языковъ, не имѣющихъ никакого сродства между собою, обязаны были слушать всѣ прочіе предметы факультета, не пользуясь никакими льготами, никакими послабленіями. И чѣмъ больше были обременены занятіями студенты оріенталисты, тѣмъ большимъ числомъ предметовъ занимались они, по мимо даже лекцій, а потому весьма естественно представляли умственную и нравственную аристократію студенчества. Поступало туда не много, но кто поступалъ, тотъ долженъ уже былъ работать. А работать приходилось серьезно и много, такъ какъ безъ постоянныхъ занятій домашнихъ изученіе языковъ, какихъ бы то ни было, не мыслимо „Система преподаванія, сообщалъ В. В., состояла въ томъ, что текстъ объясняемаго писателя долженъ былъ переводить студентъ, профессоръ же только поправлялъ ошибки студента и комментировалъ текстъ въ филологическомъ отношеніи. Чтобы переводить въ теченіи двухъ часовъ лекціи (каждый день было по одной лекціи восточныхъ языковъ) тотъ или другой восточный текстъ, надо было посвятить на это отъ 5 до 7 часовъ домашняго приготовленія. Такимъ образомъ, въ продолженіи трехъ съ половиною лѣтъ пребыванія нашего въ университетѣ, почти каждый вечеръ занятъ былъ у насъ приготовленіемъ къ завтрашней лекціи во

сточныхъ языковъ. Днемъ не доставало на то времени: лекціи начинались въ 8 ч. утра и продолжались до 6 послѣ полудня, съ промежуткомъ 2 часовъ для обѣда. Положивъ по часу на утренній и вечерній чай, на путешествіе въ университетъ изъ дому и на возвращеніе оттуда домой (я, напримѣръ жилъ въ 4 слишкомъ верстахъ отъ университета) [1]) выходитъ, что на сонъ оставалось въ сутки не болѣе 5—7 часовъ, а на занятіе всѣми другими, кромѣ восточныхъ языковъ, предметами факультетскаго преподаванія—одно воскресенье. Между тѣмъ оріенталисты были всегда изъ первыхъ и въ этихъ предметахъ. Слѣдовательно, намъ некогда было бездѣльничать и мы по опыту знали, что значитъ *работать усидчиво*, *работать безъ развлеченія*. Много лѣтъ уже прошло съ тѣхъ поръ, а я и теперь не понимаю, какъ можно быть студентомъ и находить время танцовать на балахъ, любезничать въ гостинныхъ, кутить въ ресторанахъ, неистовствовать въ спектакляхъ. Не могу смотрѣть безъ отвращенія на такихъ господъ: въ нихъ должно быть нѣтъ ни искры любви къ знанію, ни тѣни стремленія пріобрѣсти его. И чѣмъ больше глубокомысленныхъ фразъ отпускаетъ такой юноша, тѣмъ онъ для меня гаже“ [2]). Постоянная работа въ теченіи университетскаго курса обратилась впослѣдствіи не только въ привычку, а прямо въ потребность. Но сущность еще не въ обиліи труда, а въ методѣ и системѣ занятій, чему В. В. придавалъ всегда большое значеніе. „Можно сидѣть за умственною работою съ ранняго утра до поздняго вечера—приводимъ слова В. В.—и все таки не научиться путно ничему, остаться ученикомъ на вѣки, безъ всякой возможности вытти въ мастера. Стоитъ только для этого, какъ многіе и дѣлаютъ, приняться за работу съ конца, т. е. усвоить себѣ послѣдніе результаты науки, и „потомъ слѣдить за успѣхами ея“, читая тьму журналовъ и обозрѣній. Этимъ способомъ ученость пріобрѣтается весьма скоро, и притомъ ученость эффектная, блистательная; жаль только, что она, какъ все фальшивое, непрочна, и, какъ все лишенное внутренней жизни, непроизводительна. Мы работали иначе: насъ заставляли учиться съ начала, съ азбуки, и шагъ за шагомъ проходить весь процессъ основательнаго пріобрѣтенія свѣдѣній со всѣми его трудностями, учили бороться съ ними безъ отдыха и побѣждать. Въ дѣлѣ воспитанія важно не то, чему учить,

---

[1]) Впослѣдствіи, когда В. В. вспоминалъ объ этихъ путешествіяхъ изъ дому въ Университетъ и обратно, онъ всегда прибавлялъ, что тутъ-то и сдѣлалъ онъ себѣ запасъ здоровья на старость.

[2]) Т. Н. Грановскій до его профессорства въ Москвѣ. Отд. от. стр. 52.

а какъ учить. Въ университетѣ ли, въ другомъ ли высшемъ учебномъ заведеніи, у насъ ли, за границею ли, учености пріобрѣсти нельзя; можно только узнать, какъ пріобрѣтаются свѣдѣнія, заложить фундаментъ, да изучить процессъ дѣла. Больше ничего и не нужно. Кто практически узналъ, какъ пріобрѣтаются основательныя свѣдѣнія въ одной сферѣ знаній, тотъ съумѣетъ пріобрѣсти ихъ и во всякой другой. Въ Западной Европѣ служитъ для этой цѣли изученіе классическихъ языковъ, между прочимъ потому, что оно трудно. Въ гимназіяхъ, коллегіяхъ, университетахъ заставляютъ писать латинскіе и греческіе стихи не за тѣмъ, чтобы это было полезно само по себѣ, могло пригодиться въ жизни, а потому единственно, что это и трудно, и скучно, но пріучаетъ побѣждать и скуку и трудности. А въ жизни, которая отъ начала до конца есть борьба съ препятствіями, борьба утомительная и скучная,—это самая важная, самая практическая наука. Учатъ латинской версификаціи, а изъ ученья этого выходятъ люди способные открывать планеты, предводительствовать арміями, выдумывать машины для фабрикъ и править машиною государства! Чѣмъ въ системѣ западнаго образованія служатъ классическіе языки, тѣмъ въ нашемъ университетскомъ курсѣ были для насъ восточные, и средство это, разсматриваемое какъ средство, было еще лучше. И греческій и латинскій принадлежатъ оба къ одной и той же семьѣ индо-германскихъ языковъ, сходны по духу и въ изученіи ихъ представляютъ почти одинаковыя трудности, слѣдовательно и однообразіе въ преодолѣніи этихъ трудностей. Восточные, которыми мы занимались, всѣ три, принадлежатъ напротивъ къ разнымъ семьямъ, семитической, индо-германской и чудской, кореннымъ образомъ отличающимся одна отъ другой, и потому каждый изъ нихъ представляетъ особыя трудности. Принявшись за турецкій языкъ, я ужъ порядочно понималъ по арабски и довольно легко читалъ по персидски; что-жъ? Трудности турецкаго синтаксиса такъ были для меня новы, такъ казались неодолимы, что едва ли хотя одно приготовленіе къ лекціи турецкаго языка въ теченіе первыхъ четырехъ мѣсяцевъ занятія имъ—обходилось мнѣ безъ слезъ, безъ горькихъ слезъ: я впадалъ въ отчаяніе, думая, что никогда не удастся мнѣ одолѣть связи оттоманскихъ дѣепричастій и ходить безъ профессорской нити по ихъ лабиринту . . . . Съ неменьшею вѣрностію истинѣ можно сказать, что не знаетъ тотъ прелести науки и цѣны ей, кому легко доставалась она, кто не пріобрѣталъ ея со слезами—не отъ розогъ, конечно—а отъ напряженія силъ въ борьбѣ съ препятствіями. Для насъ препятствія эти были тѣмъ значительнѣе, что для изученія арабскаго и турецкаго языковъ не имѣли мы

никакихъ пособій на отечественномъ языкѣ, и грамматиками и лексиконами этихъ языковъ должны были пользоваться изданными по латыни. Но за то и латынь перестала быть для насъ дичью, и рано привыкли мы обращаться съ грузными фоліантами европейскихъ тружениковъ XVI и XVII вѣка, такъ что, въ нѣкоторомъ отношеніи, учась восточнымъ языкамъ, мы въ тоже время и съ западомъ знакомились ближе, чѣмъ тѣ, которые узнавали его изъ учебниковъ. И такъ, мы учились прилежно, учились толкомъ, учились, не хватая одни вершки, а основательно, съ первыхъ началъ—какъ учится вся Западная Европа. Чтожъ вышло изъ того? Вышли два результата: во-первыхъ, *мы научились основательно, кое чему*, т. е. пріобрѣли основной капиталъ такихъ свѣдѣній, къ которымъ могли прививать дальнѣйшую начитанность органически, а не привязывать механическимъ образомъ, слѣдовательно—были въ состояніи работать для науки производительно, а не разсуждать только о наукѣ . . . . Во вторыхъ—*мы научились тому, какъ надо учиться*, узнали на дѣлѣ процессъ пріобрѣтенія основательныхъ свѣдѣній и получили недовѣріе къ достоинству свѣдѣній, пріобрѣтаемыхъ иначе“ [1]).

Вотъ что пріобрѣтали студенты Восточнаго отдѣленія, благодаря исключительно двумъ профессорамъ своимъ, Сенковскому, который „по громадности и разнообразію своихъ свѣдѣній, по проницательности ума и огромнымъ дарованіямъ вообще, былъ бы звѣздою первой величины въ сонмѣ ученыхъ первѣйшаго въ мірѣ университета и какой угодно въ свѣтѣ академіи“, и Шармуа, и это въ то время, когда преподаваніе всѣхъ другихъ предметовъ въ Университетѣ стояло очень невысоко. Григорьевъ, какъ и другіе студенты той же спеціальности, понимали кому они были обязаны своимъ развитіемъ и до конца дней сохраняли, здравствующіе сохраняютъ и теперь, благодарную память объ этихъ наставникахъ.

Съ какой энергіей принялся В. В. за дѣло будучи студентомъ, можемъ видѣть изъ того, что онъ выучилъ наизусть всю „Исторію Греціи“ Арсеньева, два порядочныхъ тома, единственно изъ личнаго усердія, такъ какъ профессора въ то время требовали только знанія ихъ записокъ и самостоятельнаго знакомства съ литературой совсѣмъ не поощряли. Объ университетскомъ преподаваніи и о профессорахъ 30-хъ годовъ В. В. подробно разсказалъ въ статьѣ о Грановскомъ, и повторять сказанное нѣтъ надобности. Замѣтимъ только, что съ конца 30-хъ го-

---

[1]) Тамъ же, стр. 53—58.

довъ обстоятельства измѣнились какъ разъ наоборотъ. Сенковскій охладѣлъ къ университету и рѣдко появлялся на лекціяхъ, почему Восточный факультетъ и сталъ падать, тогда какъ другіе обновились новымъ составомъ профессоровъ, и начало 40-хъ годовъ явилось едва ли не самымъ производительнымъ періодомъ въ жизни университета. Ни въ какой другой періодъ—говорилъ В. В.—не выпустилъ онъ столько замѣчательныхъ людей и въ наукѣ и въ литературѣ.

Съ дѣтства В. В. былъ окруженъ книгами, съ дѣтства научился уважать ихъ, скоро и самъ сталъ составлять собственную библіотеку по своему вкусу и своимъ потребностямъ. Нѣтъ ничего легче, какъ пристраститься къ собиранію и покупкѣ книгъ; а отсюда недалекъ переходъ къ желанію и самому печататься, и желаніе это осуществилъ В. В. еще студентомъ, что для того времени было явленіемъ крайне рѣдкимъ. Удобнѣе всего было начать переводомъ какого либо сочиненія съ иностраннаго языка. Въ университетѣ принялся В. В. за изученіе нѣмецкаго и англійскаго, французскій зналъ хорошо еще раньше. И вотъ, совмѣстно съ Грановскимъ и Ковалинскимъ задумалъ Григорьевъ перевести романъ Морьера Zohrab the hostage. Коллективный трудъ не удался. Только Григорьевъ и перевелъ одну XIII главу романа и напечаталъ ее въ „Сынѣ Отечества“ 1834 г., посвятивъ свой литературный опытъ М. Ф. Н-вой. Независимо отъ этого упражненія В. В. приступилъ и къ серьезной работѣ: онъ взялся перевести изъ Хондимировой „Эссенціи исторій“ отдѣлъ о Монголахъ и напечаталъ трудъ свой отдѣльною книгою въ томъ же 1834 г., съ посвященіемъ министру народнаго просвѣщенія, графу Уварову. За этотъ трудъ В. В., едвали не первый изъ студентовъ русскихъ университетовъ съ самого ихъ основанія, удостоился монаршаго вниманія, выразившагося пожалованіемъ ему золотыхъ часовъ.

Любовь къ посвященіямъ, обнаруженная В. В. съ самаго начала его литературной дѣятельности и вскорѣ же пресѣкшаяся, возродилась снова уже въ преклонныхъ лѣтахъ его. Пріемы и вкусы юности очень часто отражаются въ старости, и при томъ еще въ болѣе сильной степени.

По счастливой случайности В. В. поступилъ въ университетъ въ то время, когда въ стѣнахъ его стали раздаваться рѣчи о значеніи народности, о необходимости прислушиваться къ ея голосу. Подготовленный съ дѣтства къ воспріятію этихъ идей, тогда еще довольно новыхъ, В. В. проникался ими гораздо сильнѣе своихъ товарищей. То, что чувствовалъ онъ раньше безотчетно, стало теперь облекаться въ стройныя, опредѣленныя формы.

Въ іюнѣ 1834 года В. В. окончилъ университетскій курсъ со

степенью кандидата. Еще во время студенчества около Григорьева сплотился небольшой кружокъ товарищей разныхъ факультетовъ и разныхъ спеціальностей. Тутъ были: П. С. Савельевъ, Т. Н. Грановскій, П. П. Ершовъ, М. И. Ковалинскій, А. И. Булгаковъ, В. В. Голенищевъ-Кутузовъ. Впослѣдствіи пріятельскій кружокъ этотъ нѣсколько измѣнился: одни уѣхали къ мѣсту служенія своего, другіе рѣшились отправиться за границу, чтобы продолжать свое образованіе; на мѣсто ихъ явились новые: воспитанникъ Московскаго университета Я. М. Невѣровъ, съ которомъ В. В. познакомился въ редакціи „Ж. Мин. Нар. Пр.", а черезъ него пристали къ кружку: К. В. Ржевскій, П. Я. Петровъ (оріенталисть), затѣмъ поэтъ В. Г. Бенедиктовъ, и другіе. Вообще В. В. отличался рѣдкою привязанностью къ тѣмъ, съ кѣмъ сходился, а сходился онъ необыкновенно легко, и по своей чрезвычайно общительной натурѣ легко пріобрѣталъ друзей. Привязанность его происходила, быть можетъ, отъ того, что дома, по смерти матери, некому было излить свои чувства и подѣлиться своими радостями, впечатлѣніями или надеждами. Потребность побесѣдовать и поболтать удовлетворялась на товарищескихъ сходкахъ, преслѣдовавшихъ самыя невинныя цѣли.

„Пріятельскій кружокъ—приводимъ слова В. В.—собирался нерѣдко in pleno у того или другаго изъ его членовъ. Собравшись, толковали о всякой всячинѣ, de omni re scibili et quibusdam aliis, въ особенности о послѣднихъ, — міръ духовъ и привидѣній былъ почти постояннымъ предметомъ разсказовъ, соображеній и догадокъ,—но толковали иначе, нежели послѣдовавшія за нами университетскія поколѣнія. Мы вообще были мало развиты умственно, и ни начитанностію, ни особымъ участіемъ къ предметамъ университетскаго преподаванія не отличались. Къ этому надо прибавить, что мы или вовсе не читали газетъ, или заглядывали въ нихъ случайно; стало быть, политика никоимъ образомъ не могла давать пищи нашимъ разглагольствованіямъ: парижская палата депутатовъ и ея ораторы, какъ бы вовсе для насъ не существовали. Кромѣ того, большинство изъ насъ не знало по нѣмецки, или если и искусилось въ этомъ языкѣ, то все таки съ философскою дѣятельностію Германіи нисколько не было знакомо: про Гегеля едвали и слухъ до насъ доходилъ, но не многимъ болѣе знали мы, кажется, и про Шеллинга, и про весь сонмъ Германскихъ философовъ, начиная съ Канта. Труды протестантскихъ богослововъ не были извѣстны намъ даже по заглавіямъ. Фр. Шлегель съ его исторіею литературы представлялся для насъ апогеемъ философской глубины и туманности. При такой

непривычкѣ къ умствованію, къ отвлеченностямъ, къ разсматриванію явленій въ ихъ идеѣ, даже о томъ немногомъ, что занимало насъ, толковали мы спроста, судя болѣе по голосу чувства, чѣмъ разсудка, почему и восхищались и бранили довольно безотчетно. Но чувство, въ особенности чувство нравственное, было у большинства изъ насъ—и, кажется, не къ худу — гораздо чутче, чѣмъ въ преемственныхъ намъ поколѣніяхъ. Явленія, на которыя теперешняя молодежь смотритъ холодно съ высоты своей пантеистической разумности, поворачивали въ насъ всю внутренность. Не умѣли мы горячиться о гуманности, но за то были весьма гуманны въ дѣйствительности. Не стремились опредѣлить въ чемъ заключается русская народность, но глубоко сознавали себя дѣтьми Русской земли, потому что любовь къ отечеству была для насъ не фразой, а живымъ чувствомъ; космополитизмъ же не только внушалъ отвращеніе, но былъ даже недоступенъ нашему разумѣнію. Почти весь кружокъ писалъ и печатался; но чтенія своихъ произведеній въ кружкѣ, какъ служащія единственно къ развитію мелочнаго тщеславія, подвергнуты были неумолимому остракизму; нигдѣ и никогда, быть можетъ, не приходилось авторамъ слышать о произведеніяхъ своихъ такихъ горькихъ истинъ, какими угощали мы другъ друга. Страсть къ щелчкамъ по литературному самолюбію не имѣла для насъ мѣры. Нѣкоторые нарочно печатали злости и несправедливости противу любимѣйшихъ пріятелей своихъ—и чего не бываетъ на свѣтѣ!—пріятели не ссорились, а хохотали надъ такими выходками, стараясь только, при случаѣ, отплатить тою же монетою" [1]). Въ силу такого обыкновенія Савельевъ и назвалъ печатно „Исторію Монголовъ" Григорьева скучнѣйшею, послѣ исторіи Тибета о. Іакинѳа, книгою; но такой отзывъ не охладилъ пріязни этихъ двухъ друзей [2]). У членовъ кружка выработалось и другое правило: если проврался въ чемъ, такъ имѣй мужество сознаться въ томъ, когда укажутъ.

---

[1]) Т. Н. Грановскій до его профессорства въ Москвѣ. Отд. от. стр. 19—20, 25—26.

[2]) Въ одномъ, наполненномъ всевозможной болтовней, письмѣ къ Грановскому, автору „Судебъ Еврейскаго народа", В. В. преподнесъ ему такую любезность въ духѣ товарищества: «Знаешь, Грановскій, отчего я напоролъ такую чушь? Оттого, душа моя, что только что сейчасъ прочиталъ статью въ Биб. д. чтен. „О судьбахъ Еврейскаго народа". Оно, нечего сказать, поздненько прочитано; но отъ того статья сдѣлалась гораздо лучше въ моихъ глазахъ: извѣстно, что всякая глупость чѣмъ дольше живетъ въ мірѣ, тѣмъ дѣлается знаменитѣе. Твоя статья не старѣе двухъ лѣтъ, а мнѣ показалась такою древнею, такою древнею, что ухъ! знаменитости ея я и конца не видѣлъ». Впослѣдствіи Ершовъ, вспоминая жизнь въ Петербургѣ, писалъ В. В-чу: «Поднимемъ изъ памяти петербуржскую нашу жизнь съ ея пирами, бесѣдами и импровизаціями. Этотъ неистощимый запасъ остротъ и воздыханій нисколько не трогающихъ самолюбія».

Нѣкоторые изъ членовъ кружка пробовали свои силы въ сочиненіи стиховъ. Не отсталъ отъ нихъ и В. В. Страсть тогдашней молодежи къ стихотворству вызвана была, если не ошибаемся, поэтическими произведеніями Пушкина, а въ Григорьевскомъ кружкѣ возбужденіе это должно было быть тѣмъ сильнѣе, что одинъ изъ товарищей, П. П. Ершовъ, еще на университетской скамьѣ прославился на всю Россію своею сказкою въ стихахъ. Сохранились и у В. В. стихотворныя попытки его юности и, надо сказать, попытки довольно неудачныя. Впрочемъ, переводы стихами съ восточныхъ языковъ выходили лучше. Таковы переводы В. В. совмѣстно съ Савельевымъ [1]) двухъ стихотвореній на персидскомъ и турецкомъ языкахъ мирзы Джафара Топчибашева: „На памятникъ Императору Александру I-му." (Спб. 1835 г.), таковы ненапечатанные переводы разныхъ газелей, одной маоллаки. Впрочемъ, кто же тогда на Руси не начиналъ своей литературной дѣятельности стихотворствомъ? Такое ужъ это поэтическое было время.

Приводимъ одно стихотвореніе В. В., написанное имъ уже по выходѣ изъ университета:

Нѣтъ, не клейми, поэтъ, ты наше поколѣнье
Стихомъ закованнымъ въ насмѣшку и презрѣнье:
Не такъ презрительна, какъ горестна его судьба!
То не его вина, что мудрымъ Провидѣньемъ
За прадѣдовъ грѣхи, со знаньемъ и сомнѣньемъ
Ему назначена жестокая борьба.
Что сгнившихъ пней мы отрасли хилые
И рано отцвѣли, и ляжемъ въ гробъ живые;
Что дали намъ отцы не тѣло и не кровь,
Вскормили насъ не вѣрой и надеждой,
А гноемъ ранъ своихъ покрыли какъ одеждой
И егоизмомъ задушили въ насъ любовь.
На нихъ падетъ отвѣтъ, что въ насъ отъ колыбели
И чувство и восторгъ они сдавить хотѣли,
Изъ древа знанія выцѣживали ядъ
И юности мечты во цвѣтѣ отравили
И силы творчества и жаръ души убили
И пламя жизни обратили въ чадъ.

Далѣе разобрать невозможно, но въ заключеніе говорится, что хотя и жалки мы, но потомки не осудятъ насъ за отцовъ. Въ другомъ стихотвореніи, начинающемся признаніемъ, что на зарѣ весны своей постигъ онъ жизни пустоту,

Ничтожество великихъ міра,
Богатствъ безсчетныхъ нищету
И пресыщеніе земнаго пира—

[1]) Насколько помнится, одно стихотвореніе, если не ошибаюсь — съ турецкаго, переведено исключительно Григорьевымъ.

В. В. продолжаетъ:

Съ тѣхъ поръ не вѣрю людямъ я,
Не вѣрю ихъ словамъ и ласкѣ,
И только вамъ, мои друзья,
Являюсь такъ какъ есть, безъ маски.
Вы замѣнили для души моей
Любовь красавицъ, славу, злато;
Вамъ, вамъ однимъ—и безъ возврата
Я отдалъ счастье жизни всей!

Это стихотвореніе прекрасно рисуетъ понятія В. В. о святости дружбы, этой всегда очень чувствительной струны его.

III.

Молодому 18-ти-лѣтнему кандидату предстояло избрать родъ службы. У оріенталистовъ въ то время, если хотѣли они идти по своей спеціальности, было только двѣ дороги: дипломатическая и ученая, т. е. приготовленіе къ профессурѣ. В. В. выбралъ первую. Но получить мѣсто въ какой-либо миссіи на востокѣ можно было, только пройдя чрезъ Институтъ восточныхъ языковъ при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ.

Въ октябрѣ 1834 года, Григорьевъ и Савельевъ поступили въ Институтъ и приняли установленную присягу, такъ какъ время пребыванія въ этомъ институтѣ считалось уже государственною службою. Тутъ скоро оказалось, что неразлучные друзья ошиблись, они не имѣли никакого призванія къ дипломатіи, и фальшивое ихъ отношеніе къ институту не замедлило выразиться тѣмъ, что сами они мало занимались дѣломъ, да и другимъ мѣшали заниматься. Тѣмъ не менѣе, за познанія, оказанныя въ восточныхъ языкахъ, В. В. былъ Всемилостивѣйше награжденъ въ маѣ 1835 года брилліантовымъ перстнемъ.

Отъ прямыхъ своихъ занятій Григорьевъ и Савельевъ были отвлечены и еще однимъ обстоятельствомъ. Плюшаръ задумалъ тогда грандіозное предпріятіе—изданіе энциклопедическаго лексикона, при участіи, въ качествѣ одного изъ главныхъ редакторовъ, Сенковскаго; а послѣдній пригласилъ въ сотрудники по отдѣлу востоковѣдѣнія Григорьева и Савельева. О Плюшаровскомъ лексиконѣ говорилось довольно много и значеніе его въ исторіи нашего просвѣщенія выяснено достаточно. По отношенію же къ В. В. онъ способствовалъ сближенію его съ Сенковскимъ, котораго руководительство и совѣты въ работахъ не могли остаться для В. В. безслѣдными; наконецъ, чрезъ лексиконъ познакомился онъ почти со всѣми представителями литературы 30-хъ годовъ.

Частыя сношенія В. В. съ Сенковскимъ дали послѣднему возможность вполнѣ оцѣнить способности своего бывшаго ученика и принять участіе въ устройствѣ его будущности. Своими изслѣдованіями по части древнѣйшей русской исторіи и многочисленными статьями о магометанскомъ востокѣ В. В. обратилъ на себя вниманіе графа Сперанскаго и графа Уварова, которые совѣтывали ему посвятить себя профессорской дѣятельности. Ободренный такимъ высокимъ покровительствомъ, В. В. рѣшился измѣнить родъ службы.

Въ мартѣ 1836 г. уволился онъ изъ института, а черезъ два мѣсяца былъ причисленъ къ петербургскому университету срокомъ на три года для усовершенствованія въ восточныхъ языкахъ, съ порученіемъ преподавать въ немъ персидскій языкъ и съ производствомъ содержанія по 1500 руб. въ годъ изъ экономическихъ суммъ университета. Сдѣлавшись членомъ профессорскаго института, какъ называлась тогда общность кандидатовъ всѣхъ русскихъ университетовъ, приготовлявшихся къ профессорскому званію, В. В. поступилъ уже оффиціальнымъ образомъ подъ руководство Сенковскаго и долженъ былъ представлять по полугодіямъ отчеты о своихъ занятіяхъ, что тогда наблюдалось очень строго. А затѣмъ ему предстояло путешествіе съ ученою цѣлію въ западную Европу и переднюю Азію.

За это время В. В. успѣлъ напечатать, кромѣ 20 оригинальныхъ и 76 переводныхъ статей въ энциклопедическомъ лексиконѣ Плюшара (т. I—IV), нѣсколько крупныхъ, въ разныхъ журналахъ. Въ „Журн. Мин. нар. просв.“ 1835 г. появилось его изслѣдованіе о древнихъ походахъ Руссовъ на востокъ, объ образѣ правленія у Хазаровъ; въ „Сынѣ Отечества“ напечаталъ онъ обзоръ политической исторіи Хазаровъ; наконецъ, онъ представилъ цѣлый рядъ рецензій на разныя книги, относящіяся къ востоковѣдѣнію и изданныя въ Россіи, причемъ, соблазняясь примѣромъ Сенковскаго, сталъ подписываться двумя, имъ придуманными, псевдонимами: Мирзою Меликомъ и Изафети Маклубомъ. Виновникомъ послѣдняго былъ профессоръ Шармуа, особенно строго наблюдавшій за этимъ синтаксическимъ правиломъ персидскаго языка. Выходитъ, стало быть, что В. В. брался за разработку такихъ вопросовъ, которые имѣли близкое отношеніе къ русской исторіи, но въ то же время требовали оріентальныхъ свѣдѣній. Главный редакторъ энц. лек. Шенинъ, предложилъ В. В. читать всеобщую исторію въ Павловскомъ училищѣ, котораго онъ былъ директоромъ. В. В. согласился и написалъ даже вступительную лекцію о значеніи всеобщей исторіи, но предположенное опредѣленіе не состоялось.

Кромѣ Сенковскаго В. В. сблизился съ академикомъ Френомъ, человѣкомъ рѣдкой доброты и изумительнаго трудолюбія, принимавшимъ самое горячее участіе въ судьбѣ и занятіяхъ нашихъ молодыхъ оріенталистовъ. Самъ страстно привязавшись къ нумизматикѣ, Френъ заботился привлечь молодыя силы къ этой отрасли вѣдѣнія, занявшей теперь почетное мѣсто въ исторіи и археологіи, и возлагалъ въ этомъ случаѣ большія надежды на В. В. и даже думалъ сдѣлать его своимъ преемникомъ въ академіи. Но нумизматическія занятія В. В. подъ руководствомъ Френа шли довольно туго, и только впослѣдствіи Френъ съ гордостію могъ сказать, что труды его не пропали даромъ, какъ не пропали даромъ и по отношенію къ другимъ ученикамъ его. Цѣлая школа нумизматовъ создана у насъ Френомъ.

Въ началѣ 1836 г. оріенталистъ Жоберъ, отъ имени парижскаго Азіатскаго общества, обратился въ наше посольство въ Парижѣ, съ просьбою указать ему въ Россіи для общества лицо, которое, въ качествѣ члена-корреспондента, сообщало бы ему все, что выходитъ у насъ новаго по части востоковѣдѣнія. А. И. Бутовскій указалъ Мейендорфу, нашему посланнику въ Парижѣ, на Григорьева. В. В. съ полною готовностью предложилъ свои услуги парижскому азіатскому обществу и сдѣлалъ какія-то условія и обѣщанія, которыя „весьма понравились членамъ общества“, а затѣмъ по порученію общества принялся за составленіе краткой лѣтописи о Восточной литературѣ въ Россіи за послѣдніе годы и о современномъ состояніи у насъ преподаванія восточныхъ языковъ. Но почему-то планы разстроились, и въ члены-корреспонденты парижскаго азіатскаго общества тогда В. В. не попалъ.

Съ переходомъ въ университетъ, открылось В. В-чу новое поле дѣятельности. Но готовясь занять высокую должность профессора, не могъ онъ въ то же время не чувствовать большихъ въ своемъ образованіи пробѣловъ, которые необходимо предстояло ему пополнить. Труда онъ не боялся, а съ умѣньемъ, пріобрѣтеннымъ въ университетѣ, толкомъ приниматься за изученіе того или другаго предмета, В. В. дѣйствительно скоро расширилъ свои свѣдѣнія. Прежде всего онъ сталъ знакомиться съ трудами иностранныхъ оріенталистовъ, затѣмъ приступилъ къ изученію писателей новой тогда исторической школы: Гизо, обоихъ Тьерри, Сисмонди, Деппинга и др. Исторія сдѣлалась, такимъ образомъ, главнымъ предметомъ занятій В. В., и Сенковскій поддерживалъ въ немъ это направленіе, даже и тему для изслѣдованія выбралъ историческую, какъ сейчасъ увидимъ. Дѣло шло хорошо, какъ съ В. В. случилось несчастье: лѣтомъ 1836 г. онъ заболѣлъ воспаленіемъ горла, а къ осени

болѣзнь усилилась до такой степени, что съ сентября по декабрь не могъ онъ выходить изъ дому и даже долго спустя, почти годъ, пришлось ему непрерывно лѣчиться. „Горло мое залѣчили", говорилъ по этому случаю В. В., получившій съ того времени большое недовѣріе къ докторамъ. Такъ на всю жизнь и остались у В. В. слѣды этой болѣзни, поразившей хрипотой его голосъ.

Единственнымъ развлеченіемъ для В. В. въ это время были посѣщенія друзей и занятія, которыхъ онъ не оставлялъ. „Мнѣ такъ худо— писалъ онъ въ запискѣ къ Савельеву — что ужасъ: ставили къ шеѣ піявки, на спину мушку, говорю неиначе какъ шепотомъ, да и то запрещено", но въ то же время просилъ прислать ему Penny Cyclopedia для справокъ при составленіи статей для лексикона Плюшара.

Сенковскій принялъ самое сердечное участіе въ положеніи В. В. и письменно сталъ давать совѣты, какъ поступать ему въ отношеніи къ университету и своимъ занятіямъ. „Да, увѣдомьте ректора— писалъ Сенковскій—что вы еще нездоровы и что докторъ вамъ говоритъ— что нужно еще нѣсколько мѣсяцевъ поберечь свой голосъ. О томъ, нужно ли назначить кого нибудь вмѣсто васъ на время болѣзни вашей, нечего говорить и не нужно, но вы должны прибавить — что вы не тратите напрасно времени своего безмолвія, и что О. И. Сенк. назначилъ вамъ занятіе. Теперь благоволите мнѣ сказать, что вы дѣлаете, что вы можете дѣлать, что начали дѣлать, что бы хотѣли дѣлать. Я долженъ и обязанъ дать вамъ упражненіе. Чтобы показать, что вы занимаетесь чѣмънибудь восточнымъ, я обдѣлалъ часть вашей статьи о Булгарахъ и велѣлъ напечатать ее въ Б. для Ч. По крайней мѣрѣ попечитель и Уваровъ увидятъ, что вы трудитесь, хоть и хвораете. Пишите ко мнѣ почаще" (3 іюля 1836 г.). Въ другой разъ, въ концѣ 1836 г., Сенковскій писалъ: „Что касается до вашихъ занятій, то я желаю, и нужно непремѣнно, чтобы вы выбрали себѣ какой нибудь историческій вопросъ для изученія, изслѣдованія и обдѣланія. Я предлагаю вамъ взять вопросъ предложенный нѣкогда Академіей Наукъ, именно исторію Золотой Орды. Мы поговоримъ объ этомъ словесно, между тѣмъ изучайте источники. Я прошу васъ написать къ г. Френу о томъ, что я предложилъ вамъ это занятіе, которое естественно должно быть занятіемъ извѣстной части жизни вашей, лѣтъ пяти, шести или пожалуй, десяти, и можетъ издаваться, или по крайней мѣрѣ быть представляемо или показываемо по частямъ, въ удостовѣреніе вашего ученаго трудолюбія. Напишите къ Френу, что вы больны, но можете заниматься; что вы просите его наставленія, руководства, свѣту, пособія. Надо, любезный Василій Василье-

вичъ, опредѣлить себѣ цѣль какую нибудь, предметъ ученой жизни Статейки лексиконныя могутъ только служить вамъ развлеченіемъ полезнымъ, а сочиненіе важное, основательное, продолжаемое съ постоянствомъ, совѣстливо, упрямо даже, должно быть угловымъ камнемъ жизни, посвящаемой наукѣ. Я прошу васъ писать ко мнѣ почаще и увѣдомлять о томъ, что вамъ отвѣтитъ г. Френъ, какіе дастъ вамъ совѣты и пособія, и требовать отъ меня другихъ, дополнительныхъ. Нѣкоторые утверждаютъ, что вы непостоянны въ своихъ начинаніяхъ, и начальству вашему кто-то внушаетъ это опасеніе. Надо его опровергнуть; пособите мнѣ опровергнуть его. Вы найдете во мнѣ всегда помощь и защиту, пока онѣ нужны, но дайте мнѣ средства или поводъ къ этому вашимъ трудолюбіемъ и серьезнымъ уразумѣніемъ своего призванія. Вамъ душевно преданный Сенковскій“.

Заманчивая тема, предложенная Сенковскимъ, сразу увлекла В. В., и въ отчетѣ о своихъ занятіяхъ, представленномъ Сенковскому въ январѣ 1837 года, онъ, переходя къ этому предмету, писалъ: „На нынѣшнее полугодіе предполагаю заниматься, по предложенію вашему, изученіемъ матеріаловъ для исторіи Золотой орды, по всѣмъ источникамъ европейскимъ и азіятскимъ, съ тѣмъ, чтобы со временемъ написать эту исторію и обдѣлать монгольскій періодъ русской исторіи съ новой и настоящей точки зрѣнія, которую вы сами мнѣ указываете. Г. Френъ весьма одобряетъ это занятіе, которое должно доставить мнѣ источникъ полезнаго труда лѣтъ на десять и болѣе, и обѣщалъ содѣйствовать съ своей стороны всѣми мѣрами къ моему успѣху. Я приступилъ уже къ Золотой ордѣ, начавъ изученіе персидскаго источника Рашидъ эд-Дина по рукописи, хранящейся въ библіотекѣ И. Академіи Наукъ“. За 1836 г. В. В. успѣлъ напечатать только некрологъ Булгакова въ С.-Петерб. Вѣдомостяхъ (вмѣстѣ съ Савельевымъ), 14 оригинальныхъ и 65 переводныхъ статей въ энц. лексиконѣ Плюшара (томы V—VII). Усиленныя занятія по лексикону, какъ въ этотъ, такъ и въ слѣдующій годъ, объясняются тѣмъ, что В. В. во время болѣзни крайне нуждался въ деньгахъ, а работы по лексикону оплачивались для того времени очень хорошо; но въ это-же время книжки лексикона стали выходить не совсѣмъ исправно, а деньги выплачивались и совсѣмъ туго.

Лѣтомъ 1837 года В. В. совершилъ поѣздку въ Москву, расчитывая перемѣной климата поправить свое горло. Истый петербуржецъ, ничего не видавшій кромѣ своего города, теперь впервые увидалъ настоящую Россію и въ каждомъ встрѣчавшемся на пути городѣ поражался разными еще незнакомыми ему явленіями русскаго быта и русскихъ поряд-

ковъ. Со всѣми дорожными впечатлѣніями дѣлился онъ съ Савельевымъ въ письмахъ. О московскихъ впечатлѣніяхъ онъ писалъ ему: „Ты спросишь, какова мнѣ показалась Москва? Славная вещь эта Москва, глупая вещь эта Москва! Здѣсь, мнѣ кажется, всѣ обманываются и обманываютъ другъ друга: ѣдятъ, пьютъ, ничего не дѣлаютъ, играютъ въ карты, ѣздятъ на гулянье и воображаютъ, что живутъ и наслаждаются жизнію; гостепріимны не отъ сердца, а потому, что Москва славится гостепріимствомъ; кричатъ во всю мочь: Ахъ! Франція... Страны нѣтъ лучше въ мірѣ! Набираютъ учителей: числомъ поболѣе, цѣною подешевле; вообще оправдываютъ каждую строку Грибоѣдова. Здѣсь все обманъ: говорятъ Тверскія ворота, Арбатскія ворота; глядишь: нѣтъ никакихъ воротъ. Тебѣ слышатся звуки, похожіе на французскіе, прислушайся: это Нижегородское патуа этого языка (. . . .) [1]). Нѣтъ не по сердцу мнѣ пришлась Москва живая, и теперь только я начинаю понимать цѣну той Европейской холодности Петербурга, которою укоряютъ его Москвичи. Зато много, много души въ Москвѣ бездушной — въ ея царственномъ Кремлѣ, въ ея древнихъ памятникахъ, чудныхъ соборахъ, очаровательныхъ монастыряхъ. О, если бы можно было перенести въ Петербургъ ея громадный Кремль, чудную архитектуру ея церквей, очаровательную красоту ея башенъ, ея легкихъ красивыхъ колоколенъ! Я бы не выѣхалъ тогда изъ Петербурга: все бы глядѣлъ на эти пышные куполы, на блестящіе кресты храмовъ Божіихъ, на высокіе терема древнихъ царей Русскихъ, глядѣлъ и окаменѣлъ бы въ восторженномъ созерцаніи. И въ этихъ-то стѣнахъ, по среди этихъ памятниковъ народной жизни, самобытной, свѣжей, родной прозябаетъ отродье полуфранцузовъ по легкомыслію, полутатаръ по невѣжеству“! Такъ поразили двадцатилѣтняго юношу Московскія древности. Въ другомъ письмѣ В. В. говорилъ и о своихъ пріобрѣтеніяхъ: „Ну, Савка, какихъ я книгъ купилъ; все въ листъ, да въ четверку. Толстыя, жирныя, старыя, въ пыли, проѣденныя мышами; зато все Quellen, не меньше! Все въ кожанныхъ переплетахъ, крѣпкія, не маранныя книги. Еслибъ было денегъ побольше, можно бы много хорошихъ пріобрѣтеній сдѣлать. Да жаль, что карманъ широкъ, а денегъ то въ немъ іокъ. То-то наша кручина, а то бы мы всѣмъ молодцы“. (Изъ письма отъ 22 іюня 1837). Въ то-же время онъ писалъ Я. М. Невѣрову: „Я отправился въ Москву, чтобы хоть на здоровьѣ выиграть, и кажется въ этомъ

[1]) Точки, помѣщенныя въ скобкахъ, означаютъ, какъ въ этомъ мѣстѣ, такъ и въ слѣдующихъ, нами выпущенныя фразы въ письмахъ.

случаѣ не останусь въ убыткѣ. Голосъ обѣщаютъ здѣсь возвратить мнѣ посредствомъ какой-то гальванической продѣлки—новаго средства, изобрѣтеннаго въ Москвѣ какимъ-то докторомъ, но и безъ этихъ штукъ одна перемѣна воздуха принесла мнѣ уже нѣкоторое облегченіе; не такое благопріятное дѣйствіе имѣла Москва на мою духовную сторону. Сумма здѣшнихъ непріятностей превзошла далеко небольшое число удовольствій, которыя выпали на мою долю. Во-первыхъ, Станкевичей я не нашелъ въ Москвѣ: они уѣхали въ деревню, во-вторыхъ, тѣ, которые не уѣхали въ деревню, разбрелись по дачамъ, гдѣ мнѣ мало охоты ихъ отыскивать. Такимъ образомъ изъ тѣхъ Москвичей, къ которымъ я былъ тобою рекомендованъ, я не видалъ никого, а другіе Москвичи и Москвички, которыхъ я вижу здѣсь, и которые не принадлежатъ къ числу твоихъ знакомыхъ, произвели на меня не слишкомъ выгодное впечатлѣніе: я слишкомъ гордъ для московскаго общества, слишкомъ независимъ въ правилахъ, рѣзокъ въ мысляхъ и выраженіяхъ". Далѣе, описывая Кремль, „символъ величія и славы Россіи", В. В. говорилъ: „я долженъ былъ съ усиліемъ крѣпиться, чтобы слезы восторга, вызванныя созерцаніемъ новаго, поразительнаго зрѣлища, не брызнули изъ глазъ и не передали тайны моей чувствительности холоднымъ спутникамъ моимъ и спутницамъ, которые умѣютъ только охать отъ восторга при словѣ Франція, живутъ среди памятниковъ народной славы и съ презрѣніемъ, съ дѣтскимъ легкомысліемъ топчутъ ее, попираютъ и святотатственными рѣчами сквернятъ достоинство имени Русскаго! (. . . . .). Очень хотѣлось бы мнѣ увидаться съ Бѣлинскимъ, но не знаю гдѣ его найти. Думаю, что общество его облегчило бы хотя нѣсколько тяжесть, которая свинцомъ лежитъ у меня на душѣ. Когда уѣхалъ Бутовскій, уѣхалъ Грановскій, уѣхалъ Ершовъ, уѣзжалъ ты, для меня все еще оставалось въ Петербургѣ много роднаго, много людей, съ которыми я могъ подѣлиться всѣми мыслями, чувствами и желаніями, залѣзавшими въ безталанную мою головушку и въ безтолковое сердце, людей, которымъ не чужды были ни мои радости, ни мои горести, ни мои надежды на будущее, ни воспоминанія о прошедшемъ,— и я не скучалъ; теперь я въ первый разъ въ жизни отдѣлился отъ всего близкаго ко мнѣ по душѣ. Впечатлѣнія, которыми обогатитъ меня Москва, я думалъ передать въ Москвѣ-же людямъ, которымъ понятна всякая мысль человѣческая, которыхъ сердце отзовется на каждое чувство, какое только можетъ запасть въ грудь разумнаго созданія; я не нашелъ этихъ людей, а то, что я видѣлъ, что я слышалъ, давитъ меня, гнететъ. Не въ то общество попалъ я въ Москвѣ, котораго искалъ.

Я не слыхалъ еще двухъ словъ о чемъ нибудь благородномъ, высокомъ, ни одной мысли, которая бы оплодотворила почву души; все вѣчный говоръ о политикѣ, о томъ, что такой-то получилъ то-то, такой-то купилъ то-то, что N выигралъ, а Z проигралъ. Право, это стоитъ армейскихъ разговоровъ о . . . . . и помѣщичьихъ о собачьихъ породахъ"! (Изъ письма отъ 23 іюня).

Новый міръ, въ который попалъ В. В. въ Москвѣ, подѣйствовалъ на него такъ сильно, что онъ хотѣлъ—было тотчасъ вернуться въ Петербургъ, но потомъ онъ отыскалъ Ржевскаго и черезъ него познакомился съ людьми, которыхъ искалъ: съ Клюшниковымъ, профессоромъ древней исторіи, философія и умъ котораго произвели на В. В. большое впечатлѣніе, съ Лихонинымъ, человѣкомъ необыкновенно живымъ и болтливымъ, съ Бодянскимъ и Оглобинымъ, съ Вельтманомъ и наконецъ съ Погодинымъ.

Авторъ „Изслѣдованій" всегда отличался общительностію и способностью извлекать всякую пользу изъ своихъ знакомыхъ. Поспѣшилъ онъ обратить и В. В. въ своего коммиссіонера въ Петербургѣ, преимущественно по книжной части. Коммиссіонеромъ В. В. оказался довольно исправнымъ, вслѣдствіе чего между нимъ и Погодинымъ завязалась частая переписка, а впослѣдствіи эти отношенія приняли и другой характеръ, чисто дружескій.

Съ лѣта 1837 года, по случаю отъѣзда за границу г. Невѣрова, передъ поѣздкой В. В. въ Москву, началась у послѣдняго очень оживленная переписка съ заграничными друзьями. Грановскій уѣхалъ въ Германію еще весною 1836 года, но передъ отъѣздомъ не исполнилъ одной, въ сущности очень пустой, просьбы Григорьева, не написалъ ничего на память въ альбомъ, что было въ большой модѣ въ 20-хъ и 30-хъ годахъ, а сказалъ, что дѣло сдѣлано. В. В. разсердился и не писалъ Грановскому послѣ того цѣлый годъ, тотъ также молчалъ, и только когда г. Невѣровъ поѣхалъ заграницу, В. В. отправилъ съ нимъ письмо къ Грановскому съ объясненіемъ причины разрыва, гдѣ между прочимъ писалъ: „Вы знали мою слабую сторону—раздражительность чувства . . . вы должны были щадить меня въ этомъ отношеніи. Я просилъ только оставить въ покоѣ, не оскорблять моего чувства; на него-то и были устремлены всѣ ваши шутки. Я не могъ болѣе сносить вашихъ насмѣшекъ, очень неделикатныхъ. Если вы не уважали во мнѣ друга, вы должны были уважать человѣка". Грановскій отвѣчалъ, и примиренье состоялось. Явленіе очень обычное у молодежи, всегда чувствительной къ требова-

ніямъ дружбы, а у В. В. эта чувствительность была развита въ высшей степени. Разойтись было съ нимъ весьма легко, но за то не трудно и вновь сойтись. И В. В. не только примирился съ Грановскимъ, но и сдѣлался его коммиссіонеромъ. Отецъ Грановскаго посылалъ деньги Григорьеву, а тотъ уже отправлялъ ихъ далѣе заграницу.

Переселившіеся заграницу друзья Григорьева очень восторженно описывали впечатлѣніе, произведенное на нихъ новыми странами. „Это рай, Германія! Слава Богу, что онъ отдалъ ее въ руки нѣмцамъ, а не англичанамъ"—писалъ одинъ изъ нихъ, не видавши еще Англіи. „Побываешь въ Германіи, (читаемъ дальше)—полюбишь нѣмецкое ужъ за то, что они придумали всѣ средства для удобствъ небогатаго класса, что у нихъ все такъ дешево, доступно—не такъ, какъ въ другихъ земляхъ"—слова и нынѣ часто повторяемыя тѣми, для которыхъ жизненныя удобства выше всѣхъ другихъ побужденій. Не могъ В. В. по своимъ понятіямъ равнодушно относиться къ такимъ увлеченіямъ и въ письмахъ своихъ упрекалъ заграничныхъ друзей въ измѣнѣ своему родному. Грановскому онъ писалъ: „Только вотъ что: не дѣлайся нѣмцемъ, ради Христа. Ужъ я позволяю тебѣ сдѣлаться ученѣе всѣхъ нѣмцевъ вмѣстѣ, но душу-то оставь Русскою; ей, ей нѣмецкія души мелочны. И отъ тебя ли ждать такой измѣны землѣ Русской, отъ тебя ли, который долженъ прославить ее въ концы концовъ, за тридевять земель до тридесятаго царства?" Друзья оправдывались, конечно, но ихъ оправданія не могли удовлетворить Григорьева. Грановскій напримѣръ писалъ: „я говорю только, что мнѣ пріятнѣе сидѣть въ некрасивомъ по наружности зданіи, освѣщенномъ плошками и видѣть на сценѣ пьесу Шиллера, разыгрываемую отличными художниками, чѣмъ смотрѣть въ великолѣпно отдѣланномъ и освѣщенномъ театрѣ на Кукольниковы глупости и дурныхъ актеровъ—ремесленниковъ". (Изъ письма отъ 25 іюля 1837 г.). Не то совсѣмъ преслѣдовалъ В. В. и если „воздвигалъ гоненія" (выраженіе Грановскаго), то имѣлъ въ виду наше рабское увлеченіе всѣмъ западнымъ, съ готовностью принести въ жертву этому западу даже свое отечество, какъ, напримѣръ, позже тоже одинъ изъ бывшихъ «друзей» праздновалъ въ паденіи Севастополя торжество западной цивилизаціи. И сложилось у В. В. твердое убѣжденіе, что не слѣдуетъ отправлять слишкомъ молодыхъ людей за границу, гдѣ они весьма скоро научаются презирать свое отечество, даже предлагалъ для противовѣса этому злу посылать ихъ на Востокъ. Изощряясь въ остротахъ надъ представителями науки, самой науки В. В., конечно, не отвергалъ. Насмѣшки заграничныхъ пріятелей надъ Буддою и санскритомъ, и таковыя же состо-

роны В. В. надъ Гегелемъ и германской философіей, вызвали въ одномъ изъ писемъ В. В. такое замѣчаніе: „Но скажите ради Будды и Гегеля, можно ли разсудительному человѣку сердиться на болтовню о серьезномъ предметѣ? Можно ругать философію въ письмахъ и быть искренно и твердо увѣрену въ необходимости ея изученія, точно также можно ругать Грановскаго глупцомъ, и въ то же время бросить перчатку всякому, кто вздумаетъ сказать это вслухъ и не въ шутку". Еще рѣшительнѣе выразился онъ о томъ же въ статьѣ о Грановскомъ: „Прочитать сочиненія Гегеля, понять его ученіе, пристраститься къ нему, не значитъ еще научиться философствовать, тѣмъ менѣе изучить философію, какъ науку,—читанье Гегеля, безъ предварительнаго изученія Шеллинга, Фихте, Канта, Юма, Локка, Вольфа, Лейбница, Спинозы и такъ далѣе въ глубь, можетъ пожалуй, доставлять удовольствіе, но пользы отъ того ожидать нельзя, потому что безъ знанія исторіи философскихъ системъ (которое также пріобрѣтается не изъ учебниковъ), предшествовавшей Гегелевой, его ученіе не можетъ быть ни переварено, ни оцѣнено должнымъ образомъ, и выйдетъ изъ такого чтенія одинъ результатъ — станетъ человѣкъ обо всемъ на свѣтѣ размышлять по Гегелю, не будучи въ состояніи шагу ступить самостоятельно въ наукѣ философіи. Сколько было такихъ Гегелистовъ у насъ на Руси, и кто изъ нихъ сдѣлалъ что нибудь для философіи!"

Кромѣ болѣзни физической, тянувшейся такъ долго, посѣтилъ В. В. еще и недугъ душевный. Мучительныя сомнѣнія, утрата вѣры, разочарованіе въ наукѣ разомъ охватили все существо В. В., поселивъ въ немъ какое-то тупое равнодушіе и презрѣніе ко всему окружающему: „все ложь, все вздоръ". Такое состояніе вызвало со стороны Грановскаго очень длинное письмо, которое цѣликомъ помѣщено въ біографіи Грановскаго, при чемъ В. В. замѣтилъ: „Я не могъ не быть благодаренъ за это теплое, умное, изъ сердца столько же, какъ и изъ головы, вылившееся посланіе, но въ то-же время не могъ и согласиться со многимъ, что высказано въ немъ, по основному различію съ Грановскимъ во взглядахъ на самую природу духовной жизни, не говоря уже о прочемъ, и отъ недуга своего избавился черезъ долгій, весьма долгій періодъ испытанія, другими, а не Грановскимъ указанными средствами, или, вѣрнѣе сказать, былъ избавленъ помимо собственныхъ о томъ стараній". Не въ философіи нашелъ В. В. исцѣленіе, какъ рекомендовалъ Грановскій, а въ другомъ источникѣ, какъ будетъ обяснено дальше.

Въ одномъ изъ писемъ Грановскій, познакомившійся съ Шафарикомъ и тронутый его бѣдственнымъ матеріальнымъ положеніемъ, пред-

ложилъ Григорьеву организовать между своими знакомыми помощь этому чуть не до нищеты доведенному ученому. В. В. сейчасъ же откликнулся на этотъ призывъ, удѣлилъ отъ себя 50 руб., да собралъ у другихъ 100 р. и переслалъ эту сумму Я. М. Невѣрову въ Берлинъ для передачи какимъ либо способомъ по назначенію [1]). Важны не деньги, конечно, очень ничтожныя, а благородный порывъ оказать поддержку изъ своихъ скудныхъ средствъ труженику науки. Но вышло, что одного желанія помочь еще мало. „Статья о Шафариковыхъ деньгахъ—писали В. В-чу изъ Берлина—привела всѣхъ насъ въ затрудненіе. Ихъ вовсе не такъ легко переслать, какъ ты думаешь—ну, какъ обидится? Очень затруднительно". Въ другомъ письмѣ сообщалось: „Варнгагенъ говоритъ, что Шафарикъ вовсе не въ такой бѣдности, какъ воображаютъ и доказательствомъ тому служитъ то, что онъ отказался отъ выгодной каѳедры славянскихъ языковъ въ Берлинѣ или въ Бреславлѣ, что онъ обидится такою присылкою". Такъ деньги и не были отправлены по назначенію. Конечно, въ письмахъ сообщалось и даже очень много о сердечныхъ дѣлахъ: въ одномъ (отъ 21 октября 1837 г.) читаемъ: „Знаете, друзья мои, я влюбленъ, сколько могу быть влюбленнымъ и—любимъ, да вѣдь какъ еще! Но прошу ничего такого не думать о нашей любви—она платоническая на славу. Эта новая попытка еще болѣе убѣдила меня, что я не гожусь для любви: ну не могу любить женщинъ такъ, какъ люблю нѣкоторыхъ мущинъ, напр. васъ или Ковалинскаго". Упоминая въ біографіи Грановскаго, какъ тотъ отдѣлывался отъ преслѣдованій какой то неравнодушной къ нему барыньки, В. В. замѣтилъ: «Слушая объ этомъ Телемакѣ новыхъ временъ, я никакъ не могъ вбить себѣ въ голову: какъ это можно бѣгать отъ ласкъ хорошенькой женщины, а черезъ нѣсколько времени самъ сдѣлалъ тоже самое. Такіе ужъ были мы невинныши".

О своихъ занятіяхъ и намѣреніяхъ В. В. писалъ Невѣрову и Грановскому очень мало, и большею частію мимоходомъ. Просматривая спи-

---

[1]) Предварительно В. В. просилъ совѣта у Погодина, какъ помочь Шафарику и тотъ предлагалъ: „Если Богъ поможетъ вамъ собрать рублей 500, то отдайте ихъ хорошему банкиру, а вексель пошлите прямо черезъ почту съ адресомъ: An Paul Joseph Schaffarik, Mitglied mehrerer gelehrten Gesellschaften in *Prag* Böhmen, при деликатномъ письмѣ такого содержанія: „услышавъ отъ пр. Погодина, что вы затрудняетесь приступить къ печатанію 2 тома вашихъ Древностей Сл. честь имѣю препроводить къ вамъ 500 руб., собранныхъ мною на это изданіе отъ моихъ знакомыхъ, любителей исторіи. Я радъ, если могу этою бездѣлицею содѣйствовать скорѣйшему изданію сочиненія, которое etc. Желательно только, чтобъ приношеніе бралось изъ чистыхъ рукъ отъ добраго сердца". (Изъ письма 1 сент.—1837 г.).

сокъ трудовъ В В., нельзя не замѣтить въ немъ нѣкотораго упадка энергіи. Въ этомъ году В. В. далъ въ Энц. лексиконъ (т. VIII—X) 12 оригинальныхъ и 19 переводныхъ статей и помѣстилъ въ разныхъ изданіяхъ нѣсколько библіографическихъ рецензій, не ограничиваясь однимъ востоковѣдѣніемъ, и не напечаталъ ничего, сколько нибудь крупнаго. Добрыя отношенія В. В. къ Сенковскому стали мало по малу портиться. Началось съ неисправнаго представленія В. В-чемъ отчетовъ о своихъ занятіяхъ, чѣмъ Сенковскій ставился въ неловкое положеніе передъ университетскимъ совѣтомъ, съ которымъ онъ всегда не ладилъ, а въ этомъ случаѣ совершенно резонно не хотѣлъ отвѣчать за чужіе грѣхи. Каковы бы ни были эти грѣхи, ихъ во всякомъ случаѣ нельзя причислить къ очень тяжкимъ. Юные годы требовали развлеченій, не имѣющихъ ничего общаго съ наукой, а Сенковскій добивался поскорѣе результатовъ серьезныхъ ученыхъ занятій. Между тѣмъ, В. В. взялся за такую работу, которая и установившемуся, съ обширной эрудиціей ученому, должна была представить массу трудностей, для преодолѣнія которыхъ потребны многіе и многіе годы. А В. В. приступилъ къ своей задачѣ серьезно, принялся за изученіе монгольскаго языка, который представлялся ему необходимымъ для изученія Монголовъ вообще. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Грановскому В. В. сообщалъ: „О сочиненіи Шотта я писать не стану, потому что у меня уже прошла охота писать о томъ, чего я порядкомъ не знаю, а я не знаю ни манчжурскаго, ни тибетскаго, хотя думаю заняться обоими. Покуда не справлюсь еще и съ монгольскимъ. Я не Грефе, который едва понимая Рамаяну, пишетъ длинныя диссертаціи о строеніи санскритскаго языка и отношеніи его къ древнимъ классическимъ. Думаю, что и сочиненія Шотта въ такомъ же родѣ. Страсть дѣлать изо всего науку довела Нѣмцевъ до изобрѣтенія vergleichende Philologie, ужаснѣйшаго пустословія изъ всѣхъ возможныхъ пустословій“. (Изъ письма отъ 21 октября 1837). Впослѣдствіи занятія исторіей Золотой Орды В. В-чу пригодились и послужили ему для сочиненія магистерской диссертаціи.

Въ концѣ 1837 г. чуть не состоялась у насъ ученая экспедиція къ Аральскому морю. В. В. задумалъ пристроиться къ ней въ качествѣ „антикварія“ и просилъ о томъ Френа, но уже въ январѣ слѣдующаго года убѣдился, что экспедиція не состоится. Въ письмѣ къ г. Невѣрову (отъ 25 января) онъ говорилъ: „Экспедиція къ Аральскому морю— гиль. Объ ней и толковать нечего. Вѣрно то, что я долго никуда не поѣду изъ Петербурга“. Вслѣдъ за тѣмъ прибавлялъ: „О себѣ напишу тогда, когда буду посылать деньги (за статьи въ Энц. лексиконѣ). Надо же

чѣмъ нибудь путнымъ приправить сказаніе о пошлостяхъ и бездѣльничествахъ, изъ которыхъ ткется парусина моей жизни". Это обѣщаніе исполнилъ онъ только черезъ четыре мѣсяца: „Долгое время не писалъ я къ тебѣ по слѣдующей причинѣ: Государь, по представленію Уварова, разрѣшилъ всѣмъ преподавателямъ въ университетахъ получить степень доктора прямо безъ экзамена, за одну диссертацію, съ тѣмъ только, чтобы защитить ее до 1 января 1839 г. Вотъ я пустился хлопотать, чтобы какъ нибудь подойти подъ разрядъ этихъ счастливцевъ. Придирку я имѣлъ въ томъ, что преподавалъ персидскій языкъ, и если не преподаю въ настоящее время, то это только по причинѣ болѣзни. За этимъ дѣломъ хлопоталъ я съ мѣсяцъ, наконецъ старанія мои увѣнчались полнымъ отказомъ. Я остаюсь кандидатомъ по прежнему и рѣшился пробыть въ семъ великомъ достоинствѣ еще лѣтъ пять. Есть надежда, что будущею весною меня отправятъ въ Турцію, и что я прошляюсь по Востоку года три, а на востокѣ негдѣ держать экзамена на доктора философіи [1]); тамъ есть только доктора права, да и то Турецкаго".

„Въ нравственномъ отношеніи, я такой же прекрасный человѣкъ, какъ и прежде былъ, въ умственномъ слѣдуемъ примѣру Китая. Память совсѣмъ разсорилась со мной, а я тѣмъ не менѣе собираюсь учиться еще языкамъ шести-семи. Самонадѣянность проклятая! Отдѣленіе любовныхъ апартаментовъ въ душѣ нашей не занято, и только одна паровая машина дружбы въ полномъ дѣйствіи: хлопочу по дѣламъ Ковалинскаго, который кутитъ не въ свою голову, и Ершова, котораго зовемъ въ Питеръ. Мать у него умерла и теперь въ Тобольскѣ ничто его не задерживаетъ. Хорошо, если намъ удастся вытащить его изъ гнѣзда; въ Сибири своей онъ совсѣмъ заглохъ, поросъ мохомъ и папоротникомъ; въ прописяхъ не даромъ сказано: нравы портятся въ худомъ обществѣ, а вкусъ въ провинціи [2]).

„Хочешь литературныхъ новостей? Ихъ пропасть. Вотъ одна! Полевой разбранилъ „Россію" Булгарина въ С. Отечества. Гречь сталъ упрекать Булгарина: „помилуй, Ѳадей Венедиктовичъ, на что это похоже, что мѣщанинъ ругаетъ тебя въ твоемъ же журналѣ? вступись за свою честь". При словѣ честь, Булгаринъ воспламеняется и идетъ къ Поле-

---

[1]) Восточная словесность входила въ составъ философскаго факультета.

[2]) Въ предыдущемъ письмѣ В. В. писалъ про Ершова: „Ершовъ чуть-чуть не умеръ отъ болѣзни, а отъ скуки умираетъ по нѣскольку разъ въ день. Прислалъ къ намъ поэму „Сузге". Больно скучна. Онъ, кажется, слѣдуетъ моему примѣру—глупѣетъ не по днямъ, а по часамъ".

вому. „Послушай, Полевой, ты оскорбилъ мою честь, ты долженъ со мной драться! Ты знаешь, я коллежскій ассесоръ и наполеоновскій капитанъ, имѣю въ петлицѣ лежіонъ—доннёръ.—Знаю, что ты Наполеоновскій капитанъ и коллежскій ассессоръ, но драться съ тобой не буду. Я семейный человѣкъ, послѣ меня останутся жена и дѣти безъ куска хлѣба, а послѣ тебя (. . . .). Булгаринъ разхрабрился какъ индѣйскій пѣтухъ; Полевой сказалъ ему, что если онъ не перестанетъ кричать, онъ позоветъ людей и велитъ вытолкать его въ шею. Послѣднее убѣжденіе, самое сильное по риторикѣ Булгарина, подѣйствовало какъ нельзя лучше на любочестіе Ѳадея Венедиктовича, онъ удалился, и какъ Полевой погрозилъ ему еще чѣмъ-то, то отъ излишней храбрости наполеоновскій капитанъ на другой же день удалился въ свое Карлово.

„Надо знать, что въ концѣ прошлаго года, когда Полевой пріѣхалъ въ Петербургъ, онъ, Гречь и Булгаринъ соединились тѣснѣйшими узами дружбы, чтобы, какъ говорили они, уничтожить Сенковскаго, а въ половинѣ генваря они успѣли уже поссориться и мирилъ ихъ... кто?—Сенковскій. Каменскій издалъ книжку своихъ повѣстей, Булгаринъ расхвалилъ его до небесъ, Каменскій сдѣлался великимъ человѣкомъ, и воображаетъ, что у него тьма дарованія. Знаешь, что лучшаго нашелъ въ немъ Булгаринъ, за что превознесъ его выше тучъ? *За идею его повѣсти „Послѣдній день міра“*. Право смѣшно, когда приписываютъ людямъ, что имъ вовсе не принадлежитъ [1]). Такъ, можетъ быть, и большая часть литературныхъ и всякихъ знаменитостей, пользуются славою за чужія перья“ (изъ письма отъ 31 мая 1838 г.).

Въ другомъ коротенькомъ письмѣ къ г. Невѣрову, В. В. говорилъ: „Ну что написать тебѣ о моей собственной особѣ? Право нечего. Все идетъ очень обыкновенно, да при томъ ты знаешь, что я не большой охотникъ разсуждать о себѣ, а это оттого, что въ такомъ случаѣ становится очень грустно. Живешь безъ толку, безъ цѣли, въ хлопотахъ, таскаясь по присутственнымъ мѣстамъ, по журналистамъ и къ двумъ пріятелямъ—Савкѣ и Мишкѣ. Ими двумя ограничивается теперь весь кругъ моего знакомства“ (изъ письма отъ 5 іюля 1838 г.).

Поправить свои дѣла въ университетѣ В. В. придумалъ очень хорошій по замыслу способъ, но безуспѣшно. Лѣтомъ 1837 года предста-

---

[1]) Въ поясненіе подчеркнутыхъ словъ слѣдуетъ замѣтить, что „идея“ принадлежитъ не Каменскому, а В. В-чу. Сохранился набросокъ въ бумагахъ В. В-ча имъ самимъ писанный, озаглавленный: „Предзнаменованіе кончины міра“, переложенный даже на стихи, въ которомъ и выражена мысль, послужившая основой повѣсти Каменскаго.

вилъ онъ въ совѣтъ университета програму чтенія совершенно новаго предмета, Исторіи Востока, вмѣстѣ съ письменнымъ объясненіемъ о недостаткѣ необходимыхъ для основательнаго преподаванія такого курса источниковъ. Програму опредѣлено было передать на разсмотрѣніе и одобреніе факультета, а относительно необходимыхъ пособій предлагалось В. В-чу составить подробный списокъ, по которому университетъ и пріобрѣлъ бы ихъ для библіотеки, по мѣрѣ возможности. Представленіе программы прямо въ совѣтъ, помимо факультета, не могло увеличить шансы В. В. на осуществленіе его плановъ, потому и остались они только на бумагѣ. Заявленіе В. В-ча о пользѣ основанія каѳедры исторіи Востока не только въ Петербургскомъ, но и другихъ университетахъ, интересно отчасти и въ томъ отношеніи, что тутъ впервые, въ зародышѣ, высказаны нѣкоторые его взгляды на заграничныя поѣздки, впослѣдствіи развившіеся въ цѣлую систему. Такъ, онъ говорилъ, что изучать Востокъ надо, между прочимъ, и для того, чтобы меньше увлекаться Западомъ: „распространеніе и усиленіе въ Россіи восточныхъ занятій, дѣлая горизонтъ нашихъ свѣдѣній и соображеній шире, чѣмъ у мыслителей и дѣятелей Западной Европы, не заставляло бы насъ преклоняться предъ результатами ихъ мышленія и дѣятельности такъ покорно, такъ ученически, какъ дѣлаемъ мы это въ настоящее время по необходимости; придало бы намъ самостоятельности и, служа противодѣйствіемъ перевѣсу западныхъ началъ, угнетающихъ наше національное развитіе, содѣйствовало бы его укрѣпленію и быстрѣйшему ходу. Мы всѣ чувствуемъ, какъ независимо отъ насъ самихъ властвуютъ въ насъ западныя идеи и стремленія; вредное вліяніе этого наводненія на насъ западною образованностію начинаютъ уже многіе сознавать, ища напрасно средствъ противустать этому злу, грозящему совершеннымъ поглощеніемъ нашей національности. Лучшее средство противодѣйствовать вліянію Запада—это опереться на изученіе Востока“.

Въ слѣдующемъ году, кромѣ недоразумѣній съ Сенковскимъ, произошли у В. В. еще столкновенія съ Шульгинымъ, ректоромъ университета, и профессоромъ Плетневымъ. Расчитывать, какъ раньше расчитывалъ В. В. устроиться въ университетѣ, онъ уже не могъ, а съ упраздненіемъ профессорскаго института, прекращался для него и естественный, начатый уже путь къ профессурѣ. Достиженіе этой цѣли стало теперь зависѣть отъ другихъ условій, которыя В. В., поссорившись съ университетскимъ начальствомъ, не могъ назвать для себя благопріятными, хотя и продолжалъ чтеніе лекцій персидскаго языка въ университетѣ. При такихъ обстоятельствахъ очень кстати подвернулось мѣсто профессора

восточныхъ языковъ въ Ришельевскомъ лицеѣ въ Одессѣ. Въ Петербургъ пріѣхалъ попечитель одесскаго округа Д. М. Княжевичъ для пріисканія профессоровъ на нѣкоторыя каѳедры въ лицеѣ, въ томъ числѣ и для каѳедры восточныхъ языковъ. Френъ, къ которому обратился Княжевичъ за содѣйствіемъ, предложилъ это мѣсто Григорьеву и взялся устроить его утвержденіе *исправляющимъ* должность профессора, такъ какъ В. В. не имѣлъ требуемой уставомъ степени магистра. „Съ университетомъ и Сенковскимъ—писалъ онъ г. Невѣрову —произошло много непріятностей, причиною которыхъ были недоразумѣнія разныхъ родовъ... Слѣдствіемъ ихъ было то, что я хотѣлъ вытти изъ университета, заложить мой домишко и ѣхать учиться въ Германію, Францію и Англію года на три. Покуда я составлялъ этотъ планъ и обработывалъ подробности, что меня очень занимало, получаю вдругъ приглашеніе занять каѳедру восточныхъ языковъ въ Ришельевскомъ лицеѣ въ Одессѣ. Я подумалъ минуты съ три и отказался, потомъ еще разсудилъ минутъ съ пять и принялъ предложеніе. Въ концѣ августа или въ началѣ сентября уѣду изъ Петербурга“ (изъ письма отъ 7 авг. 1838 г.) [1]).

Опредѣленіе въ новую должность состоялось 30 сентября 1838 г., и В. В-чу, вслѣдъ за многими другими его товарищами и друзьями, приходилось оставить Петербургъ, оставить вмѣстѣ съ тѣмъ и надежды на профессорство въ Петербургскомъ университетѣ. Извѣщая Грановскаго и Невѣрова о скоромъ отъѣздѣ изъ Петербурга, В. В. писалъ: „Послѣдній разъ, милые друзья, пишу къ вамъ изъ Петербурга, 18 или 20 числа настоящаго мѣсяца я выѣзжаю, и къ 5 или 6 ноября надѣюсь явиться въ Одессу. Итакъ, письма ваши адресуйте туда въ Ришельевскій лицей такому-то профессору Восточныхъ языковъ. Увы, Тимоха, не подѣйствовали твои увѣщанія, отскочили отъ головы моей, какъ горохъ отъ стѣны. Что дѣлать, надо было ѣхать, потому что въ Петербургѣ оставаться было нельзя никоимъ образомъ. Здѣсь я вооружилъ противъ себя многихъ изъ почтеннѣйшихъ членовъ университетскаго совѣта, а чѣмъ—знаетъ одинъ Аллахъ. Дѣло въ томъ, что я ѣду и, можетъ быть, долго не увижу ни Нурки, ни Грановскаго. Прежде я го-

---

[1]) Френъ аттестовалъ Григорьева Воронцову въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „C'est une excellente tête, un jeune homme de beaucoup de capacités, sachant mettre au profit de la science le beau fonds de connaissances qu'il a acquis de nos savants professeurs orientalistes et qu'il a eu soin d'augmenter par des études assiduement continués. Il s'est même fait déjà connaître avantageusement au monde savant par plusieurs essais littèraires imprimés, nommément par son ouvrage intitulé Исторія Монголовъ отъ древнѣйшихъ временъ до Тамерлана. Переводъ съ персидскаго, qu'il a publié il y a déjà quatre ans“.

ворилъ объ этомъ шутя, а теперь чуть не плачу, да что тутъ—чуть, просто—таки плачу. Ей Богу, я васъ обоихъ вотъ—какъ люблю, всѣмъ сердцемъ, всѣми помышленіями. Право. Ну и объ этомъ довольно. Авось вы вѣрите и знаете, что я не лгу. Теперь у меня столько хлопотъ, что голова идетъ кругомъ" (изъ письма отъ 10 окт. 1838 г.).

Литературная дѣятельность В. В. за 1838 г. выразилась рядомъ рецензій, болѣе или менѣе крупныхъ, на книги разнаго содержанія, помѣщенныхъ главнымъ образомъ въ журналѣ „Мин. Нар. Пр.", а въ „Энциклопедическій лексиконъ" далъ онъ 6 оригинальныхъ и 5 переводныхъ статей (т. XIII—XIV).

IV.

20 октября 1838 года, Григорьевъ выѣхалъ изъ Петербурга вмѣстѣ съ своимъ новымъ сослуживцемъ, М. А. Соловьевымъ. Петербургскіе друзья проводили ихъ до трактира на Средней Рогаткѣ по московскому шоссе, попрощались тутъ, какъ прощается обыкновенно холостая молодежь, и разстались.

Отъѣздъ Григорьева окончательно разстроилъ „кружокъ". Сильнѣе всѣхъ почувствовалъ эту разлуку Савельевъ.

„Вотъ ужь ровно недѣля, какъ мы разстались"—писалъ Савельевъ Григорьеву—не на мѣсяцъ, какъ при прошлогоднемъ твоемъ отъѣздѣ въ Москву, а на годы, и кто знаетъ, быть можетъ, на всегда! Не знаю какъ провелъ эту недѣлю ты, а мнѣ такъ очень было грустно въ первые дни послѣ отъѣзда. Я такъ привыкъ дѣлиться съ тобою всѣмъ, что́ меня интересовало и волновало, что чувствую теперь у себя большую, чѣмъ когда либо, пустоту сердечную, не зная болѣе никого, кто-бы питалъ ко мнѣ искреннюю привязанность, въ комъ-бы я могъ встрѣтить истинное къ себѣ соучастіе. Ты знаешь, какъ я тугъ на знакомства, и какъ трудно, чтобъ я могъ съ кѣмъ-либо сойтись такъ, какъ съ тобою. Я остался совершенно одинъ. Съ горя брошусь въ литаратурную дѣятельность, пока не оставлю Петербурга для лучшей жизни за границею. А тамъ, что́ будетъ, то будетъ" (изъ письма 27 окт. 1838 года).

Новость положенія, забота о будущемъ, дорожныя развлеченія должны-бы были отвлечь вниманіе Григорьева отъ всего петербургскаго, если-бъ не отличался онъ рѣдкою въ людяхъ привязанностію къ тѣмъ, съ кѣмъ сошелся и кого полюбилъ. При первой же

возможности описывалъ онъ съ дороги свое путешествіе роднымъ, близкимъ знакомымъ, и Савельеву преимущественно. Тамъ, въ Одессѣ, В. В-чу пришлось убѣдиться, что лѣта, время и долгая разлука измѣняютъ отношенія людей, тѣснѣйшимъ образомъ связанныхъ другъ съ другомъ, только отношенія его къ Савельеву долго не измѣнялись, а потому и переписка съ нимъ В. В. по праву должна занять первое мѣсто въ ряду матеріаловъ для его одесской жизни, службы и ученой дѣятельности. Многое въ этой перепискѣ неудобно въ печати и мы ограничиваемся по возможности болѣе или менѣе длинными выписками.

Восточные языки стали преподаваться въ Одессѣ въ особомъ институтѣ, по мысли графа Воронцова, еще въ 1828 году съ цѣлью доставлять краю образованныхъ переводчиковъ. Въ этихъ-же видахъ восточный институтъ въ 1837 г. былъ присоединенъ къ Ришельевскому лицею, имѣвшему всѣ права нашихъ университетовъ того времени. Своему созданію графъ Воронцовъ придавалъ въ нѣкоторомъ родѣ государственное значеніе, хотя по своей организаціи восточное отдѣленіе лицея скоро-же оказалось учрежденіемъ безполезнымъ. Григорьеву предстояло открыть и организовать чтеніе лекцій восточныхъ языковъ въ лицеѣ; но на первое время, за неимѣніемъ слушателей, ему приходилось обучать арабскому, персидскому и турецкому языкамъ гимназистовъ лицейской гимназіи (съ IV класса), изъявившихъ желаніе поступить впослѣдствіи на восточное отдѣленіе.

Въ первомъ письмѣ изъ Одессы не находимъ мы еще никакихъ подробностей о житьѣ-бытьѣ В. В. въ Одессѣ и о его настроеніи. Мимоходомъ замѣчаетъ онъ только, что съ выѣзда изъ Петербурга сталъ очень чувствительнымъ человѣкомъ, но второе письмо содержательнѣе, и мы приводимъ его почти цѣликомъ:

„Еге, пріятель Савка, вотъ уже 29 число ноября, я десятый день въ Одессѣ и получилъ отъ тебя только одно письмо, тогда какъ Соловьеву всѣ его пріятели написали уже по нѣскольку. Это очень не похвально

„Изъ всего здѣшняго оріентальнаго міра я познакомился и видѣлся два раза съ однимъ только Курляндцевымъ. Разъ онъ былъ у меня, разъ я у него. Я нашелъ его гораздо умнѣе и смышленѣе, чѣмъ предполагалъ. Онъ разсказывалъ намъ о здѣшнихъ пособіяхъ и людяхъ знающихъ восточные языки. Первыхъ очень мало, а вторыхъ всего одинъ Негри, съ которымъ я познакомлюсь немедленно. Меня поведетъ къ нему директоръ нашего лицея Синицынъ, человѣкъ премилый и пре-

достойный. Далѣе завтра ѣду знакомиться съ однимъ молодымъ аравитяниномъ, который живетъ здѣсь по торговымъ дѣламъ и котораго мы можетъ быть заманимъ служить въ лицей. Турокъ не только lettrés, но и неученыхъ нѣтъ; по турецки говорить придется учиться у грековъ, а по татарски у караимовъ. Языкъ послѣднихъ гораздо ближе къ константинопольскому, чѣмъ я думалъ прежде. Третьяго дня осматривалъ лицейскую библіотеку восточную, и къ удивленію моему, очень пріятному, нашелъ въ ней рукописей гораздо болѣе, чѣмъ печатныхъ книгъ. Послѣднихъ очень мало. Къ счастію моему есть Herbelot и Meninsky. Дегиня нѣтъ. Изъ рукописей имѣются очень дѣльныя, между прочимъ, диванъ Саиба, персидскаго поэта, который очень заинтересовалъ меня по переводамъ изъ него помѣщеннымъ въ Хаммеровомъ Geschichte der schönen Redek. Persiens. Есть сочиненія юридическія, о музыкѣ; вообще можно надъ чѣмъ потрудиться(...). Въ возвращеніи графа Воронцова здѣсь всѣ увѣрены. Пріѣздъ его былъ-бы очень важенъ для успѣховъ нашей части, нашей т. е. моей и твоей восточной(...). Судя по всему, что я слышалъ объ немъ, онъ принимаетъ большое участіе въ дѣлѣ распространенія изученія восточныхъ языковъ.

„Вступивъ въ категорію господъ иногородныхъ, которыхъ благоволеніе важно только для книгопродавцевъ, я невольно дѣлаюсь иногороднымъ и душою, и тѣломъ. Это необходимое слѣдствіе житья внѣ столицы. Въ качествѣ такого иногородца, прошу васъ, Павелъ Степановичъ, сообщать мнѣ всѣ ваши литературныя сплетни. Въ Петербургѣ онѣ мнѣ надоѣли. Здѣсь другое дѣло, надобно непремѣнно, для пущей важности, быть au courant всякихъ петербургскихъ дрязговъ. Смотрите, не забывайте этой просьбы и не лѣнитесь. Надеждинъ все еще нездоровъ, и отъ боли въ ногахъ едва можетъ ходить. Со времени пріѣзда сюда я его видѣлъ раза три. Альманахъ печатается, и очень красиво. Первое мѣсто занимаетъ въ немъ статья Надеждина: Князь Потемкинъ-Таврическій. Другихъ прозаическихъ статей, кромѣ своей не видалъ. Живемъ мы въ Петербургской гостинницѣ, въ лучшемъ мѣстѣ города. Окна у насъ прямо на заливъ и видно море, доселѣ очень тихое. Бури мы не видали еще ни одной, да можетъ быть и не увидимъ, потому что въ заливѣ ихъ, вѣроятно, и не бываетъ. Погода гадкая, хуже петербургской. Вѣчно дождь, изморозь, туманы, грязь. Когда идешь черезъ улицу и грязь жидкая, какъ шоколадъ, не заливается въ калоши—это по здѣшнему сухо. Не знаю, отчего не пишетъ ко мнѣ отецъ? Напиши, не боленъ-ли онъ, и не случилось-ли чего съ нимъ". (Изъ письма отъ 28 ноября 1838).

Съ первыхъ-же дней своего пребыванія въ Одессѣ, Григорьевъ

дѣлаетъ вкладъ въ мѣстную литературу. Статья, о которой говорится въ письмѣ и которая помѣщена въ Одесскомъ Альманахѣ на 1839 годъ, называется: „Фирдоуси-довершитель возрожденія поэзіи въ Персіи". Явилась она, очевидно, изъ петербургскихъ запасовъ.

Савельева интересовало больше всего, какъ и чѣмъ будетъ Григорьевъ заниматься въ Одессѣ. Свои опасенія, какъ бы дѣло и въ Одессѣ не пошло по-петербургски, Савельевъ высказалъ очень рѣшительно. Начавъ съ упрека въ томъ, что Григорьевъ умѣетъ исписать цѣлый листъ переливаніемъ изъ пустаго въ порожнее и отвѣтить ничего не говорящимъ письмомъ, Савельевъ въ заключеніе прибавляетъ: „Ну, положимъ еще, что среди путешествія нельзя написать строки съ здравымъ смысломъ; а пріѣхавши въ Одессу и сдѣлавшись осѣдлымъ, вѣрно же ты не станешь по прежнему бить баклуши, по петербургски. Слышишь, Григорьевъ, въ слѣдующемъ письмѣ напиши мнѣ дѣльно и безъ шутокъ, чтó, какъ показалась тебѣ Одесса и тѣ изъ жителей, которыхъ ты узналъ; какіе планы ты себѣ настроилъ, обглядѣвшись въ Одессѣ, какъ началъ свои лекціи, что думаешь съ ними дѣлать, и главное—какъ и чѣмъ ты занимаешься, основательно-ли, съ энтузіазмомъ, или по казенному для лекцій; будешь-ли держать экзаменъ на магистра и какую изберешь тему для диспута? Пусть слѣдующее письмо ко мнѣ будетъ откровеннымъ отчетомъ въ твоей умственной жизни въ теченіи двухъ послѣднихъ мѣсяцевъ. Не говори, что писать скучно или лѣнь: вѣдь кромѣ меня не къ кому другому писать объ этихъ вещахъ, да и никто ими вѣрно не будетъ столько интересоваться". (Въ декабрѣ 1838 года).

Григорьевъ дѣйствительно не любилъ писать о себѣ, и письма его первой молодости отличаются и безсодержательностію, и переливаніемъ изъ пустаго въ порожнее. Что-же касается до баклушничанья, то Григорьеву вскорѣ самому пришлось журить Савельева за подобное, якобы ничего недѣланіе. Взаимное подбадриваніе было, во всякомъ случаѣ, не безполезно; а поддержка и одобреніе друга-товарища всегда дѣйствовали живительно.

На это строгое письмо Григорьевъ отвѣчалъ 12 января слѣдующаго 1839 года такимъ образомъ:

„Начнемъ со службы. Лекціи, разумѣется, я началъ; объ этомъ нечего было и спрашивать, да дѣло не въ лекціяхъ, а въ дѣлѣ, а дѣла сдѣлано мало, почти что ничего. Въ послѣднее время все повѣсть писалъ. Слышишь-ли: повѣсть. Это очень удивительно, и очень безполезно, да нечего было дѣлать: приходилось горевать и тосковать такъ,

что высказаться или выписаться, а одно изъ двухъ было необходимо. Высказаться некому, такъ я рѣшился повѣриться бумагѣ. При томъ эта повѣсть имѣла и хорошее вліяніе на меня: я окончилъ ее, тогда какъ прежде не имѣлъ терпѣнія ничего такого легкаго довести до конца. Это даетъ мнѣ увѣренность въ своихъ силахъ и твердости; далѣе—я писалъ ее по ночамъ и ложился спать всегда часовъ въ пять или въ шесть утра. Этакое бодрствованіе уменьшило во мнѣ наклонность къ спанью, отъ которой я не зналъ какъ отдѣлаться, и я даже пересталъ спать послѣ обѣда. Можешь представить, что это переворотъ важный и благодѣтельный. Этой повѣсти я не напечатаю, слишкомъ фантастическая и при томъ многія мѣста слабы(...). Во второмъ № „Одесскаго Вѣстника“ помѣщена моя рецензія на Альманахъ Владиславлева—Утренняя заря. Напиши, что будутъ говорить объ ней въ Петербургѣ тѣ, до которыхъ это касается. Я бы не сталъ писать, да Надеждину хотѣлось, чтобы и въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“ было сказано, что нибудь объ Альманахѣ. Вотъ все что сдѣлано; теперь буду говорить о томъ, что надо и что буду дѣлать.

„Дѣлать, видишь, надо здѣсь не то, что нужно и чтобы хотѣлось, а то, чего хотятъ другіе. А хотятъ здѣсь, чтобы все, что ни дѣлалось, имѣло отношеніе къ Новороссійскому краю. Поэтому я и долженъ взяться за какой нибудь трудъ такого рода и я намѣреваюсь писать „Исторію владычества Гиреевъ“. Начинаю съ выписокъ изъ Турецкихъ печатныхъ историковъ, съ тою цѣлію, чтобы въ одно и тоже время готовить матеріалы и заниматься изученіемъ языка. На магистра экзаменъ держать не намѣренъ ранѣе половины 1840 г.; а до тѣхъ поръ постараюсь издать грамматики арабскую и персидскую. Въ жур. М. Н. П. пошлю черезъ недѣлю мою вступительную лекцію. Постарайся, чтобы ее напечатали поскорѣе, и поскорѣе выслали деньги [1]). Отъ Ершова имѣется только одно письмо, но за то съ большимъ чувствомъ.

„Спросите у К—го будетъ ли онъ давать деньги за статьи объ Одесскомъ театрѣ. Если будетъ, такъ мы готовы служить; а поговорить есть о чемъ. У насъ въ Одессѣ такія оперы даются, о которыхъ ни вы, ни бабушки ваши не слыхивали; композисты все пресловутѣйшіе. Знаете вы напримѣръ о такихъ операхъ: Chiara von Rosenberg Фіоравенти, Gabriella de Vergi Меркаданте. Это самыя худшія; а хорошихъ такая пропасть, что и не пересчитаешь (...). Да не только о театрѣ, мы готовы писать обо всемъ Одесскомъ: книгахъ, женщинахъ, грязи, пыли,

---

[1]) Лекціи этой В. В. не прислалъ и она осталась не напечатанной,

обо всемъ, чего хотите. Чѣмъ эти драгоцѣнныя свѣдѣнія сообщать вамъ даромъ, гораздо выгоднѣе ихъ печатать и брать деньги. Это истина неопровержимая".

Большой театралъ въ молодости, В. В. и въ Одессѣ сдѣлался постояннымъ посѣтителемъ театра, писалъ статьи объ Одесской итальянской оперѣ и даже въ домашнихъ спектакляхъ принималъ участіе въ качествѣ дѣйствующаго лица, не смотря на свои скудныя голосовыя средства. Впослѣдствіи эта страсть прошла и заманить В. В. въ театръ стало дѣломъ весьма труднымъ.

В. В. очень скоро сблизился съ Д. М. Княжевичемъ, оцѣнившимъ вѣрнѣе, чѣмъ кто либо въ Одессѣ, способности молодаго оріенталиста, особенно со времени открытія, въ апрѣлѣ 1839 г., Одесскаго общества исторіи и древностей, президентомъ котораго былъ выбранъ Княжевичъ, а Григорьевъ членомъ общества. И чѣмъ дальше шло сближеніе, тѣмъ сильнѣе укрѣплялась ихъ взаимная привязанность. Только разница въ лѣтахъ и положеніи препятствовала самой горячей дружбѣ. Съ истинно отеческою заботливостью слѣдилъ Княжевичъ за работами В. В., постоянно поощряя его къ новымъ трудамъ. „Работайте, работайте: вамъ грѣшно не работать!"—часто повторялъ ему Княжевичъ и на словахъ и въ письмахъ. И не только побуждалъ онъ Григорьева работать, но и часто совѣтовался съ нимъ въ разныхъ случаяхъ по дѣламъ Общества, по изданію Одесскаго календаря и т. п. Сдѣлать Одессу русскимъ городомъ въ области литературы стало для Княжевича главною задачею его службы на югѣ и надо признать заслугу его предъ Россіей въ этомъ отношеніи весьма не маловажной. Преслѣдуя свою цѣль, не могъ онъ не дорожить тѣми людьми, которые не однимъ словомъ, но и дѣломъ доказывали, что имъ дороги интересы Россіи, а такимъ именно и былъ В. В.

Кромѣ Княжевича В. В. сошелся въ Одессѣ ближе, чѣмъ съ другими, съ Соловьевымъ, Протопоповымъ, Скальковскимъ, Дымчевичемъ, Мурзакевичемъ, Зеленецкимъ.

В. В. не любилъ уединенія и первое время жилъ вмѣстѣ съ Соловьевымъ, а потомъ съ Протопоповымъ и даже съ Посниковымъ. Когда и при какихъ обстоятельствахъ познакомился В. В. съ Посниковымъ въ Петербургѣ, не могу сказать. Сынъ помѣщика, избалованный и испорченный безтолковой матерью, Посниковъ, въ Григорьевскомъ кружкѣ былъ, такъ сказать, „притчею во языцѣхъ", и своими кутежами, и разными другими обстоятельствами доставлялъ пріятелямъ своимъ не мало пищи для изощренія въ остротахъ. Много курьезовъ разсказывалъ про него

В. В. и всегда приходилъ при этомъ въ самое веселое настроеніе. Къ Григорьеву онъ питалъ удивительную, какъ ни къ кому, привязанность. Разлука съ В. В., отправлявшимся въ Одессу, разогорчила Посникова до слезъ и онъ рѣшился даже поступить на службу, но не иначе только какъ въ тотъ городъ, гдѣ будетъ жить В. В. и сказалъ ему, что непремѣнно пріѣдетъ въ Одессу. Каково-же было удивленіе В. В., когда въ началѣ сентября 1839 г., Посниковъ совершенно неожиданно предсталъ предъ нимъ въ Одессѣ. Оказалось, что Посниковъ отыскалъ протекцію къ графу Воронцову и поступилъ къ нему чиновникомъ для особыхъ порученій, чтобы только жить подъ одною кровлею съ В. В.

Большинство служащихъ въ Одессѣ, военныхъ и статскихъ, дома стола не имѣли, а собирались обѣдать у ресторатора Маттео, про котораго В. В. говорилъ, что это „чудо, а не человѣкъ". Время проводилось, стало быть, постоянно въ самомъ оживленномъ обществѣ.

Устроившись въ Одессѣ, Григорьевъ скоро узналъ, что такое провинція и какія отношенія существуютъ между провинціалами, и почувствовалъ одиночество. „Живешь между людьми сирота сиротой—высказывался онъ Савельеву—не дружишься съ ними потому, что они неспособны къ дружбѣ, потому что самъ пережилъ время, когда грудь отворена всякому встрѣчному, и потому еще, что здѣшняя дружба хуже вражды. Пріятель такъ и сторожитъ своего друга, чтобы поднять его на смѣхъ. Откровенность здѣсь также рѣдка, какъ птица Анка. Провинціаламъ столицы не нравятся потому, что тамъ никто на нихъ вниманія не обращаетъ, а столичнымъ жителямъ, какъ намъ грѣшнымъ, крѣпко тошно въ провинціи отъ того, что дѣлаешься виднымъ лицомъ, и каждый шагъ, каждое слово взвѣшивается, подвергается суду и осужденію". Ради этой „провинціи" сталъ Григорьевъ добиваться попасть въ члены Парижскаго Азіатскаго общества, чего удостоился Савельевъ. В. В. просилъ похлопотать у Броссе и о немъ. „Здѣсь это можетъ имѣть прекрасное вліяніе на общественное мнѣніе о моей особѣ (...), которое я долженъ стараться клонить въ свою пользу. Здѣсь, братъ, провинція". (Изъ письма 19 января 1839 г.). Честолюбіе въ молодомъ человѣкѣ вполнѣ понятное и извинительное, особенно въ положеніи Василія Васильевича: кандидатъ университета, исправляющій должность профессора, потерпѣвшій въ нѣкоторомъ родѣ неудачу въ Петербургѣ, очень естественно желалъ завоевать прочное положеніе въ Одесскомъ интеллигентномъ обществѣ.

Въ письмѣ отъ 10 февраля Григорьевъ писалъ Савельеву: „Если у

тебя останется сколько нибудь денегъ [1]), то пришли мнѣ Тибетскую грамматику Шмидта. При Лицеѣ будетъ издаваться „Пантеонъ“, родъ сборника, книжками безсрочно, такъ я хочу написать разборъ этой грамматики вмѣстѣ съ Іакиѳовою Китайскою, которая имѣется у попечителя. Касательно имѣющей произойти въ свѣтъ арабской грамматики моего составленія, честь имѣю увѣдомить васъ, что первое условіе ея есть скорость выхода, а всѣ прочія побочныя. Если я стану писать ее, какъ надобно-бы было, и какъ бы мнѣ хотѣлось—я вѣкъ не окончу этого труда; прежде чѣмъ заняться спеціально грамматикою арабскаго языка надлежало-бы для себя составить всеобщую грамматику—а это, какъ тебѣ извѣстно, не такъ легко, какъ напр. написать статью о чемъ-бы—ну хоть объ армянскихъ огурцахъ. Ты вѣрно не знаешь, что такое армянскіе огурцы. Чтобы просвѣтить тебя въ этомъ отношеніи, я пришлю тебѣ въ подарокъ Одесскій Альманахъ, гдѣ красуется и моя статейка о Фирдоуси (...). Надеждинъ живетъ подлѣ Княжевича. Я и Соловьевъ бываемъ у него довольно часто и, кажется, оба ему нравимся. По крайней мѣрѣ изо всѣхъ бывающихъ у него только мы двое не подвергаемся его остротамъ, тогда какъ онъ не пропускаетъ случая подтрунить надъ кѣмъ можно. Онъ очень образованный, очень умный и очень пріятный въ обществѣ человѣкъ. Съ Де-ларю [2]) мы не сблизились съ самаго пріѣзда, а теперь и подавно не сблизимся. Мы не бываемъ у него, тогда какъ домъ его открытъ для всѣхъ лицейскихъ. Мы, видишь, не явились къ нему съ визитомъ тотчасъ по пріѣздѣ, онъ и осердился, и не зоветъ насъ къ себѣ. Видя, что онъ не зоветъ насъ, и не зная этому причины, мы тоже осердились. Такъ наше знакомство и не состоялось, и если мы бываемъ у него, то единственно по дѣламъ службы.

„Что-же, буду я твоимъ собратомъ по Парижу? Въ Петербургѣ я объ этомъ не заботился, а въ Одессѣ другое дѣло“.

Приступивъ къ преподаванію восточныхъ языковъ въ Лицеѣ, Григорьевъ прежде всего обратилъ вниманіе на устройство спеціальной библіотеки по востоковѣдѣнію, о чемъ озаботился еще въ Петербургѣ, на изготовленіе пособій для преподаванія восточныхъ языковъ мѣстнаго татарскаго нарѣчія. Графъ Воронцовъ, лелѣявшій свое дѣтище, съ полнымъ сочувствіемъ отнесся къ проектамъ Григорьева, явившагося не только

---

[1]) Савельевъ получилъ въ январѣ по довѣренности изъ Университета деньги, слѣдовавшія Григорьеву, въ количествѣ 122 р. 50 коп.

[2]) М. Д. Деларю мало извѣстный поэтъ, воспитанникъ царскосельскаго лицея, состоялъ съ 1837 по 1841 г. инспекторомъ Ришельевскаго лицея въ Одессѣ. Умеръ въ 1868 году.

преподавателемъ, но и организаторомъ своего дѣла. О своихъ успѣхахъ въ этомъ отношенiи Григорьевъ не упустилъ извѣстить Савельева письмомъ:

„Былъ я на дняхъ въ библiотекѣ гр. Воронцова, и вельми утѣшался, глядя на книги, что въ шкапахъ стоятъ. Объ англiйской Индiи много сочиненiй и есть малая толика путешествiй по Востоку. Вообще, есть чего почитать; а если къ этому прибавить тѣ книги, которыя графъ по указанiю моему покупаетъ въ Лондонѣ, то дѣла будетъ очень довольно. При томъ же да будетъ вамъ вѣдомо, если я не писалъ ужъ объ этомъ прежде, что въ Парижѣ заказаны шрифты для печатанья арабскихъ, персидскихъ и турецкихъ книгъ. Нашелъ я также очень неожиданно книгу, которая съ давнихъ поръ интересовала насъ обоихъ, именно Saggio sopra la philosophia della lingua dal Cesarotti. Въ самомъ дѣлѣ книга умная, и не худо бы перевести ее на русскiй, чтобы уморить скорѣе Шишкова. Теперь перевожу древнiя касиды арабскiя Шанфари, Аши и Набеги; тамъ примусь за моаллаки. Турецкiй языкъ не подвигается. Если ты будешь писать разборъ Альманаха, похвали пожалуста стихи Дымчевича. Онъ славный малый — единственное утѣшенiе наше въ Одессѣ". (Мартъ 1839 г.).

Другою заботою В. В. была поѣздка на востокъ, въ Константинополь для усовершенствованiя въ турецкомъ языкѣ.

„Еще до отъѣзда моего изъ Питера — писалъ онъ Савельеву въ февралѣ 1839 г. — Д. М. Княжевичъ говорилъ объ отправленiи меня въ Константинополь. Потомъ объ этомъ ничего не было говорено, а нынче онъ сказалъ, что отправитъ представленiе объ этомъ Уварову. Дѣло хорошее. Жаль только, что мнѣ не придется пробыть тамъ болѣе мѣсяца(...). Польза отъ поѣздки въ Константинополь можетъ быть двоякая; прiобрѣтенiе нужныхъ книгъ, и большее знакомство съ турецкимъ языкомъ. Для послѣдняго мало времени, для перваго нѣтъ денегъ".

Въ то-же время собирался въ Среднюю Азiю и Савельевъ. Сочувствуя этой экспедицiи и извѣщая о своей, Григорьевъ между прочимъ писалъ ему: „Наконецъ, благодаренiе Аллаху, ты ѣдешь къ Аралу(...). Помнишь, какъ до отъѣзда въ Одессу, я самъ собирался приткнуться къ этой экспедицiи, а вышло, что ты меня замѣстилъ. Вѣрно намъ суждено всегда за одно хвататься. Дай Богъ тебѣ успѣха. Мои дѣла идутъ исправно: на дняхъ былъ экзаменъ изъ арабскаго и персидскаго. Присутствовали Негри и мой прiятель Фонтонъ. Мальчишки отвѣчали порядкомъ(...). Въ Стамбулъ отправляюсь 24 нынѣшняго мѣсяца. Это письмо получило бытiе въ отсутствiе Бенедиктова. Онъ былъ въ театрѣ, гдѣ импровизировалъ итальянецъ Джустинiани, докторъ правъ. Я слы-

шалъ его прежде и не понималъ ничего, потому, что онъ импровизируетъ на итальянскомъ. Джустиніани лицо очень извѣстное, пріобрѣвшее извѣстность давно. Онъ ѣдетъ отсюда въ Питеръ, гдѣ тебѣ не худо будетъ послушать его, или лучше сказать посмотрѣть его, если ты еще не видывалъ, что за звѣри эти импровизаторы(...). Я было хотѣлъ написать статейку объ немъ въ Лит. Прибавленія, да разсудилъ, что не къ чему, и умно сдѣлалъ".

Писалъ В. В. и Френу о своей поѣздкѣ, прося его совѣтовъ и порученій. Френъ очень сочувственно отнесся къ предстоящей командировкѣ В. В. и отъ имени Академіи Наукъ обращалъ его вниманіе на тѣ рукописи, которыя желательно было-бы пріобрѣсти. Вмѣстѣ съ тѣмъ прибавлялъ: «Je sais bien qu'une telle tâche n'est pas achevée pendant les vacances d'un seul été; mais je pense que ce ne sera pas la première et dernière fois que vous irez visiter la capitale des Ottomans sur le Bosphore». (Изъ письма отъ 11 мая 1839 г.). Нашему посланнику въ Константинополѣ Френъ отправилъ письмо, прося его содѣйствія В. В-чу въ „полезныхъ изысканіяхъ". В. В. любилъ вспоминать о своей поѣздкѣ въ Константинополь, къ сожалѣнію, очень кратковременной. Посвятивъ свои силы и способности изученію Востока, хотѣлъ онъ видѣть этотъ Востокъ собственными глазами. Была и другая причина, которая побуждала В. В. не откладывать поѣздку въ Константинополь. „Познанія мои въ арабскомъ языкѣ были достаточны для преподаванія въ лицеѣ — говорилъ онъ; персидскій я зналъ въ то время довольно хорошо, но турецкій часто приводилъ меня въ великое смущеніе, особенно стихи турецкіе: слабъ, стало быть, въ турецкомъ языкѣ, думалъ я, и очень тѣмъ безпокоился. Но вотъ пріѣхалъ я въ Константинополь и сейчасъ-же добылъ ученаго Турка и сталъ переводить съ нимъ турецкія стихотворенія. Тутъ я успокоился: оказалось, что и сами Турки многихъ стиховъ турецкихъ не понимаютъ". Это-же высказалъ В. В. въ письмѣ къ Савельеву изъ Константинополя, отъ 14 іюля 1839 года.

„Вотъ я и въ Константинополѣ, или, вѣрнѣе сказать, въ Перѣ, живу уже двѣ недѣли. Отправляясь сюда, я имѣлъ цѣлью: поучиться по турецки, осмотрѣть, сколько можно, библіотеки, купить книгъ для лицея. Въ отношеніи къ турецкому языку сдѣлать много въ мѣсяцъ нельзя, особенно когда живешь въ европейскомъ домѣ и видишься часто съ русскими. Тотчасъ по пріѣздѣ я взялъ учителя Турка, служащаго при канцеляріи нашего посольства. Начали мы переводить одну повѣсть прозой и стихами. Чего я не понимаю, того и онъ не можетъ

мнѣ растолковать. Бѣда сущая! Труда довольно, а толку мало. Въ отношеніи къ осмотру библіотекъ я надѣялся на помощь посольства. Мнѣ сказали, что оффиціально сдѣлать ничего нельзя, что я пріѣхалъ на слишкомъ короткое время, что надо завести знакомства съ Турками, давать бахшиши, и проч. Наконецъ сказали, чтобы я адресовался къ Мухину [1]) и чтобы онъ повелъ меня въ какую нибудь библіотеку. Мухину до сихъ поръ все некогда, да и самъ онъ никогда не бывалъ въ библіотекахъ. Кажется придется идти одному или просить моего учителя. Третье порученіе исполню въ скоромъ времени, только та бѣда, что многихъ даже печатныхъ книгъ нѣтъ въ продажѣ, всѣ вышли. Книжный базаръ состоитъ лавокъ изъ десяти, или лучше сказать шкаповъ изъ десяти, въ родѣ тѣхъ, которые красуются на толкучемъ. Тѣмъ не менѣе глаза такъ и разбѣгаются на книги. Все бы купилъ. Эта проклятая страсть къ книгамъ доведетъ меня когда-нибудь до раззоренія. Константинополь съ Босфоромъ славныя вещи, но сколько я ни натягивался, чтобы восхищаться, никакъ не могъ. Хорошо, очень хорошо, можетъ быть такихъ очаровательныхъ видовъ нѣтъ нигдѣ въ мірѣ, но что-же слѣдуетъ изъ этого, когда я разочарованъ, и ни отъ чего не могу приходить въ восторгъ, какъ развѣ только отъ книжныхъ лавокъ. Холодность моя крѣпко поразила поэтическую душу Карла Ѳедоровича [2]), и онъ очень удивляется моему безстрастію, отсутствію во мнѣ всякаго сочувствія къ прекрасному. Мало того, что меня не поразили окрестности Константинополя, я остался даже равнодушенъ къ улицамъ Перы и Галаты, разругать которыя всякій путешественникъ считаетъ непремѣнною своею обязанностію(...). Дурно то, что перемѣна Махмуда на Абдулъ-Меджида до сихъ поръ не ознаменовалась никакимъ смятеніемъ. Все тихо и спокойно какъ нельзя болѣе, а я ожидалъ чортъ знаетъ чего и понапрасну зарядилъ пистолеты. Въ Перѣ Европейцы гораздо болѣе хозяева, чѣмъ Турки, да и въ самомъ Константинополѣ сіи послѣдніе очень чувствуютъ, что ихъ существованіе очень précaire".

Мѣсяцъ съ небольшимъ провелъ В. В. въ Константинополѣ и исполнивъ кое-какъ всѣ три порученія, направился въ отечество свое. 4 августа пароходъ прибылъ въ Одессу, а на другой день пассажировъ водворили въ карантинѣ на двухъ-недѣльную обсервацію. Изъ каран-

---

[1]) Въ то время Мухинъ состоялъ четвертымъ драгоманомъ.

[2]) К. Ѳ. Амбурьеръ.

тина Григорьевъ написалъ Савельеву большое письмо, которое показываетъ, какой крупный переворотъ совершился у В. В. въ его самопознаніи отъ одного, повидимому пустаго обстоятельства: сидѣнья въ карантинѣ. Бодрость духа, даже восторженность и увѣренность въ своихъ силахъ одушевляютъ это письмо:

„Радуйся, Савка, коли ты другъ мнѣ, радуйся и веселись. Я нашелъ давно преслѣдуемое мною спокойствіе духа(...). Жизнь въ Одессѣ была для меня дьявольски скучна. Немудрено: со мной не было ни тебя, ни прочихъ иныхъ негодяевъ, которыхъ я не промѣняю на тысячу порядочныхъ людей. Но меня тошнило со скуки и въ Петербургѣ, гдѣ былъ и ты и другіе. Явно, что источникъ скуки крылся въ чемъ нибудь другомъ, а не разлукѣ со всѣмъ, что я привыкъ любить на родинѣ; онъ крылся въ неудовольствіи на самого себя, за лѣнь, за то что я дѣлалъ несравненно менѣе, чѣмъ могъ, чѣмъ долженъ былъ дѣлать по моимъ понятіямъ. Хорошо; но виноватъ-ли былъ я одинъ въ томъ, что такъ мало работалъ? Нѣтъ. Иногда я и желалъ трудиться, но мнѣ мѣшали. Здѣсь въ карантинѣ мнѣ никто не мѣшаетъ; я занимаюсь на свободѣ, занимаюсь болѣе обыкновеннаго, и сталъ довольнѣе собою, спокойнѣе духомъ, цѣлую недѣлю не знаю, что такое тоска и скука. Здѣсь я могу работать почти цѣлый день. Встаю въ 6 часовъ поутру, занимаюсь до $10^1/_2$ или 11. Въ это время кто нибудь, Бенедиктовъ, Протопоповъ, Соловьевъ приходятъ навѣстить меня и поболтать черезъ три желѣзныя рѣшетки. Бьетъ 12 часовъ, и моихъ гостей караульные гонятъ вонъ. Я опять могу заниматься до самаго вечера. Вечеромъ ѣмъ арбузы. Блаженное существованіе, которому, чтобы быть совершеннымъ, не достаетъ только, чтобъ мнѣ позволили сидѣть со свѣчею до 12 часовъ ночи; а то въ 9 часовъ надо тушить огонь. Спать не хочется, и я принужденъ часа два, три ходить взадъ и впередъ по моей комнатѣ, или крошечному дворику, мечтать о счастіи карантиннаго житья и глядѣть на луну. Въ продолженіе сидѣнья моего въ обсерваціи (караульный терминъ) я перевелъ съ толкомъ страницъ полтораста турецкаго тексту хорошаго, почти совсѣмъ довелъ до конца статью о моей поѣздкѣ въ Константинополь, листа въ три печатныхъ величиною, и написалъ гибель писемъ. Это еще не много, но меня веселитъ, что я занимаюсь съ любовію, что работаю не отъ скуки, чтобы убить время, а потому, что вотъ меня такъ и тянетъ писать. Нѣсколько разъ я вставалъ даже ночью и писалъ карандашемъ въ темнотѣ(...). Къ сожалѣнію мое блаженство скоро кончится. Сегодня послѣдній день сидѣть, а завтра вытолкаютъ вонъ и назадъ никакъ не пустятъ. Выйду изъ ка-

рантина, знаю, что опять забаклушничаю, и тебѣ снова придется читать мнѣ рацеи о пользѣ и необходимости занятій“. (18 августа 1839 года).

Савельевъ оказался дѣйствительно другомъ Григорьева: желалъ, чтобы Одесса сдѣлалась для Григорьева карантиномъ, и чтобы онъ „цѣлый вѣкъ просидѣлъ въ обсерваціи“. Пожеланіе, какъ увидимъ изъ слѣдующаго письма В. В-ча Савельеву, далеко не лишнее. Это письмо начинается жалобою, что никто, кромѣ Савельева не пишетъ къ нему.

„Неужели всѣ дружбы на свѣтѣ лопаются такъ скоро, или цѣнятся такъ мало? Неужели надобно необходимо дойти до того заключенія, что я одинъ на свѣтѣ честный человѣкъ, а всѣ другіе скоты, заключеніе, которое доселѣ казалось мнѣ столь нелѣпымъ въ людяхъ, разочарованныхъ на счетъ дружбы. Ей Богу, того и гляди, что ты перестанешь писать на томъ основаніи, что не о чемъ писать, и я останусь одинъ въ компаніи съ перекувыркнутыми понятіями моими о людской привязанности. Страшно подумать, что будетъ тогда моя жизнь: Вѣру я потерялъ, въ науку не вѣрю, истины не нахожу, и убѣжденъ, что найти не могу, для любви сердце закрыто герметически(...). Съ выходомъ изъ карантина рай мой кончился. Опять шумъ, сплетни, гадость, бездѣльничество. Работаю урывками. Перевожу древнія стихотворенія арабскія и дѣлаю выписки касательно Крыма изъ лѣтописи Наимы, кромѣ того утромъ занятъ скопировываніемъ старинныхъ грамотъ крымскихъ хановъ. Выписки изъ Наимы назначаются въ записки общества исторіи и древностей. Издавать отдѣльно я покуда не могу ничего: нѣтъ типографіи восточной. Шрифты заказаны, но когда придутъ — Богъ вѣсть; а тамъ надо еще наборщиковъ образовывать. Книги Воронцовскія тоже еще не получены. Зимой сего года, или въ генварѣ будущаго я пріѣду къ тебѣ въ Питеръ погостить(...). Только ради Бога не говори никому о пріѣздѣ моемъ, особенно чтобы папа мой не зналъ объ этомъ. Обрадую его нечаянно. Намѣренъ я съѣздить въ Питеръ по разнымъ причинамъ. Думаю даже и въ Ригу завернуть [1]). Надо провѣдать, что дѣлаютъ непишущіе друзья“. (19 сентября 1839 г.).

Это письмо ужъ не похоже на предыдущее. Какое-то разочарованіе охватило В. В. вскорѣ-же по возвращеніи его въ Одессу. Но тутъ къ душевному спокойствію и довольству самимъ собою былъ найденъ тотъ путь, который именно и указываетъ на вѣру въ науку: кто на-

---

[1]) Въ Ригѣ жилъ Я. М. Невѣровъ.

ходитъ утѣшеніе въ ученыхъ работахъ, тотъ не потерялъ вѣры въ нее. Въ это время В. В. занимался изслѣдованіемъ „о восточномъ элементѣ въ русскомъ языкѣ", о чемъ и сообщалъ Савельеву письмомъ отъ 22—25 сентября.

„Жаль мнѣ тебя, Савка! Что ты такое теперь, послѣ замѣчаній, помѣщенныхъ на тебя въ Петербургскихъ Вѣдомостяхъ (.....)? Да, братъ, отдѣлалъ тебя господинъ Ступинъ такъ, что въ добрые люди показаться нельзя, погубилъ, злодѣй, навѣки, поразилъ славу твою въ самый хвостъ. Что, чувствуешь теперь, каково быть обруганнымъ торжественно, публично, среди бѣлаго дня, обруганнымъ въ шести тысячахъ экземпляровъ, во услышаніе цѣлой Россіи? Понимаешь теперь, каково было Гейтлину отъ извѣстной рецензіи [1])? Погоди, и меня ждетъ твоя доля, и меня посрамитъ Гейтлинъ, и я буду пораженъ на поляхъ предисловія къ чухонской книгѣ. Что-же дѣлать; умѣй кататься, умѣй и саночки возить. Говоря безъ шутокъ, замѣчанія Ступина вкупѣ съ Шейхомъ ни въ какомъ случаѣ не должны быть тебѣ пріятны. Что за радость тебѣ подвергнуться глупымъ придиркамъ, тогда какъ ты писалъ то, что писалъ изъ желанія добра этому арабу, а онъ (.....) вздумалъ этимъ обижаться? Въ утѣшеніе въ этомъ пораженіи, претерпѣнномъ тобою въ Питерѣ, я сообщу тебѣ о нашемъ торжествѣ въ другомъ мѣстѣ, въ Казани. Знаешь, Савка, мы трудились не безъ пользы въ Энцикл. Лексиконѣ: присланный сюда старшимъ учителемъ В. Яз. казанскій кандидатъ Шутовъ говоритъ, что статьи наши объ исторіи Востока служили большою помощью казанскимъ студентамъ при изученіи оной подъ руководствомъ Ердмана; что Ердманъ читалъ весьма непонятно и что мракъ его преподаванія они разъясняли только свѣтомъ нашей учености. Это, ей Богу, пріятно слышать (.....). Тебѣ извѣстно уже, что я занимаюсь сочиненіемъ „О восточномъ элементѣ въ Русскомъ языкѣ", которое должно быть окончено зимою и напечатано весною. Я рѣшился на такой подвигъ, не смотря на краткость срока, который назначенъ мною для совершенія его, и на совершенное отсутствіе нужныхъ пособій. Откладывать въ долгій ящикъ—не сдѣлаешь никогда; стремиться къ совершенству—не сдѣлаешь ничего. Эти заключенія мы оба могли давно уже вывести изъ собственнаго опыта. Итакъ, я рѣшился сдѣлать то, что возможно для меня въ настоящемъ состояніи моихъ свѣдѣній и средствъ. Я сдѣлаю опытъ и покажу дорогу другимъ. Пусть трудятся

---

[1]) Рецензія В. В. на Specimen academicum Pendnameh (въ Сѣверной Пчелѣ 1835 № 143).

по моимъ указаніямъ; а если обстоятельства позволятъ, я самъ современемъ постараюсь дать этому труду видъ болѣе совершенный".

Къ сожалѣнію, В. В. не осуществилъ своего намѣренія, восточнаго элемента въ русскомъ языкѣ не разобралъ; но собранный матеріалъ послужилъ ему къ составленію другой статьи, появившейся лѣтъ 15 спустя.

Кромѣ этой работы задуманы были Григорьевымъ и другія, не менѣе важныя, но также не увидѣвшія свѣтъ. Изъ письма къ Савельеву отъ 13 октября 1839 года мы видимъ, какіе планы составлялъ въ то время Григорьевъ:

„Я занимаюсь теперь извлеченіемъ изъ Наимы всѣхъ passages qui ont rapport aux Tartares de la Crimée. Одну часть выписокъ дамъ въ „Труды общества древностей", другую въ журналъ министерства. Вмѣстѣ съ тѣмъ обдумываю планъ „Опыта исторіи Крыма подъ владычествомъ Гиреевъ". Чтобы не затягивать дѣла въ даль идеальнымъ совершенствомъ, я рѣшаюсь сдѣлать его такъ, какъ позволяютъ матеріалы, находящіеся въ моемъ распоряженіи. Этимъ трудомъ я угожу Воронцову, прибавлю себѣ ученаго вѣса, и еще могу выбрать изъ него положенія для диссертаціи, если надобно будетъ необходимо защищать ее и держать экзаменъ, если не утвердятъ профессоромъ такъ, ни за что ни про что. Впрочемъ я не отчаяваюсь и въ послѣднемъ. Дмитрій Максимовичъ благоволитъ ко мнѣ по прежнему, и я поговорю съ нимъ непремѣнно о моемъ представленіи, лишь только что нибудь изъ моихъ статей будетъ напечатано. Статья альманачная о поѣздкѣ въ Константинополь будетъ отпечатана отдѣльно [1]). Сверхъ того, можетъ быть, и въ Одесскомъ календарѣ явится еще моя статья: „Совѣты ѣдущимъ въ Константинополь", или нѣчто въ этомъ родѣ. Приходится съ одного барана двѣ шкуры драть. Нечего дѣлать. Велятъ, и должно исполнять".

Живя въ Одессѣ, не прочь былъ В. В. и жениться. По крайней мѣрѣ высказалъ онъ Савельеву свой взглядъ на женитьбу:

„Я кажется писалъ тебѣ, что поссорился съ Ершовымъ. Онъ влюбился и хотѣлъ, чтобы я удивлялся такому великому дѣлу, я не удивлялся, а онъ разсердился. Я его разругалъ, тѣмъ дѣло было и кончи-

[1]) Статья В. В. „Поѣздка въ Константинополь" встрѣчена была въ Петербургѣ вообще сочувственно. „С.-Петербургскія Вѣдомости" (№ 52, 1840 г.) и „Сынъ Отечества" (№ 4) очень расхвалили ее, даже Менцовъ съ покровительственнымъ тономъ похвалилъ въ мартовской книжкѣ журнала „Мин. Нар. Просв." (Обозрѣніе русскихъ книгъ). Только „Библіотека для Чтенія" (кн. 2) отнеслась къ ней иначе. „Отъ г. Изафети-Маклуба, сказано тамъ, какъ *мусульмандже окуръ язаръ*, т. е. имѣющаго преимущество быть оріенталистомъ, мы ожидали чего-нибудь получше его поѣздки въ Константинополь".

лось, только вдругъ получаю вчера письмо отъ него съ извѣщеніемъ, что онъ вступилъ въ законный бракъ со своей любовію! Что, Савка, нашего полку убываетъ. Того и гляди, что изъ насъ кто нибудь обабится, хотя я напримѣръ.... Скука ужасная, и есть дѣвушка на примѣтѣ. Только я изъ женитьбы моей не сдѣлаю важнаго дѣла. Женитьба есть зло, которое надо дѣлать, завязавши глаза, безъ дальнихъ разсужденій, а то какъ подумаешь о глубинѣ пропасти, надъ которою стоишь, такъ голова закружится и страшно становится (....). Тебѣ смѣшно, что я пишу о женитьбѣ, какъ дѣлѣ рѣшеномъ, и мнѣ смѣшно, да что-же дѣлать. Засмѣешься да и женишься, а тамъ заплачешь. Такъ ужъ водится (....). Намѣреніе обабиться борется еще покуда съ желаніемъ учиться. У меня есть славная идея по части вліянія татарскаго языка на русскій; только Ершовъ увѣряетъ, что женатому работать лучше". (Изъ письма отъ 30 октября 1839 г.).

А между тѣмъ В. В. очень стосковался въ Одессѣ. Разлука съ Савельевымъ, единственнымъ человѣкомъ, который понималъ В. В., дѣлалась для послѣдняго все чувствительнѣе и чувствительнѣе. Той искренней дружбы, которой такъ дорожилъ В. В., не находилъ онъ въ Одессѣ. „Отечество—мое первое слово. Дружба -послѣднее. Этими двумя понятіями я только и живу"—говорилъ В. В. И никогда не допускалъ онъ легкаго отношенія къ этимъ понятіямъ. Чѣмъ ближе подступало время для поѣздки, чѣмъ ближе подходило время рождественскихъ каникулъ тѣмъ больше занимался В. В. своею поѣздкою. Въ письмѣ къ Савельеву онъ говорилъ:

„Нужда отвести душу дружескою бесѣдою и передать тебѣ мои мечты становится требовательнѣе со дня на день, такъ что зимою я во что-бы то ни стало, прикачу къ тебѣ въ Питеръ, къ тебѣ именно, потому что не будь тебя тамъ, очень вѣроятно, что я не рѣшился-бы ѣхать такъ далеко. Я, Савка, не изъ тѣхъ, которые считаютъ дружбу пустымъ звукомъ, я буду вѣренъ этому заблужденію, если дружба точно не существуетъ, покуда другіе не разочаруютъ меня, самъ-же первый je ne lacherai pied". Тутъ же узнаемъ мы еще объ одномъ ученомъ предпріятіи, нѣкогда занимавшемъ В. В. „Планъ твой сдѣлать Collectanea для народовъ, о которыхъ упоминаютъ восточные—былъ когда-то и моимъ, помнишь? Теперь alia tempora, благословляю и разрѣшаю, дѣлай что хочешь; касательно же того, какъ дѣлать, потолкуемъ зимою". (8 ноября 1839 г.).

Въ слѣдующемъ письмѣ, возвращаясь къ тому-же намѣренію пріѣхать въ Петербургъ, В. В. писалъ: „Списокъ купленныхъ мною въ

Константинополѣ книгъ я тебѣ послалъ; кромѣ того я купилъ: Guide dn voyageur à Constantinople; Histoire de la guerre de Mehemet-aly contre les Turcs en 1834; Description du Tibet par Reuilly; нѣсколько сочиненій о Новой-Греціи, нѣсколько книгъ, печатанныхъ въ Одессѣ — ну и все. За то я читалъ кое-что чужое, очень много любопытнаго, такого, о чемъ ты не слыхивалъ. Если пріѣду въ Питеръ, такъ удивлю тебя свѣдѣніями въ новѣйшей исторіи. Я знаю теперь всю политику, всю-отъ конца до конца, знаю наизусть Одесскій альманахъ на 1839 годъ, знаю всѣ стихи Протопопова (. . . .) знаю, какъ надуваютъ умныхъ друзей, и чортъ знаетъ, чего я не знаю еще. Одного не знаю: какъ-бы ухитриться въ Петербургъ махнуть, да махнуть съ толкомъ, аккуратно, а не очертя голову". Далѣе, переходя къ своимъ занятіямъ, В. В. сообщалъ:

„Завтра второе засѣданіе нашего общества. Переводчикъ Воронцова Борзенко представилъ сдѣланные имъ переводы Бахчисарайскихъ надписей, и списалъ самые тексты арабскіе и татарскіе. Я взялся разсмотрѣть его статью, и завтра представлю мой отчетъ, въ которомъ со всею возможною скромностію и уваженіемъ къ его уму и талантамъ и знаніямъ, доказываю, что онъ навралъ отъ начала до конца, по арабски и въ зубъ толкнуть не съумѣетъ, а по татарски смыслитъ немного болѣе, чѣмъ (. . .). Ужъ навѣрное я наживу себѣ врага въ Борзенко, да мнѣ что за дѣло; пусть себѣ злится. Потомъ я скоро напишу великолѣпную статью объ ярлыкахъ, Монгольскихъ и Татарскихъ. Самъ Катмеръ похвалитъ, а я уважаю его теперь паче всѣхъ оріенталистовъ и хочу писать ему апологію". (Изъ письма отъ 28 ноября 1839 г.).

На рождественскіе каникулы Григорьевъ дѣйствительно пріѣхалъ въ Петербургъ. Поѣздка осталась не безслѣдною для обоихъ друзей. Какъ ни часто переписывались они, но въ письмахъ не такъ-то удобно высказаться и обсуждать дѣла, къ тому-же В. В. избѣгалъ писать дѣловыя письма; а побесѣдовать откровенно объ ученыхъ трудахъ, своихъ и чужихъ, и особенно о планахъ задуманныхъ работъ любилъ съ близкими людьми. И конечно, самою важною темою для бесѣдъ служили эти планы.

Вернувшись въ Одессу, Григорьевъ писалъ Савельеву (22 февраля 1840 г.):

"Эль-хамду лильллагъ"! Добрался я наконецъ до моей ненаглядной Одессы. Живу въ ней вотъ уже около недѣли, и все еще не попалъ совершенно въ колею обычной жизни моей. Причиною этому то, что Одесситы и Одесситки перебѣсились нынѣшнею зимою съ радости отъ пріѣзда Воронцова—пляшутъ на убой, ѣдятъ на смерть; упиваются по свински и даютъ

спектакли въ пользу бѣдныхъ. Я пріѣхалъ сюда 16 числа передъ масляницею и попалъ въ самый разгаръ Одесскаго разгулья, такъ что волею, неволею самъ долженъ былъ принять въ немъ участіе всѣми способностями желудка и глотки(...). Перемѣнъ въ другихъ лицахъ и ихъ взаимныхъ отношеніяхъ я не нашелъ. Все по прежнему обстоитъ блаполучно. Княжевичъ принялъ меня очень ласково, не смотря на то, что я опоздалъ цѣлою недѣлю противъ срока. Надеждинъ милъ какъ и всегда. Путь мой отъ Питера до Москвы замѣчателенъ тѣмъ, что вмѣсто трехъ сутокъ, мы съ компаніей совершили его въ $3^1/_2$(...). Пріѣхавъ въ Москву я прямо отправился къ Грановскому, поселился у него и жилъ въ его квартирѣ до самого выѣзда изъ Москвы, послѣдовавшаго 5 февраля. Грановскаго я нашелъ нѣсколько перемѣнившимся въ пользу его и другихъ. Онъ сталъ гораздо добрѣе и третабильнѣе, рѣже острить и меньше ругается. Наши отношенія нисколько не потерпѣли отъ четырехъ лѣтъ разлуки. Мы встрѣтились такими-же пріятелями, какими разстались. Я былъ у него на лекціи. Онъ читалъ: „о внутреннихъ источникахъ Скандинавской исторіи" и читалъ такъ—нешто. У Грановскаго познакомился я съ нѣкоторыми другими молодыми профессорами. Не знаю, самолюбіе-ли говоритъ во мнѣ, или это дѣйствительно такъ, только эти господа не показались мнѣ весьма учеными мужами. Хуже всего то, что дальше Нѣмцевъ они и глядѣть не осмѣливаются. Наконецъ мы выѣхали. Между Москвой и Тулой насъ не убили; не убили и до самаго Кіева, куда мы добрались ночью съ 12 на 13 февраля (. . .). Изъ Кіева до Одессы я проѣхалъ 600 верстъ въ двое сутокъ съ половиною. Очень скоро (. . . .). Изъ этого я вывелъ то заключеніе, что впередъ надлежитъ ѣздить всегда одному безъ компаніи".

Изъ слѣдующаго письма (отъ 18—21 марта 1840 года) узнаемъ, что В. В. не вошелъ еще въ обычную колею; а отъ занятій отвлекался онъ пріемомъ полученныхъ книгъ:

„Ага, почтеннѣйшій Павелъ Степановичь, излѣнился, полно намъ наставленія давать, начинаешь прятаться въ траншею сестриной свадьбы, мазать по губамъ обѣщаніемъ статей о Хивѣ, задабривать похвалами въ журналѣ министерства[1])? Хорошо, что и я въ это время не много надѣлалъ, а то-бы задалъ тебѣ трезвону, такъ что своихъ не узналъ-бы. Все это время возился съ пріемомъ восточныхъ книгъ, присланныхъ Воронцовымъ, и все еще не окончилъ пріема: столько тутъ формъ и процедуръ. Что это за книги, ты знаешь, видѣвши списокъ имъ еще въ

---

[1]) Въ 1 номерѣ журнала „Мин. Нар. Просв." за 1840 годъ Савельевъ помѣстилъ статью о Journal Asiatique, въ которой воспѣлъ „хвалебные гимны" Катрмеру и Григорьеву.

Петербургѣ, передъ отправленіемъ моимъ на служеніе въ Одессу въ 1838 г. Наконецъ попали онѣ мнѣ въ руки—дамъ-же я имъ знать себя; прежде всего хватаюсь за Лемсдена персидскую граматику и словарь его величества, короля удскаго; а путешествій-то, путешествій—охабка цѣлая, и все въ За-гангскія земли (. . . .). Здѣсь полагается начало великимъ переворотамъ въ лицеѣ. Я веду себя такъ, что не будь я знаменитый оріенталистъ, на меня-бы давно обрушился гнѣвъ Княжевича, по той причинѣ единственно, что я не признаю надъ собою верховной власти Надеждина, который по силѣ этой власти хочетъ заставить меня уважать Линовскаго—п...ъ qui fait la cour à Nadejdine. Вообще это скверная исторія, о которой я не стану писать и которую разскажу тебѣ можетъ быть лично въ Петербургѣ, если она заставитъ меня оставить лицей; но до этого еще далеко, и можетъ быть туча пройдетъ мимо“.

Загадочное окончаніе письма встревожило Савельева. Онъ хотя и смотрѣлъ на пребываніе Григорьева въ Одессѣ, какъ на временное, тѣмъ не менѣе видѣлъ, что оставлять лицей теперь—безразсудно, и старался убѣдить въ этомъ Григорьева: „не безалаберничай à la С—въ, писалъ онъ, ты имѣешь-же столько благоразумія, чтобъ не ввязываться въ глупыя сплетни. Чорта ли тебѣ съ лицейскими сплетнями? И тотчасъ пугаешь насъ разводомъ съ лицеемъ? Что за глупость, и вѣрно за какое нибудь пустое слово со стороны Надеждина или другихъ! Напередъ постарайся объ утвержденіи себя профессоромъ: это необходимо, чтобы тебѣ не лихомъ поминать лицей“.

Но все кончилось благополучно, и Григорьевъ поспѣшилъ успокоить своего друга:

„Съ Надеждинымъ я вовсе не ссорился, а такъ мы охолодѣли другъ къ другу вслѣдствіе разныхъ причинъ; но теперь онъ снова начинаетъ воспалятся ко мнѣ страстію, и скоро ты увидишь печатныя доказательства этому. Ты правъ—я не такъ глупъ, чтобы заводить ссоры и оставлять лицей не добившись того, зачѣмъ пріѣхалъ; но прежде всего — терпѣніе! Что касается до общества древностей, то оно теперь печатаетъ рѣчи своихъ сочленовъ, которыя скоро явятся въ свѣтъ. Желаешь видѣть, что я творю въ ономъ—читай протоколы засѣданій его въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“. Завтра у Надеждина театральное представленіе, въ родѣ того, въ которомъ участвовали въ прошломъ году я и Соловьевъ. Цѣль представленія—разсѣять Княжевича, который все хандритъ (....). Рѣчь моя для акта пишется туго и выходитъ что-то вельми натянутое, чтобы не сказать пошлое; но что прикажешь дѣлать, когда нѣтъ матеріаловъ, чтобы сдѣлать что нибудь потолковѣе“. (24 апрѣля 1840 года).

Упоминаемая въ концѣ письма рѣчь, которую вызвался приготовить для акта В. В., носитъ названіе: „Объ отношеніи Россіи къ Востоку“. Какъ рѣчь, она ничуть не хуже другихъ подобныхъ же академическихъ рѣчей, пожалуй даже лучше многихъ, но, надо сознаться, этотъ важный вопросъ затронутъ въ ней очень слегка. Писанная по обязанности, безъ всякаго увлеченія темой, была она къ тому-же обезображена въ печати многими пропусками, и самъ В. В. не признавалъ ее удачной[1]).

Савельевъ откровенно высказалъ свое мнѣніе объ этой рѣчи, отозвавшись о ней: *хамдъ-ве-сена* [2]), и ничего больше. Но „Отечественныя Записки“ встрѣтили ее очень сочувственно и похвалили „за одушевленіе, съ которымъ она написана“.Сочувственно отозвался о ней и „Маякъ“.

Не придавая важнаго значенія своей рѣчи, В. В. все таки отшучивался отъ нападокъ Савельева и въ отвѣтъ на „хамдъ-ве-сена“ писалъ: „что касается до вашего мнѣнія о моей рѣчи, то я плюю на него и больше ничего. К...й лучше понимаетъ меня, чѣмъ ты: ты еще не напитался довольно православіемъ и народностію, чтобы почувствовать все обиліе совершенствъ такого глубокаго произведенія, какъ моя рѣчь. Я, не шутя, писалъ ее съ одушевленіемъ, какова она ни вышла“. (Изъ письма отъ 13 окт. 1840 г.). Рѣчь была переведена на нѣмецкій языкъ и помѣщена въ Allgem. Augsburg. Zeit. 1841 г. № 2, подъ заглавіемъ „Eine Stimme über Russlands Verhältnisse zu Asien“.

Въ это-же время впервые серьезно занялся В. В. нумизматикой и вотъ по какому случаю. Княжевичъ пріобрѣлъ для Одесскаго общества Исторіи и древностей кладъ съ восточными монетами, найденный въ Рязанской губерніи, и Григорьеву предложили разобрать и опредѣлить монеты, на что онъ согласился и занялся работой особенно старательно, чтобы не ударить лицемъ въ грязь. Этого и было достаточно для того, чтобы войдти во вкусъ нумизматическихъ занятій. О нихъ Савельевъ былъ извѣщенъ письмомъ (отъ 26 мая 1840 г.):

„Книгъ твоихъ, вмѣстѣ съ статьею о Хивѣ [3]), я не посылалъ еще

---

[1]) Лѣтомъ 1840 года Григорьевъ, отправляя Савельеву рѣчи членовъ Общества древностей, писалъ: „скоро опять пришлю тебѣ посылку: то будутъ тоже „рѣчи“ только не „общественныя“, а „лицейскія“, въ томъ числѣ и моя грѣшная. Начальство укоротило ее чуть чуть не въ половину. Во многихъ мѣстахъ ради удовольствія публики выкину та связь предложеній; но... стоитъ-ли говорить объ этакой дряни“!

[2]) Восхваленіе и благодареніе.

[3]) В. В. добылъ у одного знакомаго въ Одессѣ рукопись о Хивѣ, составленную въ 1803 году и обѣщалъ прислать ее Савельеву, который въ это время готовилъ статью о Хивинскомъ ханствѣ.

по разнымъ причинамъ; но пошлю ихъ непремѣнно въ среду 29 мая. Вскорѣ затѣмъ ты получишь еще Pracht Ausgabe рѣчей Княжевича и Надеждина, читанныхъ въ обществѣ древностей. Альманахъ Одесскій я просилъ отвезти къ отцу Мухина, который выѣхалъ отсюда на дняхъ и черезъ мѣсяцъ явится въ Питеръ. Онъ будетъ непремѣнно у тебя. Познакомься съ его Арабомъ. Это тотъ самый знаменитый Мухаммедъ Айядъ Тантауи, котораго превознесъ господинъ Фульгенцій Френель. Мухинъ между прочимъ везетъ съ собою мумію, которая прослыла за мощи, и благочестивые Одесситы такъ и лезли къ Мухину съ просьбою позволить имъ приложиться къ святынѣ. Все это глупости. Умно то, что Княжевичъ обѣщался сдѣлать на дняхъ представленіе объ утвержденіи меня въ профессорствѣ. Буду писать къ Френу о содѣйствіи. Помогай и ты, чѣмъ можешь. Авось удастся.... Рязанской губерніи Зарайскаго уѣзда, въ селѣ Бѣломъ Омутѣ открыты восточныя монеты. Княжевичъ купилъ ихъ и подарилъ Обществу, а я разобралъ и описалъ. Все абассидскія, саманидскія, зіяридскія и буидскія. При семъ случаѣ, не имѣя подъ рукою ничего о Буидахъ, я прочелъ объ нихъ твою статью въ Лексиконѣ. Очень недурно. Описаніе мое я просилъ отослать къ Френу на просмотръ (....). Шрифты арабскіе и персидскіе, выписанные Воронцовымъ, явились наконецъ въ Одессу. Теперь идетъ дѣло о заведеніи типографіи при лицеѣ. Статью въ Маякъ я очень радъ написать, да не о чемъ и не изъ чего, а деньги очень нужны. Думаю свахлять что-нибудь о *десатиръ*, знаешь, что издана въ Бомбаѣ муллою Фирузомъ". Въ P. S. „Пожалуйста-же похлопочи объ моемъ утвержденіи, т. е. похвали меня лишній разъ передъ Френомъ. Онъ обѣщалъ съѣздить къ министру замолвить словечко въ мою пользу. Я напомню ему объ этомъ. Ну, а если откажутъ"?

Это письмо поясняетъ намъ, что у В. В. блеснула надежда сдѣлаться профессоромъ помимо необходимыхъ для этого испытаній, чему было тогда нѣсколько примѣровъ. Такъ, въ Петербургѣ Мухлинскій былъ утвержденъ профессоромъ внѣ правилъ. Находясь въ разладѣ съ петербургскими профессорами, у которыхъ надо было держать экзаменъ, В. В. ожидалъ придирокъ съ ихъ стороны и боялся потому потерпѣть фіаско. Онъ былъ убѣжденъ, что экзамена въ Петербургѣ не выдержитъ. Аттака на министра поведена была съ двухъ сторонъ: изъ Одессы сдѣлалъ представленіе Княжевичъ, Френъ взялся дѣйствовать въ Петербургѣ. О послѣднемъ Савельевъ писалъ Григорьеву: „Объ утвержденіи Френъ сказалъ, что будетъ ревностно стараться. Мы съ нимъ и прежде не разъ говорили о пустотѣ нашихъ экзаменовъ, и онъ убѣжденъ, что безъ нихъ

можно быть ученымъ и даже нѣмцемъ. Лишь-бы убѣдительнѣе передалъ это свое убѣжденіе министру"! (8 іюня 1840 г.).

Затѣмъ 16 августа по поводу того-же дѣла Савельевъ писалъ:

„Я былъ у Френа. Получивъ твое письмо, онъ немедленно написалъ о тебѣ къ министру, который былъ тогда въ Москвѣ и кромѣ того тотчасъ же съѣздилъ самъ къ Ширинскому, который также обѣщалъ полное свое содѣйствіе. „Я охотно употребилъ все возможное съ моей стороны", сказалъ добрый старикъ. Я поѣхалъ справляться у Комовскаго, но къ сожалѣнію не засталъ его въ канцеляріи. Успѣхъ, впрочемъ, кажется, несомнѣненъ, чему напередъ радуюсь. Относительно твоего описанія монетъ, Френъ сказалъ, что оно „recht gut", только монету волжскихъ Булгаровъ ты принялъ за саманидскую. „Впрочемъ, эта самая ошибка и со мною встрѣтилась въ первый разъ", сказалъ Френъ".

Но всѣ ходатайства не имѣли успѣха: въ утвержденіи Григорьева профессоромъ отказано „за неимѣніемъ нужной ученой степени". Такое рѣшеніе, когда, повидимому, все было въ пользу В. В. застало его врасплохъ и онъ на первое время, какъ будто растерялся: такое впечатлѣніе производитъ его письмо къ Савельеву, отъ 24 августа:

„Затѣмъ честь имѣю извѣстить, что на представленіе Княжевича объ утвержденіи меня на профессорствѣ—послѣдовалъ отказъ, и я остаюсь все тѣмъ-же кандидатомъ, какимъ знали вы меня шесть лѣтъ назадъ. Что мнѣ теперь дѣлать? Выходить въ отставку и ѣхать въ Питеръ баклуши бить, или отправляться въ Москву держать экзаменъ? А если не выдержу, каково-же будетъ мнѣ ворочаться назадъ въ Одессу оплеваннымъ? Напиши-ка мнѣ, что ты думаешь о семъ предметѣ. Въ ожиданіи полученія твоихъ мудрыхъ разсужденій, я рѣшился написать и напечатать „Опытъ изслѣдованія восточной стихіи въ Русскомъ языкѣ". Я думалъ издавна объ этомъ, и теперь хочу непремѣнно написать книгу, какова-бы она ни вышла, а вытти очень хорошею она не можетъ... На гимназическомъ актѣ будетъ читаться рѣчь по арабски моего сочиненія. Каково?"

Но слѣдующее письмо, черезъ недѣлю, показываетъ, что В. В. скоро обдумалъ свое положеніе и сообразилъ, что надо дѣлать: „Ты братъ, премилый малый!—писалъ онъ Савельеву—это заключеніе я вывелъ изъ твоего послѣдняго письма, полученнаго мною сегодня. Ты таки смыслишь во мнѣ малую толику и ведешь себя отлично умно. Разсказавши о моей неудачѣ, (о которой я давно уже знаю), ты не пустился въ глупыя утѣшенія, и прекрасно. Въ противномъ случаѣ ты-бы заставилъ думать дурно о тебѣ самомъ. Ну такой-ли я.... чтобы отказъ въ надворномъ совѣтничествѣ могъ разстроить меня нравственно? На что бы я тогда походилъ? Сказать прав-

ду, такъ это еще можетъ быть къ лучшему, потому что возбуждаетъ во мнѣ энергію: не хотятъ дать, такъ надо взять! Я, знаешь, немножко изъ числа упрямыхъ". Однако настроеніе у В. В. было довольно грустное, какъ видно изъ слѣдующихъ строкъ:

„Какъ-то смѣшно изъясняться въ дружбѣ, но есть минуты, когда не можешь удержаться отъ этихъ изъясненій. Эй, Савка, не измѣняй только ты, а на мою привязанность можно положиться. Искреннее расположеніе ко мнѣ я цѣню выше всего. Я часто повторялъ эти слова и думаю, что не отступлюсь отъ нихъ никогда. Не будемъ эгоистами; не изъ чего. Мое *я* кажется мнѣ очень жалкою вещью, чтобы ее стоило дѣлать центромъ жизненной дѣятельности. Жить для счастія, для пользы другихъ въ тысячу разъ лучше. Сознаніе, что ты исполняешь свой долгъ, что ты правъ передъ своими правилами—лучшая награда, или болѣе, это атмосфера, внѣ которой нѣтъ жизни для духа. Чѣмъ болѣе сознаю я въ себѣ присутствіе эгоизма, тѣмъ мнѣ душнѣе, тягостнѣе; чѣмъ чище передъ совѣстію, тѣмъ я спокойнѣе... Не станемъ жаловаться на неудачи, а станемъ работать dans les vignes de l'humanité. Plus j'avance en âge, plus de résolution je trouve en dedans de moi pour me vouer tout entier au service de ma patrie. La vie pour elle même ne vaut rien, mais sacrifiée au bien des autres elle est encore supportable. C'est encore de l'égoisme, soit, pourtant si tout le monde était égoiste de la sorte, nous vivrions peut être plus heureusement. А глупъ таки я: хотѣлъ сказать что-то, и не смогъ, даромъ что на двухъ діалектахъ изъяснялся. Ничего—лучше быть благонамѣреннымъ глупцомъ, чѣмъ умнымъ эгоистомъ.

„Послѣ двухъ страницъ домашней философіи можно поговорить и о чемъ нибудь по положительнѣе. Подробности объ отказѣ моемъ можешь узнать, если это тебѣ интересно, изъ письма моего къ отцу, которое придетъ въ Питеръ въ одно время съ этимъ; но онѣ вовсе не любопытны. Френа за хлопоты его я буду благодарить особымъ письмомъ. Надо сказать тебѣ наконецъ, что я пишу книгу: „Опытъ о восточномъ элементѣ въ Русскомъ языкѣ," книгу, о которой въ слѣдующемъ письмѣ потолкую подробнѣе, и послѣ напечатанія которой я думаю ѣхать въ Москву экзаменоваться на магистра историческихъ наукъ. Дадутъ магистра—хорошо; не дадутъ—пріѣду съ отчаянія въ Питеръ и тамъ посмотримъ. Можетъ быть поѣдемъ zusammen за границу къ Нѣмцамъ. Вѣстимо дѣло, что nul n' est prophète dans son pays". (31 августа).

Возбужденное дѣло о Григорьевѣ повело къ составленію въ комитетѣ министровъ особаго Высочайше утвержденнаго законоположенія, о которомъ Савельевъ извѣщалъ Григорьева:

„По поводу тебя состоялся новый законъ, утвержденный Государемъ по предложенію комитета министровъ—о допущеніи къ преподаванію восточныхъ языковъ и архитектуры, въ университетахъ и ришельевскомъ лицеѣ, и тѣхъ, которые на то права не имѣютъ по неимѣнію ученой степени, но по ревностной службѣ и знаніямъ оказываются достойными къ занятію каѳедры профессора“. Имъ присвоялось профессорское жалованье, только въ отношеніи чиновъ они не пользовались ихъ правами, а стояли на равнѣ съ лекторами.

Лѣтомъ Григорьевъ въ Петербургъ не поѣхалъ, предполагая отправиться въ Крымъ для пріобрѣтенія практики въ татарскомъ языкѣ [1]). Планъ этотъ почему-то не состоялся, за то въ сентябрѣ В. В. совершилъ поѣздку въ Кишиневъ, провожая Княжевича за границу. О ней писалъ Савельеву:

„5 сентября я пустился колесить по Бессарабіи, чѣмъ и занимался по вчерашній вечеръ, когда въ восемь часовъ воротился до дому здравъ и невредимъ. Мы ѣздили провожать Княжевича и Надеждина, отправлявшихся за границу, но это еще не все. Мѣсяца съ два назадъ узналъ я случайно, что въ Кишиневѣ живетъ нѣкто Семашка, у котораго есть собраніе монетъ, въ томъ числѣ до тысячи восточныхъ, до которыхъ не касались ни глазъ, ни пальцы ни единаго отъ роду оріенталистовъ. Стало-быть позволительно было надѣяться, что между этими монетами могли находиться и „anecdota“. Поэтому я давно уже просился у Княжевича въ Кишиневъ; онъ согласился, но предложилъ мнѣ ѣхать туда съ нимъ, когда онъ поѣдетъ за границу черезъ Бессарабію. Я, разумѣется, принялъ это предложеніе, и такимъ образомъ, поѣздка моя обратилась разомъ и въ ѣзду по собственной надобности, и въ провожанье. Предполагалось, что отъ Кишинева можно будетъ доѣхать мнѣ и до Скулянъ, пограничнаго мѣстечка съ Молдавіею. Мурзакевичъ, также не бывавшій еще въ Бессарабіи, предложилъ и себя въ спутники. Хорошо.

„Вотъ 5 сентября мы и выѣхали изъ Одессы, и ѣхали такъ, что въ Скуляны прибыли только 12. Здѣсь распростились мы на Прутѣ съ нашими путешественниками, пожелали имъ добраго пути и отправились сами... куда? Не назадъ въ Кишиневъ и въ Одессу, а впередъ, въ западную и сѣверную Бессарабію, проѣхали черезъ Бѣльцы, Липканы и прочіе, въ Хотинъ; оттуда махнули въ Подольскую губернію, въ Каменецъ-Подольскъ; оттуда въ Могилевъ на Днѣстрѣ, оттуда опять въ Бѣльцы, въ Кишиневъ, и изъ Кишинева черезъ Бендеры домой. Всего на все мы

[1]) Расчитывая на эту поѣздку, Григорьевъ писалъ Савельеву, въ апрѣлѣ 1840 года: „Что-то опять ничего не дѣлается. Это очень досадно. Авось лѣтомъ въ Крыму удастся поучиться порядкомъ по татарски. Глупые мы люди, о Савка; никогда не сдѣлаться намъ Нѣмцами“!

проѣхали до 1,200 верстъ. Въ эти двѣ недѣли я провелъ время очень пріятно; но монетные планы мои рушились. Вмѣсто тысячи монетъ я нашелъ гораздо меньшее количество, и то вовсе незамѣчательныхъ, какъ показалось мнѣ при поверхностномъ ихъ просмотрѣ. Впрочемъ, это еще не рѣшенное дѣло. Я распорядился такъ, что просмотрю эти монеты еще разъ и съ толкомъ. Вотъ тебѣ краткій отчетъ о моей поѣздкѣ. Подробности ты будешь имѣть удовольствіе читать въ печати, если Одесскій Альманахъ изданъ будетъ и въ нынѣшнемъ году. „Если будетъ", говорю я, потому что издавать его некому безъ Княжевича; но такъ какъ въ Новороссіи чтеніе Одесскаго Альманаха обратилось въ потребность, то Княжевича рѣшились замѣстить при изданіи Мурзакевичъ и я. Чтобы исполнить это мало того, что одинъ изъ издателей не напишетъ ничего, а другой „двѣ недѣли въ Бессарабіи", надо еще статей, и я полагаю, что ты-бы сдѣлалъ прекрасное дѣло, если-бы прислалъ намъ въ Альманахъ твою „поѣздку въ Финляндію и прочія чухонскія земли". Этой статьѣ будетъ очень пріятно въ сосѣдствѣ съ моею о Бессарабіи [1]). Сдѣлай дружбу, не откажи въ этой просьбѣ. Изъ Одессы до Аккермана Княжевича провожали человѣкъ пятнадцать лицейскихъ. Отъ Аккермана до Кишинева только я съ Мурзакевичемъ. Въ Кишиневѣ пристали къ намъ опять человѣкъ шесть. Въ такомъ числѣ ѣхали мы до Гиржавки, монастыря въ сорока верстахъ отъ Кишинева. Въ Гиржавкѣ мы пробыли два дня, кутили на пропалую, катались верхомъ и на лодкахъ; вообще наслаждались жизнію не по монастырски. При отправленіи изъ Гиржавки въ Скуляны мы были снова оставлены тремя изъ нашихъ спутниковъ (...). Ночь провели у одного молдаванскаго помѣщика и на утро добрались до Скулянъ и Молдаванской границы, образуемой Прутомъ (...). По переправѣ Княжевича и Надеждина на Молдаванскій берегъ, мы, оставшіеся въ Бессарабіи, продолжали разговаривать съ ними черезъ Прутъ такъ, какъ будто бы были въ одной комнатѣ. По возвращеніи въ Кишиневъ я былъ тутъ на гимназическомъ актѣ и видѣлъ часть Кишиневской публики, преимущественно мужеска пола". (19 Сентября).

По возвращеніи въ Одессу В. В. думалъ было описать свое путешествіе по Бессарабіи; но это намѣреніе осталось безъ исполненія, потому, можетъ быть, что въ то время В. В. былъ озабоченъ своимъ магистерствомъ и статьею о куфическихъ монетахъ, найденныхъ въ Рязанской губерніи, какъ подтверждается это и письмомъ его къ Савельеву, отъ

[1]) Лѣтомъ 1840 г. Савельевъ былъ въ Финляндіи по случаю торжества двухсотлѣтія Гельсингфорскаго университета.

1 октября: „На дняхъ получена здѣсь обществомъ И. и Д. статья моя о монетахъ, посыланная къ Френу, съ замѣчаніями его и письмомъ лично ко мнѣ [1]). Добрый старикъ не понялъ установленія, послѣдовавшаго по случаю представленія обо мнѣ, и поздравляетъ меня съ исполненіемъ желаній! Разувѣрь его.... За то мнѣ было очень пріятно читать его отзывъ о моей статьѣ: хвалитъ на пропалую. Совѣтуетъ расширить ее вдоль и поперекъ. Это я и самъ думалъ сдѣлать(....). Вчера получилъ отвѣтъ Грановскаго на письмо мое, въ которомъ просилъ его справиться о вѣроятностяхъ выдержанія магистерскаго экзамена. Грановскій увѣряетъ, что получу магистерство безъ сомнѣнія. Альманахъ Одесскій мы раздумали издавать. Хлопотъ было-бы пропасть, а толку ни на грошъ. Потому и статью твою „поѣздка въ Чухонскую землю", которую я просилъ прислать намъ, можешь читать самъ. Я такъ своей бессарбской поѣздки и писать не начиналъ, некогда, есть занятія нужнѣе и важнѣе. Возясь съ чужими монетами, я невольно возъимѣлъ желаніе составить и себѣ собраніе таковыхъ; но, какъ благоразумный человѣкъ, рѣшился составить свое собраніе самымъ экономическимъ образомъ, т. е. какъ нельзя дешевле, именно—даромъ, и дѣло идетъ на ладъ: у меня есть уже около 15 монетъ дареныхъ добровольно и выпрошенныхъ почти насильно. Въ здѣшнемъ краѣ восточныхъ почти вовсе нѣтъ; потому большая часть монетъ—греческія и римскія. Это не очень весело; но такъ какъ дареному коню въ зубы не смотрятъ, я беру все, что даютъ. Со временемъ займусь и классическою нумизматикою".

Отъ 6 октября 1840 года Григорьевъ прислалъ Савельеву длинное письмо о положеніи славянскихъ дѣлъ и литературы въ Одессѣ, свидѣтельствующее, что не однимъ Востокомъ только интересовался В. В. Приводимъ это письмо почти цѣликомъ:

---

[1]) Вотъ что писалъ Френъ: Je renvoie aujourd'hui à la societé d' Odesse les monnaies koufiques deterrées dans le gouvernement de Räzan et la description que vous avez composée et voulu qu' elle fut soumise à mon jugement. Je ne peux pas vouloir vous flatter, mais je dois vous dire que j'ai vu avec bien du plaisir, que malgré le peu d'usage que vous dites avoir eu dans la numismatique orientale, vous avez pourtant fait preuve d'une habilité peu commune. D'après ces prémices de vos études numismatiques, je ne puis que vous applaudir et vous encourager à continuer de vouer vos talents aussi à une branche de la litterature orientale, pour la quelle vos compatriotes jusqu'à present ont montré peu de gout, quoique ce soit pourtant la Russie qui, avant beaucoup d'autres pays, semble être appelée à la cultiver avec un soin particulier. Tu macte hac virtute esto! macte hac gloria! Pour vous prouver le vif interêtque je porte à votre premier essai numismatque„ j'ai pris la liberté d'ajouter sur la marge de votre manuscrit quelques notes legères. Vous êtes le maitre d'en user comme bon vous semble, quand (comme je l'espère) vous retoucherez et developperez votre travail pour le faire imprimer dans les mémoires de votre Société". (Изъ письма отъ 6 сент. 1840).

„*Primo*. Въ числѣ обитателей сего обворожительнаго города, считается великое количество уроженцевъ Сербіи, Булгаріи и прочихъ иныхъ разныхъ земель славянскихъ. Кромѣ того, окрестности города заселены многими Булгарскими колоніями, получившими существованіе послѣ турецкой войны 1828 года. Эти турецкіе выходцы имѣютъ частыя сношенія съ своими единовѣрцами, оставшимися въ отечествѣ, отличаются трудолюбіемъ, достаткомъ и расположеніемъ къ искуствамъ между всѣми новороссійскими колонистами и свято хранятъ въ груди память обо всемъ родномъ, булгарскомъ. Это люди въ высокой степени способные ко всякому движенію умственному. Изъ нихъ нѣкто, по имени Стефанъ, содержитъ лучшую въ Одессѣ кофейню, уменъ и говоритъ на осьми языкахъ, въ томъ числѣ и на арабскомъ, какъ на родномъ. Сей Стефанъ очень интересуется всѣмъ, что касается до просвѣщенія и исторіи его соотечественниковъ, и такъ какъ онъ находится въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Булгаріею, то отъ него можно знать обо всякомъ толчкѣ, который дается тамъ народному образованію. Это первый источникъ свѣдѣній. Чтобы дать тебѣ понятіе о ревности здѣшнихъ булгаръ къ отечественной ихъ литературѣ, довольно сказать, что 40 экземпляровъ Влахо-болгарскихъ грамотъ, собранныхъ Венелинымъ и изданныхъ И. Россійскою академіею, выписаны были Стефаномъ изъ Петербурга и разошлись въ теченіе недѣли. Теперь онъ выписываетъ еще сто экземпляровъ этого изданія. У него-же можно имѣть напечатанный въ Смирнѣ переводъ Евангелія на болгарскій іеромонахомъ Неофитомъ. Книга сія издана въ нынѣшнемъ году, напечатана прекраснымъ шрифтомъ на прелестной бумагѣ и продается въ переплетѣ по два рубля мѣдью за экземпляръ!! У него-же, Стефана, принимается подписка на „исторію Болгаріи“ на булгарскомъ. Кромѣ того вышепоименованный Неофитъ составилъ полный болгарскій словарь и собирается его печатать. Всѣ эти вещи очень любопытны для занимающихся славянскими языками внутри Россіи.

„*Secundo*. Въ числѣ профессоровъ Лицея есть нѣкто Симоновичъ, родомъ Сербъ. Это также славянофилъ и человѣкъ очень полезный Россіи въ томъ отношеніи, что привлекаетъ въ нее Сербовъ. Это неясно сказано. Я хотѣлъ сказать, что онъ уговариваетъ Сербовъ присылать дѣтей для образованія въ Россію преимущественно передъ другими европейскими государствами. Онъ ведетъ очень дѣятельныя сношенія съ Сербіею и получаетъ все, что тамъ печатается. Отъ него я получилъ въ подарокъ двѣ очень хорошія книги, именно: 1) „Сербскія Споменицы“ т. е. Сербскіе памятники; это собраніе разныхъ документовъ на сербскомъ, начиная съ XII вѣка, собраніе важное для исторіи, какъ народа, такъ и языка его; и 2) „Народне српске

пословице“, печатанныя въ Цетиньѣ— капитоліумѣ Черногорскомъ. Первая книга печатана въ 1840, вторая въ 1826 году.

„Результатомъ стараній Симоновича было между прочимъ и то, что нынѣшній князь Сербіи Милошь Обрѣновичъ прислалъ сына своего учиться къ намъ, въ Одесскій лицей. Съ симъ дѣтенышемъ пріѣхалъ дядькою его—Тироль, извѣстный литераторъ и ученый сербскій, подавшій мысль къ изданію помянутыхъ „Споменицъ“. Кромѣ того, таскается здѣсь еще одинъ литераторъ изъ Сербовъ, и еще одинъ. Видишь сколько здѣсь сербизма. Тироль перевелъ на сербскій что-то объ уничтоженіи уніи въ Россіи и хотѣлъ этотъ переводъ напечатать въ Одессѣ, для чего отлиты были и буквы сербскія; но ему запретили. Какъ и почему послѣдовало запрещеніе, разсказывать долго, но это пресмѣшная исторія. Одинъ изъ двухъ литераторовъ, которыхъ я не назвалъ прежде, по фамиліи Поповичъ, напечаталъ здѣсь: „Ситинце отъ правописанія“, книжку, переведенную имъ съ русскаго. Это Гречева статья о правописаніи.

„Вотъ тебѣ о Славянизмѣ и Славянщинѣ; въ Одессѣ объ ней мало заботятся; все стекается теперь въ театръ, гдѣ французская труппа, прибывшая сюда съ мѣсяцъ назадъ подъ предводительствомъ извѣстной M-lle George, даетъ водевили и Расиновскія трагедіи!!“

Здѣсь, между прочимъ, пользуясь письмомъ В. В. къ тому-же лицу, укажемъ на любопытное явленіе, какъ люди, о литературѣ вовсе не думавшіе, подъ вліяніемъ В. В. выступали въ ученый міръ съ печатными трудами. Многое-бы не явилось въ свѣтъ безъ участія и руководства В. В-ча:

„Ты сомнѣваешься въ томъ, что „исторіографія въ Богеміи“ принадлежитъ Ив. З. Посникову. Не сомнѣвайся: сомнѣніе убиваетъ генія, такого какъ ты. Ив. Зах., котораго имя подписано подъ статьею, есть тотъ самый Ив. Зах., который теперь въ Херсонѣ производитъ слѣдствіе надъ однимъ жидомъ. Да какъ-же И. З. пустился въ грамоту? спрашиваешь ты. Что-же тутъ удивительнаго? спрашиваю я. Развѣ И. З. не со мною живетъ? Развѣ, обитая подъ одною крышею со мною, Джафаръ не писалъ рецензій и не печаталъ стиховъ? Я, какъ хорошій магнитъ, намагничиваю литературностію всѣ окружающіе меня желѣзные лбы, и если Пр..ъ не довольно проникся моимъ вліяніемъ, такъ это потому, что у него лобъ мѣдный. Для исправленія нравственности Посникова, я велѣлъ ему сдѣлать переводъ изъ Палацкаго. Ив. З. сдѣлалъ; тогда я перечертилъ его трудъ такъ, что въ немъ живаго слова не осталось, приказалъ ему переписать это маранье на бѣло, продиктовалъ ему письмо къ Сербиновичу, въ которомъ заставилъ И. З. объявить себя страшнымъ славянофиломъ

и все это, и письмо и статью, отправилъ на почту. Такимъ-то образомъ и произошло то, что И. З. явился въ печати. Vivat nostra civitas»!

Въ томъ-же письмѣ В. В. говоритъ и о своемъ „Опытѣ“:

„Очень не радъ, что ты очухонился до того, что думаешь, что и предки твои, Славяне, были такіе-же чухонофилы, какъ ты. Пиши, пиши „о вліяніи финскаго элемента на Русскій языкъ“. Мы не будемъ объ этомъ писать: это устарѣлая мысль! У насъ, на югѣ, объ этомъ думаютъ иначе. Полногласіе Русскаго языка не есть слѣдствіе финскаго вліянія: это его коренное свойство. Доказательства прочитай въ Максимовичевой „исторіи Русской словесности“, Кіевъ 1839 г. Ты, братъ, Савка, не то, что мы, отстаешь отъ науки. Планъ и содержаніе моего „Опыта о восточномъ элементѣ въ Русскомъ языкѣ“, которые ты хочешь знать—дѣло великое, которое я не намѣренъ профанировать, толкуя объ немъ въ письмѣ на осьмушкѣ. Когда нибудь, когда буду писать на четверкѣ, скажу кое-что объ этомъ великомъ предпріятіи. Покуда довольствуйся тѣмъ, что это magnifique et pas cher. Одно слово „опытъ“ показываетъ, что я пишу безъ претензій на совершенство. Стремясь къ нему, не худо ограничивать себя возможнымъ и дѣлать то, что въ нашихъ силахъ, иначе ничего не сдѣлаемъ. „Это разсужденіе, Павелъ Степановичъ, похоже на камешки, бросаемые въ вашъ садъ“—скажутъ пожалуй, твои недоброжелатели Н. Ступинъ и комп., и я думаю, что едва ли эти господа не правы. Вмѣсто того, что-бы работать, ты только мѣняешь службу безпрестаннно и думаешь о чинахъ. Стыдно, П. С. Вижу, честолюбіе одолѣваетъ вами незамѣтно для васъ самихъ, а наука терпитъ отъ этого, спрашиваетъ ежечасно у молвы: скажи, кумушка, скоро увижу я у себя „Хива древняя и новая“, „Сказанія вост. писателей о народахъ, жившихъ въ Россіи“, „De origine Chorasmico—Grusinorum seu Georgianorum dissertatio“ и другія сочиненія Павла Степановича, которыя онъ вотъ уже года четыре, какъ обѣщаетъ мнѣ подарить? А молва отвѣчаетъ: еге, кума, тѣмъ-ли онъ занятъ. Днемъ, когда свѣтло онъ (.....), а вечеромъ при свѣчахъ играетъ въ вистъ и преферансъ. Если-же и заботится о чемъ, такъ это чтобъ чины нажить: на дняхъ вотъ пошелъ въ службу къ Красовскому «ноздри рвать» вмѣстѣ съ нимъ. Тебѣ плоха надежда на него“. Брось чинолюбіе; приведи дѣла свои въ порядокъ, да маршъ за границу. Толкую я тебѣ объ этомъ, что гвоздь вбиваю, а ты стоишь какъ пень, съ мѣста не двигаешься“.

Такими и подобными имъ нотаціями угощали другъ друга наши друзья за лѣность, за уклоненіе съ пути истиннаго.

Что же касается до совѣтовъ В. В. ѣхать за границу, то, во первыхъ

поѣздка туда считалась въ то время необходимой для ученой карьеры; а во вторыхъ, Григорьевъ вѣдь и самъ собирался къ Нѣмцамъ.

Въ то время вновь сталъ возраждаться Плюшаровскій лексиконъ. Еще до отъѣзда Григорьева въ Одессу дѣла по этому изданію разстроились на столько, что паденіе его было неизбѣжно. Ближайшіе даже сотрудники, которые на своихъ плечахъ выносили весь трудъ и нравственную отвѣтственность передъ публикой, расчета не получили, и не пустяки какіе нибудь, а тысячи рублей. Кто загубилъ это полезное и необходимое у насъ предпріятіе, писано было очень много, вопросъ обсуждался съ разныхъ сторонъ. Но странное дѣло, всѣ какъ-то выгораживали главнаго виновника--Плюшара. Гаже всего въ этомъ случаѣ были нападки на Сенковскаго, который въ сущности и поплатился-то больше всѣхъ Не велика еще заслуга Плюшара, что онъ первый рѣшился осуществить мысль изданія энциклопедическаго лексикона, для него это была торговая афера. Потребность-же въ лексиконѣ ощущалась давно, что доказываетъ и число подписчиковъ, сразу дошедшее до 4000, и ранѣе или позже, за подобное изданіе кто нибудь взялся-бы непремѣнно. Но Плюшаръ не имѣлъ никакого права губить это предпріятіе, имѣвшее для насъ національное значеніе, и тѣмъ испортить дѣло будущимъ предпринимателямъ, такъ какъ публика стала относиться къ подобнымъ грандіознымъ замысламъ крайне недовѣрчиво и приняла выжидательное положеніе. А Плюшаръ загубилъ лексиконъ разстройствомъ денежной кассы этого дѣла. Такъ это просто, что нѣтъ надобности отыскивать болѣе сложныя причины. Да и самое разстройство совершено очень просто, просто до глупости. Отуманенный необычайнымъ успѣхомъ (Лексиконъ принесъ Плюшару въ первый же годъ что то около 100,000 руб.), увлеченный разными француженками и особенно г-жею Г—ль, подумалъ этотъ аферистъ, что обладаетъ неисчерпаемымъ капиталомъ и съ легкомысліемъ, свойственнымъ истинному французу, повелъ свои денежныя дѣла. Приходилъ онъ въ контору и безъ всякаго счету забиралъ изъ кассы ассигнаціи, нагружая ими свои карманы. На замѣчанія кассира, что деньги надо сосчитать и записать въ книгу, Плюшаръ отвѣчалъ: пустяки, не надо! Если допустить, что служащіе у Плюшара были люди идеальной честности, то и при этомъ условіи не могъ онъ долго такъ безобразно жуировать. Скоро денегъ не оказалось ни для уплаты въ типографію, ни для вознагражденія сотрудниковъ. Плюшаръ обанкротился; лексиконъ пересталъ выходить съ 1839 года. Составилась администрація по его дѣламъ, приступили прежде всего къ выясненію количества долга Плюшара. Всѣ сотрудники представили свои

счеты, въ томъ числѣ и Григорьевъ изъ Одессы прислалъ свой на 500 р. Но съ В. В. поступили довольно недобросовѣстно. Сенковскій отказался подписать счетъ, т. е. удостовѣрить, въ качествѣ редактора, что поименованныя статьи дѣйствительно написаны Григорьевымъ, и онъ потерялъ право на какое-бы то ни было вознагражденіе.

Деньги, конечно небольшія, но отношеніе редакторовъ къ бывшему сотруднику представлялось В. В. крайне оскорбительнымъ. Администрація, долго разсуждавшая о дѣлахъ Плюшара, рѣшилась наконецъ на невозможную попытку продолжать изданіе лексикона. Къ Савельеву обратились съ просьбою принять на себя завѣдываніе лексикономъ при номинальномъ редакторствѣ Д. И. Языкова. Савельевъ спрашивалъ совѣта у Григорьева, какъ поступить въ этомъ случаѣ. Григорьевъ писалъ: „Соглашайся; благословляю тебя: это дѣло доброе. Только при этомъ случаѣ совѣтую заключить съ Плюшаромъ формальное условіе". И тутъ-же предложилъ проектъ условія. Переходя, затѣмъ, къ своимъ личнымъ занятіямъ, онъ писалъ:

„Я отложилъ задуманное сочиненіе „о восточномъ элементѣ" покуда въ сторону. Я его не оставлю: у меня уже многое сдѣлано; но я разсудилъ, что не успѣю окончить его въ предположенное время, и что лучше заняться приготовленіемъ къ экзамену. У меня теперь уже есть двѣ рукописи, готовыя къ печати. Покуда довольно. При томъ я работаю теперь надъ диссертаціею. Вотъ ужъ штука будетъ, такъ штука! Мысль совершенно новая, которая перевернетъ всю русскую исторію. Изъ этого ты видишь, что я пишу что-то изъ русской исторіи. Скажу еще, что она почти уже готова, но отдѣлана окончательно можетъ быть только въ Питерѣ; а больше ничего не скажу, хоть лопни отъ любопытства. Ничего не скажу также и о двухъ вышеупомянутыхъ рукописяхъ, готовыхъ къ печати. Тоже тайна. Что, братъ, дивишься моей дѣятельности? Но я еще не все высказалъ и намѣренъ поразить тебя еще сильнѣе: скоро я пришлю въ редакцію журн. М. Н. П. статью: „Феришта, его жизнь и труды". Это впрочемъ компиляція, для денегъ, но также носитъ отпечатокъ геніальности, какъ и все, выходящее изъ подъ моего пера. Мало этого: не писавши рецензій болѣе полутора года, я на дняхъ не вытерпѣлъ, сочинилъ рецензію на турецкій словарь Ханжери; увидишь ее въ фельетонѣ Одесск. Вѣстника. Вообще говоря, у меня ужасно руки чешутся; каждое послѣ обѣда начинаю писать что нибудь новое, и къ вечеру чуть-чуть, что не оканчиваю. Ты долженъ этому вѣрить, когда въ промежутокъ двухъ недѣль, покуда я не писалъ къ тебѣ, я далъ жизнь двумъ сочиненіямъ, готовымъ къ печати, довелъ третье до

середины, четвертому положилъ твердое основаніе, пятое ужъ почти напечаталъ (я говорю о рецензіи) и проч. и проч. Изо всѣхъ этихъ произведеній моего творчества я любуюсь болѣе всего рецензіей—премило написана; совѣтую прочитать. Ба, ба, ба, забылъ еще объ одномъ сочиненіи. Оно написано, правда, въ прошедшемъ году, но на дняхъ я его снова просмотрѣлъ, что все равно, что написалъ снова. Впрочемъ, я въ немъ ни одного слова не вымаралъ. Все такъ хорошо, такъ хорошо, что и въ нынѣшнемъ году я бы лучше не написалъ. Сіе сочиненіе будетъ помѣщено въ Новороссійскомъ календарѣ на 1841, который теперь печатается". (31 октября 1840 года).

Дѣйствительно, работа закипѣла. Упоминаемый трудъ, имѣющій отношеніе къ русской исторіи, есть несомнѣнно изслѣдованіе о восточныхъ монетахъ, находимыхъ въ Россіи [1]); но не оно было представлено, какъ диссертація на степень магистра. Кромѣ того В. В. усердно занялся политической экономіей, такъ какъ изъ этого предмета предстояло ему держать экзаменъ. Вслѣдствіе такой плодотворной дѣятельности, В. В. былъ доволенъ, но это довольство едва было не разрушилось самымъ неожиданнымъ образомъ и по независящимъ отъ него обстоятельствамъ. Вотъ въ чемъ дѣло:

„Знаешь ты—писалъ онъ къ Савельеву—кто теперь мой начальникъ?—Карлгофъ, переведенный сюда помощникомъ попечителя изъ Кіевскаго округа, гдѣ онъ былъ тѣмъ-же при попечителѣ князѣ Давыдовѣ. Этотъ переводъ Карлгофа въ Одессу ставитъ меня въ затруднительное положеніе и вотъ почему: Княжевичъ прочилъ себѣ въ помощники Надеждина. Этого, разумѣется, не сдѣлали, а въ помощники, какъ сказано, назначили Карлгофа. Узнавъ объ этомъ, Княжевичъ выходилъ изъ себя и объявилъ, что если Карлгофъ пріѣдетъ въ Одессу во время пребыванія его, Княжевича, за границею, то онъ, Княжевичъ, не воротится болѣе въ Одессу и выйдетъ въ отставку. Вотъ Карлгофъ пріѣхалъ. Рождается вопросъ: сдержитъ Княжевичъ слово, и оставитъ попечительство, или раздумаетъ и вернется опять въ Одессу. Если онъ выйдетъ въ отставку—жаль: онъ былъ хорошо расположенъ ко мнѣ; если

---

[1]) Ясно это и изъ письма къ г. Невѣрову отъ 30 октября 1840 года: „теперь я сижу надъ дѣломъ важнымъ, да еще какимъ важнымъ, такимъ, что страшно подумать. Представь себѣ, что я замышляю помирить нашихъ Несторіанцевъ со школою скептиковъ; доказываю, что древнѣйшая русская исторія основывается на матеріальныхъ памятникахъ VIII, IX и X вѣка! Каково! Что это за памятники, про то покуда я знаю. Надѣюсь, что штука выйдетъ славная, что и насъ будутъ знать, если съумѣютъ понять и оцѣнить мою мысль".

онъ вернется, еще хуже: между нимъ и Карлгофомъ будетъ вѣчная контра, и надо будетъ пристать къ той или другой сторонѣ; а я не хочу вмѣшиваться въ эти распри, потому что и Карлгофъ повидимому благоволитъ ко мнѣ. Какой политики тутъ держаться? Я пойду прямою дорогою — и вѣроятно навлеку на себя нерасположеніе обоихъ. C'est ainsi que va le monde! Быстрота стремленія моего къ славѣ находитъ теперь сильное препятствіе въ казенныхъ дѣлахъ, которыми меня завалили: теперь я пишу проектъ преобразованій Восточнаго Института и работаю надъ приведеніемъ въ порядокъ чужихъ грѣховъ по библіотекѣ Лицея. Послѣднее отнимаетъ много времени безъ всякой пользы. Первое будетъ имѣть слѣдствіемъ Уставъ восточнаго заведенія, единственный въ Россіи, написанный съ знаніемъ дѣла. Впрочемъ, это только предположенія, которыя могутъ окончиться ничѣмъ".

Въ томъ-же письмѣ сдѣлана приписка:

„Сегодня было засѣданіе нашего общества. О, Савка! Зачѣмъ ты не здѣсь, чтобы видѣть своими глазами, что это за звѣринецъ такой! Такихъ рѣдкихъ животныхъ еще никто не показывалъ въ Петербургѣ. Въ числѣ ихъ есть старый греческій кротъ, старый испано-еврейскій к...ь и старая бразильская обезьяна. Эти три звѣря морятъ меня со смѣху всякое засѣданіе, не говоря о прочихъ. Бразильская обезьяна считается оріенталистомъ, к...ь помѣшанъ на пуризмѣ своего французскаго языка, а кротъ готовъ растерзать всякаго на части, кто осмѣлится усомниться въ истинѣ единаго слова у Геродота или другаго греческаго писателя; а кромѣ того: Стурдза, Мурзакевичъ, архіепископъ Херсонскій и Таврическій Гавріилъ и прочіе иные, всякій на своемъ конькѣ ѣздитъ. Стурдза еще умнѣе другихъ, по крайней мѣрѣ не высказываетъ своихъ предилекцій такъ явно, какъ остальные". (1—7 ноября 1840 года).

Въ это время Савельевъ приступилъ къ работамъ по лексикону, сталъ набирать сотрудниковъ и обратился къ Григорьеву за содѣйствіемъ, прося его вербовать сотрудниковъ въ Одессѣ. Григорьевъ отвѣчалъ:

„Тебѣ угодно записать меня въ вербовщики именъ для „списка" при Энц. Лексиконѣ. Подумай, что ты со мною дѣлаешь! Гибели моей что-ли ты хочешь? Не знаешь ты развѣ, что потомъ на мнѣ обрушится всякое неуваженіе, оказанное вами въ Питерѣ къ навербованнымъ мною сотрудникамъ! Я долженъ буду отвѣчать за каждое вымаранное слово, за всякій *ѣ*, сдвинутый съ мѣста! Не дадите вы работы этимъ сотрудникамъ—тогда просто въ гробъ ложись. „Вотъ, В. В., вы обѣщали, вы говорили, и теперь, что-жъ это такое, да за кого-же насъ считаютъ?!" и

т. п. Нѣтъ, П. С., видно, что вы еще не нюхали провинціи, хоть и были въ Гельсингфорсѣ".

Все таки Григорьевъ составилъ списокъ сотрудниковъ и въ числѣ ихъ помѣстилъ себя, взявъ на свою долю восточныя династіи и біографіи ученыхъ мусульманъ. Но затѣмъ добавлялъ: „Разсуждая о прошедшемъ, я спрашиваю себя: отчего-же Надеждинъ получилъ съ Плюшара свой долгъ, а я не могу получить его, когда онъ въ пять разъ менѣе Надеждинскаго. Если я его не получу, я рѣшительно постараюсь напакостить Плюшару, потому что этого рода люди уважаютъ и платятъ только тѣмъ, кто имъ можетъ напакостить. Полно быть бараномъ, скоро ужъ двадцать пять стукнетъ! Съ филантропіей въ приложеніи ея къ особѣ дурака Плюшара далеко не уѣдешь. Глупъ и ты будешь, если распустя нюни, примешься за дѣло, не получивъ ничего изъ прежняго долга. Полно уступать дорогу всякому встрѣчному, можно и въ грязь столкнуть, если силы достанетъ. Поступать благородно должно только съ тѣми, кто можетъ оцѣнить благородство, а не съ тѣми, которые станутъ надъ нимъ смѣяться. Сенковскому нечего въ зубы смотрѣть: роднаго брата продастъ для забавы. Люди такъ созданы, что если не увѣрять ихъ о себѣ, что ты великій человѣкъ, такъ имъ и въ вѣкъ не придетъ въ голову догадаться объ этомъ самимъ; а толкуй имъ, что я-де, да я-де, да держи носъ выше, такъ и убѣдятся наконецъ въ твоемъ величіи. Скромность, братъ, стертый гривенникъ, котораго никто брать не хочетъ. Но всего смѣшнѣе положеніе того, кто вѣритъ въ свои силы, и позволяетъ плясать у себя на носу празднымъ бездѣльникамъ и нахаламъ, потому только „чтобы не имѣть дѣла съ такими людьми". (14 ноября).

Кто-бы не наговорилъ того-же, а пожалуй и болѣе рѣзкаго въ положеніи В. В.? Сталъ онъ не нуженъ, и законное его требованіе игнорируютъ самымъ оскорбительнымъ образомъ; пришла въ немъ нужда— его просятъ помочь. Но одно дѣло пригрозить, и совсѣмъ другое привести угрозу въ исполненіе, тѣмъ болѣе, если это исполненіе должно пойти противъ внутренняго убѣжденія; а оно, конечно, пошло-бы противъ, такъ какъ В. В. сталъ-бы вредить дѣлу, которое искренно считалъ полезнымъ и необходимымъ. И, смѣемъ думать, не многіе-бы поступили такъ, какъ увидимъ, поступилъ В. В.

Въ то-же время и отъ Погодина получилъ онъ приглашеніе сотрудничать въ „Москвитянинѣ", о которомъ наводилъ справки у Савельева:

„Что ты думаешь и что знаешь о „Москвитянинѣ", что будетъ издавать Погодинъ? Я получилъ отъ него приглашеніе участвовать, но не имѣю никакого понятія, какого рода будетъ это изданіе. Судя по

объявленію въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, написанному весьма наскоро и неискусно, чуть-чуть не куплетами, и зная, какъ Погодинъ ведетъ свои дѣла, я не жду ничего порядочнаго отъ этого возрожденнаго Наблюдателя". (8 декабря).

Что же касается до Лексикона, то В. В. вызывался даже написать сочувственную ему статью для привлеченія въ Одессѣ подписчиковъ на это изданіе: „Хамдъ-у-сена возобновленію лексикона подъ вашимъ благовѣщимъ знаменемъ будетъ воспѣта вашимъ рабомъ въ Одесскомъ Вѣстникѣ не иначе, какъ на прежде изложенныхъ уже условіяхъ, т. е. когда Плюшаръ пришлетъ мнѣ, или дастъ торжественное обѣщаніе черезъ тебя, заплатить тѣ пятьсотъ рублей, которые я имѣю слабость считать за нимъ. Въ число этихъ 500 р. я принимаю полный экземпляръ лексикона, 16 томовъ, за 120 рублей. Sic. Далѣе, приготовляясь облечься въ высокій санъ магистра, я начинаю пріобрѣтать требуемый уставомъ „собственный взглядъ" на предметы, потому, кромѣ оригинальныхъ, никакихъ другихъ статей писать не могу и не намѣренъ. Оригинальность продается, какъ извѣстно, по 400 р. за листъ. Всѣ мои статьи будутъ озарены сіяніемъ слѣдующей уважаемой Россіею подписи: *В. В. Г.* Все, что выйдетъ изъ подъ моего пера будетъ обработано образомъ достойнымъ этой подписи. Безъимяннаго мы нынче ничего не пишемъ. Къ сожалѣнію, однако-же эта лучезарная подпись будетъ рѣдко озарять мракъ безчисленныхъ и ненасытныхъ столбцовъ великаго предпріятія: на *Е* вы не получите отъ меня ни единой статьи; на *Ж* тоже; на *З* я обрадую васъ слѣдующими: Зейриды, Зіядиты, Зіяриды, Земземъ, Замахашари, Зогейръ; на *И* слѣдующими: Ибнъ-Батута, Ибнъ-Хальдунъ, Ибнъ-Фодлапъ, Ибнъ-Мокла, Иранъ. Если придумаю еще какія либо статьи — увѣдомлю въ послѣдствіи. Вообще говоря, большой охоты къ статье-писанію не чувствуется.

„Сегодня явился на свѣтъ „Одесскій Календарь", украшенный самою глупѣйшею изъ статей, какія только я писалъ въ жизни моей Петербургской и Одесской (...). На дняхъ прочелъ я „Героя нашего времени" et multum delectatus fui. Славная книга! Но Катрмеровъ Рашидъ эд-Динъ еще лучше: я штудирую этотъ фоліантъ. Боже! сколько тутъ ума, трудолюбія, скромнаго благородства и всего вообще. Это единственный оріенталистъ, передъ которымъ я падаю въ сознаніи моего ничтожества передъ его ученостію. Рѣшительно его надо прославить въ Россіи [1]). Книгъ для себя я накупилъ много по разнымъ частямъ, между

[1]) Это прославленіе В. В. и учинилъ въ Москвитянинѣ 1841 г. № 7.

прочимъ Тихсена Introductio in rem nummariam Muhammedanorum, Валя Geschichte d. morgenländ. Sprachen und ihre Literatur, Фонтанье Voyage de l'Orient (запрещенное), O. Müller'a Ueber die Etrusker, Размуссена о древнихъ Арабахъ, Praelectiones in Homerum Фосса и прочія другія разныя иныя". (13—15 декабря).

Дѣло о Лексиконѣ, между тѣмъ, продолжалось, и наконецъ довело В. В. до раздраженія, какъ видимъ изъ письма его къ Савельеву, отъ 5 января 1841 года: „Получилъ письмо твое отъ 17—24 декабря съ приложеніемъ „объявленія" (о возобновленіи Э. Лексикона). Такъ какъ я уже видѣлъ его прежде, то оно не произвело на меня никакого впечатлѣнія (Григорьевъ находилъ его безцвѣтнымъ, назвалъ „сквернѣйшей" работой Савельева); за то довольно сильно взбунтовала меня первая страница письма, гдѣ ты толкуешь о долгахъ Плюшара и ихъ свойствѣ фразами, взятыми цѣликомъ изъ устъ Сенковскаго [1]..... Слушай въ послѣдній разъ мои послѣднія слова о Лексиконѣ: я знаю, что деньги платятъ не тѣмъ, кто работаетъ, а тѣмъ, кто можетъ вредить и кого боятся. Поэтому ты своихъ никогда не получишь съ Плюшара; поэтому я требовалъ отъ него моихъ. Я вовсе не думалъ шутить, когда писалъ къ тебѣ, что если Плюшаръ не согласится на предлагаемыя мною условія, я разругаю его на весь Новороссійскій край. Только на одной этой возможности повредить его предпріятію въ Новороссіи основывалъ я права мои на полученіе съ него денегъ, а вовсе не на томъ, что я ихъ заработалъ. Повторяю, я не шутилъ. Что же слѣдовало мнѣ сдѣлать, получивши его рѣшительный отказъ, облеченный тобою въ обольстительныя формы философіи Васильевскаго острова [2])? Слѣдовало сдержать мое слово, написать ругательную статью о Лексиконѣ и напечатать ее въ Одесскомъ Вѣстникѣ. Я и хотѣлъ было приняться за такую статью, но не могъ. Мнѣ надлежало писать противъ убѣжденія. Я остаюсь при моемъ всегдашнемъ мнѣніи, что Лексиконъ есть изданіе очень полезное для моего отечества; слѣдовательно, мѣшать его успѣху, значить мѣшать успѣху образованности въ отечествѣ; но я не хочу être

---

[1]) Вотъ что писалъ Савельевъ о Плюшаровскомъ долгѣ:

„Относительно же твоего долга, нѣтъ и сомнѣнія, что о немъ не надо и вспоминать. Долговыя дѣла Плюшара ведены были по формѣ, администраціею и коммерческимъ судомъ, и упустили и срокъ и формальность, никто и не можетъ требовать ихъ. Гдѣ документы? А что касается до будущихъ своихъ долговъ, онъ даетъ честное слово, что будетъ платить ихъ исправно".

[2]) Намекъ на Сенковскаго.

dupe, когда знаю, что есть люди, которымъ Плюшаръ заплатилъ почти все, что былъ долженъ, не хочу имѣть съ нимъ никакихъ сношеній, и потому—*отказываюсь* отъ всякаго сотрудничества въ Лексиконѣ и отъ всякаго посредничества между другими сотрудниками въ Одессѣ. Сказано".

Неоднократно В. В. жаловался въ своихъ письмахъ, что ему не съ кѣмъ въ Одессѣ душу отвести, что ни съ кѣмъ изъ Одесситовъ не могъ онъ сойтись такъ, какъ сходился въ былое время въ Петербургѣ. И вотъ судьба послала ему и въ Одессѣ утѣшеніе, къ сожалѣнію кратковременное. Григорьевъ крѣпко сдружился съ Карлгофомъ и не могъ удержаться, чтобы не сообщить о томъ Савельеву. Письмо его, отъ 11 февраля 1841 года, особенно интересно. Оно показываетъ, что служило краеугольнымъ камнемъ для дружбы В. В. съ тѣмъ или другимъ лицомъ:

„Въ Одессѣ при дворѣ графа Воронцова есть обычай совершенно царскій: нѣкоторыя дамы и дѣвицы цѣлуютъ руку у его супруги, ея сіятельства. А, каково? Вотъ тебѣ и англоманія на Тибетскую стать! Послѣднія двѣ недѣли я провелъ совершенно иначе, чѣмъ проводилъ время прежде—провелъ очень пріятно, а произошло это отъ того, что я сблизился съ Карлгофомъ и все это время сидѣлъ у него, почти безвыходно. Къ удивленію моему и радости я нашелъ въ немъ довольно образованнаго человѣка, благороднаго, умнаго и главное всею душою преданнаго Россіи. Ты знаешь, какъ рѣдокъ патріотизмъ въ Русскихъ, какъ трудно встрѣтить человѣка, посвятившаго себя на безкорыстное служеніе отечеству, живущаго для того, чтобы приносить пользу согражданамъ и понимающаго, въ чемъ состоитъ эта польза. А Карлгофъ близко подходитъ къ этому идеалу. Не думай, чтобы это былъ сочинитель, писатель повѣстей и нѣкогда кропатель стиховъ; нѣтъ онъ гораздо выше своихъ произведеній, потому и не говоритъ никогда о нихъ. Онъ кажется расположенъ ко мнѣ. Мнѣ придется дорого платить за это расположеніе, когда возвратится Княжевичъ, я это знаю, и тѣмъ не менѣе

Я жребій свой благословляю.

По крайней мѣрѣ эти двѣ недѣли, проведенныя въ обществѣ Карлгофа и его жены, разогрѣли опять во мнѣ застылую жизнь, и въ головѣ снова пошло бродить, какъ давно не бродило. Къ лучшему это или къ худшему—не знаю, но покуда я доволенъ. Жена Карлгофа женщина очень начитанная, которая бредитъ Шекспиромъ и Англичанами; но тѣмъ не менѣе большая патріотка и женщина очень милая и любезная, только

черезъ чуръ съ экспансивнымъ сердцемъ. Сверхъ приливовъ патріотизма, я опять начинаю чувствовать припадки религіозности. Давно-ли еще я бѣгалъ отъ Мельвиля, а сегодня самъ былъ у него два раза и очень терпѣливо слушалъ разный вздоръ и старье, которое онъ мнѣ проповѣдывалъ. Пользуясь такимъ расположеніемъ духа, я говѣю на этой недѣлѣ".

Сблизился В. В. съ Карлгофомъ и не преминулъ расхвалить его въ письмахъ къ Княжевичу, стараясь расположить попечителя въ пользу своего ближайшаго помощника. Даже и въ такихъ щекотливыхъ случаяхъ и, можно сказать, безъ всякой необходимости выказывалъ В. В. независимость характера.

Слѣдуя хронологическому изложенію, мы должны еще разъ вернуться къ Лексикону.

Отказавшись отъ сотрудничества, В. В. вскорѣ-же пожалѣлъ о такомъ рѣшеніи, чувствовалъ себя какъ-бы виноватымъ, и искалъ случая поправить дѣло. Письмо Савельева доставило этотъ случай, и Григорьевъ съ радостію ухватился за него.

„Сегодня получилъ я—писалъ В. В.—посланіе твое отъ 17 — 26 января, и очень былъ имъ обрадованъ; я начиналъ уже думать, не сердишься-ли ты на меня за отказъ мой въ сотрудничествѣ, въ такое время именно, когда тебѣ нужны хорошіе работники. Написавши къ тебѣ извѣстное письмо о лексиконѣ, я скоро потомъ увидалъ, что поступилъ слишкомъ опрометчиво, что если я не хотѣлъ участвовать въ изданіи Плюшара, я долженъ былъ участвовать въ предпріятіи, котораго главою теперь *ты*; долженъ былъ работать, потому что работалъ-бы съ *тобою*, потому что помощь моя была-бы можетъ быть не лишнею для тебя. Но во всякомъ случаѣ ты думаешь напрасно, что судьба лексикона не интересуетъ меня, и потому не хочешь писать мнѣ о „томъ, что теперь болѣе всего тебя занимаетъ". Для того, чтобы успѣхи и неудачи его не были для меня чужды, довольно того, что это предпріятіе въ твоихъ рукахъ, кромѣ того оно имѣло всегда право на мое участіе, и сохранило-бы его во всѣхъ обстоятельствахъ, потому что это предпріятіе національное, полезное для моего отечества, благо котораго составляетъ теперь единственную цѣль моей ничтожной жизни.

„Помнишь, ты хотѣлъ написать для Ж. М. Н. П. статью о Рашидъ эд-Динѣ и Катрмерѣ. Ты долго собирался, я предупредилъ тебя. Съ недѣлю тому назадъ мой разборъ перваго тома Collection orientale поѣхалъ въ Москву, въ Москвитянинъ Погодина. Туда-же отправится и разборъ Шахъ-намэ Моля, когда я получу второй томъ означеннаго собранія. Те-

бѣ не нравится „Русскій Вѣстникъ“ [1]). По какой причинѣ? Мнѣ онъ очень приглянулся. Сынъ Отечества тоже изданіе хорошее. Маякъ... что сказать о немъ? Издаютъ его люди безъ способностей, а направленіе его ей-ей прекрасное. Москвитянинъ, коего я имѣю счастіе быть сотрудникомъ, судя по первой книжкѣ,—нѣчто очень безхарактерное. Эти Москвичи толкуютъ о духѣ и направленіи, и никакъ не смогутъ одѣть этотъ духъ плотію, этому направленію подчинить свои дѣйствія и труды.

„Сію минуту узналъ прекрасную новость, и спѣшу подѣлиться съ тобою. Здѣшніе Булгары, чтя память Венелина, хотятъ сдѣлать ему памятникъ въ Москвѣ. Въ нѣсколько дней собрано уже 2000 рублей. Я постараюсь вмѣшаться въ это дѣло завтра-же и увѣдомлю о результатѣ. Мнѣ хочется предложить имъ издать оставшіеся въ рукописи труды покойнаго“. Приписка 20 февраля: „Толковалъ съ кѣмъ нужно о Венелинѣ. Покуда еще ничего не рѣшено положительно, кромѣ памятника. Въ воскресенье 23 февраля, будетъ совѣщаніе о моемъ предложеніи. Авось удастся сдѣлать что-нибудь, чѣмъ нибудь выразить мое чувство благодарности къ этому человѣку, первому рѣшительно возставшему противъ авторитета Нѣмцевъ“. (13—20 февраля).

Въ Москвитянинъ В. В. послалъ статью объ Одессѣ, которую порядкомъ ругнулъ и, между прочимъ, напалъ на Одесскій Вѣстникъ. Съ большими урѣзками и съ редакціонной замѣткой, что корреспондентъ несправедливъ и слишкомъ строго судитъ Одессу, статья эта была напечатана въ апрѣльской книжкѣ Москвитянина. Хотя подписи Григорьева и не было выставлено подъ корреспонденціей, но автора ея тотчасъ же узнали. По понятіямъ мѣстнаго общества, Одессу можно было только хвалить, хотя и въ ущербъ справедливости. В. В. первый рѣшился высказать о ней правду, и тѣмъ вооружилъ противъ себя почти всю одесскую интеллигенцію. Въ № 6 Москвитянина появилось возраженіе „Жителя Одес-

---

[1]) Вотъ что писалъ Савельевъ отъ 17 янв. 1841 года: „Сенковскому дали порядочный выговоръ за свѣтящихся червячковъ, по доносу Булгарина, и взяли съ него подписку, чтобы впередъ такъ не острилъ; не то запретятъ журналъ. Кстати о журналахъ: видѣлъ-ли ты новый „Сынъ Отечества“? Онъ очень порядоченъ. Этого-же нельзя сказать о „Русскомъ Вѣстникѣ“. Пусть, какъ его издатели. „Москвитянина“ еще здѣсь не видно, какъ во время оно „Наблюдателя“. „Маякъ“ еще поддерживаютъ постнымъ масломъ, и оттого-то онъ имѣетъ свой *духъ*, который очень по вкусу монахамъ. Для нихъ это—лучшій русскій журналъ, точно такъ какъ для департаментскихъ чиновниковъ лучшій журналъ—„Сенатскія Вѣдомости“, а для штатныхъ смотрителей—„Журналъ Просвѣщенія“, который имѣетъ многія точки сходства съ „Маякомъ Просвѣщенія“. Одинъ записываетъ факты своего просвѣщенія, а другой освѣщаетъ и освящаетъ то, что тотъ пишетъ, и чего, безъ такого сильнаго свѣта, какъ свѣтъ маяка, никто-бы и не примѣтилъ“.

сы", гдѣ въ свою очередь высказались нѣкоторыя колкости по адресу заѣхавшихъ въ провинцію столичныхъ обитателей. Все это очень забавляло В. В.

Воспѣть хвалу Лексикону, В. В., не удалось: Арабоглу предупредилъ его своею статьею о возрожденіи лексикона. Въ черновыхъ бумагахъ В. В. сохранилось, однако, начало замѣтки его о Лексиконѣ [1]) Тогда Григорьевъ придумалъ исполнить свое намѣреніе другимъ образомъ, какимъ именно, узнаемъ изъ слѣдующаго письма:

„Доказательствомъ искренняго участія моего въ дѣлѣ, за которымъ ты теперь хлопочешь, будетъ то, что по выходѣ въ свѣтъ XVII тома, я, по поводу этого, напишу для „Москвитянина" полную исторію переворотовъ лексикона отъ древнѣйшихъ временъ до послѣдней „реставраціи"; въ каковой исторіи постараюсь выставить въ должномъ свѣтѣ и твои великіе подвиги. Поэтому обѣщанная тобою исторія реставраціи [2]) будетъ для меня не только очень любопытна, но и необходимо нужна; потому-же прошу не медлить сообщеніемъ оной и не жалѣть ни подробностей, ни времени, ни бумаги.

„Здѣшніе Булгаре, какъ я писалъ уже тебѣ, принимаютъ живое участіе въ судьбѣ сочиненій Венелина, оставшихся по смерти его въ рукописи. Къ числу ихъ, т. е. сочиненій принадлежитъ и его Болгарская грамматика. Венелинъ представилъ ее въ И. Россійскую Академію, гдѣ она находится и до сихъ поръ. Болгаре желаютъ знать: 1) есть ли эта грамматика собственность академіи, или принадлежитъ ему, Венелину, и по праву наслѣдства, его наслѣдникамъ. 2) Намѣрена-ли академія напечатать ее, и если намѣрена, то какъ скоро можно ожидать этого(....). Когда увидишь Языкова, попроси у него толковаго и рѣшительнаго отвѣта на эти вопросы и сообщи мнѣ, какъ можно скорѣе. Эта комиссія, надѣюсь, не затруднитъ тебя. Вспомни, что это дѣлается для Славянъ.

„Въ эти два мѣсяца, что мы не писали другъ къ другу, въ Одессѣ

---

[1]) Еще по выходѣ въ свѣтъ XV тома В. В. думалъ напечатать замѣтку о лексиконѣ, подъ заглавіемъ „Мнѣніе нѣкотораго человѣка", чтобы обратить вниманіе публики на это изданіе въ виду тѣхъ нападокъ, иногда просто ругательствъ, которыя сыпались на лексиконъ въ разныхъ изданіяхъ. Въ замѣткѣ говорилось, что это предпріятіе „должно возбуждать участіе всѣхъ благомыслящихъ людей, и хорошій или дурной ходъ его долженъ радовать или печалить всѣхъ, кому дороги успѣхи соотечественниковъ на пути образованія и совершенствованія", а затѣмъ, съ полнѣйшею безпристрастностію указывались, какъ недостатки (отсутствіе строгой системы), такъ и достоинства лексикона.

[2]) „Когда вышлешь требуемую статью (Даніяль-би),—писалъ Савельевъ — напишу тебѣ отчетисто и докладно полную исторію „реставраціи" Лексикона".

произошло много важнаго относительно къ моей особѣ. Карлгофъ, о которомъ я писалъ къ тебѣ въ предпослѣднемъ письмѣ, полюбилъ меня въ это время не на животъ, а на смерть, просто души во мнѣ не слышалъ, и собирался сдѣлать для меня тьму добраго. Я тоже привязался къ нему всѣмъ сердцемъ и всѣми помышленіями. Въ будущемъ проглядывало для меня много пріятнаго и утѣшительнаго. Объ этомъ многомъ я поговорю съ тобою, когда увидимся. Вдругъ все это пошло къ чорту, потому что Карлгофъ вздумалъ съиграть преглупую шутку—взялъ да и умеръ, а я взялъ да и похоронилъ его. Онъ умеръ 23 марта. Это приключеніе огорчило меня такъ, что я еще и теперь не могу совершенно владѣть головою. Ты знаешь, я болтаю только о томъ, что меня не занимаетъ, а то, что западетъ въ сердце поглубже, то тамъ и остается. Савка, Савка, о многомъ, очень о многомъ надо-бы было потолковать мнѣ съ тобою.

„Душа моя, П. С., желая исполнить приказаніе твое, написать тебѣ Даніяль-би, сѣлъ было я за работу, взялъ Supplément Сенковскаго, прочелъ, что есть тамъ объ этомъ лицѣ и увидалъ, что болѣе десяти строкъ объ немъ не изъ чего писать—и я не написалъ ничего. Если это огорчаетъ тебя, виноватъ ты самъ. Коли ужь тебѣ непремѣнно хотѣлось имѣть статью съ подписью В. В. Г., написалъ-бы ты объ этомъ раньше и предметъ выбралъ-бы получше.... Во всякомъ случаѣ, если ты хочешь поставить меня въ списокъ сотрудниковъ XVII тома, я уполномочиваю тебя подписать мое имя подъ какою хочешь статьею, даже подъ самою глупѣйшею. Доволенъ?“ (8—9 апрѣля 1841 г.).

Горе свое В. В. высказалъ и Княжевичу, все еще находившемуся за границей. Въ письмѣ послѣдняго къ В. В. находимъ мы слѣдующія строки: „То, что вы мнѣ пишите о покойномъ Карлгофѣ, еще болѣе заставляетъ меня жалѣть о его смерти. Я его совершенно не зналъ и даже никогда не видывалъ“. (Письмо изъ Тріеста $\frac{\text{30 апрѣля}}{\text{12 мая}}$ 1841 года).

Лѣтомъ В. В. отправился въ Петербургъ для напечатанія своего описанія куфическихъ монетъ, найденныхъ въ Рязанской губерніи. 18 іюня выѣхалъ онъ изъ Одессы, остановился ненадолго въ Москвѣ, и въ началѣ іюля былъ уже въ Петербургѣ. По причинѣ дурной погоды во все это лѣто онъ почти никуда не ѣздилъ, никого не видалъ, за исключеніемъ самыхъ близкихъ знакомыхъ, сидѣлъ большею частью дома съ отцомъ, занимался нумизматикою, стараясь употребить въ пользу богатство здѣшнихъ пособій по этой части. Къ концу августа книга была отпечатана и, представивъ ее министру, В. В. разстался съ Петербургомъ 30 августа. Въ Москвѣ провелъ онъ три дня, посѣщая семейство Головачевыхъ и Грановскаго. Про послѣдняго писалъ Савельеву:

„за исключеніемъ нѣмчизма, который его обезображиваетъ, онъ уменъ и благороденъ по прежнему“. 17 сентября В. В. прибылъ въ Одессу, гдѣ намѣревался заняться диссертаціей.

V.

Почти полгода В. В. не писалъ Савельеву: къ экзамену приготовлялся и писалъ диссертацію объ ярлыкахъ; была и другая причина, по которой онъ не писалъ Савельеву и о которой будетъ сказано ниже. Разборомъ ярлыковъ занялся В. В. еще во второй годъ своего пребыванія въ Одессѣ, продолжалъ изученіе ихъ постоянно, пользуясь указаніями Ярцева, котораго считалъ однимъ изъ первѣйшихъ у насъ знатоковъ татарскихъ нарѣчій. Но не эти, найденные въ Одессѣ ярлыки, послужили темою для диссертаціи В. В., а другіе—ярлыки, данные ханами Золотой орды русскому духовенству для освобожденія отъ податей. Объясненіе этихъ ярлыковъ и доказательства достовѣрности ихъ составляютъ главную сущность труда В. В. Диссертацію-же съ восточными текстами въ Москвѣ, пожалуй, и затруднились бы принять, такъ какъ въ то время восточные языки въ московскомъ университетѣ не преподавались.

1 февраля 1842 года, напутствуемый горячими пожеланіями Княжевича и другихъ доброжелателей, отправился В. В. въ Москву добывать магистерство, и 10-го прибылъ въ первопрестольную столицу.

Все это время, начиная съ декабря прошлаго года, В. В. находился въ какомъ-то странномъ состояніи духа, какая-то idée fixe охватила все существо его, мысль, не имѣющая ничего общаго съ тѣмъ дѣломъ, за которымъ пріѣхалъ онъ въ Москву и которое волновало его уже нѣсколько лѣтъ.

„Я скажу тебѣ—писалъ онъ изъ Москвы Савельеву—что все послѣднее время житья моего въ Одессѣ, весь декабрь и январь, я былъ самъ не свой. Чортъ знаетъ, что со мною дѣлалось и дѣлается. Голова вверхъ ногами ходитъ (.....). Гдѣ тутъ писать? И теперь я не знаю, на что похожъ. Ничего не вижу, не слышу, не понимаю; какъ быкъ бодаю рогами одну мысль, одно желаніе—все прочее трынъ-трава. Мнѣ стоитъ большаго усилія обратить вниманіе на что нибудь, кромѣ этой одной мысли. На дняхъ будетъ мой первый экзаменъ. Я ничего не знаю, и думать не думаю о приготовленіи. Диссертацію переписываю и порчу вмѣсто того, чтобы улучшать. Дай мнѣ совѣтъ въ одномъ дѣлѣ да по-

скорѣе. Погодинъ прочитъ меня въ преемники себѣ по каѳедрѣ Русской исторіи въ Московскомъ университетѣ [1]). Хочетъ передать и изданіе Москвитянина. Соглашаться-ли на это? Выгодъ никакихъ нѣтъ, а труда бездна. Покуда я возложилъ упованіе на Аллаха. Поклонись Николаю Васильевичу [2]), поблагодари его за хвалы мнѣ въ С. Отечества". (7 марта 1842 г.). Въ припискѣ отъ 13 марта: „Вчера былъ первый и самый важный экзаменъ магистерскій—сошло кое-какъ!"

Пребываніемъ въ Москвѣ В. В. не могъ быть недоволенъ. Уже одно предложеніе Погодина доставляло ему великое торжество и льстило самолюбію. Нумизматъ А. Д. Чертковъ, познакомившись съ Григорьевымъ, тоже старался удержать его въ Москвѣ и убѣждалъ попечителя, графа Строганова, не упускать Григорьева. У самаго же В. В. былъ другой планъ, сокровенный, который онъ высказалъ только Савельеву—переселиться въ Петербургъ и современемъ занять мѣсто Джафара Топчибашева въ университетѣ. О дѣлахъ-же своихъ въ Москвѣ В. В. писалъ Савельеву:

„Ну, Савка, кажись, что подъ старость лѣтъ, дадутъ мнѣ, наконецъ, магистерство за многія претерпѣнныя мною страданія и великія, отдаленныя совершенныя мною странствованія. Я по крайней мѣрѣ думаю, что этимъ именно заслуживаю его, поелику экзаменъ свой не считаю весьма великолѣпнымъ; другіе прочіе иные находятъ напротивъ, что я сдалъ экзаменъ „торжественно". Передъ приступленіемъ къ оному, Погодинъ прочелъ рѣчь о великихъ заслугахъ моихъ относительно Русской исторіи, а Давыдовъ, по окончаніи, не могъ достойно превознести меня Каченовскому. Теперь остается только защитить диссертацію. Покуда она гуляетъ еще для прочтенія по факультету, тамъ станемъ печатать, вообще придется долгонько пробыть въ Бѣлокаменной. Диссертація не глупа и дѣльна, но написана сверно, т. е. казыкумыкскимъ [3]) языкомъ, что Б. для Ч. не пропуститъ замѣтить всеконечно, если только Осипъ Ивановичъ не пройдетъ ее презрительнымъ молчаніемъ.

„Когда окончу дѣла мои въ Москвѣ благополучно, удалюсь въ Одессу и годъ или полтора стану работать. Прежде всего кончу для записокъ

---

[1]) Погодинъ, по расположенію къ нему министра, расчитывалъ получить полную пенсію еще до выслуги срока службы и намѣревался выдти въ отставку, чтобы уѣхать за границу, а потому пріискивалъ себѣ преемника.

[2]) Н. В. Савельеву.

[3]) Выраженіе часто употребляемое въ письмахъ Григорьева и друзей его по поводу дурнаго необработаннаго слога.

Одесск. Общ. Древ. статью „О ярлыкахъ крымскихъ хановъ". Потомъ для нихъ-же другую: „О восточныхъ монетахъ, находимыхъ въ Россіи", и еще нѣсколько мелкихъ. Тамъ примусь работать надъ книгою „о восточномъ элементѣ въ русскомъ языкѣ", и попробую издать „персидскую грамматику". Сдѣлать болѣе во время пребыванія въ Одессѣ не удастся, я думаю. Года черезъ полтора явлюсь въ Питеръ. Не шутя, Савка, зачѣмъ не напечатаешь ты разбора „Куфическихъ монетъ" [1]): ты знаешь, что кромѣ тебя никто вѣдь этого не сдѣлаетъ. Почему же не сдѣлать пріятнаго старому пріятелю—просто и убѣдительно!

„Изо всего покуда написаннаго ты заключишь, пожалуй, что я повеселѣлъ, утѣшился, не скучаю! Ошибешься, другъ. Грустно мнѣ и тошно по прежнему. Я не драпируюсь моею грустью. Я стараюсь веселиться, да чтожъ дѣлать, когда веселье не лезетъ въ сердце, когда тоска отчетная и безотчетная засѣла тамъ и властвуетъ одна самодержавно(....).

„Грановскій очень счастливъ съ своею нѣмочкой. У него собираются лучшіе московскіе геніи—люди съ чувствомъ, съ умомъ, но которые мнѣ не нравятся почему-то. Много говорятъ, много пьютъ, мало дѣлаютъ. А есть здѣсь молодежь много обѣщающая; только эгоизмъ развитъ во всѣхъ въ ужасной мѣрѣ. Отечество—пустой звукъ для ихъ уха, не проникающій въ грудь". (24 марта). Приписка 25 марта:

„Сегодня вечеромъ получилъ письмо твое отъ 20 марта. Ради Аллаха не приплетай статьи Френа объ Ausgrabungen русскихъ монетъ къ разбору моей книги [2]). На эту статью я имѣю виды, ждалъ появленія ея съ нетерпѣніемъ—неужели ты отнимешь ее у меня? У меня готовъ цѣлый трактатъ объ этихъ Ausgrabungen съ важными результатами для исторіи, до которыхъ результатовъ *дошелъ я своимъ умомъ*. Далѣе. Грановскій съ пріятелями издадутъ къ новому году „сборникъ" завѣтныхъ статей. Славная книжка будетъ! Тутъ между прочимъ помѣстится: Біографія Станкевича, ст. Флорова. Біографія Ульриха фонъ-Гутена, ст. Грановскаго, Мохаммедъ, какъ поэтъ, и коранъ, какъ исто-

---

[1]) Описаніе куфическихъ монетъ, найденныхъ въ Рязанской губерніи.

[2]) Въ письмѣ этомъ Савельевъ писалъ: „Со статейкой моей о Куфѣ вотъ что сдѣлалось. Сначала я хотѣлъ написать ее для журнала просвѣщенія, но такъ какъ тамъ нельзя ни слишкомъ хвалить ни пускаться въ разныя крайности, то я и отдалъ ее для Сына Отечества. Въ первый нумеръ оно не вошло, потому что тамъ не было критики, а было вступленіе въ критику,—говорятъ очень пустое; впрочемъ я не читалъ. А между тѣмъ вышла Френова статья: я и вздумалъ придѣлать ее къ моей о твоей книгѣ. Она и доселѣ лежитъ у меня недописанная. Не сердись. Ты знаешь, что иногда трудно побѣдить лѣнь".

рическій источникъ, ст. Григорьева, и многія другія, Боткина, Огарева и прочихъ геніевъ".

Защита диссертаціи прошла блистательно, и еще сильнѣе москвичи стали желать удержать В. В. въ Москвѣ. Графъ Строгановъ задумалъ даже сочинить для него вмѣсто восточныхъ языковъ, тогда только числившихся, особую каѳедру Исторіи Востока, предмета ни въ одномъ университетѣ не преподававшагося, ни у насъ, ни заграницей. Какъ ни заманчиво казалось В. В-чу послѣднее предложеніе—преподаваніе исторіи Востока было его завѣтнымъ желаніемъ—но оставить Лицей тотчасъ же по пріобрѣтеніи законныхъ правъ на каѳедру, когда онъ и далъ В. В-чу возможность получить эти права, значило, по его понятіямъ, отплатить этому заведенію неблагодарностію. Чтобы быть правымъ передъ своею совѣстію, онъ находилъ необходимымъ прослужить въ Одессѣ хотя еще одинъ годъ. Къ тому-же ему было жаль разстаться съ Княжевичемъ, къ которому привязался онъ всей душой. Когда В. В. объяснилъ графу Строганову причины, по которымъ онъ долженъ отказаться отъ перевода въ Москву, то графъ высказалъ надежду, что можетъ быть впослѣдствіи, когда причины эти устранятся, В. В. и не откажется отъ каѳедры въ Московскомъ университетѣ. На томъ дѣло и остановилось.

Въ это время В. В. сдѣлался для Княжевича положительно необходимымъ человѣкомъ. Когда печаталась диссертація В. В. въ Москвѣ и когда дважды приходилось продолжать ему отпускъ, Княжевичъ всякій разъ упрашивалъ В. В. возращаться поскорѣе въ Одессу, такъ какъ въ немъ чувствовался „большой недостатокъ", и много работы остановилось въ ожиданія его возвращенія. Особенно въ виду отъѣзда Н. И. Надеждина Княжевичъ сталъ нуждаться въ дѣятельномъ помощникѣ. Но когда В. В. сообщилъ Княжевичу о своихъ успѣхахъ въ Москвѣ, тотъ не оказался эгоистомъ и отвѣчалъ: „Поздравляю васъ отъ всей души съ получаемыми приглашеніями. Они служатъ доказательствомъ, что вамъ отдаютъ справедливость. И не думайте, чтобъ я сталъ уговаривать васъ не принимать ихъ. Это было-бы съ моей стороны непростительно. Мнѣ очень больно и грустно будетъ съ вами разстаться, но... рыба ищетъ,гдѣ глубже, человѣкъ гдѣ лучше. Вотъ и Николай Ивановичъ покидаетъ меня (.....). Рады будемъ встрѣтить васъ, если вы воротитесь, членомъ двухъ обществъ. Только пожалуйста порадуйте насъ поскорѣе. Пора работать по обществу, чтобъ сдѣлать хоть что нибудь, а послѣ отъѣзда Николая Ивановича всѣ надежды наши сосредоточиваются на васъ однихъ. Безъ васъ мы пропали mit Sack und Pack, и Общество, не

разродясь, скончается подъ акушерскимъ ножомъ нашимъ". (Изъ письма отъ 6 мая 1842 года).

Что-же касается до диссертаціи В. В., то она съ бо̀льшимъ, кажется, сочувствіемъ была встрѣчена за границей, чѣмъ у насъ. Въ Jahrbücher für wissenschaftliche Kritik (1844, № 96) было сказано, что она „безспорно принадлежитъ къ лучшимъ монографіямъ ученаго содержанія, какія когда либо написаны были русскимъ ученымъ". Въ письмѣ къ академику Френу Шоттъ отозвался объ этомъ трудѣ такимъ образомъ:

„Auch Grigoriew's vortreffliche Abhandlung О достовѣрности ханскихъ ярлыковъ ist mir endlich zugekommen. Sie war ungefähr anderthalb Jahre unterwegs gewesen. Jch habe Herrn Grigorjew's Abhandlung mit grossem Vergnügen zu widerholten Malen gelesen und werde sie in mehreren Zeitschriften nach Verdienst preisen. Melden E. E. ihm gütigst meinen Dank. Von den gebornen Russen, die bis jetzt diesen Beruf gewählt haben, scheinen mir Wenige in solchem Grade dazu qualificirt. Es wundert mich nur, dass er in dem räthselhaften Worte дарыкъ (s. 87) nicht *tarich* erkannt hat. Die Erklärung des Ентя (s. 89) ist scharfsinnig, scheint mir aber unnöthig, da dieses Wort auch der türkische Name des Pferdejahres in einiger Entstellung seyn kann; ein Pferdejahr ist aber 1354 gewesen, was beinahe zum gleichen Ergebniss führt". (Ausd. Briefe des Hr. Prof. und Akad. Schott, dat. Berlin, 12 oct. 1844).

Вернувшись въ Одессу, В. В. приступилъ къ печатанію своего труда „О куфическихъ монетахъ, находимыхъ въ Россіи и прибалтійскихъ странахъ, какъ источникахъ для древнѣйшей отечественной исторіи"—одного изъ лучшихъ произведеній В. В., какъ по мысли, такъ и по оригинальности метода изслѣдованія. Въ то же время В. В. занялся описаніемъ монетъ Джучидовъ, Генуезцевъ и Гиреевъ, битыхъ на Таврическомъ полуостровѣ.

Не имѣя долго никакихъ извѣстій отъ Савельева и ничего не зная о его занятіяхъ, В. В. написалъ ему строгое письмо, какъ нѣкогда самъ получалъ таковыя отъ своего друга:

„Говоря серьезно, облѣнился ты, Савка. Если же я виню тебя напрасно, оправдайся, дай отчетъ въ томъ, чѣмъ занимался ты въ послѣднее время, да не такой отчетъ, какіе писалъ я Сенковскому во время оно, а добросовѣстный. Валлахъ—биллахъ не хотѣлось-бы мнѣ, что-бы ты состарѣлся не написавши чего нибудь толковаго, имѣя для этого все, что нужно. Я—другое дѣло. Я въ десять разъ менѣе свободенъ чѣмъ ты, но и я попишу еще съ полгода разной дряни, а тамъ

примусь *учиться*. Но такъ какъ жить въ Одессѣ скучно, я намѣренъ переселиться изъ нея въ южную Сибирь. Черезъ годъ прикачу въ Питеръ искать мѣста въ Иркутскѣ. Покуда еще силишки остаются, надо ими воспользоваться. На западъ всегда можно, если охота придетъ... Покуда-же до Сибири, съѣзжу еще разъ въ Бессарабію недѣли на двѣ и недѣли черезъ двѣ, а осенью въ Крымъ, не для самаго Крыма, а чтобы добрые люди не смѣялись потомъ, что я прожилъ въ Одессѣ около пяти лѣтъ, а въ Крыму не бывалъ. Не худо-бы и на Кавказъ, да не имѣется ни поводу, ни средствъ, ни времени.

„Съ самаго пріѣзда въ Одессу, что произошло 2 іюня, я все работалъ, и только три дня послѣдніе ничего не дѣлаю, за то и скучаю. Ужасно скучно въ Одессѣ: не будь Зеленецкаго—не съ кѣмъ-бы слова молвить умнаго и откровеннаго. Надеждинъ черезъ недѣлю ѣдетъ въ Питеръ (. . . .). На этой недѣлѣ, наконецъ, начнутся печататься записки нашего общества. Первая статья—Надеждина о географіи Геродота сравнительно съ теперешнею мѣстностію Новороссіи. Вторая—моя. Я еще не кончилъ ее и теперь тороплюсь, т. е. надо поторопиться, а ничего не пишется“. (24 іюня).

Въ концѣ 1842 г. произошелъ сперва небольшой, а потомъ и крупный разрывъ у Григорьева съ Савельевымъ. Оживленная переписка къ этому времени значительно ослабѣла. А одно обстоятельство подвергло долголѣтнюю дружбу ихъ великому испытанію. Началось съ упрековъ. Савельевъ упрекалъ Григорьева въ томъ, что онъ будто-бы заважничалъ послѣ полученія степени магистра; Григорьевъ находилъ, что Савельева заѣдаетъ чиновничество. Наконецъ, Савельевъ написалъ Григорьеву письмо съ немалою долею ироніи, въ которомъ между прочимъ, говорилъ:

„Мы оба нынче, кажется, поумнѣли. Уже никто не жалуется, если не видитъ письма отъ другаго хоть полгода. Да и на что? Вѣрно, слава Богу, живъ и здравствуетъ, и того-же намъ желаетъ. Весьма основательно. Лѣта приносятъ опытность. На что терять время на переписку, когда въ ней ничего нѣтъ“? Далѣе Савельевъ извѣщалъ В. В. что перевелъ статью Френа и приготовилъ изъ нея извлеченіе для С.-Петербургскихъ Вѣдомостей, чего, какъ видѣли, Григорьевъ просилъ Савельева не дѣлать. Григорьевъ отвѣчалъ съ замѣтнымъ раздраженіемъ:

„Я не писалъ къ тебѣ довольно долго—и ты разсердился. Это хорошо: значитъ ты не охолодѣлъ ко мнѣ; но имѣлъ-ли ты право сердиться, когда самъ не писалъ ко мнѣ нѣсколько мѣсяцевъ? Разъ. Дальше, ты намекаешь, что я вообще пишу къ тебѣ только „при вѣрной оказіи“, когда имѣю нужду до тебя, когда взваливаю на тебя какую-нибудь ко-

миссію. Я прощаю тебѣ эту выходку, вырвавшуюся можетъ быть въ сердцахъ; но она не хороша: чего человѣкъ не думаетъ, то никогда и вырваться у него не можетъ. Если тебѣ непріятны мои комиссіи, я впередъ не обращусь къ тебѣ ни съ одной (. . . .). При томъ мнѣ кажется, что до сихъ поръ я не давалъ тебѣ ни одного непріятнаго порученія: не просилъ тебя покупать игрушекъ, занимать денегъ и т. п. Я не думалъ, чтобы для тебя было трудно отдать Френу, Н. В. Савельеву, отцу моему какія либо книжонки, которыя я присылалъ на твое имя; зайти къ Юнгмейстеру или другому книгопродавцу и спросить о томъ, или о другомъ, о чемъ мнѣ нужно было знать. Два. Наконецъ, ты укоряешь меня по поводу Френовой статьи, переведенной тобою, что я не удостоиваю тебя серьезнаго слова, пишу только (. . . .). Тебѣ, менѣе чѣмъ кому-либо, писалъ я вздору и по причинѣ очень естественной: у насъ было довольно общаго, о чемъ мы могли переписываться серьезно, не прибѣгая къ галиматьѣ для пополнѣнія пустыхъ страницъ (. . . .). Что-же касается до помянутой статьи въ частности, то благоволите припомнить, что я еще въ мартѣ этого года дважды писалъ изъ Москвы: „Пав. Степ., не переводите этой статьи: я занимаюсь тѣмъ-же дѣломъ; если Френъ пристаетъ, и ему тоже объявите. Не лѣзьте туда, куда-молъ я ужъ полѣзъ прежде васъ. Есть вамъ, слава Богу, чѣмъ можете заняться, не питаясь крохами, падающими отъ трапезы академической". Я просилъ очень усердно, но Пав. Степ. все-таки поставилъ на своемъ, перевелъ, напечаталъ, да еще и извлеченіе состряпалъ для Вѣдомостей; а когда его просили: напишите нѣсколько строкъ о моей книжкѣ, о монетахъ и диссертаціи о ярлыкахъ—ему было некогда и до сихъ поръ некогда. Это, должно полагать, то-же вслѣдствіе большой пріязни.

„Мало того; тебѣ извѣстно было, что я располагался писать о находкахъ, когда еще прошлаго года пріѣзжалъ въ Петербургъ; рѣчь моя читана была въ годичномъ собраніи здѣшняго общества въ мартѣ этого года; ты могъ видѣть это изъ Одесскаго Вѣстника, и все таки чортъ соблазнилъ тебя перейти мнѣ дорогу. Не статья Френа для меня важна, а важно то, что она теперь на русскомъ, и что когда явятся въ свѣтъ записки нашего общества, дѣло не будетъ уже такою новостію, какъ я надѣялся. Погодинъ хотѣлъ сдѣлать въ Москвѣ тоже, что сдѣлалъ ты въ Питерѣ, но когда я сказалъ ему, что пишу объ этомъ, онъ тотчасъ-же отказался отъ этого намѣренія. Такъ дѣйствуютъ люди, намъ чуждые; а пріятели — они любятъ подпакостить (. . . . .). Не въ статьѣ сила, статья вздоръ; а нехорошо то, что ты сдѣлалъ мнѣ непріятное при первомъ случаѣ, который представился (. . . . .). Кстати о пріятеляхъ:

16 мая я защитилъ диссертацію; сегодня 21 октября, и я еще не получилъ диплома, потому, между прочимъ, что Грановскій, секретарь факультета, очень обо мнѣ помнитъ и заботится (. . . . .). Что касается до Петрова, то его поклона не принимаю. Я писалъ ему въ Казань: можетъ самъ отвѣчать, если руки не отсохли. Не кланяться-же въ ноги всѣмъ пріятелямъ, слезно моля о сохраненіи расположенія.

„И горько и досадно, какъ посмотришь.... а, да къ чорту!... когда мнѣ досадно, я хотѣлъ-бы вѣшать, а не писать. Прощай, не принимай очень къ сердцу всего написаннаго: не всякая лыка въ строку. Когда расходишься, наговоришь такихъ глупостей“..... (изъ письма 21 октября 1842 г.).

Личныя объясненія могли-бы еще уладить дѣло; но письма привели только къ пущей размолвкѣ, раздраженіе съ обѣихъ сторонъ усиливалось.

„Ты знаешь мой характеръ—писалъ затѣмъ Григорьевъ—знаешь, что мы позволяли себѣ объясняться очень откровенно, не называя дѣлъ и вещей чужими именами, и рѣзали правду, не морщась. Такъ поступилъ я и въ настоящемъ случаѣ. Если-же и принимая это въ соображеніе, ты все таки не можешь переварить моего послѣдняго письма, и не видишь спасенія, какъ только въ одномъ „разойтись“—Богъ съ тобою (. . . .). Молчаніе на это письмо я приму за желаніе прекратить всѣ сношенія между нами. Но во всякомъ случаѣ, если судьба приведетъ меня быть еще въ Питерѣ, я явлюсь къ тебѣ и на словахъ объясню тебѣ многое, что не пишется. Десять лѣтъ, прошедшія съ 1832 по 1842 годъ, имѣютъ для меня, по-видимому, болѣе значенія, чѣмъ для тебя.

„Этотъ годъ для меня—годъ ссоръ. Передъ нашею я перенесъ одну, которая отзовется во всей моей будущности и глубоко задѣла меня за живое“. (Изъ письма 24 ноября 1842 г.).

Савельевъ не отвѣчалъ, и переписка прекратилась. Впослѣдствіи, когда В. В., вернулся въ Петербургъ, онъ дѣйствительно явился къ Савельеву. Этого было довольно, чтобы примиреніе состоялось. Случившійся-же эпизодъ послужилъ только къ вящему скрѣпленію дружбы ихъ.

Статья „О куфическихъ монетахъ находимыхъ въ Россіи“ принадлежитъ къ числу лучшихъ и наиболѣе цѣнныхъ трудовъ В. В. Въ ней онъ представилъ, на основаніи открытыхъ кладовъ восточныхъ монетъ, нѣсколько выводовъ о гражданственности древней Руси до возникновенія Русскаго государства по лѣтописнымъ памятникамъ. Со времени появленія этой статьи никто изъ нумизматовъ или историковъ не подвинулъ вопроса дальше, хотя матеріалъ для него значительно расширился, никто не примѣнилъ въ такой полнотѣ нумизматическіе факты

къ объясненію историческихъ вопросовъ, какъ сдѣлалъ это Григорьевъ. По оригинальности пріема и самостоятельности метода изслѣдованія — заставить говорить самыя монеты — трудъ этотъ является единственнымъ въ своемъ родѣ въ нашей богатой нумизматической литературѣ. Опасеніе В. В., что мысль его не поймутъ и не оцѣнятъ, оправдалось вполнѣ. Не только С. М. Соловьевъ ее не одобрилъ, но даже и Погодинъ высказался противъ нея.

Дипломъ на магистра, наконецъ, былъ полученъ, и въ декабрѣ 1842 г. В. В. утвержденъ въ званіи профессора Ришельевскаго лицея.

VI.

Кромѣ прямыхъ своихъ обязанностей, какъ преподавателя, В. В. нерѣдко исполнялъ по порученію начальства и другія дѣла, между прочимъ, составленіе проекта объ упорядоченіи преподаванія восточныхъ языковъ вообще въ Новороссійскомъ краѣ; а въ мартѣ 1843 года, онъ былъ командированъ въ Таврическую губернію для провѣрки успѣховъ и состоянія преподаванія татарскаго языка въ мѣстныхъ училищахъ. В. В. долженъ былъ обратить вниманіе, какъ на то, чему учатъ, какъ учатъ, по какимъ книгамъ, что знаютъ, такъ и научить учителей, чѣмъ заниматься въ свободное отъ ученья время, какъ составлять словари и грамматики мѣстнаго нарѣчія, записывать пѣсни; кромѣ того самъ онъ намѣревался заняться изслѣдованіемъ разныхъ древностей, списать надписи въ Бахчисараѣ, поискать данныхъ къ объясненію нѣкоторыхъ темныхъ мѣстъ въ татарскихъ ярлыкахъ, изслѣдовать, по возможности, различія крымскихъ нарѣчій. Это была первая поѣздка В. В. въ Крымъ. Впечатлѣнія новыхъ мѣстъ, совершенно непохожихъ на другіе уголки Россіи, были крайне разнообразны. Онъ не восхищался тамъ, гдѣ принято восхищаться, и тутъ особенно сказался его собственный взглядъ на вещи.

Изъ Бахчисарая писалъ онъ г. Невѣрову о своей поѣздкѣ слѣдующее: „Забрался вотъ въ знаменитый городъ, прославленный Пушкинымъ, живу другіе сутки и собираюсь повѣситься. Смерть да и только. Я и всегда думалъ, что путешественники великіе мошенники, а теперь убѣдился въ этомъ рѣшительно и окончательно. Не только пишутъ, печатаютъ и болтаютъ чортъ знаетъ что о Бахчисараѣ, но и здѣсь, въ самомъ дворцѣ измарали всѣ стѣны своимъ восторгомъ, ахами, охами и всякаго рода вздохами, тогда какъ по мнѣ, не говоря уже о самомъ городѣ, который и выѣденнаго яйца не стоитъ, даже дворецъ-то такая дрянь, что между

порядочными людьми и поминать объ ней совѣстно. Воротясь въ Одессу, я тисну статейку о семъ градѣ, гдѣ разругаю и его, и почтеннѣйшихъ посѣтителей, восхищавшихся дворцомъ". (20 мая).

Намѣреніе описать Бахчисарай, т. е. показать, чего ждутъ въ этомъ городѣ путешественники и что находятъ въ дѣйствительности, осталось безъ исполненія; за то въ „Москвитянинъ" В. В. послалъ статью о Ѳеодосіи.

Въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, апрѣля и мая, обозрѣлъ онъ почти всѣ заведенія, гдѣ преподавался татарскій языкъ, и въ подробномъ отчетѣ изложилъ результаты своихъ наблюденій.

„Ни въ одномъ училищѣ — доносилъ онъ попечителю — успѣхи учащихся не удовлетворяютъ вполнѣ требованіямъ, какія опредѣлены уставами этихъ училищъ, а въ нѣкоторыхъ неудовлетворительны вовсе. Читать порядочно могутъ только природные татаре, да дѣти тѣхъ изъ крымскихъ жителей, которымъ, какъ грекамъ и армянамъ, татарскій языкъ столь-же знакомъ, какъ и самимъ татарамъ. Дѣти-же русскихъ и вообще всѣ тѣ, которые не выучились этому языку изъ употребленія съ малолѣтства, не прочитаютъ толкомъ и трехъ строкъ. Это о чтеніи. Что-же касается до письма, то ни въ одномъ училищѣ, включая сюда и татарское отдѣленіе въ гимназіи (симферопольской), не найдется ни одного ученика, даже изъ природныхъ татаръ, который-бы умѣлъ писать правильно. Грамматику надлежало-бы преподавать и въ волостныхъ училищахъ; въ уѣздныхъ и татарскомъ отдѣленіи преподаваніе ея предписывается даже уставами этихъ заведеній; между тѣмъ она не преподается нигдѣ, объ ней и понятія не имѣютъ, за исключеніемъ развѣ одного Перекопскаго училища, гдѣ штатный смотритель Ш., хотя и безъ большаго успѣха, но дѣлаетъ все, что въ его силахъ для того, чтобы преподаваніе татарскаго языка подвести подъ общую систему преподаванія языковъ, предписанную инструкціею в. пр—ва уѣзднымъ училищамъ.

„Это жалкое состояніе, въ какомъ, какъ изволите видѣть, находится изученіе и преподаваніе татарскаго языка, не должно ставить въ вину никому, ни учащимся, ни учащимъ, ни мѣстному начальству. Учащіеся не виноваты въ малыхъ успѣхахъ, когда ихъ дурно учатъ. Учителя, въ свою очередь, не исполняютъ своей обязанности, какъ-бы надлежало, не передаютъ ученикамъ многаго, что было-бы нужно и должно имъ преподавать, потому, отчасти, что сами не имѣютъ достаточныхъ свѣдѣній, а это оттого, что ихъ самихъ дурно учили. Что-же касается до мѣстнаго начальства, то оно употребляетъ всевозможныя старанія, что-

бы привести дѣло въ лучшее состояніе, но не имѣетъ для этого никакихъ средствъ, какъ в. пр—во изволите сами усмотрѣть изъ нижеслѣдующаго изложенія причинъ, препятствующихъ успѣшному изученію и преподаванію татарскаго языка". Причины эти, подробно Григорьевымъ изложенныя, слѣдующія: 1) Отсутствіе всякихъ учебныхъ пособій, которыя, между прочимъ, замѣнялись наставленіемъ о разведеніи картофеля, переведеннымъ на казанское нарѣчіе проф. Каземъ-Бекомъ, наставленіемъ, которое никто въ Крыму не понималъ. 2) Малосвѣдущность самихъ учителей, неумѣющихъ даже писать правильно. 3) Предоставленіе на произволъ учащихся обучаться татарскому языку: „сегодня имъ приходитъ фантазія учиться, и они учатся, завтра охота отпадаетъ, и они оставляютъ ученіе, и припуждать ихъ никто, по уставу, не имѣетъ права".

Выяснивъ такимъ образомъ дѣло, не трудно уже было найти средства, если не къ радикальному исправленію недостатковъ, то по крайней мѣрѣ къ значительному ихъ ослабленію. И эти средства Григорьевъ представилъ, обративъ главное вниманіе на составленіе учебныхъ пособій по крымскому нарѣчію.

Не рѣдко получалъ В. В. назначенія присутствовать на экзаменахъ и въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ, что сопряжено было съ представленіемъ подробнаго отчета обо всемъ, что обнаруживалось на испытаніяхъ, съ изложеніемъ своего мнѣнія о благонадежности содержателей пансіоновъ и способностяхъ учителей, тамъ преподающихъ.

Живя въ Одессѣ, В. В. все болѣе и болѣе убѣждался, что онъ не можетъ быть тамъ полезенъ ни какъ преподаватель, ни какъ кабинетный ученый въ такой степени, какъ ему хотѣлось-бы. Первое—по причинѣ свойства самого заведенія, объ измѣненіи которыхъ при гр. Воронцовѣ нечего было и думать, а В. В. не могъ равнодушно смотрѣть, какъ ученики его, по окончаніи курса, бѣдствуютъ не зная, куда голову приклонить. Второе—по недостатку ученыхъ пособій. Не прошло и году по полученіи степени магистра, а В. В. сталъ уже подумывать о переселеніи въ Москву, чтобы „жить и трудиться между настоящими Русскими", какъ говорилъ онъ одному пріятелю, и еще въ концѣ 1842 года спрашивалъ у Погодина совѣта, рѣшаться-ли на такой шагъ. Погодинъ убѣждалъ В. В. не откладывать этого намѣренія и предлагалъ свое содѣйствіе.

Послѣ нѣкотораго колебанія В. В. согласился перейти въ Московскій университетъ на каѳедру Русской Исторіи, или Исторіи Востока. Прежде всего извѣстилъ онъ о своемъ рѣшеніи Погодина, который, въ отвѣтъ на извѣщеніе, писалъ:

„Благословляю! Прекрасно! Но вы не написали мнѣ только ни слова о томъ, какъ рѣшились вы съ Дмитріемъ Максимовичемъ? Устроясь, пишите прямо къ гр. Строг.: „вы предлагали мнѣ... я не рѣшался, ибо... но теперь обстоятельства перемѣнились, я...". Его дѣло уже будетъ сотворить мѣсто или принять другія мѣры (. . .). Напишу только нѣсколько словъ о вашемъ письмѣ. „Мы сходимся въ любви къ Россіи, но только разнаго мнѣнія". Въ чемъ-же? „Шлецеристъ" это слово нынѣ безъ смысла. Что осталось отъ Шлецера? Ничего. Я совѣтую молодымъ студентамъ читать его, чтобъ загорѣться любовію къ дѣлу, чтобъ пріучиться къ методѣ, чтобъ получить ученое уваженіе къ Русск. Исторіи— вотъ и все. Что касается до мыслей, онѣ почти уже всѣ устарѣли, или переработаны, проведены далѣе. Шлецеристомъ нынѣ быть нельзя. Я благоговѣю передъ Шлецеромъ, но мнѣніе его о Руссахъ 866 г. неизвѣстно откуда пришедшихъ, и куда ушедшихъ, считаю нелѣпымъ; мнѣнія его о Сагахъ дѣтскими; о шведизмѣ Варяговъ-Руси неосновательными, о варіантахъ неприкладными; объ Исторіи народовъ съ перваго только объ нихъ упоминовенія, а не прежде, обветшалымъ; о важности лѣтописей передъ другими источниками, напр. языкомъ и проч. отсталыми; о качествахъ и достоинствахъ Русск. лѣтописи, напр. Никоновскаго списка, Воскресенскаго, и проч.—поверхностными. Ну что-же остается отъ него, повторяю? Его огонь, его духъ, его энергія, его примѣръ, его указанія. „Вы вѣрите въ непреложность Нестора". Да у меня цѣлая глава посвящена его сказкамъ, и самъ Шлецеръ сказалъ еще вамъ: разберите 1) что написалъ Несторъ, 2) что разумѣлъ онъ подъ своими словами, 3) въ чемъ онъ ошибся. Какого лѣтописателя среднихъ вѣковъ можно считать непреложнымъ? *Вообще*—это другое дѣло. Видно вы меня не знаете. Двумя этими словами вы показали, что вы начинаете изучать Русск. Исторію, прочли по разу, но что не *перечли по десяти разъ* сего, того и онаго, а судите новерхностно [1]). Я перечитываю Шлецера и Карамзина почти всякія два года. Читать, читать и перечитывать. Что не можете объяснить себѣ въ древней Русской Исторіи—напишите мнѣ, хотя по частямъ. Вообще—она ясна для меня какъ день. Частности—о, это другое дѣло. Да я и не придаю имъ большой важности. „Для поясненія судебъ Рус. народа сдѣлано еще очень мало". Если вы говорите это въ отношеніи ко всей Рус-

[1]) Въ выноскѣ: „Вы видите, что я нисколько не пристрастенъ къ вамъ, хотя полагаю на васъ надежду. Избраніе себѣ преемника я считаю дѣломъ священнымъ и весьма важнымъ, и потому считаю обязанностію говорить вамъ свое мнѣніе объ васъ безъ всякихъ обиняковъ".

ской Исторіи—въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Пройдена большая дорога—окрестности почти terra incognita. Но для древней Исторіи (періода Варяжскаго) нечего почти дѣлать больше. Періодъ-предъ-Варяжскій—о, это тоже поле невоздѣланное. Пишите мнѣ о вашихъ недоумѣніяхъ, пока мы не будемъ жить вмѣстѣ. Для меня они будутъ полезны, указывая мнѣ, на что должно обратить особенное вниманіе, указывая на точки, съ коихъ другіе смотрятъ. Особенно прошу о 1 періодѣ, отъ 862 года до 1054, который я издаю. Мнѣ хочется осмотрѣть его со всѣхъ сторонъ (. . .). О Москвитянинѣ я, разумѣется, спрашивалъ вашего письменнаго мнѣнія. На что мнѣ печатное".

Ободренный этимъ письмомъ В. В. приступилъ къ дѣйствію; но хлопоталъ не о каѳедрѣ Русской Исторіи, а о другой, которая болѣе соотвѣтствовала его спеціальности. Онъ обратился съ письмомъ къ графу Строганову, въ которомъ напоминалъ объ его прежнемъ предложеніи поступить профессоромъ въ Московскій университитетъ, высказывалъ свою готовность переселиться въ Москву и просилъ опредѣлить его на каѳедру которую занималъ покойный Болдыревъ, но съ порученіемъ преподавать не языки, а исторію Востока.

Въ этомъ прошеніи В. В., между прочимъ, писалъ: „Я сдѣлалъ въ Одессѣ то, что считалъ себя обязаннымъ сдѣлать; служба здѣсь не связываетъ болѣе моей совѣсти, и къ переходу въ Москву не имѣется теперь съ моей стороны никакого затрудненія; остается желать только, чтобы не нашлось его съ вашей, что было-бы для меня крайне прискорбно". Далѣе В. В. предлагалъ читать не обрывки исторіи Востока, а намѣревался передать своимъ слушателямъ всю судьбу Востока, на сколько разоблачается она историческими памятниками и изслѣдованіями ученыхъ. Надѣясь, что съумѣетъ справиться съ подобною задачею къ чести русской науки и своей собственной, онъ хотѣлъ спеціально подготовиться по своему предмету, для чего находилъ необходимымъ провести по крайней мѣрѣ два года за-границей, въ Германіи, Англіи, Франціи и Италіи. Средства для поѣздки, въ размѣрѣ жалованья экстраординарнаго профессора, долженъ былъ дать московскій университетъ, какъ это практиковалось въ то время.

Графъ Строгановъ отвѣчалъ (письмомъ отъ 19 августа 1843 года), что ему очень пріятно было бы видѣть В. В. въ числѣ членовъ Московскаго университета и его очень привлекаетъ мысль, что наконецъ исторія Азіи будетъ читаться въ университетѣ, но въ то-же время указывалъ на невозможность отправить В. В. за границу по неимѣнію въ университетѣ средствъ и предлагалъ простой переводъ экстраординарнымъ

профессоромъ въ Москву на каѳедру восточныхъ языковъ съ порученіемъ читать лекціи по исторіи Востока. Послѣ дальнѣйшихъ переговоровъ, тянувшихся почти годъ, Строгановъ предложилъ В. В., вмѣсто поѣздки за границу, командировку на годъ въ Петербургъ, гдѣ библіотека Академіи Наукъ и другія должны были замѣнить отчасти ученыя пособія западной Европы, чего не могли доставить В. В-чу ни Одесса, ни Москва. Хотя это выходило и не совсѣмъ то, чего желалъ В. В., но все-таки было лучше, чѣмъ оставаться въ Одессѣ—то онъ и принялъ предложеніе. Строгановъ сдѣлалъ представленіе министру [1]).

Въ августѣ 1844 года В. В. взялъ отпускъ по 1-е сентября, чтобы лично хлопотать у министра о переводѣ въ Москву. Но никакія ходатайства не имѣли успѣха, и не потому, чтобы графъ Уваровъ находилъ полезнымъ пребываніе В. В. въ Одессѣ или считалъ не нужнымъ преподаваніе въ какомъ либо университетѣ исторіи востока въ обширныхъ размѣрахъ, а единственно изъ личныхъ отношеній къ попечителю

---

[1]) Погодинъ съ своей стороны, принялъ участіе въ перемѣщеніи В. В. изъ Одессы въ Москву, какъ видно изъ писемъ его. „Я не понимаю—писалъ онъ—какъ дѣла на Святой Руси дѣлаются! За три года предупреждалъ я министра, попечителя, совѣтъ, что вскорѣ долженъ буду оставить службу, указывалъ на преемниковъ—не тутъ-то было, никто не позаботился, а теперь всѣ восклицаютъ: кто же будетъ читать Русскую исторію! Попечитель упрашивалъ меня остаться хоть на годъ, мнѣ показалось, что онъ это дѣлалъ неискренно; я отказалъ и просьба пошла въ Петербургъ. Теперь жду отвѣта. Мнѣ хочется вырваться непремѣнно поскорѣе на свободу, забыть всѣ суеты, тревоги, непріятности, освѣжиться, обдуматься, и приняться за зданіе изъ приготовленныхъ матеріаловъ—на Божью волю. Объ васъ попечитель сказалъ мнѣ, что вы требуете прежде всего двухгодичнаго путешествія. Для Русской исторіи, разумѣется, онъ не можетъ согласиться на то, тѣмъ болѣе, что всего нужнѣе для него ближайшее время. Уча учимся, а если откладывать приготовленіе, то вѣкъ не приготовимся! Я двадцать пять лѣтъ занимался Русской исторіей и, скажу по совѣсти, занимался пристально, съ любовію, но не смѣю сказать, довольнѣе ли теперь собою, чѣмъ въ первый годъ профессорства. Такъ и должно быть. Чѣмъ болѣе знакомишься съ предметомъ, тѣмъ живѣе чувствуешь, чего недостаетъ, а не то, что есть, и Сократъ сказалъ великую истину о себѣ,—и о человѣчествѣ. И такъ принимайтесь благословясь теперь, и приготовляйтесь къ лекціямъ со дня на день! Капиталъ у васъ есть, который будетъ такимъ образомъ приращаться и давать проценты. Попечитель остановился теперь на Соловьевѣ, кандидатѣ, который долженъ воротиться изъ путешествія—малой онъ хорошій, съ душею, но кажется слишкомъ молодъ (. . .). Не знаю, кому передать или хоть поручить Москвитянина. Все Европейцы или еще хуже того! А вамъ бы кстати было“ (изъ письма отъ 30 марта 1844 года). Въ другомъ письмѣ: «Соловьевъ держалъ экзаменъ. Это малой кажется прочный, присѣлъ за дѣло плотно. Дошелъ ли до васъ слухъ о диспутѣ Грановскаго. Novus nascitur ordo! О многомъ желалъ бы поговорить. Много званныхъ, но мало избранныхъ!

„Посылаю вамъ письмо, любезный Василій Васильевичъ, для Сергѣя Семеновича. Больше я не могу ничего сдѣлать, ни придумать. Мнѣ жаль васъ искренно. Если письмо по вашему усмотрѣнію годится, то благоволите запечатать, адресовать аккуратно и благоприлично, и отправить по городской почтѣ или какъ знаете“.

Московскаго учебнаго округа. Онъ не согласился переименовать каѳедру восточныхъ языковъ въ Московскомъ университетѣ на каѳедру исторіи Востока и отклонилъ представленіе графа Строганова.

Находясь въ Петербургѣ, В. В. послѣдовательно продолжилъ свой отпускъ сперва до 1-го октября, потомъ до 1-го ноября. Въ это время умеръ Княжевичъ (1-го октября, на пути изъ Одессы въ Петербургъ). Порвалась послѣдняя связь, соединявшая В. В. съ Одессой.

Хотя В. В. очень хорошо зналъ причину отказа министра, но самолюбіе его, какъ ученаго, было задѣто за живое. Оставаться въ прежней должности считалъ онъ неудобнымъ, равно какъ и возвращеніе въ Одессу. Предстояло перемѣнить родъ службы, рѣшиться на коренной переломъ жизни, на такой шагъ, отъ котораго должна была зависѣть вся будущность. По счастію, министръ внутреннихъ дѣлъ Л. А. Перовскій принялъ живое участіе въ положеніи В. В. и обѣщалъ ему мѣсто у себя. Въ ноябрѣ 1844 года В. В. подалъ просьбу объ увольненіи изъ министерства народнаго просвѣщенія, и въ концѣ декабря былъ причисленъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ. Въ Одессѣ распространились слухи, будто В. В. вышелъ изъ лицея потому, что не удалось ему получить тамъ мѣсто инспектора, чего онъ будто бы добивался и о чемъ Княжевичъ намѣревался сдѣлать представленіе; но мы знаемъ, что В. В. вовсе и не располагалъ долго оставаться въ этомъ городѣ, его стремленія постоянно были направлены въ Петербургъ, а въ крайнемъ случаѣ въ Москву.

Вскорѣ и совсѣмъ прекратились сношенія В. В. съ одесситами и вотъ по какому случаю. Въ средѣ членовъ одесскаго общества исторіи и древностей рѣшено было обратиться къ В. В., какъ лицу, пользовавшемуся особеннымъ расположеніемъ Княжевича, написать некрологъ послѣдняго для записокъ общества. Порученіе для В. В. тѣмъ болѣе пріятное, что оно совпало съ личнымъ его желаніемъ. В. В. написалъ некрологъ Княжевича и отправилъ по назначенію. Общество приняло его съ признательностію, но для напечатанія ставило непремѣннымъ условіемъ нѣкоторыя измѣненія въ некрологѣ, о чемъ секретарь и увѣдомилъ В. В-ча. Какъ ни пусты въ сущности были предложенныя измѣненія, В. В. на нихъ не согласился, находя въ этомъ случаѣ отголосокъ личнаго самолюбія нѣкоторыхъ членовъ. И такъ какъ некрологъ общество напечатать отказалось, то В. В. вышелъ изъ его состава, возвративъ свой дипломъ на званіе дѣйствительнаго члена общества.

Пребываніе въ Одессѣ имѣло для В. В. много хорошихъ послѣдствій. Переѣзды съ сѣвера на югъ и обратно, поѣздки въ Бессарабію и

Крымъ ознакомили В. В-ча съ Россіей дѣйствительной, обогативъ въ тоже время такими свѣдѣніями, какія нельзя почерпнуть изъ книгъ. Путешествія, какія бы они ни были, всегда способствуютъ развитію, открывая путешественнику новый міръ, приводя его въ столкновеніе съ новыми людьми, ведущими къ оживленному обмѣну мыслей [1]).

VII.

Только оскорбленное самолюбіе заставило В. В. коренным образомъ измѣнить родъ службы и изъ ученаго обратиться въ чиновника. Новое назначеніе удивило многихъ. Погодинъ писалъ В. В-чу: „Какъ я удивился и огорчился, прочтя васъ чиновникомъ министерства внутреннихъ дѣлъ, любезный Василій Васильевичъ! Что это на Руси дѣлается! Нѣтъ, говорятъ, ученыхъ, а случится, такъ по пряжкѣ! Но я хочу почитать это эпизодомъ! такъ и будетъ" [2]).

Но и въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ нашлись для В. В. занятія, соотвѣтствовавшія его наклонностямъ и ученой подготовкѣ. Съ февраля 1845 г. на него возложили обязанности помощника редактора журнала министерства. Редакторомъ тогда былъ Надеждинъ, съ которымъ В. В. близко сошелся въ Одессѣ, а въ Петербургѣ они можно сказать, сдружились. Какъ редакторъ, Надеждинъ очень строго относился къ своимъ обязанностямъ, все свое время отдавая журналу. Онъ самъ читалъ всѣ корректуры, исправлялъ чужія статьи, иногда не оставлялъ въ нихъ ни единаго слова. Издавать какъ нибудь Надеждинъ не умѣлъ, и типографіи, по выраженію Савельева, страшились корректуръ его. Такое отношеніе къ журналу скоро сообщилось и В. В-чу, которому Надеждинъ, не довѣрявшій другимъ, передалъ почти всѣ занятія по изданію журнала [3]).

Дальнѣйшему упроченію дружбы между редакторомъ и его помощникомъ послужилъ переѣздъ Надеждина въ домъ Григорьева. Одинаковость возрѣній на значеніе народности, одинаковое отвращеніе къ рабской подражательности западной Европѣ—являлись для нихъ связую-

---

[1]) Нѣсколько словъ о В. В. въ Одессѣ сказано въ Запискахъ «неизвѣстной» (на самомъ дѣлѣ очень извѣстной особы) подъ заглавіемъ: «Жизнь прожить не поле перейти», въ Русскомъ Вѣстникѣ 1881 года, т. 156. стр. 543—4.

[2]) Изъ письма отъ 12 февраля 1845 г.

[3]) Во время командировокъ Надеждина Григорьевъ исправлялъ должность редактора: съ 2 мая 1845 г. по 16 марта 1846, съ 7 августа 1847 по 15 января 1848, съ 26 апрѣля 1851 по 15 октября 1851.

щимъ звеномъ. Надеждинъ, какъ старшій, а потому болѣе опытный и болѣе мыслившій, могъ многое уяснить В. В-чу такого, что тотъ только чувствовалъ, не отдавая еще точнаго отчета въ своихъ чувствахъ. И много способствовалъ Надеждинъ разрѣшенію тѣхъ вопросовъ, надъ которыми работала мысль В. В-ча и о которыхъ упоминалъ онъ въ статьѣ о Грановскомъ. Но и Григорьевъ имѣлъ свою долю вліянія на Надеждина, человѣка весьма умнаго и глубокаго ученаго, но не вполнѣ устойчиваго, нерѣдко поддававшагося разнымъ вліяніямъ и направленіямъ. В. В. старался, на сколько могъ, удержать Надеждина на пути истинномъ, какъ самъ онъ понималъ этотъ путь.

Нелегко было В. В-чу оставить педагогическую дѣятельность и не совсѣмъ по душѣ пришлось ему чиновничество, въ среду котораго онъ попалъ. Онъ не переставалъ думать о каѳедрѣ въ Петербургскомъ университетѣ и при первомъ же представившемся случаѣ сдѣлалъ попытку осуществить свою мечту. Въ 1845 году профессоръ Мухлинскій принужденъ былъ, по домашнимъ обстоятельствамъ, оставить университетъ. Тогда В. В. предложилъ себя университетскому совѣту въ число кандидатовъ на вакантную каѳедру турецкаго языка. Излагая свои ученыя права на нее и представляя списокъ трудовъ своихъ, В. В. прибавлялъ: „въ заключеніе не могу скрыть, что какъ воспитанникъ С. П. университета я считалъ бы особенною для себя честью явиться продолжателемъ въ этомъ заведеніи и занять мѣсто между тѣми, которыми гордился я и всегда буду гордиться, какъ моими наставниками". Но эта попытка не увѣнчалась успѣхомъ.

Въ іюнѣ 1846 г. В. В. былъ зачисленъ чиновникомъ особыхъ порученій VI класса при департаментѣ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, гдѣ онъ могъ быть полезенъ своими свѣдѣніями касательно религій Востока. Помощникомъ же редактора оставался онъ по прежнему, такъ какъ никакихъ опредѣленныхъ занятій по департаменту духовныхъ дѣлъ на него не возлагалось. Но за то поручались работы другаго рода. Въ началѣ 1847 г. видимъ его дѣятельнымъ членомъ временной комиссіи для изученія быта чернорабочихъ въ С.Петербургѣ. Комиссія отнеслась къ своей задачѣ весьма серьезно. Члены ея, не получая за свои труды никакого вознагражденія, кромѣ 50 р. въ мѣсяцъ (изъ городскихъ доходовъ) на разъѣзды, основательно изучили положеніе чернорабочихъ; а В. В. представилъ объ этомъ положеніи обстоятельную записку, въ которой коснулся помѣщенія чернорабочихъ, ихъ пищи, состоянія здоровья и вліянія промысловъ въ гигіеническомъ отношеніи, а также отношенія рабочихъ къ ихъ хозяевамъ. Въ маѣ того же года В. В опредѣ-

ляется членомъ учрежденнаго тогда при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ статистическаго комитета Затѣмъ на В. В. возложено было составленіе „проекта правилъ паспортныхъ относительно иностранцевъ“. И брался В. В. за все, отъ работы не отказывался, желая личнымъ трудомъ, а не протекціею или случаемъ, проложить себѣ дорогу.

Въ то-же время открылся еще путь для ученой дѣятельности В. В. Вслѣдствіе явившейся у нашихъ ученыхъ потребности дѣлиться другъ съ другомъ результатами своихъ изслѣдованій, находить компетентный судъ своимъ гипотезамъ, публиковать свои замѣтки и мелкіе труды, возникли у насъ два ученыхъ общества: Географическое въ 1845 году и Археологическое въ 1846. Въ обоихъ В. В. принялъ живое участіе. Въ званіи дѣйствительнаго члена географическаго общества (съ 1846 г.), сталъ онъ редактировать „Записки“ и „Извѣстія“, въ которыхъ помѣстилъ большое число своихъ статей и замѣтокъ; а въ Археологическомъ (членъ сотрудникъ съ 1848 г.) состоялъ секретаремъ восточнаго отдѣленія.

Чуткій къ роднымъ интересамъ и потребностямъ В. В. счелъ своимъ долгомъ отстаивать ихъ и въ области науки. Въ концѣ 1846 года приступлено въ географическомъ обществѣ къ пересмотру временнаго устава и измѣненію нѣкоторыхъ статей его, при чемъ кореннымъ образомъ измѣнялась первоначальная цѣль общества: вмѣсто основной своей задачи—распространенія свѣдѣній о Россіи и въ Россіи, оно должно было воздѣлывать землевѣдѣніе по тремъ главнымъ его отраслямъ: географіи собственно, статистикѣ и этнографіи. Тогда В. В. обратился въ совѣтъ общества съ особымъ мнѣніемъ, какъ противъ сущности, такъ и противъ самой редакціи новаго устава. Въ этомъ заявленіи онъ говорилъ: „Всякое общество, какъ бы ни была несовершенна его организація, будетъ превосходно достигать своей цѣли, если только члены его дружно и ревностно стремятся къ ея осуществленію, и что, на-оборотъ, какъ бы ни были хорошо обдуманы уставы общества, оно при холодности членовъ къ цѣли, при разномысліи въ пониманіи ея, не сдѣлаетъ ничего или сдѣлаетъ очень мало(...). Измѣненія, полагалъ я, могли касаться Устава только въ отношеніи къ организаціи и администраціи общества, съ тѣмъ чтобы привести ихъ въ большую прежней соотвѣтственность съ основною его цѣлію (...). Нынѣ, получивъ проектъ новаго устава, вижу, что я весьма ошибался относительно предѣловъ, въ которыхъ должны были, по моему, заключаться преобразованія: въ этомъ проектѣ измѣненія простерлись не только на организацію и администрацію общества, но и на самую цѣль его учрежденія: подъ новою редакціею является она

далеко не тою же, какою была во временномъ уставѣ и совсѣмъ не такою, какой бы я могъ сочувствовать и къ какой бы сталъ стремиться (....). Въ этомъ измѣненіи я не вижу блага ни для Науки, ни для Россіи. Для успѣха во всякомъ дѣлѣ необходимо нужно раздѣленіе работъ. Обработываніемъ общей географіи, какъ въ практическомъ, такъ и въ теоретическомъ отношеніи, занимаются всѣ существующія за границею географическія общества. Для этого имѣютъ они болѣе нашего и средствъ и рукъ. Участіе нашего общества въ такомъ обработываніи географіи было бы не болѣе какъ каплею въ морѣ; а между тѣмъ эта доля нашего участія, отнятая у Россіи, которою кромѣ Русскихъ некому заниматься, составляетъ для нея значительный ущербъ. Мало развѣ для нашей дѣятельности наблюденія, изслѣдованія и описанія одной Россіи—этой „особой части свѣта, простирающейся на 40° по широтѣ, на 200° слишкомъ по долготѣ, и части свѣта при томъ сравнительно еще весьма мало изслѣдованной“? (Слова Ѳ. П. Литке, въ рѣчи 7 окт. 1846 года). А мы присовокупляемъ еще къ Россіи, какъ предметъ нашихъ изслѣдованій, и земли сопредѣльныя съ нею въ Азіи и Америкѣ. Станетъ этого не только на нашъ вѣкъ, но и на внуковъ нашихъ: а коли такъ, то зачѣмъ же бросаться намъ, не управившись со своею землею, въ чужія, гдѣ и безъ насъ довольно дѣлателей? Что касается до теоретическаго воздѣлыванія географіи собственно, этнографіи и статистики, то и этого нечего намъ брать на себя: дѣлать дѣло раньше, чѣмъ приспѣло къ тому время, значитъ только портить дѣло; что намъ хлопотать о воздѣлываніи теоріи, когда не собрано и сотой доли тѣхъ положительныхъ данныхъ, которыя слѣдуетъ предварительно собрать; теорія есть плодъ долговременныхъ практическихъ изученій и можетъ разработываться успѣшно только въ странѣ, гдѣ приготовлены для нея поле и дѣятели обширными трудами практическими: иначе она будетъ гнилымъ плодомъ; а у насъ развѣ накопился ужъ такой огромный запасъ положительныхъ свѣдѣній, что мы не можемъ управиться съ частностями и ощущаемъ потребность въ ихъ обобщеніи, въ возведеніи ихъ къ единству? Хорошо, кабы такъ, да къ сожалѣнію оно не такъ, и вмѣсто воздѣлыванія теоріи, обществу приходится еще только распространять вкусъ къ географическимъ занятіямъ, издавать „Карманныя книжки для любителей землевѣдѣнія“. И такъ, по моему мнѣнію надо отложить попеченіе о воздѣлываніи теоріи „Землевѣдѣнія“, ограничившись однимъ практическимъ изслѣдованіемъ и ознакомленіемъ самихъ себя съ нашимъ отечествомъ и сопредѣльными ему съ Востока странами.

„Вторая причина, которая не позволяетъ мнѣ принять новую редак-

цію перваго параграфа, заключается въ томъ, что, по мнѣнію моему, общество не имѣетъ даже права измѣнять цѣли своей дѣятельности послѣ того, какъ имъ много разъ и торжественно объявлено было во всеуслышаніе, что „главнымъ предметомъ Р. Г. О. должно быть воздѣлываніе географіи Россіи (принимая названіе географіи въ обширнѣйшемъ его значеніи), и что даже изслѣдованіе (въ географическомъ отношеніи) сопредѣльныхъ ей земель Азіи и Америки будетъ уже для него предметомъ второстепеннымъ“ (слова Ѳ. П. Литке, ibid.). Не изъ потребности въ отвлеченной разработкѣ землевѣдѣнія, какъ науки, возникло Русское Географическое Общество, а изъ необходимости ощущаемой, какъ правительственными, такъ и частными лицами, имѣть положительныя свѣдѣнія о Россіи въ географическомъ и статистическомъ отношеніи (Отчетъ о занятіяхъ общества съ сентября 1845 по май 1846 года); возникло стало быть для стремленія къ цѣли практической, а не для удовлетворенія отвлеченной, общечеловѣческой любознательности. Такъ вся Россія поняла цѣль общества, и нѣтъ сомнѣнія, что именно провозглашеніе этой практически-патріотической цѣли общества и обязано оно тѣмъ живымъ сочувствіемъ, которое встрѣтило во всѣхъ концахъ нашего отечества. Смѣю думать, что ради практической же пользы для Россіи отъ трудовъ общества, даровано было ему отъ высочайшихъ щедротъ и то ежегодное пособіе, безъ котораго оно не могло бы существовать. А кто же поручится, что Россія не отыметъ у общества своего сочувствія, когда увидитъ, что оно уклоняется отъ прежняго патріотическаго направленія и главною цѣлью своей дѣятельности поставляетъ такую, которая совершенно чужда Россіи? Сужу по себѣ: я не географъ, не этнографъ и не статистикъ, въ жизнь свою напечаталъ я одно только топографическое изслѣдованіе, и не ощущаю никакого особеннаго сочувствія къ успѣхамъ общей географіи или теоріи землевѣдѣнія какъ науки. Географія сама по себѣ далеко не интересуетъ меня такъ, какъ археологія или лингвистика; но я Русскій въ душѣ и все, что въ какомъ либо отношеніи приноситъ пользу Россіи, не можетъ быть для меня чуждымъ. Общество объявило, что оно трудится для Россіи, и я счелъ за счастіе присоединить свои слабыя усилія къ общей массѣ его трудовъ. Если бы оно сказало, что главною цѣлью его учрежденія будетъ воздѣлываніе землевѣдѣнія какъ науки, на пользу человѣчества вообще и западной Европы въ особенности—я бы никогда и не подумалъ искать чести быть его членомъ. Большая часть членовъ общества тоже не географы и не статистики по спеціальности своихъ занятій и, смѣю думать, приняли участіе въ трудахъ общества единствен-

но по тѣмъ же патріотическимъ побужденіямъ, по которымъ искалъ его и я“.

Далѣе, переходя къ обсужденію задачи общества заботиться также и о томъ, чтобы собранные имъ достовѣрныя свѣдѣнія о Россіи и сопредѣльныхъ ей странахъ дѣлать доступными и для другихъ образованныхъ государствъ, В. В. предлагалъ совсѣмъ исключить эту задачу изъ программы дѣятельиости общества, приводя къ тому слѣдующіе доводы: „Я никогда не понималъ какая польза намъ Русскимъ хлопотать о просвѣщеніи на нашъ счетъ западной Европы; какая нужда намъ знаетъ или не знаетъ она насъ? Если мы заслуживаемъ, чтобы насъ знали, Европа узнаетъ насъ и безъ нашихъ стараній; если не заслуживаемъ этого въ ея глазахъ, нечего и навязываться ей съ своимъ знакомствомъ. Опасеніе, что труды наши на пользу науки останутся неизвѣстными за границею, безъ особеннаго съ нашей стороны старанія распространить ихъ тамъ—совершенно напрасно. Нѣтъ ни одной замѣчательной книги на русскомъ языкѣ по части географіи, которая бы вскорѣ послѣ ея появленія у насъ, не переведена бы была на французскій, нѣмецкій, или англійскій языкъ. Ссылаюсь на труды объ Азіи отца Бичурина, Тимковскаго, Левшина, Ханыкова и другихъ нашихъ сочленовъ. И мало того, что переводятся книги, переводятся даже всѣ замѣчательнѣйшія статьи, появляющіяся въ русскихъ журналахъ; чтобы увѣриться въ этомъ стоитъ заглянуть въ любую книжку Берлинскаго Archiv für wissenschaftliche Kunde Russlands, Штутгардскаго Ausland, Парижскаго Bulletin de la societé Géographique и проч.; переводятся даже ничтожнѣйшія компиляціи, какова, напримѣръ, Данилевскаго о Кавказѣ. Я не писалъ до сихъ поръ иначе какъ на русскомъ, не написалъ ничего особенно замѣчательнаго, а между тѣмъ не знаю ни одной изъ моихъ книгъ или статей, которая бы, безъ всякихъ моихъ о томъ стараній, не дошла, при помощи нѣмецкихъ и французскихъ журналовъ, до свѣдѣнія западной Европы. Вообще рабочихъ силъ и средствъ у насъ не много; потому, чѣмъ дробить ихъ и хотя часть изъ нихъ тратить для Европы, лучше мнѣ кажется, было бы употребить ихъ безраздѣльно на изученіе самихъ себя. Будетъ съ Россіи, по части просвѣщенія Европы, и того, что она содержитъ С.-Петербургскую Академію Наукъ, которая повидимому спеціально существуетъ для этой цѣли, издавая и записки свои и бюллетень на иностранныхъ языкахъ. Мы и то слишкомъ много заботимся объ Европѣ, слишкомъ долго гоняемся за ея мнѣніемъ. Пора-бы ужъ было перестать намъ судить о себѣ по чужимъ отзывамъ и въ самихъ себѣ найти мѣрило своимъ достоинствамъ и недостаткамъ. Вслѣдствіе всего этого, я

предложилъ бы исключить изъ § 1 заботу о распространеніи въ другихъ странахъ достовѣрныхъ о насъ свѣдѣній, и ограничить его однимъ изложеніемъ главной цѣли общества—изученія Россіи для самой Россіи.

„Затѣмъ, въ такомъ же духѣ излишняго благоговѣнія передъ западною Европою и уничиженія себя передъ нею, нахожу я изложеннымъ и § 11 новаго устава. По смыслу этого параграфа, Русское Г. О., сколько бы ни издало на Русскомъ языкѣ книгъ, расширяющихъ область науки, все это пропащій трудъ: оно не будетъ участвовать „въ умственномъ движеніи ученой Европы“. Для того, чтобы оно могло принимать участіе въ этомъ движеніи, надо ему, говоритъ параграфъ, издавать эти книги и на иностранныхъ языкахъ: мысль несправедливая. Не тѣмъ будетъ участвовать общество въ общемъ движеніи Науки, что станетъ заказывать французскіе, нѣмецкіе или англійскіе переводы изданныхъ имъ на русскомъ языкѣ сочиненій, а тѣмъ, когда эти сочиненія написаны будутъ въ современныхъ понятіяхъ о наукѣ, когда они прибавятъ что нибудь къ умственному запасу человѣчества. Кто написалъ превосходное сочиненіе на русскомъ языкѣ, тотъ двинулъ и европейскую науку: развѣ Россія не часть Европы? О томъ надо позаботиться, чтобы на русскомъ-то языкѣ печатать дѣльныя вещи, а тамъ иностранцы и безъ нашихъ хлопотъ не преминутъ усвоить ихъ своимъ литературамъ. Это избавило бы Общество и отъ трудной задачи рѣшать: какіе изъ изданныхъ имъ трудовъ *достойны* по содержанію своему вниманія западной Европы, какъ возлагается это на него параграфомъ 11-мъ. Для связи нашего Общества съ другими однородными ему въ Европѣ, довольно и того, что по силѣ § 6, оно состоитъ съ ними въ сношеніяхъ, а по § 16 имѣетъ иностранныхъ почетныхъ членовъ и корреспондентовъ“.

Этотъ голосъ былъ услышанъ и принятъ во вниманіе при составленіи устава, дѣйствующаго и въ настоящее время.

При снаряженіи географическимъ обществомъ камчатской экспедиціи В. В. принялъ участіе въ составленіи инструкціи ея. Ему принадлежитъ историческій обзоръ этнографическихъ свѣдѣній о странахъ подлежащихъ изслѣдованію камчатской экспедиціи.

VIII.

Для всякаго другаго вполнѣ было бы достаточно такого широкаго круга занятій, но не достаточнымъ оказывался онъ для В. В., который стремился еще къ дѣятельности публициста. Потребность высказать свои

взгляды, мысли и убѣжденія, что не всегда было умѣстно въ ученыхъ статьяхъ, влекла В. В. къ участію въ періодическихъ изданіяхъ. Погодинъ поддерживалъ это стремленіе и готовъ былъ уступить В. В-чу свой „Москвитянинъ". „Я радъ—писалъ онъ—отдать вамъ Москвитянинъ со всѣмъ, съ подписчиками, съ связями, съ сотрудниками, съ матеріалами, со всѣми доходами и расходами. Готовъ помогать вамъ сколько могу,—не требуя себѣ ничего, кромѣ того. что вы сами предоставить мнѣ заблагоразсудите. Исторія меня призываетъ, и я снятіе журнальнаго бремени сочту себѣ за одолженіе. Такъ зачѣмъ же вы не уничтожите его просто, скажете вы. Совѣстно, совѣстно передъ тѣнями Карамзина, Пушкина. Смѣю думать, что сохранять доброе преданіе возложено на насъ, неужели оставить попе(ченіе) рус. слова для петерб. мародеровъ? По крайней мѣрѣ есть мѣсто, гдѣ порядочный человѣкъ можетъ показаться не стыдясь, впредь до благопріятныхъ обстоятельствъ. Явится хорошій человѣкъ, который захочетъ въ этомъ духѣ, и разумѣется съ большею дѣятельн. (ибо я ничего для журнала не дѣлаю) дѣйствовать, я ему въ ноги! Такъ было съ Кир., такъ и съ вами. А какъ переѣхать вамъ въ Москву—ума приложить не могу: единственное мѣсто въ университетѣ и единственные люди министръ и попечитель".

Такое предложеніе было, конечно, не осуществимо, но мысль обзавестись своимъ органомъ представлялась В. В. очень заманчивой. Вмѣстѣ съ Савельевымъ началъ онъ, съ 1847 года, сотрудничать въ „Финскомъ Вѣстникѣ" Ѳ. К. Дершау и давать свое направленіе журналу. Это оказывалось тѣмъ болѣе удобнымъ, что Дершау, на время своихъ отлучекъ изъ Петербурга, возлагалъ на В. В. обязанности редактора журнала. Такимъ образомъ Григорьевъ и его другъ очутились въ условіяхъ довольно благопріятныхъ для литературной дѣятельности. Журналъ подвергся внутреннему преобразованію и сталъ измѣнять свою физіогномію: рамки его расширились на столько, что названіе перестало соотвѣтствовать содержанію. Новые дѣятели убѣдили Дершау измѣнить названіе журнала [1]). Въ просьбѣ, поданной объ этомъ въ августѣ 1847 г.

---

[1]) Погодинъ сочувственно отозвался на перерожденіе журнала: «Журналу радуюсь отъ сердца—писалъ онъ Григорьеву—и тотчасъ уничтожу Москвит., котораго я тянулъ потому только, что совѣстно, казалось мнѣ, прервать преданіе доброе. Жертвовать для него трудами я могъ, и жертвовалъ, а деньгами своими рисковать не могъ. Когда были подписчики, я платилъ первымъ сотрудникамъ по 200, 100 и 150, а этихъ денегъ собиралось много, вмѣстѣ съ переводными и прочею дрянью, а остальныя статьи принадлежали доброхотнымъ вкладчикамъ, которыхъ было, есть и будетъ всегда много. Главное то, что я самъ заниматься не могъ журналомъ, потому что имѣлъ и имѣю занятія для меня пріятнѣйшія, а для другихъ по моему мнѣнію полезнѣйшія. Когда будетъ журналъ другой

Дершау, но составленной Григорьевымъ вмѣстѣ съ Савельевымъ, приводились слѣдущіе доводы:

„Издаваемый мною съ 1844 года *Финскій Вѣстникъ* предпринятъ былъ преимущественно съ цѣлью—знакомить отечественную публику съ произведеніями Скандинавскаго сѣвера, имѣвшаго столь сильное вліяніе на Русь при самомъ ея рожденіи, и съ которымъ въ настоящее время связываетъ насъ Финляндія, я полагалъ, что участіе финскихъ ученыхъ и русскихъ литераторовъ, проживающихъ въ Финляндіи, облегчитъ мнѣ труды ознакомить Россію съ исторіею, бытомъ, языкомъ и литературою одной изъ любопытнѣйшихъ ея областей; но опытъ и время вскорѣ показали, что по недостатку въ матеріалахъ касающихся Финляндіи, невозможно цѣлый журналъ посвящать одной Финляндіи, и *Финскій Вѣстникъ*, не упуская изъ виду помѣщенія статей о Финляндіи, знакомилъ отечественную публику преимущественно съ словесностями *сѣвера*: шведскою и датскою. Оставаясь вѣрнымъ своей программѣ, онъ допускалъ въ отдѣленіи Словесность, кромѣ оригинальныхъ произведеній, лишь переводы съ сѣверныхъ языковъ, и этимъ существенно и постоянно отличался отъ другихъ русскихъ журналовъ, наполнявшихся преимущественно переводами съ французскаго. Между тѣмъ, многіе изъ читателей замѣчали не безъ основанія, что названіе Финскаго Вѣстника нисколько не соотвѣтствуетъ содержанію журнала, не посвященнаго *исключительно* Финляндіи. Сознавая справедливость этого замѣчанія, имѣю честь покорнѣйше просить Цензурный Комитетъ объ исходатайствованіи мнѣ разрѣшенія переименовать издаваемый мною Финскій Вѣстникъ въ *Сѣверный Вѣстникъ* [1]), и вмѣстѣ съ тѣмъ о дозволеніи объявить соредакторомъ Сѣвернаго Вѣстника П. С. Савельева, изъявившаго согласіе принять на себя часть редакціи журнала; письмо его, заключающее въ себѣ согласіе его на соучастіе въ моемъ журналѣ, имѣю честь при семъ

въ этомъ духѣ, то мнѣ не для чего жертвовать и малымъ временемъ для Москвитянина, а вамъ я сотрудникъ. Развѣ вы сочтете за полезное вести два журнала, одинъ въ Петербургѣ, другой въ Москвѣ, чтобъ усилить дѣйствіе и помогать другъ другу. Тогда я отдамъ вамъ свой въ полное распоряженіе, а вы препоручайте его кому хотите» (16 іюня 1847). Въ слѣдующемъ письмѣ онъ говорилъ уже другое: «И Москвитянинъ, кажется, хочетъ подняться. Шев(ыревъ) хочетъ работать, а я не прочь. Тогда намъ съ однимъ духомъ и направленіемъ, хорошо-бъ было поддерживать другъ друга и стояти противъ духовъ лестчіихъ» (28 іюня 1847). Еще: «Впрочемъ и незнакомымъ между собою людямъ, но хоть отчасти согласнымъ между собою, не мѣшало бы знать о планахъ взаимныхъ дѣйствій, чтобы успѣшнѣе достигать цѣли, но видно на роду написано нелѣпымъ потомкамъ славянъ дѣйствовать всегда врозь и.... опять скучно писать! Москвитянинъ собрался съ силами и конституировался кажется прочно» (письмо безъ даты).

[1]) Это названіе было впослѣдствіи измѣнено на «Сѣверное Обозрѣніе».

приложить. Отвѣтственность же передъ правительствомъ будетъ лежать по прежнему на одномъ мнѣ". Далѣе говорится, что программа журнала остается прежняя. Здѣсь соредакторомъ объявленъ Савельевъ, а не Григорьевъ потому, надо думать, что В. В-чу, какъ занимавшему уже должность помощника оффиціальнаго журнала, неудобно было принимать на себя гласно подобную же обязанность и въ частномъ.

Но хозяйничать въ чужомъ журналѣ не всегда возможно, а подвергать риску предпріятіе, другими основанное и при томъ съ значительными денежными затратами, не всякій сочтетъ для себя удобнымъ. И въ то время, какъ шло дѣло о перемѣнѣ названія, В. В. испыталъ все это. Когда Дершау, жившій въ Финляндіи, получилъ августовскую книжку Финскаго Вѣстника, составленную Григорьевымъ, онъ испугался значительныхъ на нее расходовъ и написалъ В. В-чу такое практическое письмо: „Обратите маленькое вниманіе на матеріальную часть журнала: въ 8 № Ф. В., который я только что получилъ, помѣщено всего около 3 листовъ перевода, подобное исключеніе не должно повторяться: оно слишкомъ для меня убыточно. При этихъ огромныхъ расходахъ на журналъ нужно нѣсколько поберегать деньги; переводчики за извѣстную вамъ плату 60 р. сер. въ нынѣшній годъ обязались переводить для каждой книжки отъ 10 до 12 печат. листовъ и потому бо̀льшую половину послѣдующихъ книгъ нужно наполнить переводами; я отнюдь не раздѣляю идеи, чтобы публикѣ нравилось только оригинальное—вздоръ! Было бы вкусно блюдо—а чортъ его возьми кѣмъ бы то оно ни было приготовлено! Объемъ 9-го № прошу васъ не увеличивать болѣе 17 или $17^1/_2$ листовъ, нужно подумать о томъ, чтобы 11, 12 и 1-й были-бъ потучнѣе". Съ своей точки зрѣнія Дершау былъ, безъ сомнѣнія, правъ; но В. В. взглянулъ на подобное замѣчаніе, какъ на стѣсненіе, вспылилъ и отвѣчалъ рѣзкимъ письмомъ, въ которомъ отказывался отъ всякаго участія въ журналѣ. Но Дершау поспѣшилъ смягчить свои замѣчанія, и разрыва не послѣдовало. Тѣмъ не менѣе В. В. рѣшился пріобрѣсти въ собственность журналъ отъ Дершау, который радъ былъ освободиться отъ хлопотъ, вознаграждавшихся крайне скудно. Дершау подалъ въ цензурный комитетъ прошеніе о разрѣшеніи ему передать изданіе „Сѣвернаго Обозрѣнія" вполнѣ и навсегда колежскому совѣтнику Григорьеву.

Главное управленіе цензуры изъявило согласіе на передачу редакціи этого изданія Григорьеву, но лишь въ видѣ опыта.

На какихъ условіяхъ состоялось пріобрѣтеніе журнала, мнѣ неизвѣстно, объ этой сдѣлкѣ сохранилось только одно письмо Дершау къ В. В. отъ 9 декабря 1847 г., но довольно неопредѣленное: „Такъ какъ

до сихъ поръ мы не рѣшили ничего положительнаго, касательно измѣненія отношеній нашихъ къ журналу, то на нѣкоторое время отношенія эти должны опредѣлиться существующимъ между нами условіемъ. Имѣвъ въ расчетѣ получить съ васъ остальные 510 р. сер. въ началѣ декабря, я вошелъ въ значительные расходы для составленія 12 № Ф. В. и потому для успѣшнѣйшаго продолженія работъ, прошу васъ Василій Васильевичъ, доплатить мнѣ теперь эту небольшую сумму, чѣмъ вмѣстѣ съ тѣмъ много меня обяжете".

В. В. сталъ душою изданія. О выходѣ журнала въ будущемъ 1848 году В. В. составилъ подробное объявленіе, въ которомъ сообщалось, что Григорьевъ и Савельевъ принимаютъ самое дѣятельное участіе по завѣдыванію ученымъ отдѣломъ журнала, а И. И. Срезневскій и А. Н. Поповъ взяли на свое попеченіе литературную критику. Далѣе перечислялись обѣщанныя редакціи статьи, причемъ самъ В. В. намѣтилъ двѣ: 1) *Магометъ, какъ историкъ и поэтъ*, и 2) *Подземная Россія*. Въ послѣдней намѣревался онъ дать изслѣдованіе о древнѣйшихъ обитателяхъ Россіи, сѣвера Европы и Азіи на основаніи археологическихъ памятниковъ, добытыхъ путемъ раскопокъ. Намѣреніе это однако осталось безъ исполненія. Кромѣ помянутыхъ статей, В. В. бралъ на себя составленіе статей по исторіи и литературамъ мусульманскаго востока. Наконецъ излагалось profession de foi новаго изданія, или точнѣе—самого В. В-ча:

„Что касается до общаго характера, до принциповъ Сѣвернаго Обозрѣнія, оно будетъ издаваться въ томъ же религіозно-патріотическомъ духѣ, который всегда болѣе или менѣе проявлялся въ Финскомъ Вѣстникѣ, но съ большею опредѣлительностію сталъ выражаться со второй половины текущаго года. Питая полное уваженіе и сочувствіе ко всему, что есть высокаго и безкорыстнаго въ умственномъ и соціальномъ движеніи Запада, ко всѣмъ обнаруживающимся тамъ стремленіямъ на благо человѣчества, Редакція и большая часть сотрудниковъ журнала не ослѣпляются однакоже и не увлекаются этимъ движеніемъ, находя, что между истинно высокимъ и человѣческимъ есть въ немъ и много суетнаго, мелочнаго, ложнаго, несовмѣстимаго съ истинными пользами отдѣльнаго человѣка и цѣлыхъ обществъ; что Россія и западныя государства Европы развились и существуютъ подъ совершенно различными условіями, что потому, не говоря уже о требованіяхъ племеннаго различія, умѣстное и своевременное тамъ можетъ быть у насъ совершенно безвременнымъ и неумѣстнымъ, слѣдственно не только безполезнымъ, но и вреднымъ; что Россія, не чуждаясь Запада, слѣдя внимательно за его успѣхами на по-

прищѣ науки и промышленности, и усвоивая себѣ изъ этого то, что въ немъ есть общечеловѣческаго, должна тѣмъ не менѣе развиваться и двигаться къ общимъ цѣлямъ человѣчества самостоятельно, выходя изъ собственныхъ своихъ началъ, иныхъ чѣмъ западныя, съ величавымъ спокойствіемъ и обдуманностію противуположными безпокойной суетливости бывшихъ нашихъ учителей; что мы долго, безсознательнымъ образомъ, дѣтски и слѣпо увлекались ихъ примѣромъ, не сознавая собственнаго достоинства, требованій нашей собственной природы, и увлекались во вредъ себѣ; но что этотъ періодъ пассивнаго увлеченія отживаетъ уже свою пору, настаетъ для насъ періодъ разумнаго самосознанія и самостоятельной дѣятельности, почему въ настоящее время русскому человѣку слѣдуетъ прежде всего обращаться къ изученію той среды, въ которой онъ живетъ и направлять свое усиліе къ уясненію задачи существованія того народа, къ которому духомъ и плотію принадлежитъ онъ самъ. Вслѣдствіе этихъ убѣжденій, Редакція Сѣвернаго Обозрѣнія, знакомя своихъ читателей съ тѣмъ, что дѣлается внѣ Россіи, преимущественно на Скандинавскомъ сѣверѣ, еще болѣе будетъ стараться знакомить ихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сосѣдей нашихъ, съ самою Россіею, говоря о Западѣ съ уваженіемъ, но безъ пристрастія (которымъ къ сожалѣнію страждутъ у насъ еще многіе, считающіе себя прогрессистами, но въ дѣйствительности отсталые люди, остатки періода подражательности), а о Россіи съ чувствомъ теплой любви къ отечеству, неразлучной съ истиннымъ человѣческимъ достоинствомъ. Вотъ, въ краткихъ словахъ, въ чемъ заключаются литературные принципы Редакціи; но подробнѣйшее ихъ изложеніе было бы неумѣстнымъ въ объявленіи. Изложеніе это будетъ, при разныхъ случаяхъ, являться въ самомъ журналѣ.

„Положивъ себѣ такимъ образомъ между другими большими Петербургскими журналами путь, на которомъ онъ не встрѣчается съ ними почти ни въ чемъ, Сѣверное Обозрѣніе, при полной самостоятельности, по спеціальному содержанію своему можетъ въ тоже время служить дополненіемъ ко всѣмъ къ нимъ, а по направленію—полезною имъ оппозиціею“. Объявленіямъ о направленіи журнала В. В. всегда придавалъ большое значеніе, самъ всегда судилъ о характерѣ и направленіи журнала по первымъ объявленіямъ. Теперь представилась ему возможность распустить и свое знамя.

Молодой редакціи предстояло не мало труда на первыхъ порахъ, чтобы пустить въ ходъ свое предпріятіе и не мало такта, чтобы привлечь сотрудниковъ. Приходилось просить статей и сотрудничества у лицъ, которые могли сочувствовать направленію журнала. И въ сочувствіи не было

недостатка, особенно со стороны Москвичей: Хомякова [1]), Погодина и Шевырева. Послѣднiй писалъ В. В—чу: «Честь и слава вамъ, что вы рѣшились на подвигъ. Вы, конечно, соберете около себя многихъ. Постоянно выдержанное дѣйствiе укрѣпитъ и силы лицъ отдѣльныхъ. Публика ждетъ другаго мнѣнiя—и мнѣнiя самостоятельнаго Русскаго. Легче быть эхомъ чужаго, нежели выработать свое. Отеч. Зап. и Соврем. будто бы западъ, но это русская ворона въ западныхъ перьяхъ. Люблю я западъ на западѣ, но куда тошенъ онъ у насъ. Онъ такъ похожъ на Русское надувательство, что избави Боже! Вотъ пожалуй и Сынъ Отечества тоже назовется представителемъ западнаго просвѣщенiя. Послѣдняя книжка его какъ будто бы вышла изъ кабака (.....) [2]). Помогай вамъ Богъ ратоборствовать съ этою стоглавою гидрою невѣжества и грубости" (13 окт. 1848). Погодинъ обѣщалъ сотрудничество, но онъ любилъ, чтобы ему о томъ напоминали и просили. Онъ написалъ было для „Сѣвернаго Обозрѣнiя" статью: „Вѣча въ древней Россiи", но такъ какъ Григорьевъ не догадался „попросить", то „Вѣча" и ушли въ другой журналъ: „Статья для васъ была готова—писалъ Погодинъ—лежала мѣсяца три (Вѣча въ древней Россiи),—я потерялъ наконецъ терпѣнiе, разругалъ васъ на пропалую, и отослалъ статью къ Сербиновичу. Другую пришлю, когда напишу". Въ концѣ прибавлялъ: „Я радъ, что получилъ отъ васъ письмо. Мнѣ какъ-то было досадно сердиться на васъ" (8 янв. 1848).

Но дѣйствительность не оправдала ни ожиданiй издателей „Сѣвернаго Обозрѣнiя", ни предположенiй ихъ доброжелателей, которые, впрочемъ, дальше добрыхъ пожеланiй и не пошли. Призывъ къ самостоятельной работѣ мысли и обращенiю къ духовной жизни народа, къ самобытности, чтобы завоевать самостоятельное мѣсто среди другихъ цивилизованныхъ народовъ былъ не своевременъ. Публика не оцѣнила направленiя „Сѣвернаго Обозрѣнiя", не поддержала журнала, какъ не поддержала она и „Москвитянина", а еще позже „Русскую Бесѣду", издатель которой за свою попытку основать журналъ въ строго русскомъ духѣ, поплатился убыткомъ въ 30 тысячъ рублей. Рано еще было заводить у насъ подобный органъ, но за то тѣмъ болѣе благодарной памяти заслуживаютъ тѣ,

---

[1]) Хомяковъ извѣщалъ священника Е. И. Попова въ Лондонѣ, что въ Петербургѣ молодые люди стали издавать журналъ Сѣверное Обозрѣнiе «въ духѣ нашего направленiя». (Русскiй Архивъ, 1879. III, 360).

[2]) Тутъ мы должны были выпустить нѣсколько выраженiй, которыя ярко характеризуютъ энергичный голосъ Шевырева, такъ умѣвшаго «грянуть» (по выраженiю Погодина) на своихъ литературныхъ враговъ.

которые рѣшились взять на себя великую задачу будить народное самосознаніе и подготовлять почву будущимъ дѣятелямъ.

Въ первый годъ изданія появилось только три книжки журнала. Изъ такого затруднительнаго положенія Григорьевъ и Савельевъ были выручены В. В. Дерикеромъ, пріобрѣвшимъ отъ нихъ изданіе въ собственность съ обязательствомъ выдать подписчикамъ,въ замѣнъ недоданныхъ девяти книжекъ,„Сѣверное Обозрѣніе“за 1849 годъ. Дерикеръ—личность у насъ мало извѣстная. Это былъ наборщикъ, котораго вывела на свѣтъ Библіотека для Чтенія, сдѣлавъ своимъ сотрудникомъ. Полушведъ, полурусскій, въ то время учитель русской словесности, впослѣдствіи,онъ въ сорокъ лѣтъ, вздумалъ учиться медицинѣ и пошелъ въ Академію, не устрашась пятилѣтняго курса, и сдѣлался ярымъ гомеопатомъ. „Натура немножко западная—выразился про него В. В. —но очень хорошая и благородная“. И этотъ издатель, вполнѣ знакомый съ журнальнымъ дѣломъ, вошелъ по журналу въ большіе долги.

IX.

Между тѣмъ служебныя дѣла В. В. шли своимъ чередомъ, не обѣщая ему никакого измѣненія въ занимаемомъ положеніи. Какъ чиновникъ для особыхъ порученій, долженъ былъ онъ исполнять разныя дѣла и производить разслѣдованія, которыя не всегда были ему по душѣ. Но и отъ такихъ онъ не отказывался, желая усердіемъ и исполнительностію добиться чего нибудь лучшаго. Къ числу такихъ порученій нельзя не отнести командировку В. В. въ апрѣлѣ 1848 г. въ Москву по секретному порученію—провѣрить возникшій въ Москвѣ одинъ нелѣпый слухъ съ политической подкладкой и изслѣдовать причины его возникновенія.

Донесеніе В. В. отличалось успокоительнымъ характеромъ. Для изслѣдованія вопроса предпринялъ онъ даже путешествіе пѣшкомъ въ Троицкую Сергіевскую лавру. Кромѣ того, какъ исполнительный чиновникъ, не относившійся къ дѣлу формальнымъ образомъ, высказалъ онъ свои наблюденія и по другимъ статьямъ, обратившимъ на себя его вниманіе. Свои наблюденія надъ крестьянами и надъ отношеніемъ ихъ къ помѣщикамъ выразилъ онъ такимъ образомъ: „Крестьяне помѣщичьи не считаютъ своего крѣпостнаго состоянія положеніемъ природнымъ, нормальнымъ, и болѣе или менѣе всѣ-бы рады были получить личную свободу, соединенную, разумѣется, съ правомъ владѣнія тою землею, которою они пользуются. Существованія въ помѣщичьихъ крестьянахъ этого желанія свободы никакъ нельзя отвергать: если оно не проявляется такъ

сильно, какъ можно было-бы ожидать, то причиною этому—что каково-бы ни было положеніе помѣщичьихъ крестьянъ, они во многихъ случаяхъ находятъ его лучшимъ для себя, чѣмъ существованіе подъ управленіемъ вѣдомства государственныхъ имуществъ". Далѣе говоритъ, что крѣпостное право можетъ еще нѣкоторое время существовать безъ всякой опасности для спокойствія Имперіи (...). „Многіе помѣщики въ настоящее время опасаются ѣхать на лѣто въ свои деревни; это фактъ; но я думаю, что причина опасеній заключается болѣе въ ихъ собственныхъ сердцахъ, въ ихъ собственныхъ головахъ, возмущенныхъ событіями западной Европы, чѣмъ въ дѣйствительномъ расположеніи духа крестьянъ".

Въ Москвѣ В. В. слышалъ, что кромѣ иностранцевъ скупаютъ золото и платиновыя монеты и купцы для обезпеченія себя на случай упадка государственнаго кредита, на томъ основаніи, что кредитные-де билеты—бумага, а золото и платина никогда не теряютъ своей цѣны. „Не знаю, давно-ли стали разсуждать такъ наши купцы въ приложеніи къ Россіи. Во всякомъ случаѣ, если фактъ справедливъ, онъ показываетъ съ какою осторожностію должно производить наши финансовыя операціи съ звонкою монетою, принесенною народомъ въ обезпеченіе кредитныхъ билетовъ".

Про дворянъ-помѣщиковъ В. В. писалъ: „всѣ они страшно напуганы послѣдними событіями въ западной Европѣ. Соціальные перевороты тамошніе заставили снять съ себя маску либерализма всѣхъ тѣхъ, которые носили ее изъ какого-то хвастовства, нисколько не отличаясь въ дѣйствительности свободою мыслей". Далѣе находимъ такія любопытныя строки: „Со всѣмъ фрондерствомъ своимъ въ отношеніи къ правительству, помѣщичество наше, кажется мнѣ, ни въ какомъ случаѣ не могло-бы быть ему серьезною помѣхою, если-бы правительство вознамѣрилось дѣйствовать противу его желаній: слишкомъ мало для того въ этомъ классѣ образованія, единства и энергіи; притомъ онъ очень хорошо знаетъ, что оставленный въ случаѣ чего безъ опоры правительства, поставленный между верховною властію и народомъ, будетъ раздавленъ послѣднимъ и падетъ подъ его ударами".

Дѣло Петрашевскаго обнаружило обращеніе въ публикѣ множества запрещенныхъ книгъ. Липранди, производившій слѣдствіе о Петрашевцахъ и обратившій вниманіе на это явленіе, учредилъ наблюденіе за книжной торговлей и убѣдился, что торговля подобными книгами производилась совершенно открыто [1]). Тогда признано было необходимымъ

[1]) См. записку Липранди въ Русской Старинѣ 1872 г. № 7.

произвести строгую ревизію книжныхъ магазиновъ въ разныхъ городахъ. И это полицейское дѣло было возложено на В. В. Въ іюнѣ 1849 года получилъ онъ предписаніе отправиться въ Ригу для осмотра тамошнихъ книжныхъ магазиновъ съ цѣлію обревизовать ихъ въ цензурномъ отношеніи, а равно осмотрѣть и конторскія книги съ тѣмъ, чтобы дознать, для кого именно запрещенныя книги были выписываемы и къ кому, и когда разсылались онѣ въ предѣлахъ Имперіи. 2 іюля В. В. прибылъ въ Ригу, гдѣ не засталъ генералъ-губернатора князя Суворова и тогда-же отправился къ нему въ г. Ревель. Заполучивъ тамъ необходимыя распоряженія, В. В. вернулся въ Ригу 7 іюля. Въ тотъ-же день были опечатаны три библіотеки и три книжные магазина, а 9 числа В. В., вмѣстѣ съ жандармскимъ полковникомъ С., чиновникомъ мѣстной цензуры и депутатомъ отъ книготорговцевъ, приступилъ къ осмотру книгъ. Чтобы не задержать на продолжительное время книжной торговли, ревизоры должны были работать крайне усиленно. Въ теченіе 12 дней, съ 9 по 20 іюля, выполнили они свое порученіе, занимаясь ежедневно съ 10 часовъ утра до 11 вечера, и осмотрѣли около 200,000 томовъ. Какъ въ библіотекахъ, такъ и въ книжныхъ магазинахъ оказалось много книгъ, запрещенныхъ цензурою безусловно или безъ вырѣзокъ тѣхъ мѣстъ, которыя было постановлено исключить, а также нашлись книги цензурою еще не просмотрѣнныя. Всѣ таковыя, въ количествѣ 2,035 томовъ, были арестованы. Въ своихъ донесеніяхъ министру о ходѣ разслѣдованія В. В. представлялъ существованіе факта продажи запрещенныхъ книгъ далеко не въ такомъ ужасномъ видѣ, какъ дѣлали это другіе, и заявлялъ, что найденныя имъ запрещенныя книги не принадлежатъ къ числу особенно опасныхъ. Во время исполненія этого порученія у В. В. случилось сильное воспаленіе глазъ отъ книжной пыли, такъ что докторъ запретилъ ему читать и писать, и онъ долженъ былъ диктовать свои донесенія. 21 іюля В. В. отправился въ Петербургъ.

X.

Но какъ ни бился В. В., не везло ему въ министерствѣ. Одно время обѣщали ему мѣсто вицегубернатора, но дѣло дальше обѣщаній не шло. Перовскій думалъ создать для него особую должность, инспектора древностей въ Россіи, но штатъ не былъ утвержденъ. Надеждинъ, хотя и пользовался въ министерствѣ вліяніемъ, но по слабости характера, обыкновенно ничего не дѣлалъ для своихъ сослуживцевъ. Нѣсколько лѣтъ

работалъ В. В. усердно, совѣстливо, получалъ такія порученія, которыя не давали ему возможности выказать свои способности, и не предвидѣлъ ничего утѣшительнаго въ будущемъ. И сталъ В. В. хандрить, и чуть было не вернулся въ министерство народнаго просвѣщенія.

Когда открывался на Кавказѣ новый учебный округъ, то попечитель Семеновъ, въ бытность свою въ Петербургѣ въ 1848 г., предложилъ В. В. мѣсто члена въ имѣющемъ образоваться въ Тифлисѣ комитетѣ для начертанія учебныхъ пособій. Мѣсто въ V классѣ, съ содержаніемъ въ 3,200 р. с. въ годъ, но временное. В. В. обѣщалъ подумать. Предполагалось образовать комитетъ изъ трехъ членовъ: одного для восточныхъ языковъ и русскаго, другаго для математическихъ и естественныхъ наукъ, и третьяго для историческихъ и политическихъ. Для первой группы предметовъ попечитель и хотѣлъ воспользоваться опытностію и знаніемъ В. В. Переговоры велъ В. В. очень нерѣшительно, опасаясь остаться, по минованіи въ немъ надобности, за штатомъ. Тогда въ слѣдующемъ году Семеновъ убѣдилъ гр. Воронцова сдѣлать представленіе о назначеніи Григорьева на это мѣсто, расчитывая, что какъ пойдетъ представленіе, В. В. не будетъ отказываться. И дѣйствительно, В. В. выразилъ тогда свое согласіе и радовался даже, что уѣдетъ изъ Петербурга. Не знаю почему, поѣздка не состоялась, не состоялось и другое предложеніе Семенова опредѣлить В. В. вторымъ при себѣ помощникомъ, которому предполагалось подчинить мусульманскія училища. На этотъ разъ предложеніе не осуществилось, кажется, потому, что должность втораго помощника не была утверждена.

Тѣмъ не менѣе В. В. намѣревался сослужить службу Кавказу другимъ образомъ. Охладѣвъ къ занятіямъ по министерству и пріискивая себѣ дѣятельность по душѣ, онъ засѣлъ за составленіе учебника исторіи Востока, расчитывая распространить его на Кавказѣ. Предпріятіе осталось неоконченнымъ вслѣдствіе новаго рода дѣятельности, выпавшей на долю В. В.

Кромѣ неудачъ по службѣ оказались и другія причины, по которымъ В. В-чу тяжело было оставаться на занимаемой имъ должности. Не могъ онъ примириться съ тѣми порядками, которые водворились въ канцеляріи министра, не могъ сойтись со взглядами тѣхъ лицъ, которые стали играть при Перовскомъ видную и вліятельную роль. Случай и на этотъ разъ помогъ В. В. перемѣнить родъ службы.

В. А. Перовскій, братъ министра, отправлялся тогда вторично управлять Оренбургскимъ краемъ и набиралъ въ Петербургѣ чиновниковъ по своему усмотрѣнію. Предложилъ онъ и В. В. поѣхать къ нему въ Оренбургъ, на что тотъ и согласился. Приказомъ отъ 1 декабря 1851

года,В. В. былъ откомандированъ въ распоряженіе оренбургскаго и самарскаго генералъ-губернатора для исполненія особыхъ по службѣ порученій, оставаясь въ то же время чиновникомъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ.

Не одни только служебныя обстоятельства побуждали В. В. уѣхать изъ Петербурга, къ нимъ присоединились еще и семейныя непріятности. Возмущенный до глубины души неблаговиднымъ, по отношенію къ нему, поступкомъ близкаго человѣка, В. В., съ горяча, возбудилъ даже дѣло въ совѣстномъ судѣ, но вскорѣ же почувствовалъ всю фальшь своего положенія, въ которое былъ вовлеченъ другими и прекратилъ тяжбу.

XI.

Въ этотъ періодъ жизни произошелъ въ нравственной природѣ В. В. важный переворотъ. Разсѣялись тѣ сомнѣнія, которыя тревожили душевное состояніе В. В., найденъ былъ путь къ правдѣ и къ свѣту истины. Къ этому результату привело В. В. изученіе религіозно-филисофскихъ сочиненій и особенно „Бесѣдъ“ Винэ: Discours sur quelques sujets réligieux и Nouveaux discours sur quelques sujets réligieux. Въ статьѣ о Винэ, помѣщенной въ „Финскомъ Вѣстникѣ“, В. В. откровенно высказалъ, какое вліяніе имѣли на него самого эти Бесѣды:

„Съ первой страницы этой книги вы поражаетесь какимъ-то новымъ, свѣжимъ, невѣдомымъ дотолѣ ощущеніемъ; читаете о предметахъ болѣе или менѣе извѣстныхъ съ дѣтства, о которыхъ привыкли слышать, и все кажется ново, все не такъ, все иначе: постепенно передъ глазами вашими раскрывается цѣлый міръ, о которомъ вы и понятія не имѣли, сомнѣнія, которыми вы терзались, быть можетъ, безплодно цѣлые годы, разлетаются, какъ утренній туманъ; истины, которыхъ силы и значенія вы, можетъ быть, и не подозрѣвали, предстаютъ во всемъ ихъ сверхъестественномъ величіи; всѣ противорѣчія, изъ которыхъ не было, повидимому, исхода, разрѣшаются, примиряются, и изо всего возстаетъ въ душѣ сознаніе необходимости христіанства, полное, свѣтлое, утѣшительное. Въ сердце невольно западаетъ чувство умиленія, и если нѣтъ еще у васъ силъ сдѣлаться христіаниномъ въ жизни, вы покрайней мѣрѣ дѣлаетесь имъ въ убѣжденіи. Конечно, *таковое вліяніе бесѣды Винэ могутъ имѣть не на всякаго, а на того только, кто жаждетъ истины, а не ищетъ ее между прочимъ, кто со стономъ вымаливаетъ ее у неба и принимаетъ столько же сердцемъ, сколько и головою.* Мысль,

что истина можетъ быть воспринята одною головою, что умъ есть единственный ея органъ—это одно изъ величайшихъ заблужденій и несчастій тѣхъ, которые ее исповѣдываютъ. Но мы и не говоримъ о такихъ людяхъ. Для нихъ нѣтъ другой истины, кромѣ той, которая льститъ ихъ страстямъ и приходится по плечу ихъ гордости (....). Необыкновенное впечатлѣніе производитъ эта книга, сказали мы; но еще сильнѣе, еще поразительнѣе подѣйствуютъ на читателя „Новыя бесѣды", если изо всѣхъ сочиненій Винэ оно первое будетъ имъ прочтено (....). Книга эта назначается уже для вѣрующихъ и заключаетъ въ себѣ разъясненія нѣкоторыхъ изъ главнѣйшихъ приложеній къ жизни христіанскаго закона; но какъ свойство истины таково, что она вся, цѣликомъ, представляется въ каждой изъ отдѣльныхъ частей своихъ, то и въ этихъ „новыхъ бесѣдахъ" Винэ, не имѣющихъ между собою никакой явной связи, читатель находитъ всю основу и весь внутренній организмъ евангельской нравственности (....). Вообще мы не чувствуемъ себя приготовленными, чтобы достойно говорить о такой книгѣ, какъ „новыя бесѣды": все что позволительно намъ, это—указать на нее съ желаніемъ, чтобы она была прочтена всѣми, кто ищетъ истины (....). Не знаемъ, какимъ бы образомъ могли подѣйствовать „новыя бесѣды" на доступнаго истинѣ мусульманина или буддиста, но увѣрены, что человѣкъ, рожденный въ христіанскомъ обществѣ, если только религіозное чувство не совсѣмъ еще замерло въ его душѣ, прочитавъ эту книгу, не забудетъ цѣлую жизнь произведеннаго ею впечатлѣнія, и рано или поздно заброшенное въ его душу сѣмя взойдетъ и созрѣетъ (....). Тогда какъ другіе утратили не только всякія положительныя вѣрованія, но и самую способность къ какой бы то ни было вѣрѣ, и не вѣры уже, а даже и убѣжденій не могутъ имѣть, Винэ вѣровалъ безгранично, пламенно, всѣмъ существомъ своимъ, какъ только и можно вѣровать, ибо полувѣра не есть вѣра и не ведетъ ни къ чему. Эта вѣра его, не слѣпая, не фанатическая, а укрѣпленная долгими годами ученія и размышленія, многими подвигами дѣятельной любви и самоотверженія, и дала душѣ его ту безмятежность, ту ясность, ту увѣренность, ту радость, которыя знаменуютъ истиннаго послѣдователя Евангелія и составляютъ вѣнецъ христіанскаго совершенства. Любовь къ человѣчеству, сочувствіе къ его страданіямъ, если эта любовь и сочувствіе заходятъ въ душу, не просвѣтленную Евангеліемъ, служатъ для ней лишь источникомъ безпрерывныхъ, неутомимыхъ терзаній; христіанинъ, въ которомъ любовь эта, неразрывно соединяется съ надеждою и преданностію на благость промысла, христіанинъ только и можетъ любить человѣчество съ чувствомъ глубокаго

спокойствія и радости въ сердцѣ. А Винэ былъ вполнѣ христіаниномъ по духу и прекраснѣйшимъ образцомъ евангельскихъ добродѣтелей въ жизни".

Въ теченіе семилѣтняго пребыванія своего въ Петербургѣ В. В., не смотря на служебныя занятія, напечаталъ столько статей и изслѣдованій, сколько удается весьма не многимъ и при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ. Въ концѣ 1844 г. В. В. изъявилъ желаніе участвовать въ военномъ энциклопедическомъ лексиконѣ, редактированномъ барономъ Зедделеромъ и написалъ для этого изданія нѣсколько статей. Но большее значеніе имѣютъ его статьи: о мѣстоположеніе Сарая, столицы Золотой Орды; о правописаніи въ дѣлѣ русской номенклатуры чужеземныхъ мѣстностей и народовъ; Цари Воспора Киммерійскаго, преимущественно по современнымъ имъ памятникамъ и монетамъ; о монгольской надписи временъ Монгке хана. Переводъ надписи сдѣланъ извѣстнымъ синологомъ архимандритомъ Аввакумомъ, а В. В. по этому поводу представилъ любопытныя изысканія о монгольскомъ квадратномъ письмѣ.

Открытіе надписи произвело на ученый міръ большое впечатлѣніе, усилившееся еще тѣмъ, что академикъ Шмидтъ призналъ переводъ ея неправильнымъ и предложилъ свой. В. В. вступился за прежній переводъ. Началась горячая полемика, въ которой принялъ участіе и о. Іакинѳъ, ставшій на сторону Григорьева и тѣмъ порѣшившій споръ.

Кругъ знакомыхъ В. В. значительно расширился за это время, не столько благодаря службѣ, сколько занятіямъ въ ученыхъ обществахъ, гдѣ сблизился онъ со всею интеллигенціею Петербурга. Но дружеская привязанность явилась у В. В. только къ Дерикеру и архимандриту Аввакуму, бывшему начальнику Пекинской духовной миссіи, человѣку добрѣйшей души. Число прежнихъ друзей сократилось значительно: Гребенка умеръ, съ Ершовымъ В. В. прекратилъ переписку, такъ какъ не сочувствовалъ ему во многихъ случаяхъ и вполнѣ разочаровался въ поэтическомъ талантѣ автора „Конька Горбунка". Прекратилась переписка и съ Грановскимъ, вслѣдствіе какой-то непріятности. Про него В. В. выразился въ одномъ письмѣ такъ: „Грановскій зазнался и презираетъ меня за то, что я ему не удивляюсь".

XII.

Въ декабрѣ 1851 г. выѣхалъ В. В. къ мѣсту своего новаго служенія, а 10 января 1852 года прибылъ въ Оренбургъ. Очень ужъ

торопился. Ничего опредѣленнаго не представляло и это назначеніе; но промѣнять одно неопредѣленное положеніе, хотя довольно обезпеченное на другое столь-же неопредѣленное—разницы существенной для него не представляло. Отправляясь на службу въ Оренбургъ, В. В. зналъ уже, что такое провинція. Тамъ, если человѣкъ по своимъ понятіямъ о жизни и службѣ, имѣетъ дерзость не покоряться общему мнѣнію, онъ непремѣнно, не вмѣшиваясь даже въ чужія дѣла, наживетъ себѣ массу враговъ, которые будутъ наносить ему оскорбленія при всякомъ удобномъ случаѣ, оскорбленія, хотя и мелкія, но за то постоянныя, отъ которыхъ уйдти некуда. Вы знаете, что васъ заочно ругаютъ, перетолковываютъ каждый вашъ шагъ, клевещутъ на васъ безъ всякаго милосердія, и при всемъ томъ никоимъ образомъ не можете вы избѣгнуть встрѣчи съ вашими врагами, вы должны ихъ терпѣть и молчать: такая вражда изнуряетъ подвергшагося ей. „Въ провинціи—говорилъ впослѣдствіи В. В.—каждое слово ваше передадутъ кому не слѣдуетъ, переиначенное, съ прикрасами, добавленіями и искаженіями“. Въ столицѣ подобная вражда нѣскольких людей не значитъ ничего; тамъ можно всегда составить себѣ кружокъ, въ которомъ не увидишь непріятнаго лица.

Оренбургъ, центральный правительственный пунктъ обширнаго и разнообразнаго во всѣхъ отношеніяхъ края, представлялъ въ то время, при незначительности помѣщичьяго элемента, наиболѣе совершенный типъ генералъ-губернаторскаго города. Главный начальникъ края составлялъ солнце, къ которому все тяготѣло; его личный характеръ налагалъ печать на все общество, потому что все оно находилось въ непосредственной отъ него зависимости. Entourage его давалъ тонъ и остальному чиновничеству. Городъ чиновничій по преимуществу, Оренбургъ снабжался высшимъ чиновничьимъ классомъ изъ Петербурга; а потому и чиновничество это не имѣло никакого мѣстнаго колорита, обладало достоинствами и недостатками петербургскими: убѣжденіе въ превосходствѣ своемъ надъ мѣстными чиновниками, нѣсколько большее, но все таки крайне поверхностное образованіе, знаніе столичныхъ обычаевъ и отношеній, и большею частію незнаніе мѣстныхъ условій и нуждъ, среди которыхъ призваны они дѣйствовать. Не успѣлъ человѣкъ познакомиться съ дѣломъ, какъ обстоятельства мѣняются, онъ уѣзжаетъ, и его мѣсто заступаетъ новый незнающій, которому надо учиться съ азбуки.

Невыгода службы на окраинахъ заключается главнымъ образомъ въ томъ, что тамъ вообще трудно составить себѣ прочное положеніе.

Съ перемѣной начальника перемѣняется обыкновенно и персоналъ подчиненныхъ. Люди наиболѣе близкіе къ правителю, т. е. принимающіе самое дѣятельное участіе въ управленіи, при подобныхъ смѣнахъ должны обыкновенно также оставлять край, каковы-бы они ни были: умны-ли, честны-ли, или недобросовѣстны и интриганы — это все равно, въ расчетъ не принимается. Возможность подобнаго удаленія смущала по временамъ и В. В., смущала не совсѣмъ неосновательно, такъ какъ здоровье Перовскаго было очень ненадежно; а В. В., такъ сказать, „сжегъ свои корабли"; возвратиться въ скорости-же въ Петербургъ было-бы во всякомъ случаѣ неловко. Свои опасенія и высказалъ онъ Савельеву въ первыхъ своихъ письмахъ изъ Оренбурга:

„Наконецъ ввалился я въ сей градъ, да кажется, и самъ не радъ, что принесло сюда. Хорошаго мало, и впереди, и въ настоящемъ. Главное—что Василій Алексѣевичъ больно хворъ. Не сбылась-бы со мною побасенка о голубѣ, который отправился странствовать, и воротился ощипанный" (10 января 1852 года). „Въ настоящее время не дано мнѣ еще никакого занятія, и я ужасно скучаю безъ книгъ. Сдается что-то, будто не на добро заѣхалъ я въ Оренбургъ". (Изъ письма отъ 15-го января).

Къ Перовскому В. В. привязался весьма скоро, къ этому онъ былъ подготовленъ еще въ Петербургѣ. По понятіямъ В. В., на государственной службѣ нельзя увлекаться никакими посторонними стремленіями, кромѣ желанія принести посильную пользу. Оттого никогда не прибѣгалъ онъ для возвышенія своего ни къ какимъ кривымъ путямъ, не измѣнялъ присягѣ даже въ мелочахъ. Впослѣдствіи, когда ему самому пришлось набирать подчиненныхъ, то въ самомъ выборѣ ихъ и обращеніи съ ними, не поддавался онъ ни личному пристрастію, ни вліянію связей родства или пріязни. Не всякій можетъ сказать это о себѣ, положа руку на сердце. Съ такими понятіями о службѣ нельзя было въ то время служить во всякомъ вѣдомствѣ и при всякомъ начальникѣ. В. В. искалъ такихъ, которые бы раздѣляли этотъ взглядъ, цѣнили подобную дѣятельность. По молвѣ, доходившей до него о В. А. Перовскомъ, ему казалось, что въ оренбургскомъ генералъ-губернаторѣ найдетъ онъ идеалъ начальника. И если ожиданія эти оправдались не во всей полноcти, то все-же В. В. искренно говорилъ, что для него время служенія при Перовскомъ было школою добра.

Для какихъ-же занятій пригласилъ къ себѣ Перовскій Григорьева? Прежде всего на него было возложено составленіе отчетовъ по управленію краемъ. Но скоро въ его вѣдѣніе перешли „особо важныя дѣла", и во всѣхъ большихъ оказіяхъ онъ сталъ главнымъ дѣятелемъ. Съ пер-

выхъ же дней В. В. занялся любимымъ своимъ предметомъ—исторіей, мѣстной исторіей, что впослѣдствіи ему очень пригодилось: это былъ прочный фундаментъ для его дальнѣйшей въ краю дѣятельности. Примѣры подобнаго отношенія къ окраинамъ у нашихъ администраторовъ весьма рѣдки. Не имѣя никакой исторической подготовки къ той роли, которую призваны розыгрывать, дѣйствуютъ они зачастую въ управляемомъ краю, какъ въ потемкахъ, и при всемъ своемъ добромъ желаніи ничего полезнаго сдѣлать не могутъ. Мы еще не прониклись сознаніемъ важности изученія исторіи тѣхъ странъ, гдѣ призваны дѣйствовать. Но Перовскій смотрѣлъ на свои обязанности иначе.

Подъ руководствомъ этого администратора обладавшаго государтвеннымъ умомъ и уже хорошо знакомаго съ Азіей, Григорьевъ началъ новый родъ дѣятельности.

Надъ чѣмъ трудился В. В. первое время своего пребыванія въ Оренбургѣ, узнаемъ изъ письма его къ Савельеву, отъ 26 февраля:

„Торопиться пріѣздомъ въ Оренбургъ, какъ торопился я, было не къ чему: представь себѣ, что настоящей чиновничьей работы не дано мнѣ до сихъ поръ. Отчетъ, надъ которымъ надо мнѣ работать, не существуетъ еще и въ зародышѣ по поводу непредставленія губернаторами ихнихъ. Но я не сижу сложивши ручки. Во-первыхъ—составилъ я двѣ записки историческія: о Киргизахъ и Уральскихъ казакахъ—трудъ, который самого меня познакомилъ съ дѣломъ и, кажется, понравился Василію Алексѣевичу [1]). Во-вторыхъ—принялся я горячо за составленіе татарскаго словаря. Въ послѣднемъ будетъ помогать мнѣ В—въ, человѣкъ наиславнѣйшій: умный, добрый, трудолюбивый, чудо что̀ за человѣкъ (.....). Наконецъ открылось въ Оренбургѣ, что я человѣкъ греческаго происхожденія. Ей-богу, такъ. Одинъ господинъ отыскалъ, что предокъ мой Григорьевъ, націей грекъ, жилъ въ половинѣ прошедшаго столѣтія въ Бухарѣ, которую и описалъ по мѣрѣ умѣнья. Это описаніе Бухары, съ введеніемъ и примѣчаніями, пришлю я для напечатанія, либо въ Географическое общество (....), либо въ Редакцію ж. м. в. д., которая безъ меня теряетъ свои преданія и печатаетъ въ текстѣ „Бруссkія минеральныя воды“. Замѣть это генералу [2]): пусть знаетъ, что око мое „тихо не смотритъ“, что я слѣжу за ходомъ ново-

---

[1]) Кромѣ этихъ двухъ записокъ В. В. составилъ еще третью: «объ Оренбургскомъ казачьемъ войскѣ».

[2]) Т. е. Н. И. Надеждину.

введеній въ журналѣ и вижу, что онъ со дня на день предается „коварному Западу“.

Отъѣздъ Григорьева значительно поразстроилъ редакцію журнала мин. вн. дѣлъ. Изданіе пошло вяло, книжки стали запаздывать выходомъ въ свѣтъ. По этому случаю Савельевъ даже съострилъ, объясняя это замедленіе тѣмъ, что редакція журнала переведена въ Оренбургъ, и Надеждинъ очень тому смѣялся.

Въ Оренбургѣ В. В. очутился вдали отъ всѣхъ дрязгъ Петербургскихъ; но пережитое имъ въ недавнее время было такъ еще свѣжо въ памяти, что онъ продолжалъ интересоваться столичными происшествіями и особенно хроникой министерства внутреннихъ дѣлъ; а этими новостями въ избыткѣ снабжалъ Григорьева Савельевъ, который, намѣреваясь тогда оставить службу въ цензурномъ комитетѣ, занимался въ канцеляріи министра внутреннихъ дѣлъ въ ожиданіи подходящей вакансіи. Григорьевъ поощрялъ Савельева къ подобнымъ письмамъ и нерѣдко подавалъ ему совѣты, чего и какъ добиваться у министра.

Лѣтомъ 1852 года В. В. получилъ весьма важное порученіе. Слухи о злоупотребленіи нѣкоторыхъ султановъ-родоправителей Внутренней Киргизской орды, въ особенности войсковаго старшины Медетъ Галія Чукина и брата его Искендера, побудили Перовскаго произвести надъ ними формальное слѣдствіе. Производство слѣдствія возложилъ онъ, предписаніемъ отъ 25 іюня, на Григорьева, откомандировавъ въ помощь ему эсаула Аничихина и кол. секр. Жемчужникова. Этимъ назначеніемъ Перовскій, возлагавшій большія надежды на В. В., имѣлъ въ виду познакомить его съ степными обычаями и порядками, съ потребностями кочевниковъ, расчитывая, что свѣдѣнія, имъ пріобрѣтенныя такимъ путемъ и факты, извлеченные изъ дѣлъ, будутъ весьма полезны для намѣченнаго тогда Перовскимъ „Положенія“ объ управленіи Киргизами. В. В., приступая къ этому новому для него дѣлу, заботился не столько о томъ, чтобы выказать свои способности, какъ чиновника, сколько запастись разными свѣдѣніями для ученыхъ занятій.

При отправленіи на слѣдствіе Григорьеву поручалось обратить вниманіе, между прочимъ, на слѣдующія обстоятельства: 1) Какіе классы народонаселенія въ ордѣ; какъ они произошли; какіе у каждаго правà; въ какихъ взаимныхъ отношеніяхъ они находятся. Число султановъ, ходжей, тархановъ, Теленгутовъ. 2) Какъ жилъ народъ до переселенія въ Рынъ-Пески; какъ образовалась власть хана; его политика; исторія закята и сугума; исторія надѣленія землями. 3) Сколько и какого скота нужно киргизу, чтобы существовать безбѣдно; понятія ордынцевъ объ этомъ

предметѣ; ежегодный приплодъ каждаго рода животныхъ и долголѣтіе. Количество земли, нужное для прокормленія извѣстнаго числа головъ. 4) Какъ производится повѣрка скота. Вѣрность принятой оцѣнки его. Отношеніе числа кибитокъ къ скотоводству. Самъ В. В. имѣлъ въ виду вникнуть въ положеніе и устройство орды, въ основанія существующихъ учрежденій и степень ихъ жизненности въ народѣ; сравнить составленные штаты съ цѣнностью жизненныхъ потребностей; произвести оцѣнку скота съ настоящими его цѣнами и прошлыми, и опредѣлить процентъ возвышенія; обратить вниманіе на то, какіе доходы можетъ доставить орда государству.

Въ первый разъ В. В. сталъ изучать жизнь народовъ новой, самостоятельной цивилизаціи, кочевой, и при томъ изучать наглядно. Тутъ увидѣлъ онъ на опытѣ, какое значеніе могутъ имѣть разные административные проекты, составленные на основаніи теоретическихъ соображеній, и возъимѣлъ величайшее недовѣріе къ подобнымъ работамъ.

Въ началѣ іюля В. В. отправился въ Букеевскую орду и, водворившись въ Глининскомъ форпостѣ, приступилъ къ дѣлу. Отсюда посылалъ онъ донесенія Перовскому о ходѣ слѣдствія и подробныя письма своимъ домашнимъ въ Оренбургъ о своемъ житьѣ-бытьѣ.

Киргизы не ожидали никакой пользы отъ слѣдствія. Давно уже Медетъ обнаруживалъ самовластіе и корыстолюбіе, и не въ первый разъ собиралась туча надъ нимъ: „откупится"!—разсуждали киргизы, составившіе высокое понятіе о значеніи и могуществѣ родоправителя, который и самъ вѣрилъ въ свою силу. Но когда онъ былъ устраненъ отъ должности и посаженъ Григорьевымъ подъ арестъ, распоряженіе это произвело необыкновенный эффектъ на подчиненныхъ Медету киргизовъ. Страхъ возмездія съ его стороны, если-бы дѣло пошло по прежнему, т. е. кончилось ничѣмъ, былъ уничтоженъ, и тогда-то всплыли наружу всѣ продѣлки родоправителя. Медетъ употреблялъ всевозможныя уловки, чтобы запутать и затормозить слѣдствіе, и всякій разъ терпѣлъ неудачу. Работать В. В-чу приходилось очень много, съ утра до ночи. Одно только пугало его: слѣдствію конца скоро не предвидѣлось, чѣмъ дальше шло оно, тѣмъ болѣе раскрывалась масса злоупотребленій Медета.

Существенныхъ неудобствъ относительно пребыванія въ форпостѣ В. В. не испытывалъ. Отъ сильной жары спасался онъ въ кибиткѣ, поставленной на дворѣ; провизіи было въ избыткѣ, какъ сообщалъ онъ въ Оренбургъ: „Великій благодѣтель нашъ — казакъ изъ татаръ, по имени Кужентай, отъ него беремъ мы ежедневно свѣжую баранину, кумысъ, какого и Василій Алексѣевичъ не пьетъ, муку, масло; и по-

куда еще ни копѣйки ему не заплатили, да и не возьметъ; надо будетъ придумать для него какой нибудь хорошенькій подарокъ и выслать изъ Оренбурга (....). Безпрестанно также присылаетъ намъ пироги, арбузы и тому подобное начальникъ форпоста эсаулъ Д—въ: и этого тоже не знаешь чѣмъ благодарить. А у Кужентая на дняхъ сгорѣло еще 138 стоговъ сѣна, что составляетъ порядочный счетъ". (Изъ письма 15—18 августа 1852 года).

О своихъ занятіяхъ въ Глининскомъ форпостѣ В. В. подробно описалъ Савельеву въ письмѣ отъ 14 августа. Это же письмо служило отвѣтомъ на тѣ новости, которыя тотъ сообщалъ ему изъ Петербурга:

„Такъ я и думалъ: уѣду изъ Питера, и завладѣютъ генераломъ—Н. А. М. съ компаніею. Поэтому вмѣшательство его и несомнѣнное участіе въ дѣлѣ А—ва нисколько меня не удивляетъ. Но, признаюсь, удивляетъ меня поведеніе Льва Алекс., который прежде терпѣть не могъ сего господина, не хотѣлъ его даже въ министерство принять, а тутъ вдругъ беретъ съ собою въ поѣздку и, нѣтъ сомнѣнія, сдѣлаетъ секретаремъ. Н. А. М. переварить не могъ, что секретаремъ будетъ не его protégé, и не удалось втереть Г—ва, такъ вотретъ А—ва. Теперь тебѣ остается бить на редакторство ж. м. вн. д., не вѣкъ-же Надеждинъ будетъ сидѣть на этомъ мѣстѣ. Во всякомъ случаѣ, я увѣренъ, что министръ не броситъ тебя такъ: онъ слишкомъ для этого благороденъ. А вѣдь признайся, сидѣнье въ клубѣ [1]) съ 9 до 3 часовъ—наука хорошая! Тутъ узналъ ты такія штуки, просвѣтился на счетъ такихъ продѣлокъ, какія на службѣ въ Комитетѣ тебѣ-бы и въ голову не вошли, даже во снѣ-бы не привидѣлись. Что, каковъ герой Н. А. М.? Мнѣ надоѣло все это до такой степени, что тошно становилось жить въ Питерѣ; и, до сихъ поръ, ни мало не раскаиваюсь, что уѣхалъ (....).

„Мнѣ абсолютно некогда заниматься нумизматикою; но если улучу время и станетъ охоты, то опишу монеты Хорезмъ-шаховъ, хранящіяся въ кабинетѣ Неплюевскаго корпуса: кажется въ числѣ ихъ есть неизвѣстныя. Монеты эти найдены недавно въ руслѣ Сыръ-Дарьи, вмѣстѣ, или по крайней мѣрѣ въ одно время, съ значительнымъ числомъ бактріанскихъ! Но послѣднія проржавѣли до того, что ничего не прочитаешь на нихъ. Перехожу къ собственной своей особѣ. Особа сія сидитъ теперь въ 600 верстахъ къ Ю. З. отъ Оренбурга, въ землѣ Уральскаго войска, на границѣ этой земли съ землею Киргизовъ Бну-

[1]) Такъ Савельевъ назвалъ канцелярію м. в. д.

тренней орды, въ форпостѣ, иже нарицается Глининскій, и сидитъ уже около мѣсяца (....). Здѣсь произвожу я слѣдствіе о разныхъ злоупотребленіяхъ султановъ-родоправителей сказанной орды, по поводу чего, до поселенія въ форпостѣ, съѣздилъ въ ханскую ставку, въ самой ордѣ, верстахъ въ 180 отъ Глининскаго. А какъ кончу слѣдствіе, мѣсяца черезъ два, то опять поѣду въ Орду съ цѣлію изучать ее во всей подробности, для того чтобы потомъ дать свое мнѣніе, какъ устроить ее окончательно, сообразно съ видами Правительства и ко благу самихъ ордынцевъ. Побываю, быть можетъ, по этому случаю, на берегу Каспійскаго моря. Какъ слѣдствіе, такъ и порученіе изучать Орду — познакомятъ меня, надѣюсь, съ Киргизами, ихъ нравами и вообще степнымъ бытомъ, весьма основательно, что пригодится, если Богъ вѣку продлитъ, и для разныхъ историческихъ писаній о Средней Азіи. Въ Оренбургѣ, до отправленія на слѣдствіе, занималъ меня Василій Алексѣевичъ, то разными историческими работами о краѣ, то записками по важнымъ административнымъ дѣламъ, напримѣръ, объ общественной запашкѣ по оренбургскому войску, и т. п. Всѣмъ этимъ я былъ весьма доволенъ, потому что изъ каждой работы научался чему-нибудь и что такія работы были необходимы для меня во всякомъ случаѣ, чтобы познакомиться съ краемъ. Что касается до личныхъ отношеній съ главнымъ начальникомъ и окружающими его, то Василій Алексѣевичъ — человѣкъ необыкновенный по уму и благородству: можно сказать навѣрное, что въ Оренбургскомъ краю нѣтъ никого, кто-бы зналъ этотъ край и дѣла его такъ хорошо, какъ онъ; и память удивительная. Служить съ такимъ начальникомъ— счастіе, хотя-бы онъ и не удостоивалъ особеннымъ своимъ расположеніемъ. Нравлюсь я ему, или нѣтъ, не знаю, но лучшихъ съ нимъ отношеній, чѣмъ мои теперешнія, нечего и желать. Потомъ, единственное лицо, съ которымъ состою я въ сношеніяхъ по службѣ, правитель канцеляріи генер.-губернатора, П. Н. Глѣбовъ—человѣкъ благороднѣйшій и отличнѣйшій во всѣхъ отношеніяхъ, просто рѣдкость-человѣкъ, и потому живемъ мы дружно. Есть изъ окружающихъ В. А. и другіе хорошіе люди. Общее направленіе дѣлъ въ главномъ управленіи умно и патріотично: не далѣе, какъ сегодня, получилъ я извѣстіе объ одной затѣѣ по азіатскимъ дѣламъ, которая навѣрное будетъ успѣшна. Вообще, на счастье я не слишкомъ надѣюсь, отъ будущаго не жду хорошаго, потому не желаю ничего болѣе, какъ продолженія настоящаго, каково оно ни есть".

Въ другомъ письмѣ къ нему-же:

„Знай, что Чингисъ-ханъ теперь мнѣ ни по чемъ. Самъ я пріобрѣлъ великолѣпную киргизскую шляпу, отпустилъ усы и нѣчто въ родѣ бо-

роды, сижу въ халатѣ и, въ такомъ великолѣпіи, зрю у ногъ своихъ трепещущими потомковъ сего грознаго завоевателя, разныхъ султановъ пресловутой Букеевской орды. О, статскій совѣтникъ въ степи много значитъ! Кто хочетъ видѣть все могущество этого чина, смотри на меня. Ученые называютъ меня бригадиромъ, невѣжи — полковникомъ. Послѣднихъ, за невѣжество ихъ, я притѣсняю. Потомъ, какой знатокъ сдѣлался я въ кумысѣ, какъ баранину уписываю—самъ себѣ не надивлюсь! Одно огорчающее меня обстоятельство заключается въ томъ, что киргизскія лошади не оказываютъ мнѣ такого-же уваженія, какъ владѣльцы ихъ: все еще не сидится въ сѣдлѣ, какъ въ креслѣ. Но съ коня я не падалъ. Недавно, правда, свалился на земь, и на всемъ скаку, но не одинъ, а вмѣстѣ съ конемъ, и всталъ какъ ни въ чемъ не бывало, и сѣлъ на него опять, и снова помчался. Не знаю, хватитъ-ли силъ, я собираюсь совершить путешествіе по ордѣ, верстъ 700, верхомъ. Коли удастся сломать такой путь, такъ послѣ и на глаза мнѣ не показывайся: презирать буду. Да оно и нельзя иначе. Какъ извѣстно тебѣ, слѣдствій никогда я не производилъ; за это судьба вознаградила меня разомъ: теперь въ одно время, произвожу я слѣдствіе по шестнадцати дѣламъ! Это à la Liprandi. Чувствую, что не кончу ихъ во вѣки вѣковъ, тоесть въ теченіи двухъ мѣсяцевъ до зимы, а зимовать здѣсь не приходится; зимовать намѣренъ я въ Петербургѣ. Того ради для, хочу отдѣлаться отъ слѣдствія, повѣсивъ его благороднымъ образомъ на шею кому нибудь другому. Не знаю, удастся ли. При такихъ занятіяхъ, гдѣ думать объ окончаніи статьи о Кавказѣ; и безъ конца можетъ остаться: это вѣдь историческая статья, а исторіи, какъ и свѣту, конца нѣтъ. Впрочѣмъ, пришли экземпляръ того, что оттиснуто особо: посмотрю, можетъ быть и докончу (....). Но я пришлю или привезу съ собою въ Питеръ статью о Киргизахъ: вещь весьма краденую, но превосходно отдѣланную. Прочтешь, такъ на каждой строкѣ почувствуешь, что государственный человѣкъ писалъ. Только-бы цензура того... Коли у тебя деньги есть, такъ отдай изъ нихъ Дерикеру сколько нужно на уплату за пенсіонера моего въ Ночлегѣ, и за членство въ Обществѣ посѣщенія Бѣдныхъ, то и другое за 1852 годъ: кажется, всего 85 руб. сер.“ (20 авг. 1852 г.).

Въ то-же время В. В. писалъ И. И. Срезневскому: „Шлется вамъ, почтеннѣйшій Измаилъ Ивановичъ, низкій поклонъ изъ-за тридевяти земель, изъ Уральской степи, съ рѣки Узеня, съ Глининскаго форпоста, гдѣ азъ многогрѣшный разбираю теперь чужіе грѣхи въ качествѣ грознаго слѣдователя. Поклонъ этотъ давно ужъ гнулъ мнѣ спину,

давно ужъ собирался я сбросить его съ плечь моихъ, да въ Оренбургѣ, также какъ и въ Питерѣ, все то да другое мѣшаетъ за перо приняться; здѣсь-же въ форпостѣ, хоть и довольно у меня дѣла, но все-таки остается время, когда, со скуки, начинаешь передумывать о томъ, о семъ, и приходитъ желаніе перекинуться словомъ съ добрыми знакомыми, сказать кое-что о себѣ, спросить кое о чемъ у нихъ.

„О себѣ приходится сказать, что не цвѣту я и не вяну. Климатъ края съ жестокими зимами и палящимъ лѣтомъ не испугалъ меня: вотъ пережилъ и зиму и лѣто, и слава Богу, чувствую себя совершенно здоровымъ. Общество оренбургское нашелъ я обильнымъ умными и добрыми людьми болѣе, чѣмъ предполагалъ, а до дураковъ мнѣ дѣла нѣтъ. Служба моя до сихъ поръ не только не тяготила меня, но доставляла занятія самыя пріятныя, не говоря уже объ удовольствіи имѣть дѣло съ такимъ начальникомъ, какъ В. А. Перовскій. Значитъ, все обстоитъ благополучно, до того благополучно, что я почти не желаю лучшаго. Впрочемъ, все на свѣтѣ зависитъ отъ вкуса: другой, напримѣръ, сидя на моемъ мѣстѣ за слѣдствіемъ по тринадцати дѣламъ вдругъ, въ какомъ-то дрянномъ селеніи, обитаемомъ неизвѣстными энтомологамъ пауками и козявками, которые ползаютъ по васъ и около васъ днемъ и ночью, питаясь единственно бараниною и кумысомъ, и не имѣя сношеній ни съ кѣмъ, кромѣ киргизовъ и уральскихъ казаковъ изъ татаръ, которые знаютъ по русски еще менѣе киргизовъ,—проклиналъ-бы судьбу; а я вотъ живу здѣсь болѣе мѣсяца, и весьма доволенъ своимъ порученіемъ: оно даетъ мнѣ возможность поближе познакомиться съ киргизами, которые давно меня интересовали (есть чѣмъ интересоваться!). Что будете дѣлать съ такимъ человѣкомъ? А оттого что я такой нелѣпый человѣкъ, и не могъ я ужиться въ Петербургѣ. Что сдѣлали вы съ двумя присылками моими въ русское отдѣленіе Академіи Наукъ? Нашлось-ли въ нихъ что-нибудь такое, чего не было въ сообщенномъ отъ Казембека и Ковалевскаго? Я сдѣлалъ дѣло на-скоро, но лучше, за другими занятіями, сдѣлать не могъ. Погодите, вотъ какъ подвинется составляемый мною словарь тюркскихъ нарѣчій, тогда всю татарщину въ русскомъ языкѣ на ладони представлю. А что археологическое общество? Что подѣлываетъ географическое и любезный сердцу этнографическій его отдѣлъ? Надеждинымъ съ отъѣзда моего завладѣла, я думаю, западная партія, и теперь онъ только и дѣлаетъ, что бесѣдуетъ о министерскихъ сплетняхъ. Въ настоящемъ мѣстѣ моего пребыванія просижу я еще мѣсяца полтора; потомъ прошляюсь съ полмѣсяца по Букеевской киргизской ордѣ“. (Изъ письма отъ 22 августа 1852 года).

Въ Академію Наукъ В. В. отправилъ статью, „Областныя великорусскія слова восточнаго происхожденія“, которая была напечатана въ запискахъ академіи 1854 года, и за которую В. В. получилъ званіе члена корреспондента академіи.

Опасеніе В. В. засидѣться на слѣдствіи оказалось напраснымъ. Онъ нуженъ былъ въ Оренбургѣ для другихъ занятій, а такъ какъ слѣдствіе онъ уже подвинулъ далеко впередъ и далъ ему правильный ходъ, то предписаніемъ отъ 8 сентября, онъ былъ вызванъ въ Оренбургъ, а дѣла сдалъ помощнику своему Аничихину. Скоро затѣмъ рѣшена была и участь Чукиныхъ. Медетъ Чукинъ, бывшій долгое время страшилищемъ всей Внутренней орды, обиравшій посредствомъ угрозъ и вымогательства кого только могъ, истязавшій подсудимыхъ и лишавшій свободы людей, ни въ чемъ неповинныхъ,—былъ, по лишеніи правъ состоянія, высланъ на жительство въ г. Уфу. Та-же участь постигла и брата Медета, Ибрагима.

Командировка въ степь открыла В. В. очень многое. Тамъ понялъ онъ, что такое султаны-правители, какъ недобросовѣстны они, и какъ необходимо имѣть строгій присмотръ за ихъ дѣйствіями. Киргизское начальство очень хитро, оно сразу видитъ съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и можетъ быть удерживаемо отъ произвола и въ должной исполнительности лишь строгостію, конечно справедливою; безнаказанность-же и послабленіе возбуждаютъ его неудержимо къ самовластію и самонадѣянности, послѣдствіемъ которыхъ являются несправедливости, притѣсненія и всякаго рода беззаконія. И чѣмъ высшій постъ въ управленіи занимаетъ ордынецъ, тѣмъ онъ вреднѣе, потому что не только самъ дѣйствуетъ недобросовѣстно, но вліяніемъ своимъ склоняетъ къ тому-же и подчиненныхъ себѣ нисшихъ начальниковъ.

За то киргизы произвели на В. В. самое отрадное впечатлѣніе. Онъ увидалъ, что киргизы народъ хотя буйный, но добрый, понятливый и воспріимчивый ко всему хорошему, такъ что, если-бы правителями были люди маломальски порядочные, степь удивила-бы Правительство быстрымъ развитіемъ своего благосостоянія.

Это пребываніе въ степи въ теченіи двухъ съ половиной мѣсяцевъ принесло В. В. пользу еще въ одномъ отношеніи: степной воздухъ, кумысъ и верховая ѣзда благопріятно повліяли на его здоровье.

Ознакомившись съ положеніемъ Орды, В. В. убѣдился въ необходимости немедленнаго принятія рѣшительныхъ мѣръ къ искорененію зла, оставленнаго въ степи послѣднимъ ханомъ, Джангеромъ Букеевымъ, и ордынскими властями, подъ опасеніемъ совершеннаго разстройства тамъ

всякаго порядка со всѣми гибельными отъ того послѣдствіями, такъ какъ большинство киргизовъ, вслѣдствіе злоупотребленій хана дошло до бѣдственнаго состоянія. Возбудившійся уже ропотъ могъ подвинуть киргизовъ къ избавленію себя путемъ бунта и тѣмъ произвести великія замѣшательства въ степи. Прежде всего В. В. обратилъ вниманіе на вопросы земельный и податной, изучилъ ихъ и составилъ проектъ разрѣшенія того и другаго, послужившій фундаментомъ къ основнымъ реформамъ въ краю.

„Въ Глининскомъ форпостѣ (писалъ онъ Савельеву) думалъ я пробыть до конца сентября, а потомъ въ октябрѣ пошататься еще по Внутренней ордѣ. Вмѣсто того 20 сентября я былъ уже въ Оренбургѣ: вызвали меня сюда, не давши окончить ни слѣдствія, ни порученія по устройству Орды, по надобности во мнѣ для отчета, съ которымъ Василій Алексѣевичъ собирается пріѣхать въ Питеръ къ 6 декабря, но врядъ-ли пріѣдетъ“.

Далѣе, на просьбу Савельева посовѣтовать на какой родъ службы ему рѣшиться, Григорьевъ писалъ: „Изъ-за двухъ тысячъ верстъ, самъ ты понимаешь, трудно совѣтовать; да и къ чему совѣты мои служить могутъ, да и на чемъ могу я основывать соображенія мои, что то лучше, а другое хуже? И редакторомъ хорошо было-бы остаться для тебя, хорошо также, если бы Левъ Алексѣевичъ далъ мѣсто по удѣламъ; не хорошо одно то, что ты Прусскому королю служилъ девять мѣсяцевъ. По моему, такъ пошелъ ко Л. А. да и сказалъ ему: такъ молъ и такъ, прусскому королю девять мѣсяцевъ служу, пора-бы и Русскому царю послужить: дайте мѣсто. Когда черезъ шесть лѣтъ службы по министерству вн. д. пришелъ я ко Л. А. ради подобнаго объясненія, онъ сказалъ мнѣ: „что-жъ вы давно не говорили“? То-есть „помнить мнѣ объ васъ что-ли“? Такъ и ты не зѣвай: самъ о себѣ хлопотать не станешь, другіе не вступятся“. (Изъ письма 30-го сентября).

Вернулся В. В. въ Оренбургъ и засѣлъ за составленіе отчета, дѣло довольно утомительное, какъ видно изъ письма его къ Савельеву:

„Я по прежнему работаю надъ отчетомъ: работа нельзя сказать чтобы непріятная, но утомляющая; такое разнообразіе предметовъ, что чортъ ногу переломитъ; я же пишу отчетъ и по военной части. Ханыковъ въ старые годы писывалъ даже приказы по корпусу. Военные здѣсь вообще не писаки, и владыка не очень ими дорожитъ. За отчетомъ, нѣтъ времени заняться ничѣмъ другимъ. Насилу урвалъ денечикъ, чтобы написать статейку объ Илецкихъ соляныхъ копяхъ, которая получится въ редакціи Ж. М. В Д. въ одно время съ этимъ письмомъ. Въ этой статейкѣ есть

много новаго. Затѣмъ, если удосужусь, и ты останешься правителемъ журнала, намѣренъ я прислать туда еще двѣ статьи: 1) „Хозяйственный бытъ уральскихъ казаковъ“, и 2) „Крымскій полуостровъ въ физико-географическомъ очеркѣ“. Для послѣдней статьи достались мнѣ случайно хорошіе матеріалы, и какъ я былъ на мѣстѣ, то и вздумалъ ихъ обработать. Сверхъ того начата еще статья „О киргизахъ со времени присоединенія ихъ къ Россіи“, статья важная, но едва-ли не слишкомъ государственная, чтобы печатать ее. Впрочемъ, П. И. Небольсинъ все печатаетъ, и сходитъ ему съ рукъ. Вообще въ теченіи почти годичнаго уже здѣсь пребыванія, я довольно хорошо ознакомился съ краемъ, разумѣется бумажно. Въ натурѣ видѣлъ только часть Уральской земли, да часть Внутренней киргизской орды. Лѣтомъ хочется забраться на сѣверъ, къ Перми, къ Сибири, посмотрѣть, что тамъ дѣлается, и быть можетъ удастся (...). Что генералъ—тряпка, самъ онъ сознаетъ и исповѣдуетъ: чего-же отъ него требовать; если хочешь добыть отъ него что-нибудь, прикинься обиженнымъ и наговори ему грубостей. Онъ терпѣть не можетъ ссориться и сдѣлаетъ, что нужно. Въ настоящемъ положеніи вещей, я совѣтовалъ-бы тебѣ обратиться прямо къ Бибикову съ новымъ планомъ изданія журнала: доселѣ-де былъ мало оффиціаленъ, надо ввести производства, опредѣленія и отставки по министерству, и проч. проч. Намъ, братъ, надѣяться не на кого, надо самимъ пробивать себѣ дорогу“. (Изъ письма отъ 11 ноября 1852 г.).

Въ Оренбургѣ составился у Григорьева свой кругъ знакомыхъ, съ которыми скоро сошелся онъ весьма близко, бесѣдовалъ по душѣ. Это были: правитель канцеляріи Перовскаго П. Н. Глѣбовъ, „идеалъ гражданина и человѣка“; одинъ изъ ссыльныхъ, „душа чрезвычайно чистая и теплая“—Зал—ій; чиновники особыхъ порученій Гернъ и Короваевъ, „люди самые благонамѣренные, умные, честные, дѣятельные“, оба военные; В—въ, котораго Григорьевъ называлъ сыномъ, и въ которомъ души не чаялъ; Поливановъ, „юноша премилый и предобрый“; адъютантъ Перовскаго Кирѣевскій, „славный и образованный человѣкъ, но нѣсколько испорченный французскимъ образованіемъ“, и нѣкоторые другіе. И самъ В. В. занялъ въ мѣстномъ обществѣ почетное положеніе по своему уму, образованію и способностямъ. Въ провинціи существуетъ обычай давать клички, иногда довольно мѣткія. В. В. получилъ прозваніе „умнѣющій“. Пойти къ „умнѣющему“ значило пойти къ Григорьеву.

Но важнѣе всего то, что дѣло у В. В. спорилось. Занимался онъ охотно, съ усердіемъ; видѣлъ, что его цѣнятъ и цѣнятъ не даромъ. О довольствѣ своемъ не преминулъ онъ сообщить Савельеву письмомъ отъ 4 января 1853 года:

„Пойми, ты, Савка, что весьма пріятно дышать свѣжимъ воздухомъ послѣ того, какъ пробудешь нѣсколько лѣтъ взаперти: такую тоску навели на меня петербургскіе толки о французской политикѣ, такъ гадко было мнѣ смотрѣть на рожи А—выхъ и компаніи, что вотъ ужъ годъ прошелъ, какъ не слышу и не вижу я ничего этого, и все еще не могу нарадоваться вдоволь, что избавился отъ нихъ! Провинція провинціи рознь; наша, братъ, очень мнѣ по сердцу: есть о чемъ поговорить съ толкомъ, и есть съ кѣмъ. Тьма мѣстныхъ интересовъ и общество такихъ людей, съ которыми не вездѣ встрѣтишься (....). Занятіями своими я доволенъ. Теперь несомнѣнно, что В. А. въ Питеръ весною не поѣдетъ, а поѣдетъ на Сыръ-Дарью, куда, по всей вѣроятности возьметъ и меня съ собою. Можно думать также, что если состоится посольство въ Коканъ, такъ роль посла буду играть я, а не кто другой, хотя я и отнѣкиваюсь отъ этого порученія, имѣя нѣкоторую привязанность къ связи головы моей съ шеей. Да, Савушка, весною непремѣнно будетъ экспедиція на Сыръ-Дарью, для занятія коканскаго укрѣпленія Акъ—Мечети, которую прошлымъ лѣтомъ не удалось взять, и для утвержденія владычества нашего на Сырѣ рядомъ укрѣплепій (....). Но коканскія дѣла—вздоръ передъ другими затѣями, которыя затѣваю я. И славныя, братъ, затѣи, только-бы удалось выполнить ихъ: затѣи широкаго размаха, историческаго значенія, богатыя будущностью. Больше ничего не скажу. Увидимся, такъ растолкую въ чемъ дѣло. На дняхъ пошла отъ насъ въ министерство Гос. Имуществъ такая бумага моего произведенія на счетъ Внутренней орды, какія, я не знаю, писывались-ли доселѣ въ Россіи. Расхвастался, скажешь ты; нѣтъ, Савка, не расхвастался: я сталъ здѣсь не въ примѣръ умнѣе прежняго, потому что работаю на мѣстѣ, съ знаніемъ дѣла, не вычитаннымъ, а пріобрѣтеннымъ лично. Не завидую я вашимъ звѣздамъ, и даже высокому назначенію Генерала [1]): когда можно работать съ толкомъ и надеждою, что работа не пропадетъ даромъ—не надо наградъ“.

„Бумага“, о которой идетъ рѣчь въ этомъ письмѣ, затрогивала очень серьезный для Внутренней орды вопросъ, какъ обезпечить семейство покойнаго хана Джангера и какое дать назначеніе его сыновьямъ, вопроса, возбужденнаго въ Петербургѣ и не только возбужденнаго, но уже и приводившагося тамъ въ исполненіе безъ всякаго пониманія степныхъ дѣлъ. Сынъ хана, Ибрагимъ, былъ возведенъ въ княжеское

---

[1]) Савельевъ сообщилъ Григорьеву слухъ, не оправдавшійся впрочемъ, о назначеніи Надеждина на очень высокій постъ по М. В. Д.

достоинство, и предполагалось назначить его предсѣдателемъ временнаго совѣта по управленію Внутреннею ордою. Принять къ свѣдѣнію первое и остановить, если еще возможно, второе—предстояло Перовскому. Изложить обстоятельства ханствованія Джангера и удержать министерство государственныхъ имуществъ отъ приведенія въ исполненіе его всѣхъ намѣреній, поручено было генералъ-губернаторомъ Григорьеву. И раскрылъ онъ вещи весьма удивительныя; онъ доказалъ, что ханъ Джангеръ, съ семействомъ своимъ, наиболѣе другихъ хановъ облагодѣтельствованный русскимъ правительствомъ, своимъ управленіемъ киргизами причинилъ Россіи столько зла, сколько не причинили всѣ его предшественники, вмѣстѣ взятые. Его двадцатилѣтнее управленіе оставило неизгладимые, можно сказать, слѣды безнравственности. Высшій классъ, султановъ, пріучилъ онъ потворствомъ своимъ къ взяточничеству, къ злоупотребленію власти, нисшій—къ искательству, къ недовѣрію въ благонамѣренности властей. Землями между Волгою и Ураломъ, положеніемъ 1806 года пожалованными всѣмъ киргизамъ, распорядился, какъ своею собственностію: 400,000 десятинъ оставилъ себѣ, а большую часть раздарилъ или распродалъ своимъ родственникамъ и любимцамъ. И киргизы за свою землю должны были уплачивать арендныя деньги тѣмъ, кто захватилъ ее. Но что хуже всего, находя выгоды свои въ обращеніи киргизовъ къ магометанству, о которомъ до него они и понятія не имѣли, почти и по имени не считая себя мусульманами, весь высшій классъ успѣлъ онъ болѣе или менѣе напитать враждебною христіанству и просвѣщенію невѣжественною мусульманскою гордостью и для распространенія того-же зла въ простомъ народѣ набралъ и образовалъ цѣлую армію муллъ, составляющую въ настоящее время самый безнравственный и вредный для русскаго правительства классъ народонаселенія въ ордѣ. Затѣмъ, Джангеръ, первый изъ киргизскихъ хановъ, обложилъ подвѣдомственный ему народъ податью, *закятомъ*, установленнымъ исламомъ, слѣдовательно, сборомъ такъ сказать церковнымъ, который платится обыкновенно натурою, но который ханъ обратилъ въ денежный и употреблялъ въ свою пользу; кромѣ того, онъ правильно организовалъ издревле существовавшій у киргизовъ, въ видѣ добровольнаго приношенія битымъ и живымъ скотомъ, *сугумъ*, обращенный ханомъ этимъ въ весьма принудительный поборъ. Прибѣгалъ и къ другимъ секретнымъ налогамъ. Вообще управлялъ съ самовластіемъ и алчностью, азіатскому владѣльцу свойственными.

Но такъ уменъ, такъ ловокъ былъ ханъ Джангеръ, съ такимъ искусствомъ умѣлъ онъ обдѣлывать свои дѣла и казаться не тѣмъ, чѣмъ

былъ, что во все продолженіе жизни пользовался въ Россіи отличнѣйшею репутаціею. Высшему правительству до такой степени умѣлъ онъ представить изъ себя благонамѣреннаго двигателя гражданственности и защитника русскихъ началъ въ ордѣ, а жалобы и возстанія киргизовъ противъ него—проистекавшими изъ буйнаго духа, непокорства и дикой ихъ грубости, что правительство естественно считало обязанностью поддерживать власть Джангера матеріальною силою и поощрять его къ дальнѣйшей дѣятельности наградами всякаго рода. Умеръ онъ въ 1845 году, но только В. В. удалось обнаружить весь объемъ злоупотребленій покойнаго хана, всю запутанность положенія, въ какомъ оставилъ онъ орду.

Въ бумагѣ В. В. доказываются слѣдующія положенія: 1) въ управленіи ввѣренными Джангеру киргизами, дѣйствовалъ онъ не какъ подданный Императора, не какъ правитель, поставленный отъ царя русскаго, а какъ владѣтель самостоятельный и никакою властію неограниченный; 2) такое во всѣхъ отношеніяхъ превышеніе предѣловъ Высочайше дарованной ему власти, служило Джангеру не для блага подвластныхъ, а для достиженія его собственныхъ корыстныхъ и властолюбивыхъ видовъ; 3) подъ управленіемъ его орда не благоденствовала, а терпѣла постоянно отъ поборовъ, лихоимства, неправосудія и притѣсненій, какъ со стороны самого хана, такъ и его любимцевъ; 4) для споспѣшествованія цѣлямъ русскаго правительства по части устройства орды не сдѣлано имъ ничего; а, напротивъ, распоряженія его были большею частію таковы, что для исправленія причиненнаго ими зла правительство должно будетъ употребить многіе годы чрезвычайныхъ усилій, да и то едва-ли успѣетъ изгладить совершенно вредные слѣды ихъ.

Въ заключеніе предложены имъ его личныя соображенія, какъ обезпечить семейство хана; а мѣры къ извлеченію орды изъ бѣдственнаго положенія изложены имъ были особо.

Въ этой массѣ зла В. В. отыскалъ однако и частицу добра, хотя самую ничтожную: однимъ только было полезно русскимъ управленіе хана—тѣмъ, что киргизы, натерпѣвшись всякихъ обидъ и самоуправства со стороны его самого и его приближенныхъ, стали предпочитать ханской власти управленіе ими черезъ добросовѣстныхъ русскихъ чиновниковъ; а вслѣдствіе того надо было ожидать, что орда способна принять спокойно всякое преобразованіе, всякое возможное сближеніе съ общерусскимъ устройствомъ, лишь-бы только произведено оно было осторожно и съ умѣньемъ. Впослѣдствіи, когда завѣдываніе киргизами перешло къ В. В., не разъ приходилось ему убѣждать-

XIII.

Назначеніе завѣдывать походной канцеляріей открыло В. В-чу совершенно новую для него и малоизвѣстную картину военныхъ походовъ. Не смотря на свои многочисленныя канцелярскія занятія, В. В. находилъ еще возможность писать изъ лагеря длинныя письма своимъ друзьямъ. Наиболѣе интересны его письма къ Савельеву, изъ которыхъ одно здѣсь и приводимъ.

„Совѣсть моя вопіетъ: надо писать къ Савкѣ, пусть узнаетъ, какъ живутъ люди на берегахъ Сыръ-Дарьи; а 50° жара убѣждаетъ краснорѣчиво, что при такой температурѣ заниматься корреспонденціею крайне тягостно. Но совѣсть превозмогаетъ, и я повергаю къ стопамъ Павла Степановича слѣдующій краткій очеркъ моихъ подвиговъ за послѣднее время. Изъ Оренбурга выступили мы въ походъ, за Уралъ, 15 мая, и шли, преимущественно по р. Илеку, до укрѣпленія Карабутакъ (428 верстъ)—10 дней. Затѣмъ отъ Карабутака до укрѣпленія Уральскаго (187 в.)—4 дня; отъ укрѣпленія Уральскаго, черезъ пески Кара-Кумъ, до укрѣпленія Аральскаго, Раимское тожъ (315 в.)—8 дней. На Раимъ пришли мы такимъ образомъ 6-го іюня. Раимское укрѣпленіе находится на правомъ берегу Сыра въ разстояніи 1$^1/_2$ версты отъ берега, а на самомъ берегу верфь, а на верфи красуются пароходъ въ 40 силъ и барказъ паровой въ 10 силъ. Приготовленія къ дальнѣйшему слѣдованію отряда вверхъ по Сыру заняли насъ въ Раимѣ до 15 числа іюня. Въ оный-же день направились мы оттуда къ Акъ-Мечети, и пространство между ними въ 400 верстъ, прошли въ 17 дней. Іюля 2-го въ 2 часа по полудни стояли мы уже передъ цѣлію нашего пелеринажа—кованскимъ укрѣпленіемъ Акъ-Мечеть. Стоимъ передъ нею и до сего дня. Путь незнакомою мнѣ степью и при томъ съ военнымъ отрядомъ представилъ мнѣ много новаго. Чего своими глазами не увидишь, о томъ рѣшительно нельзя составить себѣ правильнаго понятія. Въ походъ этотъ узналъ я толку въ военномъ дѣлѣ несравненно болѣе, чѣмъ привиллегированные воины, и намѣренъ писать по возвращеніи въ Оренбургъ *степную тактику*—штуку совершенно новую въ военномъ искуствѣ. И о степи также составилъ я себѣ кое-какія идеи, только противъ военныхъ соображеній моихъ, они гроша не стоютъ. О киргизахъ, прошедши степью ихъ 1300 верстъ, не узналъ я ничего: на пути нашемъ не встрѣтили мы до Аральскаго ни одного аула: имъ приказано было предварительно откочевать съ нашей дороги, чтобы не потравили нужныхъ для отряда кормовъ. До сихъ поръ обстоятельства благопрі-

ятствовали походу, какъ нельзя болѣе. На пути не тревожили насъ ни Хивинцы, ни Коканцы; жаркіе дни выдавались изрѣдка, и на оборотъ рѣдкіе здѣсь дожди шли весьма часто. Вслѣдствіе сего здоровье отряда въ вождѣленнѣйшемъ состояніи. Храбры мы тоже, какъ львы; но и Коканцы въ 5—саженныхъ стѣнахъ своихъ держатся лихо. Стрѣляютъ съ обѣихъ сторонъ цѣлыя ночи, а днемъ большею частію покоятся отъ трудовъ.

„Сыръ—рѣка важнѣющая: мѣстами имѣетъ до $1^1/_2$ версты ширины, судоходна до самаго Ташкента, и не смотря на то, что на 600 верстахъ не принимаетъ ни одного притока и даетъ вѐды свои множеству канавъ для орошенія полей—крайне многоводна; но вода такъ мутна, что не отстоявши, пить нельзя; непріятно даже и купаться въ этой грязной влагѣ. Берега отъ устья до Акъ-Мечети плоскіе; каковы они дальше къ верху—не знаемъ (....). Природа вообще небогатая, но климатъ хорошъ. Если ни одно изъ падающихъ въ лагерь нашъ коканскихъ ядеръ не задѣнетъ меня, такъ по возвращеніи въ Оренбургъ отправлюсь оттуда въ Питеръ, и лично сообщу тебѣ разныя разности, о которыхъ лѣнь писать“. (17 іюля 1853 г. лагерь подъ Акъ-Мечетью).

По возвращеніи въ Оренбургъ, Григорьевъ писалъ ему: „Это я пишу къ тебѣ, другъ мой Савка. Меня не убили и даже въ плѣнъ не взяли. Только похудѣлъ я малую—толику, а то совсѣмъ живъ, и библіотека моя еще не принадлежитъ тебѣ. Мало того—скоро я самъ пріѣду за нею въ Питеръ, и даже Марсдена возьму у тебя. Послѣ сказаннаго я совершенно увѣренъ, что ты отъ души жалѣешь о маломъ искусствѣ Коканцевъ въ военномъ дѣлѣ. И какъ-таки не умѣли убить человѣка—спрашиваешь ты самъ себя съ удивленіемъ—на разстояніи 600 шаговъ: не булавка же вѣдь онъ какая, чтобы промахнуться. Подлецы,просто подлецы эти Коканцы, не могли оказать мнѣ единственной услуги, какой ожидалъ я отъ нихъ... Не горюй, Савушка: во первыхъ—у насъ холера еще не прекратилась; во-вторыхъ—много есть случаевъ отправиться въ вѣчность на пути отъ Оренбурга до Питера: переправы черезъ рѣки, обѣды въ уѣздныхъ трактирахъ, пріятели въ Казани, разбойники за Казанью, желѣзная дорога, и проч., и проч. Если доберусь до Питера живъ и не ограбленъ, такъ можешь утѣшиться тѣмъ, что привезу тебѣ киргизкій колпакъ, который обѣщалъ прошлою осенью и нѣсколько дрянныхъ коканскихъ монетъ; сверхъ того—лапу отъ бабы-птицы и ногу отъ кулана или дикой лошади; послѣдніе предметы, впрочемъ, покажу только, а не подарю. Подарю-же я тебя разсказами о киргизской степи, о Сыръ-Дарьѣ рѣкѣ, о Коканцахъ, объ Акъ-Мечети, о томъ,

какъ мы брали ее, какъ 28 іюля взяли, какъ потомъ 5 августа пошли въ обратный путь, и какъ къ сентябрю были уже въ Оренбургѣ, проѣхавъ на обратномъ пути Губерлинскими горами, и на переднемъ—Мугоджарскими. Василій Алексѣевичъ, если здоровье позволитъ, ѣдетъ въ Питеръ въ концѣ сентября. Я выѣзжаю дня черезъ три послѣ него. Но если онъ не поѣдетъ, то едва-ли и я двинусь. Собирались мы такимъже манеромъ показать себя Питеру и прошлою осенью, да не собрались. Богъ вѣсть еще, какъ-то и теперь соберемся (....). По пріѣздѣ въ Питеръ, надѣюсь найти тебя умнѣе прежняго: теперь и ты въ провинціи побывалъ, на перекладной поѣздилъ. Но чтобы дойти до меня умомъ, много еще надо тебѣ испытать: не ѣзжалъ еще ты на верблюдахъ; не пивалъ кумысу; не ѣдалъ лошадинаго мяса, ни свѣжаго, ни соленаго; не знаешь что̀ крутъ, что̀ кургашекъ. Только ты, смотри, никому не разсказывай, что я въ Питеръ ѣду; это секретъ. Вся экспедиція была секретная, и всѣ участвовавшіе въ ней, всѣ поступки ихъ и движенія будутъ содержимы отнынѣ въ особой тайнѣ—преимущественно отъ Надеждина, который по страсти своей въ болтовнѣ, готовъ будетъ разсказать ихъ цѣлому свѣту". (Изъ письма отъ 15 сентября).

Походъ на Сыръ-Дарью, дѣйствительно, во многомъ просвѣтилъ В. В. Его, какъ человѣка новаго, поразила наша неумѣлость вести степные походы, безтолковость распоряженій, незнаніе степи для подобныхъ предпріятій, незнаніе первыхъ условій формированія и слѣдованія маршевыхъ колоннъ. Степная тактика, о которой упоминается въ письмѣ къ Савельеву, была имъ проектирована и представлена на обсужденіе Перовскому, какъ знаемъ мы изъ словъ самого В. В-ча. Перовскій былъ удивленъ этимъ проектомъ, сошедшимся, какъ разъ и съ его собственными соображеніями. Къ сожалѣнію, въ бумагахъ В. В. не встрѣтили мы ничего, касающагося его степной тактики. Нѣтъ сомнѣнія: онъ приложилъ-бы ее къ описанію похода 1853, которое предполагалъ составить со временемъ, чтобы показать, какъ въ дѣйствительности совершаются подобные походы. И если не составилъ описанія, то единственно изъ опасенія, какъ-бы не подумали, что онъ хотѣлъ бросить тѣнь на память В. А. Перовскаго. Но разсказывать объ этой экспедиціи В. В. очень любилъ и передавалъ интересныя о ней подробности. Курьезы начались съ самаго выступленія. На первомъ привалѣ солдаты первой колонны долго оставались безъ пищи, потому что завѣдующій обозомъ казачій офицеръ заболтался въ Оренбургѣ; по глупости З—ста замедлилось выступленіе гарнизона Оренбургскаго укрѣпленія; саперы пошли безъ пистоновъ, и т. д. Но лучше всѣхъ отличился самъ корпусной ко-

мандиръ. Выступилъ онъ позже отряда, но передъ Акъ-Мечетью обогналъ эшелонъ Іоннея на 3 дня, а другой эшелонъ Падурова—на два, и явился передъ крѣпостью съ однимъ своимъ штабомъ, да незначительнымъ конвоемъ казаковъ, т. е. почти безъ всякаго оружія, и расположился лагеремъ въ 600 саженяхъ отъ нея. Затѣмъ выставилъ парламентеровъ и самъ съ ними поѣхалъ. Коканцы подпустили ихъ къ крѣпости и начали палить. Пришлось ретироваться. Въ довольно глупомъ и опасномъ положеніи простоялъ штабъ Перовскаго два дня, поджидая войска.

Но если В. В. осуждалъ начальниковъ, то поведеніемъ солдатъ не могъ достаточно нахвалиться. Забывая собственную опасность, они во время штурма крѣпости подъ градомъ пуль спасали коканскихъ женщинъ и дѣтей.

Въ бумагахъ В. В. сохранились черновыя донесенія, писанныя имъ отъ имени Перовскаго министрамъ военному и иностранныхъ дѣлъ. Приписанныя корпусному командиру, напечатаны они въ „Русскомъ Архивѣ“ 1879 г. кн. II. При чтеніи этихъ донесеній невольно возникало сомнѣніе: неужели Перовскій, человѣкъ очень больной, озабоченный положеніемъ ввѣреннаго ему отряда, могъ писать такія длинныя, безъ всякой надобности, и такія обстоятельныя и отдѣланныя донесенія? Теперь оказывается, что авторомъ этихъ оффиціальныхъ бумагъ былъ В. В. Въ нихъ находятся незначительныя лишь поправки и измѣненія Перовскаго, преимущественно относительно военныхъ терминовъ. Что бумаги писались не подъ диктовку Перовскаго, доказывается тѣмъ, между прочимъ, что мѣстами въ нихъ вошли цѣликомъ выписки изъ походнаго дневника В. В. Дневникъ велся имъ аккуратно, изо-дня въ день, и ни въ какомъ уже случаѣ донесенія не могли служить матеріаломъ для дневника. Далѣе. Письмо неизвѣстнаго лица отъ 14 іюля 1853 г., помѣщенное въ той же книжкѣ журнала (стр. 460—461), несомнѣнно писано Григорьевымъ, какъ догадывался и М. Н. Галкинъ-Враскій. А въ письмѣ этомъ читаемъ: „При заботахъ Вас. Ал. о ходѣ осады, объ обезпеченіи гарнизона нашего, имѣющаго остаться въ Акъ-Мечети, и проч., мучитъ его еще—эта необходимость писать въ то-же время разныя фразы военному министру и поправлять бумаги, которыя пишу я по необходимости дурно, не зная военнаго дѣла“. Suum cuique. Что нѣкоторыя мысли въ донесеніяхъ навѣяны Перовскимъ, въ этомъ также сомнѣваться нельзя. Такъ напримѣръ, относительно значенія для насъ кочеваго быта Киргизовъ. Въ донесеніи военному министру (изъ лагеря при рѣчкѣ Джалавли, отъ 1 іюня 1853 г.) встрѣчаемъ, между

прочимъ, слѣдующее соображеніе: „Упомянувъ объ Илекѣ, считаю не лишнимъ замѣтить также, что когда былъ я въ этихъ мѣстахъ лѣтъ 15 тому, здѣсь кочевая жизнь господствовала еще вполнѣ; нынѣ-же всѣ окрестности этой рѣки усѣяны киргизскими пашнями, что весьма невыгодно для насъ и не приноситъ никакой пользы самимъ Киргизамъ, ибо, обращая лучшія мѣста подъ земледѣліе, они лишаютъ тѣмъ себя пастбищъ, необходимыхъ для главнаго условія ихъ благоденствія и даже существованія—обширнаго скотоводства". Взглядъ этотъ раздѣлялъ въ то время и В. В. Впослѣдствіи онъ поступился имъ, подчинившись требованіямъ самой жизни.

Въ черновыхъ бумагахъ В. В. сохранились и тѣ донесенія, которыя въ „Русскій Архивъ" не попали, но ссылки на которыя тамъ дѣлаются. Григорьевымъ же составленъ журналъ осадныхъ работъ и имъже писанъ приказъ по корпусу. Что-же касается до донесеній, то самъ Перовскій охарактеризовалъ ихъ въ письмѣ къ Балкашину такими словами: „Мои оффиціальныя сообщенія министру отдаляются отъ обыкновенной формы военной и немного сбиваются на impressions de voyages; но если-бы держаться обыкновенной, то должно ограничиваться словами: пошелъ, пришелъ, выступили, было-бы слишкомъ сухо и скучно"! (Р. Архивъ, II, 458—9). Чтобы эти слова не повели къ недоразумѣніямъ, для поясненія ихъ отмѣтимъ одну черту въ характерѣ графа Перовскаго, нисколько не желая умалить его достоинствъ, предъ которыми научилъ насъ преклоняться В. В-чъ. Перовскій иногда позволялъ себѣ выдавать чужія мысли за свои. Чаще всего поступалъ онъ такъ съ В. В. и, не въ осужденіе ему будь сказано, не любилъ, когда В. В. высказывалъ кому-либо изъ постороннихъ свои взгляды и наблюденія относительно края: тогда главный начальникъ не могъ уже воспользоваться ими отъ своего имени. И случалось, что дѣло доходило изъ-за этого даже до открытаго столкновенія, какъ, напримѣръ, въ тотъже Акъ-мечетьскій походъ.

За походъ подъ Акъ-Мечеть В. В. единовременно получилъ 2,000 рубл. сер. изъ суммъ государственнаго казначейства и награжденъ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

Въ сентябрѣ В. В. получилъ командировку въ Петербургъ съ порученіемъ, относящимся до дѣлъ Внутренней киргизской орды—во-первыхъ, и во-вторыхъ—для выписки книгъ и географическихъ картъ для заводившейся при канцеляріи генералъ-губернатора библіотеки. Мысль устроить библіотеку принадлежитъ Григорьеву. По плану его въ нее должно было войти все то, что имѣетъ отношеніе къ Оренбургскому краю,

Россіи вообще и сосѣднихъ странъ Средней Азіи, съ присоединеніемъ необходимѣйшихъ пособій для изученія естественныхъ наукъ и мѣстныхъ языковъ. Отсутствіе необходимыхъ пособій для справокъ обнаруживалось здѣсь безпрестанно при всякихъ правительственныхъ начинаніяхъ, разработкѣ разныхъ мѣстныхъ вопросовъ, а равно и для ученыхъ изысканій вообще; но до В. В. никому и въ голову не приходило устранить этотъ недостатокъ. Онъ убѣдилъ Перовскаго въ необходимости подобной библіотеки, и ему была отпущена сумма въ 2,000 р. для пріобрѣтенія ученыхъ сочиненій. Кромѣ пріобрѣтенія книгъ на деньги, В. В. съумѣлъ привлечь къ этому дѣлу и жертвователей. Академія Наукъ, Казанскій университетъ и другія учрежденія сочувственно откликнулись на призывъ помочь устройству библіотеки, и своими приношеніями обогатили ее. И возникла въ Оренбургѣ, благодаря стараніямъ В. В., очень хорошая библіотека, вполнѣ принаровленная къ мѣстнымъ потребностямъ. Имъ-же составлены были правила пользованія книгами, и онъ-же приглашенъ былъ принять званіе попечителя библіотеки, съ присвоенными этому званію обязанностями. И пока В. В. находился въ Оренбургѣ, библіотека постоянно пополнялась, и надзоръ за ней былъ исправный; но какъ только оставилъ онъ край, библіотеку забросили, расхитили понемногу, и не осталось отъ нея ни единаго слѣда.

XIV.

Во время пребыванія въ Петербургѣ В. В. получилъ штатную должность. Высочайшимъ приказомъ по гражданскому вѣдомству, назначенъ онъ, съ 12 января 1854 года, Предсѣдателемъ Оренбургской пограничной Комиссіи. Постъ важный и даже самостоятельный, по крайней мѣрѣ такое значеніе придалъ ему самъ В. В. своею дѣятельностію. Предшественникъ его, генералъ Ладыженскій, сильно запустилъ дѣла комиссіи; отчасти за это, а также и за нѣкоторыя злоупотребленія, обнаруженію которыхъ В. В.-же и содѣйствовалъ, Перовскій смѣстилъ Ладыженскаго съ этой должности и далъ ему другое назначеніе.

Только 30 марта приступилъ В. В. къ исполненію своихъ обязанностей, такъ какъ только въ концѣ марта вернулся въ Оренбургъ. Приступилъ онъ къ дѣлу совѣстливо, старался изучить его, какъ всегда, за что-бы онъ ни брался, съ начала, и въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ не занимался ничѣмъ другимъ, кромѣ своей Комиссіи, даже писемъ не писалъ никому. Только въ августѣ удосужился онъ написать Савельеву о своемъ новомъ положеніи:

„Понимаешь ты, что значитъ „отвѣтственность“ по службѣ?... Да гдѣ тебѣ и понимать такія вещи! Для человѣка заботливаго это просто гадость. Бывало наше дѣло написать что-нибудь умное за другаго—и правъ; теперь, братъ, пришлось не писать, а распоряжаться; распоряжаюсь я не дурно, быть можетъ лучше, чѣмъ надѣялся, но то и дѣло глядишь не попасть-бы подъ „отвѣтственность“. Вотъ эта-то поганая отвѣтственность и сидитъ у меня на шеѣ, отбивая всякое расположеніе поболтать „съ хорошимъ человѣкомъ“; она и причиною, что я не болталъ съ тобою такъ давно (...). У насъ, кромѣ того, что холера гуляетъ, все благополучно. Здоровье В. А. Перовскаго поправляется; Глѣбовъ работаетъ по-прежнему, заботясь обо всемъ и за всѣхъ; теперь хлопочемъ объ основаніи монастыря въ Оренбургѣ и хотимъ завестись своимъ архіереемъ; въ тоже время думаемъ какъ-бы, пользуясь застоемъ торговли на западѣ, обратить вниманіе московскихъ капиталистовъ на торговлю съ Азіею. Въ военномъ отношеніи, враждебныхъ дѣйствій со стороны Хивы и Бухары не предвидится, да и Коканцы едва-ли потревожатъ насъ до зимы, а зимою, пожалуй, опять соберутся съ духомъ и еще разъ попытаются прогнать насъ съ Сыра. Наши средства тамъ нѣсколько усилены. Степь киргизская—трепещетъ предо мною: такъ и сажаю султановъ подъ арестъ, отставляю отъ должностей, ловлю разбойниковъ, но, увы, къ крайнему моему огорченію, вѣшать ихъ не имѣю власти. На дняхъ велѣно было собрать въ 7 дней 7,000 верблюдовъ; я распорядился, чтобы были собраны, но не надѣялся на исполненіе: что-же? верблюды явились къ сроку, и я торжествую. Смѣшно подумать, что меня боятся—а, вѣдь, боятся! На дняхъ пріѣзжалъ сюда Юрій Самаринъ, и глубокою осенью пріѣдетъ опять—на волчью травлю: онъ оказывается страстнымъ охотникомъ. На твой пріѣздъ я уже отложилъ упованіе; Надеждинъ тоже на Сергіевскія воды не явился; за то было у насъ до десятка аристократовъ изъ Питера, которыя за невозможностью пошататься за границею, прилетали сюда—лечиться кумысомъ. Продлись война еще года два, и Оренбургъ сдѣлается Баденъ-Баденомъ. В—въ пишетъ для географическаго общества длинную исторію о Дикокаменныхъ киргизахъ. Я не пишу ничего кромѣ приказовъ и представленій“. (Изъ письма отъ 15 августа 1854 г.).

Н—ву В. В. писалъ „Виноватъ, душа моя Н—ка (кажется, всѣ посланія мои къ тебѣ начинаются съ „виноватъ“), виноватъ по самое нѣльзя, съ годъ, я думаю, не писалъ тебѣ, и около полугода съ полученія послѣдняго письма твоего: прости и помилуй! Съ прошлой весны былъ я все въ тревогѣ. 15 мая выступили мы въ походъ на

Сыръ-Дарью противъ Коканцѐвъ. Я участвовалъ въ этомъ походѣ въ качествѣ управляющаго военнопоходною канцеляріею Перовскаго. Отъ Оренбурга до Сыра прошли степью 1000 верстъ, да по Сыру до Коканской крѣпости Акъ-Мечети—400 верстъ. Ну, видѣлъ я какъ осаждаютъ и берутъ крѣпости, самъ стоялъ подъ ядрами, и нашелъ что это очень непріятно, особенно для статскаго; убьютъ тебя, такъ весь свѣтъ скажетъ: „дуракъ, чортъ его совалъ туда“. Однако-же меня не убили, и къ сентябрю я живъ и здоровъ возвратился въ Оренбургъ. Здѣсь нашли мы холеру, но слабую, и пробыли недолго. Въ октябрѣ поѣхалъ я съ Перовскимъ въ Питеръ, и прожилъ тамъ до марта. Четыре мѣсяца эти были одни изъ самыхъ скучныхъ для меня; я не успѣлъ повидаться и съ половиною знакомыхъ: столько было дѣла и хлопотъ разнаго рода.—За экспедицію на Сыръ дали мнѣ чинъ „дѣйствительнаго“, а потомъ и мѣсто предсѣдателя Оренбургской пограничной комиссіи. Комиссія эта имѣетъ обязанностію управлять киргизами Оренбургскаго вѣдомства, коихъ будетъ до милліона о. п. душъ. Мѣсто хорошее: 3,500 руб. сер. жалованья и столовыхъ, да квартира казенная, весьма помѣстительная. На это мѣсто какъ сядутъ люди, на немъ и умираютъ. Я прошу Бога, чтобы дожить на немъ до пенсіона, а тамъ—въ Финляндію, гдѣ поселюсь вмѣстѣ съ тобою на берегу моря. Но такъ какъ ты до пенсіона доживешь десятью годами ранѣе меня, то до Финляндіи пріѣзжаешь въ Оренбургъ: ужъ и теперь особый флигель для тебя готовъ [1]). Не знаю, много-ли хорошаго успѣю сдѣлать по настоящей моей должности—трудно дѣлать хорошее, пакости гораздо легче—по крайней мѣрѣ стараюсь и буду стараться, сколько Господь дастъ силъ и терпѣнья; съ наукою-же приходится проститься: по отсутствію здѣсь ученыхъ пособій нельзя сдѣлать никакого гелертерскаго труда; одно, что представляется исполнимымъ въ этомъ отношеніи—это составить татарскій словарь, въ которомъ чувствуется крайняя надобность, и я рѣшился проработать лѣтъ десять надъ этою задачею.

---

[1]) Планъ поселиться по выслугѣ пенсіи въ Финляндіи составился у В. В. еще раньше. Въ письмѣ къ тому-же Н—ву (отъ 20 апрѣля 1852 г.) В. В. уговаривалъ его перемѣститься на службу поближе къ Оренбургу, причемъ онъ прибавлялъ: „А тамъ, ты получишь пенсіонъ и поселишься со мною въ Оренбургѣ; климатъ здѣсь прескверный, но для здоровья не вредный. Какъ-нибудь маячили-бы себѣ. Въ заключеніе, получаю пенсіонъ и я; тогда оба вмѣстѣ отправляемся доживать вѣкъ—знаешь куда?—въ Финляндію. Поселимся въ Выборгѣ: тамъ море передъ глазами, а Петербургъ подъ руками; житье дешевое; народъ добрый, честный; горы, лѣса—всякая прелесть. Лѣтомъ пароходы приходятъ изъ Питера два раза въ недѣлю; а зимою сѣлъ на чухонца и 120 верстъ промахаешь въ 10 часовъ. Я рѣшительно поселяюсь въ Финляндіи, потому и ты не смѣй думать о пріютѣ въ другомъ краю. Иначе—разсоримся“.

Итакъ, будущее мое на 15 лѣтъ впередъ опредѣлено, служить, стремясь быть полезнымъ по возможности, и трудиться надъ татарскимъ словаремъ. Впрочемъ, у меня столько занятій по должности, что на долю словаря не много достанется времени.

„Въ мартѣ выѣхалъ я изъ Питера и добрался досюда благополучно. Весна и начало лѣта прошли въ ознакомленіи съ механизмомъ моей должности, а съ мѣсяцъ назадъ пожаловала опять холера; покуда изъ 12,000 жителей прибрала она человѣкъ до 700: пропорція хорошая. Мнѣ тоже понездоровилось, и вотъ уже другую недѣлю сижу дома. Въ нашемъ краю, не смотря на то, что онъ населенъ большею частію нехристями, все спокойно: у васъ какъ? Хива, Бухара, Коканъ, принадлежатъ теперь къ моему вѣдомству; покуда не шевелятся и тамъ; что будетъ впередъ, извѣстно Аллаху“ (изъ письма отъ 29 августа 1854 г.).

Только теперь, когда положеніе В. В. опредѣлилось и не расчитывалъ уже онъ на перемѣну своей жизни въ близкомъ будущемъ, перевезъ онъ въ Оренбургъ свою библіотеку.

Все время В. В. поглощалось службой, но не потому, что новая должность предсѣдателя Комиссіи оказалась такой ужъ обременительной, а по той причинѣ, что и всѣ прежнія занятія остались на рукахъ его. Для Перовскаго В. В. все болѣе и болѣе дѣлался лицомъ необходимымъ. Ни одно важное дѣло не обходилось безъ его участія, и дошло даже до того, что Перовскій сталъ посылать къ В. В. и лицъ военныхъ по предметамъ чисто военнымъ: „поговорите объ этомъ сперва съ Григорьевымъ“—приходилось имъ нерѣдко слышать отъ генералъ-губернатора. Понятно послѣ этого, что В. В. нажилъ въ Оренбургѣ не мало враговъ, безъ всякой причины съ своей стороны, такъ какъ всячески устранялся отъ вмѣшательства въ чужія дѣла.

Столкновенія происходили у В. В. и съ Перовскимъ, нерѣдко довольно серьезныя; но разрѣшались они всегда очень благополучно. Въ большинствѣ случаевъ уступалъ Перовскій, сознавая свою неправоту, на что, впрочемъ, способны очень немногіе начальники. Какъ-бы ни смотрѣть на эти уступки, но въ результатѣ онѣ все таки избаловали В. В. Когда пришлось ему имѣть дѣло уже не съ Перовскимъ, а съ людьми, желавшими настоять на своихъ капризахъ, такъ и случился громкій служебный скандалъ.

Крымская война застала В. В. на далекой окраинѣ, хотя военныя приготовленія начались еще во время поѣздки его въ Петербургъ. Все, что совершалось на западѣ, отдавалось въ Оренбургѣ, конечно, слабѣе, чѣмъ въ столицѣ нашей, но военныя дѣйствія не могли не

волновать того, для кого любовь къ родинѣ не была пустымъ звукомъ. В. В. обратилъ свое вниманіе на „Гиндустанъ", спрашивая въ письмахъ Савельева, нѣтъ-ли какихъ либо предположеній въ Петербургѣ на этотъ счетъ и нельзя-ли какъ возбудить этотъ вопросъ. Никакихъ однако предположеній тамъ не было, и такъ какъ В. В. убѣдился что „скорѣе Индъ рѣшится придти къ намъ, чѣмъ мы надумаемся къ нему въ гости", то и приходилось сидѣть въ томительномъ ожиданіи, что будетъ дальше; а служебныя дѣла помѣшали ему откликнуться въ литературѣ по поводу событій, какъ откликнулся тогда М. П. Погодинъ своими знаменитыми „Политическими письмами".

Во время этой войны съ Турками, которая не могла не интересовать мусульманъ Средней Азіи, В. В. задумалъ доставлять киргизамъ вѣрныя сообщенія о ходѣ военныхъ дѣйствій, чтобы предостеречь народъ отъ превратныхъ толковъ и разныхъ неблагонамѣренныхъ внушеній, которымъ кочевники легко поддаются. Получивъ на то разрѣшеніе генералъ-губернатора, В. В. изложилъ просто и понятно причины нашей войны съ турками и первые результаты войны до зимы 1854 года. Обзоръ этотъ, переведенный на киргизскій языкъ и отпечатанный въ значительномъ числѣ экземпляровъ, былъ разосланъ мѣстнымъ ордынскимъ властямъ для распространенія въ народѣ. Но этимъ дѣло и ограничилось. Дальнѣйшія событія были не таковы, чтобы у насъ могло возникнуть желаніе публиковать о нихъ Азіатцамъ.

Кончина государя Николая Павловича, манифестъ о созывѣ ополченія заставили встрепенуться и оренбуржцевъ. Явилась возможность показать себя на дѣлѣ, хотя Оренбургская губернія и не вошла еще въ очередь по набору ополченцевъ. Первый примѣръ подалъ Глѣбовъ, зачислившись въ ополченіе, не смотря на всѣ уговоры Перовскаго. Григорьевъ не отсталъ отъ общаго увлеченія. 28 февраля 1855 года онъ писалъ Савельеву: „Меня такъ и подмываетъ (послѣдовать за Глѣбовымъ), но не имѣя внѣ службы куска хлѣба, трудно рѣшиться; да покамѣстъ и безъ меня охотниковъ достаточно; а если мало-мальски ревность пріутихнетъ, а люди понадобятся (....)—и я маршъ подъ шапку съ крестомъ. Конечно, надо кому нибудь остаться на мѣстѣ при отправленіи гражданскихъ обязанностей, да авось и безъ нашего участія не разрушится миръ дѣлопроизводства (....). Напиши что̀ можно о событіяхъ и отношеніяхъ въ Питерѣ съ 18-го февраля, паче-же всего—не клонятся-ли дѣла къ миру. Это безпокоитъ здѣсь всѣхъ порядочныхъ людей. Пусть все погибнетъ—даже Публичная библіотека—лишь-бы вытти Россіи изъ настоящей путаницы съ честію и достигнувъ того, за что̀ поднято оружіе. Миръ съ

ущербомъ для славы Россіи, хотя-бы самымъ микроскопическимъ, отзовется для правительства хуже ста проигранныхъ сраженій. Не хочетъ Русь мириться съ Западомъ и вся готова стать на защиту своего достоинства, а если-бы не въ силахъ была отстоять его, готова пасть, но не покориться". (Изъ письма отъ 28 февраля 1855 года).

Въ слѣдующемъ письмѣ В. В. описывалъ Савельеву тѣ непріятности, которыя началъ уже онъ испытывать въ Оренбургѣ:

„У насъ тишина (....). Вас. Алекс. со дворомъ своимъ живетъ на кочевкѣ (во 138 верстахъ отъ Оренбурга), а мы, начальники отдѣльныхъ частей, потѣемъ въ столицѣ края. Предположенная было поѣздка моя въ восточную часть орды, къ Сибири, какъ водится, не состоялась: не пускаетъ отъ себя надолго; и на дняхъ успѣлъ я только съѣздить верстъ за 70 отъ линіи въ степь къ правителю западной части орды, гдѣ былъ принятъ съ неописаннымъ тріумфомъ, который, къ сожалѣнію, не научилъ меня ничему новому. Ханыковъ не сегодня—завтра ѣдетъ купаться въ Каспійскомъ морѣ на Петровской пристани въ Дагестанѣ, а съ нимъ и В—въ. Не съ кѣмъ будетъ и словомъ перекинуться. Не смотря на то, не скучаю—некогда за „текущими дѣлами", которыя иногда разнообразятся непріятностями. Трудно имѣть дѣло съ сумасшедшими, а Иванинъ несомнѣнно принадлежитъ къ ихъ числу. Ты знаешь, какого я мнѣнія о немъ, знаешь, что самъ выписывалъ его сюда, помогаю ему во всемъ, а онъ, мало того, что считаетъ меня теперь врагомъ своимъ,—подозрѣваетъ, и не подозрѣваетъ, а увѣренъ, что я *беру взятки*, все потому, что между дѣльными вещами сморозитъ онъ иногда вздорное представленіе, на которое, разумѣется, получитъ отказъ. Самолюбивъ до-нѣльзя и хочетъ все сдѣлать вдругъ, а какъ разрѣшенія на все серьезное надо ждать изъ Петербурга, гдѣ почти ничего не разрѣшаютъ, всего труся и опасаясь, то все, что не разрѣшается высшими властями, приписывается имъ моему недоброжелательству лично къ нему и недобросовѣстности стремленій вообще: этакая с.... Теперь я понимаю, отъ чего онъ нигдѣ не могъ ужиться. А все-таки честнѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ". (20 іюня 1855)

Григорьевъ имѣлъ, можно сказать, страсть открывать таланты и обладателей ихъ выводить въ „люди". Очень многіе обязаны ему своимъ положеніемъ и своей карьерой. А оказывать начинающимъ нравственную поддержку считалъ онъ даже долгомъ своимъ. И надо замѣтить, въ весьма многихъ случаяхъ облагодѣтельствованные имъ люди отплачивали ему неблагодарностію, старались вредить изъ-подъ-тишка, надъ нимъ-же издѣвались. Случалось, такъ или иначе, узнавалъ онъ

потомъ о такой неблагодарности, но нисколько тѣмъ не смущался, никогда не старался за это отомстить даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда представлялась полная къ тому возможность, и упоминать о подобныхъ разочарованіяхъ не любилъ.

Надо, однако, замѣтить что и самъ В. В. отчасти былъ виноватъ, въ томъ, что наживалъ себѣ враговъ, и потому, главнымъ образомъ, что до Оренбурга мало былъ онъ подготовленъ къ административной службѣ и не имѣлъ необходимаго навыка въ обращеніи съ людьми, всегда шедшими по этому пути. Къ тому-же прорывались у него иногда рѣзкія замѣчанія, безъ всякаго злаго умысла, о лицахъ, занимавшихъ видныя должности въ мѣстной служебной іерархіи.

Непріятности, о которыхъ упоминается въ приведенномъ письмѣ, и которыя происходили не отъ одного только Иванина, а отъ многихъ другихъ, и даже отъ ближайшаго помощника В. В-ча, скоро-же достигли крупныхъ размѣровъ по поводу волненій среди киргизовъ. 20 августа 1855 г. В. В. писалъ Савельеву:

„Вотъ что̀ называется: не было ни копѣйки, да вдругъ алтынъ— сидѣли все киргизики мои смирно, такъ что скуку наводили, а теперь пошла катавасія разомъ и въ Зауральской и во Внутренней ордѣ. Въ Зауральской жилъ-былъ издавна одинъ великій смутникъ, по имени Исетъ Кутебаровъ, котораго за пакости его прощали десять разъ; но эта система нѣжности привела управленіе киргизами къ тому-же результату, къ которому привела и Россію уступчивая политика ея съ Европою: Исетъ вздумалъ, что можетъ воевать съ правительствомомъ, и, подъ внушеніями Хивы, собралъ шайку тысячи въ двѣ человѣкъ, напалъ съ нею на султана правителя Средней части орды и казачій при немъ отрядъ, убилъ правителя и нѣсколько другихъ должностныхъ лицъ изъ ордынцевъ, разграбилъ лагерь правителя и, не успѣвъ справиться съ отрядомъ, въ которомъ было всего 63 человѣка, пошелъ волновать всю Орду, вслѣдствіе, чего приключеніе съ правителемъ средней части чуть было не повторилось и надъ правителемъ западной части орды. Положеніе было скверное. И что-же, нашлись люди—эти люди во всемъ пакостятъ Россіи,—которые стали совѣтовать уладить дѣло, пославъ Исету подарки—точно будто-бы Россія дошла до положенія Византіи, которая должна была откупаться отъ вторженій варваровъ дарами и данью! Но Василій Алексѣевичъ, слава Богу, понялъ положеніе иначе: въ степь съ трехъ сторонъ пошли относительно сильные отряды, мятежники съ сообщниками ихъ, надѣюсь, наказаны будутъ такъ, что у другихъ отпадетъ охота слѣдовать ихъ примѣру, и къ зимѣ, дастъ

Богъ, за Ураломъ будетъ все спокойно. Во Внутренней ордѣ волненія другаго свойства, которыя унять труднѣе потому, что унимать ихъ надо безъ помощи оружія, но за то и плоды унятія будутъ слаще, чѣмъ въ Зауральской. Во Внутренней производится маленькая соціальная реформа, которая всегда опаснѣе политическихъ: вотъ противники реформы и шарашатся, а когда прознали о подвигахъ Кутебарова въ ордѣ Зауральской, то расхрабрились не на шутку. Положеніе Иванина не совсѣмъ завидно, но онъ мнѣ болѣе смѣшонъ, чѣмъ жалокъ—отсутствіе хладнокровія и суетливость другаго впечатлѣнія не производятъ. Чѣмъ можетъ окончиться это волненіе во Внутренней ордѣ—еще неизвѣстно; но для укрощенія его придумалъ я отличнѣйшее средство, которое, если только въ исполненіе приведено будетъ, столь-же умно, какъ задумано, удастся вполнѣ: глубоко макіавелевская штука, которою я обязанъ тому, что „книжки читалъ", а не состарѣлся чиновникомъ съ люльки. Да здравствуютъ „книжки"! Вообще, не смотря па чепуху въ моемъ управленіи, я спокойнѣе и веселѣе, чѣмъ когда либо; понимаешь—радъ, что дожилъ хоть до чего нибудь, въ чемъ могъ показать характеръ. За то какъ-же и принялась ругать меня вся шваль трусовъ, дураковъ и подлецовъ! И съ мѣста меня прогнали, и чуть въ Сибирь не сослали; но теперь унялись. Фу, какой дрянью набиты всѣ управленія! Чтобы увидѣть эту дрянь въ наготѣ ея нуженъ случай, и я имѣлъ этотъ случай. Что-бы сталось съ этими господами, если-бы въ самомъ дѣлѣ затѣялось въ краю нашемъ что-нибудь серьезно-опасное"?!

Не радостные вѣсти доходили до Григорьева и изъ Петербурга, и изъ Москвы. Скончались Грановскій и Неволинъ, въ безнадежномъ положеніи находился Надеждинъ. Не веселыя мысли вызывали эти утраты, и явилась у В. В. потребность побесѣдовать о нихъ, хотя-бы и въ письмѣ, съ человѣкомъ, который понялъ бы Григорьева. И написалъ онъ длинное письмо Савельеву.

„Начнемъ съ бесѣды объ отшедшихъ. Умеръ Неволинъ. Жаль, больно жаль! Я подлюбливалъ его, какъ человѣка, особенно съ тѣхъ поръ, какъ онъ женился: пріятно было смотрѣть па его житье бытье; смотришь, человѣкъ въ довольствѣ и довольство это пріобрѣлъ трудомъ, лишеніемъ себя въ молодости многаго, безъ чего мы не могли обходиться; живетъ и продолжаетъ работать, не геніально, но умно, совѣстливо, съ толкомъ; женился на загнанной въ семьѣ старой дѣвѣ, и сдѣлалъ изъ нея отличную жену; завелся дѣтками—тутъ-то бы и жить, а вотъ онъ взялъ да и умеръ. Отчего онъ умеръ? Какая такая смер-

тная немочь засѣла въ немъ, что ни отдыхъ, ни путешествіе, ни воды не могли помочь? Правда, всегда былъ онъ похожъ на спичку, но вѣдь не болѣлъ оттого.... Ну, миръ праху твоему, Константинъ Алексѣевичъ! Какъ и мы окачуримся, дай Богъ, чтобъ и насъ помянули добрымъ словомъ, какъ мы тебя поминаемъ. Вслѣдъ за Неволинымъ долженъ, кажется мнѣ, умереть и Надеждинъ. Такъ и жду, что напишешь: приказалъ долго жить. Это еще предшествующее намъ поколѣніе, а вотъ и изъ нашей братьи одного утащила смерть—Грановскаго. Скверно это съ моей стороны, Савка, а не жаль мнѣ его: какъ засадитъ намъ человѣкъ занозу подъ ребра, такъ старайся, не старайся ее вытащить, а заноза все остается. Не я былъ неправъ противъ покойнаго, а онъ противъ меня. Уважать его особенно—не за что было, а любить его я любилъ, пока самъ онъ не заставилъ разлюбить себя (....). За мертвыми поведемъ рѣчь объ отставныхъ. Уволенъ Б. уволенъ К. но чтожъ изъ того? Ты знаешь, что есть гораздо ихъ вреднѣйшіе для России, и этихъ нѣтъ надежды, чтобы уволили. Ланской, при вступленіи въ министерство разослалъ циркуляры къ генералъ-губернаторамъ. Кто это въ министерствѣ В. Д. сочинилъ ему эти посланія? Вопросъ интересуетъ меня потому, что я самъ теперь великій сочинитель оффиціальныхъ бумагъ всякаго сорта. Если-бы тебя, или Надеждина могла интересовать моя чиновничья патріотическая производительность, я бы прислалъ вамъ копіи нѣкоторыхъ, замѣчательнѣйшихъ и драгоцѣннѣйшихъ для потомства посланій моей работы (....).

„Біографію Френа, что ты смастерилъ, я вѣдь ужъ читалъ: нештó, хорошо, эти вещи умѣешь ты дѣлать. О томъ-же, какова статья о Банзаровѣ, не преминемъ, по желанію твоему, сказать наше мнѣніе, когда получимъ таковую. Во всякомъ случаѣ вотъ тебѣ благословеніе мое на брань съ Шифнеромъ, хотя онъ и пріятель мнѣ. А чернорабочій—Клапротъ очень хорошъ: желалъ бы я видѣть физіономію Дорна, когда ты отмахнулъ ему эту штуку [1]). Но вѣдь милые бранятся, только тѣшатся: ты, братъ, не такой гусь, чтобъ поссориться съ Академіей.

„Что ты зарядилъ спрашивать меня объ Индіи, да объ Индіи? Развѣ

---

[1]) Для поясненія этого мѣста приводимъ извлеченіе изъ письма Савельева (9 октября 1855 г.): «Съ нынѣшней почтой отправляю къ тебѣ лѣтніе труды свои: полтома Записокъ, полтора тома Трудовъ и двѣ брошюры. Напиши, нравятся-ли тебѣ біографіи Френа и Банзарова. Нѣмцы на меня за нихъ дуются. Изъ-за Банзарова едва-ли не придется воевать съ Шифнеромъ, который грозитъ отстоять Шмидта. За Френа сердитъ почему-то Дорнъ, который у меня спрашивалъ, *кого* слѣдуетъ разумѣть подъ «чернорабочими учеными»? Я отвѣчалъ: «Клапрота»!

не толковано было тебѣ въ свое время, что объ Индіи и всемъ индѣйскомъ менѣе всего думаютъ въ Оренбургѣ. Отсюда не только не должно ждать иниціативы въ этомъ дѣлѣ, но если-бы оно завязалось у васъ, такъ здѣсь всѣми мѣрами постараются доказать, что Индія не наше дѣло. А какъ-бы хорошо было теперь, не говоря уже объ экспедиціи на Индъ, ни о посольствѣ въ Афганистанъ, занять хотя юго-восточный уголъ Каспійскаго прибрежья, устроивъ укрѣпленіе съ сильнымъ горнизономъ на Гурганѣ. Торнау, въ запискѣ своей, расписалъ это отлично, но не изложилъ и половины выгодъ, какія-бы принесло намъ это. Чесались у меня руки тиснуть о томъ-же, да остановилъ неизбѣжный вопросъ: къ чему? Себя потѣшить—не забавляетъ, а дѣла отъ такихъ меморій не дождешься до дня Суднаго. Иванинъ оставляетъ Внутр. Орду и берется за мечъ на защиту Отечества. Если онъ такой-же тактикъ и стратегикъ, каковъ въ администраціи, такъ немного выиграетъ отъ него наша армія. Желанья — пропасть, а умѣнья — мало, главное-же—несчастный характеръ: никѣмъ не доволенъ, всѣхъ подозрѣваетъ и вѣритъ первому встрѣчному. Теперь онъ въ Оренбургѣ (....). Наконецъ, вотъ ополченіе и до нашего края добралось. Государственные крестьяне при этомъ обнаруживаютъ больше рвенія, чѣмъ помѣщичьи. Но кто отличается патріотизмомъ, такъ это Пограничная Комиссія. Изъ моихъ чиновниковъ ополчается семеро: четыре въ офицеры, а трое—даже въ рядовые ратники. Я полагаю, что достаточно найдется охотниковъ даже если второе ополченіе подымутъ. Но есть и ахти-свинствующіе, въ особенности изъ помѣщиковъ Самарской губерніи. П. Н. Глѣбовъ и его дружина (Рязанское ополченіе) ужъ въ Бахчисараѣ. Но что-то будетъ въ Крыму? Возьмутъ насъ разомъ: въ тылъ изъ Евпаторіи, и съ флангу—около Бахчисарая, да въ прибавокъ двинутъ сильный отрядъ изъ Керчи на Симферополь, и будетъ то, что мы останемся около сѣверной части Севастополя отрѣзанные отъ Симферополя и отъ Перекопа, принужденные или сдаться всей арміей, какъ австрійцы какіе нибудь, или, бросивъ сѣверную часть Севастополя со всѣми запасами и ранеными, пробиваться къ Перекопу и потерять при этомъ половину арміи. Это выгода оборонительныхъ дѣйствій вообще. Между тѣмъ сожгутъ намъ Одессу, Николаевъ, съ выстроенными тамъ кораблями и кораблестроительными запасами, и Херсонъ". (Письмо отъ 23 октября 1855 года).

Оренбургскія дрязги вывели, наконецъ, В. В. изъ терпѣнія, да случилась у него маленькая размолвка, съ Перовскимъ, и хотѣлъ онъ оставить Оренбургъ, какъ видно изъ письма его къ Савельеву:

„Отъ натуры-ли это моей происходитъ, или отъ обстоятельствъ, только не сидится мнѣ спокойно на мѣстѣ болѣе трехъ, четырехъ лѣтъ. Послѣ этого срока какъ-то подмывать начинаетъ и хочется куда-то, только-бы не оставаться тамъ, гдѣ сидишь (....). Коротко сказать, мнѣ начинаетъ надоѣдать въ Оренбургѣ: съ краемъ познакомился, узналъ что̀ нужно по моей части, но вмѣстѣ съ тѣмъ увидѣлъ, что ничего путнаго сдѣлать нельзя; физіогноміи здѣшнія надоѣли, еще болѣе надоѣлъ этимъ физіогноміямъ я самъ,—пора убираться (....). Тебѣ хотѣлось знать, хорошо-ли помянулъ ты Банзарова? Хорошо; если такъ-же умно обо мнѣ напишешь, такъ хоть завтра умираю; больше того, что написалъ, кажется, не напишу ужъ; пора приняться тебѣ за мою біографію и сообщить мнѣ ее, для поправокъ и дополненій, за-живо.—О Грановскомъ переписываться съ его біографами [1]) нѣтъ у меня ни времени, ни желанія, тѣмъ болѣе, что они торопятся его обезсмертить: въ ноябрьской книжкѣ Отечеств. Записокъ, которой я впрочемъ еще не получилъ, Кудрявцевъ состряпалъ ужъ статью о великомъ покойникѣ. Для меня, ты знаешь, Грановскій не былъ ни мыслителемъ, ни гражданиномъ, передъ которымъ стоило-бы кланяться; профессоръ-артистъ—вотъ, по моему, вѣрнѣйшее опредѣленіе его характера и заслугъ; успѣлъ-же онъ потому, во-первыхъ, что артистъ на каѳедрѣ дѣло у насъ небывалое; во-вторыхъ—потому, что былъ онъ человѣкъ своего времени: съ кѣмъ слѣдовало кутилъ и въ картишки бился. Пожалуй и Никитенко умретъ, такъ тоже воспоютъ его, хотя отъ Никитенки до Грановскаго верстъ тысячу. Смѣшно, что Грановскаго вздумало оплакивать и Географическое общество: вотъ пользы-то для общества надѣлалъ! „Русскій Вѣстникъ“ тоже, я думаю, откроется плачемъ по Грановскомъ. Судя по программѣ, и еще болѣе по списку сотрудниковъ, будетъ этотъ журналъ такимъ-же безхарактернымъ, какъ и Петербургскіе. Хвастовства много: будетъ-де у насъ наука говорить языкомъ жизни. А кто-же пишетъ это? К...ъ. И кто этотъ извѣстный въ наукѣ и литературѣ В. К....ъ? И что путнаго могутъ сказать господа, подобные Сатину, Гр. Головачеву, Драшусовымъ и проч. И, какъ могутъ мириться убѣжденія Аксаковыхъ съ таковыми-же Огарева? Словомъ, программа „Русскаго Вѣстника“ произвела на меня впечатлѣніе самое непріятное — потому я и подписался на полученіе этого журнала: будетъ матеріаломъ больше для возбужденія желчи. За одно ужъ злиться.

---

[1]) Черезъ Савельева Кудрявцевъ просилъ у Григорьева матеріаловъ для біографіи Грановскаго.

„Бобровниковъ пріѣхалъ въ Оренбургъ ко мнѣ подъ команду, да заболѣлъ, бѣдняга, ревматизмомъ такъ, что двинуться не можетъ (....). За что меня печатаютъ сотрудникомъ Библіотеки для Чтенія? Неужели думаютъ, что это вѣсу придастъ? Или, ужъ отъ совершенной бѣдности [1])? Блудовъ президентомъ Академіи кажется дѣла не испортитъ. Слава Богу, что не нѣмецъ. А странно, почему въ этой нѣмецкой Академіи президенты все изъ русскихъ“? (12 декабря 1855 года).

Въ это время В. В. еще разъ оказалъ Академіи услугу, написавъ по ея порученію разборъ сочиненія П. И. Небольсина: О торговлѣ Россіи съ Средней Азіей.

„Знаешь ты также—писалъ Савельеву В. В.—что академія наукъ поручила мнѣ написать разборъ книги П. Небольсина о торговлѣ съ Средней Азіей, представленной на Демидовскій конкурсъ. Я принялся за дѣло съ удовольствіемъ, чтобы самому поближе познакомиться съ предметомъ, который мнѣ надо знать по службѣ, и о которомъ имѣлъ я до сихъ поръ самыя поверхностныя понятія. Результатомъ вышла рецензія въ 36 писаныхъ листовъ, или около 100 страницъ печати, въ которой есть кое-что весьма дѣльнаго. Жаль, что она напечатана будетъ въ отчетѣ о Демидовскихъ преміяхъ, гдѣ прочитаетъ ее, быть можетъ, одинъ только авторъ книги, да рецензентъ ея. Конецъ ея не худо-бы пробѣжать и тебѣ: штука патріотическая“. (Изъ письма отъ 13 марта 1856 года).

Первоначально академія хотѣла поручить составленіе рецензіи покойному Н. С. Щукину; но противъ этого постановленія возсталъ самъ авторъ книги, и тогда уже академія обратилась къ Григорьеву, какъ своему члену-корреспонденту.

Смерть Надеждина глубоко поразила Григорьева, хотя и былъ онъ подготовленъ къ этой весьма чувствительной утратѣ для Россіи, для русской науки. В. В. всегда любилъ и умѣлъ указывать на заслуги умершихъ, забывая при этомъ свои личныя неудовольствія на покойнаго, если таковыя прежде имѣли мѣсто, и не могъ переваривать людской неблагодарности въ подобномъ случаѣ. Такая неблагодарность случилась по отношенію къ Надеждину, и В. В. возсталъ противъ нея въ письмѣ къ Савельеву.

„Изо всего, о чемъ ты наболталъ ради утѣшенія и наставленія моего, преимущественно поразила меня неблагодарность Льва Алексѣе-

---

[1]) Въ «Библіотекѣ», безъ вѣдома Григорьева, объявили его въ числѣ сотрудниковъ.

вича къ Надеждину. Я надѣялся, что онъ не помянетъ лихомъ бывшаго своего подчиненнаго: „трусишка“ Надеждинъ служилъ ему такъ, какъ дай Богъ, чтобъ всѣ служили—завѣдуя раскольничьими дѣлами. И какихъ имъ надо „чиновниковъ“, и что разумѣютъ они подъ способностью или неспособностью быть чиновникомъ? Сперанскій, кажется, сдѣлалъ для Россіи не менѣе другихъ „чиновниковъ“. Неужели же идеалы чиновничества—А—въ и ему подобные „не ученые“ люди? Если для того, чтобы быть „чиновникомъ“, надо родиться дуракомъ и прожить жизнь подлецомъ, такъ не завидна честь принадлежать „достойно“ къ этому, нравящемуся властямъ, сословію.

„Впрочемъ, думали-же вѣдь до послѣдняго времени люди повыше Л. А., что и въ военные генералы не годятся ученые, теперь, кажется, разубѣдились, но хотятъ дѣлать ученыхъ и способныхъ посредствомъ экзаменовъ! Какъ ни кинь, все выходитъ клинъ. Не глупая женщина Екатерина думала нѣсколько иначе. Умѣнье администратора не въ томъ, чтобы всѣ его орудія выкроены были по одной мѣркѣ, а въ томъ, чтобы всякую способность приткнуть къ дѣлу, гдѣ она можетъ быть полезна. Да смѣшно и опровергать разсужденія въ родѣ высказанныхъ о Надеждинѣ. Не смотря на то, что ты напечаталъ уже „автобіографію“ его „съ прибавленіемъ“, и собираешься тиснуть „полную біографію“, я тоже намѣренъ сказать свое словцо о немъ; не знаю только удосужусь-ли. Разсужденій твоихъ въ Русскомъ Вѣстникѣ о нѣкоей программѣ я не прозѣвалъ, и сейчасъ-же увидѣлъ, куда бьешь (....). Хорошо и то, что поѣдешь въ Екатеринославъ. Коли нельзя дѣлать того, что нужно отечеству, такъ остается одно—шататься по этому отечеству. Горько теперь чувствовать себя русскимъ, да не вѣрится, чтобы и въ будущемъ выработалось что-либо, не смотря на „Бесѣды“ и „Россіи“ Хомяковыхъ, Меевъ и прочихъ. Журналами, каково-бы ни было ихъ направленіе, едва-ли сдѣлаешь на Руси чтò существенное.

„У насъ покой и застой. Мѣсто мое такое, что я могъ-бы быть полезенъ на немъ, и весьма полезенъ. Поэтому, перемѣны службы я не желаю. Но со дня на день противѣетъ мнѣ Оренбургъ своими сплетнями и интригами. Кабы взялъ Царь Василія Алексѣевича въ Питеръ, а Василій Алексѣевичъ взялъ-бы съ собою меня... но, вѣдь, опять не проживешь въ Питерѣ и двухъ лѣтъ, какъ тошно станетъ“. (Изъ письма отъ 17 апрѣля 1856 года).

Мало по-малу стали оставлять Оренбургъ и тѣ хорошіе люди, съ которыми сошелся тамъ В. В. Послѣ Глѣбова покинулъ Оренбургъ

В—въ. Собирались тоже сдѣлать и нѣкоторые другіе, какъ писалъ Савельеву В. В-чъ:

„Сегодня получилъ извѣстіе, что одинъ изъ лучшихъ моихъ здѣсь утѣшителей, Залѣсскій, прощенъ Государемъ съ возвращеніемъ дворянства, увольненіемъ отъ военной службы и дозволеніемъ возвратиться на родину. Радуюсь его радости; но вотъ еще отличный человѣкъ, который оставитъ Оренбургъ. Теперь дружу я только съ директоромъ здѣшней таможни, Лашкевичемъ—человѣкъ умный, образованный и любитъ Русь, какъ немногіе. Впрочемъ, и онъ собирается уѣхать отсюда. Тогда я останусь, какъ ракъ на мели, окруженный врагами, которые такъ и смотрятъ посадить меня въ горшокъ, сварить и съѣсть. Потомъ, пристала ко мнѣ лихорадка, отъ которой не могу отдѣлаться. Гомеопатія не помогаетъ даже (...). А знаешь, чѣмъ я забавляю себя въ свободныя минуты? Привожу въ порядокъ корреспонденцію мою съ пріятелями, которую, ты знаешь, я берегъ. Преинтересныя вещи открываю въ своей жизни; открылъ и то, что въ Одессу писалъ ты ко мнѣ длинныя и умныя письма, какихъ теперь уже не въ состояніи произвести. А жаль, какъ умрешь и напечатаю прежнія твои посланія, читатели необходимо придутъ къ заключенію, что съ лѣтами ты все глупѣлъ. Обо мнѣ, вотъ, такъ подобнаго заключенія не выведутъ: письма юности моей такъ пошлы, что хуже не могъ ужъ я сдѣлаться, и могъ только умнѣть, чѣмъ продолжаю заниматься и до сего дня—въ пику тебѣ“. (Изъ письма отъ 10 іюня 1856 года).

На торжество коронаціи по ходатайству В. В. отправлены были, въ качествѣ депутатовъ, нѣсколько киргизъ. Въ своемъ ходатайствѣ объ этомъ В. В. приводилъ такія соображенія: „Нѣсколько благообразныхъ фигуръ въ расшитыхъ золотомъ высокихъ шапкахъ и парчевыхъ или бархатныхъ съ богатымъ галуномъ кафтанахъ, не повредили бы, я думаю, эффекту торжества. Издержекъ большихъ это не потребуетъ. Что же касается до правительственнаго значенія подобной посылки, то я нисколько не сомнѣваюсь, что эта мѣра въ десять разъ будетъ дѣйствительнѣе для внушенія ордынцамъ расположенія и уваженія къ Россіи, чѣмъ десять военныхъ экспедицій въ Степь и всевозможные циркуляры Комиссіи. Киргизы, бывшіе въ Петербургѣ и видѣвшіе великолѣпіе двора нашего, многочисленность и блескъ войскъ, множество городовъ и пр. и пр., возвращались въ Орду совсѣмъ не тѣми уже людьми, какими выѣзжали изъ нея, и перемѣна эта выражалась потомъ благодѣтельно и въ ихъ служебной дѣятельности. Извѣстно, что восточная часть орды рѣзко отличается отъ двухъ остальныхъ своимъ спокойствіемъ и

относительнымъ благоденствіемъ; этимъ обязана она преимущественно покойному правителю Ахмеду, а на его преданность Россіи большое вліяніе имѣло пребываніе его въ Петербургѣ. Если нѣкоторыя части Степи и теперь еще непокорны, то не по чему иному, какъ по незнанію Россіи. Я увѣренъ, что Кутебаровъ и ему подобные завтра же обратились бы въ самыхъ смирныхъ людей, еслибъ только увидѣли своими глазами, что такое Россія; а то дикари эти думаютъ, что Россія—если не тоже, что Хива, такъ хуже".

XV.

Много приходилось В. В. писать разныхъ бумагъ, проектовъ, вообще работалъ онъ много, только въ печать выступалъ рѣдко. Но подобное безучастіе продолжаться долго не могло. Не такой человѣкъ былъ В. В., чтобы хранить свои мысли про себя, и хотя мало имѣлъ досуга для литературныхъ занятій, но давно желалъ выступить на поприще публицистики. Когда появилось объявленіе объ изданіи „Русской Бесѣды", направленію которой В. В. не могъ не сочувствовать, задумалъ онъ сдѣлать и свой вкладъ въ этотъ журналъ. Но пребываніе въ городѣ, лишенномъ всякихъ ученыхъ пособій, не позволяло В. В-чу писать для Бесѣды по прежнимъ спеціальнымъ предметамъ его занятій. Приходилось по необходимости ограничиться матеріаломъ, какой можно было извлечь изъ памяти и портфеля—написать статью біографическаго содержанія, тѣмъ болѣе, что смерть, постигшая въ послѣднее время одного за другимъ нѣсколькихъ замѣчательныхъ людей, съ которыми въ разные періоды ихъ жизни былъ онъ болѣе или менѣе близокъ, вызывала его на эту грустную работу. Думалъ В. В. написать біографическую статью о Надеждинѣ, но отсутствіе ученыхъ пособій препятствовало В. В. изложить свое мнѣніе объ ученыхъ заслугахъ Надеждина съ тою отчетливостію, какъ это ему хотѣлось сдѣлать. О Грановскомъ, между тѣмъ, друзья его требовали матеріаловъ отовсюду, потому В. В. и рѣшился напечатать нѣкоторыя изъ сохранившихся у него писемъ Грановскаго, присоединивъ къ нимъ личныя воспоминанія. Ограничься Григорьевъ только этимъ, и дѣло прошло бы совершенно благополучно, да кромѣ того получилъ бы онъ еще и благодарность отъ друзей и почитателей покойнаго. Но для В. В. этого было мало. Для него Грановскій жилъ не отдѣльно отъ другихъ, жилъ не безъ связи съ обществомъ, не безъ взаимнодѣйствія ихъ другъ на друга. И вотъ, пришлось затронуть

вопросы, имѣвшіе близкую связь съ этимъ обществомъ, вопросы о воспитаніи и образованіи, о которыхъ много думалъ и которые давно уже волновали В. В.

Принимаясь за подобную статью, В. В. не долженъ былъ надѣяться и расчитывать, чтобы она произвела благопріятное для него впечатлѣніе. Прямо, безъ всякихъ оговорокъ высказывалъ онъ образъ мыслей, который могли раздѣлить весьма немногіе, безпристрастные, основательно образованные и самостоятельно развившіеся люди, который для плохо учившагося и самолюбиваго большинства былъ непонятенъ, а для извѣстной литературной партіи долженъ былъ казаться нестерпимою личною обидою. Между тѣмъ, партія эта, состоявшая изъ людей сколько талантливыхъ столько-же и самолюбивыхъ, привыкшихъ мнѣнія свои считать за коранъ, внѣ котораго нѣтъ ни истины, ни знанія, и высказывать эти мнѣнія диктаторски, партія эта готова была преслѣдовать тѣхъ, кого считала за враговъ убѣжденій своихъ, преслѣдовать всѣми средствами, не разбирая, позволительны они или нѣтъ. В. В. зналъ это очень хорошо, зналъ издавна, зналъ по опыту не только литературному, будучи обстрѣлянъ съ молоду, но и жизненному. Онъ долженъ былъ ожидать со стороны той партіи самыхъ придирчивыхъ нападокъ, самыхъ ловкихъ и неожиданныхъ ударовъ, самаго, пожалуй, недобросовѣстнаго образа дѣйствій, долженъ былъ ожидать, что большинство публики, не привыкши разбирать дѣла основательно и безъ увлеченія, не станетъ на его сторону; а тѣ, которые будутъ ему сочувствовать, сочувствіе это не выразятъ печатно, чтобы не подпасть подъ такіе-же удары, которые посыплются на автора статьи. Все это В. В. предвидѣлъ, и тѣмъ не менѣе писалъ, какъ считалъ себя обязаннымъ писать. Но, при всей своей опытности, онъ никакъ не ожидалъ, что статья его приведетъ извѣстный кружокъ въ такое ожесточеніе, что нападки его превзойдутъ всякую мѣру, выйдутъ изъ границъ. Вопреки литературнымъ правиламъ, предметомъ обвиненій, насмѣшекъ и придирокъ всякаго рода стала не самая статья, а личность ея автора. Закидать его грязью, во что бы то ни стало, сдѣлалось главною цѣлью критики противъ него направленной. Своими опасеніями нажить новыхъ враговъ В. В. подѣлился съ Савельевымъ: „Пожалуста пиши всегда умно, помня, что по смерти твоей напечатаю всѣ твои письма, какъ напечаталъ письма Грановскаго. Говорю „напечаталъ“, потому что теперь должна печататься статья моя объ немъ, посланная въ „Рускую Бесѣду“. Большую статью наваляль, съ философіею. Глупа или умна эта работа моя, не знаю, потому что первый разъ еще писалъ въ такомъ родѣ. Есть въ ней и о тебѣ mention honorable, да-

же нѣсколько разъ. Я думаю, что это единственное произведеніе мое, которое прочитаешь ты, не зѣвая отъ начала до конца. Много враговъ наживу я этою статьею, если только цензура пропуститъ ее цѣликомъ. И о себѣ, и о тебѣ нахвасталъ, Петрова чуть въ святые не произвелъ, а Грановскому досталось. Впрочемъ, все еще не довольно откровенно (...). Въ высокій слогъ пускаюсь, какъ видишь[1]). Это тоже со страху—что ты напечатаешь мои письма, если умру прежде тебя (.....). Въ настоящее время всѣ мы здѣсь сами не свои. Волненіе по всему городу. Ожидаютъ со дня на день, что вотъ-вотъ выдетъ приказъ: „генералъ-губернаторомъ въ Оренбургѣ быть Катенину". Это будетъ непремѣнно. Неизвѣстно только, что сдѣлаютъ изъ В. А. Перовскаго (....). Переворотъ этотъ долженъ отразиться и на моей особѣ. Если будетъ возможность, постараюсь перейти въ Питеръ. По поводу коронаціи не украсился я ничѣмъ, а представленъ былъ. Перовскій повторилъ представленіе, но если не усидитъ на мѣстѣ еще нѣсколько времени, то и со вторымъ представленіемъ можетъ послѣдовать тоже, что произошло съ первымъ. Прочіе иные между тѣмъ всѣ получили здѣсь что-либо. Подлая зависть гложетъ меня. Этого по смерти мой не печатай, а скажи: „покойникъ не былъ охотникъ до звѣздъ, оттого и не получалъ ихъ". Думалъ тоже, что къ зимѣ побываю съ В. А. въ Питерѣ. Теперь и отъ этой надежды должно отказаться."

„Обѣщалъ я „Бесѣдникамъ" написать статью о Надеждинѣ. Но если ты рѣшительно намѣренъ издавать его біографію, то я откажусь отъ своей затѣи. Напиши мнѣ толкомъ объ этомъ. Въ случаѣ положительнаго обѣщанія произвести полный трактатъ о покойномъ Н. И., я воспоминанія свои объ немъ и замѣтки о значеніи разныхъ ученыхъ трудовъ его преподнесу тебѣ для включенія въ твою работу."

„Прощай. Будь здоровъ и готовься кормить меня на свой счетъ, когда Катенинъ прогонитъ меня изъ комиссіи". (15 сентября 1856 г.).

Предполагавшаяся смѣна начальника края не могла не встревожить В. В. Онъ также хотѣлъ послѣдовать за Перовскимъ и готовился оставить Оренбургъ. Назначеніе на мѣсто оренбургскаго и самарскаго генералъ-губернатора А. А. Катенина было уже дѣломъ рѣшенымъ, но не сразу вступилъ онъ въ отправленіе своей должности. На время Перовскій былъ оставленъ по прежнему правителемъ края, а Катенинъ въ качествѣ кандидата командированъ въ Оренбургъ, чтобы „поучиться"

---

[1]) Изложенное «высокимъ слогомъ» выпущено.

у Перовскаго и предварительно ознакомиться съ мѣстомъ своей будущей административной дѣятельности.

Едва-ли кто въ Оренбургѣ работалъ такъ много, за себя и за другихъ, какъ В. В., и нельзя сказать, чтобы его дѣятельность вознаграждалась съ избыткомъ. В. В. не принадлежалъ къ числу тѣхъ лицъ, которые кромѣ оффиціальныхъ наградъ сами, иными средствами, умѣютъ вознаграждать себя за свои труды. Вотъ почему В. В. всегда жилъ по средствамъ, которыми къ тому-же долженъ былъ еще дѣлиться съ бѣдными родственниками своими. Въ Оренбургѣ онъ не задавалъ баловъ для пріобрѣтенія расположенія оренбургскаго общества, не дѣлалъ пріемовъ, къ чему обязывало его даже занимаемое положеніе, а просторная квартира давала къ тому полную возможность. Вотъ почему денежныя награды В. В. предпочиталъ всякимъ другимъ. „Чины и звѣзды—говорилъ онъ—человѣку безъ связей и средствъ жизни больше тягость, чѣмъ награда“. Не обладая крѣпкимъ здоровьемъ и сознавая опасность съ выходомъ изъ службы остаться на первое, по крайней мѣрѣ, время въ бѣдственномъ положеніи, только разъ рѣшился В. В. просить у Перовскаго денежной награды, для обезпеченія себя на случай одного изъ тѣхъ переворотовъ, которымъ такъ подвержена жизнь чиновника, существующаго только жалованьемъ. Но и на эту просьбу рѣшился В. В. послѣ того лишь, какъ убѣдился, что Перовскій иначе награждаетъ другихъ чиновниковъ, даже такихъ, службу которыхъ онъ самъ считалъ безполезною, и тѣмъ не менѣе находилъ нужнымъ справляться, какую они хотятъ получить награду.

„Всю эту недѣлю — писалъ онъ В. В. Вельяминову-Зернову—я былъ въ увѣренности, что скоро увижусь съ вами въ Питерѣ, да и теперь еще думаю, что надежда эта можетъ осуществиться. Дѣло въ томъ, что я затѣялъ съ В. А. рѣшительную размолвку, которая можетъ кончиться съ моей стороны просьбою объ увольненіи отъ должности. Преобладаніе подлецовъ доходитъ здѣсь до громадныхъ размѣровъ. К. въ полномъ сіяніи (....). Я подавалъ ужъ просьбу объ отставкѣ (это между нами) и совсѣмъ не потому, чтобы не хотѣлъ служить при Катенинѣ, а потому, что недоволенъ былъ В. А-чемъ. Просьбу не приняли; но вообще я не проченъ въ Оренбургѣ, хотя и въ другомъ мѣстѣ ровно ничего не имѣю въ виду. Такъ, храбрость какая-то обуяла. Надоѣло бумаги писать за другихъ. Да и климатъ оренбургскій мнѣ вреденъ, а особенно, если, какъ я, сидѣть все на мѣстѣ“.

31 декабря 1856 г. Катенинъ пріѣхалъ въ Оренбургъ. Здѣсь Перовскій прежде всего посовѣтовалъ ему удержать на службѣ самаго необ-

ходимаго для края человѣка, по своимъ способностямъ и по знанію Азіи,—предсѣдателя пограничной комиссіи. Оба начальника, настоящій и будущій, стали упрашивать В. В. не оставлять своего поста. Вслѣдствіе такого выгоднаго положенія, въ какомъ очутился Б. В. въ служебномъ отношеніи, не расчетливо было съ его стороны искать новой должности, и онъ согласился продолжать службу въ Оренбургѣ и при Катенинѣ.

Въ III книжкѣ „Русской Бесѣды“ появилась первая половина статьи В. В. о Грановскомъ, и вслѣдъ затѣмъ посыпались нападки па автора статьи. Прежде всѣхъ разразились „Отечественныя Записки“ замѣткой Головачева. „Что за пакостная статья Головачева—писалъ Григорьеву Савельевъ—направленная противъ твоей особы въ Отечественныхъ Запискахъ; давно не читалъ ничего гаже! И плюнуть не стоитъ! А знакъ хорошій: значитъ, даже начало статьи за живое задѣло этихъ господъ! Всѣ эти господа европеисты одного покроя: на словахъ невѣсть какія добродѣтели, а на дѣлѣ тѣ-же Булгарины (....). Ты забылъ о Грановскомъ одинъ знаменательный фактъ: первая печатная его статья въ Б. для Чт. была *гастрономическая*: „О современномъ состояніи кухни въ Европѣ“ (изъ письма отъ 30 ноября 1856 г.).

Окончаніе статьи о Грановскомъ произвело въ редакціи „Бесѣды“ большое впечатлѣніе. Кошелевъ писалъ Григорьеву: „Не нахожу словъ, чтобъ достойно отблагодарить васъ за присылку второй половины статьи о Т. Н. Грановскомъ. Я прочелъ ее съ истиннымъ наслажденіемъ и не нахожу нужнымъ измѣнить въ ней ни единаго слова. Статья написана живо, дѣльно, умно и правдиво. Я зналъ Т. Н. хотя не коротко, но порядочно; искренно любилъ его и услаждался его бесѣдою: бывало заѣдешь къ нему на полчаса, а просидишь три часа. Изъ западниковъ онъ былъ самый живой и самый симпатичный человѣкъ. Мѣсто, гдѣ вы говорите объ изученіи Востока у насъ на Руси и о методѣ знакомства съ Западомъ—превосходно, и стоитъ цѣлой статьи о Русскомъ воззрѣніи. Что дѣлать: наши противники не *хотятъ* насъ понять, или мы *не умѣемъ* осязательно выражаться. Думаю, что есть и тотъ и другой грѣхъ (....). Ваша послѣдняя статья меня такъ съ вами сблизила, что мнѣ какъ-то не вѣрится, что мы все еще незнакомы матеріально“. (Изъ письма отъ 29 сентября 1856 г.).

Статья Григорьева о Грановскомъ имѣла рѣшительный успѣхъ. Люди безпристрастные хвалили ее безусловно; литераторы другаго лагеря ругали на-повалъ. С.-Петербургскія Вѣдомости разразились бранью (въ № 12-мъ 1857 г.), Кавелинъ послалъ свою филиппику въ Московскія

Вѣдомости. Удивительнѣе всего, что восхваленный Петровъ оскорбился статьей Григорьева и порвалъ съ нимъ всякую связь, забывъ все прошлое. Московскіе бывшіе студенты на обѣдѣ въ Татьянинъ день въ Шахматномъ клубѣ кричали: Pereat Grigorieff! Готовилась критика Павлова для Русскаго Вѣстника.

Этотъ походъ противъ Григорьева и самый способъ полемики ставилъ В. В-ча въ невозможность отвѣчать своимъ противникамъ. Слѣдовало или молчать, или отвѣчать имъ не прямо, а косвенно, продолжая развивать свои взгляды еще дальше. Но все это приводило его въ раздраженіе, которое и замѣчаемъ въ письмѣ его къ Савельеву:

„Наконецъ ты рѣшился пріобрѣсти безсмертіе, написавши ко мнѣ письмо, которое-бы, со временемъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, я могъ напечатать. Напечатать-то напечатаю, но съ такимъ комментаріемъ, какъ о Грановскомъ, отъ котораго кости твои въ гробу перевернутся; докажу при этомъ случаѣ, какой ты былъ мошенникъ, и какой самъ я прекраснѣйшій человѣкъ. Не правда-ли, вѣдь и статья о Грановскомъ не съ какою другою цѣлію написана. Только придрался къ Грановскому, чтобы себя расхвалить. Это ясно, какъ день. Но для меня ясно также, что правду никогда нельзя высказывать безнаказанно, не смотря на то, я при случаѣ опять готовъ высказать ее, какъ-бы отвратительно ни разругали меня за Грановскаго. О Надеждинѣ хотѣлъ я написать статью въ pendant къ этой, показать разборомъ его трудовъ, что̀ такое русскій ученый, къ чему приводитъ основательное ученье. Это было-бы въ пику и назиданіе Западникамъ. Не знаю, въ какомъ духѣ будешь писать ты о Надеждинѣ, но если станешь, какъ Б....... или Соловьевъ, кланяться и нашимъ и вашимъ, такъ я прокляну тебя въ Уфимскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ, потому что въ другія изданія меня печататься не пустятъ. Общимъ хоромъ отпѣли Ф.....ва (......); меня живьемъ похоронятъ за Грановскаго. Но изъ этихъ примѣровъ не слѣдуетъ, что ты долженъ оставаться цѣлъ. Нѣтъ, братъ, я въ омутъ, и ты за мной полѣзай. Такъ ужъ намъ на роду написано. Поэтому, если въ „Запискахъ“ твоихъ о Надеждинѣ не будетъ рѣшительнаго цвѣта, я не только строки къ нимъ не прибавлю, а и рукопись твою сожгу (....). Мнѣ-бы хотѣлось, чтобъ по поводу каждаго сочиненія Надеждина показано было, въ какомъ положеніи находился предметъ до него, сколько знаменитостей писали о томъ-же, и какъ всѣ они врали. Геродотова Скиѳія — отличный сюжетъ для такого труда. Надо выставить также, что Надеждинъ первый понялъ этнографію, какъ науку. При статьѣ о Географіи древней Руси (въ Б. д. Чт.) надо показать, какъ обобралъ Недеждина Со-

ловьевъ въ первомъ томѣ своей Русской Исторіи. Слава Надеждина — дѣло общерусское, потому я готовъ служить тебѣ изо всѣхъ силъ. Во введеніи необходимо сравнить ученыхъ нашихъ изъ духовныхъ академій и ученыхъ изъ университетовъ, и восхвалить духовныя академіи и тамошнюю систему ученья. Кто-жъ у насъ по какой либо части написалъ такой трудъ, какъ Догматическое Богословіе Макарія; кто-жъ работалъ до сихъ поръ по Философіи, какъ не воспитанники духовныхъ училищъ? „Георгія Чернаго" обѣщалъ я послать Кошелеву, и пошлю, но съ тѣмъ, чтобы онъ переслалъ ее (статью) къ тебѣ. Да къ чему-же цензура министерства иностранныхъ дѣлъ? Развѣ нельзя безъ нея обойтись."

„Всѣ мы свиньи, и пусть-бы были ими, да уцѣлѣла Русь; а то мало надежды. Что любишь, за то и боишься. А вѣры въ будущее нѣтъ во мнѣ (....). Да неужели-же ты да я, да еще съ десятокъ любитъ Русь и понимаютъ въ чемъ дѣло, а всѣ прочіе (....). Странно что-то, потому что неестественно. Можетъ быть, какъ дойдетъ до нѣльзя, такъ у многихъ откроются глаза. Катенинымъ я покуда доволенъ и весьма доволенъ. Все понимаетъ и хорошо понимаетъ. Каковъ-то будетъ на дѣлѣ. Пусть-бы я и не ужился съ нимъ, да лишь-бы край-то и Киргизики мои остались въ хорошихъ рукахъ. Отъ Катенина перехожу ни съ того, ни съ сего къ Дружинину. Видѣлъ ты ноябрьскую и декабрьскую книжки Библ. д. Чтенія, читалъ статью его о критикѣ Гоголевскаго періода? Вѣдь добросовѣстно, братъ Савка; только на долго-ли хватитъ у него добросовѣстности, когда увидитъ, какъ возстанутъ на него Современники, Вѣстники и Записки. Вѣдь сказать правду о Бѣлинскомъ такъ-же не легко, какъ и о Грановскомъ. Спроси у Дружинина, хотя черезъ Бенедиктова, хочетъ-ли онъ моихъ статей объ Оренбургскомъ краѣ. Я знаю, что онъ просилъ таковыхъ у людей безграмотныхъ. Лѣтомъ, быть можетъ, я бы удосужился написать что-нибудь путное о Башкирцахъ, а быть можетъ и то, что весною самъ прикачу въ Питеръ". (24 января 1857 г.).

Написать біографію Надеждина уговаривалъ В. В. и Погодинъ. Въ письмѣ своемъ онъ говорилъ:

„Цѣль и побужденіе моей настоящей писульки есть, впрочемъ, чисто литературное. Давно, прежде статьи вашей о Грановскомъ, хотѣлъ я пристать къ вамъ, чтобы вы написали воспоминаніе о Надеждинѣ. Я считалъ ее даже вашей обязанностію и передъ покойнымъ и передъ литературою. Кажется я писалъ даже къ вамъ объ ней. Теперь эта статья сдѣлалась необходимостію и собственно для васъ. Потому-то я

и собрался наконецъ написать къ вамъ. На васъ, по поводу статьи о Гр., поднимается страшная гроза. Чинятъ перья и проч. Это бы ничего, но досадно приписаніе вашей статьи зависти, мщенію и тому под. глупостямъ и гадостямъ. Толковать и спорить съ этими господами невозможно, а статьею о Надежд., въ которой вы искренно скажете свое мнѣніе безпристрастное о другомъ человѣкѣ, также вамъ близкомъ, бросится вѣрный свѣтъ и на первую статью, покажется ея настоящая цѣль. Въ статьѣ о Гран. слѣдовало-бы исключить нѣсколько строкъ" (21 февраля 1857 г.). Настаивалъ онъ на томъ-же и въ письмѣ отъ 24 апрѣля: „Отвѣчать вамъ на ругательства не слѣдуетъ. На мнѣніе Собесѣдниковъ полагаться не должно. Эти люди прекрасные, но не мужи совѣта. Я стою на прежнемъ: написать статью о Надеждинѣ, которая нужна именно отъ васъ, и безъ отношенія къ послѣдней полемикѣ (....). Въ заключеніе, въ Post-scrip. вы скажете: я сказалъ откровенно свое мнѣніе о Над., какъ объ общественномъ дѣятелѣ, точно также, какъ сказалъ откровенно о Грановскомъ. Мнѣ очень жаль, что послѣдняя статья растолкована въ кривую сторону. О себѣ говорилъ я тамъ, думая, и проч. (....). Послѣ напечатанія статей противъ васъ, въ публикѣ у насъ примѣтна стала реакція въ вашу пользу".

Но біографію Надеждина Григорьевъ не собрался написать, не смотря на частыя напоминанія Погодина, по недостатку подъ рукою матеріаловъ въ первое время, а потомъ было ему уже не до того. Только разъ, сколько мнѣ извѣстно, помянулъ онъ Надеждина, и то мимоходомъ, въ Географическомъ Обществѣ по поводу предѣловъ области Этнографіи, чего, говорилъ онъ, и до сихъ поръ никто еще изъ западныхъ ученыхъ не опредѣлилъ: „Первый опытъ такого опредѣленія сдѣланъ былъ русскимъ ученымъ—покойнымъ Надеждинымъ, и сдѣланъ, по мнѣнію нашему, вполнѣ удачно: статья, его, въ которой разбирается этотъ вопросъ, составляетъ едва-ли не драгоцѣннѣйшій перлъ въ Запискахъ нашего Общества (т. II). Это не болтовня человѣка о предметѣ кругомъ да около, а голосъ одной изъ самыхъ систематическихъ головъ, какія только производила природа въ послѣднее время".

Что-же В. В. хотѣлъ сказать своею статьею о Грановскомъ и почему она весьма многими признана оскорбительной для памяти покойнаго?

Оскорбиться можно было-бы въ томъ случаѣ, если-бъ В. В. намѣренно исказилъ факты, старался такъ или иначе оклеветать нѣкогда близкаго себѣ человѣка. Ничего подобнаго онъ не сдѣлалъ, а сказать правду, какова-бы она ни была, про общественнаго дѣятеля, ставшаго

уже достояніемъ исторіи, нельзя разсматривать, какъ поступокъ предосудительный. Теперь мы можемъ смотрѣть на дѣло хладнокровнѣе, безпристрастно и по достоинству оцѣнить тѣ мысли, которыя В. В. рѣшилъ отдать на судъ публики. В. В. старался показать разницу между основательнымъ и поверхностнымъ изученіемъ того или другаго предмета. Ограничиваться тѣмъ только, что усвоивать послѣдніе результаты науки на западѣ, значило въ его глазахъ хватать не болѣе, какъ верхи; увлекаться безотчетно всѣмъ иностраннымъ, какого-бы достоинства это иностранное ни было, считалъ онъ вреднымъ для нашего отечества потому, что такіе люди обыкновенно измѣняютъ свои взгляды и убѣжденія съ каждою книгою, вновь полученною изъ-за-границы. Всѣ ученыя и соціальныя системы на западѣ непремѣнно находили у насъ послѣдователей. Въ 30-хъ и 40-хъ годахъ у насъ расплодились гегелисты, потомъ ихъ смѣнили фурьеристы и прудонисты, потомъ мы всѣ подѣлались фритредерами и т. д. И всѣ стремились, каждый по своему, перекроить русскую жизнь по западнымъ образцамъ. Такое ложное и вредное отношеніе нашей интеллигенціи къ народу не могло не волновать В. В. Спасеніе отъ зла видѣлъ онъ только въ самостоятельности умственной и гражданской жизни народа, и ратовалъ за то, чтобы русскіе ученые самостоятельно двигали науку, а не плелись-бы только въ хвостѣ западной Европы. А возможно-ли это, если мы будемъ презирать все родное и благоговѣть предъ всѣмъ иностраннымъ?

Обличая ложность русскаго европеизма, В. В. говорилъ, что Русскимъ надо быть Русскими, что пора перестать намъ думать чужимъ умомъ, то есть, проповѣдывалъ идеи, которыя не могли придтись по вкусу „иностранцамъ домашняго издѣлія“. Говорилъ о вредѣ, проистекающемъ для русской науки отъ командированія на западъ еще не установившихся молодыхъ людей для приготовленія ихъ къ ученой дѣятельности, нисколько въ то-же время не умаляя значенія самой науки въ западной Европѣ. Какъ истинно русскій человѣкъ, имѣвшій свои собственные взгляды на нужды и потребности Россіи, В. В. и счелъ своимъ долгомъ высказать то, что давно уже наболѣло у него на сердцѣ. Въ этомъ и заключается главная суть статьи. Но нельзя не согласиться съ Савельевымъ, что письма Грановскаго вовсе не заслуживали такого комментарія, какимъ снабдилъ ихъ Григорьевъ. Грановскій, какъ ученый, не создалъ у насъ никакой школы, да и создать ее не могъ потому, что ни въ чемъ не проявилъ самостоятельности въ своихъ трудахъ.

Въ полемику другаго рода вступилъ В. В. уже по служеб-

нымъ обязанностямъ: ему пришлось писать опроверженіе на проектъ желѣзной дороги черезъ Усть-Уртъ. Объ этомъ проектѣ онъ выразился очень рѣзко: „Есть-же ослы—говорилъ онъ—которымъ могутъ приходить въ голову подобные проекты. Гдѣ можно и должно, подъ носомъ у себя не дѣлаютъ ничего, а лѣзутъ съ затѣями на Усть-Уртъ, понятія не имѣя ни о краѣ, ни о торговлѣ, которую хотятъ расширять (....). Въ странное время мы живемъ! Не далѣе, какъ года четыре тому, всякія, самыя простыя, самыя практическія соображенія объ измѣненіи установившагося порядка считались бреднями, и забраковывались, какъ ни къ чему негодный товаръ. Перемѣнились декораціи—и нѣтъ теперь такой теоретической и практической пошлости, которая-бы не нашла сторонниковъ, не возбудила сочувствія въ томъ или другомъ журналѣ. А какъ подумаешь—иначе и быть не можетъ: одна крайность всегда вызываетъ другую. Прежде надо было втолковывать, что застой не есть устойчивость, теперь приходится проповѣдывать, что суета не есть прогрессъ. Матеріальные успѣхи западной Европы колютъ намъ глаза, хотѣлось-бы „догнать“ ее, и мы стремимся къ этому—какъ школьники, которымъ хотѣлось-бы быть взрослыми людьми: мѣняемъ курточку на фракъ, фуражку на круглую шляпу, повязываемъ галстухъ, и отправляемся гулять по Невскому проспекту. Все-бы это было смѣшно, и болѣе ничего, если-бы время-то не уходило, и пока мы забавляемся игрою въ прогрессъ, другіе на самомъ дѣлѣ не двигались-бы впередъ. Не желѣзныхъ дорогъ черезъ Усть-Уртъ, не телеграфической проволоки черезъ Алеутскую гряду надо намъ. Чтобы не сгнить окончательно и не пасть подъ напоромъ западной Европы, намъ нужно прежде всего—чтобы руки у насъ были развязаны, чтобы ослабленъ былъ гнетъ централизаціи, чтобы въ Астрахани, въ Перми, въ Черниговѣ могли люди подумать о своихъ нуждахъ своимъ умомъ, и предпринять что-нибудь, исключительно до нихъ касающееся, безъ цензуры и контроля хозяйственныхъ департаментовъ и попечительныхъ комиссій, чтобы, однимъ словомъ, пробудилась отъ двухъ-вѣковаго сна народная жизнь и самостоятельность“.

Много хлопотъ было у В. В. съ Катенинымъ, который знакомился съ дѣлами, съ краемъ и съ будущими своими сослуживцами. Въ половинѣ февраля Катенинъ уѣхалъ въ Петербургъ, чтобы лѣтомъ вернуться къ своему посту. Будущій генералъ-губернаторъ произвелъ на В. В. очень пріятное впечатлѣніе, какъ видимъ это изъ письма его къ В. В. Вельяминову-Зернову: „У насъ, пока хорошо. Я ожидалъ увидѣть въ Катенинѣ петербургскаго генерала, а нашелъ такого умнаго человѣка,

какихъ давай Богъ побольше. Каковъ будетъ онъ на дѣлѣ, Аллахъ вѣдаетъ, но обѣщаетъ много добраго. Ласковъ со всѣми, свѣдѣнія свои почерпаетъ не только изъ указанныхъ источниковъ, но и всякихъ другихъ. Степью крайне интересуется. Что меня болѣе всего радуетъ, это не то, что онъ понимаетъ быстро и вѣрно чужую мысль, а самъ вырабатываетъ такія истины, которыхъ никакъ ужъ не могъ почерпнуть ни изъ книгъ, ни изъ разговоровъ. Если дѣло пойдетъ такъ и впередъ, черезъ полгода онъ будетъ понимать Азію не хуже меня, а знать объ ней болѣе моего. Кажется, я не дурно рекомендую будущаго начальника. Къ чести В. Алекс. должно сказать, что онъ выбралъ себѣ преемника по совѣсти; а еще болѣе чести дѣлаетъ ему то, что онъ, видя эффектъ Катенина, не завидуетъ ему. Когда Катенинъ познакомится поближе со степью, и передамъ я ему мой взглядъ на нее, и онъ усвоитъ его толкомъ, а можетъ и улучшитъ, тогда и мнѣ легче будетъ оставить моихъ киргизиковъ, къ которымъ я эйнъ бисхенъ привязался. Жаль было-бы бросить ихъ на руки какого-нибудь скота или дурака. Я зналъ, сколько враговъ и ругановъ наживу, если стану писать о Грановскомъ какъ слѣдуетъ, и все-таки рѣшился писать. Такая ужъ натура безстрашная и нерасчетливая. А Грановскій мой больно не полюбился большимъ дѣтямъ. Пишутъ мнѣ изъ Москвы, что тамъ собираются сжечь меня живаго, если только покажусь въ Бѣлокаменную. Оттого и сижу въ Оренбургѣ, всякія попеченія о поѣздкѣ въ Питеръ отложилъ". (Изъ письма отъ 22 января 1857 г.).

Между тѣмъ В. В. засѣлъ за отчетъ пятнадцатилѣтней дѣятельности Перовскаго въ Оренбургскомъ краю. Со стороны В. В. это было и благодарностію, и любезностію по отношенію къ уходившему начальнику. Дѣло само по себѣ очень утомительное, и если послѣдній періодъ управленія Перовскаго краемъ не представлялъ для В. В. особенныхъ затрудненій, то обработка перваго требовала и большихъ усилій и много времени. Чтобы написать отчетъ, В. В. подалъ рапортъ о болѣзни, а потомъ и дѣйствительно заболѣлъ лихорадкою, которая часто стала посѣщать его. Но и больной, не оставлялъ онъ принятаго на себя дѣла.

„У насъ съ отъѣздомъ Катенина все впало въ обычную летаргію (писалъ онъ г. Вельяминову-Зернову). Я съ утра до ночи пишу отчетъ В. А., и не знаю, хватитъ-ли у меня силъ дожить до лѣта. А глупо умереть подъ тяжестью такого подвига". (Изъ письма отъ 12 марта 1857 г.). Далѣе, въ другомъ письмѣ: „Я продолжаю сидѣть надъ отчетомъ Василія Алексѣевича, развлекаясь отъ времени до времени и другими бумажками, отъ его-же имени пишущимися; но существенную ра-

дость причинила мнѣ Внутренняя орда: первый разъ сдѣлала что-нибудь порядочное — произвела на свѣтъ кладъ изъ золотоордынскихъ монетъ, которыя я и разбираю. Нашелъ нѣсколько новыхъ варіантовъ и два совершенно неизвѣстные вида: монеты еще прежде открытаго мною Джанибека II. Да здравствуетъ Внутренняя орда! Послѣ этого ни о чемъ прочемъ и писать не стоитъ. Спросить развѣ вашу милость, отчего Бобровникова опредѣлили исправляющимъ должность совѣтника, а не прямо совѣтникомъ, когда онъ по чину можетъ занимать эту должность? Что— это, новая любезность Ковалевскаго въ отношеніи ко мнѣ, или такъ представляли изъ Оренбурга? Читали, какъ отдѣлываютъ меня въ „Отечественныхъ Запискахъ“? Погодите, справлюсь со временемъ, дамъ опять западникамъ такого туза, что любо-дорого будетъ. Не на таковскаго напали, чтобъ можно было запугать. Видали ужъ мы виды. Да и то сказать, что теперь ужъ я неуязвимъ: хуже того, что написали, не напишутъ. Истощены всевозможныя ругательства, сдѣланы самые гнусные намеки. Ну, да чортъ съ ними. Меня это не очень трогаетъ. Я привыкъ, чтобъ меня ругали. При случаѣ, и самъ вѣдь не прочь протереть очки другому“. (Изъ письма отъ 31 марта 1857).

Въ письмѣ отъ 4 мая къ тому-же лицу В. В. сообщалъ: „Скажу вамъ, что надувательство даромъ не проходитъ: рапортуясь больнымъ, я точно былъ здоровъ и писалъ отчетъ, какъ предположили вы весьма основательно; но за-то теперь, сказываясь здоровымъ, я хвораю—опять лихорадка. Кажется, оставаясь въ Оренбургѣ, я никогда не отвяжусь отъ нея. А отчетъ все таки не конченъ, далеко не конченъ, и приходится работать больному, что вовсе никуда не годится. Единственнымъ утѣшеніемъ служитъ надежда, что мѣсяца черезъ полтора, если не умру къ тому времени, поѣду въ Степь“.

Но какъ ни былъ заваленъ В. В. всякой канцелярской работой, чиновничество не заѣло его. Всякому ученому предпріятію онъ горячо сочувствовалъ и готовъ былъ содѣйствовать по мѣрѣ силъ. Въ томъ-же письмѣ читаемъ:

„Обрадовали вы меня извѣстіемъ объ изданіи *Азіатскаго Сборника*. Дѣло такъ хорошо, что, я боюсь, не состоится. Чтобы не испугать начальства, я бы совѣтовалъ вамъ не помѣщать на первое время ничего особенно замѣчательнаго, какъ напримѣръ донесенія Витковича. Ограничьтесь для начала какой нибудь невинной старинкой, а тамъ, какъ увидятъ, что не такъ страшенъ чортъ, какъ его рисуютъ, можете рискнуть и на что-либо пособлазнительнѣе. За усердіе о скорѣйшемъ извѣщеніи на счетъ полученія награды—благодарю. Вы понимаете, что въ

моемъ положеніи эта награда вещь очень важная, ибо въ случаѣ какой-нибудь катастрофы по службѣ она дастъ мнѣ возможность прожить годъ, два до пріисканія мѣста. Относительно же удовольствія меня гораздо болѣе порадовало, что удалось выхлопотать Плотникову Станислава на шею. Онъ, разумѣется, стоилъ своей награды болѣе, нежели я, хоть и я получилъ ее не даромъ. Благодарю за участіе, которое вы обнаружили по случаю его кавалерства—очень доволенъ". Далѣе про Перовскаго: „Исправившись въ отношеніи ко мнѣ, онъ теперь опять сталъ любезенъ со мною. Умѣетъ задабривать на прощаньѣ. И мнѣ его сердечно жаль. Что-то будетъ впереди, а съ нимъ уживался кое-какъ. Много надо простить ради старости и болѣзни. На его мѣстѣ, мы бы, пожалуй, такихъ глупостей надѣлали, что чертямъ было-бы тошно". Переходя затѣмъ къ вопросу о преобразованіяхъ степи, В. В. замѣчалъ: „Со степью нашею дѣлайте, что хотите: если только измѣненія пойдутъ отъ васъ [1]), все будетъ хорошо. Не нужно одного—давать соваться въ нее незнающимъ дѣла. Съ моей стороны, я съ радостію готовъ служить вамъ всѣмъ, о чемъ спросите, потому что, извѣстно вамъ, и самъ ничего другаго не желаю, какъ блага степи совмѣстно съ благомъ Россіи. Взглядъ Катенина на степь превосходенъ. Желаешь только, чтобъ онъ сталъ дѣйствовать столь-же умно, какъ говоритъ. Что думаютъ у васъ о бунтѣ Джанходжи на Сырѣ? Дѣло неясно и для насъ въ Оренбургѣ. Одна изъ главныхъ причинъ та, что какой-то ходжа видѣлъ во снѣ, что не умретъ, пока не овладѣетъ двумя русскими укрѣпленіями—вотъ и пошла каша. Но есть и доля хивинскаго подстрекательства. А какой.... бывшій комендантъ Казалинскаго форта: онъ струсилъ Киргизовъ, подумалъ, что они дѣйствительно могутъ взять укрѣпленіе! Да хорошъ и Ф—ъ: послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ, Джанходжа и комп., разумѣется, бросились бѣжать, а онъ пишетъ реляцію объ упорномъ боѣ съ *непріятелемъ*! Дрались, видите, шесть часовъ, а раненъ у насъ одинъ казакъ пулею: трудный бой, нечего сказать".

Во время составленія отчета В. В. получилъ отъ Савельева письмо, въ которомъ тотъ отказывался писать біографію Надеждина, предоставляя сдѣлать это В. В-чу.

Въ отвѣтномъ письмѣ В. В. извѣщалъ Савельева: „Относительно біографіи Надеждина—я бы радъ взяться за нее, да нѣтъ книгъ подъ рукою, чтобы обработать какъ слѣдуетъ; а промаховъ, ты понимаешь, въ моемъ положеніи дѣлать не приходится. Если ты не хочешь писать,

---

[1]) Т. е. отъ В. В. Вельяминова-Зернова.

такъ я или совсѣмъ не возьмусь за это дѣло, или сдѣлаю его Богъ вѣсть когда. За предложеніе отвѣчать Павлову очень благодаренъ (....) не забудь намеки, что я не годился, видишь, для ученой службы и перешелъ въ другую ради взятокъ и чинолюбія. Въ Молвѣ сказано нѣсколько словъ противъ Павлова, но такъ слабо и такъ глупо, что изъ рукъ вонъ. Да и вообще Молва мнѣ не понравилась: берешься ругаться, такъ умѣй, а не смѣши народъ своимъ безсиліемъ и не порти дѣла. И кой чортъ это суетъ К.—ва не въ свои сани садиться (......). Н—ъ, съ свой стороны, тоже написалъ что-то по поводу моей статьи и ругановъ на нее. Должно быть, что-нибудь сладенькое: вѣрно опять миритъ меня съ Грановскимъ мертвымъ, какъ мирилъ съ живымъ. Впрочемъ, „Вѣстникъ“ не захотѣлъ печатать этой статьи (....). Все это вздоръ, а дѣло въ томъ, что у меня опять показалась лихорадка, которая промучила меня все прошлое лѣто, въ томъ, что я занятъ по горло составленіемъ отчетовъ для Перовскаго, изъ коихъ одинъ за 1853—1856 г. кончилъ, а съ другимъ, заключающимъ оба періода его управленія Оренбургскимъ краемъ, все еще вожусь, со страхомъ, что не успѣю кончить къ его отъѣзду отсюда въ половинѣ мая. Это меня мучитъ хуже лихорадки; наконецъ въ томъ, что я получилъ на дняхъ 3500 руб. сер. въ награду за необыкновенное увеличеніе кибиточнаго съ киргизовъ сбора, не смотря на всѣ ихъ бунты и проч. Но эту награду Перовскій и Катенинъ можно сказать зубами вырвали у министерства И. Д. Какъ-бы то ни было, теперь, если обстоятельства заставятъ меня выйти въ отставку, будетъ чѣмъ прожить годъ, другой, пока не пріючусь опять куда-нибудь (.....). Съ Катенина я взялъ слово, что онъ меня пуститъ въ Питеръ нынѣшній годъ. Такъ осенью привалю, пожалуй“. (6 мая 1857 г.).

Между тѣмъ въ „Молвѣ“ появился отвѣтъ Савельева Павлову и тѣмъ, кто скрывался за нимъ, подъ заглавіемъ: „Фельетонистъ-оріенталистъ“, и Григорьевъ, письмомъ отъ 27 мая, благодарилъ своего друга:

„Я никакъ не думалъ, чтобы ты такъ скоро исполнилъ обѣщаніе свое отвѣтить за меня Павлову. Четвертый № Молвы, гдѣ сразился ты съ шулеромъ-оріенталистомъ, получилъ я вслѣдъ за послѣднимъ письмомъ твоимъ, въ которомъ ты еще только собирался выступать на бой. По поводу этой статьи, за которую воздается особѣ твоей подобающая благодарность, долженъ я замѣтить только, что напрасно ты выѣхалъ на ошибкѣ Павлова, сказавшаго, что я написалъ рѣчь объ отношеніи *Запада* къ Востоку. Мы деремся за общее дѣло, и дѣло наше правое, такъ не зачѣмъ прибѣгать къ уловкамъ, на которыя такъ падки гг. западники. Въ наказаніе за это и отдѣлали тебя въ Московскихъ Вѣдомостяхъ

(мая 11, № 57). Разумѣется, что взявши въ руки эту послѣднюю статью, я прежде всего посмотрѣлъ, кѣмъ писана—какой-то г. Челышевскій. Читаю самую статью, и оказывается, что г. Челышевскій есть никто иной, какъ.... Но вообще все это очень забавно (.....). Затѣмъ получилъ я сегодня 5-й № Молвы съ статейкою твоею о Баберъ-намэ. Боже, какъ ты остервенился! Откуда такая ярость! Просто не узнать тебя. Вѣрно, братъ, съ русскими ругаться не то, что съ нѣмцами. Впрочемъ, мнѣ нравится ожесточеніе обоихъ лагерей—авось что-нибудь и выдетъ изъ поднятой Молвою борьбы. Въ этомъ № задѣли историка Соловьева, который до сихъ поръ, кланяясь и пожимая руку нашимъ и вашимъ, избѣгалъ удачно той оцѣнки своимъ произведеніямъ, которой они заслуживаютъ. Хорошо, кабы его да вывели на чистую воду. А какой шумъ изъ-за equester и equestris. И смѣшно, и стыдно, что объ этакихъ вопросахъ у насъ спорятъ. Крыловъ правъ по этой статьѣ, а объ цензорахъ заврался, не смотря на цитату изъ Цицерона, которую г. Ярополкъ (кто это?) не понялъ или не хотѣлъ понять. А что за птица г. Байборода—неужели это точно Леонтьевъ? Что за сраженіе подъ чужими именами!

„Ну, я отчетъ кончилъ—усталъ неимовѣрно. Недѣли двѣ поотдохну и займусь дѣлами своей Комиссіи, которыя, за отчетомъ, запустилъ нѣсколько. Потомъ, дастъ Богъ, махну въ степь, а на дорогѣ осмотрю разные заводы и золотые промыслы, о которыхъ понятія не имѣю. Въ степи времени свободнаго будетъ много, и я заражу чистый воздухъ ея, изливъ порядочный запасъ желчи, который накопился у меня съ начала года вслѣдствіе чтенія произведеній Головачева, Галахова, Бабста, и Павлова (....). Погодинъ пишетъ мнѣ, что, пользуясь свободою отъ цензурныхъ стѣсненій, онъ располагаетъ возобновить Москвитянина и издавать его толкомъ, какъ слѣдуетъ. Если такъ, то вотъ будетъ еще и *политическій* журналъ въ русскомъ духѣ. Давай Богъ! Не знаю, позволятъ-ли служебныя занятія принять въ Москвитянинѣ такое участіе, какое-бы желалъ я принять, но чѣмъ-нибудь стану помогать, если только Катенинъ не поѣдетъ на мнѣ верхомъ. А что-жъ, корректурные листы твои о золотоордынскихъ монетахъ—я ихъ не получалъ, а жажду получить. Повѣришь-ли: Джучидская нумизматика занимаетъ меня болѣе всѣхъ печатныхъ ругательствъ гг. Павлова и компаніи“.

И дѣйствительно, Григорьевъ занялся въ это время джучидской нумизматикой, получивъ нѣсколько золотоордынскихъ монетъ изъ вновь открытаго клада, въ которомъ В. В. занимали, какъ видно по письмамъ его къ Савельеву, ханы съ именемъ Джанибека. По поводу ихъ между

Григорьевымъ и Савельевымъ возникла даже полемика, производившаяся на страницахъ Извѣстій Археол. общества. Нумизматическія данныя о золотоордынскихъ ханахъ, не смотря на работы Френа, до изслѣдованій Савельева, упоминаемыхъ въ этомъ письмѣ, отличались великою сбивчивостію и путаницею. Самъ В. В. говорилъ о монетахъ этихъ хановъ: „сегодня читаешь такъ и выходитъ хорошо; завтра попробуешь иначе— выходитъ еще лучше, а какъ посмотришь на монету недѣли черезъ двѣ, и чтенія и выводы двухъ первыхъ разовъ кажутся дичью". Надо было накопить значительное количество фактовъ или разомъ натолкнуться на большой кладъ золотоордынскихъ монетъ, чтобы сколько-нибудь разсѣять путаницу и придти къ положительнымъ выводамъ. Случай помогъ Савельеву разобрать два большихъ клада джучидскихъ монетъ, и въ этомъ отношеніи имѣлъ онъ большое преимущество предъ Григорьевымъ. За то за послѣднимъ остается честь открытія Джанибека II.

Цѣлую зиму и весну просидѣлъ В. В. за отчетомъ. Старался, мучился, передѣлывалъ нѣкоторые отдѣлы по нѣскольку разъ, не допуская вмѣстѣ съ тѣмъ ни малѣйшей лжи, безъ которой не обходятся обыкновенно никакіе отчеты, и къ великой своей радости кончилъ во-время.

Статья Савельева „Фельетонистъ-оріенталистъ", хотя и дала сильный отпоръ извѣстному кружку, но такъ какъ послѣдній пустился на новыя выходки, то понадобилось возразить вновь на псевдонимныя замѣчанія въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, выяснить нѣкоторыя недомолвки въ первомъ отвѣтѣ, и Савельевъ отправилъ въ Молву вторую статью въ подкрѣпленіе первой, изложивъ на этотъ разъ дѣло и толково, и убѣдительно. Но взялся онъ за возраженіе въ послѣдній уже разъ, какъ извѣщалъ Григорьева.

Это новое доказательство дружбы глубоко растрогало В. В. Поступокъ Савельева принадлежалъ къ числу такихъ, ожидать которые возможно только отъ истиннаго друга, такъ какъ защищать Григорьева въ то время значило—вызвать ожесточеніе враговъ его и на себя. Дѣйствительно, когда Н—ъ написалъ статью о Грановскомъ въ примирительномъ для обѣихъ сторонъ духѣ, то редакція „Русскаго Вѣстника" не рѣшилась ее напечатать, собственно ту ея часть, гдѣ приводились доводы въ пользу Григорьева; а Громека прямо заявилъ автору статьи, что защита Григорьева послѣ статьи Павлова, кажется ему рѣшительно невозможною „безъ оскорбленія общественнаго мнѣнія". Григорьевъ вполнѣ оцѣнилъ поступокъ Савельева, что и выразилъ въ письмѣ къ нему отъ 6 августа: „Получилъ нумера Молвы, гдѣ ты возсталъ на защиту мою. Вѣрь или не вѣрь, какъ хочешь, но статья Павлова не за-

дѣла меня за живое. Раньше или позже, по тому или по другому поводу, а я долженъ былъ быть обруганъ. Иначе быть не могло при томъ большомъ числѣ людей, которые меня терпѣть не могутъ (....). Но признаюсь, что я не ждалъ, чтобы ты заступился за меня такъ горячо. Это обрадовало меня болѣе, нежели огорчили всѣ руганки, вмѣстѣ взятыя. Я радъ за тебя, что ты исполнилъ долгъ честнаго человѣка, не побоялся, при общей теперь трусости передъ такъ-называемымъ общественнымъ мнѣніемъ, стать на сторону того, противъ кого это мнѣніе обратилось. Ты, можетъ быть, самъ не знаешь, какъ великъ твой подвигъ! (...) Фу ты, какъ „измалодушествовалось" юное поколѣніе! Пишутъ, чортъ знаетъ какъ ретиво, а сами не болѣе какъ мочалки правственныя.—На твою статью едва-ли будетъ отвѣтъ, а я не нахожу нужнымъ писать за себя послѣ твоей статьи".

В. В. не ошибся, на статью Савельева отвѣта не послѣдовало, по крайней мѣрѣ въ Россіи. Но въ одномъ заграничномъ изданіи появилась такая замѣтка:

„Однимъ изъ ревностнѣйшихъ сотрудниковъ Липранди былъ Григорьевъ, авторъ статьи о Грановскомъ въ Русской Бесѣдѣ. Онъ особенно прославился порученьемъ въ Остзейской губерніи, имѣвшемъ цѣлію осмотръ книжныхъ лавокъ и частныхъ библіотекъ въ случаѣ нужды. Ему сопутствовали два жандармскіе офицера при отборѣ и запечатываніи книгъ. По окончаніи этого порученія Григорьевъ былъ назначенъ въ Оренбургъ. Проѣздомъ черезъ Москву, ему вздумалось навѣстить Грановскаго, можетъ быть и за тѣмъ, чтобъ заглянуть въ его библіотеку. Грановскій, знавшій про подвигъ Григорьева, велѣлъ своему слугѣ не впускать его во дворъ. Отсюда, говорятъ, гнѣвъ. Эта *молва* не въ пользу Григорьева. (Изъ совершенно-достовѣрнаго письма изъ Москвы)". Смѣшно было бы возражать на эту „молву", тѣмъ болѣе, что возражать приходилось бы заграницей [1]). Мы уже видѣли, какъ и что дѣлалъ В. В. въ Ригѣ и

[1]) Ради курьеза приводимъ выдержку изъ другаго заграничнаго изданія того же рода о Григорьевѣ: «Аугсбургская газета разсказываетъ о страхѣ, наведенномъ на крестьянъ Оренбургской губерніи распространившимся слухомъ о Киргизскомъ возстаніи и набѣгѣ. И черезъ нѣсколько дней таже газета говоритъ объ амнистіи Исету Кутибарову. Жаль, что она не сообщила страшной исторіи—почему Исетъ Кутибаровъ откочевалъ къ Хивинской границѣ. Со временъ ветхозавѣтныхъ войнъ или монгольскихъ набѣговъ ничего не было гнуснѣе въ свирѣпости, какъ набѣгъ полковника Кузьмина и маіора Дерышева, которымъ заправлялъ (еще при Перовскомъ), сидя въ своей канцеляріи бывшій помощникъ Липранди—Григорьевъ. Этотъ кровавый эпизодъ еще ждетъ описанія». Вотъ какое озлобленіе статьею о Грановскомъ возбудилъ противъ себя В. В. въ самыхъ ярыхъ представителяхъ западничества. Надо замѣтить, что Исетъ Кутебаровъ, сынъ громкаго въ свое время разбойника. самъ началъ разбойничать еще въ 20-хъ годахъ.

какъ онъ старался оправить рижскихъ книгопродавцевъ, которые при другомъ слѣдователѣ не отдѣлались бы такъ легко, какъ отдѣлались они на этотъ разъ.

Къ концу лѣта прибылъ Катенинъ. Объ этомъ В. В. писалъ г. Вельяминову-Зернову:

„Ну, пріѣхалъ и новый. Покуда не могу еще сказать о немъ ничего рѣшительнаго. Ласковъ страшно, уменъ, дѣятеленъ, и все бы хорошо, да боюсь людей, которые слишкомъ мягко стелютъ. Поѣхалъ скоро въ Уральское войско и Внутреннюю орду. Геке и Уральцевъ распекъ на смерть. Распекать любитъ. На орду взглянулъ умно. Дай-Богъ, чтобы и дальше такъ смотрѣлъ. Между тѣмъ приплелось сюда хивинское посольство (....). На счетъ хивинцевъ замѣчу только, что я ими совершенно доволенъ. Преумнѣйшіе, препроницательнѣйшіе люди. Со времени Акъ-мечетскаго похода я почувствовалъ въ себѣ необыкновенныя военныя способности, рѣшительное призваніе быть фельдмаршаломъ. Но nul n'est prophête dans son pays; въ Россіи никто не признаетъ меня за полководца, а хивинцы пронюхали, и вотъ посольство привозитъ подарки всѣмъ безъ исключенія гражданскіе,—парчу, ковры, аргамаковъ—мнѣ же одному,—саблю и титулуетъ при этомъ „россійскимъ генераломъ". При томъ и подарокъ присланъ мнѣ отъ военнаго сановника минъ-баши, тогда какъ министру иностранныхъ дѣлъ, директору азіатскаго департамента, генералъ-губернатору отправлены подарки гражданскими чинами ханства, мехтеромъ, кушъ-беги, диванъ-беги. Ясно и несомнѣнно, что хивинцы признаютъ меня военнымъ человѣкомъ. Правда, что ex oriente lux. Теперь о вашихъ дѣлахъ. Списка родамъ и отдѣленіямъ я вамъ не дамъ такъ, въ голомъ видѣ, я его обработаю и тогда пришлю въ „Сборникъ" (....). Потомъ, я ангажирую Бобровникова написать замѣтки свои на книгу о Буддизмѣ, изданную профессоромъ Васильевымъ, и замѣтки эти тоже преподнести въ „Сборникъ". Посмотрите, какъ отличится Комиссія. Храните только въ „Сборникѣ" русскій духъ, не пускайте туда хваленій западу и западничеству. Покуда пишу это, пришла еще мысль: уговорить Ильминскаго, чтобы приготовилъ для „Сборника" статью о Баберѣ и Баберъ-намэ, если только сами вы не задумали писать о томъ же.

„Изъ пріѣхавшихъ съ Катенинымъ особыхъ орловъ не имѣется, ни по военной, ни по гражданской части. Есть одинъ подполковникъ Безносиковъ, который выражается ученымъ манеромъ, но и тотъ чуть не умеръ отъ диссентеріи. Толковый и знающій парень также нѣкто Сѣверцовъ изъ Московскаго университета. Есть и такіе, которые успѣли

уже показать себя дураками. Все какъ слѣдуетъ (........). О—ій показалъ себя при управленіи Сыръ-Дарьинскими Киргизами совершеннымъ.... ввѣрился разнымъ негодяямъ, а тѣ, воспользовавшись этимъ, пустились пакосничать. Кибиточная подать на Сырѣ, говорятъ, сбиралась не то три, не то четыре раза въ годъ. Участвовалъ онъ въ злоупотребленіяхъ или не участвовалъ, все равно: въ первомъ случаѣ онъ п..., во-второмъ о...., котораго нельзя посадить ни на какое порядочное мѣсто. По моей части начинаетъ пакостить Мухаммеджанъ, правитель средней части. Свелъ дружбу съ Чиклинцами, обираетъ ихъ и старается за то прикрыть всѣ ихъ пакости". (7 авг. 1857 г.).

Наконецъ, Перовскій оставилъ Оренбургъ. Тепло, но съ грустью распрощался онъ съ бывшими своими подчиненными и сослуживцами, прося ихъ не забывать отставленнаго генералъ-губернатора. В. В. ощущалъ потребность проститься съ Перовскимъ и неоффиціально, чтобы выразить ему отъ души свои чувства признательности, какъ бывшему начальнику и руководителю, и написалъ къ нему прощальное письмо, въ которомъ говорилъ: „Что бы вы ни думали обо мнѣ, вѣрьте, Графъ, что время служенія подъ вашимъ начальствомъ буду я до конца жизни считать лучшимъ ея періодомъ; что я сознаю себя много, много вамъ обязаннымъ въ разныхъ отношеніяхъ; что никогда безъ особенно теплаго и благодарнаго чувства не вспомню я, что въ пять лѣтъ житья моего въ Оренбургѣ служебныя отношенія не заставили меня сдѣлать ни одного сомнительнаго поступка: Богъ знаетъ, удастся ли еще мнѣ тоже самое въ будущемъ; что я со слезами въ сердцѣ смотрю на оставленіе вами Оренбургскаго края; что образъ вашъ всегда будетъ свѣтелъ въ моемъ воспоминаніи. Я увѣренъ, что все что есть благороднаго въ Оренбургскомъ краю, чувствуетъ такъ же, какъ я, если не глубже еще и не лучше (.....). Жалко мнѣ разставаться съ вами, Графъ! Вотъ какъ жаль"!

Впослѣдствіи В. В. еще болѣе оцѣнилъ В. А. Перовскаго, его рѣдкую чистоту души и удивительное безпристрастіе, доходившее до того, что случалось, соглашаясь съ доводами В. В., дѣйствовалъ онъ противъ собственнаго желанія,—великая черта въ человѣкѣ съ умомъ и властію, потому что какое же желаніе не съумѣемъ мы оправдать въ своихъ глазахъ и заглушить голосъ разсудка? Были, конечно, и слабыя стороны у графа Перовскаго, нельзя же требовать отъ человѣка, какъ бы высоко онъ ни стоялъ, во всемъ совершенства, но слабости его съ избыткомъ вознаграждались достоинствами, и какъ человѣка, и какъ администратора.

XVI.

Осенью удалось В. В. совершить поѣздку въ степь. 3 сентября выѣхалъ онъ изъ Оренбурга на Уфу, оттуда черезъ Златоустъ добрался до Троицка и Усть-Уйской станицы, а изъ послѣдней отправился въ степь. Затѣмъ, поколесивъ по степи около рр. Тобола и Аята верстъ съ 200, выѣхалъ на Николаевское укрѣпленіе, и Новою линіею до Орска, а оттуда старою дорогою воротился въ Оренбургъ 30 октября. „Поѣздка была полезна для здоровья (писалъ онъ г. Вельяминову-Зернову) и, надѣюсь, не останется безплодна для дѣла. Шатался бы по степи и долѣе, да испугали выпавшіе тамъ снѣга и наступившіе морозы“. Въ томъ же письмѣ по вопросу о переселеніяхъ киргизовъ выразился онъ такимъ образомъ: „Относительно вопроса о переселеніи киргизовъ Внутренней орды въ Зауральскую, я, какъ чиновникъ-эгоистъ, долженъ былъ бы желать, чтобы переселеніе было воспрещено: это избавило бы Комиссію отъ многихъ хлопотъ. Но вопросъ въ томъ, что же станется съ Киргизами Внутренней орды, которые размножились тамъ несообразно съ количествомъ земли, и будутъ размножаться впредь? Не умирать же имъ тамъ съ голоду! И у насъ на Руси переселяютъ крестьянъ изъ малоземельныхъ губерній въ многоземельныя. А въ западной части размѣстятся какъ нибудь, тѣмъ болѣе что Киргизы этой части охотно принимаютъ къ себѣ переселенцовъ. Мало будетъ мѣста, такъ погонимъ лишнихъ Киргизовъ въ Хиву, Бухару, Коканъ. Раньше или позже, а это непремѣнно случится. Съ водвореніемъ спокойствія въ Степи, народонаселеніе умножается быстро. Отлива его въ Европу, какъ во времена Атиллъ и Чингисъ-хановъ, не будетъ: по неволѣ излишекъ придется спроваживать въ малонаселенную и разоренную Азію. Но чтобы успокоить боящихся переселенія изъ Внутр. орды, можно было бы дозволить оное не вдругъ разсрочивъ дѣло на 5 лѣтъ, и разрѣшая переходить не болѣе, какъ тысячѣ кибитокъ въ годъ. Можете представить, что съ возвращеніемъ изъ степи, гдѣ я узналъ-таки кое-что, работы у меня пропасть. Надо еще Бухарцевъ принять и потомъ въ Питеръ къ вамъ снарядить“. (Изъ письма отъ 7 октября 1857 года).

На случай, если бы Катенинъ обнаружилъ расположеніе къ ученымъ работамъ, В. В. составилъ планъ приведенія въ извѣстность архивныхъ памятниковъ для исторіи Оренбургскаго края и археографическихъ документовъ. Но новый начальникъ оказался очень равнодушнымъ къ подобнымъ затѣямъ и планъ остался безъ движенія. Не знаю, къ

этому или другому времени относится еще проектъ В. В. объ изданіи при Оренбургскомъ календарѣ приложеній: въ замѣткѣ, время составленія которой неизвѣстно, указано только чтò слѣдовало бы помѣщать въ нихъ, а именно: 1) статистическія даннныя изъ отчетовъ войсковыхъ, пограничной комиссіи, таможеннаго вѣдомства, губернаторскихъ и проч., 2) археологическія и этнографическія, 3) статистическія данныя прежняго времени, 4) историческія изслѣдованія, 5) замѣчательные случаи: охота на тигровъ и т. п., 6) хронологическое обозрѣніе событій за прежнее время. Что же касается до служебныхъ занятій В. В., то и при Катенинѣ пришлось ему работать помимо круга своихъ обязанностей, даже больше чѣмъ при Перовскомъ. О своемъ положеніи писалъ онъ Савельеву:

„Все это время я крѣпко занятъ служебными дѣлами, или лучше сказать служебною перепискою, потому что пишемъ много, а толку выходитъ мало. Думалъ, что съ отъѣздомъ Перовскаго будетъ поменьше секретарскихъ занятій. Не тутъ-то было. Попалъ изъ огня да въ полымя. Всякую дрянь заставляютъ писать. Особенно надоѣла посольская часть. Пріѣхали изъ Хивы и Бухары дураки, съ которыми возится теперь В—въ, но еще болѣе возни было и есть у насъ съ ними. Носятся съ этою дрянью, какъ, чортъ знаетъ, съ какою драгоцѣнностію, нисколько не понимая, что чѣмъ ласковѣе съ Азіатцемъ, тѣмъ онъ требовательнѣе и нахальнѣе.

„Не только статейки писать, нѣтъ времени даже для письма. Никому не пишу. Есть письма, на которыя не отвѣчаю около года. Передъ отправленіемъ въ поѣздку, успѣлъ, впрочемъ, намарать статейку въ Молву. Узналъ ли ex ungue leonem? См. № 27 „О воспитаніи въ духѣ народности“. Подписано Сахаровъ, Кострома; но это читай: Григорьевъ, Оренбургъ. Если не угадалъ, такъ обидно: значитъ слогу своего нѣтъ; у всякаго писателя свой слогъ: такъ въ риторикахъ написано.

„Покуда великій бактріанецъ Левъ Алексѣевичъ былъ живъ, ни какъ не могъ я добыть бактріанскихъ монетъ, а умеръ, такъ вотъ на дняхъ получилъ изъ Бухары нѣсколько штукъ. Все царя Эвѳидема (......). А знаете вы, Питерскіе, отчего трудно добывать изъ Бухары древнія монеты? Оттого что побѣдоносный эмиръ Насруллахъ Багадуръ самъ сдѣлался страстнымъ археологомъ. Пронюхалъ, п......ъ, что дорого платятъ въ Россіи за бактріанскія монеты, подумалъ, что не даромъ же это, что есть тутъ хикметъ какая нибудь, а быть можетъ и хилэ [1]), и

[1]) Хикметъ—мудрость, тайна; хилэ—хитрость.

приказалъ всѣ находимыя монеты къ себѣ приносить, а найдешь, да скроешь, такъ голову долой. Вотъ этакъ можно составить хорошую коллекцію! Примите къ свѣдѣнію этотъ новый способъ. Жаль что покойникъ Левъ Ал. не зналъ объ немъ, а то пустилъ бы въ ходъ, сталъ ссылать на каторгу буйныхъ нумизматовъ, которые бы не захотѣли уступить ему ту или другую денежку. Вѣдь давалъ же онъ мѣста изъ-за монетъ. Какъ бы то ни было, а Насруллахъ Багадура надо выбрать въ Соревнователи Археологическаго общества (.......). И оказія удобная: бухарское посольство въ Питерѣ. Поднесите дипломъ. Эмиръ любитъ ученость, и будетъ доволенъ. За безчестье съ васъ же бактріанскихъ монетъ потребуетъ. Поѣздка поправила мое здоровье, чувствую себя гораздо лучше прежняго". (22 ноября 1857 г.).

Отвѣчать своимъ противникамъ за статью о Грановскомъ, которую „не хотѣли понять", В. В. не находилъ нужнымъ послѣ заступничества Савельева; но не упустилъ случая развить нѣкоторыя свои положенія и мысли. Въ „Молвѣ" 1857 г. появились три его замѣтки, отчетливо рисующія взгляды В. В. на наши отношенія къ западу. Въ одной (№ 18-й „Молвы", подписано: *Кассандра*, Иркутскъ) онъ доказывалъ: если сравнить русскія книги временъ Екатерины съ современными произведеніями западныхъ литературъ, и съ современнымъ состояніемъ науки въ образованномъ мірѣ, такъ невольно напрашивается грустное заключеніе, что мы теперь стоимъ относительно къ европейской наукѣ гораздо ниже, чѣмъ стояли наши дѣды. Что нѣтъ теперь на Руси такого города, гдѣ-бы изысканіе метафизическихъ и нравственныхъ истинъ бросало, какъ тогда, нашихъ чиновниковъ въ лихорадку, гдѣ-бы появленіе новой ученой книги не только занимало ихъ, но и съумѣли-бы они разобрать ее достойнымъ образомъ, опровергнуть печатно, во всеуслышаніе, какъ дѣлалось это у насъ въ XVIII столѣтіи. Тутъ-же В. В. даетъ и объясненіе такому явленію, которое произошло по его словамъ оттого, что дѣды меньше болтали, а больше работали, не принимали они напечатаннаго на западѣ за несомнѣнное, потому только что оно напечатано за границею. „Оттого, наконецъ, что въ нихъ если и не билъ ключомъ, такъ сочился еще родникъ національности, теперь видимо изсякающій въ большинствѣ образованнаго класса. Безъ сознанія себя органическою частью народа нѣтъ для человѣка здоровой жизни, нѣтъ полнаго развитія. Можно, правда, жить и безъ органической связи съ народомъ, жить на поверхности народа; но это жизнь лишая, нароста, гнойной шишки, которые тянутъ только сокъ изъ живаго организма, нисколько не служа ему ни на пользу, ни на украшеніе". Во

второй замѣткѣ, *О значеніи народности* (№ 24), Григорьевъ говорилъ, что смѣшонъ и достоинъ сожалѣнія „тотъ народъ, который ругаясь надъ обычаями предковъ, и втаптывая въ грязь ихъ старыя учрежденія, старается всѣми силами подражать чужеземцамъ, восхваляетъ ихъ учрежденія, заботится пересадить ихъ къ себѣ, хотя они вовсе ему не впору, и кромѣ безпорядковъ и неудовольствій ничего не принесутъ. И эту-то жалкую подражательность навязываютъ намъ журнальные глашатаи западной цивилизаціи; они на всѣ лады поютъ: подражайте западной Европѣ, подражаніе есть ученіе, народная самостоятельность и саморазвитіе мечта, забудьте обычаи предковъ, всѣ ихъ учрежденія безсмысленны, предки наши были грубы и не развиты, смѣшно и глупо быть Русскими, будьте Европейцами..... Спору нѣтъ, что у Англичанъ, Нѣмцевъ и Французовъ много есть хорошаго, много добраго можно и должно у нихъ заимствовать, есть чему поучиться въ западной Европѣ; но своего-то добра не должно выбрасывать за окошко, дѣдовскихъ добрыхъ обычаевъ не слѣдуетъ топтать въ грязь, можно и измѣнять старыя учрежденія, ежели что въ нихъ окажется негоднымъ, несообразрымъ съ развитіемъ современной жизни, все это въ порядкѣ вещей, и все это дѣлается и у другихъ народовъ; но все старое и родное считать негоднымъ, вотъ что никуда не годится, вотъ что составляетъ опаснѣйшее зло во всякомъ обществѣ, вотъ чего должно опасаться..... Въ подражаніи иностранцамъ прежде всего должно подражать тому, какъ они упорно отстаиваютъ старые порядки, какъ дорожатъ учрежденіями предковъ". Третья замѣтка трактуетъ о воспитаніи въ духѣ народности. Она затрогиваетъ очень важный для образованнаго у насъ класса вопросъ. Въ ней указывается тотъ вредъ, какой вносятъ къ намъ иноземные учителя и воспитатели тѣмъ, что отрываютъ нашу интеллигенцію отъ народа.

По поводу пріема у насъ бухарскихъ и хивинскихъ пословъ В. В. высказалъ вѣрный взглядъ на наши сношенія съ Средней Азіей. И судьба нашего посольства въ Хивѣ и Бухарѣ блестящимъ образомъ доказала глубокое его пониманіе азіатцевъ. Въ письмахъ къ г. Вельяминову-Зернову, которому въ Петербургѣ приходилось хлопотать съ посланцами, В. В. сообщалъ свои соображенія по этому поводу. Между прочимъ онъ находилъ:

1) Грамота Бухарскаго эмира на имя Государя написана не съ достаточною почтительностію: онъ пишетъ совершенно, какъ равный къ равному. Слѣдовало-бы поставить посланцу это на видъ и въ отвѣтной грамотѣ взять тонъ повыше. 2) На просьбы посланца,

если таковыя будутъ имѣть мѣсто, отвѣчать отказомъ, показавъ ему, въ какой зависимости по торговлѣ находится отъ насъ Бухара. „На подарки хану хивинскому и его „окруженію“, какъ пишутъ нынѣ по русски, слово въ слово переводя французское entourage, назначено, пишете вы, 25,000 р. с. По вашему этого достаточно, а по моему слишкомъ много. Послать-бы этимъ подлецамъ, на скиѳскій ладъ, нагайку, да и только. Это-бы болѣе принесло пользы, и было-бы достойнѣе Русской Имперіи“. Далѣе, въ томъ же письмѣ читаемъ: „Ѣхать агентомъ въ Хиву и Бухару не совѣтую. Что за радость брать на себя порученіе, о которомъ впередъ можно сказать, что оно не удастся, и въ политическомъ отношеніи принесетъ, вѣроятно, болѣе вреда, чѣмъ пользы. Ѣхать-же за тѣмъ, чтобы пріобрѣсти двѣ три рукописи и сотню монетъ бактріанскихъ—не стоитъ. Мы довольно уже, кажется, наболтались въ былое время о значеніи посольствъ нашихъ въ Азію. Издержки для правительства, непріятности для членовъ миссіи, обязанныхъ унижаться передъ какими-нибудь Хивинцами и Бухарцами—вотъ всѣ результаты такихъ посольствъ. Другое дѣло, еслибы агенту сказано было: держите себя такъ, какъ прилично представителю Россіи въ Средней Азіи; требуйте уваженія на каждомъ шагу, грозите смѣло и т. д. въ томъ-же духѣ. Тогда, по крайней мѣрѣ, хоть желчь-бы не разливалась. Я, признаюсь, скорѣе бы вышелъ въ отставку, чѣмъ принялъ на себя роль унизителя Россіи. Если прочіе-иные не чувствуютъ себя Русскими, и не сознаютъ Руси, какова она есть, считая ее похожею на Турцію, такъ чортъ съ ними; но кто не такъ думаетъ, тому и дѣйствовать подобаетъ иначе. Вотъ поѣздка Н. В. Ханыкова въ Хорасанъ—читай посольство въ Кабулъ—другая статья. Изъ нея можетъ вытти толкъ, если только правительство наше рѣшится не ограничиться этимъ, а продолжать начатое энергически. Перебалтывать-же съ Хивинцами и Бухарцами, когда имъ можно приказать—дѣло вздорное. Какъ подчиненный, я исполняю приказанія высшаго и пишу оффиціально въ томъ духѣ, какъ велятъ. „Скачи, враже, якъ панъ каже“—говоритъ малороссійская пословица. Но какъ гражданинъ, я жалѣю и денегъ русскихъ, и русскихъ трудовъ, потраченныхъ напрасно. Если-бы отъ меня зависѣло, я-бы ни за что не отправилъ посольства въ Хиву и Бухару. Теперешнее бухарское посольство въ Россію—купеческая операція. Бухарцы, торгующіе съ Россіей, видѣли, что мы ждемъ поздравленія со вступленіемъ на престолъ; побоялись, чтобы не вышло чего дурнаго, если такого поздравленія не будетъ, ну и наняли у эмира какого-то квартальнаго, назвали его мирахоромъ и повезли въ Россію. Посмотрѣли-бы вы, какъ здѣсь въ Оренбургѣ караванбашъ Шахпулатъ дер-

жалъ посланца въ рукахъ! И не мудрено: посланецъ его наёмникъ, прикащикъ, работникъ....

„Съ Катенинымъ я лажу пока, но окружающіе его не расположены ко мнѣ еще болѣе, нежели клика, бывшая при Перовскомъ. Удивительно какъ успѣшно дѣйствуетъ г. В—ль во вредъ мнѣ". (2 декабря 1857 года).

Въ другомъ письмѣ къ тому-же лицу сообщалось: „Сегодня пріѣхалъ Батыршинъ съ Хивинцами и привезъ съ собою копіи съ писемъ въ Хиву отъ Государя, министра и Ковалевскаго. Прочитавши эти письма, я пришелъ въ совершеннѣйшій восторгъ (....), это ваша работа, мой милѣйшій Владиміръ Владиміровичъ (....). Вотъ что называется писать съ пониманіемъ дѣла: видно по тону, отъ кого и кому писано. Особенно хорошо письмо отъ Ковалевскаго; всего три фразы, но золотыя. Если въ нихъ есть хоть одна, которая принадлежитъ ему собственно, я готовъ простить ему всѣ грѣхи путешествія его въ Китай и Африку. Катенинъ отъ восхищенія чуть не пляшетъ. Это дѣлаетъ ему честь. Постараемся и мы написать ему въ вашемъ тонѣ, но такъ хорошо едва ли удастся. Катенинъ не совсѣмъ доволенъ бережливостію въ подаркахъ, а я и ее нахожу хорошею: не стоютъ эти..... Хивинцы ни чего лучше. Общій пріятель нашъ Ключаревъ выразился весьма энергически на этотъ счетъ (о нашемъ посольствѣ въ Хиву и Бухару): „скорѣе— говоритъ—Уралъ потечетъ вверхъ, нежели удастся посольству нашему добиться чего нибудь отъ Бухарцевъ и Хивинцевъ". Поэтому мнѣ даже жаль будетъ, если агентомъ пошлютъ хорошаго человѣка: даромъ натерпится непріятностей. Отъ генералъ-губернатора посылается туда —ктобы вы думали?—....ъ. И рекомендовалъ его—я. Не удивляйтесь такому выбору:—ъ, конечно, пустой малый, да, къ сожалѣнію, гуще-то его нѣтъ здѣсь никого. Я—ъ (вашъ лицеистъ) славнѣйшій юноша, но рѣшительно ничѣмъ не занимается. А что же вашъ Азіатскій сборникъ, что Японскій словарь Гошкевича—не выходили еще?

„Къ числу удивительныхъ вещей принадлежитъ еще и то обстоятельство, что товарищъ мой ..... В. выходитъ въ отставку. Бѣдный человѣкъ четыре года бился и мучился, какъ-бы столкнуть меня съ предсѣдательства, ругалъ меня всякому встрѣчному, писалъ доносы въ Питеръ, прислуживался графинѣ Толстой, словомъ изъ кожи лѣзъ—и все неудача. Наконецъ, вышелъ изъ терпѣнія и пошелъ на большое жалованье въ частную службу, въ товарищество Каспійской торговли, основанное разными нѣмцами, его пріятелями. Я просилъ Катенина, чтобы товарищемъ мнѣ сдѣлать Л. Н. Плотникова, который, вамъ извѣстно,

вполнѣ заслуживаетъ этого мѣста и по знанію дѣлъ и по честности“ (изъ письма отъ 7 янв. 1858 г.).

Собирался В. В., какъ мы видѣли, зимой въ Петербургъ, и Катенинъ обѣщалъ было отпустить его; но потомъ взялъ слово назадъ, и вмѣсто личнаго свиданія съ Савельевымъ, какъ хотѣлось Григорьеву, пришлось прибѣгнуть по прежнему къ корреспонденціи: „Побесѣдуемъ-ка маленько, Савушка. Вотъ заглянулъ я въ Академическій календарь на 1858 годъ и увидѣлъ въ числѣ умершихъ М. А. Соловьева. Жить не весело, а и умирать какъ-то не совсѣмъ хочется. Дойдетъ этакъ до свѣдѣнія, что свалился тотъ или другой изъ нашего поколѣнія, и что-то заскребетъ на сердцѣ. Я люблю молодежь, и какова она ни есть, я всегда окружаю себя ею; но не понимаю удовольствія пережить своихъ современниковъ и болтаться на свѣтѣ одному, какъ верстѣ на дорогѣ. Какъ тамъ ни толкуй, а нельзя сочувствовать вполнѣ людямъ, взросшимъ подъ чуждыми намъ условіями и вліяніями. Какъ увидишь стараго знакомаго, на душѣ легче становится. Вотъ ради этой причины и нарохтился я махнуть въ Питеръ зимою. Хотѣлъ на тебя посмотрѣть, на Дерикера, на Бенедиктуса, на Срезневскаго, да не пустили. „Нельзя—говорятъ—очень вы человѣкъ нужный; вотъ посольство въ Бухару и Хиву отправится весною, такъ надо распорядиться тѣмъ-сѣмъ“, и проч.

„Обнадежили, впрочемъ, что если до слѣдующей зимы не умру, такъ позволятъ тогда и на тебя посмотрѣть. Въ началѣ весны Катенинъ самъ отправляется въ степь. Пойду я съ нимъ, или нѣтъ, неизвѣстно. Вѣрнѣе, что не пойду. Если не пойду, такъ постараюсь уѣхать куда-нибудь кромѣ степи. Сидѣть лѣтомъ въ Петербургѣ скверно, а въ Оренбургѣ просто невыносимо. Ты знаешь, что по должности предсѣдателя коммисіи у меня есть товарищъ. Товарищемъ этимъ я засталъ нѣкоего В. Четыре года бился онъ какъ-бы ссадить меня съ предсѣдательства и самому занять мое мѣсто, ругалъ меня всякому новопріѣзжему, выдумывалъ на меня разныя небылицы, писалъ доносы въ Петербургъ и проч. и проч. Наконецъ, вышелъ изъ терпѣнія, пріискалъ тепленькое мѣстечко въ частной службѣ, и подалъ въ отставку. Странно какъ-то: не могъ нѣмецъ столкнуть русскаго. Я глазамъ своимъ не вѣрю. Это не къ добру что-то (....) Я рѣшительно не успѣваю даже своего служебнаго дѣла передѣлать, не говоря уже о постороннихъ занятіяхъ. Обѣщался Вельяминову написать статью о дѣленіи Киргизовъ Малой орды на роды, отдѣленія, отрасли и проч., присѣлъ за эту работу, дня три повозился, и долженъ былъ бросить

пока, за необходимостію покончить кое-какія работы по службѣ. Объ участіи въ „Русской Бесѣдѣ“ и не помышляю“. (1 янв. 1858 г.).

Хивинское посольство послужило къ возобновленію вопроса о древнемъ руслѣ Аму-Дарьи. Вопросъ о возможности возвращенія водъ Аму-Дарьи въ старое русло ея по направленію къ Каспійскому морю занималъ В. В. издавна. Эту возможность, кажущуюся для многихъ чистѣйшимъ вздоромъ, считалъ онъ почти несомнѣнною. Такое убѣжденіе явилось у него, во-первыхъ, на основаніи личнаго знакомства съ Сыръ-Дарьею—рѣкою, во всѣхъ отношеніяхъ однохарактерною съ Аму и, во вторыхъ, вслѣдствіе изумительнаго искусства среднеазіатцевъ запруживать самыя широкія рѣки. И хотѣлъ В. В. написать цѣлую диссертацію объ этомъ предметѣ, но ограничился только подробной запиской въ совѣтъ Географическаго Общества, въ которой разобралъ всѣ существовавшія извѣстія объ этомъ руслѣ и высказалъ мысль, что разрѣшеніе этого, міровой важности вопроса, возможно только *опытомъ*. Вѣря въ возможность повернуть Аму въ Каспій, В. В. высказывалъ и другое убѣжденіе при этомъ, убѣжденіе, что если за дѣло возьмутся ученые инженеры, то ничего изъ ихъ изслѣдованій не выйдетъ, только большія деньги потратятся даромъ. Кажется, и на этотъ разъ онъ не ошибся. Кромѣ того, далъ онъ Географическому Обществу, вслѣдствіе просьбы Литке, статью о Хивѣ, такъ какъ ханство это должно было въ то время интересовать нашихъ политиковъ. В. В. хотѣлъ поумѣрить нѣсколько наши увлеченія на счетъ среднеазіатцевъ и показать, что это за народъ. Статья эта—„Путешествіе“ въ Хиву Бланкеннагеля, который „росписалъ Хиву такъ хорошо, такъ разругалъ Хивинцевъ, что и теперь трудно ругнуться выразительнѣе“. Обстоятельный комментарій сопровождаетъ названную статью.

Савельевъ долго не писалъ Григорьеву, что очень безпокоило послѣдняго и побудило къ слѣдующему письму: „Что ты, Савушка, точно сквозь землю провалился — ни отвѣта, ни привѣта. Молчаніе, конечно, вещь полезная и уважительная, добродѣтель въ нѣкоторомъ родѣ, особенно въ провинціи, но ты, вѣдь, не въ провинціи проживаешь (....). Не хочешь дѣльнаго говорить, такъ хоть вздору какого напиши. Мнѣ бы только рукописаніе твое видѣть. Не вижу долго, такъ начинаетъ думаться, не пришибло ли и тебя. Ты смотри у меня, Савка, не смѣй умирать; безъ тебя мнѣ ужасно скучно будетъ, такъ скучно, что вотъ какъ. Только мысль эта придетъ, и ужъ тошно становится. Глупое поколѣніе наше s'en va, да и младшихъ задѣваетъ уже курносая; невольно думается, не сегодня завтра и наша очередь на мази. А умирать, такъ ум-

ремъ вмѣстѣ, les derniers des Romains. Именно послѣдніе, потому что и Погодинъ присталъ къ западникамъ, обѣдаетъ съ аболиціонистами и глупыя рѣчи произноситъ. Какъ Ламартинъ, послѣ 1848 года, чтобы не сойти вовсе со сцены. „Молва" скончалась, и слава Богу: стыдъ только приносила Славянофиламъ. Полагаю, что не долго продержится и Бесѣда, находящая достоинство свое въ томъ, чтобы выходить въ годъ не 12 разъ, а четыре. Коротка жила у Славянофиловъ, надо отдать имъ справедливость". Окончаніе письма занято крестьянскимъ вопросомъ, при чемъ В. В. въ очень рѣшительныхъ выраженіяхъ высказывалъ свои горячія пожеланія совершенію великаго дѣла, уничтоженію крѣпостной зависимости.

Что касается до служебныхъ занятій, то ими В. В. не былъ, да и не могъ быть доволенъ. Ограничиваться только формальной очисткой бумагъ было не въ его правилахъ, а Катенинъ, подававшій большія надежды на словахъ, въ дѣйствительности оказался мало свѣдующимъ въ особенностяхъ края, ввѣреннаго его управленію. Тѣмъ не менѣе, началъ онъ дѣйствовать сообразно своимъ фантазіямъ и при этомъ прежде всего имѣлъ въ виду показать, что онъ здѣсь начальникъ. При такомъ условіи, возраженія, чьи бы они ни были, только раздражали генералъ-губернатора, и тогда онъ ставилъ своимъ подчиненнымъ вопросъ о продолженіи у него службы очень круто. Вѣроятно послѣ такого столкновенія съ Катенинымъ Григорьевъ написалъ письмо къ И. И. Срезневскому, гдѣ высказалъ свой взглядъ на наше чиновничество: „И скучно, и грустно и никакихъ служебныхъ бумагъ писать не хочется. Въ такія минуты я обращаюсь заочно къ кому-нибудь изъ тѣхъ немногихъ, кого люблю, и заочно жму руку такому человѣку. Позвольте же пожать сегодня вашу, любезнѣйшій Измаилъ Ивановичъ....

„Синекуръ въ провинціи почти нѣтъ, развѣ мѣста чиновниковъ для особыхъ порученій. Съ пользою или безъ пользы для дѣла, а въ провинціи всѣ служащіе работаютъ, и много работаютъ. Чѣмъ пустѣе, чѣмъ ничтожнѣе работа, тѣмъ тяжелѣе она для человѣка, понимающаго разницу между полезнымъ, производительнымъ трудомъ и толченіемъ воды. А надо сказать, что большая часть административной дѣятельности въ нашемъ управленіи есть переливаніе изъ пустаго въ порожнее. Не слишкомъ весело тому, кто съ утра до ночи обязанъ коптѣть надъ этимъ процессомъ. И добро бы еще, если наша дѣятельность была бы безполезна, а то, подчасъ и даже весьма нерѣдко, бываетъ она вредна, ибо отодвигаетъ дѣло вмѣсто того, чтобы подвигать его; иной разъ спакостимъ такъ, что во сто лѣтъ не поправишь. Кто, дѣйствуя въ простотѣ

души, не видитъ, по глупости и непониманію дѣла, какую пакость онъ дѣлаетъ, тому еще нешто. Но каково дѣлать пошлости и чепуху, вполнѣ понимая, что это пошлость и чепуха? А въ такомъ положеніи ежедневно приходится быть чиновнику. Ученый, какъ бы мелка ни была его работа, всегда можетъ утѣшаться тѣмъ, что по крайней мѣрѣ вреда никому не дѣлаетъ, что хоть песчинку къ песчинкѣ, да все-таки прибавляетъ, и хотя незамѣтно, но все-таки уплачиваетъ die grosse Schuld der Zeiten. А нашъ братъ чиновникъ сплошь и рядомъ долженъ участвовать въ такихъ мѣрахъ, которыя голова его и сердце признаютъ никуда негодными, не ведущими ни къ чему или ко вреду, истекшими не изъ пониманія обстоятельствъ и цѣли, а изъ безсмысленной тупости и невѣжественнаго равнодушія. Эта постоянная натуга убѣжденій и совѣсти есть одна изъ главнѣйшихъ причинъ, почему чиновникъ вездѣ, а у насъ въ особенности, — безнравственъ. Погнешься сегодня, погнешься завтра, смотришь и совсѣмъ скорчишься, уродъ уродомъ сдѣлаешься. Мѣсто мною занимаемое одно изъ лучшихъ въ Россіи, потому что даетъ возможность дѣйствовать иногда по убѣжденію, со всѣмъ тѣмъ я несчастливъ, потому что на каждомъ шагу принужденъ исполнять то, что представляется мнѣ противнымъ пользамъ Россіи и того народа, которымъ завѣдую. Какъ оріентилистъ, я, на бѣду мою, понимаю Азію и Азіатцевъ, а тѣ которые руководятъ моими дѣйствіями, не знаютъ аза ни въ томъ, ни въ другомъ, и, мѣряя все на европейскій аршинъ, сѣдлаютъ корову арчакомъ, а коня запрягаютъ въ ярмо. И никакъ этого никому не растолкуешь. Станешь доказывать, такъ обижаются, и тебѣ же говорятъ, что не понимаешь дѣла. Знающій человѣкъ, по крайней мѣрѣ даромъ безъ цѣли не сдѣлаетъ вреда, а невѣжа дѣлаетъ его походя, да еще съ мыслію, что ужасно какъ хорошо поступаетъ. Терпѣть не могу Англичанъ, какъ націю, а жалѣю, что родился русскимъ, а не англичаниномъ. Человѣку не глупому стыдно быть русскимъ чиновникомъ, особенно по части азіатскихъ дѣлъ. Да и вообще въ настоящее время безъ внутренняго негодованія помыслить не можемъ о томъ, что принадлежишь къ этой пошлой націи телятъ и свиней, которая зовется Русью. Не видя нравственнаго начала (....) въ отношеніяхъ частныхъ лицъ, я думаю — не смотря на проведеніе желѣзныхъ дорогъ, образованіе компаній всякаго рода, шевеленіе вопросовъ о крестьянахъ, духовенствѣ, чиновникахъ и проч.—думаю, что Россія не организуется, а разлагается. Не взыщите за эту болтовню. Ей Богу, тяжело". (17 февраля).

4 марта 1858 года скончался Сенковскій. Почитатели его задумали издать „Сборникъ", посвященный памяти этого удивительнаго чело-

вѣка и состоящій изъ статей исключительно о немъ написанныхъ. Редактированіе Сборника поручалось Савельеву и Дерикеру; статьи обѣщали полковникъ Лебедевъ (редакторъ Русскаго Инвалида), Бенедиктовъ, Дружининъ, Михайловъ и многіе другіе. Савельевъ вызвался написать біографію съ общей характеристикой покойнаго; у Григорьева просили статьи о Сенковскомъ, какъ профессорѣ и оріенталистѣ. Эта просьба застала В. В. въ самое хлопотливое время. Онъ снаряжалъ нашу извѣстную миссію въ Хиву и Бухару, возложенную на полковника Н. П. Игнатьева, нынѣ графа. Затѣмъ Катенинъ предпринялъ поѣздку въ степь для обозрѣнія ея и взялъ съ собою Григорьева. И только во время этого путешествія явилась у В. В. возможность отвѣтить Савельеву на приглашеніе участвовать въ Сборникѣ, изданіе котораго однако не состоялось. 24 мая 1858 г. изъ урочища Бишь-Тамакъ, на р. Илекѣ В. В. писалъ своему другу: „Я не отвѣчалъ на пять писемъ твоихъ въ послѣднее время полученныхъ. Съ одной стороны нечего было и отвѣчать, потому что ты разсказывалъ о разныхъ новостяхъ петербургскихъ, съ другой—хлопоталъ по отправкѣ нашего посольства въ Хиву и Бухару, и по собственнымъ сборамъ въ степь съ Катенинымъ. О посольствѣ, относительно цѣли его и состава, ты знаешь, я думаю, все могущее интересовать тебя отъ В—ва. Что выдетъ изъ этого посольства, Богъ вѣсть; вѣрнѣе всего, что не выдетъ путнаго ни на грошъ, но меня порадовало и то, что есть такіе свѣдущіе по части Азіи и такъ ясно понимающіе положеніе дѣлъ, какъ нашъ посланникъ. Каковъ онъ окажется на берегахъ Аму и Зерэвшана, покажетъ будущее, но на меня лично произвелъ онъ отличное впечатлѣніе. Катенину же должно отдать полную справедливость на счетъ заботливости, съ какою снарядилъ онъ посольство: для безопасности его и путевыхъ удобствъ придумано и сдѣлано все, что только возможно было сдѣлать и придумать. Нѣмцевъ при посольствѣ чуть ли не болѣе русскихъ (.....). Обозрѣніе степи собственно Катенинымъ предпринято въ размѣрахъ, доселѣ безпримѣрныхъ: изъ Оренбурга мы идемъ на Эмбу, съ Эмбы черезъ Муголджары, Барсуки и Каракумы на Сыръ-Дарью до форта Перовскій; оттуда по Сыръ-Дарьѣ водою до Казалинскаго форта; оттуда обратно черезъ Каракумы въ укрѣпленіе Уральское, на рѣкѣ Иргизѣ; далѣе—въ укрѣпленіе Оренбургское на рѣкѣ Тургаѣ; оттуда къ вершинамъ Тургая на свинцовые пріиски въ Арганатинскомъ хребтѣ, отдѣляющемъ нашу степь отъ Сибирской; оттуда къ рѣкѣ Тоболу и вдоль праваго ея берега на Усть-Уйскую станицу Оренбургской линіи. Это составляетъ около 3200 верстъ степью, да отъ Усть-Уйской до Оренбурга 800

верстъ. Придемъ на линію въ концѣ сентября или началѣ октября, а выступили изъ Оренбурга вмѣстѣ съ посольствомъ 15 мая. До сихъ поръ погода благопріятствуетъ нашему походу, но жары обѣщаютъ быть страшными: какъ-то удастся перенести ихъ въ пескахъ. Относительно участія въ Сборникѣ на память Сенковскому, мнѣ предоставленнаго, очень благодаренъ тебѣ и Дерикеру; но я могу исполнить только первую часть программы—написать о Сенковскомъ, какъ профессорѣ; говорить же о немъ какъ оріенталистѣ нѣтъ у меня ни средствъ, ни времени. Для этого надо просмотрѣть все что онъ писалъ оріентальнаго въ Библіотекѣ для Чтенія, а откуда достану я полное изданіе этого журнала, живя въ Оренбургѣ или, и того хуже, странствуя по киргизской степи? А хотѣлось бы указать толкомъ на то, что сдѣлано покойникомъ въ области оріентализма. Впрочемъ, попробую, быть можетъ, написать кое-что при помощи однѣхъ справокъ съ книгами безъ журналовъ".

Все лѣто 1858 года В. В. провелъ въ степи. Съ 15 мая „обозрѣватели" шли до Эмбы полъ-мѣсяца, на Эмбѣ сидѣли 5 дней, послѣ того пошли вверхъ по Эмбѣ, перевалились черезъ Мугоджарскія горы. Отсюда В. В. писалъ своимъ домашнимъ: „Ну, вотъ и съ Эмбы снялись, просидѣвъ на ней 5 дней, и въ Мугоджарскія горы забрались. Покуда все слава Богу идетъ хорошо. Только голова болитъ у меня вотъ уже нѣсколько дней—оттого что не высыпаюсь хорошенько. А съ головной болью и работать не весело, тѣмъ болѣе письма писать. Александръ Андреевичъ ѣдетъ себѣ молодцомъ: все верхомъ да верхомъ: въ коляску не садился еще ни разу; хотя сердце и продолжаетъ схватывать у него по прежнему. Ну, а мы, грѣшные, покажемъ себя часика на два верхомъ, да и въ фургонъ лѣземъ. Жаль, что спать нельзя въ фургонѣ, хотя я и уложился отлично: по такимъ кочкамъ пробираемся, что трясетъ изъ рукъ вонъ. Верхомъ хотя и устаешь болѣе, ѣхать спокойнѣе. Лошадь, купленная мною у правителя, такъ мягка на ходу и шагомъ, и рысью, что просто не ѣдешь, а въ люлькѣ качаешься. На дневкахъ я вмѣсто чаю, пью кофей, да сверхъ того подпаиваетъ кофейкомъ и Александръ Андреевичъ. Вино пьемъ только за обѣдомъ и то немного". (Изъ письма отъ 10 іюня).

Затѣмъ, экспедиція прошла окраиною большихъ и малыхъ Барсуковъ, черезъ Кара-кумы прибыла 2 іюля въ фортъ № 1 на урочище Казалы у Сыръ-Дарьи, гдѣ путешественники раздѣлились на двѣ части: Катенинъ съ Дандевилемъ, Нефтелемъ и нѣкоторыми другими отправился дальше въ фортъ Перовскій на три недѣли; къ нему же присоединился и Н. А. Сѣверцовъ, выручепный изъ плѣна у Коканцевъ и сильно ими

израненный. Григорьевъ, Рейтернъ, Писаревъ, Зедделеръ, Чингисъ, Джантюринъ и прочіе остались въ Казалинскѣ отдыхать и работать. В. В. радъ былъ этому распоряженію, такъ какъ ѣзда по пескамъ въ жаръ надоѣла всѣмъ. Тысячи полторы верстъ проѣхалъ В. В. верхомъ, верстъ около тысячи въ тарантасѣ по цѣлинѣ, по кочкамъ. И только наступившіе холода и опасеніе быть застигнутымъ въ степи снѣгомъ заставили Катенина поспѣшить возвращеніемъ въ Оренбургъ.

Уже на пути къ нему, погода испортилась. 30 августа пошли дожди. Въ степи это величайшее бѣдствіе. Намокшія войлочныя кибитки воняютъ страшнѣйшимъ образомъ; развести огня нѣтъ возможности, такъ какъ единственное топливо кизякъ, который собираютъ въ полѣ, размоченный дождемъ, ни какими усиліями разозженъ быть не можетъ, почему приходится сидѣть безъ чаю и безъ горячей пищи. Въ самомъ ужъ крайнемъ случаѣ рѣшаются жечь повозки, а тамъ перекладины отъ кибитокъ и джуламеекъ. О простудахъ и разныхъ неудобствахъ и говорить нечего. Но Оренбургъ былъ уже не далеко, и 12 сентября В. В. прибылъ въ этотъ городъ, гдѣ ему предстояло приводить въ порядокъ запущенныя по управленію киргизами дѣла и систематизировать факты, извлеченные изъ этой поѣздки.

О результатахъ ея сообщилъ В. В. нѣсколько словъ В. В. Вельяминову-Зернову: „Ну, и узрѣлъ я лицемъ къ лицу и Эмбу, которую вы уже видѣли, и Оренбургское укрѣпленіе, котораго вы не видали. Пожива не большая: все таже дрянь, что и повсюду въ степи. Не узналъ я ничего новаго; какимъ пошелъ, такимъ и вернулся. Должно думать, что я уже высосалъ изъ степи всю ея премудрость. Съ этимъ результатомъ ввалился я 10 сентября въ Орскъ, и 12 въ Оренбургъ. Вотъ вамъ и отчетъ о степномъ походѣ, ну, а еслибы вы прочитали нѣкоторыя донесенія, которыя пошли прямо въ Петербургъ, то другое бы подумали. Охъ, силенъ я за другихъ писать, и сердито пишу".

Во время объѣзда степи Катенинъ лично имѣлъ возможность убѣдиться, какъ и высказывалъ это неоднократно, что пограничное управленіе пользуется уваженіемъ со стороны киргизовъ за безкорыстіе и безпристрастіе.

Дѣятельность В. В. въ Оренбургѣ пошла въ прежнемъ направленіи. „Съ пріѣзда—писалъ онъ Савельеву—засѣлъ опять за чернильницу и пишу, пишу. Ахъ, какъ надоѣло писать, писать за другихъ, не то, что думаешь и въ прибавокъ все одно и тоже; только на разные лады. Ѣдемъ, видишь, въ Питеръ, такъ отчеты, представленія, проекты заготовляетъ. По всѣмъ соображеніямъ, оставимъ мы Оренбургъ около конца

октября или въ началѣ ноября. Потащимся, значитъ, по мерзѣйшей дорогѣ въ гнуснѣйшую пору. То ли бы дѣло было хватить по первопуткѣ. Авось какъ нибудь отъѣздъ нашъ затянется до того времени. Конечно, тебя, мой милѣйшій, желалъ бы я облобызать, елико возможно скорѣе, ну, а въ Питеръ не тянетъ; нѣтъ, не тянетъ, хотя четыре года уже не видѣлъ его (.....). Ты знаешь, что вмѣстѣ съ нами выступило посольство наше въ Хиву и Бухару. Въ настоящее время оно должно уже быть въ Бухарѣ, ибо изъ Хивы выѣхало туда 1 сентября. Въ Хивѣ какъ и слѣдовало ожидать, не добилось оно никакого толку. Тотъ же успѣхъ будетъ несомнѣнно и въ Бухарѣ. Только деньги даромъ потратили. Но устья Аму развѣданы; пароходъ нашъ вошелъ въ одно изъ нихъ и проплылъ до Кунграда. Моряки вообще молодцы (.......). На дняхъ получилъ я еще нѣсколько монетъ изъ Бухары. Заплатилъ не дорого, да за то и толку нѣтъ. Привезу съ собою въ Питеръ. Впрочемъ, есть двѣ испегбедскія, такихъ, кажется оттуда не возятъ". (Изъ письма отъ 7 октября 1858 г.).

Писать за другихъ сильно надоѣло В. В. тѣмъ болѣе, что не оставалось досуга высказать собственную мысль; а скораго выхода изъ такаго положенія не предвидѣлось. По временамъ возникала у него мысль объ отставкѣ; въ письмѣ къ одному изъ своихъ друзей по поводу ея онъ заключилъ: „Но, прочь обольстительныя мечты, не соблазняйте труженика бюрократіи, не мѣшайте ему толочь воду съ важнымъ видомъ и подобающею степенностію—не пришелъ еще часъ его".

Статьей о Грановскомъ В. В. самымъ точнымъ образомъ опредѣлилъ свои взгляды и свое направленіе; стало извѣстнымъ, кто и въ какихъ случаяхъ могъ расчитывать на его сотрудничество. Когда П. И. Мельниковъ началъ издавать полуоффиціальную газету „Русскій Дневникъ", онъ обратился къ Григорьеву „какъ къ одному изъ немногихъ русскихъ людей независимаго мнѣнія", съ приглашеніемъ раздѣлить труды по этому предпріятію. В. В. съ полнымъ сочувствіемъ отнесся къ этому приглашенію и въ письмѣ обѣщалъ свое содѣйствіе:

„Мнѣ давно ужъ хотѣлось участвовать въ какой-нибудь газетѣ, направленіе которой не оскорбляло-бы того, что для меня дорого и свято, и редактора которой могъ-бы я уважать какъ человѣка. Живя не одною животною жизнію, и сознавая себя сыномъ земли Русской, нельзя время отъ времени не чувствовать желанія сказать свое слово о тѣхъ окружающихъ явленіяхъ, которыя задѣваютъ васъ за живое, какъ человѣка и гражданина. Но ради удовлетворенія этой потребности имѣть дѣло съ(.......), которые гуманны и благородны только на словахъ, на дѣлѣ-же

готовы для комфорта своего продать отца и мать—я не могъ: это казалось и кажется мнѣ профанаціею мысли и чувства, изъ которой не выдетъ никакого добра. „Русскій Дневникъ“ не намѣренъ по видимому топтать въ грязь отечественнаго по тому только, что оно не подходитъ подъ иностранную мѣрку, а ваше имя привыкъ я встрѣчать въ печати съ уваженіемъ и любовью, какъ имя человѣка, потрудившагося на своемъ вѣку, близко знающаго Россію и горячо желающаго ей всего хорошаго. Значитъ, любезное предложеніе ваше совершенно совпало съ собственнымъ моимъ желаніемъ. Можете потому быть увѣреннымъ, что на сколько позволятъ мнѣ силы и служебныя занятія, я постараюсь пригодиться вамъ праведными вѣстями о дѣйствительной, а не оффиціальной жизни того края, куда закинула меня судьба(....). Я къ новому-же году постараюсь доставить вамъ о настоящемъ положеніи дѣлъ въ подвѣдомственной мнѣ Киргизской степи статейку, которая, надѣюсь, не будетъ лишена общезанимательности, и представитъ факты не въ томъ фальшивомъ свѣтѣ, въ какой, по невѣдѣнію, облекаются они весьма добросовѣстно, людьми, можетъ быть, только нюхнувшими степи, тогда какъ для вѣрнаго пониманія совершающагося въ ней необходимо въѣсться и въѣсться въ нее“.

Мельниковъ отвѣтилъ на это письмо подробнымъ изложеніемъ обстоятельствъ, при которыхъ возникъ „Русскій Дневникъ“ и заявлялъ, что ждетъ статьи о киргизахъ съ нетерпѣніемъ. Сотрудничество Григорьева въ этой газетѣ ограничилось только одной корреспонденціей: „Съ береговъ Урала“, помѣщенной въ слѣдующемъ году, въ № 104. Вотъ съ этого времени В. В. началъ новый родъ журнальной дѣятельности: онъ сталъ писать корреспонденціи о положеніи дѣлъ въ степи.

Въ половинѣ декабря В. В. могъ отправиться „по дѣламъ службы“ въ Петербургъ, гдѣ засталъ еще конецъ 1858 г. Наступившій 1859 годъ оказался для В. В. многознаменательнымъ: давно уже чувствуя склонность къ семейной жизни, В. В. женился. Свадьба происходила 8 февраля. Женился онъ на вдовѣ Ольгѣ Васильевнѣ, по первому мужу—Маришекъ, урожденной Татищевой.

Срокъ командировки уже истекалъ, и въ началѣ марта выѣхалъ В. В. изъ Петербурга; но въ Москвѣ едва не застрялъ: началась распутица. На шоссе до Владиміра весь снѣгъ стаялъ, приходилось покупать тарантасы, чтобы во Владимірѣ ихъ бросить и пріобрѣсти возки. Думалъ было В. В. вернуться въ Петербургъ и тамъ дождаться настоящей весны т. е. вскрытія рѣкъ, чтобы Волгою отправиться на пароходѣ изъ Твери до Уфы или до Самары, послалъ даже и заявленіе Катенину о своемъ

положеніи съ просьбою продлить срокъ командировки; но потомъ раздумалъ и двинулся въ путь, который совершилъ съ опасными приключеніями, какъ увѣдомлялъ Савельева письмомъ изъ Оренбурга отъ 21 апрѣля 1859 года: „До Владиміра ѣхалъ на колесахъ, оттуда въ саняхъ. Оку, Волгу проѣхали совершенно благополучно. Приближались уже къ Самарѣ, какъ пошелъ проливной дождь при сильномъ вѣтрѣ, и дороги въ полсутки испортило такъ, что дальнѣйшее путешествіе обратилось уже въ крайне неудобное и даже опасное плаваніе, ибо зимнія дороги прокладываются большею частію по рѣкамъ, а рѣки уже понялись водою. За Бузулукомъ засѣли ночью въ зажорѣ—ты не знаешь что̀ это за штука, я тоже не зналъ—съ женою отъ страху сдѣлалась лихорадка. Къ утру, собравшимся народомъ насъ вытащили, но я самъ, распоряжаясь, провалился сквозь снѣгъ въ воду по грудь. Въ предупрежденіе послѣдствій отъ такого купанья, меня тутъ-же въ возкѣ заставили переодѣться. Ѣхали, ѣхали покуда была какая-нибудь возможность, на 15 лошадяхъ съ 20-ю верховыми провожатыми; но добравшись до станціи Татищевской, въ 65 верстахъ отъ Оренбурга, должны были остановиться, за крайнею опасностью продолжать путь: надо было дать время зажорамъ и ручьямъ стечь. Пять сутокъ прожили мы на станціи, тутъ ужъ думалъ я и засесновать; но не утерпѣли: какъ посбыли нѣсколько воды, пустились на перекладныхъ. Пошелъ дождь, подъ которымъ пришлось мокнуть 8 часовъ сряду. Думалъ, что заболѣю. Богъ миловалъ, однако-же. Съ послѣдней предъ Оренбургомъ станціи поѣхали на колесахъ. Черезъ рѣчки переправляли насъ въ лодкахъ. На Сакмарѣ ледъ посереди рѣки еще держался; но отъ береговъ его отмыло сажень на 10 съ той и другой стороны. Надо было на этотъ рыхлый ледъ переѣхать на лодкѣ, пробраться имъ, и потомъ опять на лодкѣ переплыть на противоположный берегъ. Такъ и переправились жена съ племянницею; но только что онѣ выбрались на берегъ, какъ ледъ стало ломать, и онъ двинулся. Въ узкомъ мѣстѣ льдины однако-же сперло. Пользуясь минутою, кинули мы двѣ три досочки, по которымъ я и дошелъ до большой, крѣпкой еще льдины, а съ нея на берегъ переѣхалъ тоже на лодкѣ. Наконецъ, 31 марта въ 4 часа по полудни, Оренбургъ принялъ насъ въ свои сухія объятія.“

Письмо это было послѣднимъ отъ В. В. къ Савельеву, тогда уже неизлѣчимо больному, и начиналось оно приглашеніемъ ѣхать скорѣе въ Оренбургъ лѣчиться кумысомъ: „Рѣки у насъ давно уже разошлись, разлились, деревья начинаютъ зеленѣть, свѣжая трава ползетъ изъ земли, скоро будутъ доить кобылъ на кумысъ—что же ты, мой желанный, со-

бирайся въ путь, если еще не собрался, отправляйся въ Тверь, садись на пароходъ и плыви, плыви, если нельзя до Уфы, то хотя до Самары. Жду тебя, дожидаюсь, и въ ожиданіи скучаю. Пріѣзжай поскорѣе, не теряй времени. Сдѣлаемъ тебя молодецъ-молодцомъ". Оканчивалось оно тѣми же приглашеніями: „Дома все нашли благополучно, кромѣ моей верховой лошади, которую прочилъ я для тебя: ее опоили. Но авось поправится, а тебѣ найдемъ другую. Пріѣзжай же, пріѣзжай:

Was du willst, das sollst du haben
Ruhe, Freude oder Scherz....

„Все къ твоимъ услугамъ (......)—и паче всего два любящихъ тебя сердца, которымъ пріѣздъ твой доставитъ большую радость. Мы только и думаемъ, и говоримъ что о тебѣ".

Но не пришлось Савельеву воспользоваться этимъ приглашеніемъ: 19 мая его не стало.

Вѣсть о смерти Савельева глубоко потрясла В. В. Онъ рыдалъ, какъ ребенокъ, ни за что взяться не могъ: дѣло изъ рукъ вываливалось. А между тѣмъ къ нему стали доходить извѣстія о послѣднихъ дняхъ покойника, и разстраивался онъ еще больше. Въ письмѣ къ г. Вельяминову-Зернову онъ говорилъ: „А жить сдѣлалось мнѣ очень тяжело со смерти Савельева. Я не зналъ до этой минуты, какъ любилъ его, какъ тѣсно былъ съ нимъ связанъ. Не говорю о прошедшемъ, даже въ будущемъ всѣ надежды, всѣ предположенія мои были въ связи съ его существованіемъ. Теперь мнѣ не достаетъ чего-то необходимаго: точно правую руку отрѣзали".

Сознавая свои обязанности къ почившему другу, Григорьевъ тогда же позаботился написать біографію его, и для содѣйствія въ этомъ дѣлѣ обратился къ И. И. Срезневскому:

„Вы знаете, многоуважаемый Измаилъ Ивановичъ—писалъ онъ—какъ любилъ я покойнаго Савельева. Извѣстіе о смерти его въ то время, какъ я со дня на день ожидалъ пріѣзда его въ Оренбургъ, чтобы лечиться въ здѣшнемъ краю кумысомъ, было для меня страшнымъ ударомъ, хотя предчувствіе, что я не увижу моего Савушку, говорило во мнѣ еще при разставаніи съ нимъ, когда уѣзжалъ я изъ Петербурга. Въ первое время послѣ этой потери мнѣ было не до писанья; Савельевъ былъ слишкомъ дорогъ для меня, какъ человѣкъ, чтобы думать о немъ, какъ о нумизматѣ. Тѣмъ не менѣе, лишь только получилъ я извѣстіе о смерти его отъ брата покойнаго, Александра Степановича, какъ тотчасъ-же просилъ послѣдняго выслать мнѣ формулярный списокъ Пав-

ла Степановича, необходимый для составленія біографической о немъ статьи. Это было въ маѣ. Теперь августъ идетъ къ половинѣ, а я не имѣю отъ А. С. Савельева ни формуляра, ни увѣдомленія, почему онъ не высылается. Сдѣлайте милость, заверните мимоходомъ къ А. Савельеву и напомните ему о моей просьбѣ (......). Безъ формуляра я рѣшительно не имѣю сѣти хронологической, которую могъ бы наполнять извѣстными мнѣ біографическими фактами, и подвергаюсь опасности надѣлать большихъ промаховъ(.....). Вообще, живя въ Оренбургѣ, трудно писать о комъ либо и о чемъ либо, кромѣ себя самого. Жизнь и безъ того была для меня не слишкомъ радостна, со смертію же Савельева стало для меня такъ пусто на свѣтѣ, что хоть самъ ложись и умирай. Не хочется ни говорить, ни писать". (Изъ письма отъ 12 августа 1859).

Эти слова вылились прямо изъ души: что чувствовалъ В. В. то и писалъ. Впослѣдствіи, переселившись въ Петербургъ, онъ часто ходилъ на Смоленское кладбище и тамъ буквально рыдалъ надъ могилой Савельева.

Составленіе біографіи Савельева пріобрѣло для Григорьева особенное значеніе: Имп. Русское Археологическое общество, желая почтить память и заслуги своего бывшаго члена-основателя, обратилось къ В. В. съ предложеніемъ написать біографію Савельева для Общества. Такое предложеніе чрезвычайно обрадовало В. В. Съ одной стороны оно ободрительно подѣйствовало на него послѣ тѣхъ нападокъ, которыя вынесъ онъ за Грановскаго; съ другой—позволяло не стѣсняться размѣрами біографіи.

Какъ работалъ надъ ней Григорьевъ, высказалъ онъ въ предисловіи къ своей книгѣ: „Я принялся за изложеніе воспоминаній моихъ о П. С. и за извлеченіе изъ писемъ его, у меня хранящихся, лишь только очнулся нѣсколько отъ первой горести объ утратѣ его; но это занятіе, при которомъ образъ милаго мнѣ человѣка долженъ былъ возникать постоянно въ моемъ воображеніи, сжимая сердце горемъ, разстроило нервы мои до того, что я заболѣлъ, и не могъ докончить прошлою осенью начатаго труда. Кромѣ того я увидѣлъ, что почитатели памяти покойнаго, для которыхъ этотъ трудъ и назначается, не могли довольствоваться одними тѣми фактами изъ его жизни, которые представляютъ память моя и письма его ко мнѣ; а у меня не было даже формуляра о службѣ П. С., и никакой библіотеки, гдѣ я бы могъ навести справки о его 30-лѣтнемъ участіи въ отечественныхъ журналахъ". (Стр. V—VI). Надо было ради этихъ справокъ съѣздить въ Петербургъ, о чемъ В. В. и сталъ хлопотать.

Григорьевъ не принадлежалъ къ числу сторонниковъ нашихъ завоеванiй въ Средней Азiи. Онъ не видѣлъ въ этомъ надобности ни въ видахъ расширенiя нашей торговли съ нею, ни даже въ видахъ обезпеченiя нашихъ владѣнiй отъ набѣговъ хищниковъ. Доводы въ пользу такого мнѣнiя изложилъ онъ въ особой запискѣ, составленной для Катенина въ сентябрѣ 1859 года: „По вопросу о занятiи Ташкента и дельты Аму" [1]). Но въ той же запискѣ онъ все таки утверждаетъ: „Къ этому результату, то-есть къ овладѣнiю всею Среднею Азiею, придемъ мы, впрочемъ, ранѣе или позже я увѣренъ, хотѣло ли бы этого наше правительство, или не хотѣло,—въ силу того историческаго закона, по которому народы высшей образованности необходимо подчиняютъ себѣ своихъ сосѣдей слабѣйшихъ духовнымъ и матерiальнымъ развитiемъ. Россiя тяготѣетъ къ Средней Азiи, и какъ-бы безсвязны ни были наши дѣйствiя въ отношенiи къ ней, мы будемъ невольно подаваться туда, пока не встрѣтимся съ Англичанами, или съ какою другою преградою. Подчиняясь этому влеченiю, мы будемъ продолжать углубляться въ Среднюю Азiю не по обдуманнымъ планамъ, а по случайнымъ удобствамъ къ тому представляющимся, вслѣдствiе завлекающихъ обстоятельствъ и смотря по состоянiю нашихъ способовъ къ дѣйствiю. Въ настоящее время и безсилiе Хивы, и неурядица въ Коканѣ, даютъ намъ возможность, вызываютъ, такъ сказать, къ движенiю внутрь Средней Азiи безъ большихъ пожертвованiй". Въ концѣ записки читаемъ: „Въ заключенiе, два слова о способѣ занятiя того или другого края. Если мы съумѣемъ устроиться такъ, что войска наши въ Кунградской и Ташкентской областяхъ будутъ продовольствоваться мѣстными способами, не потребуется огромныхъ издержекъ на фортификацiонныя и казарменныя тамъ постройки, и всѣ постоянныя издержки на содержанiе тамъ русскихъ гарнизоновъ, или по крайней мѣрѣ $^2/_3$ этихъ издержекъ будутъ покрываться денежнымъ сборомъ съ мѣстныхъ жителей—тогда оба предпрiятiя можно назвать выгодными. Если же то и другое прiобрѣтенiе потребуетъ большихъ расходовъ на счетъ Оренбургскаго края или государственной казны, если занятiе дельты Аму будетъ сопряжено сверхъ того

---

[1]) Въ этой запискѣ Григорьевъ старается разобрать, къ чему стремимся мы относительно Средней Азiи и разсматриваетъ вопросъ съ трехъ сторонъ: 1) Хотимъ ли мы ограничиться настоящими владѣнiями нашими со стороны Средней Азiи, и только стремимся обезпечить ихъ безопасность? 2) Имѣемъ ли виды подчинить Среднюю Азiю, при удобныхъ обстоятельствахъ, русскому скипетру, находя это нужнымъ по тѣмъ или другимъ причинамъ? 3) Наконецъ, не имѣя этихъ видовъ, стремимся ли мы къ тому только, чтобы обезпечить безопасность и расширить производство русской торговли въ Средней Азiи?

съ устройствомъ цѣлой военной флотиліи—лучше будетъ, по-видимому, воздержаться какъ отъ того, такъ и отъ другаго пріобрѣтенія".

Событія, скоро затѣмъ послѣдовавшія, вполнѣ оправдали предсказанія В. В., показавъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что опасенія его на счетъ обремененія государственнаго казначейства большими расходами, были далеко не напрасны.

Какъ Григорьевъ понималъ Азію, можетъ свидѣтельствовать еще слѣдующій фактъ: когда Мухаммедъ Фенагъ былъ возведенъ Туркменами на престолъ въ Кунградѣ въ 1859 году, В. В. печатно предсказалъ, чѣмъ кончится его судьба, что тѣ же самые Туркмены продадутъ его голову Хивинскому хану. Прошло три мѣсяца послѣ этого предсказанія, и оно исполнилось слово въ слово.

Въ 1859 г. Комиссію отчислили отъ министерства иностранныхъ дѣлъ и перевели въ министерство внутреннихъ. Отчисленіе совершилось очень поспѣшно, докладъ Государю сдѣланъ былъ на основаніи одной объ этомъ записки Григорьева, не ожидая обѣщанныхъ подробностей: такъ солона пришлась комиссія Азіатскому департаменту. Прежняя Киргизская степь переименовалась въ область, а управляющій ею получилъ права губернатора. Нашлись люди, которые по этому случаю стали интриговать противъ Григорьева; одному изъ своихъ петербургскихъ друзей онъ писалъ: „Меня ненавидятъ еще болѣе прежняго. Это, наконецъ, начинаетъ надоѣдать. Не знаю, долго ли еще хватитъ у меня терпѣнія пробыть здѣсь". Съ Катенинымъ у него также большихъ ладовъ не было, какъ видно изъ слѣдующаго письма къ г. Вельяминову-Зернову: „Въ Оренбургѣ рѣшено, что по поводу переименованія Киргизской степи Оренбургскаго вѣдомства въ область, начальникомъ области будетъ военный губернаторъ, которымъ Катенинъ и назначаетъ Ладыженскаго, я же, какъ статскій, буду уволенъ отъ службы. Это весьма можетъ быть: между мною и Катенинымъ пробѣжала въ послѣднее время не одна кошка. Въ прошломъ году онъ, также не предупредивъ, спустилъ по холодку своего начальника штаба. Я нисколько не прочь бросить службу въ Оренбургѣ; пусть бы оставили за штатомъ, но съ причисленіемъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ, и выдачею единовременно годоваго содержанія; а то, пожалуй, и этого не сдѣлаютъ. Поэтому по дѣламъ покойнаго Савельева, и по разнымъ другимъ причинамъ, мнѣ надобно побывать въ Петербургѣ, и я еще съ мѣсяцъ тому просился у Катенина въ отпускъ на 28 дней; но онъ отказалъ подъ предлогомъ собственной своей поѣздки, объявивъ, что отпуститъ меня въ Петербургъ не прежде, какъ самъ возвратится оттуда. Значитъ, ранѣе конца января я не могу быть въ

Петербургѣ. Этотъ отказъ тоже весьма подозрителенъ. Рѣшительно не знаю, какъ быть съ своею службою. Въ Оренбургѣ мнѣ стали пакостить на каждомъ шагу, а въ Петербургѣ, какъ извѣстно, нѣтъ у меня ни связей, ни протекціи". (Изъ письма отъ 17 ноября 1859 г.).

Не поладивъ съ Катенинымъ, Григорьевъ намѣревался было перейти на службу въ министерство финансовъ, къ Княжевичу, что представлялось въ то время весьма возможнымъ: вслѣдствіе задуманныхъ въ этомъ вѣдомствѣ разныхъ преобразованій, требовались способные и дѣятельные люди. Но должность, занимаемая Григорьевымъ, и его чинъ препятствовали ему принять въ министерствѣ мѣсто ниже директора департамента, или чиновника особыхъ порученій V класса, а вакансій такихъ тогда не имѣлось свободныхъ.

Много было поводовъ у В. В. быть недовольнымъ Катенинымъ. Приведемъ одинъ. Катенинъ оказалъ Исету Кутебарову неразумное, можно сказать, помилованіе. Этотъ разбойникъ сталъ даже пользоваться почетомъ въ степи. Киргизы увидѣли, что возмущаться противъ русскаго Правительства и раззорять своихъ собратій можно не только безнаказанно, но что начальство за это даже чествуетъ, тогда какъ потерпѣвшіе отъ бунтовщика совершенно раззоряются, имъ отказывается даже въ возвращеніи отнятаго у нихъ. „Отчего же послѣ этого не бунтовать?—говорилъ В. В.—не только простятъ, но еще наградятъ. Прощеніе Кутебарова съ тѣми льготами, которыми оно сопровождалось—дѣло вопіющаго беззаконія и несправедливости".

Наконецъ, В. В. получилъ разрѣшеніе отправиться въ Петербургъ, и въ концѣ февраля 1860 г. выѣхалъ изъ Оренбурга. Тамъ поселился онъ въ квартирѣ Савельевыхъ, въ кабинетѣ покойнаго, и занялся разборомъ его бумагъ, дѣлалъ необходимыя для біографіи справки. Полтора мѣсяца провелъ онъ за этой работой, рѣдко выходя изъ дому и то только къ очень близкимъ знакомымъ, хотя обстоятельства и не располагали къ подобному домосѣдству. Наканунѣ пріѣзда Григорьева въ Петербургъ, братъ покойнаго, А. С., упалъ съ лошади и получилъ ударъ копытомъ въ руку. Рука опухла, сдѣлалась рожа, потомъ нагноеніе. Больному становилось хуже и хуже. Не помогла и операція. Григорьеву надо было возвращаться въ Оренбургъ. 1-го мая онъ извѣщалъ своихъ домашнихъ: „Если ничего особеннаго не случится, то завтра я покидаю Питеръ и стремлюсь въ Тверь, гдѣ сажусь на пароходъ и валяю по Волгѣ до Казани. Здѣсь, если найдется шиповскій пароходъ, который пойдетъ въ Бѣлую, то ѣду водою до Уфы. Иначе—отправлюсь водою изъ Казани на Самару, а оттуда до Оренбурга сухопутьемъ на переклад-

ной. Но можетъ случиться нѣчто особенное, и я не выѣду завтра изъ Питера. Это особенное—смерть Александра Савельева, если онъ умретъ. А онъ плохъ: дня три тому его исповѣдали и причастили. Съ тѣхъ поръ ему, правда, стало нѣсколько лучше, но это улучшеніе можетъ быть обманчиво. Такъ испорчена у человѣка кровь, что мало надежды на дѣйствіе въ немъ силъ природы. На этой недѣлѣ я три раза былъ на смоленскомъ кладбищѣ. Теперь оно нравится мнѣ еще больше прежняго. Памятникъ мамашѣ починенъ; распорядился также поправить плиту на могилѣ дяди Владиміра Ивановича. Пріѣду опять въ Питеръ, такъ закажу плиту и на могилу А. Е. Фигурина: она обведена желѣзной рѣшеткой, но внутри рѣшетки только крестъ деревянный, а надъ могилою сестры Марьи Павловны, которая похоронена подлѣ мужа, нѣтъ и креста. Поклонился также праху Н. И. Надеждина и К. А. Неволина. Павлу Савельеву монументъ выбралъ я по своему вкусу, и надпись на немъ будетъ тоже умная".

Но 2 мая В. В. не выѣхалъ, онъ оставался въ Петербургѣ еще два дня, чтобы устроить умиравшему Савельеву духовное завѣщаніе въ пользу старухи матери, которая могла бы по смерти сына остаться ни при чемъ. Не безъ труда и при помощи добрыхъ людей уладилъ онъ это доброе дѣло, и 4 мая отправился по Николаевской дорогѣ въ Тверь, не дожидаясь смерти Савельева, которая еще бы удержала его на нѣсколько дней. О смерти А. С. Савельева извѣстилъ В. В. другъ Савельевыхъ съ дѣтства, А. А. Красильниковъ, съ которымъ близко сошелся и В. В. Въ отвѣтъ на это печальное извѣщеніе послѣдній писалъ: „Вы угадали почтеннѣйшій Александръ Александровичъ: никто кромѣ васъ не принялъ на себя труда увѣдомить меня о кончинѣ Александра Степановича. Миръ праху его! Онъ умеръ, вы пишите, 5 мая; я уѣхалъ изъ Питера 4-го, и думалъ, что онъ и этого дня не переживетъ. Какъ оставилъ его уснувшимъ, такъ, казалось мнѣ, онъ и не проснется. Значитъ, я только сутками ошибся. Ну, онъ отзвонилъ свою обѣдню: долго ли то намъ остается дозванивать свою? Что до меня касается, то я чувствую себя сильно ослабѣвшимъ, не надѣюсь и не желаю маячить здѣсь еще долгое время. Окончить бы біографію Павла—это долгъ совѣсти—да и вслѣдъ за нимъ. Ужасно скучно и тяжело жить на свѣтѣ: современность не по вкусу мнѣ; я не чувствую себя способнымъ дѣйствовать вмѣстѣ съ героями настоящаго; а когда не годишься для жизни зачѣмъ же и жить (....). Татьянѣ Михайловнѣ Савельевой утѣшеній не посылаю: безполезно, да и не по моей части это. А жаль бѣдную старуху". (Изъ письма отъ 7 іюня 1860 г.).

Г. Вельяминову-Зернову Григорьевъ писалъ: „До Самары добрался я благополучно на пароходѣ, а изъ Самары до Оренбурга на перекладной. Въ Оренбургѣ оказалось все въ томъ же положеніи, въ какомъ было при моемъ отъѣздѣ, за исключеніемъ того, что въ двухмѣсячное отсутствіе мое —ъ успѣлъ сдѣлаться въ глазахъ Катенина великимъ человѣкомъ, и интриговалъ уже, какъ бы попасть на мѣсто правителя генералъ-губернаторской канцеляріи. Въ іюнѣ Катенинъ поѣхалъ осматривать Уральское войско, возвратился изъ этой поѣздки 23 числа, а ночью 24 вдругъ умеръ отъ аневризма. По отношеніямъ, какія существовали между нами въ послѣднее время, смерть его не поразила меня горестію. Съ тѣхъ поръ мы чуть не сгорѣли въ пожаръ 21 іюля, испепелившій четверть города. Теперь ждемъ пріѣзда новаго генералъ-губернатора—Безака. Говорятъ, что сей баринъ весьма строгъ, и всѣ власти предаются страху. Что будетъ, то будетъ". (Изъ письма отъ 16 августа 1860).

Пользуясь свободою отъ явокъ по начальству, безтолковой хлопотни о пустякахъ и прочихъ служебныхъ волненій, В. В. принялся за біографію Савельева, въ сентябрѣ кончилъ ее, о чемъ прежде всего поспѣшилъ увѣдомить г. Красильникова, принимавшаго большое участіе въ этомъ дѣлѣ (27 сентября 1860):

„Въ концѣ іюля умеръ бывшій генералъ-губернаторъ нашъ Катенинъ. Настало безначаліе и оказалось очень хорошею вещію: не тревожимый служебными пустяками, административною чесоткою, я имѣлъ болѣе свободнаго времени, и, благодаря этому обстоятельству, успѣлъ окончить біографію покойнаго Павла Степановича. Не знаю, какова она вышла—самъ себѣ человѣкъ не судья; но я старался сдѣлать какъ только могъ лучше. Всего будетъ около 200 печатныхъ страницъ. Теперь рукопись моя переписывается, и въ субботу отправляется въ Питеръ, къ В. В. Вельяминову-Зернову. Если не будутъ лѣниться печатаніемъ, къ новому году книжка выдетъ въ свѣтъ. Будутъ приложены портретъ и цѣлая страничка fac-simile почерка. Матеріалами мнѣ доставленными отъ васъ, любезнѣйшій Александръ Александровичъ, я воспользовался вполнѣ, извлекъ изъ нихъ все, что, по плану моему, могло идти въ дѣло. Возвращаю ихъ вамъ съ глубочайшею признательностію. Если бы я имѣлъ побольше писемъ П. С. къ разнымъ лицамъ, такъ трудъ мой вышелъ бы занимательнѣе, а то кромѣ васъ, я ни отъ кого не получилъ ни строчки (.......). Когда трудъ мой будетъ прочтенъ вами, окажите дружбу, черкните нѣсколько строкъ, какъ его нашли, что̀ не нравится вамъ, что не нравится другимъ: я не привыкъ угождать на публику, и ото

всего, что дѣлаю, жду обыкновенно непріятностей—какъ быть, самъ люблю пободаться".

Затѣмъ, отправивъ уже рукопись въ Петербургъ, В. В. обратился къ И. И. Срезневскому съ слѣдующимъ письмомъ: „Наконецъ, Господу изволившу, кончилъ я біографію Савельева. Не повѣрите, любезнѣйшій Измаилъ Ивановичъ, какъ я этому радъ. Точно Богъ знаетъ какой подвигъ совершилъ. А все оттого, что боялся умереть, не сдѣлавъ этого дѣла, которое камнемъ лежало у меня на совѣсти. Теперь хоть и на тотъ свѣтъ, такъ можно. Я недоволенъ своимъ трудомъ, но сдѣлалъ все, что было въ моихъ силахъ, и лучше сдѣлать не могъ. Я привыкъ всѣ дѣла свои мѣрять по мѣркѣ „не желай того другимъ, чего себѣ не желаешь". А я былъ-бы очень доволенъ кабы обо мнѣ написалъ кто такъ, какъ я написалъ о Савельевѣ. Совѣсть моя покойна, а до остальнаго мнѣ дѣла нѣтъ. Рукопись мою отправляю я для печатанія къ В., но съ тѣмъ, чтобы онъ передалъ ее вамъ предварительно *на цензуру*. Ради памяти Савельева, дорогой для васъ, примите на себя трудъ пробѣжать мое писанье и *вымарать все, что покажется вамъ излишнимъ*. Самому себя цензировать нельзя. Но, съ другой стороны, не позволю я цензировать себя никому кромѣ васъ. Оффиціальная цензура—дѣло другое: та пусть мараетъ себѣ, что хочетъ. Вы только будете такъ добры что, въ случаѣ вымарокъ ея перерывающихъ смыслъ, свяжете какъ-нибудь разорванныя части. Васъ я прошу о цензурѣ нравственной, цензурѣ дружеской, но съ оговоркой, впрочемъ, одного—не трогать ничего, что собственно о васъ самихъ говорится. Въ этомъ вы не вольны распоряжаться.

„Изъ Питера, вы знаете, я выѣхалъ наканунѣ смерти А. С. Савельева и добрался до Оренбурга безъ всякихъ приключеній. Здѣсь нашелъ я все обстоящимъ благополучно, каковое благополучіе продолжается и до сего дня, за исключеніемъ того, что во всемъ краю голодъ: пудъ муки поднялся съ 30 коп. до 1 руб. 20 коп. Лѣтомъ стояли безпрерывные жары и все посохло—травы и хлѣба. Не знаю, какъ перебьются эту зиму мои бѣдные Киргизики. Въ добавокъ умеръ Катенинъ, но его мнѣ не жаль: добрый былъ человѣкъ, да пустой и страшно запуталъ дѣла. Теперь съ часу на часъ ждемъ новаго генералъ-губернатора Безака. Каковъ-то будетъ? Только пользуясь тремя мѣсяцами анархіи и могъ я покончить со статьею о Савельевѣ (........). Что-то не здоровится, не то лихорадка, не то разстройство желудка. Савельевъ написалъ вотъ біографію Сенковскаго, да и умеръ. Можетъ быть и я, по тому же примѣру, написалъ біографію Савельева, да и отправлюсь на свиданіе

съ нимъ. Въ такомъ случаѣ помяните и меня добрымъ словомъ". (2 окт. 1860).

Какъ только покончилъ В. В. біографію Савельева, принялся онъ за другую работу: за переводъ и объясненіе записокъ мирзы Шемса. Въ этомъ трудѣ онъ далъ первый въ то время образчикъ простонароднаго языка таджиковъ, а разсмотрѣніе грамматическихъ и лексикографическихъ особенностей этого языка являлось дѣломъ въ наукѣ совершенно новымъ; наконецъ, въ поясненіяхъ помѣщено было много новыхъ извѣстій. Къ началу года Григорьевъ расчитывалъ докончить этотъ трудъ, если бы новый генералъ-губернаторъ не сталъ заваливать его посторонней работой.

XVII.

10 октября В. В. писалъ г. Вельяминову-Зернову: „Новая династія вступила на престолъ, сирѣчь Безакъ, пріѣхавшій сюда третьяго дня, вчера принималъ служащую публику. Уживусь ли то я съ нимъ? Аллахъ вѣдаетъ! Я такъ привыкъ видѣть въ высшихъ начальникахъ отсутствіе всякихъ порядочныхъ понятій объ управленіи, придирчивость къ мелочамъ, неумѣнье цѣнить людей честныхъ и правдивыхъ, которые не удивляются имъ, и тому подобныя добродѣтели, что не жду ничего хорошаго".

Предчувствіе не обмануло В. В. Непріятности по службѣ начались съ того, что помощникъ Григорьева былъ переведенъ Безакомъ на другую должность, а на это мѣсто, не спрашивая согласія Григорьева, Безакъ посадилъ „по политическимъ соображеніямъ" лицо, о которомъ В. В. былъ не совсѣмъ высокаго мнѣнія, но котораго Безакъ, хотѣлъ выдвинуть по службѣ. Поступокъ генералъ-губернатора такъ непріятно подѣйствовалъ на Григорьева, что онъ, не любившій обыкновенно жаловаться на свою судьбу, а чувствовавшій потребность разсѣять дурное расположеніе духа, сѣлъ за ученую работу. Объ ней онъ писалъ г. Вельяминову-Зернову: „Обрѣтаюсь хотя и не совсѣмъ здравъ, но на ногахъ еще, и по прежнему одержимъ бѣсомъ статьеписанія. Съ прошлою почтою отправилъ въ Московское Общество Исторіи и Древностей статейку о путешествіи по средней Азіи въ 1790-хъ годахъ, Хрисанѳа митрополита Новопатрасскаго, мною откопаннаго. Слѣдовало бы собственно послать въ Географическое Общество, но „Вѣстникъ" печатается такимъ мелкимъ шрифтомъ, что читать непріятно. Теперь засѣлъ опять за служебную переписку, которая надоѣла до-нѣльзя, потому что толку отъ

нея нѣтъ никакого: пиши дѣло, пиши вздоръ, все принимается одинаково, и ни изъ чего толку не выходитъ. Ахъ, кабы Господь устроилъ такъ, чтобъ можно было выйти поскорѣе въ отставку со сноснымъ пенсіономъ! Тогда бы принялся, подъ старость, за какой нибудь дѣльный трудъ, чтобы не сойти въ могилу съ репутаціею „статеечника", или отправился воевать къ Гарибальди. чтобы проживши безпутно, по крайней мѣрѣ умереть за хорошее дѣло"....

Нѣсколько позже В. В., сообщая одному изъ своихъ друзей въ Петербургѣ подробности и причины назначенія ему помощника, между прочимъ говорилъ:

„И вы хотите, чтобы я не былъ золъ, видя что дѣлается и что со мною дѣлаютъ (....). Я заключилъ съ Безакомъ, по поводу назначенія —а такой контрактъ, что остаюсь еще въ Оренбургѣ на годъ, но съ тѣмъ, чтобы онъ, какъ поѣдетъ въ Питеръ, выхлопоталъ мнѣ отставку съ пенсіономъ; но боюсь, что надуетъ, не выхлопочетъ. Скверно тогда будетъ, еще хуже теперешняго...... Писательство у насъ развелось страшное: насчитано въ одномъ Оренбургѣ двадцать печатающихся господъ и одна госпожа, а сколько сочинителей проявилось въ Уральскѣ, Уфѣ, Самарѣ,—и все о какихъ предметахъ высокихъ трактуютъ (....). Господи Боже мой, какъ поглупѣлъ народъ со времени изобрѣтенія гласности! Дураки, которые прежде не смѣли рта открыть, ревутъ теперь во всю мочь и на всю Россію—о величайшихъ пустякахъ, толкуютъ вкривь и вкось о чемъ и малѣйшаго понятія не имѣютъ. И это прогрессъ! Въ такомъ положеніи вещей, мудрому остается одно—погрузиться въ магометанскую нумизматику". (15 февраля 1861).

Все чаще и чаще Григорьевъ сталъ думать объ отставкѣ. Намѣреніе свое уѣхать изъ Оренбурга высказываетъ онъ во всѣхъ письмахъ того времени. Липранди онъ писалъ: „У насъ все пока обстоитъ благополучно. Катенина замѣнилъ Безакъ. Я не въ проигрышѣ отъ этого, потому что въ послѣднее время былъ, какъ вамъ извѣстно, не въ ладахъ съ Катенинымъ. Но и съ Безакомъ не останусь я служить долго: здоровье мое такъ разстроилось службою въ Оренбургѣ, что я едва ли протяну здѣсь болѣе года. И сплю и вижу выйти въ отставку, если дадутъ пенсіонъ, и поселиться гдѣ-нибудь около Питера, въ Павловскѣ, Гатчинѣ или другомъ захолустьѣ". (21 февраля 1861).

Начавшіяся непріятности не могли не отразиться на здоровьѣ В. В. Въ письмѣ (отъ 5 іюля) къ г. Вельяминову-Зернову онъ сообщалъ: „Цѣлый мѣсяцъ ничего не дѣлаю, потому что еле живъ, а еле живъ оттого что все нездоровится. Теперь опять ѣмъ желѣзо. На дняхъ при-

хватила было лихорадка". Но если В. В. не могъ самъ работать, то не упускалъ случая побуждать къ работамъ другихъ. Въ томъ же письмѣ онъ говорилъ: „Имѣете вы понятіе о ярлыкѣ Дарма-Балы, писанномъ квадратнымъ монгольскимъ письмомъ? Это важнѣйшій памятникъ этихъ письменъ. Его собирался издать покойный Банзаровъ. Теперь я уговорилъ Бобровникова заняться изданіемъ этого документа, онъ присѣлъ, и къ осени вы получите, для припечатанія въ запискахъ Археологическаго общества, весьма хорошую статью по части монгольской археографіи. Въ Троицкѣ разрѣшено открыть школу для киргизовъ на особыхъ основаніяхъ, мною придуманныхъ. Въ половинѣ августа, дастъ Богъ, уѣду туда устроить это дѣло".

Получивъ отпечатанную біографію Савельева, В. В. писалъ Срезневскому: „Хотя и не страдаю я нетерпѣливостію, а помучился таки въ ожиданіи присылки изъ Питера книжицы моей о Савельевѣ: В—ъ писалъ мнѣ отъ 8 мая, что все уже кончено. „Все кончено", стало быть я получу книгу въ концѣ мая или началѣ іюня. Вотъ и былъ цѣлый мѣсяцъ какъ на иголкахъ. Ужъ отчаялся въ полученіи, думалъ, что раньше осени не увижу моего дѣтища, какъ 10 іюля является оно наконецъ въ сопровожденіи вашего посланія, милѣйшій Измаилъ Ивановичъ. Очень, очень вамъ благодаренъ за участіе, которое принимали вы въ качествѣ повивальной бабушки. Благодаря вамъ, ребенокъ вышелъ гораздо толще, чѣмъ слѣдовало ожидать по рукописи. Особенно доволенъ я тѣмъ, что вы припечатали и свое „воспоминаніе" о Савельевѣ. Вы знаете, какъ я дорожу этимъ произведеніемъ вашимъ—одною изъ самыхъ теплыхъ вещей на русскомъ языкѣ. Вы нашли нужнымъ измѣнить также правописаніе мое, систему пунктуаціи—ну, я думаю, что безъ этого можно было бы и обойтись. Впрочемъ, дѣло сдѣлано, такъ и толковать объ этомъ нечего. При настоящемъ случаѣ позволяю себѣ сказать нѣсколько словъ о собственной своей особѣ. Я—постоянно почти нездоровъ, такъ что едва ли могу оставаться на службѣ. Начальство обѣщало выпустить меня въ отставку съ пенсіономъ. Если не надуетъ, то весною будущаго года я переселяюсь опять въ Питеръ, и остаюсь тамъ до конца дней моихъ, пріютившись гдѣ нибудь на вашемъ славномъ островѣ. Отдохну, пріобрѣту силишекъ, такъ поработаю еще для науки... Больше мѣсяца, какъ я живу въ одиночествѣ, разнообразя жизнь свою — корректурами нѣкоей книжицы, которую печатаю въ Казани. Нынѣшній годъ вышелъ у меня плодовитъ на всякую дрянь. Послалъ по статьѣ во всѣ общества. Иныя уже напечатаны, другія будутъ. Расхрабрился такъ, что одну статью написалъ даже по французски. Археологическое подарю къ зимѣ,

въ сообществѣ съ А. А. Бобровниковымъ, весьма хорошенькою вещицей. Видите, что я нисколько не похожъ на генерала, не довольствуюсь только подписываніемъ своей фамиліи на оффиціальныхъ бумагахъ". (13 іюля 1861).

Ученая дѣятельность В. В. выразилась въ то время въ слѣдующемъ.

Въ ученыхъ запискахъ Казанскаго университета печатался разсказъ мирзы Шемса Бухари. Въ запискахъ Географическаго общества—описаніе Хивинскаго ханства и дороги туда изъ Сарайчиковской крѣпости. Въ извѣстіяхъ Археологическаго Общества—о первыхъ монгольскихъ монетахъ Сельджукскаго типа, приписанныхъ Алушъ-Беку. Въ чтеніяхъ общества исторіи и древностей—сообщеніе Хрисанѳа, митрополита Новопатрасскаго, о странахъ Средней Азіи. Въ Journal Asiatique—Sur l'origine et les monuments de l'écriture carré dont l'invention est attribueé au Pagba-lama. Нѣсколько статей помѣщено въ разныхъ газетахъ. Печатаніе перваго изъ перечисленныхъ трудовъ обошлось не безъ хлопотъ, какъ видно изъ письма В. В. къ Н. И. Ильминскому: „Ждалъ, ждалъ корректуры изъ Казани—и дождался чортъ знаетъ чего. Я ужъ предчувствовалъ, что заглазно печатать нельзя. Прислали первый листъ персидскаго набора—я взглянулъ и чуть въ обморокъ не упалъ: этакая безвкусица татарская! Всѣ слова набраны безъ промежутковъ. Стоило писать рукопись такъ тщательно, какъ я писалъ ее. Растолкуйте наборщикамъ, ради Аллаха, что шпаціи между отдѣльными словами должны быть вездѣ, и вездѣ одинаковы, а не такъ, что на одной строкѣ между иными словами онѣ вставлены, а на другой строкѣ всѣ слова набраны одно вплоть къ другому. Если этого не понимаютъ, или не захотятъ сдѣлать, я не намѣренъ уродовать своей книжонки и попрошу прислать рукопись обратно, чтобы печатать въ Оренбургѣ. Восемь лѣтъ самъ командуя типографіей, я по опыту узналъ, чего можно и чего нельзя требовать отъ наборщиковъ. Капризамъ ихъ я покоряться не намѣренъ (....). Извините, что надоѣдаю вамъ, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, дѣломъ не по вашему вкусу, но—c'est plus fort que moi: не могу выносить безалаберщины ни въ чемъ касающемся до печати. На томъ зубы съѣлъ".

Что касается біографіи Савельева, то она, по своей теплотѣ и живому изложенію, произвела самое пріятное впечатлѣніе на всѣхъ знавшихъ покойнаго. Много сочувственныхъ писемъ получилъ В. В. по поводу своей книги, и эти отзывы доставили ему не мало отрадныхъ минутъ. Особенно дорожилъ онъ, какъ мы видѣли, мнѣніемъ г. Красильникова. А мнѣніе это было для В. В. весьма лестнымъ: „Я прочелъ

біографію съ такою жадностью—писалъ г. Красильниковъ—съ какою давно не читывалъ печатной книги (....). Не знаю, что вы чувствовали, писавъ книгу, но признаюсь, я, ничему незавидующій, невольно позавидовалъ вамъ. Этакъ отдать послѣдній долгъ другу не всякому достается. И сколько я могу судить, вы, какъ нельзя лучше разрѣшили трудную задачу написать занимательно біографію нашего покойнаго друга, жизнь котораго не была богата приключеніями". Приводимъ отрывокъ изъ отвѣта В. В-ча:

„Только теперь собрался отвѣтить на любезное письмо ваше отъ 26 сентября; впрочемъ нечего было и отвѣчать: предстояло только поблагодарить васъ за благопріятный отзывъ вашъ о моемъ трудѣ относительно біографіи покойнаго Павла Степановича. Я дѣйствительно писалъ не для публики, мнѣ дорого было угодить на тѣхъ, кто любилъ его, и если это удалось мнѣ, я вполнѣ доволенъ своею работою. Вы спрашиваете, не урѣзала ли чего цензура? Ничего, къ моему крайнему удивленію: это единственная толковая работа моя, не обезображенная вырѣзками; но вѣдь я знаю цензуру, и писалъ такъ, чтобы все можно было пропустить. Статей вашихъ въ Сѣверной Пчелѣ не читалъ я ни одной—по той простой причинѣ, что не получаю этой газеты, и получаетъ ли ее кто въ Оренбургѣ, не знаю. Не обижайтесь этимъ; я дѣлаю лучше: посылаю свои статьи въ ту же Пчелу, и не знаю, печатаются онѣ или нѣтъ. На слѣдующій годъ думаю однако же выписать". (22 ноября 1861).

Въ это время В. В. находилъ въ ученыхъ занятіяхъ и развлеченіе, и утѣшеніе, среди обрушившихся на него невзгодъ всякаго рода, такъ какъ служебныя дѣла его при Безакѣ очутились въ такомъ положеніи, что расчитывать на благопріятный исходъ ихъ сдѣлалось трудно. В. В. крѣпился, перемогалъ себя до поры до времени. „О своихъ дѣлахъ говорить мнѣ и скучно, и тяжело (писалъ онъ З—му). Живешь не такъ, какъ должно и какъ хочется, а какъ Богъ приводитъ. Эта разладица дѣйствительной жизни съ нормою ея тяжело дѣйствуетъ на душу: вѣчно недоволенъ и собою, и другими".

Осенью 1861 года В. В, получилъ двухмѣсячную командировку (съ 14 августа по 17 октября) въ восточную часть области Оренбургскихъ Киргизовъ для провѣрки слуховъ о корчемствѣ золотомъ, оказавшихся сильно преувеличенными, и для обозрѣнія мѣстныхъ лѣсовъ. В. В. не любилъ предпринимать какую-либо мѣру съ чужаго голоса, а потому рѣшился лично ознакомиться съ положеніемъ дѣла на мѣстѣ, чтобы не надѣлать какихъ нибудь несправедливостей и тѣмъ не причи-

нить еще большаго зла. Кромѣ того В. В. интересовался школою для киргизовъ, основанною въ Троицкѣ по его плану. Мысль о школѣ подалъ мѣстный попечитель Д. С. Жуковскій. В. В. сочувственно отнесся къ его заявленію и обработалъ проектъ устройства въ Троицкѣ Киргизской школы. Ассигновано на нее было по 1300 р. въ годъ. В. В. хотѣлъ лично открыть школу и дать направленіе преподаванію, а также удостовѣриться, какъ сами киргизы смотрятъ на это учрежденіе. Предварительный осмотръ школы произвелъ В. В. 31 августа, а затѣмъ отправился въ ставку правителя восточной части, откуда писалъ домашнимъ: „Вотъ я уже и на обратномъ пути, и до ставки правителя добрался. Отдѣлался скорѣе чѣмъ ожидалъ. Изъ Троицка выѣхалъ я 2 сентября поутру... Въ Луговой я ночевалъ, а на другой день около обѣда пріѣхалъ въ Звѣриноголовскую, гдѣ тоже ночевалъ. Погода съ выѣзда моего изъ Троицка стояла ненастная и дождливая. Изъ Звѣриноголовской предстояло отправиться въ степь, а такая погода не обѣщала мнѣ ни пріятнаго, ни скораго пути. И дѣйствительно, 4 и 5 сентября вовсе не пахли бабьимъ лѣтомъ, и вѣтеръ дулъ холодный, и дождь принимался итти почти безпрерывно; наконецъ пошелъ онъ вмѣстѣ со снѣгомъ и крупою: ну, думаю, скверно будетъ тащиться по снѣгу въ тяжеломъ тарантасѣ, и еще того сквернѣе ѣхать верхомъ—потому что лѣса́ нельзя осматривать иначе, какъ верхомъ. На ночлегахъ было однако очень удобно: вездѣ приготовлено было по три кибитки—одна для меня, одна для моихъ провожатыхъ (которыхъ всегда было отъ 5 до 10 человѣкъ), третья для кухни. Кибитки для меня назначенныя вездѣ были убраны коврами и обильно снабжены киргизскими подушками и одѣялами. По срединѣ кибитки разводился огонь, и не смотря на сырость на дворѣ, въ кибиткѣ было тепло и пріятно. 6 сентября предстояло мнѣ начать путешествіе по лѣсу. Просыпаюсь—солнце сіяетъ во всемъ блескѣ, погода чудеснѣйшая. Подсаживаютъ меня на коня, отправляемся въ боръ. Шатался часа три самымъ пріятнымъ образомъ, верстъ двадцать изъѣздили (....). 7 сентября посвящено было осмотру большаго Аманъ Карагайскаго бора. Ѣздили часа четыре, тоже верхомъ, но шагомъ или маленькою рысью. 8 сентября отправился я въ обратный путь, на ставку правителя. 9-е сентября провели въ дорогѣ, и ночевали по обыкновенію въ приготовленной и убранной всякими роскошами кибиткѣ. 10-го числа переѣхали въ бродъ черезъ рѣку Тоболъ, вода которой была довольно высока, почему изъ ящика въ тарантасѣ надо было выбрать всю лавочку, чтобы съѣстной товаръ не подмокъ. Переправились благополучно, и часа черезъ два пріѣхали въ ставку правителя, откуда и пишу теперь“. (10

сентября). „Сегодня поутру дѣлалъ визиты ордынскимъ дамамъ, потомъ учинилъ обѣдъ на шесть персонъ; вечеромъ толковали съ правителемъ о дѣлахъ. Чувствую себя очень хорошо. 11 сентября поутру ходилъ гулять пѣшкомъ въ лѣсъ по сосѣдству съ ставкою; верстъ 6—7 исходилъ. Потомъ принималъ киргизовъ и давалъ судъ и расправу. Обѣдалъ у правителя (....). Вечеромъ засѣлъ я въ преферансъ съ образованною степною молодежью. Сегодня поутру угощалъ я степныхъ барынь и дѣвицъ шоколадомъ въ моей кибиткѣ; потомъ обѣдали у меня разные господа. Завтра выѣзжаю изъ ставки". (13 сентября). Къ 15 сентября В. В. вторично пріѣхалъ въ Троицкъ. „Вечеръ сидѣлъ дома—продолжалъ онъ описывать свою поѣздку—и писалъ бумаги, да обдумывалъ великолѣпный обѣдъ, который рѣшилъ дать властямъ Троицкимъ по поводу открытія Киргизской школы". Обѣдъ происходилъ на слѣдующій день: „Накрыто было на 24 персоны. Столъ убранъ цвѣтами. Алексѣй устроилъ все какъ только можно было лучше. Подавали шесть перемѣнъ кушанья, кромѣ фруктовъ. Я велъ себя съ подобающею важностью, гости тоже; пьянъ никто не напился, а было чѣмъ. Разъѣхались въ четверть шестаго. Я остался очень доволенъ моимъ обѣдомъ, не знаю какъ другіе; но въ Троицкѣ невозможно было сдѣлать ничего лучше (.....). Головной нарядъ отдалъ я тоже въ степи, но не той персонѣ, которой назначалъ, а дочери правителя. Самъ надѣлъ".

На другой день В. В. отправился дальше, и изъ Верхнеуральска писалъ о своемъ путешествіи: „17 сентября, въ день столь обильный именинницами, праздновались тоже и именины жены моего Троицкаго попечителя, Ж—го. На обѣдѣ были только родные, да я съ С—мъ. Вечеромъ имѣлъ быть балъ преисполненный великолѣпія. На этомъ балу я, разумѣется, долженъ былъ служить украшеніемъ общества. Но, увы, пріѣхавши съ обѣда, я почувствовалъ дрожь, и увидѣвъ, что простудился немного, рѣшилъ не украшать общества, а просидѣть лучше дома, вспотѣть и выздоровѣть. Такъ и сдѣлалъ къ великому прискорбію Ж—го и его жены, и къ великому собственному удовольствію, потому что, сидя дома, написалъ отъ бездѣлья статейку въ одинъ журналъ объ одной книгѣ, которую статейку, на другой же день и отправилъ въ Питеръ (....). На другой день поднялись мы рано, и въ 8 часовъ утра были уже въ дорогѣ. Поѣхали мы въ Михайловское укрѣпленіе—резиденцію другаго попечителя, П—ва, и не останавливаясь здѣсь, проперли прямо въ аулъ къ Бирмухаммеду Куланбаеву, въ 13 верстахъ отъ укрѣпленія. Этотъ Бирмухаммедъ ѣздилъ въ Петербургъ. Гостей принимать—его пассія; онъ спалъ и видѣлъ какъ бы залучить

меня къ себѣ, чтобы говорили потомъ въ степи: „самъ управляющій пріѣзжалъ къ нему въ гости“. Ну, и угощалъ онъ на славу. Обѣдъ у него былъ не киргизскій, а европейскій; въ кибиткѣ поставлена желѣзная печь, повѣшена люстра, разставлены столы, стулья, кровать желѣзная для меня (....). 19 сентября принималъ поутру киргизовъ, велъ разныя рѣчи, ходилъ съ визитомъ къ матери и женѣ хозяина. Потомъ происходила конская скачка, стрѣлянье въ цѣль, борьба—обычныя явленія киргизскаго пированья. Обѣдъ былъ на 16 человѣкъ, очень хорошій, столовое бѣлье прекрасное, ножи серебрянные, бокалы тоже, вина всякаго вдоволь. Послѣ обѣда мы соизволили соснуть часочка два, а тамъ засѣли въ преферансъ съ Ж—ъ (который поѣхалъ провожать меня) и двумя киргизами, Юртеке, который тоже бывалъ въ Оренбургѣ и Петербургѣ, и братомъ Бирмухаммеда, Асадомъ; на этотъ разъ киргизы не обыграли меня, какъ въ 1858 году, а я наказалъ ихъ рублей на десять. Играли до полуночи. Въ 6 часовъ поутру отправился въ обратный путь черезъ Михайловское укрѣпленіе, гдѣ заѣхалъ на этотъ разъ къ П—ву. Затѣмъ, въ дальнѣйшій путь черезъ казачьи селенія въ раіонѣ Новой линіи, гдѣ никто на ѣздитъ, и гдѣ на тарантасъ съ пятеркою и штатскаго генерала смотрѣли какъ на чудо морское. Въ станицѣ Куликовской мы ночевали, а на другой день, около обѣда, были уже здѣсь, въ Верхнеуральскѣ. Верхнеуральскъ—резиденція Б—ва; я послалъ узнать дома ли онъ; оказалось, что ѣздитъ по своему попечительству. Болѣе едвали буду писать, потому что заѣду въ страны дикія, откуда почта не ходитъ“. (22 сентября).

Отсюда В. В. отправилъ корреспонденцію въ Сѣверную Пчелу объ открытіи въ Троицкѣ киргизской школы, съ изложеніемъ обстоятельствъ, препятствовавшихъ киргизамъ отдавать своихъ дѣтей въ русскія школы. Особенность троицкой школы заключалась въ томъ, что въ нее могли поступать и поступали не только дѣти, но и взрослые. Это чрезвычайно нравилось В. В. „Не странно ли видѣть—говорилъ онъ—что ребенка, который не понимаетъ пользы ученія, заставляютъ учиться насильно, а молодой человѣкъ, сознающій пользу образованія, котораго не получилъ въ дѣтствѣ, лишается средствъ пріобрѣсти его потому только, что выросъ? Такихъ ненормальностей тьма еще не только у насъ, но и въ западномъ человѣчествѣ“. Срока пребыванія въ школѣ не было положено: учись сколько хочешь, оставляй заведеніе, когда хочешь. Способъ преподаванія принятъ ланкастерскій. Помѣщеніе расчитано на 30 воспитанниковъ.

Изъ Верхнеуральска поѣхалъ В. В. въ Башкирію, на Преображен-

скій заводъ, и 5 октября вернулся въ Оренбургъ. Здоровье его вслѣдствіе поѣздки въ степь нѣсколько поправилось, онъ сдѣлался бодрѣе; но дѣла въ Оренбургѣ стали принимать все худшій и худшій оборотъ. Вскорѣ же послѣ этой поѣзки В. В. писалъ г. Вельяминову-Зернову: „Тяжело прожить жизнь такъ, какъ я ее прожилъ, и дожить до того, до чего я дожилъ“.... Въ другой разъ и также въ письмѣ онъ высказывалъ: „Нынѣшній прогрессъ въ томъ и заключается, что перемѣшались всѣ шашки, и честныхъ, въ общей свалкѣ и суматохѣ, еще труднѣе стало отличать отъ бездѣльниковъ, чѣмъ прежде. Я того и жду, что меня хватятъ по шапкѣ—не за глупость или тупость, не за отсталость въ понятіяхъ, не за мошенничество, а напротивъ, за несовременную честность и прямоту дѣйствій. Да пусть-бы хватили, какъ военныхъ генераловъ валяютъ—съ пенсіономъ по чину, а то, пожалуй, причислятъ къ министерству безъ содержанія, и грызи себѣ пальцы, послѣ 27 лѣтъ безупречной службы“.

Съ 1861 года В. В. сталъ часто доставлять въ газеты корреспонденціи по разнымъ интересовавшимъ его вопросамъ въ краю. Начальство не любитъ, когда „соръ изъ избы выносятъ“, и чтò-бы ни дѣлалось подъ управленіемъ и въ управленіи начальственнаго лица, все это должно доходить до общественнаго и правительственнаго свѣдѣнія въ самомъ розовомъ цвѣтѣ. Обнаруживать оборотную сторону медали, т. е. указывать на дѣйствительное положеніе вещей, чтобы сослужить общественную службу, дѣло не всегда безопасное — понималъ это и В. В., но другаго средства для борьбы съ произволомъ и вреднымъ направленіемъ, обнаружившимся въ администраціи, онъ не имѣлъ. Былъ, правда, еще одинъ путь—сноситься непосредственно съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, и пробовалъ В. В. пользоваться этимъ путемъ, на что имѣлъ право и по закону, но такой пріемъ на первыхъ же порахъ, оказался безуспѣшнымъ. Какъ разъ въ это время въ Москвѣ стала издаваться И. С. Аксаковымъ газета „День“, направленію которой В. В. не могъ не сочувствовать. Газета эта поставила себѣ задачею служить органомъ дѣйствительныхъ русскихъ интересовъ. Къ числу же дѣйствительныхъ интересовъ Русскаго народа, интересовъ кровныхъ, а не призрачныхъ, приносимыхъ модою и съ нею улетучивающихся, В. В. причислялъ отношенія наши къ тѣмъ племенамъ Азіи, судьбы которыхъ связаны съ нашею судьбою, которыя подчинены русской власти и управляются ею. И хотѣлъ онъ повести рѣчь о Киргизахъ, Башкирахъ, Татарахъ и другихъ инородцахъ, изслѣдовать вопросъ: въ какомъ положеніи они находятся, чѣмъ должны они быть, возможно ли сохраніе ихъ національности или

они должны слиться съ господствующею націею, обрусѣть; ведется ли дѣло сообразно съ требованіемъ обстоятельствъ, или же во вредъ интересамъ Россіи и самихъ азіатцевъ; какъ велось оно со времени подчиненія инородцевъ Россіи; понимаются ли нужды окраинъ и удовлетворяются ли онѣ мѣстными правителями и т. д. Какъ ни важенъ предметъ этотъ, до Григорьева не было о немъ въ литературѣ рѣчи. Изъ образованныхъ людей никого онъ не интересовалъ близко, а сами азіатцы не могли имѣть голоса по необразованности. Но и В. В. положилъ только начало подобнымъ изслѣдованіямъ: по независѣвшимъ отъ него обстоятельствамъ эти изслѣдованія прекратились очень скоро. На первыхъ порахъ принялся В. В. за дѣло весьма энергично. Хотя первая статья его, отправленная въ „День", не была напечатана, и отъ редакціи не получилъ онъ никакого извѣщенія о ней, но не смотря на то, В. В. отправилъ въ эту газету новое письмо: „Изъ за Уральской степи" за подписью Султана Мендали Пираліева [1]). Письма его о Киргизахъ возбудили живой интересъ въ людяхъ знакомыхъ съ Оренбургскимъ краемъ; но такихъ писемъ въ газетѣ „День", часто подвергавшейся цензурнымъ взысканіямъ, появилось только три.

Подъ тѣмъ же псевдонимомъ В. В. напечаталъ въ журналѣ мин. нар. просвѣщ. разборъ двухъ книгъ Н. И. Ильминскаго: „Самоучителя русскаго языка для киргизовъ" и „Матеріаловъ къ изученію киргизскаго нарѣчія". Относительно послѣдней онъ вступилъ даже въ полемику съ г. Ильминскимъ о способѣ передачи звуковъ киргизскаго языка буквами русской азбуки. Находясь съ авторомъ „Матеріаловъ" въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, В. В. извѣщалъ его о своихъ замѣчаніяхъ письмомъ отъ 25 апрѣля 1862 года:

„Вмѣстѣ съ симъ посылаю я въ редакцію „Ученыхъ Записокъ" вашего университета статью: „о передачѣ звуковъ киргизскаго языка буквами русской азбуки", въ которой разругалъ васъ на-пропалую, смѣшалъ съ грязью, разбилъ, уничтожилъ, превратилъ въ прахъ, и прахъ развѣялъ по вѣтру. Во вниманіе къ такой услугѣ мною вамъ оказываемой, вы будете такъ благодарны, что примете на себя трудъ, когда статья будетъ печататься, просмотрѣть корректуры, свѣряя наборъ съ оригиналомъ, чтобы вмѣсто дѣла не вышло чуши какой. При-

---

[1]) Послѣ этого втораго приношенія И. С. Аксаковъ писалъ В. В-чу: «Понимаю, что вы на меня дуетесь, и признаться сказать—есть за что. Оказывается, что я не отвѣчалъ вамъ ни разу, не отозвался ни единымъ словомъ на вашъ ободрительный привѣтъ. Статейку вашу тогда не пропустили, но я упомянулъ объ ней въ одной изъ передовыхъ статей». (Изъ письма отъ 4 апрѣля 1862).

знайтесь, что громы мои поражаютъ васъ совершенно неожиданно, что вы никакъ не ждали, что я вступлю въ полемику съ вами. Виною этому ваши „Матеріалы“. Это такая важная штука, что я, бросивъ всѣ дѣла, недѣли двѣ только и дѣлалъ, что упивался ими, претворялъ ихъ въ собственную плоть и кровь—и выучился по киргизски малъ-малъ. Хорошая книга завлекаетъ. И не одинъ я восторгался, восторгъ мой раздѣлялъ и султанъ Мендали Пираліевъ, извѣстный вамъ по рецензіи вашего „Самоучителя“. Султанъ тоже не вытерпѣлъ: написалъ рецензію на „Матеріалы“ и послалъ ее въ журналъ М. Нар. Просв. Если ее тамъ напечатаютъ, увидите какіе ѳиміамы воскурилъ онъ вамъ опять. Влюбился въ васъ человѣкъ, какъ сами вы влюбились въ Алтынсарина, Бахтіарова и другихъ киргизятъ. Долгъ платежемъ красенъ (....). Велите-ка переплести одинъ экземпляръ „Матеріаловъ“ съ переложкою бѣлыхъ листовъ писчей бумаги между страницами, да и пришлите мнѣ. Что будетъ стоить заплачу, а такой экземпляръ нуженъ мнѣ для дополненій и *поправокъ*. Вотъ я васъ“!

XVIII.

Безакъ, какъ и многіе изъ администраторовъ, съ первыхъ же шаговъ своего управленія показалъ, что всѣ важнѣйшія должности въ краю намѣренъ онъ замѣстить людьми своего выбора. Въ короткое время онъ удалилъ изъ края уфимскаго и самарскаго губернаторовъ (Б—го и А—ча), начальника дивизіи (Г—ва), атамана Уральскаго войска (С—на), директора Неплюевскаго корпуса (Ш—ва), смѣнилъ командующаго Башкиро-Мещеряками (Т—ва). Изъ лицъ, управлявшихъ отдѣльными частями при Перовскомъ и Катенинѣ, оставались только Григорьевъ, да атаманъ Оренбургскаго казачьяго войска графъ Толстой. Григорьевъ задумалъ предупредить увелненіе. 25 ноября 1860 года подалъ онъ генералъ-губернатору просьбу объ увольненіи, такого содержанія: „Послѣ вечерней бесѣды, которой ваше в. п—во удостоили меня вчера, я, воротившись домой, принялся обдумывать на свободѣ то, что угодно было вамъ сообщить мнѣ, и—la nuit porte conseil—утвердился въ той мысли и тѣхъ надеждахъ, о которыхъ имѣлъ уже честь докладывать вамъ: здоровье мое девятилѣтнею службою въ Оренбургѣ разстроилось до такой степени, что требуетъ радикальныхъ мѣръ къ возстановленію его, если только это возможно, и прежде всего перемѣны климата и свободы отъ занятій. Продолжая службу здѣсь еще нѣкоторое время, я добью себя окончательно

безъ особой пользы для ввѣреннаго мнѣ управленія; слѣдовательно, я долженъ просить увольненія и отъ занимаемой мною должности и отъ службы вообще, сколь бы ни было для меня пріятно продолжать ее подъ начальствомъ вашего в. п—ва. Но, какъ родоваго состоянія я не имѣю и службою не пріобрѣлъ ничего, то вытти въ отставку безъ пенсіона значило бы для меня обречь себя на нищенство. Между тѣмъ, служилъ я, смѣю думать, честно и усердно, не щадя силъ для дѣла, и всегда имѣя въ виду успѣхъ дѣла, а не личныя выгоды; потому, полагаю, хотя и не выслужилъ установленнаго срока для полученія пенсіона, имѣю право на оный за разстроенное на службѣ здоровье. Потомъ, принимая въ соображеніе особенности службы въ Оренбургскомъ краю, вслѣдствіе которыхъ лица, занимавшія здѣсь мѣста даже низшія моего, увольняемы были отъ службы съ пенсіономъ не по разрядамъ, а полнаго жалованья, и получая таковаго по штату 2000 р. с., могу надѣяться, что подобная милость могла бы быть оказана и мнѣ, что и я могъ бы быть уволенъ съ пенсіономъ не въ 800 р. с. по положенію, а въ 1200, т. е. менѣе чѣмъ въ $^{2}/_{3}$ полнаго жалованья". Безакъ сталъ уговаривать В. В. остаться въ Оренбургѣ хоть до зимы 1861—62 года „въ личное ему одолженіе", обѣщая съ своей стороны сдѣлать все, что будетъ отъ него зависѣть. Григорьевъ былъ еще необходимъ Безаку, хотя послѣдній и видѣлъ, что управляющій областью Оренбургскихъ киргизовъ не будетъ для него „своимъ человѣкомъ". Григорьевъ тогда повѣрилъ обѣщаніямъ и рѣшился продолжать службу въ Оренбургѣ.

Между тѣмъ все чаще и чаще стали возникать разногласія между генералъ-губернаторомъ и управляющимъ областью по разнымъ вопросамъ управленія. Всякій новый начальникъ, не ознакомившись еще, какъ слѣдуетъ, съ ввѣреннымъ ему краемъ, спѣшитъ проявить свою дѣятельность цѣлымъ рядомъ новыхъ мѣръ и проектовъ—явленіе весьма обыкновенное. Не представлялъ исключенія и Безакъ. Но вслѣдствіе такой поспѣшности не всѣ мѣры могли быть вполнѣ удачными. Григорьевъ, который такъ хорошо зналъ свою область, считалъ долгомъ высказывать въ такихъ случаяхъ и свое мнѣніе. Такъ, онъ находилъ неудачною мысль объ образованіи новой губерніи изъ Оренбургскаго казачьяго войска. И дѣйствительно, слухъ о томъ, что казаковъ обратятъ будтобы въ крестьянъ, произвелъ среди нихъ волненіе. Строгія дѣйствія противу конокрадства въ Башкиріи, мысль Сухтелена, Григорьевъ находилъ неудобными, но не по строгости своей, а потому что сообщники Башкировъ другихъ вѣдомствъ, какъ казаки, крестьяне, всякіе русскіе и татары, оставались бы въ тоже время безнаказанными.

Григорьевъ не одобрялъ новыхъ правилъ о пользованіи Башкирами собственными лѣсами, вслѣдствіе чего лишались они во многихъ мѣстахъ единственнаго средства существованія. Затѣмъ, В. В. расходился съ Безакомъ въ слѣдующихъ мѣрахъ: 1) Въ представленіи объ устройствѣ наслѣдниковъ покойнаго хана Внутренней орды, Джангера Букеева, которыхъ ген. ад. Безакъ предполагалъ надѣлить сверхъ 150 тысячъ р. с., Всемилостивѣйше имъ уже пожалованныхъ, еще такою же суммою изъ хозяйственнаго капитала орды, и кромѣ того отвести имъ въ собственность изъ общественныхъ ея земель болѣе 40 тысячъ десятинъ, тогда какъ наслѣдники Джангера не имѣли никакого права на такія необычайныя милости, несовмѣстныя съ послѣдовавшими по этому предмету Высочайшими повелѣніями, отяготительными для казны, обидными для киргизовъ, которые нуждались въ землѣ. Кромѣ того, эти милости могли подать основательный поводъ другимъ потомкамъ киргизскихъ хановъ, просить правительство о такихъ же награжденіхъ, а при отказѣ имъ въ томъ—возбудить опасный для спокойствія степи ропотъ вліятельнаго въ ней класса этихъ потомковъ, извѣстныхъ подъ именемъ султановъ.

2) Въ распоряженіяхъ по дѣлу о перевозкѣ въ 1861 году казеннаго провіанта для степныхъ укрѣпленій, предоставленной на коммерческомъ правѣ Л., который, пользуясь безграмотностію киргизовъ, заключилъ съ ними по этой перевозкѣ отяготительныя для нихъ условія, и когда Л. пожаловался на несоблюденіе этихъ условій нѣкоторыми изъ контрагентовъ, то областному правленію, не смотря на возраженія послѣдняго, было предписано взыскать съ нихъ неустойку по этимъ условіямъ. Послѣдствіемъ такого распоряженія было разореніе многихъ семействъ и возбужденіе въ киргизахъ отвращенія отъ подобныхъ сдѣлокъ, что и отразилось вреднымъ образомъ на перевозкѣ провіанта въ 1862 году. До этого же времени, пока дѣло съ ними вели честно, не было случая чтобы киргизы оказывались несостоятельными въ своихъ подрядахъ.

3) Въ распоряженіяхъ по дѣлу о надѣленіи киргизовъ поземельными участками подъ прочную осѣдлость и хлѣбопашество, имѣющему для степи такую же важность, какъ освобожденіе помѣщичьихъ крестьянъ для Россіи, такъ какъ въ жизни кочевыхъ народовъ не бываетъ момента важнѣе, какъ переходъ отъ кочеванія къ осѣдлости.

4) Безакъ подчинилъ Мангышлацкихъ туркменъ и киргизовъ управленію Александровскаго коменданта. Григорьевъ былъ противъ этой мѣры и представлялъ о безполезности комендантскаго вмѣшательства,

такъ какъ коменданты въ дѣлѣ управленія инородцами ничего не понимаютъ, и находясь въ рукахъ переводчиковъ, дѣлаются ихъ орудіемъ. Далѣе, г. а. Безакъ сталъ принимать отъ киргизовъ всѣ подаваемыя ему жалобы, даже на своихъ дистаночныхъ, какого бы свойства эти жалобы ни были, чѣмъ, во-первыхъ, нарушался всякій порядокъ управленія и судопроизводства, а во-вторыхъ, оказывалось потворство кляузничеству и ябедничеству, такъ какъ въ какой бы мѣрѣ поданная жалоба не оказалась ложью или клеветою, не было примѣра, чтобы виновный въ томъ былъ подвергнутъ имъ взысканію.

Такъ какъ протесты Григорьева не имѣли успѣха, то онъ прибѣгъ къ гласности, чего начальство обыкновенно не любитъ, а потому Григорьевъ былъ подвергнутъ опалѣ. Къ нему начались всевозможныя придирки. Чиновники, уволенные Григорьевымъ, сейчасъ же принимались на службу въ канцелярію генералъ-губернатора, а чиновникамъ послѣдней запрещено заниматься съ Григорьевымъ подъ опасеніемъ „недоразумѣній“. Представленія его или оставлялись безъ послѣдствій, или обращались на обсужденіе правленія, какъ напримѣръ, проектъ о ссудной кассѣ, о передѣлѣ дистанцій. И при всемъ этомъ генералъ-губернаторъ требовалъ еще отъ Григорьева иниціативы. Помощникомъ къ Григорьеву, опять противъ его желанія, назначенъ былъ новый—Ю—ій, который вовсе не былъ знакомъ съ дѣятельностію областнаго управленія.

Эта глухая и скрытая въ началѣ борьба скоро обратилась въ открытую. В. В., обнаруживъ нѣкоторыя злоупотребленія совѣтника по уголовному отдѣленію, самъ назначилъ общую ревизію дѣлопроизводства правленія и въ апрѣлѣ 1862 г. сдѣлалъ представленіе исправляющему должность генералъ-губернатора объ увольненіи совѣтника уголовнаго отдѣленія. Представленію не дано было хода, и В. В. въ теченіи почти полугода принужденъ былъ засѣдать въ правленіи съ этимъ совѣтникомъ и видѣть, какъ онъ безнаказанно, въ надеждѣ на нерасположеніе генералъ-губернатора къ управляющему, не исполнялъ распоряженій послѣдняго, не докладывалъ его предложеній по своему отдѣленію. И не смотря на такое унизительное положеніе по отношенію къ своимъ подчиненнымъ, В. В. перемогалъ себя для пользы службы и отказался отъ присутствованія только въ сентябрѣ, и то за совершеннымъ упадкомъ силъ, вызваннымъ душевнымъ потрясеніемъ и цѣлымъ рядомъ нравственныхъ оскорбленій. Узнавъ о непорядкахъ въ областномъ управленіи, Безакъ отъ себя уже сдѣлалъ распоряженіе относительно обревизованія правленія, поручивъ это дѣло чиновникамъ своей канцеляріи. Ревизія, продолжавшаяся три мѣсяца, ничего важнаго и новаго, кромѣ

того, что было замѣчено по уголовному отдѣленію самимъ управляющимъ, не открыла, а нашла лишь обыкновенныя канцелярскія упущенія и медленность по дѣлопроизводству, за чѣмъ собственно обязанъ былъ слѣдить помощникъ управляющаго; но онъ полгода находился въ заграничномъ отпуску, а по возвращеніи изъ-за границы не могъ поправить дѣла.

Противъ назначенія ревизіи В. В. ничего не имѣлъ и старался даже разъяснить это одному изъ своихъ доброжелателей въ особой запискѣ:

„Безакъ думаетъ—писалъ онъ—что я оскорбился назначеніемъ ревизіи Областному Правленію. Ни малѣйше. Ревизованны были и другія управленія: что-жь я за святыня такая, чтобъ до меня нельзя было дотронуться. На ревизію имѣетъ онъ законное право, и желать чтобы право это не было приложено, по особому исключенію, ко мнѣ одному, было бы съ моей стороны, проявленіемъ такого неумѣреннаго самолюбія, которое граничило-бы съ глупостью. Недоволенъ назначеніемъ ревизіи не могъ я быть и потому, что самъ ее вызвалъ, и потому что лично для себя не опасаюсь никакой ревизіи. Я велъ свои служебныя дѣла такъ совѣстливо, какъ немногіе въ Россіи, и результаты моего управленія, не говоря даже о существенныхъ сторонахъ, а только о дѣлопроизводствѣ, таковы, что я могу смѣло представить ихъ на судъ правительства и общественнаго мнѣнія. Что бы тамъ ни наплели на правленіе гг. ревизоры, оно, за исключеніемъ уголовнаго отдѣленія, обвинителемъ котораго выступилъ я первый, найдетъ удовлетворительный отвѣтъ почти на все. Надо знать въ какомъ положеніи принялъ я дѣлопроизводство правленія въ 1854 году, тогда и обнаружится, умѣлъ ли ихъ исполнить, кто не исполнялъ своихъ, и можетъ ли падать на меня вина другихъ“.

Дѣйствительно, ревизоры придирались большею частію къ мелочамъ и обнаружили при томъ во многихъ случаяхъ непониманіе дѣла, а потому Григорьеву ничего не стоило дать на ревизію отвѣтъ; но для этого все таки нужно было собраться съ силами, чтобы провѣрить самую ревизію; а потому ему необходимо было, хотя бы на короткое время, выѣхать изъ Оренбурга и серьезно заняться своимъ леченіемъ. 3 октября В. В. подалъ рапортъ объ отпускѣ на 29 дней, но Безакъ отказалъ подъ тѣмъ предлогомъ, что прежде всего необходимо дать объясненія на ревизію; а когда В. В. заявилъ, что по разстроенному здоровью не можетъ заниматься дѣлами, то Безакъ требовалъ выздоровленія, угрожая въ противномъ случаѣ поставить своею властію лицо къ исправленію должности управляющаго областью. Такъ какъ В. В. не могъ выздоровѣть по приказанію, то Безакъ, вопреки установившемуся обык-

новенію, что за болѣзнію начальника должность его исправляетъ помощникъ, назначилъ къ отправленію обязанностей этой должности ген. лейт. Ладыженскаго, а отпуска не давалъ по прежнему.

А между тѣмъ Безакъ осаждалъ Григорьева разными запросами по ревизіи, съ требованіемъ скораго отвѣта, на что послѣднему приходилось отвѣчать, что разстроенный здоровьемъ, не можетъ онъ заниматься, какъ человѣкъ здоровый; но чтобы уничтожить всѣ препятствія къ отпуску, В.В. рѣшился, не смотря на полное физическое разстройство, написать отвѣтъ на ревизію. Отвѣтъ этотъ, представленный генералъ-губернатору въ концѣ ноября, произвелъ сильное впечатлѣніе на мѣстное общество и распространялся въ спискахъ. Самъ Безакъ выказалъ готовность къ примиренію. Но Григорьевъ не пошелъ ему на встрѣчу. „Самая польза службы требуетъ—говорилъ онъ—чтобы подчиненный пользовался довѣріемъ и расположеніемъ начальника. Кто не умѣлъ снискать этихъ чувствъ отъ своего начальника, тотъ долженъ идти прочь, потому что послѣдствіемъ нерасположенія къ тому лицу высшихъ его, будетъ невозможность съ его стороны ходатайствовать и о достойномъ вознагражденіи ему подвѣдомственныхъ; за его желаніе удержаться на своемъ мѣстѣ будутъ такимъ образомъ терпѣть другіе“. Снова В. В. сталъ просить отпуска и получилъ его, а 11 декабря выѣхалъ въ Петербургъ. Вскорѣ послѣдовалъ туда и Безакъ.

Здѣсь В. В. увидѣлъ, что продолжать борьбу съ генералъ-губернаторомъ значило бы только разстроивать себя и убивать время совершенно непроизводительно, а потому онъ предпочелъ лучше вовсе оставить Оренбургъ. Въ этомъ направленіи и повелъ онъ свои дѣла въ Петербургѣ. 25 января 1863 г. послѣдовалъ Высочайшій указъ объ увольненіи Григорьева отъ должности управляющаго областію Оренбургскихъ Киргизовъ, съ причисленіемъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ. Въ февралѣ В. В. подалъ просьбу объ отставкѣ съ ходатайствомъ усиленной пенсіи за 28-лѣтнюю службу, отъ 1000 до 1400 рублей. Увольненіе отъ службы послѣдовало 20 марта; пенсія же была назначена въ размѣрѣ 285 р. 90 к.

XIX.

Степью нельзя управлять толкомъ, какъ губерніею, только по законамъ; безъ знанія мѣстныхъ обстоятельствъ можно надѣлать много промаховъ. Надо знать: отношенія родовъ между собою, ихъ счеты старѣйшинствомъ, отношенія султанскихъ фамилій, составъ народонаселенія

въ дистанціяхъ и мѣстностяхъ, и многое другое. Отъ незнанія происходитъ нерѣшительность дѣйствій, робость, которая влечетъ за собою, въ Азіи особенно, весьма вредныя послѣдствія.

Къ должности своей, требующей спеціальныхъ свѣдѣній относительно кочеваго быта, мусульманской религіи, исторіи сосѣднихъ странъ Азіи и т. д., В. В. приготовленъ былъ такъ, какъ навѣрно, никто въ Россіи. Если прибавить къ этому еще другія качества В. В., необыкновенную добросовѣстность и изумительное трудолюбіе, какія рѣдко встрѣчаются въ служебномъ мірѣ, то намъ будетъ понятно его значеніе въ дѣлахъ Оренбургскаго края. Прямымъ и честнымъ образомъ дѣйствій В. В., при всемъ своемъ миролюбіи и общительности, нажилъ себѣ много недоброжелателей и враговъ, число которыхъ постоянно увеличивалось, такъ какъ лучшіе люди стремились при всякомъ удобномъ случаѣ выбраться изъ края, и оставались въ немъ большею частію разные дѣльцы и интриганы, которые не могли выносить чужаго превосходства: оно кололо имъ глаза.

Кабинетный ученый, какимъ былъ В. В. до поѣздки въ Оренбургъ, въ дѣлѣ управленія киргизами, оказался человѣкомъ съ недюжинными административными способностями. Быстро освоился онъ съ характеромъ кочевниковъ и узналъ, какъ слѣдуетъ на нихъ дѣйствовать въ томъ или другомъ случаѣ, чтобы соблюсти государственные интересы и въ то же время не причинить ущерба благосостоянію этого народа. Тѣмъ не менѣе, во время управленія В. В. киргизами среди нихъ произошло два бунта, въ 1855 и 1856 годахъ. Но въ обоихъ случаяхъ эти бунты явились результатомъ прежней системы управленія степью еще до вступленія В. В. въ должность начальника пограничной комиссіи. Неудовольствій на наше правительство и на мѣстныхъ начальниковъ накопилось у киргизовъ очень много, о чемъ хорошо зналъ В. В., но мѣры имъ предлагаемыя къ искорененію зла, не встрѣчали никакого сочувствія въ Петербургѣ. Въ 1855 году составился на Эмбѣ у Чиклинцевъ съ Чумичли-Табынцами заговоръ противъ правительства. Степныя власти ни единымъ словомъ не довели объ этомъ до свѣдѣнія русскаго начальства, до послѣдней минуты взрыва все продолжало „обстоять благополучно". О замыслѣ мятежниковъ узнало начальство другими путями, и само должно было увѣдомить правителей о томъ, что дѣлалось у нихъ подъ глазами. Но тогда предотвратить мятежъ было уже поздно. Устранить подобныя волненія на будущее время можно было по убѣжденію В. В. только самою строгою справедливостію въ управленіи киргизами. Но и водвореніе въ степи справедливости да-

валось В. В. не легко, нерѣдко всѣ его благія намѣренія не могли осуществиться.

Съ настойчивостью, упорно старался В. В. провести хотя нѣкоторыя мѣры къ водворенію порядка и спокойствія степи. Главная причина безпокойствъ и раззоренія степи—баранта. Прекращена она была учрежденіемъ съѣздовъ султановъ-правителей для разбора претендующихъ сторонъ и примиренія враждующихъ родовъ по народнымъ обычаямъ; вѣковыя привычки къ грабежу и воровству ослаблены были дѣятельнымъ преслѣдованіемъ виновныхъ черезъ ордынское начальство, высылкою отрядовъ съ линіи для захвата ихъ и наказанія непокорныхъ, и строгостію суда надъ изобличенными преступниками. Послѣ большаго труда В.В. удалось ослабить вліяніе муллъ въ степи. Благодаря его доводамъ состоялось запрещеніе проживать въ степи башкирскимъ мулламъ, впослѣдствіи отмѣненное и, какъ оказалось, не въ пользу нашу. И не даромъ В. В. не жаловалъ мусульманское духовенство: ни одно волненіе, ни одинъ бунтъ въ степи не обходился безъ участія и поощренія мѣстныхъ муллъ. В. В. постоянно заботился объ удаленіи изъ степи всего, могущаго содѣйствовать въ ней утвержденію еще не очень тогда прочнаго исламизма, чѣмъ устранена, въ мѣрѣ доступной правительственнымъ средствамъ, возможность проявленія между киргизами фанатизма, оказавшагося столь враждебнымъ утвержденію власти русской на Кавказѣ.

Въ видахъ противодѣйствія неблагопріятному для правительственныхъ цѣлей вліянію муллъ на народъ и, съ другой стороны, чтобы облегчить послѣдній во взносѣ податей, падающихъ преимущественно на классъ бѣднѣйшій, В. В. предлагалъ ген.-г. Перовскому, еще въ 1852 году, обложить всѣхъ муллъ въ ордѣ, наравнѣ съ прочими, сборомъ закята, воспретивъ имъ временно отправленіе обязанностей своего званія впредь до выдержанія установленнаго испытанія въ оренбургскомъ магометанскомъ духовномъ собраніи. Затѣмъ, взносъ закята сдѣлать обязательнымъ для всѣхъ безъ изъятія ордынцевъ, въ томъ числѣ и султановъ. Въ этомъ смыслѣ и былъ имъ составленъ проектъ, тогда же отправленный Перовскимъ къ министру государственныхъ имуществъ. Но министерство, разсмотрѣвъ его, нашло предположенныя мѣры крутыми и рѣзкими вообще по отношенію къ ордѣ и въ особенности къ мулламъ и султанамъ, которые вслѣдствіе неудовольствія могутъ имѣть вредное въ правительственномъ отношеніи вліяніе, какъ на самихъ киргизовъ, такъ и на сопредѣльныхъ съ восточною нашею границею Азіатскихъ народовъ. Поэтому министерство полагало, что всего лучше было бы въ дѣлѣ

зовъ жизненною потребностію, явившеюся вслѣдствіе сознанія, и народъ собственнымъ умомъ сталъ пріискивать средства къ удовлетворенію ея, а потому всѣ препятствія этому стремленію ничего кромѣ вреда принести не могутъ,—тогда онъ перемѣнилъ и свое мнѣніе, и свои дѣйствія по отношенію къ этому важному вопросу. В. В. не любилъ, когда начинали мудрить надъ жизнію, думая насильно облагодѣтельствовать человѣчество. Врагъ всякихъ крутыхъ мѣръ и радикальныхъ передѣлокъ въ установившихся порядкахъ, онъ признавалъ пользу только тѣхъ реформъ, которыя снимаютъ путы, мѣшающія свободному развитію народовъ. „Если вести киргизовъ къ гражданственности—говорилъ онъ—то путемъ не насильственнымъ, а мирнымъ, тихимъ“. Въ цѣломъ рядѣ оффиціальныхъ бумагъ онъ доказывалъ, что лишать кочевниковъ средствъ къ существованію и улучшенію своего быта, не только безчеловѣчно, но и въ государственномъ отношеніи невыгодно, что существуютъ другія и, при томъ болѣе надежныя, средства держать степь въ покорности. Одно изъ капитальнѣйшихъ для этого средствъ—привязать къ намъ киргизовъ правосудіемъ и попечительнымъ управленіемъ.

Въ силу этого убѣжденія В. В. въ другой разъ энергично возсталъ противъ мѣръ къ обращенію Башкиръ въ землепашцевъ; но только потому, что такое обращеніе предполагалось произвести *насильственно*. Мы говоримъ о его замѣткѣ: „О земледѣліи въ Башкиріи“ (Вѣстн. Промышленности 1861 года № 1), замѣткѣ, вызванной разсужденіями редакціи Оренбургскихъ губернскихъ вѣдомостей о мѣрахъ къ развитію земледѣлія въ Башкиріи: „Редакція О. Г. В. не сомнѣвается и открыто проповѣдуетъ, что административная власть имѣетъ право измѣнять, по соображеніямъ своимъ, хозяйственный бытъ народа, ломать его, коверкать, какъ за благо признаетъ. Если бы думали такъ однѣ О. Г. Вѣдомости, бѣда была бы еще не очень велика: ломалась-бы, трещала и пищала отъ того, быть можетъ, одна Оренбургская губернія—единица изъ числа семидесяти слишкомъ, ей подобныхъ. А то взглядъ этотъ на права административной власти господствуетъ едва ли и не во всѣхъ семидесяти остальныхъ единицахъ. И мало того: ломка народнаго быта считается не только правомъ административной власти, которымъ она можетъ и не пользоваться, а обязанностію ея, цѣлью, къ которой должна она стремиться. Господство такого взгляда у насъ можетъ привести въ отчаяніе человѣка мыслящаго и наблюдающаго, тѣмъ болѣе, что въ новыхъ поколѣніяхъ взглядъ этотъ не только не замѣняется лучшимъ, а крѣпнетъ и расширяется. Нѣтъ воспитанника спеціальныхъ институтовъ, который-бы, потому только что зубрилъ профес-

сорскія записки политической экономіи и правъ, не считалъ себя призваннымъ быть преобразователемъ родной страны, задумался бы, при случаѣ, наложить разрушительную руку на самые дорогіе народу уставы и обычаи. Народъ въ глазахъ этихъ господъ—глина, изъ которой администраторъ можетъ лѣпить по произволу все, что ему вздумается, трупъ, который онъ можетъ полосовать какъ ему угодно. Въ олимпійскомъ величіи своемъ эти господа не удостоиваютъ замѣтить, что рѣжутъ они не трупъ, а живое тѣло, одаренное чувствительностію и страшно страдающее ото всякаго прикосновенія къ нему ножа. Подумали бы эти умные господа хотя о томъ только, что если пересаживать дерево каждый годъ, хотя бы и въ лучшую каждый разъ почву, оно никогда не пуститъ корней, не окрѣпнетъ, не дастъ плода, и вслѣдствіе такой заботливости о немъ наконецъ засохнетъ. Парабола проста, да что же дѣлать, когда реформаторы часто азбуки не знаютъ, и приходится вразумлять ихъ дѣтскими побасенками.

„Мы наглядѣлись на администраторовъ всякаго покроя, оставлявшихъ по себѣ и хорошую, оставлявшихъ и дурную славу, наглядѣлись на нихъ въ разныхъ краяхъ Россіи, и пришли къ убѣжденію, что даже самые лучшіе изъ нихъ, самые умные и добросовѣстные едва ли не приносили болѣе вреда, чѣмъ пользы, и это не по чему иному, какъ вслѣдствіе усвоенія себѣ ложной мысли, противу которой мы возстаемъ, мысли, что администраторъ можетъ и даже обязанъ вмѣшиваться въ хозяйственный бытъ предоставленной управленію его страны. Страсть къ дѣятельности и реформаторству въ этой области—общая язва нашихъ администраторовъ, ихъ хроническая болѣзнь. Является человѣкъ въ край совершенно ему неизвѣстный, о которомъ онъ не только не читалъ ничего, но даже едва ли слыхивалъ, человѣкъ нерѣдко безо всякаго не только спеціально-административнаго, но даже и общаго образованія, человѣкъ, который дотолѣ ничѣмъ не управлялъ, не имѣетъ никакого опыта въ этомъ дѣлѣ, требующемъ опытности прежде всего, и что-жъ? Начинаетъ онъ съ того, что знакомится съ природою, исторіею и бытомъ этого края, изучаетъ ихъ, изучаетъ совѣстливо, сближается съ людьми знающими этотъ край въ тѣхъ или другихъ отношеніяхъ, бесѣдуетъ съ ними, соображаетъ ихъ отзывы, и затѣмъ уже составляетъ заключеніе о средствахъ и недостаткахъ края, о томъ, что ему нужно, что мѣшаетъ его развитію и преуспѣнію, и сообразно съ этимъ стремится и дѣйствуетъ къ устраненію препятствій? Ничего не бывало. Является новый администраторъ и прежде всего рѣшаетъ, что предшественники его были олухи или негодяи, ничего не понимали и

ни за что не умѣли взяться; затѣмъ „обозрѣваетъ" подвѣдомственный край, собирая дань благоволенія съ подчиненныхъ властей, рапортующихъ о всеобщемъ благополучіи, заключая о правильности и успѣшности дѣлопроизводства въ присутственныхъ мѣстахъ по настольнымъ реестрамъ, принимая хлѣбъ-соль отъ купечества, обѣдая и завтракая у предводителей, судей и городничихъ, распекая гдѣ и кого случится за несоблюденіе чистоты и внѣшняго благоприличія, и совершивъ такой периплъ, немедленно приступаетъ къ преобразованіямъ по хозяйственной части,—какъ самой важной (.....). Сущность дѣла въ томъ, что ломать хозяйственный бытъ народа никто не имѣетъ права, какъ бы предполагаемыя преобразованія ни казались благодѣтельны. Опытъ учитъ, что все насильственное не прочно, все несвоевременное гнило. Судьею же въ вопросѣ о своевременности—можетъ быть только самъ народъ. Когда почва для того или другаго явленія выработается, оно возникнетъ само собою, и возникнетъ несокрушимо. Возбуждать это явленіе искусственно, значитъ насиловать организмъ и производить выкидыши. Такимъ образомъ, если извѣстный народъ находится въ кочевомъ быту, и самъ собою не мѣняетъ этого быта на земледѣльческій, значитъ переходъ этотъ или невозможенъ для него почему либо, или несвоевременен. *Дѣлать* кочевника осѣдлымъ есть поэтому *насиліе*, на которое, по нашему мнѣнію, никакая власть не имѣетъ права, и притомъ, что еще хуже, насиліе неразсчетливое, безполезное".

Къ этимъ вполнѣ справедливымъ словамъ, въ которыхъ В. В. выразилъ свой взглядъ на задачи администраціи, можно прибавить развѣ только то, что Башкиры, нѣкогда народъ богатый, зажиточный, разными административными мѣропріятіями доведенъ теперь до раззоренія.

Противъ крутыхъ и насильственныхъ мѣръ вооружался В. В. не даромъ. На томъ же киргизскомъ народѣ онъ видѣлъ, чего можно достигнуть осторожностію и умѣренностію. Постепенно, начиная съ 1836 года, вводилась кибиточная подать съ киргизовъ. Обложеніе податью кочевниковъ, чему едва-ли былъ примѣръ въ исторіи кочевыхъ народовъ, и осуществленіе этой мѣры безъ всякихъ волненій и безпорядковъ, сопровождающихъ обыкновенно нововведенія противныя тысячелѣтнимъ обычаямъ и личнымъ каждаго интересамъ—фактъ весьма знаменательный. Результатомъ же явилось то, что киргизы, сто лѣтъ обременявшіе правительство постоянными расходами на управленіе ими, стали не только нести эти расходы на себѣ, но и доставлять средства къ дальнѣйшимъ въ Азіи предпріятіямъ.

Когда Григорьевъ пришелъ къ убѣжденію, что институтъ султановъ-правителей отжилъ свой вѣкъ, онъ предложилъ сдѣлать новый шагъ въ устройствѣ степи, подчинивъ киргизовъ русской власти болѣе непосредственно, чѣмъ была она подчинена до сихъ поръ. Но въ то же время онъ видѣлъ, что далеко еще не вся степь можетъ быть сразу удобно и безъ потрясенія подчинена управленію русскихъ чиновниковъ вмѣсто султановъ-правителей, а потому предлагалъ для успѣха дѣла осуществлять преобразованіе это постепенно. Киргизы, кочевавшіе въ глубинѣ степи и управлявшіеся не дистаночными и мѣстными начальниками, а начальниками родовъ и отдѣленій, не довольно еще прониклись убѣжденіемъ въ доброжелательности къ нимъ русскаго правительства и превосходствѣ русскихъ чиновниковъ надъ ордынскими, чтобы промѣнять охотно зависимость отъ султановъ-правителей на непосредственную подчиненность русской власти. Эти степные киргизы должны потому, пока подобное убѣжденіе не распространится и не укрѣпится между ними, оставаться въ прежнемъ положеніи. Другое дѣло киргизы прилинейные. Частыя сношенія съ русскимъ населеніемъ линіи, съ попечителями [1]), съ Пограничною комиссіею, давно уже убѣдили ихъ въ преимуществахъ русской цивилизаціи и превосходствѣ образа дѣйствій русскихъ чиновниковъ, даже со всѣми недостатками послѣднихъ, надъ образомъ дѣйствій начальства, избираемаго изъ ихъ же собственной среды, вслѣдствіе чего замѣна зависимости отъ султановъ-правителей зависимостью отъ русскихъ чиновниковъ будетъ встрѣчена удовольствіемъ со стороны огромнаго большинства прилинейныхъ киргизовъ. Сами киргизы эти безпрестанно обращались въ комиссію съ просьбами поручить разборъ тяжбъ ихъ русскимъ чиновникамъ, такъ какъ на безпристрастіе своего собственно- рдынскаго начальства не могли они полагаться. Въ такомъ благопріятномъ для насъ оборотѣ дѣла главная заслуга принадлежитъ Григорьеву.

Осуществленіе задуманной мѣры—освобожденія прилинейныхъ киргизовъ изъ подъ управленія султановъ-правителей, Григорьевъ излагалъ въ докладной запискѣ въ 1859 году слѣдующимъ образомъ:

„Для избавленія правительства отъ необходимости увеличить число русскихъ чиновниковъ по управленію степью и отъ обремененія бюд-

---

[1]) Попечители были учреждены для посредничества и примирительнаго разбирательства во всѣхъ дѣлахъ между киргизами и прилинейными жителями. Попечители не зависѣли отъ линейнаго начальства.

жета значительными постоянными на то издержками, я нахожу совершенно возможнымъ, удобнымъ и сообразнымъ съ предположенною цѣлью — подчинить прилинейныя киргизскія дистанціи непосредственному завѣдыванію нынѣшнихъ попечителей прилинейныхъ киргизовъ, которые знакомы уже съ администраціею степи и обычаями ордынцевъ. Какъ теперь прилинейные киргизы извѣстныхъ дистанцій обращаются по дѣламъ своимъ на линіи къ извѣстнымъ попечителямъ, такъ при предложенной перемѣнѣ, будутъ обращаться они къ нимъ и по степнымъ дѣламъ своимъ. Дистаночные и мѣстные начальники останутся при этомъ, по-прежнему, изъ киргизовъ; Пограничная же Коммиссія, всѣ распоряженія, относящіяся до прилинейныхъ Киргизовъ, какъ свои, такъ и высшаго начальства, которыя передаетъ теперь къ исполненію султанамъ-правителямъ, будетъ сообщать, вмѣсто ихъ, непосредственно попечителямъ, которые, въ свою очередь, будутъ распоряжаться черезъ посредство дистаночныхъ и мѣстныхъ начальниковъ, какъ распоряжаются теперь правители. Никакой административной ломки, всегда тягостной, значитъ не будетъ, а цѣль достигнется.

„Съ подчиненіемъ прилинейныхъ киргизовъ управленію попечителей, султановъ-правителей, проживающихъ теперь на линіи, должно будетъ перевести на жительство въ глубину степи, чтобы они находились постоянно среди оставляемыхъ подъ ихъ управленіемъ степныхъ ордынцевъ. Относительно самихъ правителей, это не представляетъ никакого затрудненія: они обложатъ кибитки свои двойнымъ войлокомъ, запасутся переносными желѣзными печами, и будутъ зимовать съ удобствомъ вездѣ въ степи, гдѣ только есть вода, камышъ и трава, тѣмъ болѣе что въ степи, чѣмъ дальше отъ линіи, тѣмъ зима мягче и малоснѣжнѣе. Но съ правителями необходимо будетъ оставлять на зиму и тѣ казачьи отряды, которые теперь даются имъ только на время лѣтняго передвиженія по степнымъ родамъ. Объ удобномъ по возможности зимованіи этихъ то отрядовъ надо позаботиться“.

Для султановъ-правителей предстояло устроить, каждому изъ нихъ, ставку. Какъ устроить—позаботился В. В. и объ этомъ въ своемъ проектѣ: „Валъ, ровъ, глиняные дома, казармы и проч., все это можетъ быть устроено руками мѣстныхъ киргизовъ поденнымъ наймомъ за плату, весьма дешево, и безъ всякаго для нихъ обремененія, лишь бы не мѣшать въ дѣло ученыхъ инженеровъ, и производство его поручить людямъ добросовѣстнымъ и умѣющимъ обходиться съ киргизами, каковы, напримѣръ, оба состоящіе при пограничной комиссіи султаны Сейдалины. Вѣдь киргизскими же руками возведены были Акъ-Мечеть (подъ

которою русскій отрядъ въ 2000 человѣкъ съ 13 орудіями и запасомъ конгревовыхъ ракетъ простоялъ около мѣсяца) и другія на Сырѣ коканскія и хивинскія укрѣпленія, остатки коихъ, какъ напримѣръ, Джанъ-Калы, цѣлы до сихъ поръ, свидѣтельствуя объ искуствѣ киргизовъ въ подобныхъ работахъ. И умѣли же каракалпаки въ настоящее время, для защиты себя отъ туркменскихъ набѣговъ, построить въ одинъ годъ нѣсколько укрѣпленій на устьяхъ Аму-дарьи, въ коихъ безопасно помѣщаются сотни и тысячи кибитокъ, какъ извѣстно это, между прочимъ, изъ донесеній бывшаго симъ лѣтомъ въ Кунградѣ капитана 1-го ранга Бутакова. При распоряженіи возведеніемъ двухъ укрѣпленныхъ ставокъ означеннымъ простымъ способомъ, я полагаю, что издержки на то не превзойдутъ 30,000 р. сер.—сумму ничтожную въ сравненіи съ той пользою, какая послѣдуетъ для гражданскаго устройства и безопасности степи отъ перевода въ глубь ея правителей съ ихъ казачьими отрядами и возведенія тамъ укрѣпленныхъ ставокъ (....). „Устройство правительскихъ ставокъ въ глубинѣ степи, кромѣ пользы этой мѣры въ чисто-административномъ отношеніи поведетъ за собою осуществленіе, невозможныхъ безъ того, двухъ другихъ мѣръ крайне важныхъ и полезныхъ для благоденствія и гражданскаго развитія степи; а именно: ставки эти могутъ послужить пріютомъ для торговыхъ заведеній, которыхъ такъ жаждутъ степные киргизы, находящіе невыгоднымъ ѣздить за 500 верстъ на линію за всякою нужною въ хозяйствѣ бездѣлицею; и въ тѣхъ же ставкахъ могутъ быть заведены для киргизскихъ дѣтей училища, въ которыхъ будутъ они пріобрѣтать знаніе русскаго языка“.

Въ другомъ мѣстѣ В. В. говорилъ, что нравственная природа кочевниковъ такъ податлива, разсудокъ ихъ такъ свѣжъ, что при благоразумно направленной дѣятельности правительства, поймутъ они всякую мѣру, на благо ихъ принятую и очень легко могутъ сдѣлатся полезными и преданными подданными Россіи. Къ этому конечному результату и были направлены всѣ стремленія В. В.

Много хорошаго сдѣлалъ В. В. для киргизовъ во время своего управленія, сдѣлалъ бы и больше, когда еще имѣлъ возможность что нибудь дѣлать, т. е. при Перовскомъ и Катенинѣ, если бы завѣдываніе азіатскимъ департаментомъ министерства иностранныхъ дѣлъ находилось тогда въ рукахъ не Ковалевскаго, а другаго лица. Авторъ занимательной, но въ сущности малополезной книги о Китаѣ, имѣлъ какія-то личности по отношенію къ В.. В-чу, едва ли не за разборъ послѣдняго этой самой книги, не давалъ хода представленіямъ В. В.,

клалъ ихъ подъ сукно; а другіе чиновники министерства, ничего не понимая въ киргизскихъ дѣлахъ, но позволяя себѣ толковать о киргизской національности, не знали, какъ имъ быть съ представленіями изъ Оренбурга. Но когда предполагались мѣры, служившія дѣйствительно къ угнетенію киргизовъ, В. В. всегда старался защищать этотъ народъ. Онъ защищалъ ихъ отъ нашихъ казаковъ, захватившихъ земли принадлежавшія киргизамъ, старался противодѣйствовать намѣреніямъ Безака увеличить кибиточный сборъ вдвое. В. В. доказывалъ, что такое увеличеніе на самомъ дѣлѣ уменьшитъ поступленіе этой подати, такъ какъ многіе киргизы не будутъ въ состояніи ее уплачивать; что съ быстрымъ увеличеніемъ народонаселенія въ послѣднее время, скотоводство развилось сравнительно въ слабой степени, такъ какъ средства существованія народа никогда и нигдѣ не увеличиваются пропорціонально съ увеличеніемъ народонаселенія; что при прежнемъ сборѣ—недоимокъ нѣтъ, а при увеличенномъ онѣ будутъ и ихъ, по безнадежности, придется со счетовъ сложить, такъ что увеличеніе будетъ только на бумагѣ, а въ дѣйствительности получится убытокъ. Ужъ если увеличивать эту подать, то В. В. предлагалъ увеличить пропорціонально состоятельности каждаго лица, принявъ за низшую норму прежній окладъ. Самою главною, вопіющею мѣрою, раньше которой ничего и предпринимать было нельзя, В. В. признавалъ раздѣлъ земель между киргизами. Но столкновеніе съ Безакомъ заставило его отложить всѣ попытки къ осуществленію этой мѣры.

Точно также и послѣ, когда В. В. оставилъ уже Оренбургъ, не переставалъ онъ служить нуждамъ киргизовъ.

Такъ, когда возникъ вопросъ о взиманіи денежныхъ сборовъ съ киргизовъ Внутренней орды, причемъ мѣстная администрація предполагала надѣлить киргизскія семьи землею *сообразно съ количествомъ скота у каждой*, и В. В. приглашенъ былъ въ комиссію, организованную по этому поводу при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, для участія въ трудахъ ея, то подалъ мнѣніе не въ пользу составленнаго въ Оренбургѣ проекта. Надѣлять семьи землею сообразно съ количествомъ у нихъ скота значило бы — высказывалъ онъ — *узаконить навсегда бѣдность однихъ и богатство другихъ* потому только, что въ моментъ надѣла одни страдали отъ падежа, а другіе нѣтъ. Для соблюденія же равномѣрности въ надѣлѣ землею В. В. предлагалъ принять въ расчетъ не количество скота въ ордѣ, а *число душъ населенія*, чтобы каждой общинѣ киргизской (старшинству) земля нарѣзана была не по состоянію скотоводства ея въ моментъ надѣла, а по *людности* ея.

Но есть и еще одна заслуга В. В. по отношенію къ киргизамъ. До него администрація наша въ Оренбургскомъ краю и не подозрѣвала, что у киргизовъ есть свой языкъ. Мы повѣрили чиновникамъ изъ татаръ, что киргизы говорятъ совершенно по-татарски, и всю переписку съ ордынцами вели по-татарски. В. В. первый изъ администраторовъ степи ввелъ въ ней киргизскій языкъ въ оффиціальное употребленіе. Нельзя забыть, какъ тепло привѣтствовалъ онъ труды Н. И. Ильминскаго, взявшагося за ученую разработку киргизскаго языка.

Не малаго труда стоило В. В-чу парализовать крайнюю недобросовѣстность и неблагонадежность мѣстнаго въ степи, ордынскаго начальства, которое изъ всякаго распоряженія генералъ-губернатора и пограничной комиссіи старалось извлекать денежныя для себя выгоды, съ отягощеніемъ для народа и, такимъ образомъ, служило часто причиною возникавшихъ между киргизами неудовольствій противъ Россіи, потому что ордынскіе правители назначались русскою властію. Искоренить зло смѣщеніемъ виновныхъ представлялось не только безполезнымъ, а даже вреднымъ; такъ какъ благонадежность вновь опредѣленныхъ была бы столь-же сомнительна, какъ и удаленныхъ отъ должностей, опытностію же въ дѣлопроизводствѣ, грамотностію и знаніемъ разныхъ порядковъ первые несомнѣнно уступали бы послѣднимъ; кромѣ того, подобная мѣра образовала бы въ степи сильную партію недовольныхъ, которая бы непремѣнно начала интриговать противу новоопредѣленныхъ и не задумалась, при случаѣ, возбудить даже волненія. Тогда В. В. составилъ проектъ постояннаго и энергичнаго за дѣйствіями ордынцевъ контроля посредствомъ особыхъ для этого чиновниковъ. Проекту данъ былъ законный ходъ, и результатомъ явился институтъ чиновниковъ для контроля въ степи.

Вообще же киргизы, особенно въ восточной части орды, изъ враждебныхъ всякому порядку и нищенствующихъ дикарей обратились въ покорныхъ закону и обезпеченныхъ въ существованіи гражданъ. Эта обезпеченность выразилась и въ томъ, между прочимъ, что продажа киргизам дѣтей своихъ подъ тѣмъ или другимъ видомъ вышла вовсе изъ употребленія.

XX [1]).

Приступивъ въ мартѣ 1854 г. къ отправленію обязанностей предсѣдателя пограничной комиссіи, переименованной въ 1859 г., въ област-

[1]) Изъ отвѣта на ревизію.

ное правленіе, В. В. нашелъ крайнее запущеніе въ дѣлахъ. 5983 дѣла находилось на производствѣ, въ томъ числѣ болѣе 600 уголовныхъ слѣдствій, остававшихся неразсмотрѣнными. Штатъ комиссіи оказывался далеко не соотвѣтствовавшимъ массѣ дѣлъ, возроставшихъ съ каждымъ годомъ. Въ качественномъ отношеніи личный составъ чиновниковъ комиссіи оставлялъ желать весьма много. Оклады содержанія въ ней были ниже чѣмъ въ большей части другихъ вѣдомствъ, а служба труднѣе и безвыгоднѣе, такъ какъ требовала относительно степныхъ обстоятельствъ особыхъ спеціальныхъ свѣдѣній и спеціальной опытности, которыя не могутъ пригодиться на общей гражданской службѣ, тогда какъ собственно по комиссіи случаи къ служебному повышенію представлялись рѣдко, не говоря уже о видной служебной карьерѣ. Поэтому, способные и трудолюбивые чиновники, если попадали въ комиссію, стремились выйти изъ нея при первой возможности, и вакансіи наполнялись по необходимости неопытною и часто бездарною молодежью, которая болѣе учится дѣлу, нежели производитъ его. Къ этимъ причинамъ, препятствовавшимъ имѣть по управленію областью чиновниковъ вполнѣ удовлетворительныхъ, присоединилась со времени вступленія В. В. въ должность предсѣдателя еще одна, весьма важная—преслѣдованіе имъ всякаго, крупнаго и мелкаго, взяточничества, вслѣдствіе чего для людей способныхъ, но мало совѣстливыхъ, исчезла и послѣдняя приманка служить по пограничной части [1]). И не смотря на то, В. В. съумѣлъ мало по малу подобрать такой составъ подчиненныхъ, которому могло позавидовать любое присутственное мѣсто въ Петербургѣ. Тогда были приняты на службу А. А. Бобровниковъ, а за нимъ Н. И. Ильминскій. Такими людьми В. В. дорожилъ, поддерживалъ ихъ, ободрялъ. Бобровниковъ на первыхъ порахъ нерѣдко обращался къ Григорьеву за совѣтами и руководительствомъ въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, откровенно сознавался въ своихъ погрѣшностяхъ [2]).

---

[1]) Самъ В. В. никогда не пользовался своимъ положеніемъ для личныхъ выгодъ на счетъ киргизовъ, ни ихъ личнымъ трудомъ, ни денежными затратами. Когда ему приходилось ѣздить на киргизскихъ ямскихъ лошадяхъ, онъ всегда платилъ двойные противъ положенія прогоны, во избѣжаніе какихъ либо толковъ.

[2]) Какъ отзывался В. В. на подобныя обращенія и какъ вообще относился къ своимъ подчиненнымъ, можемъ видѣть изъ письма его къ Бобровникову:

„Извините, любезнѣйшій Алексѣй Александровичъ, что не отвѣчалъ своевременно на письмо ваше отъ 10 февраля. Не было времени. Не отвѣчаю не только подчиненнымъ, но и начальству своему. Изъ того, впрочемъ, что я не умѣю справиться съ своею корреспонденціею, не заключайте, чтобы я былъ забывчивъ вообще, и въ отношеніи къ вамъ въ особенности. По вопросамъ въ письмѣ вашемъ заключающимся, отвѣчать поздно уже. Скажу лишь въ утѣшеніе и ободреніе вамъ, что я ждалъ отъ васъ больше промаховъ

Призванный дѣйствовать въ такихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ безъ возможности измѣнить ихъ, В. В. въ теченіи семи лѣтъ достигъ однакоже того, что за это время комиссія безо всякаго увеличенія ея штата, не только оказалась могущею совладать съ своимъ текущимъ дѣломъ, не смотря на ежегодное его приращеніе, но и освободилась отъ половины бремени, накопившагося при генералѣ Ладыженскомъ: къ 1861 году, дѣлъ на производствѣ въ правленіи оставалось уже только 2866, а неразсмотрѣнныхъ уголовныхъ слѣдствій — 88. Результатъ этотъ достигнутъ прежде всего тѣмъ, что В. В. не ограничивался, какъ многіе начальники, приказаніями, распеканіями да подписываніемъ бумагъ, а подавалъ примѣръ рабочести самъ: всѣ почти важнѣйшія представленія и отвѣты комиссіи начальству, всѣ проектныя работы составлялись и писались имъ самимъ. Кромѣ того успѣвалъ онъ много работать частнымъ образомъ и безвозмездно для Перовскаго и Катенина. Для перваго В. В. былъ, можно сказать секретаремъ по всей перепискѣ требовавшей свѣдѣній и способностей не канцелярскихъ. Всѣ важныя бумаги по какой бы ни было части управленія при этихъ генералъ-губернаторахъ писались не инымъ кѣмъ, какъ Григорьевымъ. За отчеты, имъ писанные, Перовскій всегда удостоивался монаршаго благоволенія. Нѣкоторыя бумаги его шли прямо въ руки Государя. Это ясно свидѣтельствовало объ особомъ довѣріи къ В. В. обоихъ предшественниковъ ген. ад. Безака. И нельзя сказать, чтобы Григорьевъ былъ награждаемъ такъ-же щедро, какъ другіе гораздо менѣе его трудившіеся и понимавшіе дѣло.

Далѣе. Мѣстное управленіе въ степи состояло изъ трехъ султановъ правителей съ подчиненными имъ начальниками разныхъ степеней. Канцелярскія средства правителей (по письмоводителю и писцу

чѣмъ вы сдѣлали—въ родѣ того, что вздумали принять на себя въ отношеніи къ киргизамъ роль муфтія и судить ихъ по магометанскому закону. Въ дѣлѣ Баймурзы Саидыбекова поступили вы хорошо, и гнѣва комендантскаго опасаться вамъ нечего (. . . .). А зачѣмъ не поѣхали вы въ объѣздъ по дистанціи съ султаномъ-правителемъ Мухаммедъ-джаномъ? Онъ говорилъ мнѣ, что приглашалъ васъ. Напрасно: Мухаммедъ-джанъ самый дѣльный изъ киргизовъ, и вы съ нимъ не потеряли бы времени даромъ. Повторяю: пишите мнѣ обо всемъ васъ затрудняющемъ или интересующемъ, и старайтесь, пока вы попечителемъ, ознакомиться поближе съ бытомъ киргизовъ и ходомъ дѣлъ въ степи и на линіи. Вы единственный попечитель, на честность и умъ котораго я надѣюсь. Настаиваю на этомъ и потому, между прочимъ, что не пройдетъ быть можетъ четырехъ мѣсяцевъ, какъ получите вы другое мѣсто, гдѣ ужъ будетъ конецъ близкому знакомству вашему съ киргизами (. . . .). Потому, если теперь вамъ не совсѣмъ хорошо, терпите съ надеждою и работайте въ ожиданіи скораго улучшенія вашего положенія". (8 апрѣля 1856 года).

при каждомъ) были недостаточны до крайности. Какой порядочный чиновникъ пойдетъ въ письмоводители къ правителю, чтобы испытать всѣ неудобства и лишенія степной жизни—за 300 р. сер. жалованья въ годъ? И съ такимъ канцелярскимъ штатомъ правитель, напримѣръ, западной части долженъ вести дѣла 70 тысячъ подвѣдомственныхъ ему кибитокъ, т. е. населенія въ 350,000 обего пола душъ. Гдѣ въ Россіи можно найти другой примѣръ ничтожности канцелярскаго состава? Весьма естественно, что при такомъ отсутствіи средствъ къ дѣлопроизводству, дѣла въ канцеляріяхъ всѣхъ трехъ правителей накоплялись до 1854 г. все болѣе и болѣе. Къ этому году насчитывалось ихъ на производствѣ 3797. Со вступленіемъ В. В. въ управленіе, накопленіе, при тѣхъ же канцелярскихъ средствахъ, стало прекращаться, и къ 1861 году число это уменьшилось до 2178, т. е. почти на половину. Это несовсѣмъ вѣроятно, однако совершенно вѣрно. Чтобы достигнуть такого результата, не усиливъ канцелярій правителей ни единымъ писцомъ, руководителю дѣла надо, во всякомъ случаѣ, быть человѣкомъ не безъ административныхъ способностей.

Но дѣлопроизводство есть только процессъ, самъ по себѣ не имѣющій никакой цѣны. Вопросъ не въ томъ, чтобы выпустить большее или меньшее количество писанной бумаги за номерами, а въ томъ что̀ является результатомъ этого процесса.

Областное правленіе завѣдуетъ двумя денежными сборами: кибиточнымъ—съ киргизовъ, и билетнымъ съ линейныхъ жителей, которые нанимаютъ киргизовъ въ работники. Кибиточный сборъ, взиманіе котораго находилось въ рукахъ областнаго правленія, простирался за 1853 г. до 125,792 р. сер.; къ 1861 году онъ, въ семь лѣтъ, увеличился вдвое, ибо доходилъ за 1860 годъ до 243,700 р. Это сборъ прямой, а не косвенный, слѣдовательно такое увеличеніе его не могло произойти отъ развитія народнаго благосостоянія, помимо стараній о томъ начальства, какъ увеличиваются, напримѣръ, доходы таможенные, а произошло отъ вниманія къ дѣлу, заботливости о немъ. Значительная доля успѣха въ этомъ дѣлѣ должна быть приписана особой, Григорьевымъ придуманной, системѣ ревизіи кибиточнаго сбора, тогда какъ по прежней системѣ этотъ сборъ почти вовсе не увеличивался. Что касается до билетнаго сбора то областному нравленію предоставленъ былъ только контроль надъ нимъ, а самый сборъ производился лицами ему неподчиненными и зависѣлъ отъ степени потребности линейныхъ жителей въ работникахъ-киргизахъ, почти всегда одинаковой, почему и не способенъ увеличиваться быстро. Совсѣмъ тѣмъ и билетный сборъ, за 1853 годъ

простиравшійся до 41,012 р., доходилъ за 1860 до 45,272 р. с. Вотъ результаты управленія В. В. для казны. Не говоримъ ужъ о введеніи порядка въ счетоводство штатныхъ суммъ областнаго правленія, которыя ранѣе запутывались позаимствованіями изъ года въ годъ.

Но выгоды казны стояли у В. В. не на первомъ планѣ. Еще болѣе считалъ онъ себя обязаннымъ заботиться о тѣхъ восьми-стахъ тысячахъ киргизскаго народа, на благосостояніе которыхъ управленіе его могло имѣть вліяніе. Убѣжденный, что прямое вмѣшательство администраціи въ хозяйственный бытъ народа никогда не ведетъ къ добру, но что если будутъ обезпечены людямъ личная безопасность и правый судъ, то промышленность, а за нею и матеріальное благосостояніе, разовьются сами собою—всѣ заботы свои направилъ В. В. къ тому, чтобы водворить въ степи, по возможности, правосудіе, ослабить произволъ ордынскихъ властей, оградить бѣдняковъ отъ притѣсненій богатыхъ, и вообще защитить киргизовъ отъ эксплуатированія ихъ сосѣдями казаками и высшимъ начальствомъ края,—подъ предлогомъ выгодъ казны (объ этомъ сказано будетъ ниже).

По столь важнымъ задачамъ, при совершенной ничтожности предоставленной В. В. власти, стѣсняемой при томъ ревнивымъ вмѣшательствомъ генералъ-губернаторовъ, нельзя было сдѣлать многаго въ семь лѣтъ. Еще труднѣе представить доказательства сдѣланному въ фактахъ или цифрахъ. Впрочемъ, если письма разныхъ ордынцевъ, писанныя къ В. В. послѣ уже того, какъ онъ оставилъ Оренбургъ, могутъ служить доказательствомъ сейчасъ нами сказанному, то такихъ документовъ сохранилось въ бумагахъ В. В. множество. Общій голосъ въ степи, что въ управленіе его—бѣдняки, дотолѣ всѣми угнетенные, впервые вздохнули свободно и узнали что такое справедливость. В. В. могъ гордиться этою величайшею заслугою передъ своимъ отечествомъ. Онъ сознавалъ, что сильно испортилъ дѣло своимъ преемникамъ, если бы они оказались недобросовѣстными и стали взяточничествовать. Разъ ознакомившись съ возможностью безпристрастія и правосудія въ высшей власти, киргизы не будутъ уже подчиняться поборамъ и притѣсненіямъ съ такою, какъ бывало, апатіею, когда полагали, что иначе и быть не можетъ. Конечно, странно бы было утверждать и думать, что В. В. искоренилъ въ степи взяточничество; оно осталось процвѣтать и послѣ него, но не съ такою какъ прежде наглостью. Въ этомъ отношеніи онъ успѣлъ добиться только того, что очистилъ областное правленіе отъ той дурной репутаціи, которую оно и подчиненные ему русскіе чиновники (попечители киргизовъ) имѣли до В. В. въ степи. На это есть и доказатель-

ства: въ послѣдніе годы пребыванія В. В. въ Оренбургѣ изъ десяти серьезныхъ жалобъ поступавшихъ въ правленіе и генералъ-губернатору, въ половинѣ по крайней мѣрѣ, киргизы просили разбора своихъ претензій черезъ русскихъ чиновниковъ, минуя киргизскія власти. Такая реабилитація русскаго имени—заслуга со стороны В. В. тоже немаловажная. Наконецъ, и это едва ли не плодотворнѣе всего, дружескими бесѣдами, внушеніями и личнымъ примѣромъ удалось В. В. образовать небольшой кружокъ киргизскихъ чиновниковъ, которые стали понимать, что власть дается не для притѣсненій подчиненныхъ, не для наживы, а для защиты слабыхъ и угнетенныхъ, для водворенія порядка въ обществѣ и обезпечиванія безопасности каждаго лица, его чести и имущества. Эти цивилизованныя понятія о власти и стали они добросовѣстно и усердно вносить въ жизнь, не смотря на противодѣйствіе ордынскихъ заправилъ стараго закала [1]). Косвеннымъ свидѣтельствомъ, что старанія В. В. къ обезпеченію киргизамъ личной и имущественной безопасности не остались вовсе безплодны, могутъ служить съ одной стороны—водвореніе въ степи такого, небывалаго прежде, спокойствія, что съ 1858 года оказалось возможнымъ отмѣнить переѣзды съ конвоемъ и устроить обыкновенное почтовое сообщеніе; съ другой—быстрое развитіе разныхъ видовъ промышленности: въ западной части земледѣліе, при всѣхъ къ тому препятствіяхъ, усилилось до такой степени, что киргизы стали снабжать хлѣбомъ даже уральскихъ казаковъ, въ восточной части развилось, между тѣмъ, извозничество на телѣгахъ (извозомъ на верблюдахъ киргизы промышляютъ изстари), торговая же дѣятельность приняла такіе размѣры, что образовались товарищества

---

[1]) Особенно заботился В. В. о султанахъ Сейдалиныхъ. Старшему выхлопоталъ онъ поѣздку въ Петербургъ съ бухарскимъ посольствомъ и отправилъ съ нимъ къ В. В. Вельяминову-Зернову письмо (отъ 22 октября 1857 г.) слѣдующаго содержанія: «Чтобы извлечь изъ отправленія Бухарцевъ въ Петербургъ какую нибудь существенную пользу, я придумалъ послать съ ними юношу, его же зрите передъ собою. Онъ окончилъ курсъ въ Неплюевскомъ корпусѣ, и оказался человѣкомъ съ хорошими способностями и еще лучшими расположеніями. Я взялъ его въ комиссію, держу при себѣ въ качествѣ переводчика и отчасти секретаря стараюсь утвердить его въ любви къ правдѣ и безкорыстію, и, кажется, не совсѣмъ не успѣлъ въ этомъ. Въ послѣднюю поѣздку мою по степи я имѣлъ рѣдкое удовольствіе видѣть, что доброе сѣмя не всегда глохнетъ: Сейдалинъ—такъ зовутъ предстоящаго юношу-султана—велъ себя при этомъ случаѣ такъ благородно, какъ, я думаю, никто до него изъ киргизовъ султановъ. Въ награжденіе за это, и такъ какъ онъ сердечно любитъ Русскихъ, а ближайшее знакомство съ Россіею должно развить въ немъ это чувство еще болѣе,—я и выпросилъ у Катенина, чтобъ онъ командировалъ его при посольствѣ, въ качествѣ помощника Батыршину. Пожалуйста примите Сейдалина моего поласковѣе, онъ привыкъ уважать васъ. Не знаю, что выдетъ изъ него впослѣдствіи, въ особенности когда меня не будетъ въ комиссіи; но если онъ останется такимъ какъ теперь, я вправѣ буду утѣшать себя мыслію, что хотя что нибудь сдѣлалъ для степи».

небольшихъ капиталистовъ, которыя превосходно повели свои дѣла, а нажившіеся торговцы стали обращаться въ банкировъ [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, сознавая, что возрастающимъ благоденствіемъ своимъ обязаны русскому правительству, умнѣйшіе изъ киргизовъ прониклись къ нему искреннею привязанностію: имя Бѣлаго Царя стало произноситься въ степи не со страхомъ, какъ прежде, а съ любовію и благодарностію.

Каковы, наконецъ, вообще были дѣйствія областнаго правленія подъ предсѣдательствомъ В. В., можно заключить изъ того факта, что въ числѣ тысячъ киргизскихъ просьбъ, поступившихъ къ генералъ-губернаторамъ въ теченіе 1854—1860 годовъ (киргизы, какъ и всѣ азіатцы, большіе охотники обращаться прямо къ высшему начальству), не было и двухъ десятковъ жалобъ собственно на управляющаго и областное правленіе, да и тѣ, всѣ безъ исключенія, оказались неосновательными. Такимъ образомъ, безупречная во всѣхъ отношеніяхъ служба В. В. въ Оренбургскомъ краѣ была полезна какъ для правительства, такъ и для степи.

Какова была дѣятельность В. В. въ Оренбургскомъ краѣ свидѣтельствуется тѣмъ, что и по отъѣздѣ его Киргизы при случаѣ посылали поклоны Григорьеву и не хотѣли вѣрить, что онъ оставилъ край навсегда. Враги В. В. изъ желанія собрать противъ него какія либо улики старались допытаться отъ киргизъ указаній на то не обиралъ ли ихъ Григорьевъ; но не нашлось ни одного, который хотя бы изъ корыстныхъ цѣлей показалъ противъ него [2]). Киргизамъ стали говорить, что Григорьевъ отдалялъ ихъ отъ генералъ-губернатора.

Но никто ужъне могъ отвергать, что при Григорьевѣ значеніе ислама видимо стало ослабѣвать въ степи, вслѣдствіе твердо поставленной

---

[1]) Объ этомъ явленіи В. В. высказывалъ во многихъ своихъ трудахъ и посвятилъ ему даже особую статью: «Оренбургскіе киргизы, ихъ честность и умѣнье въ торговомъ дѣлѣ».

[2]) Вотъ что писалъ Григорьеву Айбасовъ: «Вскорѣ послѣ отъѣзда вашего превосходительства изъ Оренбурга, султанъ правитель Т—нъ, конечно со своимъ пріятелемъ и защитникомъ М—мъ, прислалъ ко мнѣ управляющаго Бершевымъ родомъ Кулчара Бубетаева и киргиза Айсу Тлемисова убѣдить меня, чтобъ я выдалъ начальству бумаги, которыя бы могли служить къ очерненію чести вашего пр—ва, и подалъ бы отъ себя какой нибудь доносъ на васъ. Киргизы эти всемѣрно старались уговорить меня, что такія дѣйствія мои будутъ очень пріятны для оренбургскихъ властей, и что чрезъ это я не только избѣгну отъ всякихъ напастей, но даже могу пріобрѣсти особое благоволеніе начальства. Ни у меня, и ни у кого другаго не было, да и быть не могло никакихъ бумагъ, которыя могли бы бросить хотя малѣйшую тѣнь на постоянно справедливыя распоряженія вашего пр—ва. Я объявилъ объ этомъ посланнымъ отъ правителя киргизамъ, сказавъ имъ при томъ, что я, чтобы со мной ни случилось, никогда не рѣшусь, забывъ Бога и совѣсть, подать ложный доносъ на васъ».

политики нашей къ этому важному вопросу; что киргизы все болѣе и болѣе привязывались къ Россіи, султаны и біи, чаще другихъ киргизовъ приходившіе въ соприкосновеніе съ русскими, стали перенимать наши обычаи; говорить по русски сдѣлалось признакомъ высшей образованности; что благосостояніе страны возростало. Добиться такихъ результатовъ было не легко; но для уничтоженія ихъ не требовалось большихъ усилій. О начавшихся перемѣнахъ Чулакъ Айбасовъ извѣщалъ В. В. письмомъ:

„Еще и двухъ лѣтъ не исполнилось съ тѣхъ поръ, какъ вы оставили здѣшній край, а ужъ много, много перемѣнъ здѣсь, и все къ худшему для киргизъ. И у насъ въ западной части все смуты, да безпокойства, и всѣ неблизорукіе люди не предвидятъ въ будущемъ ничего хорошаго, если дѣла пойдутъ тѣмъ порядкомъ, какимъ идутъ теперь. Теперь даже и недальновидные люди поняли, какого крѣпкаго защитника правыхъ и покровителя слабыхъ и невинныхъ лишились мы въ васъ, и память о васъ, память о томъ, какъ вы мощною своею волею обуздывали ордынскія власти, всегда жадныя до грабежа и готовыя покрыть всю степь стономъ и слезами киргизъ лишь бы изъ этого можно было извлечь выгоду для себя, память о правосудіи вашемъ, память о томъ, какъ въ ваше время всякій киргизъ могъ безбоязненно предстать предъ васъ, не опасаясь страшнаго теперь мщенія со стороны здѣшнихъ притѣснителей народа. Память о всемъ этомъ никогда не искоренится изъ сердецъ здѣшнихъ киргизъ. Что касается до меня собственно, то благодѣянія и милости ваши ко мнѣ были такъ велики, что я долженъ заповѣдать и дѣтямъ своимъ до конца ихъ жизни молиться о благоденствіи вашемъ“. (Изъ письма отъ 4 авг. 1864).

По удаленіи В. В., началось въ Оренбургѣ составленіе проектовъ, одинъ другаго неудачнѣе. Составлено было новое положеніе объ управленіи Башкиріей, скроенное изъ крестьянскаго устава съ прибавленіемъ чего-то въ родѣ палатъ государственныхъ имуществъ. Затѣмъ явились реформаторы, степи никогда не видавшіе, но задумавшіе демократизовать ее. Либеральное направленіе времени требовало и реформъ либеральныхъ. Сочиненный въ Петербургѣ проектъ оренбургское начальство, при новомъ уже генералъ-губернаторѣ, начало вводить съ необыкновенной энергіей. Началась ломка и переустройство степи, а вслѣдъ затѣмъ извѣстный бунтъ 1869 года. Вступиться за киргизовъ было не кому. Въ Оренбургѣ не нашлось при управленіи ни одного лица, понимавшаго край и знавшаго его особенности, которое своимъ авторитетомъ могло бы отвратить бѣду. Результаты извѣстны: народъ

раззоренъ, скотъ истребленъ, торговля упала, и слѣды погрома сгладятся еще не скоро. Усмиреніе степи стоило намъ нѣсколько милліоновъ рублей.

XXI.

Рѣшаясь выйти въ отставку, В. В. не обманывался на счетъ будущаго: не имѣя никакого состоянія, безъ покровителей, безъ пріятелей въ силѣ, ему предстояло, прежде чѣмъ удастся получить какую либо должность съ содержаніемъ, просить и унижаться въ Петербургѣ, снискивая, между тѣмъ, бѣдныя средства къ жизни литературными работами. „Какъ устроимся мы въ Питерѣ (писалъ В. В. въ февралѣ 1863 г. Ольгѣ Васильевнѣ, оставшейся еще тогда въ Оренбургѣ), не знаю; но Богъ милостивъ, авось не пропадемъ. Хотя дѣла мои вовсе не въ блистательномъ положеніи, но я нисколько не унываю духомъ“.

Хлопотъ было много. В. В. поселился на Васильевскомъ острову въ скромной квартиркѣ въ домѣ г. Красильникова, по Волховскому переулку, и не теряя времени началъ работать. Какъ разъ въ то время въ печати сталъ обсуждаться вопросъ о литературѣ для народа, снабдить который здоровою духовною пищею сдѣлалось насущною потребностію послѣ 19 февраля 1861 года. Появились журналы, наполнявшіеся статьями доступными пониманію народа, какъ по содержанію, такъ и по языку. Близко къ сердцу принималъ В. В. заботы о народномъ просвѣщеніи въ полномъ значеніи этого слова, т. е. объ утвержденіи народа въ религіи, объ очищеніи его нравственности, просвѣтленіи его въ умственномъ отношеніи, побужденіи его къ улучшенію своего быта путемъ упорнаго труда и т. д. Сочувствуя подобнымъ задачамъ, В. В. задумалъ написать рядъ статей для народнаго чтенія, подъ названіемъ: „Бесѣды съ народомъ о прошломъ и теперешнемъ“. Въ журналѣ „Народная Бесѣда“ 1863 г., напечаталъ онъ (безъ подписи) первый такой разсказъ: „Много ли Русскаго народа и кто ему родня“. Въ этомъ разсказѣ, вызванномъ политическимъ событіемъ—польскимъ возстаніемъ, В. В. старался выяснить причины враждебности къ Россіи европейскихъ государствъ и подробно перечислялъ нашихъ естественныхъ союзниковъ, младшихъ или, какъ онъ ихъ называлъ, двоюродныхъ и троюродныхъ братьевъ нашихъ—прочихъ Славянъ. Въ слѣдующемъ году и въ томъ же журналѣ В. В. помѣстилъ другую статью: „Оренбургскіе киргизы: ихъ честность и умѣнье въ торговомъ дѣлѣ“. Не оконченнымъ остался разсказъ—„Веніаминъ Франклинъ“, которымъ В. В. хотѣлъ по-

казать, какъ бѣдный, простой человѣкъ, при твердой волѣ, упорномъ трудѣ, а главное при стараньи владѣть самимъ собою, при обузданіи своихъ дурныхъ наклонностей и привычекъ, можетъ дойти до богатства и знатности „честнымъ и прямымъ путемъ, не кривя душой ни въ какомъ дѣлѣ, никого не обижая, ничьего куска не заѣдая, оставаясь всегда и во всякомъ случаѣ правымъ передъ Богомъ и государемъ, передъ совѣстью своею и передъ добрыми людьми.... И мало того, что можно сдѣлаться богатымъ и знатнымъ, но и великимъ благодѣтелемъ человѣчества, такъ что память такого человѣка будутъ чтить и благословлять люди многіе вѣка по смерти его. А это будетъ поважнѣе богатства и знатности при жизни". Были намѣчены еще слѣдующія статьи: „Чужіе края по разсказамъ русскихъ путешественниковъ" (географическая хрестоматія), „О правахъ и обязанностяхъ человѣка и гражданина", „Какіе народы живутъ на свѣтѣ"; но вслѣдствіи новой должности, поглотившей все вниманіе В. В. и все его время, эти разсказы не были даже и начаты. Въ „Пчелѣ" и другихъ газетахъ В. В. напечаталъ цѣлый рядъ статей. Нѣкоторыя изъ нихъ не были пропущены цензурой, не потому, конечно, что будущій начальникъ по дѣламъ печати отличался тогда какою либо неблагонамѣренностію, а по причинамъ совсѣмъ другаго рода: печатаніе статей о бюджетѣ и финансахъ было въ то время весьма затруднено, а В. В. затронулъ этотъ предметъ и думалъ напечатать свои соображенія въ „Днѣ". И. С. Аксаковъ извѣщалъ Григорьева: „Статья, вами присланная, превосходна, но къ напечатанію цензура не рѣшается ее пропустить".

Кромѣ этихъ мелкихъ работъ, В. В. принялся за большой трудъ для Географическаго общества—за переводъ изъ Риттерова „Землевѣдѣнія" главы о Кабулистанѣ и обработку тѣхъ свѣдѣній, которыя накопились объ этой странѣ за послѣднее время. Работа эта хорошо оплачивалась, что для В. В. въ то время было весьма важно.

Прошелъ цѣлый годъ въ поискахъ опредѣленныхъ занятій, и не разъ пришлось В. В. разочароваться и въ людяхъ, и въ своихъ надеждахъ. Люди, ему близкіе, которымъ раньше онъ самъ оказывалъ услуги и поддержку въ трудныхъ обстоятельствахъ жизни, теперь стали относиться къ нему свысока и съ покровительственнымъ тономъ, чего В. В. не могъ выносить. Намѣреваясь поступить на службу въ то или другое вѣдомство, въ которомъ разсчитывалъ быть полезнымъ и дѣла котораго находилъ для себя доступными, всюду встрѣчалъ онъ отказъ болѣе или менѣе утонченный, въ родѣ того, что въ настоящее время не имѣется вакансій, соотвѣтствующихъ его чину, а иногда и просто потому, что кругъ

его прежнихъ занятій и спеціальная подготовка не соотвѣтствуютъ дѣятельности извѣстнаго учрежденія, какъ будто у насъ на каждомъ видномъ постѣ непремѣнно сидитъ спеціалистъ, требуемый дѣломъ.

Еще до разрыва съ Безакомъ В. В. пріискивалъ себѣ пріютъ въ Петербургѣ. Обратиться къ своему министерству внутреннихъ дѣлъ В. В. не рѣшился, потому что министру, управлявшему этимъ министерствомъ, онъ вовсе не былъ извѣстенъ. Между тѣмъ, министерство финансовъ со временъ Канкрина постоянно давало пріютъ годнымъ къ работѣ людямъ, а В. В. надѣялся принести пользу министерству при обсужденіи вопросовъ по части среднеазіатской торговли, кромѣ того не была ему чуждою и политическая экономія, способность же его къ редакціоннымъ работамъ весьма и весьма могла пригодиться министерству. В. В. и пытался было въ августѣ 1862 г. пристроиться къ этому министерству, не заявляя никакихъ претензій на видное мѣсто. Вѣроятно, онъ думалъ, что не удалось въ концѣ 50-хъ годовъ, быть можетъ удастся въ началѣ 60-хъ; но получилъ очень уклончивый отказъ, и то въ слѣдующемъ 1863 году. Также неудачна была другая попытка поступить на службу во II отдѣленіе собственной канцеляріи Его Величества. Прося объ этомъ барона Корфа, В. В. прямо заявлялъ, что юристомъ онъ никогда не былъ и быть не готовился, а готовился къ дѣятельности по ученой части; но затѣмъ мотивировалъ свою просьбу слѣдующими доводами: „Послѣднія десять лѣтъ моей службы провелъ я въ Оренбургскомъ краю, сначала работая по всѣмъ частямъ гражданскаго и военнаго управленія этимъ краемъ, а потомъ завѣдуя исключительно киргизами и пограничными дѣлами. Эта послѣдняя служба ознакомила меня, между прочимъ, съ предметомъ почти никому у насъ неизвѣстнымъ—съ обычнымъ правомъ и судебнымъ процессомъ кочевыхъ народовъ. Что киргизы, народъ въ два милліона душъ, не могутъ управляться по русскимъ законамъ, что такое управленіе отчуждаетъ ихъ отъ насъ, признается всѣми, кто имѣлъ случай ознакомиться съ ихъ бытомъ; всѣ согласны въ томъ, что для нихъ нужно особое законодательство; это повторяется десятки лѣтъ, а между тѣмъ никто еще не только не разрѣшилъ этой задачи, но и не приступалъ къ ея разрѣшенію, и примѣненіе русскаго закона къ управленію кочевыми инородцами составляетъ доселѣ лишь pium desiderium. Быть можетъ в. в.п—во нашли бы возможнымъ пополнить этотъ важный пробѣлъ въ русскомъ законодательствѣ, поручивъ мнѣ обработку предмета по вашимъ указаніямъ и подъ вашимъ руководствомъ“ (въ августѣ 1862 г.). Баронъ Корфъ отвѣчалъ, что В. В. самъ произнесъ надъ собой приговоръ

словами: „не юристъ“, а не юриста принять къ себѣ на службу онъ не можетъ.

Начало 60-хъ годовъ особенно отличалось у насъ либерализмомъ, а В. В. былъ извѣстенъ по трудамъ своимъ совсѣмъ съ другой стороны.

Что сдѣлали бы на мѣстѣ В. В. другіе, если бы вѣдомства, ихъ отвергнувшія, обратились впослѣдствіи къ этимъ, отвергнутымъ, за совѣтомъ и помощью? Едва ли бы многіе устояли отъ искушенія воспользоваться такимъ случаемъ, чтобы отомстить за прежній отказъ; но не такъ поступилъ, какъ увидимъ, В. В. Тамъ, гдѣ польза государственная требовала его дѣятельности, забывалъ онъ о личныхъ обидахъ, и отъ работы никогда не отказывался.

Неудача на первыхъ порахъ подѣйствовала на В. В. удручающимъ образомъ Въ это время и другимъ не совѣтовалъ онъ „прать противъ рожна“; но за правду стоялъ по прежнему. Султану Сейдалину онъ писалъ: „Не пеняйте на меня милѣйшій изъ султановъ, что не пишу къ вамъ; ни къ вамъ и ни къ кому не пишу по причинамъ весьма уважительнымъ (....). Въ Петербургѣ вы знаете, скоро дѣла не дѣлаютъ, а тутъ еще на мою бѣду забунтовали Поляки, и все вниманіе обратилось въ эту сторону. Но, чтобы тамъ ни случилось со мною, вы оставайтесь вѣрны моему завѣту—будьте честнымъ человѣкомъ во всѣхъ обстоятельствахъ жизни, и Богъ не оставитъ васъ. Въ Оренбургъ я не возвращусь, но это вовсе не значитъ, чтобы киргизскія дѣла ушли изъ моихъ рукъ; можетъ быть въ Петербургѣ буду я еще полезнѣе для киргизовъ, къ которымъ душевно привязался, чѣмъ сидя въ Оренбургѣ“. (Изъ письма отъ 25 января 1863). Въ другомъ письмѣ: „Да, мой милѣйшій султанъ, виноватъ я предъ вами, давно не давалъ о себѣ вѣсточки. Причина все та же что и прежде: зная, какъ любите вы меня, я желалъ бы сообщить вамъ о положеніи моихъ дѣлъ что нибудь утѣшительное, а новостей такого свойства, къ сожалѣнію, не имѣется. Вотъ и не хочется ни васъ, ни себя огорчать. Правда, быть можетъ, свое возьметъ, но не вдругъ, надо для этого время, и приходится терпѣть. Разсудите, впрочемъ, что еслибы не приходилось терпѣть за правду, какое бы достоинство было стоять за нее? Подлость потому и имѣетъ поклонниковъ, что за нее награждаютъ всѣми благами земли. Если бы и благородство награждалось по заслугамъ, кто же бы не былъ благороденъ? Въ томъ то и дѣло, что любя правду, надо быть постоянно готовымъ подвергнуться за нее всякимъ гоненіямъ“. (Изъ письма отъ 10 іюня 1863).

Лѣтомъ 1863 г. В. В. ѣздилъ на морскія купанья въ Гельсинг-

форсъ для поправленія своего здоровья; а къ зимѣ удалось ему вновь поступить на службу. Онъ нашелъ пріютъ тамъ, гдѣ вовсе не ожидалъ: въ Петербургскомъ университетѣ, куда онъ стремился такъ давно и такъ долго. О своемъ назначеніи извѣстилъ онъ оренбургскихъ друзей и между прочими султана Сейдалина:

„Всѣ ваши письма, лѣтнія, осеннее и зимнее, всѣ до одного я получилъ. Вы знаете, что я люблю васъ, слѣдовательно можете быть увѣрены, что всякая строчка отъ васъ пріятна для меня. Но особенно порадовало меня послѣднее ваше письмо, отъ 2 декабря. Чѣмъ порадовало, скажу ниже; а теперь объясню, почему на посланія ваши не отвѣчалъ таковыми же. Вы повѣрите мнѣ, если я скажу вамъ, что катастрофа, со мною случившаяся, тяжела была для меня не столько потому, что разстроила собственныя мои дѣла и скомпрометировала мою будущность, сколько потому, что преслѣдованіе, которое разразилось надо мною, задѣло и тѣхъ изъ бывшихъ моихъ подчиненныхъ, которые были наиболѣе привязаны ко мнѣ, и отличались благородствомъ. Конечно, мнѣ было больно, что поступили со мною такъ, какъ поступили въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, но еще больнѣе было то, что изъ-за меня могли пострадать лучшіе люди въ степи. Всего же тяжелѣе для меня было сознаніе, что я ничѣмъ не могу помочь имъ. Важно было не то, что со мною поступили несправедливо, (....), а то что моя судьба могла убить въ другихъ охоту дѣйствовать такимъ образомъ, какъ я дѣйствовалъ, могла совершенно заглушить ростъ тѣхъ немногихъ добрыхъ сѣмянъ, которыя, быть можетъ, удалось мнѣ посѣять между киргизами моимъ управленіемъ. Вотъ что сокрушало меня. Въ такомъ положеніи, я-бы даже радъ былъ не получать писемъ изъ Оренбурга. Каждая новость оттуда колола меня ножемъ въ сердце. Видѣть, напримѣръ, какъ преслѣдовали изъ за меня бѣднаго Чулака, и не быть въ возможности ничего для него сдѣлать—было для меня такою мукою, такою пыткою, что и вспоминать о ней тяжело. За васъ боялся я въ особенности; не того боялся, что васъ выживутъ изъ правленія, или и совсѣмъ изъ службы: это-бы еще не великая была бѣда, это было-бы только огромною потерею для степи; а того я боялся, не ослабѣли бы вы духомъ, не вздумали бы пойти по общей колеѣ, не промѣняли бы въ себѣ самомъ честнаго человѣка на проидоху. Вы молоды, а примѣръ соблазнителенъ. То, что со мною случилось, могло, пожалуй, послужить для васъ предостереженіемъ не слѣдовать ни совѣтамъ моимъ, ни образу дѣйствій. Удача М., напротивъ, поощряла къ пакостямъ. И чѣмъ могъ я поддержать васъ на добромъ пути?

утѣшеніями, указаніемъ на возможность лучшаго въ будущемъ? Нѣтъ, это поддержка плохая, и мнѣ не хотѣлось предлагать ее вамъ. Съ другой стороны, при полной увѣренности въ вашей любви ко мнѣ, мнѣ не хотѣлось огорчать васъ повтореніемъ одного и того же—что мнѣ ничего не удается, что положеніе мое нисколько не обѣщаетъ улучшиться въ будущемъ, а таково было оно до самаго послѣдняго времени. Писать вамъ, что моя честность, прямота, свѣдѣнія не служатъ ни къ чему, и скорѣе препятствуютъ мнѣ, чѣмъ помогаютъ, выбиться изъ ямы, въ которую я попалъ—было бы тяжело для меня (я не люблю плакаться ни на судьбу, ни на людей), и нисколько не утѣшительно для васъ. Что за радость была бы для васъ, получая письмо отъ меня, знать впередъ, что кромѣ огорчительнаго для васъ и для меня не найдете вы въ немъ ничего другаго? Вотъ почему, голубчикъ мой, не подымалась у меня рука отвѣчать на милыя письма ваши (.....). Послѣ сказаннаго, можете представить, какъ отрадно было для меня ваше послѣднее письмо: я увидѣлъ, что вы не въ письмахъ только, а на дѣлѣ остаетесь тѣмъ благороднымъ человѣкомъ, какимъ я оставилъ васъ; любите не меня только, а и правду, которую я завѣщалъ вамъ любить. Да благословитъ и да укрѣпитъ васъ Господь! И да утѣшитъ онъ васъ, какъ вы утѣшили меня!

„Теперь пишу вамъ потому, что могу наконецъ сообщить вамъ кое-что хорошее и о себѣ. Если честному человѣку не везетъ на свѣтѣ, то, по крайней мѣрѣ, не совсѣмъ онъ и пропадаетъ. Здѣсь никто изъ тузовъ не захотѣлъ ничего для меня сдѣлать. Откуда въ такихъ условіяхъ, могъ я ожидать улучшенія своего положенія? Подличать я не могу, оставалось слѣдовательно пробиваться кое-какъ, безъ службы, занятіями литературными, весьма скудно оплачиваемыми. Вдругъ выходитъ новый университетскій уставъ, по которому открывается въ Петербургскомъ университетѣ новая каѳедра „Исторіи Востока“, и меня ученое сословіе университета выбираетъ профессоромъ на эту каѳедру, и возводитъ, не въ примѣръ другимъ, въ ученую степень доктора восточной словесности. Это еще первый примѣръ такой почести въ Россіи. Скажутъ, пожалуй, что изъ губернаторовъ въ профессора—тоже что изъ кулька да въ рогожку. Пусть говорятъ. За границей люди не хуже меня шли въ профессора—изъ министровъ. Мѣсто въ 5-мъ классѣ; жалова́нья 3000 р. сер. Оно, конечно, не великолѣпно, но—кто знаетъ—это, быть можетъ, только первый шагъ; быть можетъ доживу еще и до чего нибудь лучшаго, выгоднѣйшаго. Хорошо и то, что черезъ три-четыре года получу, по закону, пенсіонъ въ 1500 р. сер.—

Видите, что наука, по русской пословицѣ, за плечами не виснетъ, и знаніе къ чему нибудь да служитъ. Въ должности утвержденъ я только вчера—значитъ не медлю подѣлиться съ вами доброю вѣстью. Бирмухаммеду поклонъ. Монеты имъ присланныя оказались дрянью. Но онъ, разумѣется, не виноватъ въ этомъ. Напишу ему при отсылкѣ денегъ". (Изъ письма отъ 29 декабря 1863).

Когда составлялся университетскій уставъ 1863 года, имѣвшій главною цѣлью поднять университетское преподаваніе въ уровень съ западно-европейскимъ развитіемъ науки, для чего понадобилось, между прочимъ учредить въ разныхъ факультетахъ новыя каѳедры, то въ факультетѣ восточныхъ языковъ также ввели новую каѳедру исторіи Востока. Преподаваніе восточныхъ языковъ первоначально возникло въ нашихъ университетахъ изъ подражанія западной Европѣ, гдѣ языки эти (преимущественно арабскій, а затѣмъ турецкій и персидскій) преподавались издавна, каѳедра же исторіи Востока — учрежденіе наше собственное, оригинальное, возникшее органически. Восточный факультетъ чувствовалъ, что въ немъ нѣтъ никакой цѣлости, что каждая каѳедра существуетъ въ немъ сама по себѣ и ничѣмъ не связывалась съ другими, такъ что факультетъ представлялся аггрегатомъ каѳедръ, а не органическимъ цѣлымъ, какъ болѣе или менѣе другіе факультеты, гдѣ каждая каѳедра находится въ извѣстномъ отношеніи къ другой, и имѣя естественную съ нею связь, представляется необходимымъ звеномъ въ извѣстной цѣпи знаній. Существовавшія каѳедры, обнимавшія языки и литературы важнѣйшихъ народовъ Азіи, не давали студентамъ Восточнаго факультета никакого общаго взгляда на Азію. Это была крайняя спеціальность. Надо было связать эти разрозненныя части, и факультетъ пришелъ къ убѣжденію, что лучшею связью будетъ преподаваніе исторіи Востока въ широкихъ размѣрахъ. Но независимо отъ потребности факультета, въ учрежденіи этой каѳедры существовала и потребность государственная. Ужъ если гдѣ-либо въ Европѣ должна была возникнуть такая каѳедра, такъ это въ Россіи. Никто такъ не близокъ къ Востоку, никто не связанъ съ нимъ такъ, ни въ прошломъ, ни въ настоящемъ, какъ Россія. Европейскія государства, наиболѣе связанныя съ Востокомъ, вошли въ эту связь недавно, такъ сказать, случайно. Англія можетъ промѣнять Индію (пріобрѣтенную вслѣдствіе потери Американскихъ колоній) на колоніи африканскія, австралійскія и остаться все тою-же Англіею. Россія не можетъ отдѣлиться отъ Азіи и остаться Россіею. Азія отъ Желтаго до Чернаго моря будетъ вѣчною нашею сосѣдкою. Далѣе, изъ всѣхъ европейскихъ народовъ

только мы да испанцы вынесли на себѣ долгое иго азіатскихъ завоевателей, но роль Испаніи въ отношеніи къ Востоку кончена, а наша продолжается въ обратномъ смыслѣ: востокъ покоряется теперь намъ. „Слѣдовательно, (говорилъ В. В., касаясь этого предмета) мы должны знать Азію, какъ для проясненія собственнаго самосознанія, такъ и для раціональности нашего на нее воздѣйствія, а лучшій путь къ этому—историческое изученіе ея судебъ. Никакое знаніе предмета въ настоящемъ не можетъ назваться знаніемъ, если это настоящее не понято какъ результатъ прошлаго. Безъ знанія прошедшаго—въ настоящемъ бездна темнаго, непонятнаго. Нѣтъ возможности отличить случайное, временное отъ основнаго, постояннаго. Будь у насъ болѣе историческаго знанія Востока, мы бы давно и гораздо дальше ушли въ нашемъ вліяніи на Азію и ушли бы съ меньшими пожертвованіями крови и денегъ“.

Петербургскій университетъ не находилъ въ семьѣ своей никого, кто своими трудами и подготовкой имѣлъ бы законныя права на занятіе этой каѳедры. Но кому же слѣдовало и поручить ее, какъ не тому, кто первый, 25 лѣтъ назадъ, подалъ мысль объ основаніи каѳедры исторіи Востока и въ теченіе всей жизни занимался разработкой этой исторіи? Факультетъ и обратился къ В. В. съ лестнымъ предложеніемъ открыть курсъ исторіи въ факультетѣ, а совѣтъ университета, чтобы предоставить Григорьеву права ученой службы, далъ ему, въ ноябрѣ 1863 г., степень доктора восточной словесности. Вслѣдъ затѣмъ, 9 декабря В. В. былъ выбранъ ординарнымъ профессоромъ, хотя въ первые года получалъ только половину содержанія по штату.

Занявъ каѳедру, В. В. поставилъ себѣ задачею не только знакомить слушателей съ современнымъ положеніемъ ученой разработки своего предмета, но и подготовлять ихъ къ самостоятельному продолженію ея. И подготовка эта въ глазахъ В. В. играла очень важную роль. „Изъ прежняго преподаванія—говорилъ онъ—выходило то, что молодые люди, не ознакомясь въ университетѣ съ пріемами и условіями ученыхъ работъ, не пріобрѣтя никакого навыка въ томъ, выходили, положимъ, съ головою полною фактовъ и идей, но за рѣдкими исключеніями не приготовленные къ работѣ собиранія и критическаго изученія фактовъ, къ процессу выработки изъ нихъ идей. Оттого, между прочимъ, наука въ Россіи и отставала, не смотря на богатыя къ ней способности русскаго человѣка“.

Для В. В. началась знакомая жизнь, но за то и трудиться приходилось ему много и работалъ онъ такъ, какъ могутъ работать весьма не-

многіе. По плану В. В. чтеніе раздѣлялось на два курса: общій и спеціальный. Въ общемъ курсѣ, или иначе въ введеніи, излагалъ онъ все то, что могло служить для подготовки слушателей къ изученію политической исторіи, которая собственно и составляла спеціальный курсъ. Въ послѣднемъ обращалъ онъ вниманіе и на практическія свѣдѣнія, и на потребности нашихъ будущихъ дѣятелей на Востокѣ. Кромѣ того, въ видѣ дополненія къ спеціальному курсу, В. В. намѣревался устроить со своими слушателями практическія занятія, предлагая имъ задачи по какому нибудь изъ наименѣе разслѣдованныхъ вопросовъ и стараясь знакомить студентовъ съ пріемами и способами отыскиванія источниковъ, чтенія ихъ, составленія выписокъ, критики текстовъ, знакомить съ экономіею въ расположеніи частей труда, пріучать къ отчетливости въ изложеніи и т. д. Результатомъ такихъ работъ за каждое полугодіе, кромѣ усвоенія слушателями ученыхъ пріемовъ и привычки къ правильному, основательному, критическому, а не поверхностному изученію дѣла вообще, получался бы ученый трудъ, болѣе или менѣе значительное пріобрѣтеніе для самой науки. Но на практикѣ это благое намѣреніе оказалось для всего состава слушателей В. В. неисполнимымъ, и только къ отдѣльнымъ личностямъ примѣнялось имъ съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ.

Мало сказать: надо читать предметъ въ такомъ объемѣ и трактовать его такимъ-то образомъ. Спрашивается, способенъ ли берущійся за дѣло, выполнить планъ имъ составленный? Университетъ, почтивъ В. В. избраніемъ на каѳедру, основывалъ свой выборъ на его трудахъ по исторіи и древностямъ Востока. Но каковы бы ни были эти труды, они не обнимали и тысячной доли вопросовъ, въ которыхъ долженъ отдать отчетъ себѣ и своимъ слушателямъ преподаватель исторіи Востока. Къ тому же, оставивъ ученую карьеру около 20 лѣтъ тому назадъ, В. В. во все это время не слѣдилъ и не могъ слѣдить за работами европейскихъ оріенталистовъ по исторіи Востока, какъ бы слѣдовало для того, чтобы быть оффиціальнымъ представителемъ этого предмета на университетской каѳедрѣ. Но за то—время это не было потрачено В. В. совершенно безполезно для предстоящей ему задачи: съ одной стороны онъ занимался кабинетною разработкою нѣкоторыхъ спеціальныхъ вопросовъ, относящихся къ области исторіи Востока, съ другой—знакомился съ частію этого Востока на практикѣ въ такой мѣрѣ, какъ не многимъ это удавалось: болѣе десяти лѣтъ сряду служебное положеніе ставило В. В. къ значительной части Средней Азіи въ такое отношеніе, что онъ долженъ былъ изучить ее основательно, а это изу-

ченіе на мѣстѣ не могло остаться безъ того, чтобы не прояснить его взгляда на явленія средне-азіатской и въ особенности кочевой жизни. В. В. составилъ себѣ объ этихъ явленіяхъ понятія болѣе ясныя чѣмъ тѣ, которыя выработываются кабинетнымъ трудомъ, и приложивъ ихъ къ явленіямъ въ жизни другихъ кочевыхъ народовъ, напримѣръ, арабовъ, понялъ и ихъ нѣсколько иначе, чѣмъ они обыкновенно понимаются. Но самымъ главнымъ правомъ В. В. на каѳедру въ университетѣ являлись не труды его по исторіи и древностямъ Азіи, и не близкое на практикѣ знакомство съ жизнію кочевыхъ ея народовъ, а доказанная всею жизнію его теплая и безкорыстная любовь къ ученому труду. Можно смѣло сказать, что В. В. составлялъ рѣдкій между соотечественниками и весьма обыкновенный въ болѣе просвѣщенныхъ странахъ экземпляръ чиновника, не покидавшаго ученыхъ работъ среди самыхъ дѣятельныхъ служебныхъ занятій. Эта, никогда не угасавшая любовь къ наукѣ, должна была служить ручательствомъ, что В. В. употребитъ всѣ силы, чтобы пополнить пробѣлы въ своихъ свѣдѣніяхъ по тому предмету, который онъ взялся преподавать. И первые же труды В. В. въ университетѣ доказали, что онъ скоро изучилъ европейскую литературу о Востокѣ и сталъ въ уровень съ состояніемъ востоковѣдѣнія въ Европѣ.

Надо еще замѣтить, что В. В. пришлось читать лекціи по такому предмету, который до этого времени ни у насъ, тѣмъ болѣе въ западной Европѣ, не читался, какъ предметъ отдѣльной каѳедры. Оттого по предмету этому не существовало, не существуетъ и теперь, ни одного учебника ни на какомъ изъ европейскихъ языковъ, который хотя сколько нибудь облегчалъ бы его преподаваніе, ни одного учебника, какихъ существуютъ тысячи для исторіи европейскихъ государствъ и народовъ древняго міра. Да если бы и былъ какой учебникъ, онъ не могъ бы служить пособіемъ ни для слушателей, ни для самого профессора по особенности составленной Григорьевымъ программы, которая почти во всѣхъ частяхъ своихъ требовала самостоятельнаго труда. И В. В. пришлось не излагать только предметъ своего преподаванія, а почти создавать его— задача, за которую не всякій въ состояніи взяться, а тѣмъ болѣе выполнить ее съ такимъ успѣхомъ, какъ удалось это В. В. Приводимъ первоначальный планъ его чтенія лекцій:

„Географическое обозрѣніе Азіи, какъ поприща, на которомъ и подъ физическими условіями котораго развертывалась жизнь восточнаго человѣчества, на сколько внѣшняя природа опредѣляетъ дѣятельность человѣческаго духа. Это обозрѣніе тѣмъ нужнѣе, что въ гимназическомъ

преподаваніи географіи, первое мѣсто занимаетъ, по справедливости, отечество, а затѣмъ Европа, о прочихъ же частяхъ свѣта сообщаются свѣдѣнія самыя поверхностныя.

„Затѣмъ, когда сцена, на которой разыгрывалась драма Азіатскаго человѣчества, будетъ извѣстна болѣе или менѣе,—познакомить съ актерами этой драмы—племенами и народами Востока, какъ *основными единицами*, изъ борьбы и различнаго сочетанія которыхъ возникли его государства. Причемъ, насколько это возможно въ настоящемъ состояніи науки, разсмотрѣть типическія особенности каждаго изъ племенъ, какъ *начала*, характеризовавшія его дѣятельность, и отпечатокъ которыхъ ложился на проявленія его духа во всѣхъ сферахъ его развитія.

„Познакомившись съ племенами и народами Азіи въ ихъ, такъ сказать, эмбріоническомъ состояніи, слѣдуетъ указать ихъ первоначальныя гнѣзда и распространеніе ихъ по материку и островамъ Азіи во времена *доисторическія*—руководствуясь ихъ собственными преданіями и результатами, выработанными сравнительною лингвистикою.

„Далѣе, полагаю я сообщить слушателямъ, такъ сказать, *скелетъ* политической исторіи Востока, начиная съ возникновенія древнѣйшихъ государствъ. Изложеніе послѣдовавшей смѣны однихъ государствъ и династій другими до настоящаго времени, въ самомъ краткомъ очеркѣ, должно послужить кадромъ, пополнить который тѣми или другими подробностями будетъ уже задачею спеціальнаго курса.

„Въ заключеніе „Введенія“ необходимо, по моему мнѣнію, сдѣлать обзоръ догматики и развитія религіозныхъ ученій, существовавшихъ и существующихъ на Востокѣ, какъ предметъ, который не принадлежитъ къ исторіи одного какого-либо племени или какой-либо страны, но общъ многимъ, и составляетъ почти исключительно ту духовную атмосферу, въ которой движется азіатское человѣчество. Начавъ съ шаманизма, какъ общей религіи первобытныхъ народовъ, слѣдуетъ разсмотрѣть одну за другою, оффиціальную религію Китая, Даосизмъ, Брахманизмъ, Буддизмъ, Маздеизмъ и другія древнѣйшія религіи передней Азіи, наконецъ Мозаизмъ и Исламизмъ, которымъ закончилась религіозная производительность азіатскаго духа“. Впослѣдствіи В. В. измѣнилъ этотъ планъ и держался той программы, которая печаталась въ „протоколахъ“ университета.

Послѣ усиленныхъ трудовъ въ учебный сезонъ 1863—1864 года, лѣтомъ В. В., чтобы отдохнуть, отправился въ Орловскую губернію въ имѣніе г. Вельяминова-Зернова.

Лѣтомъ 1866 года В. В., по совѣту университетскаго доктора Насилова, отправился на воды въ Старую Русу, куда и прибылъ 10 іюля. Здѣсь очутился В. В. въ непривычномъ для него положеніи: безъ всякаго серьезнаго дѣла, безъ ученыхъ занятій. Не могъ онъ долго выносить такое положеніе и съ первыхъ же дней началъ скучать, какъ свидѣтельствуетъ письмо его къ Ольгѣ Васильевнѣ отъ 20 іюля:

„Письмо твое изъ Павловска получилъ я третьяго дня, и не хотѣлъ было писать болѣе, потому что располагалъ уѣхать изъ настоящаго моего мѣстопребыванія. Желаніе это одолѣвало меня потому, что скука здѣсь ужаснѣйшая. Другимъ можетъ быть и весело, даже очень весело: народу тьма, гулянье около водъ цѣлый день, цѣлый день почти музыка, постоянный театръ, безпрестанные концерты—веселись до упаду. Но мнѣ именно отъ того и скучно, отъ чего другимъ весело: въ театръ я не пойду, въ концерты тоже, выпляску задавать по вечерамъ въ вокзалѣ—не наше дѣло. Чѣмъ больше толпы, тѣмъ скучнѣе для человѣка, который ни съ кѣмъ не знакомъ и знакомиться не умѣетъ. Ходишь себѣ промежъ людей какимъ-то сиротой казанской. Завернулъ было къ К....ъ—тамъ кромѣ старыхъ дѣвъ и старыхъ дураковъ никого: неутѣшительная компанія. Да и погода пресkверная—дождь льетъ и днемъ, и ночью по нѣскольку разъ въ сутки; городъ на болотѣ и сталъ грязенъ до того, что ходить нельзя. На квартирѣ—тараканы одолѣваютъ всякіе, и черные большіе, и прусаки, и мелочь разнаго калибра. Другою не менѣе важною причиною удирать отсюда было то, что вòды здѣшнія не по мнѣ: у меня нѣтъ ни ревматизма, ни золотухи, отъ которыхъ онѣ полезны. Я сталъ купаться, имѣя въ виду укрѣпиться, застраховать себя отъ простудъ, а доктора здѣшніе только о томъ и толкуютъ, что и во время купанья и послѣ паче всего надо беречься простуды: для коего же чорта купаться мнѣ здѣсь? Стала у меня голова кружиться, а потомъ и простудился легонько. Вотъ и рѣшился я убираться отсюда. Теперь пораздумалъ, потому и пишу. Во-первыхъ, Дорофей Кузьмичъ хорошо знакомъ со здѣшними водами, и однако-же послалъ меня сюда: значитъ находитъ, что онѣ могутъ мнѣ быть полезны; во-вторыхъ, вычиталъ я въ книгѣ доктора Грума о минеральныхъ водахъ, что Старорусскія помогаютъ противъ слабости кожи, потливости и расположенія къ простуднымъ болѣзнямъ, значитъ помогаютъ именно противу того, чему я подверженъ; въ-третьихъ, говорятъ, что головокруженіе есть именно признакъ, что вòды начинаютъ дѣйствовать. По всѣмъ этимъ уваженіямъ, я рѣшилъ остаться здѣсь еще на недѣлю

и посмотрѣть, что будетъ. Но во всякомъ случаѣ, долѣе 1-го августа едва-ли останусь".

Въ другомъ письмѣ, вслѣдъ за этимъ В. В. писалъ: „До 1-го числа авось дотяну, но долѣе ни за что не останусь. Жить на мѣстѣ и не работать—невозможно. Чтобы не заниматься совсѣмъ, надо быть въ дорогѣ".

XXII.

Университетскія занятія не мѣшали В. В. откликаться время отъ времени на разныя событія, занимавшія общество. Къ числу крупныхъ относились завоеванія М. Г. Черняева въ Средней Азіи, вызвавшія у насъ обширную литературу съ цѣлію познакомить общество съ завоеваннымъ краемъ. В. В. видѣлъ, какое непониманіе дѣла обнаруживаютъ люди, взявшіе на себя трудъ поучать другихъ, и рѣшился высказать свой взглядъ на присоединеніе къ Россіи Туркестанскаго края. Въ началѣ своей лекціи объ этомъ событіи онъ говорилъ:

„Меня всего болѣе поражало въ этихъ печатныхъ толкахъ о предметѣ—говорилъ В. В.—отсутствіе историческаго элемента: толковали о краѣ точно будто-бы онъ существуетъ со вчерашняго дня, точно будто-бы въ прошлыхъ судьбахъ его нѣтъ никакихъ указаній относительно настоящаго его положенія. Можетъ быть поражало это меня потому преимущественно, что исторія—моя профессія. Vous êtes orfèvre, m. Josse, могутъ замѣтить злые языки. Но прежде чѣмъ быть профессоромъ исторіи Востока, я долгое время былъ администраторомъ, и будучи администраторомъ, постоянно, на каждомъ шагу сознавалъ—не во гнѣвъ будь сказано другимъ администраторамъ—что близкое знакомство съ исторіею управляемаго края—не только полезно, но и совершенно необходимо, чтобы понимать ясно совершающееся въ настоящемъ, и дѣйствовать такъ, чтобы не промахиваться. Это не фраза профессора, считающаго обязанностію своею надсаживаться, доказывая „пользу" преподаваемаго имъ предмета: это выводъ изъ многолѣтней административной практики въ краю сосѣднемъ съ тѣмъ, о которомъ взялся говорить".

Тогда-же выражены были ожиданія, что вслѣдствіе пріобрѣтенія этого края, въ новый, выгоднѣйшій для насъ фазисъ вступитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и торговое дѣло наше съ Востокомъ. Въ этомъ отношеніи ожидали, ожидаютъ и теперь, даже большихъ выгодъ, чѣмъ въ какомъ либо другомъ. Григорьевъ имѣлъ право смотрѣть на это дѣло иначе. „Я во-

все не раздѣляю этихъ ожиданій,—говорилъ онъ въ одномъ изъ засѣданій Географическаго общества.—Я имѣю достаточныя основанія полагать, и не разъ уже печатно доказывалъ, что люди, предающіеся розовымъ надеждамъ по этой части, не имѣютъ ясныхъ понятій ни о теперешнемъ положеніи торговли нашей съ Среднею Азіею, ни о причинахъ этого положенія, ни вообще о бытѣ и средствахъ Средней Азіи по отношенію къ торговому дѣлу, ни о натурѣ этого дѣла.... Средняя Азія только и торгуетъ что съ нами да съ Англіей и Китаемъ; все, что производится ею, сбывается безъ остатка почти исключительно въ Россію; всѣмъ что нужно ей, снабжается она либо отъ насъ, либо отъ англичанъ и китайцевъ. Какимъ-же образомъ можно увеличить обороты этой торговли? Заставить Среднюю Азію покупать у насъ тотъ товаръ, который получаетъ она отъ англичанъ черезъ Персію и Индію или изъ Китая черезъ Восточный Туркестанъ? Но развѣ это возможно? Принудить къ этому силою не имѣемъ мы ни права, ни средствъ; не такого рода это дѣло, чтобы можно было обдѣлать его и путемъ дипломатическимъ. Чтобы Средняя Азія стала покупать у насъ тотъ товаръ, которымъ снабжается теперь изъ Англіи и Китая, надо, чтобы мы могли предлагать ей тотъ-же самый товаръ по цѣнамъ одинаковымъ съ англійскими и китайскими, или дешевле. А развѣ въ состояніи мы это сдѣлать, когда и товара-то такого Россія не производитъ? Приняться за выдѣлку его? Но, во-первыхъ, нѣтъ у насъ средствъ соперничать выгодно съ Англіею въ производствѣ такого товара; и, во-вторыхъ—если браться за это соперничество, такъ выгоднѣе будетъ для нашихъ фабрикантовъ начать съ производства не тѣхъ англійскихъ товаровъ, въ которыхъ нуждается Средняя Азія, а тѣхъ, въ которыхъ сами мы нуждаемся и которые пріобрѣтаемъ отъ Англичанъ. Итакъ, расширить наши торговые обороты съ Среднею Азіею, замѣнивъ англійскіе фабрикаты, туда идущіе, товарами русскаго издѣлія—дѣло невозможное въ настоящихъ нашихъ обстоятельствахъ. Еще менѣе возможно для насъ производить чай и шелкъ для Средней Азіи и Афганистана. Другое средство расширить означенные обороты—это заставить Среднюю Азію производить и потреблять болѣе противу того, сколько производитъ она и потребляетъ теперь. Но развѣ возможно этого достигнуть? Развѣ можетъ одно государство заставлять другое, независимое отъ него, развиваться и богатѣть насильно? Если-бы такого результата можно было достигнуть по отношенію къ чужому государству, то еще легче было бы достигнуть его по отношенію къ своему собственному; а въ такомъ случаѣ, вмѣсто того, чтобы заставлять развиваться и бо-

гатѣть чужую страну, не ближе ли было бы намъ приложить эти усилія къ себѣ самимъ, и увеличить наше собственное производство, какъ земледѣльческое, такъ заводское и фабричное? Мы видимъ, что послѣдняго всѣ желаютъ, что это необходимо для насъ подъ страхомъ общественнаго банкротства, а между тѣмъ дѣло туго подвигается впередъ, и даже по временамъ отступаетъ назадъ. Какимъ же образомъ сможемъ и съумѣемъ мы сдѣлать по отношенію къ другимъ то, чего не можемъ и не умѣемъ сдѣлать для себя самихъ? И такъ, стремленіе усилить производительность и потребленіе въ Средней Азіи было бы нелѣпостью съ нашей стороны. Нелѣпостью меньшаго размѣра, но опять таки ничѣмъ инымъ какъ нелѣпостью было бы ожидать, что Средняя Азія сама за это примется. Если это возможно для нея, почему же до сихъ поръ не принималась она за это? Гдѣ, въ чемъ заключаются тѣ благопріятныя для этого обстоятельства, которыхъ прежде не было, и которыя явились теперь? Пусть укажутъ намъ на эти обстоятельства тогда я соглашусь, что ошибался; но пока этого указанія не будетъ сдѣлано, всѣ предположенія о возможности для Средней Азіи движенія впередъ на пути промышленнаго развитія нельзя считать ни за что иное, какъ за маниловскія фантазіи. Не такъ-то легко и Европа выбивается изъ старыхъ колей, а въ Азіи колеи эти куда глубже, чѣмъ въ Европѣ, будучи набиты не столѣтіями, а тысячелѣтіями. Страны, въ которыхъ властвуетъ полнѣйшій произволъ власти, гдѣ не обезпечены ни личность, ни собственность, нѣтъ безопастности ни внутренней, ни внѣшней, и въ прибавокъ ко всему этому царитъ невѣжество и религіозный фанатизмъ: такія страны не могутъ развиваться въ экономическомъ отношеніи, какъ-бы ни были щедро надѣлены природою. Ожидать, что такія страны, коснѣвши вѣка въ застоѣ, вдругъ, сами-собою, ни съ того ни съ сего кинутся на путь прогресса, было бы тоже самое, что ожидать ананасовъ отъ яблони.... Позволю еще себѣ возстать противу господствующей въ печати нашей фразы—будто купечество русское отличается отсутствіемъ предпріимчивости и неумѣньемъ вести дѣла свои въ Азіи. Взводить такія обвиненія на русское купечество могутъ только люди, неимѣющіе рѣшительно никакого понятія о нашей азіатской торговлѣ. Я имѣлъ возможность долго и внимательно всматриваться въ дѣйствія нашего купечества по этой торговлѣ, и считаю обязанностію своею сказать, что по моему разумѣнію, оно знаетъ и понимаетъ свое дѣло гораздо лучше нежели англичане или кто-либо изъ европейцевъ, торгующихъ съ Азіею. Не въ купечествѣ нашемъ заключается вина того, что торговыя дѣла наши съ Среднею Азіею нейдутъ такъ успѣшно,

какъ было-бы это желательно и возможно. Изъ нашихъ торговцевъ съ Азіею никто не сдѣлаетъ такого промаха, какъ Англичане, которые, по открытіи торговли съ Китаемъ, послали туда цѣлые корабли, нагруженные—чѣмъ бы вы думали? — фортепьянами! Въ противуположность съ этимъ промахомъ, позвольте разсказать вамъ, мм. гг., анекдотъ, свидѣтельствующій о сметливости торговаго русскаго человѣка, превосходящей всѣ ожиданія. Есть въ сѣверо-восточной Персіи городъ Мешгедъ—гнѣздо страшнѣйшаго мусульманскаго фанатизма. Туда, въ это гнѣздо фанатизма одинъ суздалецъ нашъ отправился торговать—чѣмъ бы вы думали?—нашими православными иконами. Нелѣпость, повидимому, почище посылки фортепьянъ въ Китай. Вовсе нѣтъ: это было послѣдствіемъ глубокаго пониманія страны. Дѣло въ томъ, что въ Персіи нѣкогда, въ полу-миѳическія времена, существовалъ герой, подвиги котораго чтутся и доселѣ всѣми Персіянами. Это—Рустемъ. Онъ изображается обыкновенно верхомъ на конѣ, поражающимъ дива-чудовища въ родѣ Змѣя-Горыныча нашихъ сказокъ. Суздалецъ смекнулъ, что нашего Георгія-Побѣдоносца, поражающаго копіемъ змія, можно выдать Персіянамъ за изображеніе ихъ Рустема,—и не ошибся въ разсчетѣ: тысячи двѣ иконъ Георгія-Побѣдоносца, привезенныхъ имъ въ Мешгедъ, написанныхъ яркими красками, не жалѣя сусальной позолоты—какъ разъ пришлись по вкусу Персіянамъ и были разобраны на расхватъ. Вотъ сметка, такъ сметка. Такого анекдота не выдумаешь“.

Въ газетѣ „Москва“ 1867 года помѣстилъ Григорьевъ рядъ писемъ о русскихъ интересахъ въ подвластныхъ намъ осѣдлыхъ странахъ Средней Азіи. Подобная статья должна бы была имѣть большія послѣдствія и сдѣлаться настольнымъ руководствомъ для администраторовъ на востокѣ—столько было высказано въ ней пониманія Азіи и соображеній вполнѣ государственныхъ объ управленіи краемъ; но у насъ прошла она совершенно незамѣченною, Англичане же поспѣшили перевести ее на свой языкъ.

Нѣсколько позже, когда предпринятъ былъ походъ на Хиву, В. В. написалъ по этому поводу 9 писемъ, весьма остроумныхъ, въ которыхъ представилъ положеніе этого ханства и наши слабыя понятія о Средней Азіи вообще. Письма напечатаны въ газетѣ „Русскій Міръ“ за 1873 годъ.

Въ Археологическомъ и Географическомъ обществахъ В. В. принялъ по прежнему дѣятельное участіе. Первое избрало его въ 1867 году управляющимъ восточнымъ отдѣленіемъ, которое вслѣдствіе того и ожи-

вилось. Кромѣ цѣлаго ряда трудовъ, нумизматическихъ и историческихъ, помѣщаемыхъ имъ въ запискахъ общества, считалъ онъ своимъ долгомъ почтить память скончавшихся членовъ. По смерти Бобровникова въ 1865 году, В. В. прочиталъ въ обществѣ біографію его, въ которой сказалось много и личнаго, пережитаго имъ самимъ въ Оренбургѣ, но ничего преувеличеннаго. Въ то-же время постарался онъ, хотя нѣсколько, помочь семьѣ покойнаго [1]. Теплымъ словомъ помянулъ онъ и мирзу Джафара Топчибашева, хотя послѣдній и дѣйствовалъ иногда противъ В. В. Печатаніе „Трудовъ" доставляло В. В. большое наслажденіе. Онъ самъ держалъ всѣ корректуры, исправлялъ слогъ, и дѣло шло успѣшно.

Не менѣе, если еще не болѣе, былъ онъ полезенъ и Географическому обществу, которое, въ январѣ 1866 г., избрало его въ члены совѣта. Кромѣ цѣлаго ряда ученыхъ сообщеній въ засѣданіяхъ общества, В. В. написалъ для него капитальное изслѣдованіе: „Кабулистанъ и Кафиристанъ".

Это едва ли не первая русская книга, въ которой русскій ученый, отдавая отчетъ о научной дѣятельности иноземныхъ знаменитостей за долгій періодъ и по разнымъ отраслямъ знанія, относится къ этой дѣятельности безъ подобострастія, свободно, какъ прилично человѣку, сознающему свои силы и могущему работать самостоятельно, а не въ качествѣ ученика или подмастерья. И къ самому переводу текста Рит-

---

[1] По ходатайству В. В. Археологическое общество опредѣлило выдать семейству Бобровникова 400 рублей, о чемъ В. В. извѣщалъ Н. И. Ильминскаго въ Казани, гдѣ находилась вдова Бобровникова. Приводимъ изъ этой переписки одно письмо В. В. къ г. Ильминскому: «Я не очень удивляюсь, что вы отвѣтили на мое письмо черезъ полтора года по его полученіи. Я вѣдь тоже, полагая, что это письмо не дошло до васъ, полтора года собирался повторить его. Одно другаго стоитъ. Во всякомъ случаѣ я радъ, что получилъ отъ васъ свѣдѣніе о положеніи семейства покойнаго Бобровникова. Выходитъ что оно на вашихъ рукахъ. Другаго и ждать было нельзя, зная ваше доброе сердце. Теперь никакого препятствія къ высылкѣ денегъ въ ваши руки не имѣется, и я вышлю ихъ вамъ на дняхъ съ процентами со времени поступленія ихъ ко мнѣ изъ Археологическаго общества. По полученіи вышлите мнѣ только увѣдомленіе объ этомъ, для предъявленія обществу. Пришлю вамъ, какъ удосужусь, и десятокъ оттисковъ отпечатанной мною статьи Бобровникова. Увидите, что объ участіи вашемъ въ ея сохраненіи не умолчано (....). Вмѣстѣ со статьею Бобровникова облагодѣтельствую васъ и отдѣльнымъ оттискомъ великаго произведенія, которое заканчиваю теперь печатаніемъ въ «Трудахъ» Археологическаго общества—монографію о Сакахъ, изъ которой вы увидите, что прадѣдушки и прабабушки наши жили въ самомъ центрѣ нынѣшней татарщины—около озера Иссыкуля. Про ваши работы знаю и радуюсь. А что вы переводите на черемисскій и вотяцкій языкъ, это тоже не удивляетъ меня: я то и дѣло критикую переводы, съ греческаго, а самъ по гречески не знаю. Умны ужъ очень мы оба. Пропадетъ міръ, когда насъ не станетъ». (23 сентября 1871 года).

тера В. В. отнесся иначе, чѣмъ у насъ принято. За спѣшностію и громадностію работы, Риттеръ не всегда внимательно относился къ своимъ источникамъ, не всегда точно и вѣрно передавалъ тѣхъ писателей, которыми пользовался; а потому В. В. прежде всего нашелъ необходимымъ провѣрить Риттера по его источникамъ, чтобы исправить погрѣшности знаменитаго географа,—трудъ не малый. Переходя къ другимъ достоинствамъ этой книги, мы должны напомнить, что въ ней В. В. помѣстилъ цѣлые трактаты: о походахъ Александра Великаго по Кавказу, о горной системѣ Гинду-куша, о рѣчной системѣ Кабулистана, о синонимикѣ рѣкъ нынѣшней и у древнихъ географовъ, объ исторіи Кабулистана со времени завоеванія его Арабами. Кромѣ того здѣсь мы видимъ массу замѣтокъ для разъясненія тѣхъ или другихъ свѣдѣній объ этой странѣ. Трудъ этотъ Географическое общество увѣнчало золотою медалью, не самою высшею наградою только потому, что В. В., какъ членъ совѣта общества, не могъ конкуррировать на другую почетную медаль. Отчетъ о книгѣ былъ написанъ В. В. Вельяминовымъ Зерновымъ и помѣщенъ въ журналѣ министерства народнаго просвѣщенія за 1867 годъ, ч. 134.

Въ 1867 г. въ Москвѣ была устроена Русская этнографическая выставка. Когда сдѣлалось извѣстнымъ въ Петербургѣ, что на эту выставку собираются пріѣхать нѣкоторые изъ знаменитѣйшихъ славянскихъ ученыхъ, писателей и дѣятелей на другихъ поприщахъ, и что Москва готовится принять ихъ и угостить по родственному, В. В. принялъ это извѣстіе близко къ сердцу и своимъ живымъ участіемъ въ Петербургскомъ комитетѣ, по пріему славянскихъ гостей въ Петербургѣ, значительно содѣйствовалъ достойной встрѣчѣ родныхъ намъ по духу и крови, впервые къ намъ пріѣзжавшихъ, гостей.

Тогда же, въ апрѣлѣ, В. В. былъ командированъ Географическимъ обществомъ въ Москву въ качествѣ депутата на открытіе этнографической выставки; по возвращеніи оттуда сообщилъ онъ въ Географическомъ обществѣ нѣсколько подробностей о выставкѣ, и далъ отчетъ въ томъ впечатлѣніи, которое она произвела на него.

Для 25-лѣтія Географическаго общества В. В. составилъ обозрѣніе среднеазіатскихъ экспедицій, обществомъ предпринятыхъ.

Лѣтомъ 1867 г. В. В. отправился заграницу, получивъ отъ университета командировку съ ученою цѣлію. Это была первая поѣздка В. В. на Западъ, который не произвелъ на него, ни въ этотъ разъ, ни позже, того впечатлѣнія, какое обыкновенно производитъ на русскихъ людей все иностранное. Поселившись въ Вѣнѣ, В. В. написалъ

А. А. Красильникову письмо о своемъ тамъ пребываніи (отъ 27 іюня ст. стиля):

„Скоро будетъ мѣсяцъ какъ покинули мы Загибенинъ переулокъ и понеслись на чужбину. Пора дать знать о себѣ доброму хозяину, а то подумаетъ, пожалуй, что безъ вѣсти пропали. По этой только причинѣ и пишу, а разсказывать нечего—впечатлѣній никакихъ. Въ Берлинѣ прожили около трехъ сутокъ, и почти ничего не видали; въ Дрезденѣ прожили около трехъ сутокъ и почти ничего не видали; въ Прагѣ были всего одинъ день, такъ что и смотрѣть было некогда. Въ Вѣнѣ живемъ вотъ болѣе двухъ недѣль, и не видали ужъ ровно ничего. Я работалъ каждое утро до 2-хъ часовъ въ Императорской Библіотекѣ; жена въ это время сидѣла у себя въ номерѣ и скучала. Затѣмъ отправлялись обѣдать, шатались по магазинамъ болѣе глазѣть чѣмъ покупать, и часовъ въ 7 вечера были уже дома, а въ 10 храпѣли въ кровати. Вообще говоря, ужасно скучно. Завтра или послѣ завтра уѣзжаемъ отсюда въ Теплицъ, куда послали жену лѣчиться. Въ Теплицѣ пробудемъ мы мѣсяцъ или даже пять недѣль“.

Изъ Теплица В. В. отправился дальше одинъ, остановился на нѣсколько дней въ Мюнхенѣ, гдѣ осмотрѣлъ картинныя галлереи, чѣмъ и развлекалъ свою скуку и тоску одиночества. Изъ Мюнхена В. В. не поѣхалъ въ Швейцарію, какъ предполагалъ раньше, а направился прямо въ Парижъ. Тамъ прежде всего отыскалъ онъ Н. В. Ханыкова, въ бесѣдѣ съ которымъ и отводилъ душу во все время пребыванія въ Парижѣ.

По возвращеніи въ Теплицъ, В. В. писалъ г. Красильникову:

„Пока жена лечилась въ Теплицѣ, я получилъ отъ нея отпускъ на 3 недѣли, чтобы ѣхать во всѣ четыре стороны, и отправился сначала на югъ, въ Прагу, оттуда на юго-западъ, въ Мюнхенъ, и намѣревался пошататься немножко по Швейцаріи; но разсудилъ, что при краткости отпуска, не успѣю въ такомъ случаѣ побывать въ Парижѣ— и отправился изъ Мюнхена прямо въ сей послѣдній, черезъ Страсбургъ. Восемь дней въ Парижѣ было для меня совершенно достаточно, чтобы не желать оставаться тамъ долѣе, и я покатилъ обратно въ Теплицъ черезъ Кельнъ, Лейпцигъ, Эгеръ и Карлсбадъ, не останавливаясь почти нигдѣ, такъ что явился къ женѣ ранѣе срока. Воды здѣшнія помогли ей нѣсколько. Курсъ леченія ея конченъ во всякомъ случаѣ, и завтра выѣзжаемъ мы отсюда, чтобы возвратиться въ любезное отечество опять черезъ Дрезденъ и Берлинъ. Такимъ образомъ явимся мы въ Загибенинъ переулокъ къ 15 августа непремѣнно, а быть можетъ и ранѣе.

Немного мы наѣздили, а такъ ужъ наскучило за границей, что возвращаемся во свояси съ величайшимъ удовольствіемъ. Хорошо чужое, а свое всякому порядочному человѣку лучше". (Изъ письма отъ 1 августа).

Лѣтомъ 1868 года В. В. опять поѣхалъ въ Старую Русу купаться. Оттуда писалъ онъ г. Красильникову:

„Вотъ уже чуть не мѣсяцъ цѣлый, какъ выѣхали мы изъ Питера и купаемся, я—въ соли, жена—въ грязи, и слушаемъ при этомъ сквернѣйшую музыку и питаемся еще болѣе сквернымъ трактирнымъ обѣдомъ. Но за то видъ изъ оконъ отличный, кругомъ въ зелени, и воздуху много, погода тоже стоитъ перваго сорта; такъ что время проходитъ незамѣтно, и скука одолѣваетъ мало.

„Прогрессъ россійскій заключается здѣсь въ томъ, что вόды и грязи старорусскія, находившіяся прежде въ казенномъ управленіи, отданы теперь на откупъ лекарю жиду, который, разумѣется, хлопочетъ прежде всего о томъ, кàкъ карманъ себѣ набить на счетъ пріѣзжающихъ, и возвышаетъ цѣны за пользованіе водами елико возможно, толкуя что этого мало и что на будущій годъ онъ усовершенствуетъ свою систему поборовъ. Городничій здѣсь полякъ, ходитъ обнявшись съ жидомъ-лекаремъ—отличное изображеніе Россіи въ миніатюрѣ. Публика ропщетъ, но, какъ водится, взбунтоваться противъ жида не дерзаетъ, и довольствуется тѣмъ, что показываетъ ему кукишъ въ карманѣ. Нѣкоторыя барыни вздумали угрожать гласностью; жидъ пронюхалъ объ этомъ и напечаталъ въ какой-то газетѣ похвальное слово себѣ: ну, вотъ, и доказывай теперь, что это ложь, вотъ и польза гласности". (15 іюня 1868).

XXIII.

Службою по разнымъ вѣдомствамъ В. В. пріобрѣлъ административную опытность, которая могла бы быть весьма полезною, если бы ею захотѣли воспользоваться. Въ ученой службѣ находилъ онъ употребленіе только для пріобрѣтеннаго имъ научнаго капитала, накопившійся капиталъ административной опытности оставался безъ приложенія. Между тѣмъ вопросы о нашихъ азіатскихъ подданныхъ, административные, финансовые, юридическіе, вопросы о магометанствѣ, ламаизмѣ и т. д. встрѣчаются безпрестанно въ разныхъ управленіяхъ, а судей компетентныхъ по такимъ вопросамъ — куда мало. Да и не съ однимъ Востокомъ былъ знакомъ В. В. И явилось у него желаніе принести своимъ знаніемъ посильную пользу отечеству и въ этомъ на-

правлсніи. Осуществиться же подобное желаніе могло лишь въ томъ случаѣ, если бы его опредѣлили членомъ совѣта того или другаго министерства. Желаніе его исполнилось. Въ декабрѣ 1868 г. онъ былъ назначенъ членомъ совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ, и для него открылось новое поле дѣятельности. Не получая никакого содержанія по этой должности, В. В. принялъ дѣятельное участіе въ разныхъ комиссіяхъ для разрѣшенія вопросовъ, интересовавшихъ министерство внутреннихъ дѣлъ.

Вскорѣ же затѣмъ, 16 февраля 1869 года, министръ поручилъ В. В. завѣдываніе редакціей газеты „Правительственный Вѣстникъ".

За какое бы дѣло ни брался В. В., онъ всюду вносилъ и новые взгляды, и новыя требованія. При немъ „Правительственный Вѣстникъ" значительно измѣнилъ свою программу и дѣйствительно началъ дѣлаться органомъ правительства. На страницахъ Вѣстника стали помѣщаться, какъ заявленія о вновь проектируемыхъ правительствомъ законодательныхъ мѣрахъ, такъ и разъясненія тѣхъ соображеній, которыя вызвали къ существованію утвержденныя уже Высочайшею властью новыя законоположенія. Первое признавалось необходимымъ въ видахъ предупрежденія превратныхъ толковъ частныхъ газетъ о предполагаемыхъ мѣропріятіяхъ правительства, и вмѣстѣ съ тѣмъ для доставленія самому правительству возможности достигать правильнѣйшаго разрѣшенія возникающихъ вопросовъ, возбуждая предварительно обсужденіе ихъ въ печати. Второе — въ видахъ содѣйствія правильнѣйшему пониманію и исполненію состоявшихся законоположеній.

Раньше, правительственныя изданія были довольно безцвѣтны, и публика имѣла право считать ихъ не вполнѣ искренними, между тѣмъ правительство въ своихъ изданіяхъ имѣетъ могущественное средство направлять и частную журналистику на правильный путь, отъ котораго нерѣдко уклоняютъ ее спекуляція и личныя выгоды издателей. Но это дѣло преобразованія „Правительственнаго Вѣстника" В. В. только началъ и не довелъ до конца.

Управлять редакціей пришлось ему въ трудное время. Начавшаяся франко-прусская война побуждала В. В. взвѣшивать чуть не каждое слово, прежде чѣмъ помѣстить его въ правительственномъ органѣ, приходилось соображаться со степенью возбужденности общества. А В. В. всегда относился къ своимъ обязанностямъ не только добросовѣстно, но и строго. Иногда приходилось ему просиживать ночи въ ожиданіи заграничныхъ телеграммъ. Все это до такой степени разстроило нервы В. В., что доктора предсказывали ему нервный ударъ, если онъ не пре-

кратитъ занятій по газетѣ. Тогда же начались противъ него, какъ главнаго редактора, интриги нѣкоторыхъ изъ его подчиненныхъ, В. В. поспѣшилъ освободиться отъ этой должности, которую исправлялъ по 17 ноября 1870 года.

Надо замѣтить, что завѣдываніе печатнымъ органомъ представлялось В. В. дѣломъ крайне заманчивымъ. Въ бумагахъ его сохранился имъ составленный планъ правительственной еженедѣльной газеты объемомъ отъ 1 до 2 листовъ in 4°, съ подробнымъ расчетомъ, во что можетъ обойтись подобное изданіе. Къ какому времени относится составленіе плана, не могу я сказать, но видно, что тогда В. В. не имѣлъ никакихъ другихъ занятій, кромѣ университетскихъ. Приводимъ эту записку въ томъ видѣ, въ какомъ она была набросана:

Въ газетѣ предполагается вести рѣчь исключительно только о Россіи.

Цѣль изданія. *Разъясненіе и примиреніе*, потому что споры и несогласія происходятъ изъ непониманія, часто намѣреннаго. Въ газетѣ предполагается доставить возможность высказываться оригинальнымъ мнѣніямъ. Пусть парадоксъ: завтра парадоксъ становится истиною, а вчерашняя истина—ложью. Направленіе свое, свой образъ мыслей есть и будетъ; но это не послужитъ помѣхою высказываться мнѣніямъ противнымъ. Изъ за направленія много не высказано, чему бы хорошо было высказываться.

Разъясненіе: правительство не все можетъ, и не за все должно браться; невозможность улучшать одно, не улучшая окружающаго: гнилая среда заражаетъ. Вліяніе привилегированныхъ частей управленія на непривилегированныя: первыя не улучшаются, а послѣднія ухудшаются. Въ правительствѣ должно выражаться сознаніе народное, и въ Россіи это можетъ быть. — Вопросы чистой науки и практическаго ея приложенія.

Принципы.—Русская національность: все что служитъ къ охраненію ея, поддержанію и оживленію; война противу всего въ противномъ смыслѣ. Въ народѣ заботиться о ней нечего; забота относится къ образованнымъ классамъ, которые ежеминутно подъ враждебнымъ вліяніемъ, и часто измѣняютъ народу, по незнанію.

— Невѣріе въ абсолютности науки: что такое наука? приложеніе общей науки къ русскимъ обстоятельствамъ—не дѣлая чего, причиняютъ страшный вредъ.

— Отсутствіе вопросовъ иностранной политики, потому что вздоръ, не важно для насъ: намъ важно себя знать. За то внутренняя поли-

тика: отношеніе національностей въ Россіи, отношеніе сословій; отношенія промысловъ.

— Противъ свободной торговли.

— Государству должно быть дорого благосостояніе всѣхъ сословій, и если какое оказывается излишнимъ въ государственномъ организмѣ упраздненіе его не должно совершаться насильственно, съ ломкою. Не торопясь, можно сдѣлать такъ, что всѣмъ будетъ хорошо.

— Россію принялись лечить разомъ ото всѣхъ болѣзней: какой организмъ выдержитъ такую заботливость?

— Приведеніе въ извѣстность средствъ и потребностей Россіи, разныхъ ея краевъ и разныхъ классовъ, ихъ положенія и причинъ этого положенія, хорошаго и дурнаго.

— Противъ конституціонныхъ затѣй и стремленій.

Въ газетѣ предполагалось ввести отдѣлъ серьезной библіографіи, гдѣ разсматривались бы литературныя произведенія съ точки зрѣнія государственной и народной жизни, какъ явленія въ духовной сферѣ дѣятельности.

Самъ В. В. намѣтилъ для газеты слѣдующія статьи: 1) о преобразованіи народнаго обученія, 2) о воспитаніи въ духѣ народности, 3) о хлопкѣ и пошлинѣ съ него, 4) о сыръ-дарьинскомъ краѣ, 5) очерки Башкиріи, 6) мусульманство въ Россіи, 7) чиновничій пролетаріатъ и средство обратить чиновниковъ въ производительный классъ, 8) задача Россіи относительно инородцевъ, 9) противъ паспортной системы, 10) противъ статистики, какъ условія управленія, 11) министерство государственной попечительности, 12) о недостаткѣ у насъ гражданскаго мужества, 13) дурной русскій лучше для Россіи хорошаго иностранца, 14) русская любовь къ царямъ и преданность имъ нерусскихъ, 15) ярмарка — признакъ невѣжества и утраты національности, 16) нечего просвѣщать иностранцевъ на счетъ Россіи: это исторія Бобчинскаго и Добчинскаго, 17) о несуществованіи общественнаго мнѣнія и о томъ, что каждая газета выражаетъ только мнѣніе своего редактора или много своего кружка.

Переводамъ съ иностранныхъ языковъ въ газетѣ не отводилось мѣста.

Лѣтомъ 1869 г. В. В. взялъ отпускъ на мѣсяцъ и поѣхалъ въ Вѣну, но оставался тамъ не долго и раньше срока вернулся въ Россію.

Наступавшее пятидесятилѣтіе Петербургскаго университета побуждало совѣтъ его ознаменовать это событіе достойнымъ образомъ. Предполагалось, кромѣ исторической записки о судьбахъ университета за

этотъ періодъ, составить еще и біографическій словарь преподавателей. Въ комиссію для составленія записки были избраны профессора: Срезневскій, Сухомлиновъ, Совѣтовъ, Чебышевъ-Дмитріевъ и Григорьевъ. На послѣдняго, вмѣстѣ съ проф. Сухомлиновымъ, была возложена редакція записки, а за отъѣздомъ Сухомлинова и вся главная работа легла на В. В. Исторической запиской дѣло и ограничилось, хотя В. В. начерталъ программу для біографій профессоровъ, съ тѣмъ чтобы біографіи эти могли служить матеріаломъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи; но программа показалась слишкомъ затруднительною для исполненія, и потому была оставлена безъ послѣдствій, равно какъ и мысль о словарѣ. Историческая же записка, „Императорскій С.-Петербугскій университетъ въ теченіе первыхъ пятидесяти лѣтъ его существованія", написана такъ тепло, какъ умѣлъ писать только В. В.; она вполнѣ показываетъ его замѣчательное уваженіе къ чужимъ трудамъ.

Независимо отъ прямыхъ своихъ обязанностей по должности профессора, В. В. участвовалъ въ цѣломъ рядѣ комиссій по разнымъ вопросамъ. Въ январѣ 1864 г. по приглашенію министра финансовъ принималъ онъ, въ качествѣ эксперта, участіе въ засѣданіяхъ комиссіи для разсмотрѣнія разныхъ вопросовъ по азіатской торговлѣ. Въ январѣ и февралѣ слѣдующаго года участвовалъ въ трудахъ податной комиссіи, при томъ же министерствѣ, по вопросу объ организаціи нѣкоторыхъ сборовъ съ киргизовъ Внутренней орды, причемъ изложилъ мнѣніе о переводѣ этихъ сборовъ на землю. Въ апрѣлѣ 1868 г. былъ приглашенъ главноуправляющимъ военно-учебными заведеніями въ комиссію по проектированію плана учебной части въ Оренбургскомъ училищѣ для образованія переводчиковъ восточныхъ языковъ. Въ 1869 г. по назначенію министра народнаго просвѣщенія состоялъ членомъ особой при министерствѣ комиссіи для установленія мѣръ наблюденія за воспитанниками высшихъ учебныхъ заведеній. Въ 1871 г. былъ назначенъ членомъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ особой комиссіи для устройства каторжныхъ работъ въ Имперіи. Въ 1873 году В. В. принималъ участіе въ комитетѣ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ для разсмотрѣнія предположеній Оренбургскаго начальства о преобразованіяхъ въ управленіи Внутреннею киргизскою ордою и о распредѣленіи поземельныхъ угодій между киргизами этой орды. И баронъ Корфъ обращался къ В. В. за содѣйствіемъ по разнымъ вопросамъ, возникавшимъ во II отдѣленіи канцеляріи Его Величества.

И надо сказать, В. В. во всѣхъ этихъ случаяхъ обнаруживалъ необыкновенное усердіе ради государственной пользы, являясь всегда дѣ-

ятельнымъ участникомъ въ обсужденіи затронутыхъ вопросовъ. Но вслѣдствіе близкаго знакомства съ комиссіями всякаго рода, онъ скоро извѣрился въ ихъ полезности. Въ комиссіяхъ, говорилъ онъ, работаютъ очень немногіе, обыкновенно одинъ, много двое, прочіе только мѣшаютъ; выходитъ, что комиссіи—машины, въ которыхъ умъ одного разбавляется глупостію остальныхъ.

Едва ли не самое большее значеніе имѣло участіе В. В. въ комиссіи по еврейскому вопросу.

По поводу вопроса, возбужденнаго въ 1870 году, въ правительственныхъ сферахъ утвердилось мнѣніе, что уменьшеніе вреднаго вліянія евреевъ и сближеніе ихъ съ христіанскимъ населеніемъ можетъ быть достигнуто лишь цѣлою совокупностью правительственныхъ мѣръ и въ особенности возможнымъ ослабленіемъ общественной связи евреевъ и распространеніемъ между ними общаго образованія, а потому рѣшено было организовать при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ комиссію для составленія проекта устройства быта евреевъ. Предварительно же министръ внутреннихъ дѣлъ счелъ нужнымъ образовать въ составѣ министерства особое подготовительное совѣщаніе съ цѣлью установить предѣлы и объемъ предстоящихъ трудовъ по еврейскому вопросу и указать тѣ части дѣйствующаго законодательства, которыя должны подлежать пересмотру. Въ ноябрѣ 1871 года В. В. былъ назначенъ членомъ совѣщанія, а въ декабрѣ 1872 членомъ еврейской комиссіи, подъ предсѣдательствомъ товарища министра, князя Лобанова-Ростовскаго.

Вопросъ весьма важный, который В. В. считалъ болѣе русскимъ, нежели еврейскимъ, такъ какъ съ этимъ вопросомъ связывалась будущность не столько еврейскаго племени въ Россіи, сколько всего, какъ русскаго, такъ и инородческаго ея населенія. „Вопросъ еврейскій—говорилъ В. В.—есть вопросъ о возможности самостоятельной русской жизни, или о гибели русскаго народа“. Вотъ почему къ занятіямъ въ комиссіи подготовился онъ основательнымъ изученіемъ литературы по этому вопросу, какъ нашей такъ и иностранной. Не касаясь работъ комиссіи, на что не имѣю я права, считаю умѣстнымъ указать взглядъ В. В. на еврейскій вопросъ по печатнымъ трудамъ его, помѣщеннымъ въ газетахъ „Русскій Міръ“ и „Новое Время“, и по тѣмъ набраскамъ, какіе нашлись въ бумагахъ его.

Разбирая вопросъ о мѣстожительствѣ Евреевъ, В. В. говорилъ: „Если на основаніи изслѣдованій окажется, что разселеніе Евреевъ повсюду въ предѣлахъ Имперіи, не угрожаетъ никакими вредными послѣдствіями для кореннаго ея народонаселенія, ни въ экономическомъ,

ни въ нравственномъ, ни въ политическомъ отношеніяхъ, а между тѣмъ можетъ улучшить бытъ Евреевъ, тогда нѣтъ, повидимому, основаній длить долѣе ихъ настоящую территоріальную замкнутость. Но изслѣдованіе этого вопроса приводитъ къ отрицательнымъ результатамъ".

Вотъ главные тезисы Григорьева:

1) Губерніи югозападнаго края по сравненію съ другими не такъ ужъ густо населены, чтобы естественныя его средства были недостаточны для прокормленія его населенія.

2) Процентъ еврейскаго тамъ населенія ничуть не выше того, какой встрѣчаемъ мы относительно инородцевъ въ нѣкоторыхъ восточныхъ губерніяхъ; а между тѣмъ въ послѣднихъ никто никогда не считаетъ зломъ, никто не обвиняетъ тамъ мусульманъ въ эксплоатаціи христіанскаго населенія и никому и въ голову не приходитъ, что для блага послѣдняго, число магометанъ тамъ должно быть уменьшено и выселено куда либо въ другія губерніи.

3) Все зло заключается въ томъ, что Евреи не хотятъ существовать тѣми средствами, какъ и остальное народонаселеніе, не хотятъ заняться производительнымъ трудомъ. И не смотря ни на какія мѣры правительства, его затраты и субсидіи, Евреи не обратились въ полезныхъ тружениковъ. Они хотятъ существовать и существуютъ, большею частію, только *поглощая плоды чужаго труда и сами почти ничего не производя*.

4) Христіанское населеніе югозапад. края задыхается въ той атмосферѣ, какую создали тамъ евреи, и мѣстная администрація ищетъ спасенія отъ такого положенія въ разселеніи евреевъ и готова рекомендовать такую мѣру, какъ спасительную. Но тогда участь эта охватитъ всю Имперію, участи западнаго края не облегчивъ значительнымъ образомъ. Кто разъ очутился во власти Евреевъ, того они изъ рукъ уже не выпустятъ, будетъ ли ихъ вдвое, втрое меньше—все равно.

5) Конкуррировать съ Евреями, вслѣдствіе ихъ солидарности, никто не можетъ. Даже Греки, не смотря на свои всѣмъ извѣстные торговые таланты, на умѣнье проживать мало и легко скоплять капиталы, не могли выдержать у насъ, въ Одессѣ, конкурренціи съ евреями и скоро должны были уступить имъ первенство.

Это главное. Затѣмъ В. В. разбиралъ, какая можетъ быть польза отъ разселенія Евреевъ по всей Россіи: Что принесутъ Евреи въ великорусскія губернія? Промыслы? — ихъ не знаютъ; ремесленность?— тоже. Принесутъ факторство и мошенничество.

Евреи, не желая жить въ Россіи на общемъ основаніи, не имѣютъ

права и на общія права русскихъ подданныхъ. Хотятъ имѣть эти права,—пусть живутъ какъ всѣ, а не извѣстными непроизводительными промыслами.

Евреямъ не дозволено ѣздить въ Финляндію и селиться въ Остзейскомъ краѣ: почему такія привилегіи для Финляндіи и Остзейскаго края, если Евреевъ не вредно выпускать въ Россію изъ Западныхъ губерній?

Возлагаются на полицію обязанности по отношенію къ Евреямъ, которыя она не можетъ исполнить: слѣдить, чтобы занимались только своимъ промысломъ.

Водворили еврейскихъ солдатъ въ Россіи, и что же? жены ихъ торгуютъ; торгуютъ жены ремесленниковъ, ходя по домамъ. Законъ ничего не значитъ для Еврея; онъ всегда его обойдетъ: это надо имѣть въ виду.

Чтобы вышло, если бы цыгане стали говорить, что хотятъ заниматься исключительно конокрадствомъ и гаданьемъ. Евреи чиновники займутъ всѣ мѣста въ Россіи, какъ евреи-торговцы вытѣсняютъ всюду купечество русское и другое. Учрежденіе раввинскихъ школъ не привело ни къ чему, или ко вреду.

Евреи будутъ вездѣ въ Россіи выше туземцевъ по образованію, если заботиться объ ихъ школахъ.

Кагалы уничтожены, однако существуютъ: такъ будетъ и со всякою мѣрою, при необразованности и податливости нашего начальства.

Евреи всегда просятъ и всякій разъ что-нибудь выигрываютъ.

Выводъ изъ всего изложеннаго таковъ:

Пока Евреи будутъ оставаться тѣмъ, чѣмъ они есть, нельзя допускать ихъ къ безусловному жительству по всему пространству Россіи. Допущено же это можетъ быть тогда лишь, когда *предварительно* испробованы будутъ всевозможныя мѣры къ обращенію ихъ въ производительныхъ, полезныхъ гражданъ *на нынѣшнихъ мѣстахъ ихъ жительства*, и когда мѣры эти окажутся явно успѣшными.

За то многіе и обвинили тогда В. В. въ обскурантизмѣ и отсталости, не приличныхъ для профессора, который будто бы обязанъ сочувствовать всякимъ либеральнымъ мѣрамъ, не разбирая, будетъ ли отъ нихъ вредъ или польза для государства.

XXIV.

Въ апрѣлѣ 1873 года В. В., напуганный на Невскомъ проспектѣ несшимися лошадями, соскочилъ съ дрожекъ и сломалъ себѣ правую

руку. Руку забинтовали, но, какъ оказалось, довольно небрежно, появилась сильная опухоль, и руку приходилось разбинтовать и вновь составлять кости. Все почти лѣто провозился В. В. съ рукою. До конца іюня носилъ онъ ее въ повязкѣ, а затѣмъ, чтобы возвратить владѣніе ею, долженъ былъ взять курсъ сѣрныхъ водъ въ теченіи 6 недѣль, для чего и совершилъ поѣздку въ Кемернъ.

Вернувшись осенью въ Петербургъ, В. В. поспѣшилъ докончить начатые труды, прерванные такимъ прискорбнымъ случаемъ. Главнѣйшій изъ нихъ—„Восточный Туркестанъ", первый выпускъ котораго, т. е. переводъ Землевѣдѣнія Риттера и примѣчанія вышелъ еще въ 1869 году. Дополненія появились только въ 1873-мъ. Это такая же работа, какъ и прежняя—Кабулистанъ, но задуманная еще шире: кромѣ напечатанныхъ двухъ томовъ (около 70 печ. листовъ), В. В. думалъ дать еще третій, куда должны были войти географическія изслѣдованія, при чемъ онъ хотѣлъ показать какъ надо производить работы подобнаго рода. Послѣднее намѣреніе не осуществилось по причинамъ, о которыхъ будетъ сказано дальше. Затѣмъ онъ сталъ продолжать свое изслѣдованіе о Караханидахъ въ Мавераннагрѣ, и часть этого изслѣдованія (извлеченіе изъ „Исторіи династій" Мунеджимъ баши, османскаго писателя XVII в.) напечаталъ въ Трудахъ Восточнаго отдѣленія археологическаго общества. Словомъ, начались обычныя зимнія занятія. Затѣмъ, на В. В. было возложено совѣтомъ университета приготовленіе рѣчи для прочтенія на актѣ 8 февраля 1875 года, и В. В. избралъ предметомъ для бесѣды вопросъ объ отношеніяхъ кочевыхъ народовъ къ осѣдлымъ.

Лѣтомъ 1874 года В. В. отправился за границу съ ученою цѣлію: онъ былъ командированъ отъ университета на два международные съѣзда, слѣдовавшіе одинъ послѣ другаго: на археологическій въ Стокгольмѣ и оріентальный въ Лондонѣ. Этимъ порученіемъ В. В. воспользовался, чтобы еще разъ осмотрѣть тѣ города и тѣ достопримѣчательности Европы, которые не успѣлъ онъ посѣтить въ первое свое пребываніе за границей. Эту поѣздку описалъ онъ въ видѣ корреспонденцій въ газету „Русскій Міръ", и въ письмахъ къ Ольгѣ Васильевнѣ. Извлеченія изъ этихъ писемъ мы здѣсь и приводимъ въ послѣдовательномъ перядкѣ.

Изъ Стокгольма, отъ 27 іюля: „Не понимаю какъ люди цѣлую жизнь могутъ жить уличною жизнію и восхищаться. Мнѣ она въ три дня надоѣдаетъ. Вездѣ все одно и тоже—толпа народа роспивающая пуншъ (его пьютъ здѣсь и женщины) или снующая взадъ и впередъ, и музыка, гдѣ получше, гдѣ поплоше. Безъ дѣла и семейства (хотя въ

видѣ старухи-жены), нѣтъ для меня существованія“. Отъ 4 августа: „Ты знаешь, что я пишу въ „Русскій Міръ“ письма о моей поѣздкѣ— преглупыя выходятъ, потому что писать лѣнь“.

Изъ Гамбурга, отъ 11 августа: „Путешествую я безо всякаго удовольствія, лучше было бы въ Ревелѣ сидѣть. Но сказался грибомъ, полѣзай въ кузовъ (....). Не весело и по увеселительнымъ мѣстамъ бродить — вездѣ все одно и то-же. Нѣтъ, чтобы ѣздить по чужимъ краямъ, надо быть молодымъ, старику привольнѣе дома сидѣть, на печи“.

Изъ Парижа, отъ 20 августа: „Живемъ въ Парижѣ цѣлую недѣлю. Я просто бѣдствую. Днемъ ходить по картиннымъ и другимъ галлереямъ не могу: устаю, да и шею вытягивать вредно; а вечеромъ въ театрахъ духота, а въ разныхъ кафе, гдѣ поютъ и дурачатся—скучно невыносимо. Большею частію сижу дома, посматривая изъ окна что дѣлается на улицѣ. Даже по бульварамъ не бѣгается (....). Плохо жить безъ дѣла. Въ молодости всякое дурачество веселитъ; въ старости остается только работать, пока силы позволяютъ“.

Изъ Женевы отъ 5 сентября н. с. (докончено въ Цюрихѣ 8 сент. н. с.): „Женева съ ея озеромъ и окружающими высотами не сдѣлала на меня особаго впечатлѣнія. Хорошо, да, но бѣситься не изъ за чего При томъ всякое путешествіе портятъ трактирщики, такъ и наровящіе ободрать странствователя (....). А что хуже не менѣе того—это манера подавать не говядиву только, а всякое мясо—сырымъ. Такими сыроядцами подѣлались теперь всѣ европейцы, что калмыкамъ не уступятъ. (....). Хороша Швейцарія, но четырехъ дней достаточно чтобы налюбоваться ея красотами. Городà—городовъ нѣтъ въ Швейцаріи, вся она состоитъ изъ горъ, воды и трактировъ. Жителей въ Швейцаріи тоже нѣтъ, кромѣ трактирщиковъ. Населяется Швейцарія странствующими англичанами и ослами всѣхъ націй (....). Ужасно глупо все наше странствованіе. Только и было толковаго что посѣщеніе музея Сѣверныхъ древностей въ Копенгагенѣ, да школы восточныхъ языковъ въ Парижѣ. Авось полезнѣе окажется пребываніе въ Лондонѣ. А впрочемъ, можетъ быть такъ и надо, чтобы глупо было (....). По нашему стилю сегодня 26 августа: узналъ объ этомъ изъ „Голоса“, номеръ котораго видѣлъ въ отели, гдѣ обѣдалъ, а то совсѣмъ было забылъ, что ни за что ни про что двѣнадцатью днями постарѣлъ“.

Изъ Лондона, 1 сентября ст. с. „Я отправился въ Шафгаузенъ, городокъ извѣстный по водопаду на Рейнѣ. Водопада не оказалось никакого, а такъ себѣ порогъ на рѣкѣ. И этакую-то дрянь ѣздятъ смотрѣть!

Разозлилъ насъ этотъ „водопадъ“ (Нарвскій куда величественнѣе, а мы и его въ грошъ не ставимъ), такъ что и сказать нельзя“. Лондонъ и понравился В. В., и поразилъ его своею грандіозностію: „Мало еще успѣлъ я побѣгать, но что видѣлъ, дѣйствительно свидѣтельствуетъ о необыкновенной громадности и красотѣ этого города“—писалъ онъ. Отъ 6 сентября: „Вотъ скоро будетъ недѣля что я въ Лондонѣ, и Лондонъ мнѣ ужасно нравится. Все здѣсь не такъ, какъ мнѣ разсказывали, все лучше. Цѣны на разныя разности не только не высоки, но дешевле петербургскихъ и парижскихъ. Народъ вѣжливъ и даже предупредителенъ. Хозяинъ и хозяйка небольшой отели, гдѣ я остановился, ухаживаютъ за мною какъ нельзя лучше. Живешь какъ у себя дома. Въ прибавокъ и погода стоитъ хорошая, теплая, солнечная. Никакихъ тумановъ, никакого дыму. Просто прелесть (....). Но конгрессъ идетъ глупѣйшимъ образомъ, такъ глупо, что и представить нельзя было, чтобы вышла изъ него такая чушь“. Отъ 12 сентября: „Хорошо въ Лондонѣ, а дома лучше (....). Накутили мы въ Лондонѣ: слѣдующій конгрессъ оріенталистовъ назначенъ въ Петербургѣ, и мнѣ будетъ тьма хлопотъ по этому конгрессу. Другіе добивались чтобы конгрессъ былъ у нихъ, и не добились, а мы вовсе не напрашивались, и насъ предпочли“.

XXV.

Въ концѣ декабря 1874 года В. В. получилъ новое и вмѣстѣ съ тѣмъ важное назначеніе. Вслѣдствіе болѣзни статсъ-секретаря М. Н. Лонгинова, начальника главнаго управленія по дѣламъ печати, Григорьеву было предложено министромъ внутреннихъ дѣлъ вступить въ отправленіе должности начальника этого управленія. А за смертію Лонгинова В. В. былъ утвержденъ исправляющимъ эту должность, чтобы не оставить службу при университетѣ. Съ 1 февраля 1875 года опредѣлено ему штатное содержаніе по 8,000 р. въ годъ, независимо отъ университетскаго оклада, такъ что жалованье его, вмѣстѣ съ пенсіей за ученую службу, доходило въ это время до 13,000 рублей.

В. В. не былъ, конечно, чуждъ нашей печати, за которою усердно слѣдилъ въ теченіи всей своей сорокалѣтней службы, самъ принималъ дѣятельное участіе въ этой печати, зналъ направленіе ея лагерей; но раньше онъ или сочувствовалъ извѣстной партіи или возмущался ею, теперь же ему предстояло, съ одной стороны, оказывать безпристрастіе и терпимость, съ другой—содѣйствовать успѣхамъ и развитію рус-

ской мысли и русскаго дѣла въ области печатнаго слова. Онъ зналъ изъ личнаго опыта, что для борьбы со зломъ иной разъ нѣтъ никакого другаго средства кромѣ гласности, но въ тоже время онъ считалъ это средство не только чрезвычайно сильнымъ, но и обоюдоострымъ. Тутъ подъ покровомъ самаго чистаго дѣла можно служить постороннимъ цѣлямъ.

Еще въ 1859 году В. В. высказалъ свой взглядъ на значенiе гласности: „Въ наше время—говорилъ онъ—никто не станетъ оспаривать пользу гласности. Хороша она всегда, вездѣ и во всемъ; при извѣстномъ же положенiи общества гласность является единственнымъ дѣйствительнымъ средствомъ, единственнымъ специфическимъ лекарствомъ противу золъ, которыхъ не въ состоянiи осилить никакiя другiя мѣры. Но нельзя не пожелать и того, чтобы сильное средство это, какъ и всякая сила, пускаемо было въ ходъ съ разборчивостiю и осторожностiю. Какъ ножъ, какъ порохъ, въ рукахъ неразумнаго и шаловливаго ребенка могутъ быть причиною гибели окружающихъ, такъ и печатное слово подъ перомъ простодушныхъ-ли невѣждъ, эгоистовъ-ли, маскирующихся благонамѣренностiю, легко можетъ обратиться въ опасное оружiе. Въ массѣ читающихъ, большинство, огромное большинство, съ самаго изобрѣтенiя книгопечатанiя, составляли и продолжаютъ составлять люди, по отсутствiю-ли основательнаго образованiя, по недостатку ли умственныхъ способностей, непривычные къ самостоятельному мышленiю, дѣйствующiе съ чужаго голоса, увлекающiеся всякою новизною, жадные до скандала, словомъ взрослыя дѣти. Бросьте въ эту массу какую угодно нелѣпость, она схватится за нее, и тотчасъ же усвоитъ себѣ какъ истину. Ратуйте потомъ противъ этой нелѣпости десятки лѣтъ, васъ пожалуй, подъ влiянiемъ перваго впечатлѣнiя, и слушать не захотятъ. Тамъ, гдѣ гласность установилась издавна, проповѣдывать объ ней такiя истины было бы пошлостью. Не то у насъ, гдѣ гласность только что выходитъ изъ пеленокъ, гдѣ, съ одной стороны, неразвитыя, недоучившiяся, или ничему не учившiяся массы читателей вѣруютъ еще въ каждую печатную строку, ожидаютъ отъ гласности одного добра и даже не подозрѣваютъ ея недостатковъ, а съ другой—такiе же недоучившiеся, или своекорыстно расчитывающiе на незрѣлость публики писатели, начинаютъ уже злоупотреблять этимъ орудiемъ безо всякой оглядки. Какъ недавно еще литература наша стала принимать участiе въ общественныхъ вопросахъ, а страсть къ обличенiю и поученiю свирѣпствуетъ уже въ ней съ яростiю эпидемiи. Въ какой журналъ ни загляни, непремѣнно натолкнешься на ораторство-

ваніе противу чего или кого-либо. Да и какъ не увлечься этимъ стремленіемъ, когда ремесло такъ легко и такъ выгодно: можно быть совершеннымъ неучемъ, и какъ разъ попасть въ „передовые люди", со всѣми выгодными отъ того послѣдствіями! Когда первое обаяніе гласности пройдетъ, и публика сдѣлается по-опытнѣе, нѣтъ сомнѣнія, что нѣкоторыя невѣрныя предположенія, встрѣчающіяся теперь, будутъ появляться все рѣже и рѣже, и наконецъ прекратятся совсѣмъ. Ни отъ какого нововведенія нельзя ожидать, чтобы оно съ самаго начала пошло въ ходъ какъ по маслу" [1]).

Къ своей дѣятельности В. В. приступилъ съ самыми свѣтлыми надеждами и намѣреніями не стѣснять свободу печати, способствовать ея развитію и дѣятельности. Но на первыхъ же порахъ онъ натолкнулся на серьезныя препятствія, вызванныя временемъ, обстоятельствами, самою печатью и посторонними вліяніями. Свобода печати сводилась бы собственно къ господству ея и преимущественно газетъ, большинство которыхъ было тогда заражено фальшивымъ либерализмомъ, иногда отсутствіемъ патріотизма, о которомъ однако же, онѣ всегда говорили очень много. Для нихъ важно помѣстить скорѣе то или другое извѣстіе, хотя несвоевременное разглашеніе его и могло быть вредно для правительства. Вотъ почему нѣкоторыя учрежденія и высокопоставленныя лица не рѣдко настаивали, или даже требовали, чтобы о нихъ и ихъ дѣйствіяхъ ничего не говорилось въ газетахъ. Зачастую выходили распоряженія вовсе не касаться какого либо вопроса. Нѣкоторыя газеты отличались тогда оппозиціоннымъ характеромъ по отношенію къ правительству. Оппозиція честная всегда будетъ пользоваться уваженіемъ, но когда она производится при помощи разныхъ измышленій, какъ это случалось довольно часто, то такая оппозиція вмѣсто пользы принесетъ только вредъ, заставляя общество волноваться совершенно напрасно.

И на этотъ разъ Григорьеву пришлось дѣйствовать въ трудное время, когда возбужденіе общества достигло наивысшей степени: сербское возстаніе, наша война съ Турками, берлинскій конгресъ,—все это требовало большой осторожности и особеннаго напряженія со стороны начальника по дѣламъ печати, на котораго падала отвѣтственность за всѣ прегрѣшенія въ нашей прессѣ. Не слѣдуетъ упускать изъ вида, что тогда существовала цензура при III отдѣленіи, что на управляющаго печатью оказывалось давленіе со стороны.

---

[1]) Публичность и Мангышлакъ въ Русскомъ Инвалидѣ, 1855 г. № 90,

Приходилось сообразоваться съ этими требованіями, конечно, въ предѣлахъ закона. Но все это такъ близко къ намъ, что едвали своевременно заводить рѣчь о дѣятельности В. В., какъ начальника по дѣламъ печати. Ограничимся лишь нѣкоторыми указаніями. При Григорьевѣ прекратились аресты книгъ и уничтоженіе ихъ, что широко практиковалось ранѣе. Но облегченій по отношенію къ періодической печати не послѣдовало, были примѣнены даже нѣкоторыя новыя мѣры взысканій, вытекавшія изъ слѣдующихъ соображеній Григорьева:

«Существующія законоположенія по обузданію безцензурной періодической печати въ случаяхъ выхода ея изъ дозволенныхъ границъ, оказываются далеко не вполнѣ достигающими цѣли. Изъ двухъ практикующихся съ этою цѣлію мѣръ—предостереженій съ пріостановленіемъ изданія послѣ третьяго, и воспрещенія на болѣе или менѣе продолжительный срокъ розничной продажи—послѣдняя парализуется неприложимостію ея ко многимъ изданіямъ, вовсе не расходящимся въ розничной продажѣ, и трудностію надзора за приведеніемъ ея въ исполненіе относительно изданій сильно раскупаемыхъ въ отдѣльныхъ экземплярахъ, вмѣсто убытка издателю, долженствующаго служить наказаніемъ, нерѣдко приноситъ ему значительную выгоду. По характеру нашей публики, первое предостереженіе газетѣ или журналу, обращая на нихъ вниманіе этой публики, дѣтски увлекающейся всѣмъ рѣзкимъ и запретнымъ, увеличиваетъ только число подписчиковъ; второе предостереженіе дѣйствительнѣе, заставляя изданіе быть болѣе сдержаннымъ въ виду его пріостановленія сопряженнаго съ слѣдующимъ третьимъ; но сдержаннѣе лишь въ извѣстное время года—въ самомъ началѣ его или въ самомъ концѣ, когда идетъ подписка, и пріостановленіе изданія можетъ, вслѣдствіе того, нанести издателю огромный убытокъ и даже совсѣмъ убить журналъ или газету. Напротивъ того, пріостановленіе изданія на лѣтніе мѣсяцы для многихъ издателей представляется даже желательнымъ, давая имъ возможность воспользоваться вилледжіатурой и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлать значительныя сбереженія. Расходы большой ежедневной газеты можно опредѣлить, среднимъ числомъ, до 10,000 р. въ мѣсяцъ. Пріостановленная газета удовлетворяетъ обыкновенно своихъ подписчиковъ въ періодъ пріостановки, высылая имъ какую либо другую, по условію съ редакторомъ послѣдней, платитъ только за бумагу, печатанье и почтовую пересылку, что составитъ не болѣе 2000—2500 р. въ мѣсяцъ. Такимъ образомъ пріостановка ежедневной газеты на три мѣсяца можетъ доставить ея издателю, помимо другихъ выгодъ, болѣе

20,000 р. чистаго дохода. Обѣ означенныя мѣры имѣютъ въ виду дѣйствовать на издателей путемъ ихъ денежныхъ интересовъ. Принципъ этотъ, какъ единственно практическій, долженъ быть сохраненъ; но въ виду неудовлетворительности дѣйствующихъ съ этою цѣлію мѣръ, должны быть измѣнены или пополнены самыя мѣры.

«Наиболѣе практическимъ представляется, въ настоящихъ обстоятельствахъ, оставивъ безъ приложенія воспрещеніе розничной продажи, замѣнить его наложеніемъ прогрессивныхъ денежныхъ штрафовъ, употребляя иногда эту мѣру и въ замѣнъ предостереженій. Чтобы денежный штрафъ соотвѣтствовалъ винѣ издателя и вреду, принесенному тѣмъ его проступкомъ, за который налагается взысканіе, штрафъ этотъ долженъ соразмѣряться съ числомъ подписчиковъ на изданіе и цѣною па оное. Несправедливо было-бы подвергать штрафу въ одномъ и томъ же размѣрѣ, какъ газету или журналъ, имѣющіе двѣ—три тысячи подписчиковъ, т. е. едва существующіе, такъ и тѣ, которые доставляютъ издателямъ своимъ доходъ съ десяти, съ двадцати тысячъ подписчиковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, соотвѣтственно принципу всѣхъ законодательствъ, что повтореніе проступка ведетъ за собою усиленіе кары, предположенный денежный штрафъ за проступки печати долженъ быть прогрессивенъ, увеличиваясь съ первоначальной нормы въ ариѳметической прогрессіи".

Пытался ли В. В. дать ходъ своему проекту, или убѣдился въ неосуществимости его у насъ—не знаю, но система денежныхъ штрафовъ въ такомъ видѣ не привилась; стала практиковаться она нѣсколько инымъ способомъ: запрещеніемъ печатанія въ газетѣ частныхъ объявленій на болѣе или менѣе продолжительный срокъ, чѣмъ причинялись дѣйствительно серьезные убытки издателю.

Въ положеніе особенно затруднительное ставилось главное управленіе по дѣламъ печати въ тѣхъ случаяхъ, когда издатель самъ билъ на запрещеніе изъ нежеланія, за недостаткомъ подписчиковъ, добровольно прекратить изданіе, находя болѣе выгоднымъ выставить себя жертвою административнаго преслѣдованія. Случалось это чаще всего съ изданіями новыми, еще не занявшими прочнаго положенія въ обществѣ. Поэтому В. В. всегда съ большою осторожностію дѣлалъ свои представленія о разрѣшеніи новыхъ изданій съ обширною программою. Предварительно онъ собиралъ свѣдѣнія, кто будетъ сотрудничать въ предположенномъ изданіи, чтобы по характеру сотрудниковъ убѣдиться въ благонамѣренности журнала или газеты и въ возможности для издателя осуществить эту благонамѣренность на дѣлѣ.

Періодическая печать нерѣдко стѣснялась административными воззрѣніями, быть истолкователемъ которыхъ, въ собраніяхъ редакторовъ, приходилось именно Григорьеву, а потому ему случалось иногда выслушивать разныя колкости, лично къ нему обращенныя. Разъ на такомъ собраніи редакторъ одного журнала обратился къ В. В. съ вопросомъ: „Что, долго намѣрены сегодня ораторствовать, Василій Васильевичъ"? —„На сколько хватитъ краснорѣчія", спокойно отвѣтилъ онъ. Но бывали выходки и посерьезнѣе.

Отношенія В. В. къ періодической печати основывались на его твердыхъ убѣжденіяхъ, какъ относительно значенія этой печати, такъ и относительно вліянія ея на публику. Въ одной своей запискѣ В. В. говорилъ:

„Огромное вліяніе періодической печати на массу читающей публики происходитъ значительною частію оттого, что газеты и журналы присвоили себѣ право говорить отъ имени „общественнаго мнѣнія". Этого права никто имъ не давалъ и дать не можетъ, уже по той простой причинѣ, что такъ называемаго „общественнаго мнѣнія" нигдѣ въ мірѣ не существуетъ. Въ странахъ, гдѣ есть политическія партіи, есть мнѣнія партій, которыя и выражаются въ изданіяхъ служащихъ органами этимъ партіямъ. У насъ же, гдѣ никакихъ еще политическихъ партій (за исключеніемъ соціалистовъ-анархистовъ) не имѣется, газеты и журналы могутъ служить представителями мнѣній и воззрѣній не народа, не общества, даже не партіи какой либо, а много-много своего редакціоннаго кружка. Между тѣмъ фикція, что періодическая печать есть выразительница „общественнаго мнѣнія" усвоена не только редакціями газетъ и журналовъ (которымъ это очень выгодно), но и большинствомъ публики, которой натолковали объ этомъ газетчики и журналисты; мало того: вѣра въ эту фикцію господствуетъ и въ правительственныхъ сферахъ: можно указать на многихъ членовъ государственнаго совѣта, сенаторовъ, директоровъ департаментовъ, губернаторовъ, прокуроровъ и т. д., вполнѣ признающихъ что разглагольствованія газетъ и журналовъ есть „гласъ народа", передъ которымъ слѣдуетъ преклоняться, какъ передъ законною властію. Итакъ, никакого права на представительство „общественнаго мнѣнія" газеты и журналы не имѣютъ. Но пусть бы, присвоивъ себѣ незаконно это право, пользовались они имъ на благо народу и правительству, соединивъ въ составѣ своемъ лучшія умственныя и нравственныя силы изо всѣхъ слоевъ общества, и направляя эти силы на выясненіе истинныхъ нуждъ народа и на указаніе практическихъ путей къ ихъ удовлетворенію.

Вмѣсто того, видимъ мы издателей и редакторовъ аферистовъ, вербующихъ сотрудниковъ себѣ обыкновенно изъ озлобленныхъ недоучекъ, неимѣющихъ никакого яснаго представленія о тѣхъ вопросахъ государственной жизни, о которыхъ пишутъ они свои фельетоны и передовыя статьи, отсутствіе положительныхъ свѣдѣній замѣняя крикливымъ задоромъ и пустозвоннымъ либерализмомъ или, что еще хуже, стремленіемъ пошатнуть тѣ устои, на которыхъ держится гражданское общество“...

О значеніи этой печати Григорьевъ высказалъ свой взглядъ еще раньше, когда возникъ вопросъ, какую роль играетъ журналистика (не спеціальная) относительно распространенія въ массѣ публики просвѣщенія, подразумѣвая подъ словомъ *просвѣщеніе* не узнаніе лишь какой либо новости, но пріумноженіе положительнаго знанія. В. В. высказалъ убѣжденіе такого рода: „Одно изъ величайшихъ заблужденій господствующихъ въ массахъ грамотнаго люда—то, что массы эти воображаютъ, будто онѣ, de jure, вслѣдствіе одного знанія грамоты, понимаютъ, что читаютъ, могутъ быть компетентными судьями прочитаннаго и потому, чѣмъ болѣе читаютъ, тѣмъ болѣе узнаютъ. Изученіе человѣка свидѣтельствуетъ, напротивъ, что умственная емкость его вообще не велика, и можетъ онъ дѣйствительно приращать духовный капиталъ свой путемъ чтенія лишь на столько, на сколько приготовлена въ немъ почва къ воспріятію знанія. Не соотвѣтствуетъ содержаніе читаемаго той степени разрыхленности и влажности почвы, какая нужна, чтобы сѣмя могло углубиться въ нее и дать ростокъ,—читаемое отскакиваетъ отъ мозга читателя, какъ горохъ отъ стѣны. И это еще самый благопріятный результатъ чтенія не по разуму; обыкновенно же заводится въ головѣ у человѣка отъ подобнаго чтенія такой же кавардакъ, такое же несвареніе въ процессѣ мышленія, какое происходитъ въ желудкѣ при обремененіи его черезъ-чуръ тяжелою и обильною пищею (....). Отъ излишняго и не по силамъ чтенія надрывается человѣкъ умственно точно также, какъ надрывается онъ физически, стараясь поднять недоступныя ему тяжести. Какъ матеріальная, такъ и духовная пища должна быть принимаема организмами въ мѣрѣ соотвѣтственной упругости ихъ физическихъ и духовныхъ силъ, которыя у отдѣльныхъ индивидуумовъ весьма различны (....). Самолюбіе, между тѣмъ, каждаго заставляетъ думать, что онъ по умственной емкости своей не ниже всякаго другаго; что же касается до необходимости приготовленія психической почвы подъ умственный посѣвъ, то эта необходимость ясна развѣ для одного изъ сотни тысячъ читателей. И вотъ, чтобы „не отставать отъ движенія вѣка“, читаютъ люди все, что ни попадается имъ подъ

руку, и чѣмъ болѣе читаютъ, тѣмъ болѣе считаютъ себя въ правѣ „свое сужденіе имѣть", тогда какъ въ дѣйствительности отъ этого только засоряются ихъ мозги, и притупляются природныя логическія способности, и наконецъ утрачивается всякая возможность оріентироваться въ хаосѣ нахватаннаго отовсюду умственнаго хлама. Исповѣдуя такія убѣжденія, намъ всегда казалось, что просвѣщать публику на счетъ того или другаго вопроса, къ пониманію котораго нѣтъ достаточно приготовленной почвы, значитъ ни болѣе, ни менѣе какъ самого себя тѣшить" [1]).

Во время управленія Григорьевымъ дѣлами печати послѣдовали у насъ извѣстныя мѣры по отношенію къ малороссійскому нарѣчію, мѣры, не встрѣтившія, какъ кажется, сочувствія ни въ обществѣ, ни, тѣмъ болѣе, въ печати. Не Григорьеву принадлежала иниціатива этихъ мѣръ, но онъ смотрѣлъ на дѣло со стороны государственной потребности и вполнѣ раздѣлялъ необходимость ихъ. Доказательства свои въ пользу составленныхъ мѣропріятій формулировалъ онъ такимъ образомъ:

„Одна изъ важнѣйшихъ задачъ цензуры — охранять государство отъ посягательствъ на цѣлость его и существующій строй, какія могутъ являться въ области печатнаго слова. Говорю не о посягательствахъ прямыхъ, путемъ подпольной прессы, противу которыхъ цензура безсильна и охраненіе отъ которыхъ лежитъ на обязанности другихъ вѣдомствъ; говорю о посягательствахъ косвенныхъ, въ видѣ разныхъ ученій, которыя, по наружности, не заключаютъ въ себѣ ничего политическаго, и, повидимому, вращаются единственно въ сферѣ интересовъ чисто научныхъ и художественныхъ.

„Къ числу такихъ косвенныхъ посягательствъ на государственную цѣлость Россіи нельзя не отнести и литературной дѣятельности такъ называемыхъ украинофиловъ, центромъ своимъ имѣющей, въ настоящее время, Кіевъ. Послушать кіевскихъ украинофиловъ (на сколько высказались они въ органахъ печати издающихся въ Россіи), такъ задались они цѣлями не только самыми невинными, но и похвальными—распространеніемъ просвѣщенія между малорусскимъ простонародіемъ, а чтобы оно было для него доступнѣе, издаютъ книги для народнаго чтенія на понятномъ вполнѣ малороссамъ ихъ украинскомъ нарѣчіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, это простонародное нарѣчіе заявляютъ они желаніе возвести на сте-

---

[1]) Умственная діета. Въ Торговомъ Сборникѣ 1871, № 14.

пень литературнаго языка, какъ посредствомъ переводовъ на оное произведеній иностранныхъ литературъ, такъ и своеобразнымъ на опомъ творчествомъ. Послѣднее, т. е. писательство на украинскомъ нарѣчіи, имѣетъ мѣсто издавна: писали на этомъ нарѣчіи и Котляревскій, и Артемовскій-Гулакъ, и Квитка, и Гребенка, и другіе. И никто не заподозривалъ этихъ писателей въ сепаратическихъ стремленіяхъ. Не заподозривали даже и Шевченка, не смотря на то, что въ произведеніяхъ его проглядываетъ сильное нерасположеніе къ Москалямъ, т. е. Великороссамъ. Москали не только не относились враждебно къ этому творчеству на украинскомъ нарѣчіи, но наслаждались имъ отъ всей души, потому что въ произведеніяхъ малорусскихъ писателей на ихъ мѣстномъ нарѣчіи не видѣли никакой затаенной враждебной единству Россіи мысли, какой и дѣйствительно въ нихъ не было.

„Отчего же не такъ относятся нынѣ къ литературной дѣятельности кіевскихъ украинофиловъ всѣ тѣ, въ комъ живо русское чувство? Оттого, что въ произведеніяхъ этихъ украинофиловъ не только слышится смутно, но и явно высказывается мысль объ обособленіи Малороссіи отъ остальной Россіи, обособленіи литературномъ, но за которымъ естественно и необходимо должно послѣдовать и обособленіе политическое, ибо ничто не объединяетъ людей въ политическомъ отношенія такъ сильно, какъ единство языка и литературы, и ничто, наоборотъ, не разъединяетъ ихъ въ такой степени, какъ различіе языка и письменности. Допустить созданіе особой простонародной литературы на украинскомъ нарѣчіи, значило бы поэтому содѣйствовать отчужденію Украйны отъ остальной Россіи.

„Въ доказательство законности и невинности своихъ стремленій кіевскіе украинофилы указываютъ на однородную дѣятельность нѣкоторыхъ лицъ во Франціи, стремящихся возродить провансальскую литературу и создать бретонскую, дѣятельность, которая не возбуждала и не возбуждаетъ преслѣдованій со стороны существующаго и бывшихъ во Франціи правительствъ. Но Франція, въ этомъ случаѣ, не можетъ служить для насъ примѣромъ, какъ потому, что языкъ бретонскій совершенно отличенъ отъ французскаго (малорусскій является лишь нарѣчіемъ великорусскаго), провансальскій же имѣлъ нѣкогда богатую литературу (какой никогда не существовало на малорусскомъ), такъ и потому, что населеніе Бретани и южныхъ департаментовъ, гдѣ сохраняется въ простонародіи провансальскій языкъ, далеко не составляетъ такого значительнаго процента въ общемъ населеніи Франціи, какимъ являются Малороссы въ общемъ итогѣ Русскаго народа (....). Опасною

представляется дѣятельность кіевскихъ украинофиловъ и потому еще, что совпадаетъ она съ таковою же дѣятельностію украинофиловъ въ Галиціи, постоянно толкующихъ о 15-ти милліонномъ южнорусскомъ народѣ, какъ о чемъ-то отдѣльномъ отъ остальныхъ вѣтвей русскаго ствола, о чемъ то такомъ, чему предстоятъ въ будущемъ особыя судьбы (....). Исходною точкою украинофильской дѣятельности служитъ утвержденіе, будто языкъ, которымъ говоритъ украинское простонародіе до того отличается отъ языка, которымъ говорятъ Великороссы, что Малороссы этого послѣдняго почти совсѣмъ не понимаютъ. Неосновательность этого утвержденія ясна для каждаго великоросса, который хоть разъ въ жизни толковалъ съ малороссомъ. Насколько легко мы, великороссы понимаемъ хохлацкую рѣчь, настолько же и они нашу.

„Нѣтъ, поэтому, никакой надобности писать для Малороссовъ ученыя, учебныя и другія книги на ихъ нарѣчіи. Допустивъ это для Малороссовъ, слѣдовало бы затѣмъ допустить тоже самое и для Бѣлоруссовъ. При такой близости обще-русскаго съ малорусскимъ, украинофилы стараются придать послѣднему несходство съ первымъ хотя по наружности. Для этого постоянно въ изданіяхъ своихъ употребляютъ они букву *і* тамъ гдѣ мы пишемъ *и*, и на-оборотъ, и изгнали изъ своей азбуки, съ тою же цѣлію букву *ъ* въ концѣ словъ. Это можетъ казаться мелочью, но имѣетъ важное значеніе въ глазахъ всякаго, кто знаетъ, куда ведутъ подобныя измѣненія въ азбукѣ. Попытки такого рода весьма напоминаютъ увѣщанія поляковъ изгнать букву *ъ* изъ русской азбуки, какъ лишнюю, и ввести въ нее *j* (іоту). Прежніе малорусскіе писатели, какъ Котляревскій и другіе находили возможнымъ писать на украинскомъ нарѣчіи, нисколько не отступая отъ общепринятаго русскаго правописанія. И добро бы этого желали сами Малороссы, но имъ совершенно чужды стремленія украинофиловъ, небольшой группы людей, которая хочетъ достигнуть своихъ цѣлей. До сихъ поръ хохлы ничего не желали, но толкуя имъ объ одномъ и томъ же, можно сбить ихъ съ толку и заставить желать. Люди самолюбивы, тщеславны, и потому могутъ желать льстящаго ихъ тщеславію, хотя и вреднаго. А потому обнародованныя запрещенія не могутъ произвести ни малѣйшаго неудовольствія въ малорусскомъ простонародіи. Поропщетъ, да и замолчитъ лишь небольшая кучка украинофиловъ, какъ роптала она, когда запрещено было изданіе „Основы“.

Но какъ бы ни судили Григорьева въ качествѣ управляющаго по дѣламъ печати, не надо забывать, что постъ этотъ далеко не самостоятельный и что одно дѣло разсуждать о предметѣ издали, оставаясь

въ сторонѣ отъ всякой за разсужденія отвѣтственности, и другое совсѣмъ—когда приходится отвѣчать и выслушивать замѣчанія за чужія дѣйствія. Покойный Л. С. Маковъ, когда былъ только правителемъ канцеляріи министра, всегда являлся первымъ и ревностнымъ заступникомъ за газету „Голосъ“ въ случаѣ какого либо взысканія; а какъ сдѣлался министромъ, сталъ налагать на эту газету самыя тяжкія запрещенія. Не надо забывать еще и того, что при Григорьевѣ ни одно крупное талантливое произведеніе не подверглось преслѣдованію и цензурнымъ урѣзкамъ, хотя бы самъ онъ и не сочувствовалъ направленію такого произведенія.

А многочисленные запретительные циркуляры, при немъ выпущенные и дѣйствительно ставившіе періодическую печать въ затрудненіе, вызывались обстоятельствами, измѣнить которыя было не во власти Григорьева. За то во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ нужна была со стороны его поддержка полезному предпріятію, поддержку эту находилъ всякій. Когда Ѳ. М. Достоевскій задумалъ издавать свой „Дневникъ“, В. В. оказалъ ему полное содѣйствіе въ полученіи разрѣшенія на это изданіе, сперва съ дозволенія предварительной цензуры, а потомъ и безъ нея. По поводу послѣдняго ходатайства В. В. докладывалъ министру:

„Г. Достоевскій—талантъ перворазрядный не только въ отечественной, но и въ европейской литературѣ, какъ по силѣ художественнаго творчества, такъ и по глубинѣ психическаго анализа. Все, что выходитъ изъ подъ его пера, проникнуто сверхъ того полнѣйшею искренностью и добросовѣстностью. Вслѣдствіе этого пользуется онъ высокимъ уваженіемъ, какъ у публики, такъ и между всѣми литературными партіями. По убѣжденіямъ же своимъ, выковавшимся въ горнилѣ самаго тяжкаго опыта, принадлежитъ онъ къ весьма немногимъ у насъ лицамъ, пламенно любящимъ Царя и отечество и вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ преданнымъ дѣлу порядка. По моему мнѣнію, вліяніе его на умы самое благотворное, доказательствомъ чему служитъ и „Дневникъ“ его за прошлый годъ, выходившій подъ цензурою. Я не вижу потому ни малѣйшей опасности дозволить такому писателю продолжать изданіе его безъ цензурной опеки“ [1]).

По поводу выхода перваго номера этого „Дневника“ (1876 г.), я слышалъ отъ В. В. такую остроту: „Вотъ Достоевскій началъ издавать „Дневникъ Писателя“—предпріятіе хорошее, только по закону слѣдуетъ

---

[1]) «Новое Время» 1885 г., № 3204.

запретить его: Достоевскому разрѣшено изданіе безъ сотрудниковъ; а я оказываюсь главнымъ его сотрудникомъ"! Дѣйствительно, въ этомъ номерѣ Достоевскій помѣстилъ, со словъ В. В., когда велъ съ нимъ переговоры о своемъ изданіи, три замѣтки. Одна касалась отмѣненнаго у насъ повсемѣстно въ школахъ тѣлеснаго наказанія, вслѣдствіе чего молодое поколѣніе стало бояться малѣйшей физической боли и, не имѣя силъ перенести неудачу или обиду, нерѣдко кончало самоубійствомъ [1]). Въ свое время „Голосъ" поглумился надъ такимъ заключеніемъ, но едва ли оно не заслуживаетъ серьезнаго наблюденія. Другая—турецкая пословица, которою законченъ номеръ. Содержанія третьей замѣтки я не запомнилъ.

Но не всегда и В. В. имѣлъ успѣхъ въ своихъ представленіяхъ. Его ходатайство о разрѣшеніи И. С. Аксакову издавать „Русь" не увѣнчалось успѣхомъ; газета эта стала выходить уже по выходѣ В. В. въ отставку.

XXVI.

На второмъ международномъ конгрессѣ Оріенталистовъ, происходившемъ въ Лондонѣ въ 1874 году, было рѣшено, какъ сказано выше, созвать слѣдующій съѣздъ, третій, въ С. Петербургѣ. Григорьевъ былъ выбранъ предсѣдателемъ организаціоннаго комитета по устройству съѣзда. Въ виду того значенія, какое имѣетъ для насъ Востокъ въ государственномъ отношеніи, В. В. употреблялъ всѣ старанія и весь свой организаторскій талантъ, чтобы съѣздъ удался какъ можно лучше. Обдумать и составить планъ подготовительныхъ работъ не составило для В. В. особеннаго труда, а приводился онъ имъ въ исполненіе весьма энергично. Во-первыхъ, предполагалось устроить при съѣздѣ выставку, какъ предметовъ древности, такъ и произведеній современныхъ; во вторыхъ—составить рядъ обозрѣній трудовъ русскихъ изслѣдователей о странахъ Востока. В. В. расчитывалъ привлечь къ участію на съѣздѣ всѣхъ лицъ потрудившихся надъ изученіемъ Азіи и содѣйствовавшихъ распространенію свѣдѣній о ней въ какомъ бы то ни было отношеніи. Съ этою цѣлію писалъ онъ всѣ циркуляры и воззванія отъ имени комитета, которые печатались въ свое время въ газетахъ, а впослѣдствіи нашли мѣсто въ I томѣ „Трудовъ" съѣзда; входилъ въ сношенія съ

---

[1]) Дневникъ Писателя. 1876 г. янв. стр. 16.

разными учрежденіями и частными лицами, отъ которыхъ можно было ожидать какого либо содѣйствія успѣху предстоящаго конгресса. Окончить подготовительныя работы къ лѣту 1875 года, когда назначенъ былъ съѣздъ, оказалось невозможнымъ, и онъ былъ перенесенъ на 1876 годъ.

В. В. и открылъ съѣздъ, при чемъ, по принятому обычаю, сказалъ привѣтственную рѣчь на французскомъ языкѣ, обращенную къ пріѣхавшимъ представителямъ оріентализма на западѣ [1]). На этомъ же собраніи Григорьеву былъ оказанъ особенный почетъ: его избрали предсѣдателемъ съѣзда. Усиленные хлопоты передъ открытіемъ конгресса настолько утомили В. В., что онъ мало уже принималъ участія въ занятіяхъ, происходившихъ на съѣздѣ, предоставивъ дѣлу идти своимъ порядкомъ.

Не имѣя возможности приготовить къ съѣзду какой либо трудъ, В. В. ограничился лишь тѣмъ, что собралъ нѣкоторыя изъ прежнихъ своихъ изслѣдованій въ одинъ сборникъ, который подъ названіемъ „Россія и Азія", и съ посвященіемъ памяти университетскихъ наставниковъ, Сенковскаго и Устрялова, появился весною 1876 года.

По закрытіи съѣзда В. В. принялъ на себя редакцію перваго тома „Трудовъ", куда должны были войти статьи на русскомъ языкѣ. За двухлѣтнія заботы и хлопоты Григорьева по устройству конгресса оріенталистовъ, министръ народнаго просвѣщенія признавалъ справедливымъ ходатайствовать о награжденіи его арендою, какъ незадолго предъ тѣмъ былъ удостоенъ ею предсѣдатель статистическаго международнаго конгресса въ Петербургѣ; но наступившія военныя дѣйствія заставили пріостановиться ходатайствомъ, а послѣ оно не имѣло успѣха, и В. В. не получилъ этой вполнѣ заслуженной награды.

Въ тоже время ему приходилось работать и помимо своихъ прямыхъ обязанностей. Въ 1876 году въ министерствѣ народнаго просвѣщенія возникъ вопросъ: можно ли считать четырехгодичный курсъ магометанскаго вѣроученія, на который по таблицѣ недѣльныхъ уроковъ въ татарской учительской школѣ было опредѣлено 9 часовыхъ недѣльныхъ уроковъ—достаточнымъ для сообщенія магометанину изъ міранъ, не долженствующему быть духовнымъ лицомъ, нужныхъ ему религіозныхъ свѣдѣній по магометанскому исповѣданію; или нужно, для достиженія этой цѣли, требовать уже отъ поступающихъ въ школу лицъ предварительныхъ свѣдѣній изъ вѣроученія, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ какихъ именно? Въ виду разногласій тѣхъ учебныхъ округовъ,

---

[1]) Въ русскомъ оригиналѣ помѣщена она въ I томѣ «Трудовъ» съѣзда. Стр. XLIX—L

до которыхъ касался этотъ вопросъ, министерство обратилось къ В. В. съ просьбою высказать о немъ свое мнѣніе. В. В. изложилъ свой взглядъ въ обстоятельной запискѣ: „Отвѣтъ мой на этотъ запросъ начну съ категорическаго заявленія, что для означенной цѣли, 9-ти часовыхъ уроковъ въ недѣлю не только вполнѣ достаточно, но даже слишкомъ много, и что, потому, отъ вступающаго въ школу не слѣдуетъ требовать никакихъ предварительныхъ свѣдѣній изъ магометанскаго вѣроученія. Такое заявленіе мое основывается на томъ, что мы, въ Россіи, не имѣемъ не только причинъ, но даже и права требовать отъ мусульманскихъ подданныхъ нашихъ, не предназначаемыхъ къ религіозно-юридической дѣятельности между ихъ единовѣрцами, большихъ въ мусульманскомъ вѣроученіи свѣдѣній, чѣмъ тѣ какія считаются достаточными для хорошаго мусульманина въ самихъ мусульманскихъ государствахъ, каковы Османская имперія, Бухарское ханство и т. д. Тамъ, въ этихъ мусульманскихъ государствахъ, для магометанина, не посвящающаго себя спеціально религіозно-юридической карьерѣ, считается достаточнымъ, чтобы онъ зналъ шераитъ-уль-иманъ, т. е. „основанія (собственно „условія“) вѣры“, или, говоря нашимъ языкомъ, зналъ катихизисъ. И, какъ у насъ, катихизисы бываютъ краткіе и пространные, такъ и у мусульманъ шераитъ-уль-иманъ имѣются и въ краткомъ и въ подробномъ изложеніи. Въ училищахъ для общаго образованія, мектеб'ахъ, ограничиваются обыкновенно изученіемъ „краткаго“ изложенія вѣры. Такихъ изложеній въ мусульманской литературѣ множество. Наши мусульмане (разумѣю суннитовъ) руководствуются исключительно составленными и напечатанными въ Османской имперіи, которыя перепечатываются затѣмъ въ Казани. Таковы катихизисы Пиралія Биргеви, Омара Несефи и другіе. Все это—книжки очень малаго объема, въ нѣсколько десятковъ страницъ (можно убѣдиться въ этомъ, напримѣръ, изъ французскаго перевода Биргевіева катихизиса, изданнаго въ французскомъ переводѣ Гарсеномъ-де-Тасси еще въ 1822 году, въ Парижѣ): много-ли времени нужно, чтобы учащійся могъ выучить наизусть такую книжку?

„Обычныя въ жизни мусульманина молитвы (ихъ весьма немного) изучаются вслѣдъ за азбукою. Если бы поступающій въ учительскую школу мальчикъ и не зналъ ихъ, ему довольно одного мѣсяца, чтобы усвоить ихъ себѣ.

„Священной исторіи“ въ томъ смыслѣ, въ какомъ преподается этотъ предметъ у насъ, даже въ первоначальныхъ школахъ, мусульмане не знаютъ вовсе. О такомъ предметѣ по отношенію къ исламу даже и понятія не имѣется въ мусульманскомъ мірѣ, равно какъ и о литур

гикѣ. Какъ у насъ учатъ читать по церковно-славянски, такъ у мусульманъ учатъ (но это уже роскошь) въ мектеб'ахъ читать коранъ по арабски. Чтобы пріобрѣсти это умѣнье, для мальчика знакомаго уже съ татарскою азбукою, достаточно нѣсколькихъ уроковъ, потому что татарская и арабская азбука—одна и таже: вся разница въ нѣсколькихъ орѳографическихъ знакахъ. „Понимать“ коранъ, т. е. знать по-арабски, это—премудрость которая составляетъ достояніе лишь богослововъ-юристовъ. Учить этой премудрости въ учительской школѣ для татаръ, значило бы тоже, что читать курсъ каноническаго права въ нашихъ русскихъ учительскихъ семинаріяхъ.

„Итакъ, 9-и часовъ въ недѣлю для преподаванія мусульманскаго вѣроученія въ татарской учительской школѣ не только, какъ сказалъ я, достаточно, но даже слишкомъ много. При такомъ усиленномъ занятіи мусульманскимъ богословіемъ, мы будемъ выпускать изъ этой школы воспитанниковъ съ познаніями по части ислама, какихъ не имѣютъ обыкновенно магометане даже въ мусульманскихъ странахъ. Это будетъ уже пропагандою Ислама съ нашей стороны—ошибкою, въ которую правительство наше впадало нерѣдко съ самыми благими цѣлями и съ самыми вредными отъ того послѣдствіями“. (12 февраля 1877 года).

За всѣми этими работами В. В. не имѣлъ возможности отдохнуть ни лѣтомъ 1876 года, ни слѣдующаго, во время войны, когда увеличились занятія по цензурѣ. Съ тѣхъ поръ В. В. чаще и чаще началъ жаловаться на свое здоровье, разстроенное усиленными трудами. Въ январѣ 1878 года, по возвращеніи изъ Москвы, куда В. В былъ командированъ по лично возложенному на него министромъ внутреннихъ дѣлъ порученію, сталъ онъ просить у министра отпуска:

„Я захирѣлъ и ослабъ до такой степени, что со дня на день становлюсь негоднѣе для какой-бы то ни было серьезной работы; самое пустое дѣло вызываетъ у меня вредное умственное напряженіе, сопровождающееся упадкомъ силъ. И не мудрено: въ теченіе жизни накопилось въ организмѣ моемъ порядочное количество всякихъ разстройствъ; въ послѣдніе три года, за полнымъ отсутствіемъ отдыха, столь необходимаго въ мои лѣта, разстройства эти развились и созрѣли. Нуженъ былъ только толчекъ, чтобы они разыгрались сквернѣйшимъ образомъ. Такимъ толчкомъ послужила послѣдняя поѣздка моя въ Москву. Въ виду означеннаго сквернаго положенія моего, непремѣннымъ условіемъ къ облегченію его ставитъ медицина прекращеніе на-время всякихъ серьезныхъ занятій, всякихъ служебныхъ заботъ; а я, вслѣдствіе тако-

го предостереженія медицины, нахожусь вынужденнымъ усерднѣйше просить ваше высокопревосходительство объ освобожденіи меня безотлагательно, срокомъ хотя на одинъ мѣсяцъ, ото всякихъ занятій по завѣдыванію дѣлами печати. Не смѣю указывать вашему в. п-ву на кого либо изъ товарищей моихъ по Главному Управленію, какъ на лицо, которое бы могло замѣнить меня временно съ наибольшею пользою для дѣла: всѣ они одинаково на то способны".

Отпускъ и былъ ему разрѣшенъ 30 января на мѣсяцъ.

Лѣта и работа уносятъ силы. Чувствуя упадокъ ихъ, В. В. рѣшился сократить свои занятія. Нести совѣстливо, безъ упущеній двѣ должности, профессора и управляющаго по дѣламъ печати, становилось для него невозможнымъ. Предстояло сдѣлать выборъ и пожертвовать одной которой нибудь. Извѣстно, какъ шатко положеніе и какъ скользокъ служебный путь лица, завѣдующаго дѣлами печати, особенно по сравненію съ покойной, независимой, хотя и не видной должностью профессора, но В. В. выбралъ первую, не расчитывая даже на упроченіе своего положенія возведеніемъ въ званіе сенатора, чего были удостоены двое изъ предшественниковъ Григорьева и даже нѣкоторые председатели цензурнаго комитета. Не корыстолюбіе руководило этимъ выборомъ, а обстоятельство другаго рода, именно: трудность для В. В. чтенія лекцій, вслѣдствіе ослабѣвшей въ послѣднюю болѣзнь груди его. Въ іюнѣ 1878 года В. В. былъ утвержденъ начальникомъ главнаго управленія по дѣламъ печати съ увольненіемъ отъ занимаемыхъ имъ должностей члена совѣта министра внутреннихъ дѣлъ и профессора С.-Петербургскаго университета. Вмѣстѣ съ тѣмъ ему, по Высочайшему повелѣнію, сохранена пенсія за ученую службу (1429 р. 60 к.), т. е. предоставлено право, какимъ пользуется только заслуженный профессоръ.

Разставаясь съ университетомъ, В. В. написалъ на имя ректора прощальное письмо:

„Мнѣ пришлось оставить Университетъ въ вакаціонное время, когда большинство профессоровъ находилось въ отсутствіи изъ Петербурга. Это лишило меня возможности проститься, какъ слѣдуетъ, съ любезными товарищами, просить ихъ, чтобы они продолжали ко мнѣ то доброе расположеніе, какимъ пользовался я отъ нихъ въ теченіе пятнадцати лѣтъ, и выразить, что благодарное воспоминаніе объ этомъ расположеніи буду я хранить до конца жизни, всегда готовый служить Университету, когда только представится возможность. Это не фразы на прощанье, обычныя въ подобныхъ случаяхъ. Петербургскій университетъ дорогъ мнѣ, какъ мѣсто образованія, въ которомъ научился я

любить науку и работать для науки; дорогъ и потому, что въ тяжелыхъ для меня обстоятельствахъ жизни, въ немъ одномъ нашелъ я привѣтъ и пріютъ, въ которыхъ отказывали мнѣ другіе. Такія вещи не забываются. Наконецъ дорогъ мнѣ Университетъ еще и въ томъ отношеніи, что въ товарищахъ—профессорахъ постоянно встрѣчалъ я почти идеальное осуществленіе началъ согласія, равенства, справедливости и безпристрастія, къ которымъ всегда лежала душа моя, и которыхъ не находилъ я въ такой мѣрѣ ни въ какой другой средѣ. Теперь, когда смотрю я на нашъ университетъ нѣсколько издали, достоинства его отличающія, представляются мнѣ еще ярче, еще осязательнѣе, а потому и разлука съ нимъ еще печальнѣе.

„Смѣю думать, впрочемъ, что если я обязанъ многимъ Университету, то и Университетъ съ своей стороны не упрекнетъ меня въ неблагодарности. Каѳедра, которую я занималъ, оставлена мною не прежде, чѣмъ приготовилъ я себѣ преемника, а историческая записка объ Университетѣ, мною составленная, служитъ несомнѣннымъ свидѣтельствомъ уваженія, которое питалъ, и той любви, съ какою относился я къ ученымъ заслугамъ моихъ университетскихъ товарищей".

Тѣмъ же лѣтомъ, въ августѣ, В. В. получилъ отпускъ, которымъ и воспользовался для поѣздки въ Крымъ въ имѣніе Н. Я. Данилевскаго. По поводу такой льготы В. В. говорилъ: „Четыре года не могъ я добиться отпуска и поглупѣлъ страшно. Во вниманіе къ послѣднему сжалились наконецъ и отпустили меня гулять цѣлые два мѣсяца".

В. В. такъ привыкъ работать, что, находясь безъ дѣла, не зналъ, куда дѣваться отъ скуки. Но дѣло дѣлу рознь. „Тѣ обязанности, которыя я несу—говорилъ онъ—можетъ исполнять всякій съ высшимъ образованіемъ человѣкъ, а работы мои остановились за недосугомъ". Послѣдняя должность стала уже тяготить В. В. Еще лѣтомъ 1877 года писалъ онъ одному изъ своихъ друзей: „Мнѣ не скучно, но тяжело. Надоѣло вести такую жизнь, какую я веду. Ахъ, кабы можно было въ отставку выдти". И возможность выхода въ отставку становилось уже недалекою. Служба въ Петербургѣ съ хорошими окладами и литературные труды позволили В. В., при его скромномъ образѣ жизни, сдѣлать сбереженія на случай удаленія на покой; а за службу по главному управленію дѣлами печати надѣялся онъ получить пенсію для безбѣднаго существованія, почему и рѣшилъ остатокъ дней своихъ посвятить ученымъ трудамъ, вдали отъ дрязгъ и непріятностей, послѣднею должностію причиняемыхъ. Въ мартѣ 1880 года В. В. подалъ министру просьбу объ отставкѣ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Вашему высокопревосходительству извѣстно, какъ тяжело положеніе начальника главнаго управленія по дѣламъ печати. Власти не имѣетъ онъ никакой, а между тѣмъ въ публикѣ и отчасти въ Правительствѣ падаетъ на него отвѣтственность во всемъ, что происходитъ неладнаго въ области печатнаго слова. Публицистика, недовольная тою долею свободы, которая предоставлена ей закономъ, и всемѣрно стремящаяся выдти изъ опредѣленныхъ ей предѣловъ, относится къ начальнику главнаго управленія какъ къ гасильнику мысли, какъ къ притѣснителю. Наоборотъ, всѣ задѣтые публицистикою въ ихъ интересахъ, всѣ недовольные тѣмъ или другимъ ея направленіемъ, обвиняютъ его въ потворствѣ, чуть не въ сочувствіи увлеченіямъ печати и приписываютъ эти увлеченія его слабости. Никто знать не хочетъ, что человѣкъ долженъ дѣйствовать по закону и лишь въ предѣлахъ закона, а не по личнымъ своимъ симпатіямъ или антипатіямъ. Сыплются обвиненія со всѣхъ сторонъ, сочиняются гнусныя клеветы, пишутся оскорбительныя анонимныя письма. Чуть не каждый день приходится имѣть дѣло съ людьми, которые лгутъ самымъ нахальнымъ образомъ, стараются обмануть васъ въ глаза и требуютъ съ тѣмъ вмѣстѣ уваженія къ ихъ личности, какъ представители и руководители общественнаго мнѣнія. Надо быть сильно закаленнымъ обстоятельствами жизни, чтобы вынести такую пытку въ теченіе болѣе пяти лѣтъ. (Никто изъ моихъ предшественниковъ не выносилъ ее такъ долго). Но всякому терпѣнію и всякой выносливости есть конецъ. Чувствую, что я не въ силахъ оставаться долѣе въ занимаемой мною должности. Она истомила меня настолько, что въ настоящее время не въ силахъ я занять и какую-либо другую. Потому имѣю честь просить ваше высокопревосходительство о совершенномъ увольненіи меня отъ службы". Далѣе В. В. просилъ, сверхъ пенсіи по занимаемой имъ должности, исходатайствовать ему у Государя сохраненіе и прежней за ученую службу. „При моихъ лѣтахъ и отсутствіи у меня дѣтей — говорилъ въ заключеніе В. В. — это не обременитъ надолго государственнаго казначейства".

28 марта 1880 года послѣдовалъ высочайшій указъ объ увольненіи Григорьева въ отставку съ назначеніемъ ему, въ видѣ особаго изъятія, пенсіи по 3000 рублей въ годъ сверхъ той, которую получалъ уже онъ раньше за ученую службу. Кромѣ того, Государь Императоръ соизволилъ пожаловать Григорьеву за отличную усердную службу золотую табакерку съ портретомъ Его Величества, украшенную бриллiантами.

XXVII.

Завѣтнымъ желаніемъ В. В. было пріобрѣсти небольшое имѣніе или домъ, гдѣ нибудь въ окрестностяхъ Петербурга, чтобы на свободѣ и въ уединеніи заняться исключительно учеными работами, которыя задерживались служебными обязанностями. Еще до выхода въ отставку, въ 1878 году, В. В. купилъ съ этою цѣлію домъ въ Гатчинѣ, гдѣ и провелъ лѣто слѣдующаго года, не имѣя возможности уѣхать куда нибудь дальше. Выйдя въ отставку, В. В. рѣшился совсѣмъ переселиться въ Гатчину, для чего потребовалось произвести въ домѣ нѣкоторыя передѣлки, особенно для помѣщенія библіотеки. Эти занятія по дому, работы въ саду и въ кабинетѣ очень увлекали В. В., онъ былъ совершенно доволенъ новымъ положеніемъ, не соблазнился на предложеніе взять на себя, за весьма значительное вознагражденіе, редактированіе одной газеты. Погашеніе старыхъ „недоимокъ" стало осуществляться довольно быстро. Прежде всего В. В. поспѣшилъ докончить первый томъ „Трудовъ" съѣзда оріенталистовъ и помѣстилъ тамъ описаніе подготовительныхъ работъ организаціоннаго комитета и занятій происходившихъ на съѣздѣ. Затѣмъ онъ написалъ рецензію на книгу г. Пясецкаго „Путешествіе въ Китай", причемъ первый указалъ на достоинство метода г. Пясецкаго касательно пріобрѣтенія свѣдѣній.

На зиму В. В. переѣхалъ въ Петербургъ и оживилъ Восточное отдѣленіе Археологическаго общества, котораго состоялъ управляющимъ и которое до этого времени собиралось весьма рѣдко за невозможностію для В. В. удѣлять занятіямъ общества много времени. За многолѣтніе труды на пользу общества оно наградило В. В. золотою медалью. Въ изданіяхъ общества Григорьевъ успѣлъ напечатать только одну статью: „По поводу кашгарскихъ монетъ съ именемъ Абдулъ-Азизъ Хана".

Неуютность обстановки петербургской квартиры, отсутствіе подъ рукою библіотеки—все это побуждало В. В. переѣхать скорѣе въ Гатчину. Въ началѣ марта 1881 года, В. В. переселился туда и засѣлъ за письменный столъ.

Весною, отправляясь въ Москву на лѣтніе мѣсяцы, я посѣтилъ В. В. въ Гатчинѣ. Онъ былъ бодръ, оживленъ, много говорилъ о своихъ планахъ работъ, о начатомъ изслѣдованіи походовъ Александра Великаго въ западный Туркестанъ, расчитывалъ докончить свою статью о Караханидахъ и приняться за третій томъ описанія Восточнаго Туркестана. Такая энергія В. В. и увѣренность въ силахъ не допускали и

мысли, что дни его были уже сочтены, и пользоваться свободой ему оставалось не долго.

Лѣтомъ В. В. помѣстилъ въ газетѣ „Новое Время" некрологъ двухъ академиковъ: Дорна и Броссе, и началъ печатать въ той же газетѣ, подъ излюбленнымъ псевдонимомъ своимъ султана Мендали Пираліева, „Письма о предметахъ, вызывающихъ на размышленіе"—патріотическій откликъ на самые жгучіе вопросы времени. Письма появлялись съ большими антрактами. „Что бы это значило?"—думалъ я, сидя въ Москвѣ, и только по возвращеніи оттуда узналъ что̀ это значило. Работая до̀поту въ саду безъ всякихъ предосторожностей, В. В. простудился. Случилось, что по дѣламъ необходимо было ему съѣздить въ Петербургъ, и простуда, вслѣдствіе сквознаго вѣтра въ вагонѣ желѣзной дороги усилилась еще болѣе. Болѣзнь выразилась сильнымъ удушьемъ, кашлемъ, почти безпрерывнымъ, и упадкомъ силъ; но все время В. В. былъ на ногахъ и, перемогая себя, изрѣдка писалъ.

Пріѣхавъ въ сентябрѣ къ В. В. въ Гатчину, я былъ пораженъ его состояніемъ. „Чѣмъ же вы больны"? — прежде всего спросилъ я.—„И самъ не знаю,—отвѣчалъ онъ—и доктора не знаютъ: даютъ сегодня одно, завтра другое, велятъ ходить, какъ можно больше. Я и хожу, всѣ дорожки въ Пріоратѣ наизустъ знаю; а мнѣ все хуже и хуже. Вода здѣшняя, говорятъ, вредна мнѣ. Вотъ никакъ не могу докончить своихъ писемъ въ „Новое Время", только что дописалъ восьмое и то съ большимъ трудомъ: какъ сяду къ столу, сейчасъ кашель начинаетъ душить". Кашлялъ онъ дѣйствительно часто и тяжело. Обыкновенно В. В. курилъ очень много, но во время болѣзни курить не могъ, и его интересовало узнать--можетъ ли онъ выносить запахъ сигары, когда другіе курятъ. „Если не могу—прибавилъ онъ—тогда ужъ значитъ совсѣмъ капутъ". Оказалось, что курить при немъ можно, и это какъ будто ободрило его и онъ нѣсколько разъ возвращался къ этому обстоятельству; но вообще находился въ сильномъ возбужденіи, потому что ждалъ извѣстія изъ Петербурга: нанята ли квартира, чтобы поскорѣе перебраться туда. „Въ Петербургѣ—говорилъ В. В. — я самъ буду лечить себя баней, и здѣсь пробовалъ пропотѣть, да не могъ: вотъ какая сильная простуда сидитъ во мнѣ".

Въ Петербургѣ В. В. нѣсколько поправился, выѣзжалъ, и на вопросы о здоровьи отвѣчалъ: „починили, но на долго ли"? Написалъ 9-е письмо о предметахъ вызывающихъ на размышленіе. Эти письма были лебединою пѣснею В. В. Облегченіе послѣдовало не надолго, болѣзнь возобновилась съ новою силой. Тѣмъ не менѣе, когда В. В. получилъ

приглашеніе отъ министра внутреннихъ дѣлъ принять участіе въ работахъ комитета, учрежденнаго при министерствѣ въ октябрѣ этого года, для разсмотрѣнія еврейскаго вопроса во всей его совокупности, В. В. продиктовалъ отвѣтъ: „Я былъ на краю могилы, только сегодня, черезъ силу и то не своей рукой, могу отвѣчать на дорогое русскому сердцу приглашеніе ваше: если Провидѣнію угодно будетъ сохранить мнѣ остатокъ силъ—я съ радостію отдамъ ихъ моему отечеству, всей душой сочувствуя вашей высокой патріотической дѣятельности“.

Въ концѣ ноября В. В. слегъ окончательно; доктора нашли у него затверденіе артерій. Чувствуя приближеніе смерти, В. В. сдѣлалъ распоряженіе о покупкѣ мѣста для погребенія въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

Люди живутъ надеждою, потому и вѣсть о кончинѣ Григорьева поразила его друзей и знакомыхъ, хотя они и были подготовлены къ роковому исходу. В. В. умеръ 19 декабря, въ 3-мъ часу дня, умеръ тихо, до послѣдней минуты оставаясь въ памяти. Какъ-то жутко было читать о покойномъ задушевное слово человѣка, тоже стоявшаго на краю могилы, К. А. Коссовича: „Мы утратили одного изъ лучшихъ людей“.... Какъ то странно было видѣть В. В. безмолвнымъ и въ гробу...

Отпѣваніе происходило 22 декабря въ церкви Университета, которая не могла вмѣстить всѣхъ желавшихъ отдать послѣдній долгъ служителю мысли и слова. Настоятель церкви протоіерей В. Г. Рождественскій въ прочувствованномъ словѣ помянулъ объ ученыхъ заслугахъ и личныхъ качествахъ почившаго. Погребеніе совершено на кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря.

XXVIII.

Съ самой ранней молодости Григорьевъ почувствовалъ призваніе къ ученымъ занятіямъ, и хотя большую часть своихъ силъ и способностей посвятилъ не министерству Народнаго Просвѣщенія, а вѣдомству иностранныхъ и внутреннихъ дѣлъ, тѣмъ не менѣе всегда оставался вѣренъ своему призванію, постоянно и всюду занимаясь разработкою избранной спеціальности даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда служебныя обязанности не благопріятствовали подобнымъ занятіямъ, и когда всякому другому было бы не до науки. И полувѣковая ученая дѣятельность В. В. преобладаетъ надъ административною, не затмѣвая однако послѣднюю. Всю жизнь свою посвятивъ наукѣ, В. В. настолько уважалъ ее, что его личное самолюбіе, иногда довольно сильное, отходило въ научныхъ вопросахъ на задній планъ; тѣмъ болѣе не могъ онъ

выносить легкаго отношенія къ наукѣ въ другихъ, игры въ науку, или когда ее обращали въ орудіе какихъ либо постороннихъ побужденій, не имѣвшихъ ничего общаго съ стремленіемъ къ открытію истины. Въ одномъ письмѣ Григорьева по поводу его нумизматической статейки читаемъ: „Не менѣе пепріятна для меня и исторія объ Алушъ-бекѣ. Что за кумовство съ Б.? Чего не знаешь, за то не берись; а взялся, навралъ, ну такъ и терпи, если скажутъ что навралъ. Я думаю, что статейка моя написана въ тонѣ нисколько для Б. и ни для кого не оскорбительномъ, и передѣлывать ее не намѣренъ. Если Отдѣленіе (....) не считаетъ удобнымъ напечатать ее, не печатайте, возвратите мнѣ. Я напечатаю ее гдѣ нибудь въ другомъ изданіи, съ объясненіемъ (....). Къ числу легіона моихъ враговъ, мнѣ ничего не значитъ прибавить еще одного, а кумовства въ дѣлѣ науки я не терплю. Пусть вслѣдъ за моею статейкою Б. помѣститъ на нее какія хочетъ замѣчанія и возраженія — онъ будетъ въ своемъ правѣ, и я нисколько не оскорблюсь; точно также не долженъ и онъ оскорбляться“.

В. В. не любилъ, когда люди сами начинали трезвонить о своихъ ученыхъ заслугахъ и, для того, чтобы сильнѣе выставить собственныя достоинства, старались умалить значеніе своихъ предшественниковъ. „Чтобы труды для науки были уважаемы—говорилъ В. В.—необходимо сдерживать господъ, которые клюнувъ зернышко знанія, да и того еще не раскусивъ, приходятъ въ восторгъ отъ своего подвига и тотчасъ же съ гордостію индѣйскаго пѣтуха, распустивъ хвостъ и крылья, подбѣгаютъ къ заслуженнымъ въ наукѣ именамъ съ нахальнымъ вопросомъ: какъ же это, м. г., вы не усмотрѣли проглоченнаго мною зернышка? Это, вѣдь, ни на что не похоже; это неопровержимо свидѣтельствуетъ о вашей недобросовѣстности, и т. д., и т. д.“. И В. В. „сдерживалъ“, когда въ томъ являлась надобность.

Отъ ученаго В. В. требовалъ, чтобы онъ не только зналъ много, но зналъ критически, переработывалъ пріобрѣтаемый матеріалъ и передавалъ его другимъ въ сообразной формѣ, обогащенный или очищенный собственнымъ его мышленіемъ. И если писатель не заходилъ ни въ какую не разработанную до него область науки, никакого загадочнаго явленія ея не облилъ свѣтомъ своей мысли, не проложилъ никакой новой тропы, не открылъ никакого новаго пріема въ облегченіе послѣдующимъ изыскателямъ—тотъ въ глазахъ В. В. не былъ истиннымъ ученымъ [1]).

---

[1]) Т. Н. Грановскій до его профессорства въ Москвѣ. Отд. от. стр. 86—87.

Удовлетворялъ ли самъ В. В. тѣмъ требованіямъ, которыя прилагалъ къ другимъ? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ являются труды его. Почти всѣ они одинаково свидѣтельствуютъ и о самостоятельности взгляда его и объ оригинальности метода изслѣдованія. Едва ли кто изъ нашихъ нумизматовъ приложилъ въ такой степени монетныя данныя къ объясненію историческихъ фактовъ, какъ сдѣлалъ это Григорьевъ. Образцовой работой такого рода слѣдуетъ признать трудъ его „О куфическихъ монетахъ, какъ источникѣ для древнѣйшей отечественной исторіи". Не обращаясь ни къ какимъ письменнымъ источникамъ, онъ заставилъ монеты говорить за себя и этимъ пріемомъ доказалъ, что онѣ могутъ дать отвѣтъ почти на всѣ вопросы, къ нимъ обращенные. Методъ—заслуживающій широкаго примѣненія въ археологіи, гдѣ не всегда можно пользоваться письменными памятниками.

Внося своими изслѣдованіями всякій разъ что нибудь новое, В. В. старался въ тоже время разъяснять недоразумѣнія, укоренившіяся въ наукѣ. Таковы были его изслѣдованія о Туранѣ и Туранцахъ, чтеніе о Кавказской расѣ и проч. И тутъ видимъ мы В. В. не ученикомъ лишь западныхъ учителей, а самостоятельнымъ ученымъ, обладавшимъ прочными знаніями. А знанія эти и умѣнье пользоваться ими пріобрѣлъ онъ постояннымъ упорнымъ трудомъ и усиленными занятіями уже послѣ университета, въ которомъ окончилъ курсъ въ такомъ возрастѣ, въ какомъ теперь едва лишь кончаютъ курсъ средняго учебнаго заведенія, почему всегда и стоялъ онъ за самостоятельность работы, а не за продолжительность ученія. Самостоятельность же пріобрѣтается только путемъ изученія всякаго предмета съ начала, по источникамъ, а не усвоеніемъ лишь готовыхъ, чужихъ выводовъ. Только такая дѣятельность и можетъ быть плодотворна и производительна. Какъ ученый, В. В. принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые не любятъ ходить избитыми путями, а стараются проложить новые, не утѣшаются усвоеніемъ результатовъ, добытыхъ другими, а жаждутъ сами вносить свѣтъ туда, гдѣ его нѣтъ. Поэтому В. В. всегда старался въ области науки производить, а не процѣживать только чужое, какъ дѣлается это весьма многими, старался работать не хуже, а по возможности лучше другихъ. Въ этомъ случаѣ былъ онъ до крайности самолюбивъ.

Вопросы объ инородцахъ: Киргизахъ, Башкирахъ и позже—Туркестанцахъ, разработаны были Григорьевымъ съ такимъ глубокимъ пониманіемъ дѣла и такою ясностію мысли и логичностію выводовъ, какъ не удавалось это никому раньше и пока никому еще позже его. А его глубокое пониманіе исторіи и предугадываніе ея явленій сказывалось

на каждомъ шагу. Такъ, онъ полагалъ, что христіанство у Турокъ въ древности играло гораздо большую роль, чѣмъ обыкновенно думаютъ, и доказательства этому теперь появляются. Вообще же, благодаря изслѣдованіямъ Григорьева, мы стали лучше понимать Азію въ ея прошломъ и настоящемъ состояніи. Напрасно только старался онъ привить у насъ мысль, что съ готовыми, на западѣ выработанными формулами государственнаго строя и политической экономіи, на Востокѣ далеко не уйдешь и постоянно будешь попадать въ просакъ [1]).

Но не однимъ Востокомъ занимался Григорьевъ: свои оріентальныя свѣдѣнія старался онъ приложить и къ объясненію русской исторіи—заслуга мало еще оцѣненная.

Хотя у Григорьева не было той эрудиціи, которая пріобрѣтается кропотливымъ собираніемъ отрывочныхъ фактовъ, но онъ обладалъ яснымъ взглядомъ на историческія событія, имѣлъ широкій полетъ мысли, оттого его выводы и заключенія иногда смѣлы, но всегда цѣнны.

Желая развитія у насъ науки, В. В. всегда имѣлъ въ виду *русскую* науку. Говорятъ—нѣтъ національной науки, а есть общечеловѣческая. Конечно, это такъ; но не за отдѣльную какую либо науку ратовалъ Григорьевъ и не за подчиненіе ея для національности: онъ желалъ только, чтобы въ наукѣ-то проявили мы свою самобытность и свою оригинальность, чтобы мы, сохраняя свою духовную физіогномію, вышли изъ учениковъ въ мастера, дѣлали бы самостоятельные вклады въ науку, выработанные особенностями нашего національнаго духа. Но этого не достигнемъ мы никогда, если будемъ заботиться о томъ только, чтобы плестись въ хвостѣ западной Европы и тѣмъ окончательно обезличимъ себя. Вотъ почему В. В., твердо вѣрившій въ даровитость и способность русскаго народа, всегда возставалъ противъ нашихъ увлеченій всѣмъ иностраннымъ. „Рабское и трусливое отношеніе къ западу —говорилъ онъ—господствуетъ у насъ не въ одной политикѣ, а и въ наукѣ". Это явленіе у людей, посвятившихъ себя послѣдней, В. В. объяснялъ просто—недостаточностію ученаго образованія, съ которымъ отправлялись въ Германію русскіе искатели учености. Являясь въ Бер-

---

[1]) Приведемъ случай не изъ крупныхъ, но характерный. Въ 1859 году, съ цѣлью усилить хлопковое производство въ Бухарѣ и удешевить этотъ продуктъ, была отмѣнена 23-копѣечная пошлина съ пуда хлопка, доставляемаго въ Оренбургъ. Григорьевъ былъ противъ отмѣны пошлины, доказывалъ безполезность подобной мѣры, — и что же? Хлопокъ не подешевѣлъ, производство его въ Бухарѣ не увеличилось, а казнѣ причинился убытокъ среднимъ числомъ до 40,000 руб. сер. въ годъ.

линъ или Боннъ, они необходимо должны были ослѣпляться и подавляться богатствами нѣмецкой учености, существованія которыхъ они и не подозрѣвали до тѣхъ поръ. Начиналось страстное, восторженное усвоеніе себѣ этой учености; но съ первыхъ шаговъ большая часть нашихъ мюридовъ должна была видѣть и видѣла, что ей никогда не достигнуть до высоты германскихъ шейховъ. Важнѣйшими препятствіями въ процессѣ добыванія и сообщенія научной истины, кромѣ отсутствія прочнаго элементарнаго образованія, В. В. считалъ „уваженіе къ авторитетамъ, безповѣрочное усвоеніе чужихъ взглядовъ и выводовъ, принятіе гипотезъ за дѣйствительность, словъ за вещи, рабскую покорность тому, что называется духомъ времени, сужденіе о прошломъ и чужомъ по идеямъ своего вѣка и своей страны, падкость къ наведеніямъ, поспѣшность къ заключеніямъ, увлеченіе блескомъ мысли, гонка за фразою" и т. д. [1]).

Неуваженіе наше къ историческимъ памятникамъ, въ какомъ бы видѣ оно ни проявлялось, хотя бы только въ перемѣнѣ названій городскихъ улицъ, всегда возмущало Григорьева, а особенно когда дѣло касалось серьезныхъ вопросовъ науки, когда разрушались памятники старины безъ всякой пользы для развитія нашихъ знаній. Истребленіе кургановъ, вызванное моднымъ увлеченіемъ раскопками, представлялось Григорьеву дѣломъ вопіющимъ, въ томъ видѣ и въ томъ размѣрѣ, какъ ведется оно у насъ. По поводу нѣкоторыхъ курганныхъ работъ, опубликованныхъ въ 1865 году, В. В. выразилъ свой взглядъ на это безразсудное, можно сказать, увлеченіе такимъ сравненіемъ:

„Видитъ ребенокъ часы; разбираетъ его любопытство узнать что тамъ такое стукаетъ внутри ихъ; чтобы добраться до этого, начинаетъ онъ ломать часы; въ результатѣ выходитъ, что часы сломаны, а любопытство ребенка не удовлетворено: отдѣльныя колеса, винты и проч. не раскрыли ему тайны механизма. Въ такомъ же отношеніи какъ ребенокъ къ часамъ, находятся, на взглядъ нашъ, и ученые изслѣдователи по отношенію къ разрываемымъ ими курганамъ. Раскопаны уже тысячи этого рода памятниковъ, а о людяхъ, которые насыпали ихъ, узнано немногимъ болѣе того, сколько узналъ ребенокъ, почему часы идутъ. И причина неуспѣшности, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, одна и та же—неприготовленность, неспособность сообразить отдѣльныя данныя добытыя, тамъ—разломкою часовъ, тутъ—раскопкою кургана. И какъ невиноватъ ребенокъ въ томъ, что не можетъ онъ

---

[1]) Жизнь и труды П. С. Савельева, стр. 143.

уяснить себѣ задачи выше своего разумѣнія, такъ невиноваты и раскапыватели кургановъ, что имъ не дается отвѣта на то, на что еще не пришло время, до чего еще не доросла современная наука. Разница между ребенкомъ и ученымъ заключается въ томъ лишь, что часы разломанные первымъ, часовой мастеръ можетъ исправить, замѣнивъ испорченныя колеса и винты новыми, кургана же уничтоженнаго ученымъ никто уже не ухитрится возстановить. Да та еще разница между двумя этими категоріями разрушителей, что ребенка за излишнее любопытство умные родители накажутъ: „не берись, молъ, за дѣло не по разуму, подожди пока выростешь"; а ученыхъ изслѣдователей, за ихъ безплодное разрушеніе невозстановимыхъ памятниковъ, разныя ученыя общества и комиссіи превознесутъ похвалами.... Тутъ кто болѣе покажетъ себя достойнымъ соперникомъ Омара, тому и честь, и слава".

Личный примѣръ трудолюбія и ободряющія слова В. В. дѣйствовали живительно и на людей равнодушныхъ къ успѣхамъ науки. Кто не могъ пускаться въ самостоятельныя изслѣдованія, тѣхъ подбивалъ онъ на собираніе матеріаловъ; для кого оказывался недоступнымъ и этотъ способъ работы, а желаніе принести посильную пользу ученому дѣлу въ Россіи было, для нихъ В. В. находилъ другіе пути. Такъ, ѳренбургскій купецъ Зайчиковъ (Дѣевъ) пожертвовалъ, по его совѣту, 500 рублей въ Археологическое общество на премію: „о древностяхъ Сыръ-Дарьинскаго края" [1]). Еще сильнѣе было вліяніе В. В. на его университетскихъ слушателей, въ работахъ и судьбѣ которыхъ принималъ онъ самое живое участіе, готовый служить для всѣхъ, къ нему обращавшихся, не только совѣтами, свѣдѣніями и указаніями, но и матеріальной помощью.

Вопросы о воспитаніи и образованіи В. В. затрогивалъ неоднократно. Въ пятидесятыхъ годахъ „Морской Сборникъ" приглашалъ нашихъ ученыхъ писать статьи о воспитаніи, предлагая для нихъ свои страницы. В. В. поспѣшилъ откликнуться на этотъ призывъ и въ 1856 году написалъ цѣлый трактатъ „о недостаткахъ общественнаго образованія въ Россіи и средствахъ къ устраненію ихъ", но не предназначалъ трудъ свой для печати, да и цензура того времени ни въ какомъ

---

[1]) Н. И. Ильминскій въ своихъ «Воспоминаніяхъ» объ А. А. Бобровниковѣ замѣтилъ: «Ученыя статьи, которыя написаны Бобровниковымъ въ Оренбургѣ, были дѣломъ случайнымъ, и при томъ подъ возбудительнымъ вліяніемъ патріотическаго участія В. В. Григорьева, который тогда служилъ въ Оренбургскомъ областномъ правленіи и высоко цѣнилъ научный талантъ Бобровникова». (Ученыя Записки И. Казанскаго университета, 1865 г., т. I, стр. 449).

случаѣ не пропустила бы его для опубликованія. Между тѣмъ какъ въ этомъ трудѣ, такъ и въ статьѣ „о воспитаніи въ духѣ народности“ высказаны имъ мысли заслуживающія глубокаго вниманія, не потерявшія значенія и въ настоящее время, хотя русская педагогическая литература и обогатилась послѣ того многими замѣчательными произведеніями. По черновымъ бумагамъ В. В. видно, что онъ хотѣлъ написать статью объ устройствѣ учебной части по вкусу всѣмъ и дѣйствительной потребности.

Во всякомъ дѣлѣ у насъ больше стараются замѣчать недостатки. Всякій, кто берется заявлять о чемъ нибудь, старается показать, что онъ можетъ „свое сужденіе имѣть“. Вообще у насъ любятъ придираться и требовать совершенства, чтобы было, какъ у другихъ. В. В. смотрѣлъ иначе: онъ обращалъ вниманіе на то, что возможно въ нашихъ обстоятельствахъ и совѣстливо ли исполнена та или другая работа. Тѣмъ более не въ характерѣ В. В. было замалчивать чужія заслуги; онъ всегда старался выставить ихъ на показъ, и это тѣмъ болѣе оказывалось для Григорьева возможнымъ, что онъ не былъ узкимъ спеціалистомъ, не желавшимъ видѣть ничего, кромѣ своего предмета. Всякій, кто тѣмъ или инымъ способомъ содѣйствовалъ къ расширенію предѣловъ человѣческихъ знаній объ Азіи, находилъ въ немъ достойнаго цѣнителя: будь то кабинетный ученый, положившій свои силы на изученіе древняго или новаго Востока; или ученый путешественникъ, давшій основаніе изслѣдованію той или другой части Азіи; или смѣлый мореплаватель, открывшій новую страну и новые пути для сношеній съ Азіатцами; или миссіонеръ, посвятившій себя великому дѣлу просвѣщенія язычниковъ свѣтомъ Христіанства и изучившій съ этою цѣлію языки дикарей Азіи; или ученый переводчикъ европейскихъ трудовъ по Востоку; а равно и всѣ тѣ, которые являлись представителями нашихъ интересовъ въ Азіи, или кто упрочивалъ тамъ наше значеніе и вліяніе, какъ многіе изъ нашихъ дипломатовъ; всѣ тѣ, которые расширяли наши владѣнія на Востокѣ; наконецъ, тѣ изъ соотечественниковъ нашихъ, которымъ удавалось открыть новый источникъ для изученія Азіи, или только собрать коллекцію восточныхъ древностей.

В. В. всегда осуждалъ равнодушіе нашего общества къ своимъ ученымъ, равнодушіе, загубившее многіе таланты на глазахъ В. В. Поэтому онъ и возставалъ противъ неблагодарности современниковъ къ своимъ дѣятелямъ. Какъ тепло отзывался онъ о трудахъ Коссовича, какъ жалѣлъ Бобровникова!

Съ другой стороны не могъ онъ равнодушно мириться съ нашею

слабостію увлекаться модою даже въ дѣлѣ науки. Наше увлеченіе одно время политическою экономіею, а потомъ естественными науками, вызывалось, по его мнѣнію, не столько жизненными потребностями, сколько модою.

В. В. сказалъ про Савельева, что онъ „любилъ науку и служилъ ей до послѣдней минуты сознанія; но любилъ „не всѣмъ сердцемъ и не всѣми помышленіями". У него была другая любовь, сильнѣе, преданнѣе, въ жертву которой готовъ онъ былъ принести и самую любовь свою къ наукѣ (....). Понятно, что рѣчь идетъ о любви Савельева—къ отечеству" [1]).

Эти самыя слова могутъ быть примѣнены еще съ большимъ правомъ и къ самому Григорьеву. „У меня одна любовь—говорилъ онъ—Россія". Этою любовью объясняется весьма многое въ поступкахъ и увлеченіяхъ В. В. Ловкіе люди, знавшіе это чувство, пользовались имъ для своихъ личныхъ цѣлей. Разыгрывая изъ себя горячихъ патріотовъ, пріобрѣтали они расположеніе В. В., который послѣ того не замѣчалъ уже въ нихъ никакихъ недостатковъ или не придавалъ имъ значенія, и своимъ покровительствомъ и протекціею содѣйствовалъ ихъ служебной карьерѣ. Нельзя умолчать о такихъ увлеченіяхъ, но можно оправдать ихъ добрыми побужденіями. „Соотечественники наши, особенно изъ такъ называемаго образованнаго класса (замѣтилъ В. В. въ статьѣ о Грановскомъ) отличаются, какъ извѣстно, удивительною съ психологической точки зрѣнія падкостію къ увлеченію всѣмъ иноземнымъ, и еще болѣе удивительною способностію проникаться нерасположеніемъ къ своему родному".

Въ этой падкости В. В. видѣлъ не иное что, какъ „духовную болѣзнь, недугъ, въ цѣломъ человѣчествѣ однимъ намъ свойственный, ибо ничего подобнаго не встрѣчается и не встрѣчалось не только между народами сильными въ настоящемъ или первенствовавшими въ прошломъ, но и между національностями второстепенными или еще несложившимися; — недугъ, къ освобожденію себя отъ котораго должны мы стремиться подъ опасеніемъ совершенной утраты народной личности и самостоятельнаго существованія... Румынъ, Венгерецъ, Датчанинъ — и тѣ дорожатъ своею національностію, не хотятъ, чтобы ихъ принимали за Славянъ или Нѣмцевъ; у нашего же брата, и на родинѣ, и внѣ отечества, одна забота: не походить на себя самаго". Вотъ почему В. В. внимательно присматривался къ молодежи—не проявляются ли въ

---

[1]) Жизнь и труды П. С. Савельева. Стр. 161.

ней ростки тѣхъ идеаловъ и стремленій, которымъ преданъ былъ самъ. „Я не люблю—говорилъ онъ—копаться тамъ, гдѣ знаю, что живая вода будетъ сочиться по капелькѣ, а не забьетъ ключомъ"; но если гдѣ замѣчалъ онъ родникъ живой воды, не жалѣлъ уже на разработку его своихъ средствъ, ни умственныхъ, ни матеріальныхъ.

Если В. В. ожидалъ отъ какой либо мѣры вреда для Россіи, его ничѣмъ ужъ нельзя было подкупить въ пользу такой мѣры. Какъ всякій человѣкъ, онъ легко могъ ошибаться въ своихъ предположеніяхъ, могъ усматривать опасность тамъ, гдѣ ея не было; но тутъ онъ всегда дѣйствовалъ искренно, не увлекаясь ни симпатіями, ни антипатіями, и на оборотъ—покровительствовалъ, чѣмъ только могъ, всему тому, что признавалъ клонящимся ко благу Россіи. Особенно ярко сказалось это въ дѣятельности Григорьева, какъ начальника главнаго управленія по дѣламъ печати.

За что бы мы ни взялись, мы никогда не думаемъ о своихъ интересахъ. „Можетъ быть Провидѣніе и наградитъ насъ когда нибудь за такое самоотверженіе" —говорилъ В. В., но самъ, при всякомъ удобномъ случаѣ старался отстаивать, на сколько могъ, русскіе интересы.

Въ ближайшей связи съ русскими интересами находятся таковые и Балканскихъ Славянъ. Очень рано В. В. сталъ обнаруживать свое сочувствіе южнымъ Славянамъ, не на словахъ только, а и на дѣлѣ. Вскорѣ послѣ Крымской войны, когда наши отношенія къ Балканскимъ Славянамъ приняли, по необходимости, такой характеръ, который никакъ не могъ удовлетворить патріотическое чувство В. В., въ письмѣ къ одному изъ своихъ пріятелей онъ замѣтилъ: „Итакъ, вы ѣдете въ Болгарію—не завидую, потому что быть полезнымъ наукѣ тамъ нельзя, а Россіи—еще менѣе, если только не перемѣнилось направленіе дѣлъ въ нашемъ министерствѣ, чего ожидать трудно. Вы знаете, какъ я люблю южныхъ Славянъ, но оттого-то что люблю и больно мнѣ видѣть какого рода участіе принимаемъ въ нихъ мы (...). Но если инструкціи ваши будутъ сообразны съ выгодами Россіи, съ благомъ Славянъ, которое найдутъ они лишь держась ея, а не Запада, то благословляю васъ, тысячу разъ благословляю, поѣзжайте и дѣйствуйте, а мы за успѣхъ дѣйствій вашихъ будемъ молиться горячо, горячо". Въ письмѣ вслѣдъ за этимъ В. В. пояснялъ сказанное раньше: „Я не желалъ, чтобы вы ѣхали въ Сербію или Болгарію, потому что боялся, не заставили бы васъ тамъ дѣйствовать недостойно Россіи, во вредъ ея интересамъ".

Вслѣдствіе своего взгляда на славянскій вопросъ, В. В. считалъ своимъ долгомъ при всякомъ удобномъ случаѣ принимать въ немъ уча-

стіе. Онъ игралъ дѣятельную роль при образованіи въ Петербургѣ Славянскаго благотворительнаго общества, какъ относительно его устройства, такъ и изысканія денежныхъ средствъ для него. Когда началась война Сербовъ съ Турками, В. В. опять откликнулся въ пользу Славянъ неоднократными денежными пособіями, доходившими иногда до значительныхъ по его состоянію размѣровъ. Такъ, въ 1876 году внесъ онъ въ славянскій комитетъ въ помощь бѣдствующимъ Славянамъ Балканскаго полуострова 550 рублей, а въ слѣдующемъ году отправилъ на имя митрополита Иларіона 500 р. въ пользу Черногорцевъ и Герцеговинцевъ.

Славянофиломъ В. В. не былъ, хотя и симпатизировалъ этому направленію вслѣдствіе близкаго сходства взглядовъ Славянофиловъ со своими, какъ напримѣръ относительно *національнаго* развитія. Нападки на славянофиловъ, про которыхъ когда-то говорили, что чѣмъ свои дикія идеи проповѣдывать, лучше знакомить насъ съ результатами европейской науки, касались во многихъ случаяхъ и самого В. В., особенно, когда затрогивалось русское достоинство, сознаніе котораго стало проявляться въ нашемъ обществѣ не такъ-то давно. Какъ публицистъ, В. В. принадлежалъ къ лагерю народниковъ, направленіе и принципы которыхъ близкіе къ славянофильскимъ, но безъ нѣкоторыхъ увлеченій послѣднимъ свойственныхъ, стали отчетливо обрисовываться только въ послѣднее время. Замѣтивъ въ біографіи Савельева, что либерализмъ, какъ направленіе не пришелся ему по сердцу, В. В. прибавилъ, что и самъ онъ раздѣлялъ его антипатію къ либераламъ [1]). Впослѣдствіи взгляды свои В. В. подробно развилъ въ письмахъ „о предметахъ вызывающихъ на размышленіе“, гдѣ онъ высказался весь и гдѣ изложилъ онъ главнѣйшіе свои принципы. Видя въ обществѣ расшатанность нравственныхъ принциповъ, ослабленіе чувства гражданскихъ обязанностей, равнодушіе къ идеаламъ и господство матеріальныхъ стремленій, видя отчужденіе нашего общества отъ народа и упадокъ національнаго самоуваженія, т. е. все то, чѣмъ по словамъ В. В. отличается современный прогрессъ, онъ усвоилъ себѣ пессемистскій взглядъ на будущее и даже слово прогрессъ ненавидѣлъ, какъ высказалъ это въ одномъ письмѣ, помѣщенномъ въ Приложеніяхъ.

В. В. не одобрялъ крутыхъ административныхъ мѣръ. Врагъ всякой ломки установившагося быта, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда получались отъ этой ломки самые благопріятные результаты, онъ не былъ,

---

[1]) **Жизнь и труды П. С. Савельева, стр. 84.**

однако, противникомъ реформъ и нововведеній, но не сочувствовалъ поспѣшности въ проведеніи ихъ. Помню, онъ разсказывалъ: „Въ исторіи нашей администраціи мы знаемъ только одинъ случай насильственнаго обращенія кочевниковъ, и то не къ земледѣлію, а къ осѣдлости, сопровождавшійся успѣхомъ. Это было въ началѣ, кажется, нынѣшняго столѣтія, въ Таврической губерніи, Мелитопольскомъ уѣздѣ. Кочевавшихъ здѣсь Ногайцевъ графъ Демезонъ заставилъ бросить этотъ образъ жизни и поселиться осѣдло, сожегши ихъ телѣги. Ногайцы сдѣлались осѣдлыми, сдѣлались потомъ земледѣльцами и, разсказываютъ, были впослѣдствіи благодарны графу Демезону за его крутую мѣру. Я думаю однакожъ, что Ногайцы завелись бы и домами и пашнями, если-бы графъ Демезонъ даже и не жегъ у нихъ телѣгъ; только эта перемѣна въ бытѣ произошла бы нѣсколькими годами позже". Но когда сама жизнь требовала перемѣнъ въ установившихся порядкахъ, В. В. первый признавалъ необходимость измѣненій. Въ 1856 году, по поводу составленнаго проекта положенія объ управленіи оренбургскими киргизами, онъ докладывалъ Перовскому:

„Изданіе новаго, окончательнаго положенія объ управленіи Оренбургскими Киргизами, сколь-бы подобный трудъ ни былъ совершенъ, едва-ли было бы дѣломъ полезнымъ. Какъ законъ, такое Положеніе, если не окончательно, то надолго опредѣляло бы извѣстное состояніе администраціи Оренбургскою степью; между тѣмъ обитатели степи находятся въ такомъ переходномъ относительно Россіи состояніи, которое требуетъ новыхъ, сообразныхъ этимъ измѣненіямъ, мѣръ. Предвидѣть будущее, хотя на полстолѣтіе, и въ предвидѣніи этомъ составить такое Положеніе, которое-бы соотвѣтствовало вмѣстѣ и настоящимъ нуждамъ степи, и тому состоянію, въ какое придетъ она чрезъ 50 лѣтъ,—за подобное дѣло никто не можетъ взяться; а узаконить теперешній гражданскій и административный бытъ степи значило бы задавить въ ней всякое движеніе впередъ, отнять у нея возможность приближаться постепенно и сообразно обстоятельствамъ, къ тому возможно-наилучшему состоянію, до котораго она можетъ и, при отеческой попечительности нашего правительства, должна раньше или позже достигнуть... Практическимъ подтвержденіемъ сказанному можетъ служить то, что проектъ новаго Положенія, составленный въ 1849 году, никакъ не могъ предвидѣть событій происшедшихъ на югѣ степи въ 1853 году, а между тѣмъ событія эти имѣли послѣдствіемъ учрежденіе на берегахъ Сыра почти совсѣмъ независимаго отъ пограничной комиссіи управленія оренбургскими же киргизами".

Честность В. В. не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Пойти на открытую борьбу съ генералъ-губернаторомъ могъ только человѣкъ вполнѣ безупречный, не знающій за собою никакихъ предосудительныхъ поступковъ въ служебномъ отношеніи. Даже враги В. В., не всегда стѣснявшіеся въ средствахъ, не рѣшились пустить противъ него обвиненіе во взяточничествѣ, хотя такой слухъ и могъ бы имѣть успѣхъ, потому что киргизы—народъ, можно сказать, беззащитный, обирать который въ то время было весьма не трудно. Когда началось расхищеніе башкирскихъ земель, въ чемъ В. В. также могъ-бы принять участіе, какъ бывшій чиновникъ Оренбургскаго края, онъ не посягнулъ на нихъ, хотя нѣкіе услужливые люди и вызывались устроить ему это дѣло безъ всякихъ хлопотъ съ его стороны. В. В. представлялъ собою довольно рѣдкій у насъ на Руси примѣръ человѣка твердыхъ, непоколебимыхъ правилъ и убѣжденій, которыми не поступался онъ ни при какихъ невзгодахъ въ своей жизни, и никогда не шелъ на сдѣлки съ своею совѣстью.

Взглядъ В. В. на семейную жизнь не отличался какою либо идеальностію, онъ смотрѣлъ на дѣло со стороны житейскаго опыта. Всѣ разсужденія о полномъ равенствѣ и свободѣ въ отношеніяхъ между мужемъ и женою считалъ онъ, въ примѣненіи къ жизни, несбыточною химерой. Для него самого, какъ человѣка занятаго, привыкшаго работать въ своемъ кабинетѣ, было очень важно правильное теченіе домашней жизни, и всякій разъ, когда установившійся порядокъ нарушался, что случалось обыкновенно въ лѣтніе мѣсяцы, В. В. чувствовалъ себя какъ-то неловко. И чѣмъ старше становился В. В., тѣмъ ощутительнѣе дѣлалась для него потребность домашняго порядка.

Нелишнимъ будетъ привести одно разсужденіе В. В. о супружескихъ отношеніяхъ:

„Какъ-бы ни казались — говорилъ онъ — остывшими отъ лѣтъ и привычки отношенія между мужемъ и женою, которые продолжаютъ любить, уважать другъ друга, связи, соединяющія ихъ, гораздо крѣпче и неразрывнѣе, чѣмъ думаютъ люди, не испытавшіе, что̀ значитъ долговременный дѣлежъ однѣхъ и тѣхъ же невзгодъ и радостей, не испытавшіе — какою сплачивающею силою обладаетъ многолѣтняя общность всего перечувствованнаго, передуманнаго и пережитаго въ жизни. Покажите мужчинѣ какую-нибудь Елену-прекрасную, и будь ему хотя сто лѣтъ отъ роду, онъ зазѣвается и полезетъ въ старую голову его всякая чушь; но если-бы для обладанія Еленою-прекрасною пришлось разстаться съ какою-нибудь старушкою Бавкидою, тотъ же мужчина семь

разъ подумаетъ прежде чѣмъ отрѣзать, и, если только не подлецъ онъ и не сумасшедшій — предпочтетъ остаться съ Бавкидою, предпочтетъ, потому что противное повлекло бы за собою смерть или параличъ неповинной ни въ чемъ Бавкиды, а для него самого—угрызенія совѣсти, при которыхъ невозможно никакое счастье, немыслимы никакія радости, не говоря уже о томъ des Lebens Mai blüht ein-mahl und nicht wieder, что поскребышковъ неистощеннаго еще чувства и страсти станетъ на какой-нибудь мѣсяцъ, а тамъ и окажется старичокъ выжатымъ лимономъ".

По окончаніи университетскаго курса, когда В. В. началъ „свой хлѣбъ добывать", тогда же онъ постановилъ удѣлять въ пользу бѣдныхъ десятую часть своихъ доходовъ и неуклонно исполнялъ этотъ обѣтъ до смерти. До педантизма аккуратный въ своихъ денежныхъ дѣлахъ, постоянно записывая всѣ свои доходы и расходы до послѣдней копѣйки, не позволяя себѣ жить въ счетъ будущихъ благъ, В. В. никогда не отказывалъ въ помощи нуждающимся. Онъ вносилъ свою лепту въ общества для пособія бѣднымъ, содержалъ своихъ пенсіонеровъ, число которыхъ въ послѣдніе годы службы В. В. было не малое. Но этимъ обязательнымъ процентомъ не ограничивалась благотворительность его. Такъ, въ апрѣлѣ 1881 г. пожертвовалъ онъ 1,400 р. на устройство въ Гатчинскомъ пріютѣ для призрѣнія престарѣлыхъ одной пенсіонерской кровати на вѣчныя времена; а въ Ораніенбаумской городской больницѣ учредилъ въ сентябрѣ того же года безплатную, имени матери своей Агрипины Ивановны Григорьевой, кровать для лицъ мужскаго пола, одержимыхъ острыми болѣзнями, обезпечивъ ее капиталомъ въ 2,000 руб. Многое изъ такой благотворительности сдѣлалось извѣстнымъ лишь послѣ смерти В. В. „Не все для себя только-говорилъ онъ —а надо дѣлать и для другихъ, если можешь". Кто близко зналъ В. В. тѣ имѣли полную возможность убѣдиться, какое было у него доброе, прямое русское сердце, отзывчивое на всякое горе и нужду.

В. В. никогда не искалъ популярности, считая такое искательство недобросовѣстнымъ, такъ какъ популярность нерѣдко пріобрѣтается въ ущербъ исполненію прямыхъ обязанностей. И не завидовалъ чужой популярности. Нагляднѣе всего можно это видѣть на отношеніяхъ его къ оренбургскимъ купцамъ Дѣевымъ, которыхъ уважалъ за ихъ честность и умѣнье вести торговлю въ Средней Азіи, и которымъ нѣкоторые генералъ-губернаторы никакъ не могли простить, что „Дѣевы значатъ въ степи болѣе насъ", и потому позволяли себѣ дѣлать имъ всякаго рода прижимки и придирки. В. В. самъ имѣлъ претензію на вліяніе въ степи, но не завидовалъ преимуществу Дѣевыхъ и при всякомъ слу-

чаѣ горячо отстаивалъ ихъ и предъ генералъ-губернаторами и въ печати[1]). Напротивъ, В. В. всегда умѣлъ цѣнить въ людяхъ нравственныя достоинства и умѣлъ отыскивать ихъ.

В. В. любилъ бесѣдовать, нерѣдко пересыпалъ свою рѣчь парадоксами, всегда остроумными, и въ обществѣ служилъ центромъ на который обращалось всеобщее вниманіе.

Въ заключеніе надо сказать, что характеръ у В. В. былъ довольно деспотическій. Поставить на своемъ онъ любилъ и вообще былъ склоненъ къ господству, что и замѣтно въ отношеніяхъ его къ своимъ друзьямъ и въ служебной практикѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ это былъ человѣкъ цѣльный, вполнѣ русскій, со всѣми достоинствами, а пожалуй и недостатками, русскому человѣку свойственными.

Хотя Григорьевъ писалъ большею частію по русски, тѣмъ не менѣе пользовался онъ извѣстностію и на западѣ, доказательствомъ чему можетъ служить, между прочимъ, довольно рѣдкое отличіе — избраніе его въ 1875 году Лондонскимъ королевскимъ азіатскимъ обществомъ въ число своихъ почетныхъ членовъ.

Слѣдующій перечень ученыхъ обществъ и учрежденій, членомъ которыхъ былъ В. В., можетъ свидѣтельствовать о разнообразной и плодотворной дѣятельности его.

Съ 1839 по 1844 г. состоялъ онъ дѣйствительнымъ членомъ одесскаго общества Исторіи и Древностей. Въ 1846 г. Имп. Рус. Геогр. общество избрало его въ число своихъ дѣйствительныхъ членовъ, а Археологическое — въ члены-корреспонденты въ 1850 г. Въ 1853-мъ Имп. Академія Наукъ почтила его тѣмъ же званіемъ. Статистическіе комитеты Оренбургскій (въ 1861 г.) и Новгородскій (въ 1866) избрали В. В. своимъ почетнымъ членомъ. Въ 1866 г. получилъ онъ дипломъ на званіе члена Парижскаго азіатскаго общества, а въ слѣдующемъ году и отъ общества Германскихъ оріенталистовъ въ Лейпцигѣ. Въ томъ же году Московское Археологическое общество зачислило его своимъ дѣйствительнымъ членомъ. Въ 1868 г. былъ онъ избранъ въ члены-благотворители Славянскаго комитета въ Москвѣ, въ слѣдующемъ — Имп. Публичная Библіотека почтила В. В. званіемъ почетнаго члена. Въ 1872 г. Парижскій институтъ живыхъ восточныхъ языковъ прислалъ

---

[1]) Григорьевъ написалъ для Дѣева «Опроверженіе на клевету» (въ Экономическомъ Указателѣ за 1861 г.) въ отвѣтъ на корреспонденцію (Экон. Указ. 1860 г. вып. 45), въ которой поступки Дѣева выставлялись въ неблаговидномъ свѣтѣ.

В. В. дипломъ на званіе члена-корреспондента. Въ 1873 г. Петербургское общество любителей духовнаго просвѣщенія избрало его дѣйствительнымъ членомъ, Королевское азіатское общество (1875 г.)—почетнымъ членомъ, Французское общество „Восточный Атеней"—членомъ-корреспондентомъ (тогда же). Имп. общество Исторіи и Древностей Россійскихъ зачислило В. В. своимъ дѣйствительнымъ членомъ. Въ 1876 году королевскій институтъ въ Гагѣ для лингвистическаго, географическаго и этнографическаго изученія Нидерландской Индіи, и Парижское Этнографическое общество избрали В. В. своимъ членомъ-корреспондентомъ, а Эллинское филологическое общество — почетнымъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Записки Григорьева по разнымъ вопросамъ управленія Киргизами Оренбургскаго края.

1) О защитѣ Киргизовъ отъ набѣговъ Хивинцевъ и Коканцевъ.

„Если мы признаемъ Киргизовъ своими подданными и облагаемъ ихъ кибиточнымъ сборомъ, то и достоинство Имперіи, и выгоды Правительства, и самая справедливость требуютъ и даже обязываютъ защищать этихъ Киргизовъ отъ грабительскихъ вторженій въ степь Хивинцевъ и Коканцевъ.

Гарнизонъ Аральскаго укрѣпленія на Сыръ-Дарьѣ, простирающійся до 870 человѣкъ, какъ показываетъ опытъ, вовсе недостаточенъ для такой защиты. И съ каждымъ годомъ будетъ онъ становиться еще менѣе достаточнымъ, потому что и Хивинцы и Коканцы постоянно увеличиваютъ свои силы въ окрестностяхъ этого укрѣпленія.

Между тѣмъ, и въ настоящемъ его составѣ, содержаніе этого гарнизона обходится крайне дорого и сопряжено съ большими затрудненіями облегчить которыя не предвидится никакихъ средствъ. Усилить составъ гарнизона вдвое или втрое значило бы увеличить въ такой-же мѣрѣ эти издержки и затрудненія. Правительство едва-ли можетъ и захочетъ рѣшиться на такое пожертвованіе, тѣмъ болѣе, что усиленіемъ гарнизона цѣль этой мѣры, защита нашихъ Киргизовъ отъ грабежей Коканцевъ и Хивинцевъ, все таки не была бы достигнута удовлетворительнымъ образомъ—по длинѣ линіи, на которой надлежитъ дѣйствовать этому гарнизону.

Какъ же быть въ такомъ положеніи, какимъ образомъ устроить необходимую для Киргизовъ нашихъ защиту?

Лучшимъ средствомъ для этого и вообще для упроченія власти русской на Сырѣ въ какихъ бы то ни было видахъ, представляется устройство на правомъ берегу его, по удобнымъ для того мѣстамъ, военнаго русскаго поселенія тысячь въ пять, въ десять душъ, которое содержало бы себя собственными средствами, не требуя со стороны правительства никакихъ попеченій, никакихъ издержекъ.

Такая колонія, разселившись по Сыру, линіею укрѣпленныхъ поселеній своихъ не только оградила бы Киргизовъ отъ нападеній Хивинцевъ и Коканцевъ, но, въ случаѣ еслибы то потребовалось, могла-бы во всякое время и весьма удобно, вносить оружіе наше въ самые предѣлы этихъ разбойническихъ владѣній, что не мало бы содѣйствовало къ увеличенію ничтожнаго доселѣ вліянія нашего на Среднюю Азію.

Въ то же время, ставъ въ тылу у Киргизовъ, такое поселеніе много бы способствовало и къ безусловной покорности намъ самаго этого, доселѣ еще не совсѣмъ надежнаго народа: отрѣзанные отъ общенія съ Коканцами и Хивинцами, всѣ Киргизы Оренбургскаго вѣдомства могли-бы быть обложены кибиточнымъ сборомъ въ самомъ скоромъ времени: это доставило-бы правительству тысячь сто рублей сер. лишнихъ и, что не менѣе важно, заставило бы Киргизовъ обращаться къ намъ за тѣми товарами, которые теперь получаютъ они изъ-за Сыръ-Дарьи.

Какія удобства, какія средства для жизни представляетъ правый берегъ этой рѣки въ рукахъ населенія трудолюбиваго и предпріимчиваго, скажемъ ниже. Теперь замѣтимъ только, что отдаленность отъ предѣловъ Россіи русской колоніи на Сыръ-Дарьѣ нисколько не доказываетъ невозможности существованія ея. Казаки Сибирскіе основывались посреди враждебнаго имъ населенія на разстояніи нѣсколькихъ тысячь верстъ отъ ближайшихъ городовъ Пермскихъ; Уральцы въ продолженіе двухъ-сотъ лѣтъ отдѣлены были отъ ближайшихъ городовъ Волжскихъ обширною степью, населенною Ногайцами и Калмыками. Ни тѣмъ, ни другимъ не мѣшало это находиться въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Москвою. Успѣшность казачьихъ водвореній въ отдаленныхъ краяхъ служитъ ручательствомъ, что упроченіе русскаго владычества посредствомъ военныхъ колоній есть система дѣйствованія, самая согласная съ духомъ нашего народа.

Но найдутся ли въ настоящее время охотники для такого отдаленнаго поселенія, люди съ потребною для успѣха дѣла стойкостію характера, привычкою бороться съ трудностями и опасностями, способностію къ разнаго рода промысламъ, и которые, въ прибавокъ, предприняли бы переселеніе и водвореніе на свой счетъ, безо всякихъ или съ самыми незначительными пособіями отъ Правительства?

На первый взглядъ кажется, что негдѣ въ Россіи найтись такимъ людямъ. А между тѣмъ они найдутся, и въ достаточномъ числѣ. Охотники пересилиться на Сыръ, совершенно удовлетворяющіе всѣмъ качествамъ, какихъ требуемъ мы: промышленные, трудолюбивые, привычные къ опасностямъ и, мало того—знакомые даже съ климатомъ, съ образомъ жизни и съ языкомъ Киргизовъ, найдутся въ числѣ отъ 5 до 10 тысячь душъ—въ Уральскомъ Войскѣ!

Это тѣ изъ Уральцевъ, которые доселѣ придерживаются раскола, тайно или явно. Объявите имъ, что на Сырѣ не будетъ различія между рас-

кольникомъ и православнымъ, что будутъ они себѣ жить тамъ, какъ сами знаютъ, безъ особыхъ порядковъ, маленько по старинѣ: и въ Уральскомъ Войскѣ найдутся тысячи семей, которыя изъявятъ желаніе поселиться на Сырѣ и обзавестись тамъ своими средствами. Рѣка эта обильна рыбою: привычные къ рыболовству Уральцы устроютъ тамъ этотъ промыселъ съ такою же для себя выгодою, какъ на Уралѣ; къ скотоводству степному пріучаться имъ нечего; огородничество степное также имъ извѣстно; найдутся между переселенцами и занимавшіеся хлѣбопашествомъ: для этихъ берегъ Сыра около озера Бабыстынъ-Куль представитъ пахотныя мѣста, какихъ не надо лучше. Въ-послѣдствіи, при благопріятствующемъ тому климатѣ, можетъ развиться у колонистовъ на Сырѣ и садоводство и шелководство. Сосѣдя съ одной стороны съ Хивинцами, съ Бухарою, съ Коканскими владѣніями, доставляющими нынѣ Киргизамъ разныя мануфактурныя издѣлія, а съ другой стороны—съ покупающими эти издѣлія Киргизами, переселенные Уральцы не замедлятъ воспользоваться выгодами такого положенія, чтобы торговлю эту захватить въ свои руки. Мѣста для поселеній должно предоставить выбору самихъ переселенцевъ, и нѣтъ сомнѣнія, что они не выберутъ такихъ какъ Раимъ. Вообще, стоитъ только не стѣснять и не руководствовать переселенцевъ, предоставить имъ жить своимъ умомъ, и въ нѣсколько лѣтъ казаки на Сырѣ будутъ благоденствовать вполнѣ.

Съ другой стороны, выселеніе изъ Уральскаго Войска закоснѣлыхъ раскольниковъ будетъ полезно и для самого Войска, очистивъ его отъ закваски раскольничества и такимъ образомъ приведя въ нравственномъ отношеніи, въ положеніе соотвѣтственное желаніямъ правительства. Полезно будетъ оно для Войска и въ отношеніи хозяйственномъ: рыба, которую ловили въ Уралѣ переселяющіеся; сѣно, которое косили они на общественныхъ лугахъ; пахотная земля, которую обработывали они на себя: все это раздѣлится между оставшимися и облегчитъ имъ средства существованія, теперь съ умноженіемъ населенія въ Войскѣ, съ году на годъ оскудѣвающія.

Наконецъ, переселясь на Сыръ, Уральцы возьмутъ тамъ къ себѣ въ работники десятки тысячь киргизскихъ байгушей, что̀ будетъ истиннымъ благодѣяніемъ для сихъ послѣднихъ; со временемъ байгуши эти могутъ быть приняты въ казачью общину и обрусѣть (русскій духъ никогда не силенъ такъ, какъ между раскольниками): на берегахъ Сыра образуется такое же многочисленное и удалое казачество, какое прославило берега Урала. Вліяніе такого казачества на будущія судьбы Средней Азіи—неизмѣримо". 1852 г.

P. S. Съ основаніемъ сильной русской колоніи на Сырѣ, степныя укрѣпленія, въ томъ числѣ даже и Аральское, окажутся совершенно ненужными и могутъ быть упразднены.

2) Записка объ огражденіи ямщиковъ Киргизовъ отъ произвола проѣзжающихъ.

„Требуя отъ Киргизовъ, взявшихся за содержаніе почтовыхъ станцій

въ степи, чтобы они исполняли свои обязанности согласно съ контрактомъ: кормили лошадей зерновымъ фуражемъ, имѣли исправную упряжь и прочныя, помѣстительныя телѣги, ямщиковъ держали привычныхъ къ дѣлу, и такъ далѣе,—слѣдуетъ наблюдать съ другой стороны, чтобы и проѣзжающіе не дѣлали ихъ жертвами своего произвола: не загоняли лошадей, требуя ѣзды скорѣе положеннаго, особенно въ случаѣ длинныхъ перегоновъ по песчаннымъ или топкимъ мѣстностямъ, не подвергали побоямъ ямщиковъ, не брали съ собою обременительныхъ тяжестей, и не садились по нѣскольку человѣкъ на одну телѣгу. И въ Россіи, гдѣ на каждой станціи есть смотрители или писаря, знакомые съ изданными правительствомъ правилами для проѣзжающихъ, послѣдніе позволяютъ себѣ нерѣдко нарушать эти правила: тѣмъ чаще должны быть случаи такого нарушенія въ степи, гдѣ почтосодержатели-Киргизы еще весьма плохо знаютъ, какъ обязанности свои такъ и права. Всего болѣе жалуются они на проѣзжающихъ Бухарцевъ: азіятцы эти, слѣдуя изъ Бухары въ Оренбургъ, или обратно, не довольствуются тѣмъ, что, благодаря заботамъ Правительства, могутъ теперь совершать половину пути своего по степи скоро и, относительно, удобно, и тутъ еще стремятся они выгадать что нибудь въ свою пользу на счетъ Киргизовъ: на одну пароконную телѣгу садятся по три, по четыре человѣка, да, сверхъ того, берутъ съ собою клади до 20 и болѣе пудовъ. Когда почтосодержатели представляютъ имъ, что для такого числа людей и количества клади надо брать не одну, а двѣ пароконныя подводы, Бухарцы бранятся, дерутся и, утверждая что почты въ степи для нихъ именно и устроены, грозятъ жаловаться начальству. Опасаясь этихъ жалобъ, ибо кляузничество Бухарцевъ хорошо извѣстно Киргизамъ, послѣдніе уступаютъ, и такимъ образомъ истощая силы почтовыхъ лошадей, подвергаются ущербу.

Въ устраненіи такого образа дѣйствій Бухарцевъ, можно было бы принять слѣдующія мѣры:

1. Въ подорожныхъ и открытыхъ листахъ выдаваемыхъ имъ въ Орскѣ и Уральскомъ укрѣпленіи означать, что на пароконную телѣгу можетъ садиться не болѣе двухъ человѣкъ съ 10 пудами клади; за лишняго же человѣка или большее количество клади должна быть припрягаема третья лошадь; а четверо пассажировъ обязываются брать не менѣе двухъ пароконныхъ подводъ.

2. Станціонныхъ смотрителей въ Орскѣ и Уральскомъ укрѣпленіи обязать чтобы, отправляя Бухарцевъ со станціи, они строго наблюдали за исполненіемъ этого правила, ни подъ какимъ видомъ не допуская на пароконную или троечную подводу болѣе означеннаго числа пассажировъ и клади.

3. Почтосодержателей на промежуточныхъ станціяхъ повѣстить, что они должны давать проѣзжающимъ Бухарцамъ непремѣнно такое число лошадей, на какомъ прибыли они съ сосѣдней станціи: это ради безграмот-

ности почтосодержателей, не могущихъ прочесть что написано въ подорожномъ или открытомъ листѣ.

Правила эти, если признается полезнымъ, можно было бы распространить, сверхъ Бухарцевъ, и на всѣхъ прочихъ проѣзжихъ.

1859 г.

3) Записка о необходимости для Россіи укрѣпиться на юговосточномъ берегу Каспійскаго моря.

„Необходимость для Россіи укрѣпиться на юго-восточномъ берегу Каспійскаго моря, занимаемомъ туркменскими кочевьями, и потому подчинить себѣ болѣе или менѣе береговыхъ Туркменъ, не разъ уже, впрочемъ, добровольно присягавшихъ на русское подданство, есть необходимость издавна признаваемая всѣми, кто обращалъ на предметъ этотъ серьезное вниманіе, а въ послѣднее время ставшая аксіомою и для Кавказскаго и для Оренбургскаго начальства. Причины этой необходимости, и возможная отъ того польза изложены весьма удовлетворительно въ запискѣ объ этомъ колл. асессора Галкина. Остается разсмотрѣть только, съ которой стороны удобнѣе произвести занятіе юго-восточнаго берега Каспія: со стороны ли Оренбургскаго вѣдомства, въ вѣдѣніи котораго берегъ этотъ считался доселѣ, или со стороны Кавказскаго, къ которому онъ гораздо ближе, нежели къ Оренбургскому.

Въ военномъ отношеніи, удобства къ дѣйствіямъ на юго-восточномъ побережьѣ Каспія, представляющіяся для Кавказскаго начальства въ сравненіи съ Оренбургскимъ, таковы, что бросаются въ глаза съ перваго взгляда. Не мое дѣло также разбирать и то, какое и въ чемъ можетъ быть оказано Оренбургскимъ начальствомъ содѣйствіе войскамъ Кавказскаго корпуса при возведеніи имъ укрѣпленій въ Красноводскомъ-заливѣ и другихъ пунктахъ означеннаго берега, равно-какъ и при рекогносцировкахъ оттуда вглубь Туркменской степи. Вопросъ о занятіи юго-восточнаго побережья Каспія разсмотрѣнъ будетъ здѣсь лишь въ политическихъ и административныхъ его послѣдствіяхъ, если занятіе это произведено будетъ изъ Закавказья.

Первымъ послѣдствіемъ этого будетъ поступленіе Туркменъ, считавшихся доселѣ въ зависимости, хотя и номинальной только, отъ Оренбурга, подъ управленіе Кавказскаго начальства. Доселѣ, между туркменскими и киргизскими кочевьями не было никакой раздѣльной черты: съ поступленіемъ Туркменъ въ вѣдомство постороннее тому, отъ котораго зависятъ Киргизы, необходимо провести эту черту. Должно, разумѣется, сдѣлать это придерживаясь по-возможности естественныхъ границъ, если таковыя представляются, а онѣ есть. Это—окраина (по Киргизски *чинкъ*) плоской возвышенности Усть-Урта повсюду болѣе или менѣе круто воздымающейся изъ равнинъ Арало-Каспійской впадины. Туркмены на Усть-Уртѣ не кочуютъ, и потому эта безплодная степь должна быть предоставлена въ исключитель-

ное пользованіе Киргизовъ. Сверхъ этого, къ западу отъ Усть-Урта, Киргизы занимаютъ своими кочевьями весь полуостровъ Бузачи, и большую часть Мангышлацкаго полуострова. Туркмены, и въ самомъ незначительномъ числѣ семей, живутъ лишь въ юго-западной части этого полуострова. Провести здѣсь раздѣльную черту между ихъ и киргизскими кочевьями трудно. Лучше оставить этихъ Туркменовъ въ Оренбургскомъ вѣдомствѣ, дозволивъ имъ, впрочемъ, выселиться съ полуострова, и откочевать далѣе на югъ если бы они нашли это выгоднымъ для себя, что весьма сомнительно. Засимъ, по несуществованію рѣзкихъ естественныхъ граней, которыя-бы отдѣляли Мангышлакъ отъ равнины, простирающейся къ югу отъ него, и съ запада окаймленной Каспійскимъ моремъ, а къ востоку упирающейся въ Усть-Уртъ, равнины, начиная съ Кендерлинскаго залива обитаемой уже Туркменами, то черту раздѣла между Мангышлацкимъ полуостровомъ и этою равниною (индѣ прорѣзываемою, впрочемъ, цѣпями небольшихъ возвышеній) можно провести въ направленіи отъ мыса Токмакъ (на Мангышлакѣ) къ западному чинку Усть-Урта, черезъ озеро Каунды и пески Тюн-Су. Точное опредѣленіе этой границы между землями, остающимися подъ Оренбургскимъ управленіемъ и тѣми, которыя отойдутъ въ Кавказское, можетъ быть возложено на особую комиссію изъ нѣсколькихъ гражданскихъ и военныхъ чиновниковъ обоихъ вѣдомствъ.

По разграниченіи такимъ образомъ Туркменъ съ Киргизами, для разбора взаимныхъ претензій между ними, и отвращенія враждебныхъ дѣйствій между обоими племенами, легко могущихъ возникать на протяженіи границъ почти въ тысячу верстъ (отъ мыса Токмакъ на Мангышлакѣ до Акъ-Чеганакскаго залива въ Айбугирѣ), въ укрѣпленіе, имѣющее быть возведеннымъ въ Красноводскомъ заливѣ, долженъ быть назначенъ со стороны Оренбургскаго вѣдомства въ родѣ депутата или коммисара отъ сего-послѣдняго особый гражданскій чиновникъ, который, находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Оренбургскою пограничною коммисіею и султаномъ-правителемъ западной части степи, дѣйствовалъ-бы въ означенномъ смыслѣ совмѣстно съ чинами того надъ Туркменами управленія, которое учреждено будетъ Кавказскимъ вѣдомствомъ.

Укрѣпленіе Новоалександровское, въ военномъ отношеніи и теперь не имѣющее почти никакого значенія, съ возведеніемъ укрѣпленія въ Красноводскѣ, потеряетъ послѣдній свой смыслъ; а какъ оно не имѣетъ и административнаго значенія, то должно быть упразднено.

Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, необходимо будетъ привести въ исполненіе давнишнее предположеніе о переносѣ ставки правителя западной части степи съ Оренбургской линіи на устье Эмбы въ урочище Исень-Берды или другой пунктъ, но такой, изъ котораго правитель съ отрядомъ своимъ могъ-бы дѣйствовать съ нѣкоторымъ удобствомъ въ отношеніи Киргизовъ Адаевскаго рода, располагающихся зимовками по Усть-Урту, на Бузачи и Мангышлакѣ.

Съ переходомъ юго-восточнаго берега Каспія въ Кавказское завѣдываніе, къ Кавказскому же управленію перейдетъ естественно и осуществленіе того историческаго движенія Россіи, въ долину Аму-Дарьи, которое, съ основанія Оренбургской линіи, считалось принадлежностію Оренбургскаго вѣдомства и должно было совершаться черезъ Аральское море или съ Сыръ-Дарьи.

Вслѣдствіе этого: во-первыхъ—всякія дипломатическія сношенія съ Хивинскимъ правительствомъ, съ нашей-ли стороны шла бы иниціатива или Хивинцы находили бы нужнымъ вступить въ объясненія или послать посольство въ Россію, должны производиться уже исключительно черезъ посредство Кавказскаго, а не Оренбургскаго начальства, такъ какъ сношенія такого рода требуютъ единства характера и направленія, которое невозможно сохранить если подобныя сношенія будутъ производиться разными вѣдомствами. Во-вторыхъ—если-бы, въ видахъ обезпеченія безопастности торговаго судоходства нашего на Аму-Дарьѣ, признано было необходимымъ конвоировать торговыя суда наши военными, для этого должна быть заведена на Аму-Дарьѣ особая флотилія, совершенно отдѣльная отъ Сыръ-Дарьинской, такъ-какъ послѣдняя не можетъ служить удобно, и для рѣчнаго, и для морскаго плаванія (требующаго килевыхъ и глубоко-сидящихъ въ водѣ судовъ), не говоря уже о трудностяхъ прохода какъ изъ Сыра въ Аральское-море, такъ и изъ Аральскаго моря въ устья Аму по мелководію послѣднихъ и широкимъ барамъ какъ въ устьяхъ Аму, такъ и въ устьѣ Сыра.

Въ заключеніе, остается замѣтить, что по сосѣдству Закавказья съ Персіею, и особому положенію Кавказскаго Намѣстника, всякія объясненія съ Персіею, могущія возникнуть по поводу утвержденія русской власти на юго-восточномъ берегу Каспія, и дальнѣйшихъ въ Туркменской степи и долины Аму дѣйствій, несравненно удобнѣе вести со стороны Кавказскаго Намѣстника, нежели со стороны Оренбургскаго и Самарскаго генералъ губернатора». 1859—60 гг.

4) Записка Оренбургскому и Самарскому генералъ-губернатору о причинахъ неудовольствій Киргизовъ.

«Въ представленіи къ вашему высокопревосходительсту отъ 3-го минувшаго октября за № 8929, Областное Правленіе объяснило, между прочимъ, что при отмѣнѣ распоряженія покойнаго генералъ-губернатора графа Перовскаго о воспрещеніи проживать въ степи башкирскимъ мулламъ, оно не можетъ ручаться за спокойствіе оной, особенно въ настоящее голодное время и когда *тамъ есть другіе поводы къ неудовольствіямъ противу Правительства*. Впослѣдствіе сего, предложеніемъ отъ 21-го октября № 16, ваше высокопревосходительство изволили потребовать отъ Правленія, чтобы оно донесло вамъ: *какіе именно поводы имѣются въ виду его къ неудовольствію Киргизовъ противу Правительства, обнаруживается-ли это неудовольствіе, чѣмъ именно и въ какой степени?*

Въ исполненіи сего Областное Правленіе пріемлетъ честь доложить, что въ разныхъ частяхъ Области имѣются разные поводы къ неудовольствію, а именно:

А. *По Западной части.*

Главный и давній поводъ заключается въ томъ, что Уральское казачье Войско, не имѣя на то никакого законнаго права, единственно подъ предлогомъ недостатка въ сѣнокосныхъ мѣстахъ по правому берегу р. Урала, и тѣмъ еще, что Киргизы, сидя по лѣвому берегу этой рѣки, пугали-бы рыбу въ оной, заняло мало по малу, весь этотъ лѣвый берегъ, мѣстами верстъ на 8—10 вглубь степи, и хозяйничаетъ тамъ, какъ дома. Стѣсненные чрезъ это въ средствахъ къ существованію, прилинейные Киргизы Западной части должны нерѣдко покупать у казаковъ, и покупать дорогою цѣною, сѣно накошенное на землѣ, которую считаютъ они принадлежащею себѣ, и накошенное большею частію ихъ же собственными руками. Когда казаки продаютъ Киргизамъ сѣно, значитъ они могутъ обойтись безъ него. Это такъ просто, что Киргизы не могутъ не видѣть, что казаки пользуются сѣнокосомъ по лѣвому берегу безо всякой въ томъ (за исключеніемъ нѣкоторыхъ станицъ) нужды, и что это привиллегія для казаковъ въ ущербъ имъ Киргизамъ. Пока Киргизы, считаясь русскими подданными, на дѣлѣ враждовали съ линейнымъ казачествомъ, такое предпочтеніе Правительства въ пользу казаковъ могло казаться имъ естественнымъ; но съ тѣхъ поръ, какъ отношенія эти измѣнились, какъ Киргизы стали платить кибиточную подать и исполнять приказанія русскаго начальства, хозяйничанье казаковъ на киргизскомъ берегу Урала, помимо матеріальной отъ того невыгоды для Киргизовъ, стало представлятся имъ нравственнымъ оскорбленіемъ, тѣмъ болѣе, что Уральскіе казаки въ сношеніяхъ своихъ съ Киргизами, продолжаютъ смотрѣть на послѣднихъ не какъ на подданныхъ одного Царя съ ними, а какъ на враговъ.

Не далѣе какъ въ 1854 году нужно было еще особое ходатайство Областнаго Правленія объ удержаніи Уральскихъ казаковъ отъ убійства безо всякой нужды преслѣдуемыхъ ими за воровство Киргизовъ (представленіе отъ 7-го апрѣля 1854 года за № 6615), вслѣдствіе чего г. генералъ-адъютантомъ графомъ Перовскимъ сверхъ соотвѣтственныхъ по сему предмету распоряженій, дано было знать г. наказному атаману Уральскаго Войска (отъ 14-го мая того же года за № 713), что донесенія казачьяго начальства по такимъ случаямъ *не могъ онъ читать безъ особенно тягостнаго чувства омерзенія.*

Постоянное неудовольствіе Киргизовъ на Уральскихъ казаковъ за стѣснительное и обидное ихъ хозяйничанье на лѣвомъ берегу Урала выражалось не разъ жалобами въ Областное Правленіе и къ главному начальству Оренбургскаго края нынѣшнимъ лѣтомъ, во время пребыванія въ

С.-Петербургѣ посыланныхъ туда Киргизовъ Оренбургскаго вѣдомства, на вопросъ г. министра внутреннихъ дѣлъ не имѣютъ ли они какихъ просьбъ или жалобъ, правитель Западной части степи представилъ его высокопревосходительству, особую записку о стѣсненіяхъ, коимъ подвѣдомственные ему ордынцы подвергаются отъ казаковъ Уральскаго Войска. Въ текущемъ году это неудовольствіе на Уральцевъ, а чрезъ нихъ и на Правительство русское вообще, усилилось еще тѣмъ, что Киргизы, проживавшіе доселѣ на Уральскихъ земляхъ (не даромъ, а съ платою за то акциза въ пользу войсковыхъ доходовъ), были противу желанія своего, выселены оттуда, въ числѣ 1345, кибитокъ, на лѣвую сторону Урала, что естественно стѣснило нѣсколько старожиловъ, и безъ того не богатыхъ сѣнокосными и камышистыми угодьями, да не могло нравиться и самимъ выселенцамъ, которые даже за переправу чрезъ Уралъ,—переправлялись же они не по собственной волѣ, а по распоряженію Правительства,—должны были заплатить казакамъ огромныя деньги—болѣе десяти тысячъ рублей серебромъ [1]). Выселить съ войсковыхъ земель означенныя 1345 кибитокъ было, конечно, необходимо въ видахъ полицейскаго порядка, и начальство Уральскаго казачьяго войска, ходатайствуя объ этомъ, поступало совершенно законно; но не такъ представляютъ себѣ Киргизы, въ настоящемъ же случаѣ дѣло идетъ не о томъ, законно или нѣтъ распоряжается высшее начальство, а о томъ, какъ смотрятъ Киргизы на его распоряженія, какое впечатлѣніе производятъ на нихъ эти распоряженія.

Б. *По Средней части.*

Когда, въ 1855 году, взбунтовались Чиклинцы подъ предводительствомъ Исета Кутебарова, они, по убіеніи правителя Средней части полковника Араслана Джантюрина, бросились грабить прилинейныхъ Киргизовъ этой части, чѣмъ и возстановили ихъ противъ себя до такой степени, что при преслѣдованіи мятежническихъ Чиклинскихъ скопищъ русскими отрядами, прилинейные Киргизы эти явились ревностными нашими помощниками, и многіе изъ нихъ собственною гибелью запечатлѣли преданность свою рус-

---

[1]) При переправѣ Киргизовъ съ праваго на лѣвый берегъ Урала около Кожехаровскаго форпоста 10, 11, 13 и 14 мая, Киргизы платили за перевозъ: 10 мая по 1 р. 5 к. съ кибитки, 40 к. съ верблюда, 30 коп. съ рогатой скотины, по $5^1/_2$ к. ассиг. съ барана, а въ послѣдующіе дни съ кибитки по 1 р., съ верблюда по 20 к., съ рогатой скотины по 10 к. и съ барана по 2 к, сер. Объ этомъ доведено было Областнымъ Правленіемъ до свѣдѣнія г генералъ-адъютанта Катенина, отъ 28-го мая за № 4985.—Переправа при Сахарной крѣпости обошлась Киргизамъ въ 3000 р. сер. Объ этомъ донесено было его высокопревосходительству отъ 23-го іюня за № 5711.—За переправу при Кулагинской крѣпости уплачено было Киргизами болѣе 5000 р. сер. и донесено объ этомъ г. управляющему Оренбургскимъ пограничнымъ краемъ отъ 15-го мая за № 6181-мъ.

скому Правительству. Угоны скота у прилинейныхъ Таминцевъ и Джагалбалинцевъ приверженцами Исета продолжались и въ слѣдующихъ 1856 и 1857 годахъ (....).

В. *По Восточной части.*

Въ 1858 году оказалось нужнымъ для построекъ на Сыръ-Дарьинской линіи, вырубить въ Наурзумскомъ-бору и перевезти оттуда въ Оренбургское укрѣпленіе 1000 бревенъ извѣстныхъ размѣровъ. Вырубка и перевозка возложены были на Киргизовъ Восточной части, начальство которой донесло, что для степныхъ Киргизовъ операція эта недоступна, а прилинейные, желая показать усердіе свое и преданность начальству, берутся исполнить дѣло съ платою за вырубку и перевозку каждаго бревна по 2 руб. сер., хотя денегъ этихъ только-что достанетъ на смазку телѣгъ и на продовольствіе лошадей и рабочихъ въ оба пути, не говоря уже объ издержкахъ потребныхъ на упряжь (донесеніе правителя въ пограничную комиссію, отъ 10-го февраля 1858 года за № 197). Цѣна эта была утверждена, и прилинейные Киргизы вырубили и доставили къ назначенному сроку въ Оренбургское укрѣпленіе 1,100 бревенъ, потерпѣвъ на каждомъ бревнѣ до 8 р. сер. убытку, ибо по раскладкѣ на общества издержекъ участвовавшихъ въ рубкѣ и перевозкѣ, оказалось, что издержки эти простирались до 10 р. сер. съ бревна: все нужное для сказанной операціи: топоры, упряжь, телѣги, деготь, веревки и проч. Киргизы должны были покупать у прилинейныхъ жителей. О таковой тягости для киргизовъ отъ повинности, возложенной на нихъ въ видѣ добровольнаго подряда, управляющимъ Областію доведено было словесно до свѣдѣнія г. генералъ-губернатора, вслѣдствіе чего когда на 1859 годъ понадобилось для Сыръ-Дарьи опять 1065 бревенъ изъ Наурзумскаго-бора, подрядить прилинейныхъ Киргизовъ, для вывозки оттуда этого количества бревенъ до Оренбургскаго укрѣпленія, предписано было командированному для сего подполковнику Писареву безъ стѣсненія для ордынцевъ. Онъ нанялъ ихъ по 1 р. 28 к. съ бревна. Донося объ этомъ областному правленію (отъ 18-го іюля за № 827), правитель Восточной части объяснилъ, что прилинейные Киргизы взяли эту цѣну потому, что г. Писаревъ «отозвался отъ возможности дать болѣе объясненной платы», вслѣдствіе чего всѣ расходы по подряду, которые не покроются подрядною платою, разложены будутъ на общества прилинейныхъ дистанцій. Областное правленіе нашлось вынужденнымъ донести г. генералъ-губернатору (отъ 8-го августа за № 7704), что такого рода насильственные подряды, повторяясь ежегодно, могутъ поселить въ прилинейныхъ Киргизахъ Восточной части такое неудовольствіе на русское управленіе, которое можетъ при случаѣ выразиться весьма невыгоднымъ для Правительства образомъ. Г. Писареву сдѣланъ былъ запросъ по сему предмету, и онъ, отъ 26-го августа за № 81, объяснилъ, что «опасеніе на счетъ неудовольствія Киргизовъ и

вредныхъ отъ того послѣдствій, по мнѣнію его, совершенно неосновательно, потому что находясь почти три мѣсяца среди киргизскихъ ауловъ и видясь весьма часто съ самими подрядчиками на перевозку, онъ встрѣчалъ вездѣ одно только расположеніе и готовность услужить и съ удовольствіемъ исполнять все угодное Правительству; но что если сообразить все, чего стоитъ Киргизамъ перевозка бревенъ изъ Наурзума до Оренбургскаго укрѣпленія, то можно сказать утвердительно, что для частнаго человѣка Киргизъ не взялъ бы за перевозку лѣса даже по 15 р. сер. съ бревна». Заключеніе, что работа, за которую нельзя взять и 15 р., дѣлается съ удовольствіемъ и безъ обремененія за 1 р. 28 к. признано было уважительнымъ, о чемъ и объявлено правленію въ отношеніи начальника корпуснаго штаба, отъ 19-го сентября за № 5328. Правленіе, тѣмъ не менѣе, продолжаетъ думать, что прилинейные Киргизы Восточной части не могутъ быть довольны подобными подрядами, и если берутся за нихъ, то не иначе, какъ по принужденію мѣстнаго своего начальства, которое ищетъ выслужиться и изъ опасенія наказанія за неисполненіе воли начальства, сколь-бы ни была она для нихъ тягостна; и какъ всякому терпѣнію есть предѣлъ, то оно можетъ истощиться наконецъ и у означенныхъ Киргизовъ. Степные Киргизы той же Восточной части, на коихъ до настоящаго года лежала исключительно доставка бревенъ изъ Оренбургскаго укрѣпленія до Сыръ-Дарьи (на верблюдахъ) также весьма тяготятся этою повинностію, хотя она гораздо легче для нихъ; чтобъ избавиться отъ этой тягости, часть Алтынскаго рода уже нѣсколько лѣтъ тому откочевала въ предѣлы Средней части области, а по послѣднимъ свѣдѣніямъ собирается сдѣлать то же и остальная часть.

Изложивъ такимъ образомъ причины къ неудовольствію, имѣющіяся особо въ каждой части Области, должно сказать, что есть еще другія причины общія всѣмъ тремъ или только двумъ частямъ.

Къ послѣдней категоріи принадлежитъ неудовольствіе Киргизовъ Средней и Восточной частей, зимующихъ въ раіонѣ Новой линіи. Раіонъ этотъ, заключающій въ себѣ болѣе 4-хъ милліоновъ десятинъ, отрѣзанъ отъ Киргизской степи и отданъ подъ оренбургское казачье войско въ 1835 году. Киргизамъ, проживавшимъ дотолѣ на этомъ пространствѣ въ числѣ 10—12 тысячъ кибитокъ, дозволено имѣть здѣсь зимовки (кочуя лѣтомъ внѣ предѣловъ Новой линіи), но съ тѣмъ, чтобы они, при возможности выдворяемы были постепенно въ степь. Возможность эта представляется въ весьма малой степени. Между тѣмъ, съ усиленіемъ народонаселенія въ оренбургскомъ войскѣ образуются безпрестанно въ раіонѣ новыя казачьи поселенія, вслѣдствіе чего земли, отведенныя Киргизамъ, уменьшаются въ количествѣ съ году на годъ, и Киргизы съ году на годъ стѣсняются въ средствахъ къ существованію. Такое положеніе вещей не можетъ не возбуждать въ нихъ чувства неудовольствія, тѣмъ болѣе, что казаки, какъ хозяева раіона, обираютъ ихъ еще по поводу потравъ и другихъ удобныхъ случаевъ.

Изъ общихъ Киргизамъ всѣхъ трехъ частей области причинъ къ неудовольствію, главною представляются стѣсненія, коимъ подвергаются они при зимней тебеневкѣ скота своего на казачьихъ земляхъ по линіи. Недостатокъ по лѣвую сторону р. Урала въ угодьяхъ удобныхъ для такой тебеневки принуждаетъ Киргизовъ значительную часть скота своего перегонять къ зимѣ на правую ея сторону въ казачьи дачи. Это необходимо для Киргизовъ даже въ года урожайные на травы въ степи, тѣмъ болѣе при лѣтнихъ засухахъ или суровыхъ зимахъ. Такой перепускъ киргизскаго скота не только не составляетъ для уральскаго и оренбургскаго казачьихъ войскъ ни малѣйшаго обремененія (скотъ киргизскій тебенюетъ на мѣстахъ выкошенныхъ лѣтомъ и зимою ни для чего казакамъ не нужныхъ), но является источникомъ значительнаго дохода какъ для войсковыхъ, такъ (по оренбургскому войску) и для станичныхъ капиталовъ, ибо за дозволеніе перепуска Киргизы платятъ позимно или помѣсячно значительный акцизъ. Акцизъ этотъ не вездѣ и не всегда одинаковъ. Наименѣе обременителенъ онъ по Уральскому войску, гдѣ допускъ Киргизовъ на тебеневку зависитъ отъ наказнаго атамана, и акцизъ одинаковъ по всему протяженію уральской линіи. Не то по оренбургской: здѣсь допускъ зависитъ отъ станичныхъ обществъ и чѣмъ настоятельнѣе нужда Киргизовъ въ тебеневкѣ на внутреннихъ дачахъ, тѣмъ требовательнѣе и капризнѣе показываютъ себя казаки, то не дозволяя къ перепуску того или другаго рода скота, то устанавливая акцизную плату на одинъ мѣсяцъ или другой срокъ и возвышая ее по истеченіи срока, иногда нѣсколько разъ въ зиму, причемъ, чтобы получить согласіе общества на перепускъ скота въ его дачи, нужно еще покланяться вліятельнѣйшимъ казакамъ и угостить ихъ. Надо быть въ такомъ безысходномъ положеніи, въ какомъ нерѣдко бываютъ Киргизы зимою, чтобы выносить терпѣливо подобныя отношенія къ нимъ оренбургскихъ казаковъ; между тѣмъ Киргизы видятъ, что нужными и ненужными казакамъ угодьями степи послѣдніе пользуются безплатно и, мало того, распоряжаются ими какъ хозяева. Такъ уральскіе казаки нужную имъ соль добываютъ въ киргизскихъ соляныхъ озерахъ, а оренбургскіе въ степныхъ же озерахъ ловятъ рыбу и даже отдаютъ эти озера на откупъ. Въ послѣднее время войсковое правленіе распорядилось отдать на откупъ даже рыболовство по р. Ори, съ воспрещеніемъ онаго Киргизамъ, на что не имѣло уже и тѣни права. О пользованіи казаковъ сѣнокосомъ по лѣвому берегу Урала, когда Киргизы сами крайне нуждаются въ сѣнокосныхъ мѣстахъ, упомянуто выше. Такая противуположность въ дѣйствіяхъ правительства относительно казаковъ и Киргизовъ, противуположность ощутительная для каждаго прилинейнаго Киргиза, на каждомъ шагу естественно представляется имъ несправедливостію и вызываетъ постоянное неудовольствіе, увеличивающееся въ голодные годы, каковъ нынѣшній.

Наконецъ, зажиточнѣйшіе и потому вліятельнѣйшіе люди въ степи,

которые познакомились уже съ удобствами осѣдлой жизни и желали бы примѣнить ихъ по возможности къ своему быту, не могутъ не находить стѣснительнымъ для себя дѣйствующее доселѣ воспрещеніе осѣдлостію близь линіи, то-есть строить для себя дома съ хозяйственными принадлежностями. Воспрещеніе Киргизамъ заниматься земледѣліемъ близь линіи дѣйствовало бы на нихъ еще неблагопріятнѣе, потому что отъ него терпѣли бы не только богатые, но и бѣдные, но оно не производитъ этого эффекта, потому что не соблюдается въ дѣйствительности по невозможности слѣдить за нарушителями этого воспрещенія, тогда какъ лѣсъ для постройки домовъ нужно пріобрѣтать съ линіи, а это не можетъ дѣлаться скрытно. Во вниманіе къ измѣнившимся много противу прежняго обстоятельствамъ въ степи, управляющій Областью, отъ 13-го марта 1858 года за № 38, входилъ съ представленіемъ къ г. генералъ-адъютанту Катенину, о снятіи означеннаго запрещенія для Киргизовъ заводиться постоянными жилищами; послѣдствія этого ходатайства областному правленію неизвѣстны.

Изъ вышеизложеннаго ваше высокопревосходительство изволите усмотрѣть, что причинъ къ неудовольствію противу правительства и причинъ большею частію основательныхъ, имѣется въ степи не мало; что о причинахъ этихъ высшее начальство было извѣстно, какъ изъ жалобъ къ нему непосредственно отъ самихъ Киргизовъ; такъ изъ донесеній областнаго правленія и управляющаго Областью; и что неудовольствіе, о которомъ идетъ рѣчь, выражалось иногда даже и въ фактахъ. По поводу послѣдняго обстоятельства областное правленіе обязанностію своею считаетъ присовокупить: 1) что опасаясь отвѣтственности предъ начальствомъ за поведеніе подчиненныхъ своихъ, степныя власти не только стараются не допускать ихъ до выраженія неудовольствія, но скрываютъ и самое существованіе его, отзываясь при всякомъ удобномъ случаѣ, что вездѣ спокойствіе, тишина и довольство (......). 2) что когда неудовольствіе какого-либо населенія станетъ изъ чувства переходить въ дѣло, станетъ обнаруживаться не глухимъ ропотомъ, а фактами, тогда, по убѣжденію правленія, лѣчить зло уже поздно, почему забота разумной администраціи должна заключаться не въ томъ, чтобы видѣть зло, когда его нельзя уже не видѣть, а въ томъ, чтобы замѣчать его и не допускать до развитія, когда оно еще въ зародышѣ; 3) а какъ въ магометанскихъ населеніяхъ искру въ трутъ, отъ которой онъ и вспыхиваетъ, первые бросаютъ всегда муллы,—безъ участія муллъ не обошлось и въ степи, какъ бунтъ Чиклинцевъ въ 1855 году на Эмбѣ, такъ и бунтъ Джанъ-Ходжи въ 1856 году на Сыръ-Дарьѣ,—то правленіе и признало долгомъ своимъ, энергически ходатайствовать предъ вашимъ высокопревосходительствомъ, въ представленіи своемъ за № 8929, о недопущеніи увеличиваться въ степи этому вредному классу приливомъ его изъ Башкиріи».

17-го ноября 1860 г.

5) Записка Григорьева Оренбургскому и Самарскому генералъ-губернатору по поводу сыновей султана Кенисары Касимова.

«Предложеніемъ отъ 5 сего апрѣля за № 342, ваше высокопревосходительство изволили дать знать Областному Правленію, къ свѣдѣнію, что сыновья извѣстнаго султана Кенисары Тайчикъ и Ахметъ, выбѣжавъ изъ коканскихъ предѣловъ въ числѣ 37 кибитокъ, просили о принятіи ихъ въ подданство Россіи, что г. командующимъ Сыръ-Дарьинскою линіею и разрѣшено имъ, съ дозволеніемъ прикочевать на Сыръ-Дарью, и что изъ коканскихъ же предѣловъ прикочевалъ въ окрестности форта Перовскій, съ тремя кибитками, султанъ Иса Сарыджановъ, съ намѣреніемъ остаться въ подданствѣ Россіи.

Обстоятельства эти и приняты Правленіемъ, какъ предложено ему, къ свѣдѣнію; я-же считаю долгомъ службы доложить вашему высокопревосходительству по этому случаю, что принятіе въ предѣлы наши и подданство людей подобныхъ Тайчику Кенисарыеву и ихъ приверженцамъ считаю я дѣломъ не только неполезнымъ для насъ, но крайне вреднымъ, по слѣдующимъ уваженіямъ: 1) степь Киргизовъ Оренбургскаго вѣдомства, какъ извѣстно вашему высокопревосходительству, не смотря на обширность свою, такъ бѣдна угодьями, удобными для кочеванія, что и настоящее ея народонаселеніе затрудняется въ средствахъ къ поддержанію своего скотоводства, и недостатокъ этихъ средствъ составляетъ въ настоящее время главный источникъ происходящихъ между Киргизами тяжебъ, ссоръ и убійствъ. Какъ мало пространствъ удобныхъ для скотоводства и даже для земледѣлія представляется въ особенности на Сыръ-Дарьѣ, должно заключать изъ усилій завести земледѣліе по Яны-Дарьѣ, съ огромными для того со стороны правительства издержками. Въ такомъ положеніи дѣлъ, усиливать народонаселеніе степи, и безъ того быстро умножающееся, допускомъ въ предѣлы наши выходцевъ изъ сосѣднихъ Средне-азіатскихъ владѣній значитъ, по мнѣнію моему, стѣснять старожиловъ степи, безо всякой въ томъ нужды, и добровольно увеличивать между Киргизами поводы къ враждѣ и преступленіямъ. Было, конечно, время, когда привлеченіе какихъ-бы то ни было людей на незаселенныя пустыри Имперіи считалось дѣломъ полезнымъ для государства; но время это давно уже прошло, и слѣдовать старой системѣ теперь, когда обстоятельства перемѣнились до того, что человѣкъ не цѣнится почти ни во что, а дорога стала земля, значило-бы дѣйствовать не въ пользу, а во вредъ общему благу; 2) можно-бы еще было допускать усиленіе степнаго народонаселенія приливомъ къ оному извнѣ такихъ людей, которые-бы приносили съ собою элементы порядка и благосостоянія, неизвѣстные самимъ старожиламъ, подобно тому какъ допускаются внутрь Имперіи колонисты изъ западной Европы, превосходящіе русское ея населеніе и привычкою къ труду и бережливости, и знаніемъ сельскаго хозяйства; выходцы же изъ коканскихъ

и хивинскихъ предѣловъ, привыкшіе тамъ къ грабежамъ, жестокости, насилію, самоуправству, не только не приносятъ съ собою въ нашу степь ничего хорошаго, но еще портятъ и сбиваютъ съ толку нашихъ Киргизовъ, болѣе или менѣе смягченныхъ уже вліяніемъ русскаго управленія и торговыхъ съ нами сношеній; 3) охотное принятіе въ подданство такихъ людей, какъ Тайчикъ и его приверженцы, которые постоянно враждовали Россіи, нанося всевозможный вредъ тѣмъ Киргизамъ, которые оставались намъ вѣрны, и стѣсненіе послѣднихъ въ кочевыхъ мѣстахъ, для надѣла оными подобныхъ выходцевъ, представляется дѣломъ неразсчетливымъ и въ политическомъ отношеніи, ибо оскорбляя старожиловъ и охлаждая ихъ къ правительству, поощряетъ въ то-же время сосѣднихъ коканскихъ и хивинскихъ Киргизовъ, знающихъ что съ нами всегда можно помириться и быть принятыми нашимъ начальствомъ съ распростертыми объятіями, грабить и злодѣйствовать въ нашихъ предѣлахъ, когда они находятъ это выгоднымъ для себя и возможнымъ; 4) наконецъ, многочисленные примѣры прошлаго времени свидѣтельствуютъ, что подобные выходцы являются въ наши предѣлы и просятъ подданства вовсе не съ намѣреніемъ оставаться у насъ въ зависимости, а потому только, что поссорились по чему-либо съ коканскимъ или хивинскимъ правительствомъ, и затѣмъ, когда помирятся опять съ Коканцами или Хивинцами, откочевываютъ обратно къ нимъ, ограбивъ при этомъ случаѣ нашихъ Киргизовъ, между коими были поселены. Можно поэтому ожидать, что Тайчикъ и Сарыджановъ съ ихъ приверженцами останутся на Сырѣ весьма недолго и, при первомъ удобномъ случаѣ, уберутся въ коканскіе предѣлы, пощечившись порядкомъ насчетъ нашихъ сыръ-дарьинскихъ Киргизовъ.

Представляя о вышеизложенномъ на благоусмотрѣніе вашего высокопревосходительства, какъ объ общей мѣрѣ, не излишнимъ считаю присовокупить, что въ настоящихъ обстоятельствахъ, когда Коканцы замышляютъ что-то противу насъ на Сыръ-Дарьѣ, Тайчикъ и Сарыджановъ кажутся мнѣ шпіонами Коканцевъ, явившимися къ намъ для развѣдыванія о нашихъ силахъ, дѣйствіяхъ и приготовленіяхъ, и для содѣйствія Коканцамъ, въ случаѣ нападенія ихъ на укрѣпленныя линіи, или, по крайней мѣрѣ, на Киргизовъ нашихъ, въ раіонѣ ея кочующихъ».

15-го апрѣля 1861 г.

6) Записка Григорьева исправляющему должность Оренб. и Самар. ген.-губернатора о колонизаціи на Сыръ-Дарьѣ.

«Вслѣдствіе предложенія вашего пр-ства отъ 22 сего февраля за № 171, о представленіи мнѣнія моего по вопросу объ отводѣ земель на Сыръ-Дарьѣ въ частную собственность, съ цѣлію развитія тамъ хлѣбопашества,—вопроса возникшаго вслѣдствіе записокъ объ этомъ предметѣ подполковниковъ Дамича и Михайлова—честь имѣю доложить:

I. Что колонизацію береговъ Сыра русскими выселенцами считаю я рѣшительно невозножною при томъ хозяйствѣ, къ которому русскій человѣкъ, крестьянинъ или казакъ, привыкъ у себя дома. Другаго земледѣлія, кромѣ поливнаго, не можетъ быть на Сырѣ, а оно сопряжено съ такими трудами, которые русскому земледѣльцу покажутся каторжною работою: кто же захочетъ идти добровольно на каторгу, или, разъ почему либо забравшись на Сыръ, нести тамъ такіе труды, когда можетъ добыть себѣ средства существованія легчайшимъ образомъ? Вслѣдствіе этой непривычки къ поливному земледѣлію и тягости работъ, съ нимъ сопряженныхъ, всякія попытки колонизировать берега Сыра русскими выходцами, будь это казаки изъ Оренбургскаго края или отставные солдаты изъ сыръ-дарьинскихъ гарнизоновъ, будутъ оканчиваться неизбѣжно тѣмъ же результатомъ, какой полученъ доселѣ отъ казачьяго поселенія при бывшемъ Аральскомъ укрѣпленіи (переведеннаго потомъ подъ Казалинскій фортъ): поселенцы-казаки оказываются постоянно недовольны отводимыми имъ подъ пашни мѣстами, просятъ безпрестанно новыхъ и небрегутъ земледѣліемъ, а промышляютъ извозомъ и мелочнымъ торгашествомъ съ Киргизами. Точно также будутъ вести себя и всякіе русскіе переселенцы на Сырѣ, слѣдовательно развитія тамъ земледѣлія нельзя ожидать отъ нихъ, а если нельзя, то къ чему же и стремиться къ невозможному или неудободостижимому. Долженъ же опытъ служить къ чему-нибудь, и странно, видя на дѣлѣ постоянно одинъ и тотъ же результатъ, предаваться въ проектахъ надеждамъ прямо противуположнымъ дознанному опытомъ. Я совершенно согласенъ съ утвержденіемъ г. Осмоловскаго что поселеніе русскихъ земледѣльцевъ на Сырѣ не только не развиваетъ тамъ хлѣбопашества, но препятствуетъ ему развиваться и между Киргизами.

II. Итакъ, по убѣжденію моему, основанному на вышеизложенныхъ данныхъ, развитіе на Сырѣ, посредствомъ *русскихъ колонистовъ*, земледѣлія, то-есть производства зерновыхъ хлѣбовъ и вообще хлѣбныхъ растеній, положительно неосуществимо, и при всѣхъ къ тому попыткахъ будетъ вводить казну только въ убытки. Но совершенно другаго мнѣнія держусь я о томъ же предметѣ, т. е. о возможности усиленія, на Сырѣ собственно и по рукавамъ его Кувану и Яны-Дарьѣ, производства хлѣбныхъ растеній, если дѣло это останется тамъ при извѣстныхъ условіяхъ, которыя изложены ниже, за *Киргизами* и *Каракалпаками.* Киргизы и Каракалпаки привыкли уже къ поливному земледѣлію и тяжкимъ трудамъ съ нимъ сопряженнымъ, они и не понимаютъ даже, какъ можетъ быть иначе, видя тоже самое у всѣхъ азіатскихъ сосѣдей своихъ, и въ Хивѣ, и въ Бухарѣ, и въ Коканѣ, а потому и не тяготятся тѣмъ, что для русскихъ составляетъ мученье; устраивать плотины, проводить канавы дѣло для нихъ знакомое, и которое дѣлаютъ они притомъ, по исконной къ нему привычкѣ, съ такимъ умѣньемъ, до котораго русскимъ людямъ быть можетъ никогда не дойти.

Умѣютъ они также обходиться безъ лѣса, что для русскаго человѣка крайне трудно, и умѣютъ обращаться съ камышомъ такъ, что онъ замѣняетъ имъ и лѣсину, и веревку, и гвоздь, и что угодно. Знакома имъ и канальная полиція — предметъ, о существованіи котораго русская администрація даже и не подозрѣваетъ. При этихъ условіяхъ и привычкѣ довольствоваться малымъ, Киргизы и Каракалпаки составляютъ, на Сырѣ и его рукавахъ, населеніе отлично способное къ землепашеству. Отчего-же эти люди производятъ до сихъ поръ такъ мало, что, вмѣсто того чтобы снабжать зерновымъ хлѣбомъ русскій горнизонъ на Сырѣ, еле сами могутъ пропитываться? По счету сыръ-дарьинскаго начальства, игинчей на Сырѣ и его рукавахъ насчитывается до четырехъ тысячъ кибитокъ: какъ же четыре тысячи землевладѣльцевъ по меньшей мѣрѣ не могутъ посѣять и сжать столько, чтобъ достало на продовольствіе мѣстныхъ русскихъ гарнизоновъ, численность коихъ также не превышаетъ четырехъ тысячъ душъ? Причиною этому странному явленію выставляютъ обыкновенно безплодіе береговъ Сыра, незначительность тамъ пространствъ, годныхъ къ обработкѣ, словомъ недостатокъ удобныхъ земель. Я не могу съ этимъ согласиться. Сколько я видѣлъ правый берегъ Сыра отъ Аральскаго-укрѣпленія до форта-Перовскій, на одномъ этомъ протяженіи, по мнѣнію моему, достаточно удобныхъ земель для того, чтобы прокормить народонаселеніе не только въ четыре а даже въ десять тысячъ семействъ, не говоря уже о полосѣ отъ форта-Перовскій до Джулека, которая считается удобнѣйшею, не говоря уже обо всемъ лѣвомъ берегѣ Сыра и удобныхъ пространствахъ по берегамъ Кувана и Яны-Дарьи. Причины означенному явленію, по моему разумѣнію, совершенно иныя. Начать съ того, что я не вѣрю, чтобы въ раіонѣ Сыръ-дарьинскаго управленія было до четырехъ тысячъ семействъ земледѣльчествующихъ Киргизовъ. По моимъ соображеніямъ, хорошо еслибы и двѣ тысячи набралось. Вотъ ужь на половину менѣе производителей хлѣба при томъ же числѣ потребителей. Вторая причина—что земледѣліе, при тяжкихъ трудахъ которыхъ требуетъ, является промысломъ невыгоднымъ въ сравненіи съ скотоводствомъ, вслѣдствіе чего каждый игинчи только и мечтаетъ о томъ, какъ-бы обзавестись скотомъ да промѣнять пашенную работу на лѣнивую жизнь пастуха, и каждый кому удается разжиться скотомъ, тотъ же часъ бросаетъ земледѣльческій промыселъ. Причина третья — частое, въ значительныхъ количествахъ, истребленіе посѣвовъ и жатвъ саранчею. Вслѣдствіе опустошеній, производимыхъ саранчею, игинчамъ нерѣдко приходится, не то что продавать избытки жатвъ своихъ, а голодать самимъ и потреблять на собственное продовольствіе даже то количество зеренъ, которое нужно было-бы оставить для посѣва: послѣдствіемъ является малая запашка, а слѣдовательно и малый сборъ. Въ-четвертыхъ, причиной той-же малой запашки бываетъ и неразсчетливость игинчей, которые, увлекаясь нерѣдко высокими

цѣнами предлагаемыми имъ за хлѣбъ, распродаютъ его въ такомъ количествѣ, что за собственнымъ потребленіемъ, опять не остается достаточно на сѣмена. Въ мѣстахъ подверженныхъ грабежамъ Коканцевъ или коканскихъ Киргизовъ препятствіемъ къ землепашеству служитъ еще опасеніе потравы или вытоптанія полей грабительскими шайками, отъ коего никакъ не избавиться земледѣльцу, тогда какъ скотоводъ, при первомъ слухѣ о движеніи непріятеля, можетъ откочевать въ безопасное мѣсто если не со всѣмъ, то хотя съ частію своего скота. Тоже преимущество на сторонѣ скотовода въ сравненіи съ землепашцемъ является и въ случаяхъ притѣсненій отъ мѣстныхъ властей, случаяхъ, къ сожалѣнію, весьма на Сырѣ обыкновенныхъ, вслѣдствіе послабленія дѣлаемаго тамъ вліятельнымъ ордынцамъ, съ цѣлію привлеченія ихъ къ Правительству: скотоводъ, недовольный своимъ старшиною, не задумается откочевать къ однородцамъ въ другія мѣста, а у земледѣльца нѣтъ средствъ откочевать, и онъ волею-неволею долженъ терпѣть притѣсненія и поборы старшихъ; но это не можетъ располагать его къ земледѣльческому промыслу. Въ окрестностяхъ Казалинскаго-форта, отвращаютъ Киргизовъ отъ земледѣлія, придирки къ нимъ и казачья жадность русскихъ поселенцевъ, которые готовы захватить у нихъ всѣ пространства удобныя для землепашества: придирки и жадность, которыя въ 1856 году и послужили главнымъ поводомъ къ возстанію туземнаго населенія подъ знаменемъ извѣстнаго Джанъ Ходжи. Наконецъ, говорятъ, случаются и распоряженія русскаго начальства на Сырѣ такого свойства, что не только не содѣйствуютъ развитію тамъ земледѣлія, но даже способны убить его, еслибы оно и процвѣтало. Такъ есть слухъ, что въ прошломъ году Сыръ-дарьинскимъ Киргизамъ воспрещено было провозить ячмень свой для продажи на базарахъ при укрѣпленіяхъ, съ тою цѣлію, чтобы удешевить для казны закупку этого зерна по ауламъ, такъ какъ на базарахъ русскіе и азіатскіе торгаши набивали на него цѣну. У насъ въ состояніи принимать подобныя мѣры, оправдывая ихъ пользою казны. Въ сущности казна никогда не выиграетъ отъ подобныхъ мѣръ; но если расположены прибѣгать къ нимъ, если лица принимающія ихъ не подвергаются за то взысканію, такъ нечего и хлопотать о развитіи на Сырѣ земледѣлія или промысловъ: при такихъ политико-экономическихъ понятіяхъ и соотвѣтственномъ имъ образѣ дѣйствій не только ничего не процвѣтетъ, а завянетъ и то, что еще держится.

Изъ сказаннаго видно, что для того чтобы двинуть впередъ земледѣліе въ раіонѣ Сыръ-дарьинскаго управленія нужны скорѣе отрицательныя, нежели положительныя мѣры. Нужно: а) устранить тамъ прежде всего, на сколько это возможно, злоупотребленія мѣстныхъ киргизскихъ властей, такъ чтобы жить было привольно не только достаточнымъ, но и бѣднымъ; б) не дозволять изъ усердія къ мнимымъ выгодамъ казны, распоряженій стѣсняющихъ свободу производителей располагать произведеніями своими, какъ

сами они признаютъ для себя выгоднѣе; в) русскимъ поселенцамъ подъ Казалинскимъ фортомъ пашенные и сѣнокосные участки отвести однажды навсегда, съ тѣмъ чтобъ они, если не захотятъ довольствоваться сдѣланнымъ отводомъ и поддерживать плодородіе своихъ пашень тѣми же способами какъ и Киргизы—убирались съ береговъ Сыра обратно за Оренбургскую линію, на свой счетъ, безо всякаго пособія отъ казны. И при этомъ пашни отвести имъ такъ, чтобы они не могли, сидя на устьяхъ канавъ, задерживать воду для орошенія киргизскихъ полей, и продавать ее Киргизамъ, не участвуя сверхъ того ни въ расчисткѣ канавъ, ни въ починкѣ плотинъ; г) чтобы избавиться по возможности отъ опустошеній саранчи отрождающейся на мѣстѣ, стараться истреблять сѣмена ея мѣрами указанными въ Сводѣ законовъ, если только мѣры эти могутъ имѣть приложеніе на Сырѣ; отвратить же бѣдствія производимыя саранчею налетною нѣтъ никакой возможности; д) завести во всѣхъ укрѣпленіяхъ по Сыру хорошо снабженные сѣменные магазины тѣхъ хлѣбовъ, воздѣлываніемъ которыхъ занимаются Киргизы на Сырѣ, и ссужать ихъ сѣменами передъ началомъ посѣвовъ въ достаточномъ количествѣ съ обязательствомъ возвращенія ссудъ немедленно послѣ жатвы; е) въ продовольствіи гарнизоновъ замѣнить ржаную муку пшеничною, а гречневую или полбенную крупу — пшеномъ, подобно тому какъ овесъ замѣняется уже ячменемъ, и принимать отъ Киргизовъ пшеницу, просо и ячмень, которые станутъ привозить они въ укрѣпленія, по тѣмъ цѣнамъ, въ какія обходится казнѣ заготовка ржаной муки, овса и гречневой крупы на Оренбургской линіи съ доставкою на Сыръ-дарьинскую, но съ вычетомъ изъ этихъ цѣнъ приходящагося по разсчету за помолъ. Само собою разумѣется, что если Киргизы найдутъ невыгоднымъ для себя продавать въ казну зерновой хлѣбъ свой даже по сказаннымъ цѣнамъ, то принуждать ихъ къ тому не слѣдуетъ никакими, ни прямыми, ни косвенными мѣрами; когда же предложеніе съ ихъ стороны будетъ превышать пропорцію продовольствія нужную для гарнизоновъ, цѣны на мѣстный хлѣбъ можно будетъ постепенно понижать; ж) устроить при укрѣпленіяхъ для перемола зерноваго хлѣба, покупаемаго у Киргизовъ, достаточное число водяныхъ и вѣтряныхъ мельницъ; устройство же паровыхъ мельницъ, при дороговизнѣ топлива на Сырѣ никоимъ образомъ не можетъ быть выгодно для казны; з) допустить продажу Киргизамъ изъ запасовъ укрѣпленій, по казенной цѣнѣ, желѣза (для земледѣльческихъ орудій) и лѣсу (для постройки чигирей); наконецъ і) ассигновать особый капиталъ для производства изъ онаго денежныхъ, за проценты, ссудъ киргизскимъ обществамъ, подъ круговое ручательство, на пріобрѣтеніе лѣса для постройки чигирей и мельницъ, и для обзаведенія земледѣльческими орудіями, которыхъ теперь нѣтъ у Киргизовъ, но которыя должны же современемъ облегчить нынѣшнюю ручную обработку пашенъ кетменемъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что если приняты будутъ вышеозначенныя мѣры,

Киргизы Сыръ-дарьинскіе усилятъ производство зерноваго хлѣба, и въ скоромъ времени дойдутъ до возможности снабжать Сыръ-дарьинскіе гарнизоны всею потребною для нихъ пропорціею продовольствія по умѣреннымъ цѣнамъ—подобно тому какъ Киргизы западной части Оренбургской области, недавно еще покупавшіе хлѣбъ съ Уральской линіи, въ нѣсколько лѣтъ развили у себя земледѣліе до того, что теперь сами снабжаютъ имъ эту линію.

III. Не считая возможнымъ развить на Сырѣ производство зерновыхъ хлѣбовъ руками русскихъ колонистовъ, я не отвергаю однакоже этимъ ни возможности, ни пользы плантаторскаго или фермерскаго тамъ русскаго хозяйства. Другими словами, русскіе люди съ предпріимчивостію, знаніемъ того дѣла, за которое принимаются, и достаточнымъ для осуществленія его капиталомъ, могли бы быть на Сырѣ весьма полезны, употребивъ капиталы свои на производство хлѣбныхъ и другихъ растеній (на разведеніе джугары, хлопчатника, марены и т. д.) посредствомъ вольнонаемныхъ работниковъ изъ Киргизовъ и другихъ азіатцевъ. Вопросъ заключается въ томъ только, можно ли подобнымъ предпринимателямъ отводить участки земли на Сырѣ административнымъ порядкомъ не только въ собственность, но даже и въ оброчное содержаніе на долгіе или короткіе сроки, тогда какъ всѣ земли, Киргизами занимаемыя, хотя и составляютъ государственную собственность, но собственность предоставленную въ исключительное пользованіе Киргизовъ. По моему мнѣнію вопросъ этотъ не можетъ быть рѣшенъ иначе какъ въ законодательномъ порядкѣ. Затѣмъ, по рѣшеніи этого вопроса въ означенномъ порядкѣ, и если дозволено будетъ отводить предпринимателямъ не изъ Киргизовъ отдѣльные участки для хозяйственныхъ производствъ, дѣлать такіе отводы слѣдуетъ не иначе, какъ съ ограниченіями, о коихъ упоминается въ мнѣніи генералъ-лейтенанта Дебу приложенномъ къ рапорту его отъ 23 декабря за № 1756, то-есть, чтобы участки отводимы были безъ стѣсненія для Киргизовъ, тамъ гдѣ нѣтъ еще устроенныхъ ими ирригаціонныхъ канавъ; и чтобы участокъ отбирался отъ предпринимателя если онъ въ теченіи трехъ лѣтъ не заведетъ на ономъ хозяйственныхъ помѣщеній и устройствъ, и не обратитъ хотя половины отведенной ему земли подъ посѣвъ зерновыхъ или корнеплодныхъ растеній, подъ садоводство или лѣсной питомникъ. Безъ подобныхъ ограниченій, участки будутъ требоваться не дѣльными и основательными промышленниками, а аферистами, которые отводимыя имъ земли будутъ попросту отдавать въ кортому либо Киргизамъ же, либо торговцамъ скотомъ изъ русскихъ, отъ чего не послѣдуетъ никакой пользы ни казнѣ, ни сельско-хозяйственному развитію края. Относительно сроковъ отдачи участковъ, я полагаю, что сроки эти должны быть долговременные, чтобы предприматель успѣлъ воротить съ прибылью капиталъ затраченный имъ на предпріятіе полезное не для него одного, а именно 25-лѣтніе. Платы за пользованіе участками я полагаю

не назначать никакой, чтобы облегчить и поощрить тѣмъ предпринимателей; но для отвращенія отъ дѣла безкапитальныхъ и неосновательныхъ аферистовъ, полагаю необходимымъ не ограничиваться отобраніемъ отъ таковыхъ отведенныхъ имъ участковъ, а взыскивать при этомъ съ нихъ еще и значительный денежный штрафъ. Что-же касается до величины участковъ, то опредѣленіе ихъ должно быть предоставлено соображенію мѣстнаго на Сырѣ начальства согласно съ мѣстными обстоятельствами, но величина эта ни въ какомъ случаѣ не должна превосходить 300—500 десятинъ—количества земли совершенно достаточнаго для всякаго рода плантацій. Вотъ, по мнѣнію моему, главныя основанія дѣла; прочія-же подробности могутъ быть опредѣлены по полученіи законодательнаго разрѣшенія на отдачу участковъ.

IV. Что же касается въ особенности до записокъ гг. Дамича и Михайлова, то я совершенно сосласенъ съ тѣми на нихъ замѣчаніями, которыя сдѣланы, относительно непрактичности или неосновательности заключающихся въ нихъ предположеній, гг. генералъ-лейтенантомъ Дебу и коллежскимъ совѣтникомъ Осмоловскимъ; не раздѣляю я только мнѣнія ихъ на счетъ существованія у Киргизовъ поземельной собственности. Оба смѣшиваютъ собственность съ владѣніемъ. Несомнѣнно, что каждый родъ киргизскій владѣетъ извѣстными участками, на которые не пуститъ чужеродцевъ, считая эти участки въ исключительномъ своемъ пользованіи, но это не собственность.

Представляя изложенныя соображенія, честь имѣю возвратить и приложенія къ предложенію вашего пр—ства за № 171».

2 марта 1862 г.

II.

Ревизія Областнаго правленія.

1) Запросъ ген. ад. Безака управляющему областью Оренбургскихъ Киргизовъ, по поводу ревизіи Областнаго Правленія. (4 ноября 1862 года).

«Разсмотрѣвъ представленный мнѣ отчетъ о произведенной особою комиссіею ревизіи Областнаго Правленія, и имѣя въ виду просьбу вашу объ увольненіи насъ въ отпускъ, дабы не задерживать васъ, признаю нужнымъ, прежде передачи этого отчета въ Областное Правленіе для доставленія противу онаго надлежащаго объясненія, просить ваше превосходительство, независимо тѣхъ подробностей, которыя будутъ затребованы мною отъ присутствія, доставить мнѣ нѣкоторыя свѣдѣнія для разъясненія обстоятельствъ извѣстныхъ вамъ какъ начальнику ввѣреннаго управленія.

Изъ означеннаго осмотра, между прочимъ оказывается:

1. Въ дѣлопроизводствѣ Областнаго Правленія открыто полное отсутствіе канцелярскаго порядка, и несоблюденіе предписанныхъ для этого закономъ формальностей. Несоблюденіе установленныхъ правилъ повлекли за собою съ одной стороны утрату бумагъ и даже слѣдственнаго объ арестантахъ дѣла, а съ другой необнаруженіе самимъ Правленіемъ подлоговъ, допущенныхъ по службѣ бывшимъ секретаремъ Правленія Казанцевымъ:

Принимая во вниманіе ст. 248 и 249 т. 2 ч. 1. и ст. 765 того же тома ч. 2. Св. зак. изд. 1857 г. долгомъ считаю просить васъ сообщить мнѣ, какія были принимаемы вами мѣры наблюденія для отвращенія безпорядка въ дѣлопроизводствѣ Правленія.

2. Ко времени ревизіи въ Областномъ Правленіи состояло дѣлъ собственно за симъ Правленіемъ 1337, не считая остановившихся въ производствѣ за посторонними мѣстами и лицами. Такое значительное накопленіе дѣлъ приводитъ къ двумъ предположеніямъ: или дѣятельности чиновъ служащихъ въ Областномъ Правленіи не было дано надлежащаго направленія, или что чины эти малоспособны къ исполненію своихъ служебныхъ обязанностей.

Какъ ст. 91, 92 и 99 т. 2 общ. губ. учрежд. наблюденіе за дѣятельностію всѣхъ чиновъ служащихъ въ присутовенномъ мѣстѣ возложено на Предсѣдателя, то не оставьте увѣдомить меня о причинахъ столь значительнаго накопленія дѣлъ и какія были принимаемы вами мѣры къ отвращенію сего, а равнымъ образомъ были ли вами принимаемы мѣры, согласно ст. 781 т. 2, ч. 2. Св. зак. учрежд. управ. Инородцами къ равномѣрному распредѣленію дѣлъ по Отдѣленіямъ и столамъ, если въ томъ настояла надобность.

3. Ст. 773 т. 2. учрежд. инород. управл. вмѣнено вамъ въ существенную обязанность смотрѣть неослабно, чтобы дѣла по всякимъ жалобамъ и искамъ Киргизовъ, а тѣмъ паче дѣла уголовныя получали скорѣйшее и, вмѣстѣ съ тѣмъ, правильное рѣшеніе. Между тѣмъ, не говоря уже о медленности вообще, доходящей до бездѣйствія, не могу не указать, что напримѣръ дѣла: а) объ утайкѣ мѣстными начальниками западной части области собранныхъ съ киргизовъ за кочеваніе денегъ и б) о бывшемъ лазутчикѣ при начальникѣ Оренбургскаго укрѣпленія Самратѣ Мамаевѣ, остаются въ правленіи безъ движенія первое въ продолженіи 18 лѣтъ, а второе въ теченіи 16 лѣтъ. Недоумѣвая о причинахъ такой медленности, буду ожидать разъясненія этого отъ вашего превосходительства, равно какъ и о мѣрахъ какія вами принимались къ устраненію замѣчаемой по дѣламъ уголовнымъ медленности.

4) Ревизіонная комиссія объяснила, что производство слѣдствій по уголовнымъ преступленіямъ идетъ весьма медленно; за рѣдкость встрѣчались случаи, гдѣ бы слѣдственное дѣло о происшествіи, соединенномъ съ преступленіемъ, было окончено прежде года, напротивъ весьма много слу-

чаевъ встрѣчено, что слѣдствія тянулись до десяти, а иногда даже и до 20 лѣтъ. Усматривая изъ того же отчета, что положенные по штату при Областномъ Правленіи пять чиновниковъ для производства слѣдствій въ степи заняты не относящимися до прямой ихъ обязанности дѣлами и не предполагая, чтобы замѣченное ревизіонною комиссіею отступленіе отъ законнаго порядка было постояннымъ, прошу васъ не оставить сообщить мнѣ: посылались ли вами означенные чиновники въ степь для производства слѣдствій и сколько они произвели таковыхъ? При семъ, если медленное производство уголовныхъ дѣлъ, по вашему мнѣнію, происходитъ отъ неудобопримѣнимости формальностей слѣдственнаго процесса къ кочевому быту ордынцевъ, то не было ли вами изыскано какихъ либо средствъ къ устраненію этихъ неудобствъ и въ такомъ случаѣ зачѣмъ остановилось исполненіе предложенія моего по сему предмету отъ 7-го августа 1861 года за № 2574-мъ.

5) Порядокъ принятый въ дѣлопроизводствѣ суднаго отдѣленія, заключающійся въ передачѣ просьбъ ордынцевъ на удостовѣреніе султанамъ правителямъ, безъ дальнѣйшаго наблюденія за удовлетвореніемъ истцовъ, привелъ ревизіонную комиссію къ убѣжденію въ безполезности дальнѣйшаго существованія сего отдѣленія. При этомъ, какъ видно изъ отчета, областное правленіе признаетъ за султанами правителями право распоряжаться по надѣленію Киргизъ поземельными угодьями безъ разрѣшенія Правленія. Не будучи убѣжденъ въ безъошибочности помянутаго заключенія ревизіонной комиссіи, какъ имѣвшей возможность ознакомиться преимущественно съ формальною стороною этого дѣла, признаю необходимымъ имѣть отъ вашего превосходительства положительныя данныя доказывающія, что судное отдѣленіе въ продолженіе вашего управленія степью выполняло обязанности судебной палаты, на сколько это возможно при современномъ развитіи гражданскаго быта Киргизъ. При чемъ не оставьте разъяснить основанія, по которымъ Областное Правленіе считаетъ законнымъ распредѣленіе земли принадлежащей государству, предоставить мѣстному ордынскому начальству.

6) По дѣлу о.дачѣ въ аулахъ подводъ мѣстнымъ начальникамъ, при разъѣздахъ ихъ для исполненія служебныхъ обязанностей, состоявшійся въ Областномъ Правленіи журналъ 6-го октября 1859 года по вашему приказанію оставленъ безъ исполненія, равно сдѣлано вами распоряженіе оставлять безъ послѣдствій и бумаги подобнаго рода. Имѣя въ виду, что симъ нарушены 282 и 794 — 795 ст. 2 т. общ. губ. учрежд., долгомъ считаю просить васъ увѣдомить меня, какія были къ сему побудительныя причины? Не менѣе сего необходимымъ признаю знать основанія, по которымъ ваше превосходительство, считали удобнымъ по нѣкоторымъ бумагамъ, прежде внесенія ихъ въ общее присутствіе, класть свои резолюціи, которыя могли стѣснять членовъ, въ предоставленномъ имъ закономъ свободномъ изъявле-

нія ихъ мнѣній (ст. 147 и 151 т. 2 губ. учрежд.). Какъ нарушеніе образа коллегіальнаго разсмотрѣнія дѣлъ въ Правленіи ревизіонною комиссіею замѣчено, что въ ономъ по заведенному порядку (въ противность 140—144 ст. 2 т. общ. губ. учрежд.) присутствующимъ не докладываются предварительно записки изъ разсмотрѣнныхъ дѣлъ, а прямо заготовляются приговоры, которые на бѣло переписанные, читаются и подписываются присутствующими. Посему не оставьте разъяснить мнѣ, почему былъ допущенъ подобный порядокъ рѣшенія дѣлъ и отчего онъ не былъ измѣненъ.

7) Относительно надзора Областнаго Правленія за дѣйствіями Попечителей и мѣстныхъ властей ревизіонная комиссія не встрѣтила ни одного примѣра, гдѣ бы дѣйствія попечителей подвергались контролю. Что же касается мѣстныхъ ордынскихъ властей, то примѣры, приведенные въ отчетѣ могутъ служить доказательствомъ равнодушія Областнаго Правленія, доходящаго до противузаконнаго бездѣйствія власти, такъ напримѣръ: а) по жалобѣ о противузаконныхъ поборахъ мѣстнаго начальника Кужакова въ маѣ 1856 года было предложено султану правителю западной части удостовѣриться въ справедливости и донести, но удостовѣреніе это до сего времени не сдѣлано; б) по дѣлу объ излишнихъ поборахъ мѣстнаго начальника Алабергенева требуется удостовѣреніе съ апрѣля 1854 года, и в) дѣло о противузаконныхъ сборахъ по 20 коп. сереб. съ кибитки мѣстнымъ начальникомъ Аймурзинымъ оставлено Правленіемъ безъ послѣдствій, по случаю показаній 71 человѣка объ оставленіи ими претензіи.

Вслѣдствіе такого указанія ревизіонной комиссіи, прошу ваше превосходительство увѣдомить меня о причинахъ заставившихъ Областное Правленіе не настаивать за скорѣйшимъ окончаніемъ означенныхъ дѣлъ, а также почему послѣднее прекращено мировою сдѣлкою, тогда какъ преступленія по должности не принадлежатъ къ разряду тѣхъ дѣлъ, кои могутъ быть прекращаемы подобнымъ образомъ.

8) Охраненіе спокойствія и тишины въ степи есть одна изъ главнѣйшихъ обязанностей Областнаго Правленія; однако Правленіе не всегда обращало должное вниманіе на лицъ, нарушавшихъ спокойствіе; такъ: мѣстные начальники противу Кылъ Аральскаго и Абиценскаго форпостовъ въ августѣ 1856 г. обвиняли Киргизъ Кирдаринскаго рода Сююнгалія Чалкина и Байбактинскаго рода Джадіяра Якупова въ распространеніи ложныхъ слуховъ и возмущеніи легковѣрныхъ жителей. Удостовѣреніе въ справедливости этихъ донесеній тогда же было поручено султану правителю западной части, но имъ до сего времени не донесено Правленію о томъ, что оказалось по удостовѣренію. Точно также поступлено было Правленіемъ и съ просьбою объ удаленіи изъ степи, за разныя подстрекательства, называвшаго себя Батырханомъ Шагимратовымъ, о чемъ не получено удостовѣренія отъ султана правителя съ 1858 года. Вслѣдствіе сего прошу ваше превосходительство донести мнѣ, почему на означенныя дѣла не было обращено

вниманія и вообще какія предупредительныя мѣры принимались вами, чтобы спокойствіе въ степи не было нарушено.

9) Принятіе всевозможныхъ предупредительныхъ мѣръ противу нарушенія спокойствія въ степи тѣмъ болѣе необходимо, что Областное Правленіе въ ноябрѣ 1860 года доносило миниртерству внутреннихъ дѣлъ и мнѣ, что оно опасается за спокойствіе въ степи, ибо Киргизы имѣютъ поводы къ неудовольствіямъ противу Правительства. Въ числѣ этихъ поводовъ Правленіе указывало на наемъ Киргизъ для перевозки въ степи казенныхъ тяжестей. Безъ сомнѣнія вслѣдствіе сего предметъ этотъ заслуживалъ особеннаго вниманія Областнаго Правленія; между тѣмъ, изъ ревизіоннаго отчета видно, что еще въ 1856 году былъ командированъ въ степь прапорщикъ Сейдалинъ 2-й, которому было, между прочимъ, поручено собрать свѣдѣнія о порядкѣ найма и изучить весь процессъ онаго. Сейдалинъ, представивъ въ Правленіе собранныя имъ свѣдѣнія, составилъ распредѣленіе сей повинности по родамъ, при которой наемка ежегодно до 5000 верблюдовъ не могла бы служить обремененіемъ Ордынцевъ. Областное Правленіе собранныя Сейдалинымъ свѣдѣнія передало султану правителю восточной части, для доставленія заключенія относительно достовѣрности сихъ свѣдѣній, и затѣмъ предметъ этотъ оставило совершенно безъ вниманія и только по случаю подтвержденія султану сдѣланнаго въ январѣ 1861 года обнаружилось, что султаномъ означенное требованіе Правленія утрачено. Недоумѣвая, какая причина могла дать поводъ Областному Правленію оставить столь продолжительное время безъ вниманія дѣло, которое признано Правленіемъ важнымъ въ отношеніи спокойствія въ степи, не излишнимъ нахожу просить васъ сообщить мнѣ, почему вами не только въ видахъ облегченія повинностей Киргизъ, но даже спокойствія степи, за которое вы не ручались, не было принято мѣръ къ скорѣйшему разрѣшенію означеннаго дѣла или не было ли вами въ этомъ случаѣ изыскано какихъ либо другихъ мѣръ къ облегченію помянутой повинности и если были, то какія именно?

10) Существующія въ киргизской степи поводы къ неудовольствіямъ противу Правительства, заставляли Областное Правленіе не ручаться за спокойствіе въ степи въ особенности въ голодное время, какъ оно о томъ доносило мнѣ въ октябрѣ 1860 года. Такимъ образомъ очевидно, что облегченіе дѣйствій Киргизъ отъ неурожая травъ и хлѣба составляло одну изъ главнѣйшихъ обязанностей Правленія. Въ этихъ то видахъ, по ходатайству Областнаго Правленія, было мною разрѣшено раздать въ ссуду Киргизамъ 4300 р. Когда уже вся эта сумма была роздана Киргизамъ, въ Правленіе вступили донесенія мѣстныхъ начальниковъ, о выдачѣ заимообразныхъ пособій еще на сумму 7470 руб., но Правленіе имъ въ этомъ отказало, не донеся объ этомъ главному начальнику края, тогда какъ по удостовѣренію ревизіонной комиссіи, со стороны главнаго начальства никогда не было

отказа въ изысканіи источниковъ для пособія Киргизамъ въ бѣдственные годы. Что сумма въ 4300 руб. была недостаточна, это, кромѣ изложеннаго, ясно видно изъ донесенія вашего отъ 22 февраля сего года, коимъ вы ходатайствовали объ образованіи при Областномъ Правленіи ссудной кассы, объясняя, что когда для оказанія дѣйствительной нужды требуется раздать 30,000 или 40,000 раздается только 5000. Всѣ вышеизложенныя обстоятельства приводятъ меня къ убѣжденію, что или опасенія на счетъ возможности нарушенія спокойствія въ степи, выраженныя въ помянутомъ донесеніи Областнаго Правленія министру внутреннихъ дѣлъ, были неосновательны или что бездѣйствіе Правленія простерлось такъ далеко, что оно равнодушно смотрѣло на бѣдствія Киргизъ, не смотря на то, что ожидало отъ сего нарушенія спокойствія въ степи. Посему не оставьте ваше превосходительство доставить мнѣ по этому предмету подробнѣйшія свѣдѣнія, объяснивъ причины, по коимъ признавалось излишнимъ ходатайствовать объ увеличеніи суммы, назначенной въ 1860 году на пособіе Киргизамъ, въ размѣрѣ опредѣленномъ самимъ Правленіемъ; при чемъ прошу присовокупить: не было ли принято вами какихъ либо особыхъ мѣръ къ облегченію бѣдствій Киргизъ и почему столь важный предметъ, какъ обезпеченіе ихъ въ бѣдственные годы, не былъ обсужденъ вами ранѣе нынѣшняго года.

11) Въ какой степени Областное Правленіе мало оказывало заботливости къ удовлетворенію нуждъ подвѣдомственныхъ ему Киргизъ, можно видѣть изъ примѣра приведеннаго ревизіонною комиссіею о 800 кибиткахъ Тазларова рода, кочевавшихъ близь Гурьева. Изъ прошенія этихъ Киргизъ и донесенія мѣстнаго попечителя было видно, что начальникъ Гурьева городка, вопреки разрѣшенію Уральской Войсковой Канцеляріи не допускалъ ихъ къ кочеванію на земляхъ ими занимаемыхъ, единственно по просьбѣ 8 богатыхъ гурьевскихъ торговцевъ. Какъ по этому дѣлу Областнымъ Правленіемъ не было ничего сдѣлано, то попечитель въ ноябрѣ 1858 г., предвидя, что Тазларовцы по обыкновенію прикочуютъ къ старымъ зимовкамъ, куда ихъ снова не будутъ пускать, а потому имъ придется остаться на зиму въ открытыхъ мѣстахъ, отъ чего могутъ погибнуть скотъ и самыя семейства, просилъ Правленіе или дать знать Тазларовцамъ, чтобы они не надѣялись болѣе на занятіе прежнихъ зимовокъ и искали бы себѣ другихъ или же приказать имъ искать другія зимовки. Но незаботливость Областнаго Правленія объ участи 4000 душъ, ввѣренныхъ попеченію его Киргизъ простерлась до того, что и это донесеніе попечителя оно оставило безъ послѣдствій и только въ октябрѣ 1860 года поинтересовалось узнать, въ какомъ положеніи они находились въ зимы $\frac{1858}{1859}$ и $\frac{1859}{1860}$ г., о чемъ и запросило попечителя, однако не получая на это отвѣта не настаиваетъ о скорѣйшемъ его доставленіи. Не менѣе разительный примѣръ отсутствія попеченія Правленія о Киргизахъ представляетъ дѣло о байгушахъ кочующихъ близь Гурьева городка. Заботливость о пользахъ и выгодахъ Киргизъ пови-

димому также чужда Областному Правленію, что можно заключить изъ того, что по ходатайству управляющаго одною частію Черкескаго рода заурядъ хорунжаго Турунтаева въ 1859 году, о разрѣшеніи бѣднымъ Киргизамъ добывать соль изъ мѣстъ называемыхъ Тузъ-тука и Аджанъ, находящихся близь Гурьева городка и сбывать ее въ Гурьевѣ или Уральскѣ и Кагульскимъ рыбопромышленникамъ, Областное Правленіе, препроводивъ это обстоятельство на заключеніе султана правителя, не настаиваетъ за скорѣйшимъ доставленіемъ онаго. Въ разъясненіе всѣхъ вышеизложенныхъ обстоятельствъ, мнѣ необходимо знать: почему дѣло о Тазларовцахъ оставлено Правленіемъ безъ всякаго вниманія и принимались ли вашимъ превосходительствомъ какія либо мѣры, къ удовлетворенію нуждъ киргизскаго народа, и если принимались, то въ чемъ именно онѣ состояли.

12) Относительно учрежденія въ степи опекъ надъ имуществомъ малолѣтнихъ, ревизіонная комиссія въ дѣлахъ Правленія встрѣтила только одинъ примѣръ, именно о назначеніи опеки надъ имуществомъ, оставшимся послѣ смерти киргиза Уркача Утегенева; но и этотъ примѣръ указываетъ на невниманіе Правленія къ интересамъ малолѣтнихъ. Вслѣдствіе сего прошу васъ доставить мнѣ свѣдѣнія, были ли вами принимаемы мѣры къ учрежденію въ степи опекъ надъ имуществами малолѣтнихъ и въ чемъ мѣры эти заключались?

13) Ревизіонная комиссія указываетъ, на отсутствіе заботливости Областнаго Правленія о распространеніи въ Ордѣ оспоприviванія въ предупрежденіе часто-дѣйствующей тамъ эпидеміи. Усматриваю изъ донесенія мнѣ вашего превосходительства отъ 17 ноября 1861 г., что Киргизы, несмотря на принимаемыя Правленіемъ всѣ зависящія мѣры къ склоненію ихъ отдавать дѣтей своихъ обучаться фельдшерскому искусству и оспопрививанію, отказывались отъ сего по причинамъ весьма уважительнымъ, именно: потому, что два первые мальчика, поступившіе въ школу, тамъ умерли. Между тѣмъ предположеніе это, какъ оказалось впослѣдствіи, было неосновательно, и вслѣдствіе вызова Областнаго Правленія, сдѣланнаго по моему настоянію, явилось 10 человѣкъ Киргизъ желающихъ отдать своихъ дѣтей для обученія въ фельдшерскую школу. Такимъ образомъ, если бы Областное Правленіе обратило на этотъ предметъ должное вниманіе ранѣе сего, то въ степи уже было бы нѣсколько человѣкъ фельдшеровъ, какъ для поданія помощи заболѣвающимъ Киргизамъ, такъ и для оспопрививанія. По сему прошу ваше превосходительство увѣдомить меня, какія мѣры принимались вами къ склоненію Киргизовъ отдавать своихъ дѣтей въ обученіе въ фельдшерскую школу и если встрѣчались къ тому какія либо препятствія, то почему они не были своевременно устранены?

14) Относительно лѣсовъ въ киргизской степи, которые по своей малочисленности должны быть предметомъ особой заботливости Правленія, замѣчено при ревизіи, что областное Правленіе не имѣетъ даже свѣ-

дѣнія о количествѣ и состояніи лѣсовъ, и на затребованное по приказанію моему корпуснымъ штабомъ свѣдѣніе о томъ: какія мѣры Областное Правленіе полагало бы принять къ охраненію лѣсовъ, соображеній своихъ по этому предмету не представило, хотя для осмотра ихъ ваше превосходительство сами ѣздили еще въ прошломъ году. По сему не оставьте донести мнѣ о причинахъ по коимъ вами оставлено это дѣло безъ должнаго исполненія, при чемъ считаю неизлишнимъ имѣть также свѣдѣніе почему вы признали киргиза Карабаева недостойнымъ награжденія за окарауливаніе лѣса, какъ о томъ ходатайствовалъ осматривавшій Наурузумскій боръ штабсъ капитанъ корпуса топографовъ Яковлевъ, при чемъ вы отозвались штабу, что Яковлеву неизвѣстно, что дѣлалъ Карабаевъ въ теченіи 10 лѣтъ, тогда какъ назначеніе для окарауливанія лѣса послѣдовало только въ 1859 году. И—

15) Ревизіонною комиссіею найдено, что въ Областномъ Правленіи состоитъ на производствѣ дѣло по поданному вамъ прошенію оренбургскимъ купцомъ Степаномъ Дѣевымъ, о взысканіи съ киргиза Бикжана Жангильдина денегъ за товаръ. Между тѣмъ по предложенію моему отъ 15-го ноября 1861 года о наблюденіи за исполненіемъ Киргизами заключенныхъ съ оберъ-провіантмейстеромъ отдѣльнаго оренбургскаго корпуса Л. условій на перевозку провіанта въ степныя укрѣпленія и оставшихся ему должыми за неисполненіемъ обязательствъ, за взятыя впередъ деньги, Областное Правленіе возражало, что не можетъ этого дѣлать за силою Высочайше утвержденнаго 21 февраля 1822 года положенія Комитета Министровъ, воспрещающаго вмѣшиваться въ дѣла по взысканіямъ съ Киргизъ по долговымъ обязательствамъ. Неудомѣвая чему приписать вышеозначенное исключеніе, сдѣланное Областнымъ Правленіемъ въ пользу купца Дѣева, прошу ваше превосходительство указать мнѣ побудительныя къ сему причины, объяснивъ: не было ли и другихъ случаевъ, когда Областное Правленіе признавало нужнымъ дѣлать отступленія отъ вышеозначеннаго правила.

Къ сему неизлишнимъ считаю присовокупить, что всѣ, требуемыя настоящимъ моимъ предложеніемъ, свѣдѣнія и разъясненія должны быть подкрѣплены ссылкою на тѣ статьи законовъ, коими вы руководствовались въ вашихъ дѣйствіяхъ при управленіи Областью, а при указаніи мѣръ, которыя вы принимали къ приведенію ввѣреннаго вамъ Правленія и степи въ благоустроенный порядокъ, не оставьте каждый разъ объяснять о результатахъ, коими сопровождались принятыя вами мѣры.

2) Рапортъ управляющаго областью Оренбургскихъ Киргизовъ Оренбургскому и Самарскому генералъ-губернатору.

Во исполненіе предложенія вашего высокопревосходительства отъ 4 сего ноября за № 1736 имѣю честь объяснить.

По первому пункту: что если ревизіонная комиссія донесла вашему высокопр—ву будто ею открыто въ дѣлопроизводствѣ Обл. Правленія полное отсутствіе канцелярскаго порядка и несоблюденіе предписанныхъ для этого закономъ формальностей, то это не значитъ еще, чтобы такъ было въ дѣйствительности: въ дѣлопроизводствѣ Правленія соблюдаются всѣ тѣ правила, которыя существенно необходимы для порядка въ ономъ, соблюдать же формальности излишнія, которыя только затрудняютъ дѣлопроизводство, оно не обязано по закону, ибо закономъ (св. зак. изд. 1857 г. т. 2, час. 2 ст. 784) предоставлено ему руководствоваться правилами для другихъ присутственныхъ мѣстъ установленными лишь на столько, на сколько правила сіи могутъ быть примѣнены къ управленію Оренбургскими Киргизами. Если бы Правительство признавало возможнымъ управлять Зауральскою степью на общемъ основаніи, то давно бы обратило ее въ губернію; между тѣмъ не только въ губернію, но даже въ область найдено своевременнымъ обратить ее всего три года тому. Правительство знало, значитъ, и знаетъ, что безграмотность и полуграмотность киргизскихъ властей и отсутствіе въ степи уѣздныхъ административныхъ и судебныхъ учрежденій, по образцу существующихъ внутри Имперіи, не можетъ не отражаться и на дѣлопроизводствѣ самаго Обл. Правленія, которому потому и предоставлено руководствоваться общими онаго правилами насколько найдетъ оно возможнымъ примѣнить ихъ къ положенію степи. Ревизуя Обл. Правленіе, гг. ревизоры должны были помнить, что ревизуютъ не Палату Государственныхъ Имуществъ, или Гражданскаго суда, а учрежденіе состоящее на особыхъ правахъ, и приступая къ дѣлу, прежде всего, должны были имѣть въ виду вышеозначенную 784 статью, съ которою и сообразиться въ своихъ заключеніяхъ, а не мѣрить Правленіе мѣркою, къ нему не приложимою(...). Сверхъ вышеозначенной статьи должны были гг. ревизоры имѣть въ виду и то, что Обл. Правленіе руководствуется въ дѣйствіяхъ своихъ не одними законами, а и предписаніями высшаго начальства, которое постоянно, до послѣдняго времени стремилось къ тому, чтобы облегчить дѣлопроизводство Обл. Правленія отмѣною даже тѣхъ формальностей, которыя были введены при первоначальномъ устройствѣ по положенію и штату 1844 года. Укажу, для примѣра, на распоряженіе графа Перовскаго, чтобы не требовать отъ Киргизовъ подписокъ въ выслушаніи ими состоявшихся объ нихъ судебныхъ рѣшеній. Министерство же иностранныхъ дѣлъ, во время завѣдыванія своего степью, постоянно внушало тѣмъ лицамъ, которыхъ избирало въ предсѣдатели Пограничной Комиссіи, чтобы они не увлекались внѣшнею правильностію канцеляризма, неприложимою къ Киргизамъ, а заботились объ исполненіи существенныхъ задачъ управленія, и когда возникали какіе либо вопросы по поводу несоблюденія Пограничною Комиссіею тѣхъ или другихъ формальностей, всегда увольняло ее отъ оныхъ, указывая на вышеприведенную 784 статью. Ваше высокопревос—во, можете удостовѣриться въ этомъ изъ предложеній

Пограничной Коммиссіи генералъ отъ инфантеріи Обручева отъ 8 января 1850 года за № 43-мъ, и генералъ лейтенанта Балкашина отъ 2 октября 1858 г. за № 2606-мъ. Весьма энергически изложенъ также этотъ взглядъ министерства иностранныхъ дѣлъ въ заключеніи князя Горчакова отъ 17 декабря 1856 года за № 3859 по вопросу объ измѣненіи состава Временнаго Совѣта по управленію Внутреннею ордою.

Обязанный сообразоваться съ такимъ взглядомъ и такими внушеніями высшаго правительства я, когда вступилъ въ завѣдываніе Обл. Правленіемъ въ мартѣ 1854 года и ознакомился съ порядкомъ дѣлопроизводства, принятымъ въ немъ съ 1844 года, т. е. десять лѣтъ уже существовавшимъ, нашелъ его, со стороны формальностей, нетребующимъ никакой иной прибавки или измѣненія. Этотъ, бывшій до меня, порядокъ существуетъ и до сихъ поръ. Какъ прежде, такъ и теперь, нахожу я совершенно удовлетворительнымъ и нисколько ненуждающимся въ обремененіи новыми формальностями, отъ которыхъ законъ освобождаетъ Правленіе и которыхъ потому не въ правѣ требовать отъ него никакая ревизія, и тѣмъ болѣе не вправѣ несоблюденіе оныхъ вмѣнять ему въ вину. Наконецъ — одна изъ важнѣйшихъ частей дѣлопроизводства Правленія, преимущественно передъ другими требующая формальной правильности, часть казначейская, давно уже находится подъ постоянною ревизіею центральнаго правительства на общемъ основаніи, и по части этой не только не было доселѣ со стороны ревизующихъ инстанцій никакихъ начетовъ или замѣчаній относительно неправильнаго ея веденія, но находима она была въ совершенномъ порядкѣ (....).

Такимъ образомъ, признавая, на вышеизложенныхъ основаніяхъ порядокъ дѣлопроизводства въ Правленіи, найденный мною при вступленіи въ должность не нуждающимся въ измѣненіяхъ, не имѣлъ я никакого повода и къ принятію какихъ либо мѣръ къ устраненію того, что гг. ревизоры, не вникнувъ въ исключительное положеніе Обл. Правленія, приняли за безпорядки въ ономъ. Не безпорядки, а нѣкоторую безтолковность нашелъ я, занявъ мѣсто предсѣдателя Пограничной Комиссіи, лишь въ дѣлѣ расходованія денежныхъ суммъ, которыя были запутаны позаимствованіями изъ однихъ въ другія, переходившими изъ года въ годъ. Такихъ внутреннихъ долговъ Правленія на самомъ себѣ найдено было мною на сумму болѣе 4000 р. сер. Мѣрами, мною указанными, позаимствованія эти въ отвращеніе запутанности въ счетахъ на будущее время, были пополнены всѣ безъ исключенія въ теченіе девяти мѣсяцевъ, такъ что къ 1855 году не оставалось уже никакихъ слѣдовъ прежней запутанности. Объ этомъ доведено было до свѣдѣнія начальства въ годовомъ отчетѣ Пограничной Комиссіи за 1854 годъ.

По второму пункту. Дѣлъ въ Обл. Правленіи, по вѣдомостямъ вытребованнымъ изъ отдѣленія гг. ревизорами, состояло на производствѣ къ іюлю мѣсяцу настоящаго года 3931, и изъ нихъ 1321 (а не 1337) дѣйстви-

тельно за самимъ Правленіемъ. Но выводъ, сдѣланный гг. ревизорами изъ этого несомнѣннаго факта, выводъ будто такое накопленіе дѣлъ приводитъ къ двумъ предположеніямъ: что или дѣятельности чиновъ служащихъ въ Областномъ Правленіи не было дано надлежащаго направленія, или что чины эти малоспособны къ исполненію своихъ служебныхъ обязанностей— совершенно неоснователенъ, и неосновательность произошла отъ того, что гг. ревизоры не приняли на себя труда сравнить теперешнее количество дѣлъ на производствѣ въ Правленіи съ тѣмъ, какое было въ прежніе годы. Вступая въ управленіе Пограничною Комиссіею, въ мартѣ 1854 года, я нашелъ въ ней на производствѣ 5983 дѣла; къ 1861 году было ихъ уже только 3093, значитъ въ продолженіи семилѣтняго завѣдыванія моего Обл. Правленіемъ оно не только справлялось со всѣмъ своимъ текущимъ дѣломъ, но и успѣло освободиться, безо всякаго усиленія въ штатѣ,—почти отъ половины бремени, оставленнаго ему въ наслѣдство управленіемъ предмѣстника моего генералъ-маіора (нынѣ генералъ-лейтенанта) Ладыженскаго. Такою успѣшностью дѣлопроизводства не можетъ похвалиться, думаю, ни одно управленіе въ Оренбургскомъ краю. Если бы гг. ревизоры обратили вниманіе на эти цифры, они должны были бы выставить дѣятельность Обл. Правленія по дѣлопроизводству образцовою (....).

Успѣшнаго результата по дѣлопроизводству Обл. Правленія, котораго достигъ я такимъ образомъ, конечно, не могъ бы я достигнуть одними собственными усиліями безъ содѣйствія товарищей моихъ прочихъ членовъ Обл. Правленія, личный составъ котораго не только не можетъ быть названъ, какъ выразилась ревизіонная Комиссія, мало способнымъ къ исполненію своихъ служебныхъ обязанностей, но по разнообразнымъ достоинствамъ лицъ, составляющихъ присутствіе, таковъ, что подобнымъ едва ли можетъ похвалиться другое присутственное мѣсто въ краю. Изъ совѣтниковъ прежняго времени, которыхъ засталъ я, вступая въ управленіе степью, остается въ настоящее время только одинъ над. сов. Костромитиновъ. Если бы гг. ревизоры потрудились заглянуть въ формуляръ этого чиновника, они увидѣли бы, что немного въ Россіи служащихъ, которые въ продолженіи поприща своего имѣли бы столько важныхъ порученій, требующихъ особаго умѣнья и свѣдѣній, сколько имѣлъ ихъ г. Костромитиновъ, и исполняли бы эти порученія съ такою успѣшностію, съ какою онъ постоянно ихъ исполнялъ. Весьма недалеко еще то время, когда на Обл. Правленіи, кромѣ управленія степью, лежали и всѣ сношенія съ сосѣднею Азіею, пріемъ посольствъ, отправка ихъ въ Петербургъ и т. д. Чтобы вести дѣла подобнаго рода, недостаточно одного знакомства съ сводомъ законовъ, а въ такихъ дѣлахъ г. Костромитиновъ не замѣнимъ, по искуству своему обращаться съ Азіатцами и умѣнью владѣть татарскимъ языкомъ. Высшее начальство должно было дорожить и дорожило имъ по достоинству. Такъ напримѣръ, покойный генералъ-губернаторъ ген.-ад. Катенинъ призналъ въ

Костромитиновѣ означенныя способности въ такой мѣрѣ, что во всѣхъ сношеніяхъ своихъ съ азіатскими посланцами сюда пріѣзжавшими, постоянно одного его желалъ имѣть своимъ посредникомъ, помимо всѣхъ прочихъ переводчиковъ. За исключеніемъ г. Костромитинова, изъ настоящихъ членовъ присутствія, поступили въ это званіе во время моего управленія гг. Бобровниковъ, Смольяниновъ и Масленниковъ. Изъ нихъ ст. сов. Бобровниковъ, не говоря уже о его замѣчательныхъ способностяхъ и пониманіи своего дѣла, извѣстенъ въ Россіи по ученымъ трудамъ своимъ, какъ одинъ изъ первоклассныхъ оріенталистовъ.

Не смотря на то, я не счелъ полезнымъ допускать его прямо къ исправленію должности совѣтника по вѣдомству, въ коемъ онъ прежде не служилъ, и для ознакомленія предварительно съ бытомъ Киргизовъ продержалъ его болѣе полутора года въ должности попечителя. Над. сов. Смольяниновъ, рекомендованный мнѣ генералъ-губернаторомъ Катенинымъ, въ управленіе Оренбургскимъ краемъ генералъ-отъ-инфантеріи Обручева нѣсколько разъ исправлялъ должность правителя канцеляріи его, знакомъ со степью по участію въ походѣ 1847 г. на берега Сыръ-Дарьи, а по трудолюбію и добросовѣстности въ исполненіи своихъ обязанностей можетъ быть названъ образцовымъ чиновникомъ. Предмѣстнику его въ должности совѣтника по исполнительному отдѣленію стат. сов. Плотникову ваше в.-превосходительство сами изволили дать должную справедливость, избравъ его на важный постъ управляющаго Внутреннею Ордою. Наконецъ самый над. сов. Масленниковъ, измѣнившій въ послѣднее время довѣренности моей къ нему, со стороны добросовѣстности и вниманія къ своимъ обязанностямъ, приготовленъ къ исполненію ихъ превосходнымъ образомъ всею предшествовавшею своею службою. Изъ секретарей правленія г. Сипайловъ принесетъ службою своею честь и пользу всякому вѣдомству, въ которомъ будетъ находиться; г. Казанцевъ, не подвергайся голова его необъяснимымъ припадкамъ затмѣнія, навлекшимъ на Правленіе столько непріятностей, былъ бы также, по трудолюбію своему и знанію дѣла, однимъ изъ отличнѣйшихъ чиновниковъ гдѣ угодно. Ко мнѣ перешелъ онъ на службу, по рекомендаціи покойнаго начальника Башкирскаго войска генералъ-лейтенанта Балкашина, въ должности правителя его канцеляріи, къ которой, по отзыву Балкашина, не годился лишь по излишней мягкости характера, тогда какъ способностями его и рабочестію Балкашинъ не могъ довольно нахвалиться. Предмѣстникъ Казанцева г. Билинскій, къ сожалѣнію столь рано похищенный смертію, былъ однимъ изъ усерднѣйшихъ къ службѣ и полезнѣйшихъ для нея дѣятелей, какихъ я когда либо встрѣчалъ. Чиновники Правленія для контроля въ степи, тит. сов. Нечаевъ и поручикъ султанъ Сейдалинъ 1-й вполнѣ обладаютъ тѣми условіями, какія необходимы для успѣшнаго отправленія ими своихъ обязанностей, а предмѣстникъ Сейдалина кол. сов. Ильминскій, нынѣ профессоръ тюркскихъ нарѣчій въ Казанскомъ универ-

ситетѣ, изданіями своими по части киргизскаго языка подвинулъ дѣло грамотности въ степи до такой степени, что останется въ ней навѣки памятенъ. Старшій переводчикъ Правленія над. сов. Батыршинъ принадлежитъ къ лучшимъ знатокамъ восточныхъ языковъ въ здѣшнемъ краю, и человѣкъ безупречный по характеру и поведенію. Казначей Правленія кол. асс. Винеръ 13 лѣтъ уже несетъ эту должность съ акуратностію, почти ни разу ему не измѣнившею; и такъ далѣе. Все это люди, достоинства которыхъ извѣстны и внѣ стѣнъ Обл. Правленія, почему гг. ревизорамъ слѣдовало бы, кажется, быть воздержнѣе въ отзывѣ своемъ относительно ихъ способностей. Личный составъ канцеляріи Правленія удовлетворителенъ, конечно, далеко не въ такой степени, какъ было бы желательно; но и между канцелярскими чиновниками, хотя и немного, а есть очень дѣльные и обѣщающіе, такъ что если имѣть за канцеляріею надлежащій надзоръ и не давать ей опускаться, она можетъ вести свое дѣло исправно. Во всякомъ случаѣ, въ настоящее время, канцелярія Правленія наполнена чиновниками ничуть не хуже чѣмъ въ другихъ вѣдомствахъ: въ доказательство могу привести то, что всѣ изъ служившихъ въ Обл. Правленіи, кого только находилъ я безполезными для службы по лѣности, малоспособности или не одобрительному поведенію, тотчасъ же принимались въ другія здѣшнія управленія, преимущественно въ канцелярію вашего в.-превосходительства и въ провіантскую комиссію.

Изъ вышеизложеннаго видно, что если не смотря на усердные труды чиновъ Обл. Правленія, дѣлопроизводство его страдаетъ еще нѣкоторою медленностію, нисколько небольшею, впрочемъ, чѣмъ въ другихъ вѣдомствахъ, то главною этому причиною накопленіе дѣлъ, имѣвшее мѣсто при предшественникѣ моемъ ген.-лейт. Ладыженскомъ, а что я принималъ зависящія мѣры къ возможному освобожденію Правленія отъ этого наслѣдства, усматривается изъ того, что, при тѣхъ же средствахъ, я не только не увеличилъ накопленія, а успѣлъ уменьшить его почти на половину. Ниже, по принадлежности предмета, я объясню, какою преимущественно мѣрою достигъ я этого результата; что же касается до равномѣрнаго распредѣленія дѣлъ по отдѣленіямъ и столамъ, то во первыхъ—это недостижимо на практикѣ и не существуетъ ни въ какомъ управленіи, а во вторыхъ—781 статьею II т., ч. I свода законовъ (изд. 1857 г.), на которую изволите вы указывать, предоставляется Предсѣдателю Комиссіи, не равномѣрное распредѣленіе дѣлъ по отдѣленіямъ и столамъ, а подробнѣйшее изложеніе въ предшествующей 780 статьѣ распредѣленіе занятій по отдѣленіямъ, т. е. распредѣленіе какого рода дѣла, въ какомъ отдѣленіи должны производиться; а это исполнено было, еще до меня при предмѣстникѣ моемъ ген.-лейт. Ладыженскомъ, и печатная табель по сему предмету предъявлена была гг. ревизорамъ.

По третьему пункту. Во время моего завѣдыванія Областнымъ Правле-

ніемъ медленность по производству уголовныхъ дѣлъ никогда не доходила до бездѣйствія (....). Напротивъ того, при мнѣ только и началась успѣшная по этой части дѣятельность. До вступленія моего въ управленіе неразсмотрѣнныя уголовныя слѣдствія накоплялись съ каждымъ годомъ и Правленіе нѣсколько разъ доводило до свѣдѣнія высшаго начальства, что безъ усиленія штата оно не въ силахъ справиться съ этимъ предметомъ. По указанію генералъ-губернатора ген.-ад. Перовскаго, для разсмотрѣнія означенныхъ слѣдствій учреждена была еще въ 1852 году особая временная часть изъ чиновниковъ пограничной Коммисіи, менѣе другихъ обремененныхъ прямыми ихъ служебными обязанностями; но за болѣзненностію и бездѣятельностію завѣдывавшаго этою частію бывшаго секретаря Правленія г. Оголина, дѣло не сопровождалось успѣхомъ, такъ что, вступивъ въ должность предсѣдателя Комиссіи, я нашелъ въ оной болѣе 600 неразсмотрѣнныхъ уголовныхъ слѣдствій. Я тотчасъ-же переформировалъ составъ временной части, которая, не принося замѣтной пользы уголовному отдѣленію, служила лишь къ запущенію дѣлъ въ прочихъ отдѣленіяхъ, отрывая чиновниковъ сихъ послѣднихъ отъ прямыхъ ихъ обязанностей; всѣхъ такихъ чиновниковъ обратилъ я посему немедленно къ исполненію собственнаго ихъ дѣла, а для работъ по разсмотрѣнію накопившихся уголовныхъ слѣдствій назначилъ: 1) чиновниковъ для производства слѣдствій въ степи во время нахожденія ихъ въ Оренбургѣ безъ занятій; 2) лица, искавшія въ Комиссіи должностей, и принимавшіяся на испытаніе въ знаніяхъ и способностяхъ, и 3) вольнонаемныхъ писцовъ съ удовлетвореніемъ ихъ за труды изъ общей суммы положенной штатомъ на содержаніе канцеляріи Комиссіи; не выходя изъ предѣловъ этой суммы. Завѣдываніе этою временною частію поручилъ я бывшему секретарю уголовнаго и суднаго отдѣленій, Билинскому, и слѣдя лично за ходомъ работы у каждаго чиновника, имѣлъ удовольствіе видѣть, что къ 1855 году огромное число неразсмотрѣнныхъ слѣдствій, оставленное мнѣ г. Ладыженскимъ, уменьшилось болѣе чѣмъ на половину; къ 1858 году всѣхъ неразсмотрѣнныхъ уголовныхъ слѣдствій, включая и поступившія въ Правленіе съ 1854 года, оставалось уже только 67. Все это гг. ревизоры могли бы увидѣть изъ годовыхъ отчетовъ Пограничной Коммисіи за 1854—1857 годы. Далѣе, не слѣдовало бы имъ также, обвиняя Правленіе въ медленности и даже бездѣйствіи по уголовнымъ дѣламъ, упустить изъ виду то обстоятельство, что дѣлъ и переписокъ на производствѣ въ уголовномъ отдѣленіи состояло къ 26 марта 1854 года, когда вступилъ я въ должность, 2,895, а къ іюлю настоящаго года дѣлъ и переписокъ на производствѣ по означенному отдѣленію оставалось уже только 1,006, т. е. почти втрое менѣе. Вотъ результатъ моего управленія для уголовной части областнаго дѣлопроизводства; подобныхъ не можетъ представить никто изъ начальниковъ прочихъ здѣшнихъ вѣдомствъ. Если достигать такихъ результатовъ не значитъ забо-

титься о предметѣ и заботиться съ успѣхомъ, то я ужъ рѣшительно непонимаю, чего отъ меня хотятъ.

Всѣхъ дѣлъ на производствѣ въ Пограничной Комиссіи, когда я былъ назначенъ управлять ею, состояло, какъ выше сказано, 5,983; къ іюлю 1862 года было ихъ уже только 3,943; но и это послѣднее число, раздѣленное на семерыхъ столоначальниковъ, показываетъ, что и въ настоящее время приходится еще, среднимъ числомъ, болѣе чѣмъ по 560 производящихся дѣлъ на каждаго столоначальника Областнаго Правленія. Есть-ли возможность вести разомъ такое количество дѣлъ, безъ того, чтобы то или другое изъ нихъ не замедлялось въ движеніи. За постоянною спѣшною работою по дѣламъ нетерпящимъ отлагательства или такимъ, по которымъ послѣдовали запросы высшаго начальства, естественно, что меньшей важности или и вовсе пустыя должны оставаться долгое время безъ движенія. Наконецъ, дѣла могутъ совершенно останавливаться въ производствѣ, за безрезультатностью всякой по нимъ переписки, что̀ по степнымъ дѣламъ встрѣчается весьма нерѣдко. О прекращеніи такихъ дѣлъ Областное Правленіе входитъ съ представленіемъ къ главному начальнику края, который, если не признаетъ за собою права на разрѣшеніе, обращается въ свою очередь съ представленіемъ о томъ къ высшему Правительству. Такъ, не далѣе какъ въ настоящемъ году получено разрѣшеніе министерства внутреннихъ дѣлъ на прекращеніе и почисленіе конченными 65 дѣлъ, производство по которымъ остановилось съ давняго времени, за совершенною невозможностію придти къ какому либо результату. Между этими дѣлами есть начавшіяся не 18 или 16 лѣтъ тому назадъ, а 50 и болѣе. Первоначальное представленіе Пограничной Комиссіи о прекращеніи сихъ дѣлъ имѣло мѣсто еще въ 1847 году. Съ того времени подобныхъ дѣлъ накопилось еще нѣсколько, но Областное Правленіе не находило удобнымъ ходатайствовать о ихъ прекращеніи, не получивъ разрѣшенія по подобному ходатайству объ означенныхъ 65 дѣлахъ. Справившись съ другими спѣшнѣйшими работами, оно, собственно для канцелярской очистки, сдѣлаетъ представленіе и объ этихъ считающихся еще на производствѣ, но непроизводящихся дѣлахъ. Вреда отъ замедленія таковымъ представленіемъ нѣтъ ни для кого; а къ числу дѣлъ такого рода принадлежитъ и приведенное ревизіею въ примѣръ бездѣятельности Правленія дѣло о Самратѣ Мамаевѣ (собственно не о Самратѣ Мамаевѣ, а о задержаніи въ Оренбургскомъ укрѣпленіи бія Чигана Мушна). Задержанный за доносъ на означеннаго бія Мушна въ іюлѣ 1846 года, Мамаевъ, въ октябрѣ того-же года, на основаніи 1009 и 1012 ст. XV т. св. зак. (изд. 1842 г.) освобожденъ былъ изъ заключенія и отданъ на поруки; дальнѣйшая о немъ переписка нисколько не послужила къ его обвиненію, и если дѣло объ немъ, доселѣ считающееся на производствѣ, но въ сущности давно конченное, не прекращено въ формальномъ порядкѣ, то вина въ медленности по этому предмету, ни для кого не вредной, падаетъ столько-же

на Областное Правленіе, сколько и на генералъ-губернаторскую канцелярію, которая, послѣ запроса о положеніи этого дѣла отъ 21 октября 1849 года за № 1776, оставила его въ продолженіи 13 лѣтъ безъ вниманія, точно также, какъ и товарищи Предсѣдателя, обязанные наблюдать за порядкомъ дѣлопроизводства въ Правленіи. Подобная медленность случается, какъ исключеніе по всѣмъ управленіямъ, и нисколько недоказываетъ общаго коснѣнія дѣлопроизводства. Такъ только въ нынѣшнемъ 1862 году (отъ 5 іюля за № 719) получено увѣдомленіе канцеляріи вашей о разрѣшеніи по представленію Пограничной Комиссіи, отъ 25 октября 1857 г. № 12,753, о воспрещеніи городскимъ и земскимъ полиціямъ заключать подъ стражу Киргизовъ за преступленія, подлежащія разбирательству по народнымъ обычаямъ: слѣдовательно разрѣшеніе по столь важному представленію, съ обремененіемъ отъ того участи сотенъ людей, ожидалось четыре года восемь мѣсяцевъ. Такъ только 16 апрѣля сего года за № 336 послѣдовало разрѣшеніе г. исправлявшаго вашу должность, на представленіе Пограничной Коммисіи отъ 19 ноября 1856 года за № 15579, стало быть черезъ пять лѣтъ и шесть мѣсяцевъ. Такъ остаются безъ отвѣта и доселѣ представленія Пограничной Комиссіи отъ 17 іюня 1853 г. за № 10,459 (по уголовному дѣлу), отъ 4 февраля 1854 года за № 2165, оба въ теченіи слишкомъ десяти лѣтъ. Засимъ никакого объясненія по дѣлу объ утайкѣ мѣстными начальниками Западной части Области собранныхъ съ Киргизовъ за кочеваніе денегъ, дать я не могу, такъ какъ подобныхъ случаевъ было много, и какой именно изъ нихъ имѣли въ виду гг. ревизоры, неизвѣстно. Для доставленія мнѣ возможности представить вамъ требуемое объясненіе, соблаговолите ваше высокопревосходительство потребовать отъ гг. ревизоровъ, чтобъ они точно обозначили по какому отдѣленію и какому столу Обл. Правленія состоитъ на производствѣ указанное ими дѣло и за какимъ оно номеромъ по настольной описи.

По четвертому пункту. Замѣчаніе ревизіонной Комиссіи, что производство слѣдствій по уголовнымъ преступленіямъ идетъ весьма медленно—совершенно справедливо: но это болѣе полувѣка уже какъ извѣстно не только всѣмъ и каждому въ Оренбургскомъ краѣ, но и высшему Правительству, объ этомъ много было не только писано, но и печатано, и причины медленности разъяснены давнымъ-давно. Такъ, предмѣстникъ вашего высокопревосходительства ген.-ад. Катенинъ писалъ къ г. министру иностранныхъ дѣлъ по сему предмету, что «производство слѣдствій въ степи, особенно между родами отдаленными отъ Оренбургской линіи, какъ свидѣтельствуетъ опытъ многихъ десятковъ лѣтъ, почти невозможно. Главнымъ тому препятствіемъ являются: а) со стороны народа—кочевая жизнь, заставляющая безпрестанно перемѣнять мѣсто, право Киргизовъ переходить безпрепятственно изъ одного края степи въ другой, ни у кого не испрашивая на то дозволенія и безо всякихъ письменныхъ видовъ; возможность укрыться всегда отъ

розыска въ сосѣднія Хивинскія, Бухарскія или Кокансkія владѣнія; отвращеніе къ медленности и формальностямъ нашего слѣдственнаго процесса; родовой бытъ, обязывающій стоять за родственниковъ, и совершенное неуваженіе къ святости присяги по русскому обряду; б) со стороны властей ордынскихъ—безграмотность большей ихъ части, и отсутствіе у большинства не только толковыхъ и надежныхъ, но какихъ бы то ни было письмоводителей, вслѣдствіе чего бумаги къ нимъ адресуемыя остаются по мѣсяцамъ не только безъ исполненія, но даже не прочтенными, отвѣты же на эти бумаги дѣлаются часто со всѣмъ не о томъ, о чемъ спрашивается; незнаніе ни законовъ русскихъ, ни порядковъ слѣдственнаго процесса, и невозможность требовать отъ нихъ этого знанія, вслѣдствіе чего по упущеніямъ въ формахъ, снимаемые ими допросы, очныя ставки и проч., не имѣютъ обыкновенно законной силы; недостатокъ, а часто и совершенное отсутствіе средствъ къ отысканію обвиняемыхъ и представленію ихъ къ слѣдствію и суду; родственныя связи съ подчиненными, такъ какъ въ начальники назначаются преимущественно вліятельные изъ ордынцевъ; болѣе же всего недобросовѣстность, проистекающая изъ грубыхъ понятій о власти, страстей, не умѣряемыхъ образованіемъ и, основаннаго на опытѣ и безпрестанныхъ примѣрахъ, расчета, что упущенія и злоупотребленія по службѣ будутъ приписаны одной дикости нравовъ и покрыты возможнымъ снисхожденіемъ; в) со стороны природы— затруднительность для русскихъ чиновниковъ жить внутри степи по отсутствію всякихъ удобствъ къ жизни, по невозможности, напримѣръ, для человѣка непривычнаго проводить зиму въ войлочной кибиткѣ, питаться исключительно крутомъ и бараниною, пить соленую воду и т. д.; г) со стороны быта—незнаніе русскими чиновниками языка Киргизовъ, необходимость потому дѣйствовать черезъ переводчиковъ, и неудовлетворительность большей части сихъ послѣднихъ, какъ по нравственности, такъ и по знанію дѣла; трудность для начальства находить чиновниковъ, которые бы за ничтожное содержаніе подвергали себя всевозможнымъ лишеніямъ, даже опасности потерять жизнь, и дѣйствовали при этомъ вполнѣ добросовѣстно, не только по буквѣ, а и по духу закона; наконецъ, невозможность посылать русскихъ чиновниковъ въ отдаленные роды безъ конвоя, и невозможность давать конвой по значительности сопряженныхъ съ этимъ издержекъ и другимъ неудобствамъ. По всѣмъ этимъ причинамъ, слѣдствія, начинаемыя въ степи по уголовнымъ преступленіямъ, тянутся обыкновенно цѣлые годы, производятся крайне неудовлетворительно, большею частію ничего не обнаруживаютъ и оканчиваются, потому, съ ущербомъ въ народѣ должнаго къ закону и Правительству уваженія, оставленіемъ виновныхъ въ подозрѣніи, чаще же всего прекращаются за нерозысканіемъ обвиняемыхъ».

По этимъ причинамъ и въ особенности потому, что для производства слѣдствій въ степи такимъ образомъ, чтобы отъ этого не страдала между

Киргизами честь русскаго Правительства и народа, невозможно имѣть за 350 руб. серебр. въ годъ людей вполнѣ годныхъ и надежныхъ. Чиновники Областнаго Правленія для производства слѣдствій въ степи посылаются туда за этимъ лишь въ случаяхъ совершенной необходимости, обыкновенно же употребляются въ Правленіи въ качествѣ помощниковъ столоначальниковъ по тѣмъ столамъ, которые преимущественно обременены работою: этимъ и достигается отчасти равномѣрность въ распредѣленіи занятій между чиновниками Правленія, относительно которой ваше высокопревосходительство изволите запрашивать меня во второмъ пунктѣ. О такомъ распоряженіи моемъ наличными силами Областнаго Правленія извѣстно и высшему начальству, которое не нашло въ этомъ распоряженіи моемъ ничего предосудительнаго. Ваше высокопревосходительство изволите усмотрѣть это изъ отношенія генералъ-адъютанта Катенина къ г. министру иностранныхъ дѣлъ отъ 7-го іюня 1858 года за № 84.

Что касается до изысканія средствъ къ устраненію неудобствъ, проистекающихъ отъ неудобоприменимости формальностей слѣдственнаго процесса нашего къ кочевому быту ордынцевъ, то изыскать эти средства, какъ ваше высокопревосходительство можете видѣть изъ перечисленія препятствій къ тому, сдѣланнаго предмѣстникомъ вашимъ, не только не легко, но положительно невозможно. Болѣе полувѣка уже, какъ я имѣлъ честь доложить, извѣстна неприложимость къ степному быту формальностей нашего слѣдственнаго процесса, и до сихъ поръ не нашлось, ни изъ главныхъ начальниковъ Оренбургскаго края, ни изъ лицъ бывшихъ предсѣдателями Пограничной Комиссіи, никого, кто бы, не говорю разрѣшилъ, а хотя попытался разрѣшить удовлетворительно эту задачу. Почему же я или Областное Правленіе обязаны непремѣнно сдѣлать это въ настоящее время? Предмѣстникъ вашъ ген.-ад. Катенинъ, убѣжденный въ неразрѣшимости сказанной задачи, предложилъ высшему Правительству, какъ вамъ извѣстно, покончить вопросъ совершенною отмѣною слѣдствій въ степи, и предоставленіемъ разслѣдованія и суда по тяжбамъ и преступленіямъ въ оной самимъ Киргизамъ черезъ посредство выборныхъ біевъ. Къ другому результату, при основательномъ пониманіи дѣла, кажется, и придти невозможно. Заключенія же по предложенію отъ 7 августа 1861 года за № 2574, Правленіе не могло представить не получивъ предварительно отъ Оренбургскаго казачьяго войска свѣдѣній по предмету, которыя вы же изволили предписать ему доставить въ Областное Правленіе, а свѣдѣнія эти доставлены лишь 20-го прошлаго октября, черезъ годъ слишкомъ по затребованіи ихъ.

По пятому пункту. Въ помянутомъ сейчасъ представленіи генералъ-адъютанта Катенина о возстановленіи между Киргизами суда біевъ во всей его прежней обширности, найдете ваше высокопревосходительство удовлетворительный отвѣтъ и на то, почему судное отдѣленіе Правленія не мо-

жетъ дѣйствовать иначе, какъ дѣйствовало оно всегда, и при мнѣ, и при моемъ предшественникѣ. Что же касается до вопроса на какихъ основаніяхъ Областное Правленіе считаетъ законнымъ представлять мѣстному ордынскому начальству распоряжаться надѣленіемъ Киргизовъ поземельными угодьями безъ разрѣшенія Правленія, тогда какъ земли эти принадлежатъ государству,—то полагаю, что Областное Правленіе руководствуется въ этомъ случаѣ преимущественно пятью основаніями: 1) тѣмъ, что для поддержанія и улучшенія киргизскаго хозяйства (попеченіе о чемъ возложено на правленіе 770 ст. учрежденій объ инородцахъ) необходимо чтобы одни изъ Киргизовъ не захватывали, въ ущербъ другимъ, большаго чѣмъ имъ нужно пространства земель, а по одинаковому для всѣхъ праву на степныя угодья пользовались ими, по возможности, равномѣрно; 2) тѣмъ, что уравнительные отводы должны дѣлаться и дѣлаются безпрестанно на всемъ пространствѣ степи, а Правленіе не имѣетъ для этого въ распоряженіи своемъ землемѣровъ, почему и предоставляетъ уравненіе участковъ мѣстному ордынскому начальству; 3) тѣмъ, что за непроизводствомъ еще хозяйственной съемки (которая, по всей вѣроятности, не будетъ произведена и черезъ сто лѣтъ, такъ какъ съемокъ такого рода не сдѣлано еще и для Европейской Россіи) Правленіе не имѣетъ никакихъ средствъ контролировать дѣйствія ордынскаго начальства по этому предмету; да нѣтъ въ томъ и нужды когда на дѣйствія эти не поступаетъ жалобъ; при жалобахъ же Правленіе не оставляетъ производить по онымъ дознаніе посылкою на мѣста довѣренныхъ лицъ; 4) тѣмъ, что земли отводятся уравнительно не въ собственность ордынцамъ, а лишь въ пользованіе, почему Правительство всегда остается въ правѣ отмѣнить произведенный надѣлъ или передѣлъ; и наконецъ 5) тѣмъ, что такой образъ дѣйствій Областнаго Правленія давно извѣстенъ Правительству, какъ изъ годичныхъ его отчетовъ, такъ и изъ многочисленныхъ представленій по поземельнымъ дѣламъ къ главнымъ начальникамъ края, и никто изъ нихъ доселѣ не находилъ, чтобы Правленіе дѣйствовало предосудительно или могло дѣйствовать иначе. Просматривая дѣла Правленія, гг. ревизоры должны были видѣть это, хотя изъ предложенія генералъ-адъютанта Перовскаго отъ 5 февраля 1852 года за № 185, послѣдовавшаго на представленіе къ нему Пограничной Комиссіи отъ 30-го января того же года за № 1562.

По шестому пункту. Если бы журнальное постановленіе Областнаго Правленія по исполнительному отдѣленію на 6-е октября 1859 года ст. 1, касательно дачи въ аулахъ подводъ мѣстнымъ начальникамъ при разъѣздахъ ихъ для исполненія служебныхъ обязанностей, не было приведено въ исполненіе по моему приказанію, то это было бы дѣйствительно нарушеніемъ съ моей стороны 282 и 794—795 статей 2 тома 1 части свода закон. (изд. 1857 г.); но я такого приказанія не давалъ, и откуда взяли гг. ревизоры, что я далъ его, не понимаю. Это одно. Но еслибы я и взду-

малъ давать подобныя противузаконныя приказанія, развѣ Правленіе обязано исполнять ихъ? Въ ст. 96 II тома 1 част. св. закон. значится: Если кто получитъ отъ Предсѣдателя противузаконное приказаніе, то обязанъ, неисполняя онаго, объявить ему тайно, что оно противно законамъ; а когда Предсѣдатель симъ не убѣдится, тогда уже донести о томъ Высшему Начальству; если же и съ сей стороны усмотрѣно имъ будетъ несообразное съ законами распоряженіе, то представить Начальству, а наконецъ, въ случаѣ надобности, довести и до Высочайшаго свѣденія». Далѣе, въ 743 ст. того же тома: «Если Губернское Правленіе усмотритъ въ предписаніи Министра что либо противное законамъ или пользамъ Императорскаго Величества, то, не дѣлая исполненія, представляетъ о томъ отъ лица Губернатора тому начальству, отъ коего распоряженіе послѣдовало; въ случаѣ же подтвержденія, Правленіе представляетъ о томъ на разрѣшеніе въ Правительствующій Сенатъ». А какъ Областное Правленіе, по 765 ст. II т. 2 ч. свода зак., соединяетъ въ составѣ своемъ власть и обязанности, между прочимъ, и Губернскаго Правленія, то обязано руководствоваться этою 743 статьею, такъ какъ въ ней ничего не примѣнимаго къ управленію Киргизами не заключается. Такимъ образомъ, если дозволяется закономъ протестовать противу незаконныхъ распоряженій даже такого лица какъ министръ, что могло бы удержать членовъ Областнаго Правленія отъ протеста противу незаконнаго распоряженія предсѣдателя, если бы оно было дано? Просто статья не приведена въ исполненіе, по забывчивости при множествѣ другихъ занятій. Это, безспорно, упущеніе, на которое прежде всѣхъ долженъ обратить вниманіе товарищъ предсѣдателя, обязанный наблюдать за порядкомъ дѣлопроизводства; и если бы ему сказано было, что исполненіе журнала остановлено по моему приказанію, онъ долженъ былъ бы, на основаніи 755 ст. II т. 1 ч. св. закон., довести о томъ до моего свѣдѣнія, а это не имѣло мѣста со стороны моего товарища.

Затѣмъ, что касается до основаній, по которымъ я считалъ удобнымъ по нѣкоторымъ бумагамъ прежде внесенія ихъ въ общее присутствіе, какъ должно быть, говорятъ гг. ревизоры, класть свои резолюціи, которыя, по ихъ мнѣнію, могли стѣснять членовъ въ предоставленномъ имъ закономъ свободномъ изъявленіи ихъ мнѣній, то:—1) порядокъ доклада дѣлъ и бумагъ принятъ въ Областномъ Правленіи установленный для Губернскихъ Правленій ст. 773-ю и для Палатъ Государственныхъ Имуществъ ст. 1293 и 1294, II т. I ч. св. закон., какъ наиболѣе упрощенный и близкій къ современности. По означенному порядку дѣла докладываются присутствію проектами журналовъ, и заключеніе пишется совѣтникомъ въ видѣ проекта постановленія. Законъ не признаетъ, чтобы такой проектъ стѣснялъ прочихъ совѣтниковъ въ свободномъ изъявленіи ихъ мнѣній, ибо проектированный журналъ, по ст. 775, разсматривается въ присутствіи и можетъ быть измѣненъ и переписанъ, въ постановленіе же обращается, по ст. 794 и

1304, тогда лишь, когда одобренъ и подписанъ всѣми членами, или по ст. 776 и 1300, большинствомъ ихъ, съ приложеніемъ особаго мнѣнія, несогласившагося съ большинствомъ члена; 2) точно такимъ же образомъ писалъ и я на нѣкоторыхъ бумагахъ не резолюціи, а проекты постановленій, которые нисколько не стѣсняли свободы мыслей гг. членовъ присутствія вообще, и въ особенности того совѣтника, въ отдѣленіе котораго бумага поступала. Если бы гг. ревизоры обратили поболѣе вниманія на содержаніе бумагъ съ моими проектами постановленій, то увидѣли бы, что всѣ почти бумаги эти заключали въ себѣ либо предписанія начальства, требовавшія немедленнаго исполненія, либо жалобы, по существу своему требовавшія немедленныхъ распоряженій. Прочитавъ такую бумагу, тотчасъ по полученіи ея, въ присутствіи гг. членамъ, и отобравъ ихъ мнѣнія о предметѣ, я, для сбереженія времени и облегченія гг. совѣтниковъ, тотчасъ же и писалъ на самой бумагѣ проектъ постановленія, чѣмъ ходъ дѣла и исполненіе ускорялись въ значительной мѣрѣ. Въ другихъ же случаяхъ руководствовался я 1278, 1308 и 1309 ст. II т. 1 ч. св. закон. (изд. 1857 г.). Такой способъ веденія дѣлъ, при которомъ начальникъ, безъ нарушенія духа закона, работаетъ за подчиненныхъ, облегчая ихъ трудъ и ускоряя ходъ дѣла, не заслуживаетъ кажется, со стороны высшаго Правительства ничего инаго, кромѣ признательности. Доказательствомъ же того, что свобода мнѣній, предоставленная закономъ членамъ Областнаго Правленія, нисколько мною не стѣснялась, могутъ служить какъ тѣ случаи, когда большинство членовъ не соглашалось съ моимъ мнѣніемъ, и дѣло рѣшалось по большинству голосовъ, а я свое мнѣніе подавалъ особо, такъ и тѣ, когда совѣтникъ, несогласный съ мнѣніемъ моимъ и мнѣніемъ большинства, поступалъ такимъ же образомъ по силѣ 776 ст. II т. 1 ч. св. закон.; 3) точно такимъ же образомъ поступалъ и предмѣстникъ мой генералъ-лейтенантъ Ладыженскій; потому если наложеніе на бумагахъ проектовъ постановленій ваше высокопревосходительство изволите признавать неправильнымъ, слѣдуетъ и у него спросить на какомъ основаніи дѣйствовалъ онъ такимъ образомъ: по силѣ 225 ст. II т. 1 ч. св. зак., отвѣчаютъ за упущенія по присутственному мѣсту не только наличные, но и бывшіе его члены; 4) съ чего взяли гг. ревизоры, что относительно порядка доклада дѣлъ и бумагъ, Областное Правленіе должно руководствоваться не 773 и 1293, а 140 — 144 статьями II т. 1 ч. св. зак., я рѣшительно недоумѣваю. Отъ дѣлопроизводства Областнаго Правленія высшее Правительство прежде всего требовало простоты и скорости; порядокъ же указанный въ ст. 773 и 1293 безо всякаго сомнѣнія много проще и удобнѣе установленнаго для Судныхъ Палатъ въ тѣ еще времена, когда предполагалось возможнымъ, что въ присутсвенномъ мѣстѣ не будетъ никакихъ дѣлъ и бумагъ для разсмотрѣнія и рѣшенія (II т. 1 ч. ст. 36). Потому и не находилъ я нужнымъ входить съ представленіемъ по начальству объ измѣненіи того, что лучше на то что хуже.

При вышеизложенныхъ требованіяхъ министерства иностранныхъ дѣлъ отъ дѣлопроизводства Пограничной Комиссіи, я, за подобное представленіе, могъ бы быть уволенъ отъ должности, какъ человѣкъ неспособный понимать видовъ Правительства.

По седьмому пункту. Не понимаю какого контроля за дѣйствіями попечителей и мѣстныхъ ордынскихъ властей требуетъ отъ Областнаго Правленія ревизіонная комиссія. Если подъ контролемъ разумѣетъ она «наблюденіе за законностію дѣйствій лицъ частнаго управленія», возлагаемое на обязанность Областнаго Правленія вторымъ и третьимъ пунктомъ 770 ст. II т. 2 ч. св. зак., то такое наблюденіе имѣетъ мѣсто со стороны Областнаго Правленія: никакая жалоба на попечителя или киргизскаго чиновника не остается безъ разслѣдованія, если только она не явно кляузная или безсмысленная. Къ чести гг. попечителей должно сказать, что они почти не подаютъ повода къ жалобамъ на нихъ Киргизовъ, и что за мое время немногія жалобы на нихъ, имѣвшія мѣсто, оказывались почти всегда неосновательными. За упущенія по своимъ обязанностямъ, если таковыя случаются, дѣлаются гг. попечителямъ, какъ и ордынскому начальству, замѣчанія и выговоры. Къ ревизіямъ канцелярій ихъ медленностію дѣлопроизводства также не подаютъ они повода: это гг. ревизоры могли бы видѣть изъ того, что въ числѣ 3943 дѣлъ, найденныхъ ими на производствѣ въ Правленіи за шестью попечителями останавливались только 73; при томъ канцеляріи тѣхъ попечителей, которыя бывали ревизуемы мною лично въ поѣздкѣ по Оренбургской линіи, всегда находимы были въ исправности; когда встрѣчался поводъ вразумить гг. попечителей на счетъ ихъ обязанностей, это было мною дѣлаемо: приведу въ примѣръ циркулярное имъ внушеніе съ моей стороны, отъ 19 апрѣля 1861 года за № 33—38. Свидѣтельствомъ-же самаго бдительнаго наблюденія за законностію дѣйствій ордынскихъ властей могутъ служить многочисленныя дѣла Правленія о производствѣ дознаній и слѣдствій по жалобамъ на таковыхъ, ихъ смѣнъ и увольненій отъ должностей, равно какъ и вѣдомости о томъ же предметѣ ежемѣсячно вашему высокопревосходительству представляемыя. Но при этомъ, съ одной стороны, случается нерѣдко, что жалобы Киргизовъ на начальниковъ своихъ подаются несправедливыя, кляузныя, вынуждаемыя не дѣйствительными злоупотребленіями сихъ послѣднихъ, а, напримѣръ, досадою на то, что начальникъ не принадлежитъ къ отдѣленію или подъотдѣленію просителей, и они считаютъ это униженіемъ для себя, почему готовы повредить ему всякими неправдами и клеветами. Характеръ такихъ жалобъ обнаруживается обыкновенно въ томъ, что, подавъ ихъ, просители довольствуются тѣмъ, что насолили недругу въ глазахъ начальства, и успокоиваются: жалоба между тѣмъ препровождается, для удостовѣренія въ степени основательности ея къ султану-правителю, который, зная, что она вздорная и кляузная, не торопится разбирательствомъ по ней, ибо имѣетъ на

рукахъ сотни спѣшныхъ и важныхъ дѣлъ, по которымъ требуется исполненіе. Правленіе-же, съ своей стороны, не получая отъ подавшихъ жалобу настояній о разборѣ ея (по основательнымъ жалобамъ Киргизы заваливаютъ Правленіе повторительными прошеніями, и, кромѣ того, тотчасъ-же обращаются къ генералъ-губернатору), не считаетъ нужнымъ заваливать Правителя понужденіями по подобнымъ вздорнымъ дѣламъ, когда ему и безъ того посылаются безпрестанно подтвержденія за подтвержденіями по предметамъ серьезнымъ, и когда Правленію извѣстно, что канцелярія правителя состоитъ изъ одного письмоводителя съ писцомъ, которыми и долженъ онъ обходиться, какъ знаетъ, имѣя на рукахъ дѣла, примѣромъ—правитель западной части, 70 т. кибитокъ или 350 т. душъ населенія. Не считаетъ также Областное Правленіе справедливымъ и полезнымъ для службы обременять Правителей подтвержденіями лишь для соблюденія формы, когда видитъ, что они употребляютъ всевозможныя усилія по очищенію дѣлопроизводства своихъ канцелярій, и дѣйствуютъ въ этомъ отношеніи съ успѣхомъ, какой считался невозможнымъ въ управленіе ген.-л. Ладыженскаго. При немъ число дѣлъ въ канцеляріяхъ правителей постоянно возрастало; при мнѣ — постоянно уменьшается: къ 1854 году считалось ихъ на производствѣ 3,797, а къ 1862 году оставалось уже 1,825, стало-быть уменьшилось почти на половину, безъ усиленія правительскихъ канцелярій хотя бы единымъ штатнымъ писцомъ. Къ числу помянутыхъ выше кляузныхъ жалобъ должны принадлежать по всей вѣроятности и поданныя на мѣстныхъ начальниковъ Аллабергенева—въ 1841 году и Кужанова—въ 1856 году, потому что жалобщики не возобновляли съ тѣхъ поръ своихъ просьбъ, почему и не было особой нужды напоминать правителю Западной части объ исполненіи по даннымъ ему предписаніямъ, когда онъ и безъ того едва справляется съ своими обязанностями по дѣлопроизводству. Тѣмъ не менѣе—странно, какъ просмотрѣли это гг. ревизоры, — по жалобѣ на Кужанова посланы были подтвержденія отъ Областнаго Правленія 15 мая 1857 года за № 6205, 6 февраля 1861 года за № 1453, и 6 сентября сего года за № 8429; а по жалобѣ на Аллабергенева подтвержденіе отъ 9 іюня 1858 года за № 7448 и отъ 20 января 1861 года за № 679; причемъ неизлишне обратить вниманіе и на то, что Кужановъ давнымъ-давно уже уволенъ отъ должности, и на мѣсто его еще въ іюлѣ 1857 года назначенъ другой ордынецъ, бій Достанъ Тургаевъ. Что-же касается до требуемаго объясненія, почему дѣло о противузаконныхъ сборахъ мѣстнаго начальника Аймурзина прекращено Правленіемъ по случаю показаній 71 человѣка объ оставленіи ими претензіи, то какъ прекращеніе послѣдовало по журналу подписанному всѣми членами Присутствія, то я и не считаю себя обязаннымъ отвѣчать за нихъ; тѣмъ не менѣе, какъ отвѣтъ по этому дѣлу нисколько незатруднителенъ, честь имѣю доложить: 1) Киргизы, подвѣдомственные Аймурзину, никогда и никому не жаловались на сборъ съ нихъ по 20 к. асс. съ кибитки на со-

держаніе письмоводителю; 2) дѣло объ этомъ возникло съ доноса Киргиза Самбая Куккузова, извѣстнаго кляузника, который въ 1856 году за ложные доносы и другіе противузаконные поступки, сосланъ въ Сибирь на поселеніе; да и то Куккузовъ доносилъ не на Аймурзина, что онъ собиралъ деньги, а на дистаночнаго начальника Исбулаева, что этотъ далъ только Аймурзину предписаніе собирать означенныя деньги; 3) по доносу велѣно было произвести не слѣдствіе, а розыскъ; 4) при розыскѣ оказалось, что сбора не производилось, стало быть Аймурзинъ ни въ чемъ не виноватъ; 5) Исбулаевъ, дѣйствительно давшій предписаніе о сборѣ, слѣдовательно единственно виновный въ дѣлѣ, умеръ. Какъ-же было не прекратить дѣла, и о чемъ-бы еще можно было вести его? Не имѣло бы Областное Правленіе права прекратить этого дѣла своею властію тогда лишь, когда-бы о поступкахъ Аймурзина предписано было произвести формальное слѣдствіе: въ такомъ случаѣ о прекращеніи дѣла должно оно было-бы обратиться съ представленіемъ къ вашему высокопревосходительству; но какъ произведено было не слѣдствіе, а розыскъ, то Областное Правленіе имѣло полное право почислить это дѣло конченнымъ собственною своею властію. Йзъ этого краткаго изложенія ваше высокопревосходительство изволите усмотрѣть, что гг. ревизоры (....) вовсе не поняли дѣла, которое выставили какъ образчикъ противузаконныхъ дѣйствій Правленія, а тѣмъ ввели въ заблужденіе и васъ самихъ.

По восьмому пункту. Вопросъ объ охраненіи спокойствія въ степи есть вопросъ не юридическій, а политическій; можно дѣйствовать въ этомъ отношеніи не уклоняясь ни на волосъ отъ свода законовъ и произвести возмущеніе. На сколько опытъ научилъ меня и Областное Правленіе, разслѣдованія о распространителяхъ ложныхъ слуховъ и подстрекателяхъ, во-первыхъ—не имѣютъ результатовъ, потому что виновныхъ въ томъ невозможно уличить: я ужъ обращалъ вниманіе вашего высокопревосходительства на то, какія вредныя послѣдствія можетъ имѣть преслѣдованіе людей лишь по молвѣ—въ представленіи моемъ по дѣлу о тайномъ провозѣ золота степью отъ 18 октября прошлаго года за № 96; и, во-вторыхъ—ведутъ не къ успокоенію умовъ; когда обвиняемый въ подстрекательствѣ знаетъ, что на него обращено вниманіе начальства и дано предписаніе удостовѣриться въ его дѣйствіяхъ, онъ притихаетъ и спокойствіе возстановляется; значитъ цѣль достигнута. Разшевеливать же водворившееся спокойствіе безполезнымъ преслѣдованіемъ подстрекателя значитъ переходить за цѣль, причинять вредъ спокойствію. При томъ донесенія о подстрекательствѣ и распространеніи ложныхъ слуховъ имѣютъ источникомъ почти всегда не любовь доносчиковъ къ общественному благу, не сознаніе обязанностей своихъ передъ Правительствомъ, а личности разнаго рода, соперничества и желаніе повредить недругамъ. По этимъ причинамъ, поручивъ правителю Западной части удостовѣреніе по жалобамъ въ этомъ родѣ на Чанкина и Якупова въ 1856 г.,

и по таковой же просьбѣ на Шагимарданова (а не Шагимратова) въ 1858 году, и видя, что съ тѣхъ поръ никакихъ новыхъ извѣстій о вредныхъ дѣйствіяхъ этихъ людей нѣтъ, Областное Правленіе нисколько не считаетъ нужнымъ настаивать на производствѣ этого удостовѣренія и только ради канцелярской очистки бумагъ по жалобѣ на Чанкина подтверждено правителю 17 іюня 1858 года за № 7742 и 28 декабря 1860 года за № 12392; по жалобѣ на Якупова 17 іюня 1858 г. за № 7743, 20 января 1861 года за № 975 и 20 іюня сего года за № 6111; и по просьбѣ на Шагимарданова—26 января 1861 года за № 976. На запросъ же какія предупредительныя мѣры принималъ я, чтобы спокойствіе въ степи не было нарушено, честь имѣю объяснить: 1) что помимо Областнаго Правленія не могъ я и не обязанъ, на основаніи 783 ст. II т. 1 ч. св. зак., принимать какія-либо особыя мѣры въ дѣлѣ такой важности; 2) что наилучшія, по мнѣнію моему, предупредительныя мѣры къ охраненію внутренняго въ степи спокойствія суть: наблюденіе за тѣмъ, чтобы личность и собственность каждаго ея жителя были неприкосновенны въ предѣлахъ закона; чтобы судъ творился правый; чтобы земли, какъ необходимое средство существованія, не были захватываемы одними въ ущербъ другимъ; чтобы никто не былъ обременяемъ противузаконными поборами или натуральными повинностями; чтобы въ случаѣ общественныхъ бѣдствій оказываема была возможная помощь; чтобы сосѣди казаки не стѣсняли Киргизовъ въ тебеневкѣ и т. д.; а за всѣмъ этимъ Областное Правленіе имѣло постоянно бдительное наблюденіе. Сверхъ того, имѣются секретные, на сколько это возможно, агенты, которые время отъ времени доставляютъ мнѣ свѣдѣнія о томъ, что толкуется и дѣлается въ степи, какъ смотрятъ киргизы на то или другое распоряженіе Правительства въ отношеніи къ нимъ, какія вѣсти приходятъ къ нимъ изъ сосѣдней Азіи, и т. д.; а въ 1854 году сдѣлано было, съ разрѣшенія г. генералъ-Губернатора, распоряженіе о задержаніи всѣхъ среднеазіатцевъ, пробирающихся въ степь съ неблагонамѣренными цѣлями подъ предлогомъ испрошенія подаяній, обученія дѣтей и т. п., и подтверждено о недержаніи безъ письменныхъ видовъ отъ пограничнаго начальства ни муллъ, ни какихъ либо другихъ русскихъ подданныхъ. Если вашему высокопревосходительству извѣстны еще какія другія мѣры, могущія служить предупредительнымъ средствомъ для сохраненія спокойствія въ степи, то честь имѣю почтительнѣйше просить указать оныя для руководства мнѣ и Правленію.

По пункту девятому. Въ донесеніи вашему высокопревосходительству отъ 17 ноября 1860 года за № 10961, сообщенномъ съ тѣмъ вмѣстѣ и департаменту полиціи исполнительной, на повинность перевозить верблюдами казенныя тяжести въ степныя укрѣпленія, указывалось между прочими несравненно важнѣйшими причинами неудовольствія Киргизовъ на Правительство, не по отяготительности этой повинности для Киргизовъ Восточной части вообще, а по отяготительности для нихъ возить собственно бревна изъ На-

урзумскаго бора въ Оренбургское укрѣпленіе и на Сыръ-Дарью. Объ этомъ предметѣ въ свѣдѣніяхъ, собранныхъ султаномъ Сейдалинымъ 2-мъ не упоминается, да не могло и упоминаться, потому что порученіе давалось ему въ 1856 году, а тягостная для Киргизовъ перевозка бревенъ не имѣла еще тогда мѣста; прочія же въ донесеніи Сейдалина подробности о поставкѣ верблюдовъ или не представляли для Правленія ничего новаго или разъяснились свѣдѣніями, доставленными попечителемъ Жуковскимъ отъ 4 августа 1857 года за № 716. Потому Правленіе, препроводивъ рапортъ Сейдалина на заключеніе правителя Восточной части, не имѣло никакой особой нужды настаивать о скорѣйшемъ представленіи этого заключенія, тѣмъ болѣе, что въ послѣдніе годы обязательный нарядъ верблюдовъ для доставки въ степныя укрѣпленія даже провіанта не имѣлъ мѣста, и можно было надѣяться, что Киргизы навсегда уже освободились отъ подобныхъ нарядовъ. При всемъ томъ однако-же, по неполученію отъ правителя заключенія его, теперь вовсе ненужнаго, ему, ради канцелярской очистки бумагъ, вновь повторено было о доставленіи онаго отъ 13 іюня 1861 года за № 6089 и отъ 9 сентября сего года за 8503. Что-же касается вообще до обязательной поставки верблюдовъ подъ провозъ провіанта въ степныя укрѣпленія, то Областное Правленіе не разъ доводило до свѣдѣнія начальства, что поставку не находитъ оно отяготительною для степныхъ Киргизовъ Восточной и Средней части, издавна промышляющихъ извозомъ, лишь-бы только цѣны за провозъ назначаемы были сообразно съ купеческими, деньги выдавались поставщикамъ непосредственно, а не черезъ ордынское начальство, и при слѣдованіи киргизскихъ каравановъ съ провіантовъ конвойные казачьи офицеры не распоряжались относительно времени и мѣста остановокъ и роздыховъ. Что-же касается до обязательнаго наряда верблюдовъ изъ прилинейныхъ дистанцій Средней, и тѣмъ болѣе изъ Западной части, то здѣсь, по непривычкѣ массы Киргизовъ къ этому дѣлу, означенные наряды крайне отяготительны для народа, ибо требуемое число верблюдовъ выставляется не хозяевами оныхъ, какъ въ Восточной части, а дистанціями по общественной сладкѣ, причемъ верблюды покупаются обществами, а деньги, получаемыя за провозъ изъ казны, не окупаютъ иногда и трети падающихъ на общества издержекъ по поставкѣ. Измѣнить такой порядокъ, весьма пріятный для ордынскихъ властей, которыя находятъ въ немъ свои выгоды, и весьма значительныя, я не вижу никакого средства, кромѣ отмѣны нарядовъ и приглашенія Киргизовъ Средней и Западной части, владѣющихъ верблюдами, наниматься подъ провозъ провіанта съ вольныхъ торговъ; причемъ, чтобы они взялись за это, цѣны необходимо предлагать имъ не ниже купеческихъ. При такомъ условіи между Киргизами Средней части, я увѣренъ, найдется довольно охотниковъ; изъ Киргизовъ-же Западной части, даже и при означенномъ условіи, явится ихъ едва-ли нѣсколько человѣкъ, по непривычкѣ, какъ я уже замѣтилъ, къ извозничеству, и по не-

расположенію имѣть дѣла съ казною, которая, ради казеннаго интереса, не обращаетъ никакого вниманія на непредвидимыя обстоятельства, могущія случиться съ возчиками-контрагентами, тогда какъ купцы, изъ своихъ-же выгодъ въ будущемъ, не допускаютъ контрагентовъ своихъ разоряться безвинно, и, въ случаѣ неустойки, умѣютъ улаживать съ ними дѣла такъ, какъ казна этого не можетъ.

По пункту десятому. Въ представленіи къ вашему высокопревосходительству отъ 3 октября 1860 года, за № 8929, Областное Правленіе, ходатайствуя о сохраненіи воспрещенія башкирскимъ мулламъ проживать въ степи, выразилось, что при отмѣнѣ этого воспрещенія оно не можетъ ручаться за спокойствіе степи, *особенно* въ тогдашнее голодное время, и когда тамъ есть другіе поводы къ неудовольствіямъ противу Правительства.

Ясно, что голодное время выставлено было не единственною причиною опасности для спокойствія степи, а одною изъ многихъ причинъ. И дѣйствительно ни что не подвигаетъ народонаселеніе къ волненіямъ такъ, какъ голодъ. Пособіе народу въ такихъ обстоятельствахъ представляется дѣйствительно обязанностію правительства; но пособіе это нигдѣ въ цѣломъ мірѣ не оказывается въ такихъ размѣрахъ, въ какихъ желалъ бы получить его самъ народъ, по невозможности этого для правительствъ, располагающихъ опредѣленными средствами. Въ размѣрахъ, которые признавало возможнымъ, Областное Правленіе никогда не отказывало Киргизамъ, съ разрѣшенія главныхъ начальниковъ края, въ пособіяхъ при безкормицѣ. Но ваше высокопревосходительство изволите ставить въ вину Правленію, зачѣмъ при подобныхъ обстоятельствахъ въ зиму 1860—1861 года неоказало оно Киргизамъ пособія въ томъ именно размѣрѣ, въ какомъ они его просили, или по крайней мѣрѣ не представило объ этомъ по начальству. Противъ этого обвиненія многое можно сказать, не обращая уже особаго вниманія на то, что гг. ревизоры перепутали цифры *). Начну съ того, что представляя начальству объ оказаніи пособія въ размѣрѣ поступившихъ просьбъ, слѣдовало указать и на источники, изъ которыхъ оно могло бы быть сдѣлано, а такихъ свободныхъ источниковъ въ вѣдѣніи Правленія болѣе нежели на ту сумму, какая выдана была Киргизамъ, не имѣлось. Далѣе, выдавая Киргизамъ деньги въ ссуду на покупку хлѣба и сѣна, должно имѣть въ виду возможность уплаты съ ихъ стороны сдѣланнаго долга; при неуплатѣ въ срокъ кто бы оказался виновнымъ въ излишнемъ допущеніи кредита? Конечно, ни кто иной, какъ Областное Правленіе. Въ

---

*) Разрѣшено было вашимъ высокопревосходительствомъ къ раздачѣ не 4300 р., а 3,588 р. 48 к., роздано же въ дѣйствительности только 3108 р. $92^{3}/_{4}$ к., объ этомъ доведено было до свѣдѣнія г. исправлявшаго должность генералъ-губернатора отъ 29 января сего года за № 1326. Просьба же о ссудахъ поступила послѣ этой раздачи еще на сумму болѣе 35,000 р., а не на 7,470 р.—какъ насчитали гг. ревизоры.

третьихъ—изъ какихъ суммъ своихъ можетъ Правленіе дѣлать Киргизамъ заимообразныя безпроцентныя ссуды? Изъ источниковъ, имѣющихъ опредѣленное назначеніе, слѣдовательно долженствующихъ быть пополненными къ концу года, подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, разстройства всего организма управленія; слѣдовательно, представляя о возможныхъ ссудахъ изъ таковыхъ суммъ, Правленіе и безъ того беретъ на себя большую отвѣтственность: на какомъ же основаніи должно оно было бы обязываться отвѣтственностію выше мѣры, признаваемой имъ возможною? Временный Совѣтъ по управленію Внутреннею ордою, раздавъ капиталы ссудной кассы своей, не можетъ получить ихъ обратно съ нѣкоторыхъ лицъ впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ: что же сталось бы съ Правленіемъ, еслибы оно роздало такимъ образомъ свои штатныя суммы на содержаніе Управленія? Въ четвертыхъ—опытъ показалъ правительству, что число подаваемыхъ просьбъ о ссудѣ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда она дѣлалась, возрастало по мѣрѣ ссудъ выданныхъ, такъ что еслибы вмѣсто 3,108 руб. розданныхъ зимою 1860—1861 года, роздано было напримѣръ 10,000 руб., то прошеній о ссудѣ поступило бы не на 35,000, а на 70 и на 100 тысячь руб.: кто непопроситъ денегъ, даже не нуждаясь въ нихъ, когда ссуду можно получить безъ процентовъ, и выданными деньгами воспользоваться для разныхъ аферъ, до которыхъ Киргизы большіе охотники? Слѣдовательно, сколькимъ бы лицамъ ни сдѣланы были ссуды, вдвое, втрое большему противу того числу всегда пришлось бы отказать. Въ пятыхъ—я и въ представленіи моемъ къ вамъ о разрѣшеніи ссуды отъ 13 декабря 1860 года, № 101, изложилъ, что «просьбы о заимообразной ссудѣ денегъ поступаютъ ежедневно; но что всѣхъ просящихъ удовлетворить нельзя, еслибы въ вѣдѣніи Правленія состояли даже десятки тысячъ свободныхъ суммъ, почему слѣдуетъ ограничиться оказаніемъ возможнаго пособія преимущественно Киргизамъ Западной части, наиболѣе бѣдствующимъ». Ваше высокопревосходительство ничего не изволили возразить тогда на это заключеніе, и въ предложеніи отъ 22 декабря, за № 1405, разрѣшили только прошенную мною раздачу въ ссуду 1,600 р. сер. изъ штатной суммы на жалованье дистаночнымъ начальникамъ. Въ шестыхъ — наконецъ, даже пенсіонный капиталъ Правленія, простирающійся за 140 т. р. с., еслибы его можно было раздавать Киргизамъ въ ссуду безъ процентовъ, весь капиталъ этотъ былъ бы недостаточенъ для оказанія Киргизамъ пособій въ мѣрѣ дѣйствительной надобности: изъ донесенія моего вашему высокопревосходительству отъ 25 іюня сего года, за № 109, изволите вы усмотрѣть, что въ зиму 1860—1861 года Киргизы только двухъ дистанцій, 5 и 6, купили и заняли въ долгъ у казаковъ Уральскаго войска одного сѣна на 150,000 р. с. для поддержанія всего третьей части своего скота, двѣ же трети его у нихъ пало отъ неимѣнія средствъ къ пріобрѣтенію корма. Стало быть какимъ бы сочувствіемъ ни было проникнуто Област-

ное Правленіе къ бѣдствіямъ Киргизовъ отъ безкормицы, ослабить эти бѣдствія было не въ его силахъ, да и ни въ чьихъ; а нарушенія спокойствія въ степи Правленіе ожидало не отъ голода собственно, а отъ допущенія туда муллъ, которые могли воспользоваться голодомъ для распространенія между Киргизами религіознаго фанатизма, представивъ имъ, что голодъ есть наказаніе отъ Бога за покорность невѣрнымъ и принятіе ихъ порядковъ. На запросъ: не принималъ ли я кромѣ ссуды деньгами какихъ либо особыхъ мѣръ къ облегченію бѣдствій Киргизовъ, честь имѣю отвѣтствовать опять, что помимо Областнаго Правленія не могу я принимать никакихъ мѣръ и не долженъ дозволять себѣ, кромѣ случаевъ, указанныхъ въ 761 ст. II т. 2 ч. св. зак., никакихъ распоряженій; о другихъ же кромѣ ссуды мѣрахъ Областнаго Правленія къ облегченію Киргизовъ въ продовольствіи ихъ скота въ зиму 1860—1861 года ваше высокопревосходительство извѣстны уже изъ представленія Областнаго Правленія отъ 12 сентября 1860 г., за № 7730, и изъ моего представленія отъ 3 ноября того же года, за № 81, при чемъ главная мѣра, которую я предлагаю—предоставленіе Киргизамъ перевозки провіанта въ степныя укрѣпленія какъ средство добыть деньги на покупку сѣна и хлѣба—не удостоилась даже и упоминовенія въ отвѣтномъ вашемъ на представленіе это предложеніи отъ 1 ноября 1860 года, за № 1390.

Наконецъ по запросу: почему столь важный предметъ какъ обезпеченіе Киргизовъ въ бѣдственные годы не былъ обсужденъ мною ранѣе нынѣшняго года, т. е. почему только въ нынѣшнемъ году, а не ранѣе, представленъ мною проектъ учрежденія ссудной кассы для Киргизовъ области,— честь имѣю доложить, что я ни какимъ закономъ не обязываюсь представлять проектовъ, которыхъ начальство отъ меня нетребовало, и если представилъ проектъ о ссудной кассѣ, такъ это особая заслуга съ моей стороны, которая могла быть сдѣлана или не сдѣлана мною, по собственному моему произволу. Предмѣстникъ мой генералъ Ладыженскій, тоже девять лѣтъ предсѣдательствовалъ въ пограничной комиссіи; при немъ также какъ и при мнѣ случалась безкормица въ степи; онъ однако же не придумалъ никакого капитальнаго средства къ облегченію Киргизовъ отъ бѣдствія такого рода, и ни кто, ни ваше высокопревосходительство, ни предмѣстникъ вашъ, не вздумали поставить ему этого въ вину. На какомъ же основаніи мнѣ мою же заслугу изволите вы обращать въ упрекъ? Россія болѣе полутораста лѣтъ страдаетъ отъ дурнаго устройства судебной части, не менѣе чѣмъ Киргизы отъ неурожая сѣна и хлѣбовъ въ сухіе годы, а между тѣмъ только настоящее правительство, и не далѣе какъ въ текущемъ году, выработало новыя основанія для судоустройства и судопроизводства; выходитъ, что и оно вмѣсто благодарности народной должно подвергнуться упреку, зачѣмъ не сдѣлано этого хоть пятью годами ранѣе? Сдѣлать всего вдругъ нельзя. Я же потому, между прочимъ, не представилъ до послѣдняго времени

проекта ссудной кассы для Области Оренбургскихъ Киргизовъ, что долженъ былъ посмотрѣть прежде какъ дѣйствуетъ таковая же касса, учрежденная для Внутренней Орды, чтобы въ моемъ проектѣ избѣгнуть тѣхъ сторонъ, какія могли оказаться и дѣйствительно оказались не практическими въ сей послѣдней.

По одиннадцатому пункту. Если бы гг. ревизоры (....) вникли въ общій ходъ дѣлъ Областнаго Правленія, а не ограничивали своей задачи чтеніемъ дѣлъ на удачу, и то урывочнымъ, такъ не могли бы не видѣть постоянной заботливости Областнаго Правленія о прилинейныхъ Киргизахъ Западной части сопредѣльныхъ съ уральскимъ казачьимъ войскомъ, и постоянныхъ его усилій облегчить ихъ участь, навлекая даже тѣмъ на себя неудовольствіе главныхъ начальниковъ края, которые всѣ почему-то опасались оказывать Киргизамъ должную въ отношеніи уральцевъ справедливость, и, если на бумагѣ и принимали иногда сторону Киргизовъ, то на дѣлѣ относились съ равнодушіемъ къ тому, что чины уральскаго войска весьма мало сообразовались съ ихъ предписаніями. Изложеніе дѣла о пригурьевскихъ байгушахъ, на которое гг. ревизоры указали какъ на разительный примѣръ отсутствія заботливости Областнаго Правленія о подвѣдомственныхъ Киргизахъ, можетъ служить, на оборотъ, доказательствомъ того, какъ оно заботилось объ нихъ. Около мѣновыхъ дворовъ всѣхъ значительныхъ торговыхъ пунктовъ Оренбургской линіи: Троицка, Оренбурга, Гурьева, скопились въ разное время толпы бѣдныхъ Киргизовъ, которые, снискивая тутъ пропитаніе разными работами, еще болѣе промышляли вреднымъ кулачествомъ, воровствомъ и развратомъ. Въ 1854 и 1856 годахъ, изъ Киргизовъ этихъ, пробивавшіеся около Троицка и Оренбурга были, съ разрѣшенія графа Перовскаго, удалены отъ мѣновыхъ дворовъ и разобраны по родамъ, къ которымъ принадлежали, для обращенія къ правильному труду. Надлежало озаботиться тѣмъ же и въ отношеніи пригурьевскихъ байгушей, которымъ притомъ лѣтомъ 1856 года угрожалъ голодъ по дороговизнѣ цѣны на хлѣбъ въ Гурьевѣ. Въ ссуду имъ на покупку хлѣба пограничная комиссія исходатайствовала заблаговременно у генералъ-губернатора 300 руб. сер.; деньги эти, потомъ, по бѣдности заемщиковъ, вслѣдствіе ходатайства пограничной комиссіи, были сложены со счетовъ. Затѣмъ въ 1857 году, собравъ самыя подробныя свѣдѣнія о средствахъ къ существованію сихъ байгушей, пограничная комиссія представила означенныя свѣдѣнія генералъ-адъютанту Катенину, прося разрѣшенія его на поступленіе съ ними также, какъ поступлено было съ байгушами при Оренбургскомъ и Троицкомъ мѣновыхъ дворахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, на заимообразную выдачу имъ вновь 400 руб. для покупки хлѣба, такъ какъ предвидѣлось затрудненіе въ продовольствіи ихъ зимою 1857—1858 года. По изъявленіи на это согласія генералъ-губернаторомъ, деньги были немедленно высланы и розданы изъявившимъ желаніе получить ссуду, а

съ открытіемъ весны 1858 года изъ 335 кибитокъ байгушей оставалось при Гурьевѣ ужъ только 135, которыя не могли укочевать въ степь по крайней бѣдности: этихъ правителю приказано было разобрать по родамъ, къ которымъ они принадлежали, чрезъ содѣйствіе въ томъ родоправителей, а по невозможности взыскать съ нихъ сдѣланной ссуды въ количествѣ 181 р. 50 к. сер. представлено генералъ-губернатору въ октябрѣ 1859 года, о прощеніи имъ этого долга, на что и послѣдовало разрѣшеніе. Спрашивается, какія еще большія заботы о пригурьевскихъ байгушахъ могли быть оказаны Областнымъ Правленіемъ при его средствахъ, и возможно ли было со стороны гг. ревизоровъ подобныя дѣйствія Областнаго Правленія выставлять какъ образецъ невнимательности его къ нуждамъ Киргизовъ? О заботливости его въ отношеніи къ сосѣднимъ съ уральцами Киргизамъ могли бы они узнать также хотя изъ дѣлъ: о порубкѣ лѣса султанами Айчуваковыми; о выкошеніи казаками Илецкаго-Городка киргизскихъ сѣнокосныхъ мѣстъ за Ураломъ; объ увозѣ казаками Гребеньщиковскаго форпоста принадлежащаго Киргизамъ сѣна; объ истребленіи лѣсовъ по Уралу около Рубеженскаго форпоста; о неправильномъ взысканіи денегъ за порубку лѣса съ Киргизовъ Джумукова, Санкибаева и другихъ; о недопускѣ Киргизовъ къ сѣнокошенію въ 1861 году начальникомъ Сорочинскаго форпоста, и т. д. При ближайшемъ знакомствѣ съ предметами, въ другомъ видѣ представилось бы имъ и дѣло по жалобѣ Тазовцевъ на недопущеніе ихъ къ зимованію около Гурьева-Городка. Жалоба эта поступила въ Областное Правленіе въ самомъ концѣ 1857 года, когда только что было сдѣлано распоряженіе объ удаленіи оттуда байгушей; подъ именемъ Тазовцевъ могли скрываться тѣ же самые байгуши; прежде всего надлежало удостовѣриться въ этомъ; это и было поручено, безъ потери времени, мѣстному попечителю, съ тѣмъ, чтобы онъ, если Тазовцамъ по распоряженію уральской войсковой канцеляріи дѣйствительно разрѣшено зимовать на прежнихъ мѣстахъ и если командиръ Гурьева-Городка дѣйствительно самовольно имъ въ томъ препятствуетъ,—вошелъ съ кѣмъ слѣдуетъ въ сношеніе объ устраненіи этого препятствія. Попечитель донесъ отъ 31-го марта 1858 года, что дѣйствительно Тазовцы не были допущены на прежнія зимовья свои начальниками Гурьева-Городка, которые, по отзыву ихъ, дѣйствовали въ этомъ случаѣ по приказанію атамана уральскаго казачьяго войска, приказанію, по мнѣнію г. попечителя, ложно ими истолкованному; но что на часть прежнихъ зимовокъ своихъ Тазовцы были допущены и, благодаря благополучной зимѣ, прозимовали кое какъ. Вашему высокопревосходительству извѣстно, что казаки уральскаго войска присвояютъ себѣ хозяйственное распоряженіе лѣвымъ берегомъ Урала, и начальство ихъ ежегодно распоряжается какія мѣста по этому лѣвому берегу предоставить въ пользованіе казаковъ и какія оставить за Киргизами. Вслѣдствіе этого не однимъ Тазовцамъ, а и многимъ другимъ Киргизамъ приводится нерѣдко

проводить зиму около Урала кое-какъ. Устранить такой порядокъ или безпорядокъ вещей не въ силахъ Областнаго Правленія. По этому и проведеніе Тазовцами зимы 1857—1885 года кое какъ, будучи случаемъ весьма обыкновеннымъ, немогло вызвать со стороны Областнаго Правленія никакихъ особыхъ мѣръ. Затѣмъ когда осенью 1858 года попечитель вошелъ въ правленіе съ новымъ запросомъ о зимовкахъ для Тазовцевъ, оно, для уясненія ихъ права на зимовки ими присвоенныя, просило уральскую войсковую канцелярію прислать копію съ предписанія ей военнаго губернатора отъ 4-го іюня 1833 года, за № 990, о предоставленіи Киргизамъ свободнаго зимованія по лѣвому берегу Урала, надѣясь въ этомъ документѣ найти какія нибудь основанія для ходатайства о Тазовцахъ; но такъ какъ искомыхъ основаній не открылось, то дѣло и оставлено безъ движенія до окончанія общаго спора Киргизовъ съ Уральцами о владѣніи лѣвымъ берегомъ Урала. Запросъ же отъ 14 октября 1860 года сдѣланъ былъ по поводу того, что въ октябрѣ 1860 года поступило въ Областное Правленіе, отъ имени 700 кибитокъ Черкасовцевъ, прошеніе Киргиза Чулая Мавлюкенева, который жаловался, что начальникъ Гурьева-Городка хорунжій Затворниковъ и казакъ Калачевъ стѣсняютъ ихъ въ сѣнокошеніи (почти на тѣхъ же самыхъ урочищахъ, которые присвоивали себѣ Тазовцы). На право кочеванія Мавлюкенева съ однородцами въ указанныхъ имъ мѣстахъ отыскались положительныя предписанія казачьему Уральскому начальству генерала отъ инфантеріи Обручева, данныя въ сентябрѣ 1843 и февралѣ 1845 года, потому Областное Правленіе и отнеслось къ г. наказному атаману Уральскаго войска о допускѣ Мавлюкенева съ товарищами на означенныя мѣста и о возвращеніи имъ сѣна, накошеннаго тамъ Затворниковымъ и Калачевымъ. Вотъ Областное Правленіе, имѣя юридическое основаніе ходатайствовать о черкасовцахъ, заступилось за нихъ. Но къ чему же привело это заступничество? Къ тому, что на представленія Областнаго Правленія отъ 10-го и 17-го марта прошлаго года, за № 3037 и 3360, какъ по этому предмету, такъ и вообще по стѣсненію Киргизовъ въ кочеваніи и сѣнокошеніи между Ураломъ и протокомъ Соколкою (въ томъ числѣ и Тазовцевъ), ваше высокопревосходительство предложеніемъ отъ 1-го апрѣля того года, за № 326, изволили увѣдомить правленіе, что отъ васъ предложено командующему Уральскимъ казачьимъ войскомъ сдѣлать распоряженіе о предоставленіи въ пользу Киргизовъ сѣна, накошеннаго Затворниковымъ и Калачевымъ на Киргизскихъ зимовкахъ близь Гурьева-Городка и невоспрещать на будущее время ордынцамъ кочевать на Гоголевскихъ островахъ и въ долинѣ между Ураломъ и протокомъ Соколкомъ, если это окажется необходимымъ для Киргизъ и возможнымъ безъ особаго стѣсненія войсковыхъ обывателей. Такимъ образомъ уральскіе казаки, вмѣсто положительнаго удовлетворенія Киргизовъ, оставлены судьями въ собственномъ своемъ дѣлѣ, чѣмъ, разумѣется, и не преминули воспользоваться. Основы-

ваясь на эластической фразѣ «безъ особаго стѣсненія войсковыхъ обывателей», начальство Уральскаго войска нетолько нашло законнымъ невозвратить Киргизамъ сѣна, накошеннаго Затворниковымъ и Калачевымъ, но и опять не допустило Киргизовъ къ сѣнокошенію и тебеневанію между Ураломъ и Соколкою на прежнихъ мѣстахъ. Управляющій частію Черкасовцевъ и Тазовцевъ Турунтаевъ въ сентябрѣ 1861 года донесъ правленію, что вслѣдствіе разрѣшенія вашего высокопревосходительства зимовать Киргизамъ между Ураломъ и Соколкою, они прикочевали туда, но начальникъ Гурьева-Городка не дозволилъ имъ расположиться тамъ на зиму, почему они и принуждены были удалиться (получивъ отъ Турунтаева свѣдѣніе о положеніи Тазовцевъ, Областное Правленіе не имѣло нужды настаивать на присылкѣ отвѣта объ ихъ положеніи по запросу, данному попечителю Протопопову отъ 14-го октября 1860 года, что выставлено гг. ревизорами какъ разительный примѣръ небрежности правленія о подвѣдомственныхъ ордынцахъ). Донесеніе такого же содержанія получено было по новымъ жалобамъ Мавлюкенева съ товарищами и отъ правителя Западной части области. Обо всемъ этомъ доведено было Областнымъ Правленіемъ до свѣдѣнія г. исправлявшаго должность вашу генералъ-лейтенанта Ладыженскаго; но на представленіе правленія отъ 16-го апрѣля сего года, за № 3906, не имѣется доселѣ никакого отвѣта, такъ что и настоящую зиму пригурьевскимъ Киргизамъ опять придется проводить кое какъ. Ясно, что не Областное Правленіе оставляетъ пригурьевскихъ киргизовъ безъ защиты отъ притѣсненій Уральцевъ, и что не его вина если всѣ заботы его о томъ остаются безплодны.

По запросу, отъ чего правленіе не настаиваетъ объ отвѣтѣ отъ правителя Западной части по просьбѣ хорунжаго Турунтаева о разрѣшеніи Киргизамъ добывать соль на урочищахъ Абджалъ (а не Аджанъ) и Тузъ-Тюпэ (а не Тука) и продавать ее Каспійскимъ (а не Качульскимъ) рыбопромышленникамъ, имѣю честь объяснить, что урочища эти находятся тоже около Гурьева-Городка, стало быть въ мѣстности, присвоеваемой уральскими казаками, почему хлопоты о просимомъ разрѣшеніи будутъ столь же безполезны, какъ всѣ хлопоты Областнаго Правленія о прекращеніи хозяйничанья уральскихъ казаковъ по лѣвому берегу Урала: доказательствомъ можетъ служить гораздо важнѣйшее дѣло объ отдачѣ на откупъ рыболовства въ озерѣ Чалкарѣ. Правитель Западной части донесъ Областному Правленію отъ 25-го и 31-го марта 1861 года, что уральскіе казаки пользуются рыболовствомъ въ этомъ озерѣ безо всякаго на то права и травятъ при этомъ окрестные Киргизскіе луга, между тѣмъ есть лица изъ купечества, готовые взять рыболовство въ этомъ озерѣ на откупъ съ ежегодною за то платою въ пользу казны 5000 р. сер., и представилъ подписку этихъ лицъ: Областное Правленіе вошло по предмету сему съ представленіемъ къ вашему высокопревосходительству отъ 5-го мая прошлаго года, за № 4774,

но, несмотря на дополнительныя къ представленію этому донесенія о разореніи Киргизовъ рыболовствомъ уральцевъ въ Чалкарѣ отъ 19-го января, 23-го іюня и 25-го іюля сего года, за № 1054, 6223 и 6246, правленіе неимѣетъ отъ вашего высокопревосходительства никакого увѣдомленія по этому дѣлу и доселѣ, въ теченіе года и семи мѣсяцевъ.

Наконецъ о важнѣйшихъ мѣрахъ, какія принимались Областнымъ Правленіемъ, частію по моей инициативѣ, къ удовлетворенію нуждъ киргизскаго народа вообще, ваше высокопревосходительство изволите усмотрѣть изъ годовыхъ отчетовъ этого учрежденія за 1854—1861 гг.

По пункту двѣнадцатому. Прежде чѣмъ обвинять Областное Правленіе въ бездѣятельности по учрежденію опекъ въ степи, гг. ревизоры должны были бы задаться вопросомъ: возможно-ли при Киргизскомъ бытѣ устройство опекъ и не противорѣчитъ ли это учрежденіе основнымъ понятіямъ Киргизовъ о родовой собственности? Если бы они вникли въ предметъ, то увидѣли бы, что при настоящемъ состояніи развитія гражданственности между Киргизами опеки въ степи учрежденіе столь же преждевременное, какъ, напримѣръ, университеты или заводы для выдѣлки паровыхъ машинъ. Начертывая положеніе 1844 года для управленія Оренбургскими Киргизами, правительство знало это очень хорошо, и потому между предметами, на которые должно обращаться вниманіе Областнаго Правленія, не указало на опеки. Правительство вовсе не желало, чтобы административное учрежденіе постепеннаго, мирнаго водворенія гражданственности между Киргизами, ломало ихъ народные семейные обычаи, потому что въ русскомъ законодательствѣ, законодательствѣ народа образованнаго, есть глава объ опекахъ. Какой Киргизъ возмется за опекунство на тѣхъ условіяхъ, какія требуются русскимъ закономъ, и если возмется, то какимъ образомъ будетъ въ состояніи ихъ выполнить, не говоря уже о томъ, что при господствѣ родовой собственности, имущество осиротѣвшаго малолѣтняго становится по праву достояніемъ старшаго въ семьѣ, въ безконтрольное завѣдываніе котораго и переходитъ? А если опекунство по русскому гражданскому праву не въ обычаѣ Киргизовъ, то какое основаніе имѣло бы Областное Правленіе вводить его между ними? Другое дѣло, когда бы Киргизы, наслышавшись объ опекѣ отъ русскихъ, сами пожелали введенія этого учрежденія, то тогда, разумѣется, Областное Правленіе не въ правѣ отказаться отъ вмѣшательства въ устройство этого дѣла. Такъ оно и поступило въ случаѣ этого рода, на который указали ревизоры вашему высокопревосходительству. Начальникъ 28 дистанціи донесъ, въ февралѣ 1860 года, что по смерти Киргиза Уркача Утегенева осталось двое малолѣтнихъ дѣтей и имущество со скотомъ, оцѣненные въ 1977 р. 59 к. сер., почему, впредь до особаго распоряженія, онъ отдалъ, какъ малолѣтнихъ, такъ и принадлежащее имъ имущество на попеченіе двоюродному брату ихъ Аманбаю Бузаеву, а чтобы послѣдній не растратилъ сказаннаго имущества,

предписалъ имѣть надзоръ мѣстному начальству. Рапортъ этотъ можно было бы просто принять къ свѣдѣнію, какъ нетребующій никакихъ распоряженій со стороны Областнаго Правленія; но оно сдѣлало болѣе: предписало въ мартѣ 1860 г. правителю средней части удостовѣриться и донести, можно ли положиться на благонадежность Аманбая Бузаева, представить подробную опись имуществу малолѣтнихъ, и наблюдать съ своей стороны за содержаніемъ его въ цѣлости и исправности; а какъ правитель замедлилъ нѣсколько отвѣтомъ, то ему было подтверждено 21 октября 1860 года, за № 9746, и 7 февраля 1861 года, за № 1029, вслѣдствіе чего онъ и донесъ отъ 31 марта 1861 года, за № 1099, что имѣніе малолѣтнихъ и сами они переданы на попеченіе родственнику Уркача киргизу Тохтубаю Карачину, какъ человѣку благонадежному, вмѣстѣ съ тѣмъ представилъ подробную опись имѣнію и скоту съ оцѣнкою и роспискою Карачина въ пріемѣ оныхъ, засвидѣтельствованною дистаночнымъ начальникомъ и четырьмя другими лицами. Спрашивается, что еще слѣдовало бы сдѣлать, по мнѣнію гг. ревизоровъ, и какимъ образомъ этотъ примѣръ можетъ указывать на невниманіе правленія къ интересамъ малолѣтнихъ Уркачевыхъ?

По тринадцатому пункту. Причины почему Киргизы не хотѣли отдавать дѣтей своихъ въ фельдшерскую школу при здѣшнемъ военномъ госпиталѣ изложены мною обстоятельно въ донесеніи вашему высокопревосходительству отъ 17 ноября прошлаго года, за № 114. Если теперь, по новому вызову, явилось нѣсколько человѣкъ родителей, которые рѣшились на это, готовность ихъ должно приписать, какъ тому, что страхъ, наведенный на Киргизовъ смертностію дѣтей ихъ въ фельдшерской школѣ, отъ времени уменьшился, такъ и объявленію, что дѣти назначаемыя въ фельдшера будутъ помѣщены предварительно, для обученія русскому языку въ киргизскую школу при правленіи, которая заслужила довѣріе Киргизовъ. Послѣдней мѣры правленіе, если бы вы сами не изволили указать на оную, не могло бы взять на свою отвѣтствѣнность, да не рѣшилось бы и представить объ ней, такъ какъ распоряженіе подобнаго рода противорѣчило бы Высочайше утвержденному въ 14 й день іюня 1844 г. положенію о школѣ, по которому она предназначена не для образованія фельдшеровъ. Но если усерднымъ исполненіемъ воли высшей, я и достигъ того, что теперь имѣются 10 кандидатовъ для вступленія въ фельдшерскую школу, это еще не значитъ, что всѣ они поступятъ въ оную, и что тѣ, которые поступятъ, останутся тамъ до конца. Объ успѣхѣ какой бы то ни было мѣры нельзя судить по началу: надо дождаться конца; а я, зная степь, позволяю себѣ предсказать, что если не будетъ употреблено насилія и угрозъ, по моему непозволительныхъ, то изъ десяти теперешнихъ кандидатовъ въ фельдшерскую школу дѣйствительно поступятъ туда немного болѣе половины, а изъ этой половины половина, подъ разными предлогами, останется въ степи послѣ перваго туда отпуска на лѣтнюю вакацію; если же, въ предупре-

жденіе этого, не отпускать киргизскихъ воспитанниковъ фельдшерской школы на вакаціонное лѣтнее время къ родителямъ, такъ они перемрутъ здѣсь, какъ ихъ предшественники, отъ ностальгіи и образа жизни, несоотвѣтственнаго съ ихъ степными привычками. Во всякомъ случаѣ сдѣлать то, что я сдѣлалъ по приказанію вашему, т. е. пригласить родителей къ отдачѣ дѣтей въ фельдшерскую школу, было бы несвоевременно дѣлать ранѣе, потому что пріемъ новаго комплекта воспитанниковъ въ фельдшерскую школу не былъ возможенъ до осени 1863 года; въ представленіи моемъ отъ 17 октября 1861 года, за № 114, я уже доносилъ вашему высокопревосходительству, что два киргизскихъ мальчика, пріисканные для обученія фельдшерскому искусству и доставленные въ фельдшерскую школу въ сентябрѣ 1859 года, не были приняты начальникомъ оной, и потому возвращены къ родителямъ; слѣдовательно и упрекъ въ томъ, что Областное Правленіе необратило вниманія на этотъ предметъ ранѣе и что оно могло бы къ настоящему времени доставить степи уже нѣсколько человѣкъ фельдшеровъ—падаетъ самъ собою. Но снабженіе степи фельдшерами не даетъ еще гарантіи въ томъ, что Киргизамъ будетъ оказываться сими послѣдними медицинская помощь и что это будетъ содѣйствовать распространенію оспопрививанія. Чтобы лечить, надо имѣть подъ рукою аптеку, а гдѣ же въ степи или на линіи могутъ фельдшера имѣть это необходимое пособіе въ скоромъ времени, когда не во всѣхъ еще уѣздныхъ городахъ внутри Россіи открыты аптеки; для кровопусканій же и леченья домашними снадобьями есть у Киргизовъ свои лекаря и лекарки и въ фельдшерахъ они не нуждаются. Введеніе оспопрививанія представляетъ еще болѣе трудностей, по невозможности онаго зимою, при жизни въ походныхъ кибиткахъ и по крайней затруднительности имѣть свѣжую оспенную матерію во всякое время года. Заботясь всемѣрно о распространеніи оспопрививанія между Киргизами (желательно было бы знать на чемъ основанъ голословный отзывъ гг. ревизоровъ о противномъ), Областное Правленіе, по обученіи оспопрививанію перваго выпуска воспитанниковъ киргизской школы (по уставу школы обучать ихъ этому не положено) въ числѣ 20 человѣкъ, выписало для нихъ изъ Петербурга двойной комплектъ оспопрививательныхъ иголъ и достаточное количество матеріи, и разослало имъ все это въ 1858 году съ краткимъ наставленіемъ отъ врача Правленія когда и при какихъ условіяхъ должна быть прививаема Киргизамъ и дѣтямъ ихъ оспа. Вмѣстѣ съ тѣмъ Султанамъ Правителямъ поставлено въ обязанность оказывать съ своей стороны всевозможное содѣйствіе воспитанникамъ къ распространенію оспопрививанія между подвѣдомственными ордынцами. Болѣе ничего нельзя было сдѣлать; но и сдѣланное не принесло никакой пользы, какъ не приносятъ пользы и разъѣзды оспопрививателей по русскимъ деревнямъ: воспитанники доносили, что, не взирая на всѣ внушенія Киргизамъ о пользѣ оспопрививанія, и на содѣйствіе въ этомъ Султановъ Правителей, успѣха

въ ихъ дѣйствіяхъ не послѣдовало отъ предубѣжденія степняковъ противу этой мѣры. Обо всемъ этомъ гг. ревизоры могли прочесть въ годовыхъ отчетахъ Правленія за 1858 и 1859 годы. О безуспѣшности другихъ къ тому же попытокъ Областнаго Правленія и о причинахъ, препятствующихъ успѣху въ этомъ дѣлѣ, равно какъ и о томъ, почему оспенныя эпидеміи не распространяются въ степи, ваше высокопревосходительство, если угодно, можете знать въ подробности, истребовавъ изъ Областнаго Правленія записку о семъ предметѣ, представленную врачемъ при Правленіи надвор. Совѣт. Нeймаркомъ впослѣдствіе предложенія вашего отъ 11 августа сего года, за № 1056.

По четырнадцатому пункту. Желательно было бы знать какія мѣры могли быть, по мнѣнію гг. ревизоровъ, приняты Областнымъ Правленіемъ къ приведенію въ точную извѣстность пространства, количества и состоянія лѣсовъ въ Области, когда оно не имѣетъ въ распоряженіи своемъ ни единаго лѣсничаго, и когда Область пространствомъ своимъ вдвое превосходитъ цѣлую Францію? Задавать такія требованія болѣе нежели странно со стороны гг. ревизоровъ. Что же касается до того, что Областное Правленіе доселѣ еще не отвѣтило на запросъ вашего высокопревосходительства черезъ корпусный штабъ, какія мѣры полагало бы оно принять къ охраненію лѣсовъ, не смотря на то, что именно съ этою цѣлію осмотрѣны были мною въ прошломъ году лѣса Восточной части Области, пріемлю честь донести, что происходитъ это отъ того, что Областное Правленіе, не имѣя въ распоряженіи своемъ чиновниковъ по лѣсной части, не придумало до сихъ поръ никакихъ практическихъ мѣръ, которыя бы не на бумагѣ, а на дѣлѣ, могли содѣйствовать къ охраненію степныхъ лѣсовъ отъ истребленія. Единственная, всѣми предлагаемая мѣра по этому предмету—учрежденіе лѣсной стражи и лѣсныхъ смотрителей—по мнѣнію моему никуда негодится, ибо, вводя въ бюджетъ новый, значительный расходъ, нисколько не обезпечиваетъ лѣсовъ отъ порубокъ и пожаровъ, какъ это доказывается опытомъ даже въ среди Россіи. Отъ пожаровъ, при слѣдованіи черезъ лѣса промышленниковъ, за коими никакой стражѣ усмотрѣть невозможно, не обережешься, а тушить боръ загорѣвшійся Киргизы не имѣютъ средствъ, потому что лѣтомъ кочуютъ на открытыхъ мѣстахъ вдали отъ боровъ и не имѣютъ даже лопатъ, чтобы пресѣкать дорогу огню канавами. Не строя домовъ, Киргизы не имѣютъ нужды въ красномъ лѣсѣ, и доселѣ не рубили его, предпочитая для топлива сухоподстой и буреломъ: нечего и охранять то, чего никто не трогаетъ; что же касается до березовыхъ лѣсовъ и колковъ, то воспретить Киргизамъ пользованіе ими на топливо и подѣлки было бы варварствомъ: не умирать же имъ зимою отъ стужи; а ограничить это пользованіе какими либо правилами (никогда въ дѣйствительности неисполняющимися и существующими только на бумагѣ, какъ свидѣтельство заботливости о своихъ обязанностяхъ начальства ихъ составившаго) не пред-

ставляется надобности, такъ какъ Киргизъ не потребляетъ для поддержанія теплоты въ своей кибиткѣ болѣе дровъ нежели сколько для того нужно, и рубитъ для этого сыро-растущую березу, трудно-разгорающуюся, тогда лишь, когда ужь не найдетъ удобнѣйшихъ для топлива сухихъ стволовъ или сучьевъ; лѣса же на сторону Киргизы не продаютъ. По изложеннымъ причинамъ составлять подробныя правила о пользованіи лѣсами въ степи и охраненіи ихъ, съ учрежденіемъ для этого лѣсной стражи на счетъ правительства или въ видѣ новой повинности для Киргизовъ, считаю я не только безполезнымъ, но и вреднымъ. Это будетъ тою же практическою и благоразумною мѣрою, какъ состоявшееся назначеніе во Внутренней Ордѣ двухъ смотрителей за лѣсами съ жалованьемъ по 120 руб. сер. въ годъ каждому, тогда какъ за лѣсъ, который они охраняютъ—купы ивы и тополя въ разстояніи версты и полуверсты однѣ отъ другихъ—если его срубить и продать, едвали выручится сумма въ 240 руб. сер. Общій же надзоръ за лѣсами въ Ордѣ, насколько онъ возможенъ, существуетъ издавна, и когда Киргизы оказываются виновными въ вырубкѣ деревьевъ или даже кустарника на азбари (загороди для скота), подвергаются за то штрафамъ и взысканіямъ.

Запросъ, почему Киргизъ Бергимбай Кырабаевъ не признанъ мною достойнымъ, по ходатайству штабсъ-капитана Яковлева, награжденія чиномъ зауряд-хорунжаго, показываетъ опять что гг. ревизоры сами не поняли, о чемъ спрашиваютъ. Киргизъ этотъ былъ назначенъ полѣсовщикомъ для окарауливанія Наурзумскаго бора въ самомъ началѣ 1860 года. Не прошло и восьми мѣсяцевъ послѣ этого назначенія, какъ поступило въ Областное Правленіе представленіе штабсъ-капитана Яковлева, осматривавшаго Наурзумскій боръ, о награжденіи Кырабаева чиномъ зауряд-хорунжаго за то, что онъ въ теченіе десяти лѣтъ оказываетъ заботливое попеченіе объ окарауливаніи этого лѣса. На это Правленіе и отозвалось, что г. Яковлевъ, не служа на мѣстѣ, не можетъ быть извѣстенъ о томъ, что дѣлалъ онъ въ теченіе десяти лѣтъ, и что награжденія чиномъ зауряд-хорунжаго за восемь мѣсяцевъ службы Правленіе не признаетъ его достойнымъ. При этомъ мнѣніи остаюсь я и теперь: давать Киргизамъ чинъ зауряд-хо рунжаго за такія ничтожныя заслуги, какова была заслуга Кырабаева, такъ придется произвести въ офицеры тысячи ордынцевъ, болѣе его имѣющихъ на то право.

По пункту пятнадцатому, и послѣднему. Еслибы Оренбургскій купецъ Степанъ Дѣевъ вошелъ въ Областное Правленіе съ прошеніемъ по долговой претензіи на Киргиза Биджана Джангильдина, то прошенію его, на основаніи Высочайше утвержденнаго въ 21 день февраля 1822 года положенія Азіатскаго комитета (а не комитета гг. министровъ, какъ сказано въ предложеніи вашего высокопревосходительства), отступать отъ указаній котораго Областное Правленіе не позволяетъ себѣ ни для какого

лица,—не было бы дано никакого хода. Но гг. ревизоры не усмотрѣли, что Дѣевъ имѣлъ долговую претензію въ 3,150 руб. сер. не на Джангильдина, а на Хивинскаго купца Караима и сына его Марлимбая Каримова, по роспискѣ перваго; на Джангильдина же жаловался въ томъ, что онъ задержалъ и продалъ партію хлопчатой бумаги въ 240 пудовъ, навьюченную на 15 верблюдахъ, которую Каримовъ адресовалъ къ нему, Дѣеву, въ Оренбургъ. Дѣло, стало быть, шло не о долгѣ Джангильдина Дѣеву, а о перехватѣ первымъ на дорогѣ товара, шедшаго къ послѣднему, что представляется воровствомъ-мошенничествомъ: было, слѣдовательно, уголовнаго, а не гражданскаго свойства, почему и принято къ производству въ Областномъ Правленіи совершенно законно, на основаніи § 57 положенія 14 іюня 1844 года.

Воля вашего высокопревосходительства исполнена мною: на всѣ вопросы, которые угодно было вамъ предложить мнѣ, я отвѣчалъ; но за симъ, основываясь на 96 и 286 статьяхъ II тома 1 ч. св. законовъ, считаю позволительнымъ обратить вниманіе ваше на слѣдующія обстоятельства:

1) Что по силѣ 761 ст. II т. 2 ч. св. закон., я не могу дѣйствовать по дѣламъ, касающимся до управленія Областію безъ посредства Областнаго Правленія, почему отвѣтственность въ дѣйствіяхъ сего послѣдняго, по коллегіальному онаго устройству, не можетъ падать на меня одного; между тѣмъ большая часть запросовъ по ревизіи, мнѣ собственно предложенныхъ, таковы, что отвѣтъ по нимъ слѣдовало бы потребовать не отъ меня, а отъ присутствія Областнаго Правленія.

2) Что большая часть вопросовъ относится къ медленности дѣлопроизводства по тому или другому предмету; но съ одной стороны быстроты дѣлопроизводства нельзя и ожидать отъ Областнаго Правленія пока оно не освободится совершенно отъ наслѣдства въ 6,000 дѣлъ, оставленнаго мнѣ управленіемъ генерала Ладыженскаго; надо вести параллельно и дѣла прежняго времени и дѣла вновь возникающія: то однѣ, то другія, при недостаткѣ рабочихъ силъ, должны естественно пріостанавливаться въ производствѣ. Съ другой стороны—наблюденіе за дѣлопроизводствомъ въ канцеляріи Правленія возложено 774-ю статьею II тома 2 ч. св. закон. исключительно на помощника управляющаго и составляетъ важнѣйшую его обязанность: слѣдовательно за всѣ упущенія собственно по канцелярскому дѣлопроизводству, еслибы таковыя были открыты ревизіею, отвѣтственность должна падать послѣ завѣдующихъ отдѣленіями совѣтниковъ, на лица, бывшія моими помощниками: что жъ они дѣлали по управленію, освобожденные отъ занятій, падающихъ на совѣтниковъ по непосредственному завѣдыванію дѣлопроизводствомъ отдѣленій? Развѣ есть въ виду гг. ревизоровъ хотя единый случай, чтобы за мое время кто либо изъ помощниковъ моихъ до-

велъ до моего свѣдѣнія, въ исполненіе 755 ст. II т. 1 ч. св. закон., о какихъ либо упущеніяхъ и безпорядкахъ по дѣлопроизводству Областнаго Праленія? А какъ важно для управляющаго усердное содѣйствіе помощника по этой части доказывается фактами (...).

3) Отдѣляя надзоръ за канцелярскимъ дѣлопроизводствомъ на долю помощника управляющаго Областью, и такимъ образомъ освобождая сего послѣдняго отъ траты времени на просмотръ настольныхъ реэстровъ дѣламъ, бумагамъ и т. д., положеніе 14-го іюня 1844 года возложило на управляющаго гораздо важнѣйшія обязанности: наблюденіе за законною правильностію и сообразностію съ мѣстными обстоятельствами дѣятельности Областнаго Правленія по указаннымъ ему цѣлямъ и въ особенности по уголовнымъ дѣламъ. И эти важнѣйшія обязанности несъ я съ такою добросовѣстностію и успѣхомъ, какими, смѣло могу сказать, немногіе начальники могутъ похвалиться. Что сдѣлано мною для скорѣйшаго разсмотрѣнія уголовныхъ слѣдствій, изложено выше въ отвѣтѣ на третій запросъ; правильность и добросовѣстность судебныхъ рѣшеній Областнаго Правленія свидѣтельствуется тѣмъ, что изъ 1700 слишкомъ таковыхъ рѣшеній, представленныхъ за мое время на разсмотрѣніе и утвержденіе начальства края, ни по одному не было замѣчено ни малѣйшаго поползновенія осудить праваго или оправдать виноватаго, и всѣ эти рѣшенія утверждены, за исключеніемъ двухъ много трехъ десятковъ случаевъ разногласія генералъ-губернаторовъ съ мнѣніями Областнаго Правленія по второстепеннымъ обстоятельствамъ. Какое другое судебное мѣсто въ Россіи можетъ представить подобный аттестатъ своему правосудію? Денежная часть управленія, по свидѣтельству ревизій Оренбургской казенной палаты, велась постоянно въ совершенномъ порядкѣ (....). Смѣло могу сказать, что благодаря личному вліянію моему на ходъ и характеръ дѣятельности Областнаго Правленія, оно заслужило со стороны Киргизовъ довѣріе и уваженіе, какими не пользовалось прежде въ ихъ глазахъ, и по безупречности во всѣхъ отношеніяхъ занимаетъ одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ въ ряду судебныхъ и административныхъ учрежденій Имперіи. Только уголовное отдѣленіе бросало въ послѣднее время на безупречность эту нѣкоторую тѣнь, и то больше по внѣшности, чѣмъ въ сущности; но вина уголовнаго отдѣленія, представляющаго собой палату уголовнаго суда, не должна ни коимъ образомъ распространяться на прочія отдѣленія Областнаго Правленія, изображающія собою губернское правленіе, казенную палату, палату государственныхъ имуществъ и палату гражданскаго суда.

4) Все это гг. ревизоры должны были бы выяснить въ своемъ отчетѣ (...); вмѣсто того, сколько видно изъ запросовъ предложенныхъ мнѣ вашимъ высокопревосходительствомъ, они при исполненіи возложеннаго на нихъ порученія, имѣли въ виду очернить дѣятельность Областнаго Правленія, придираясь къ мелочамъ (....), и не обращая никакого вниманія на

исключительность положенія Областнаго Правленія, гарантированную ему закономъ,—исключительность, вслѣдствіе которой оно не должно быть подводимо подъ общую мѣрку съ другими губернскими учрежденіями, и вслѣдствіе которой дѣятельность его должна быть разсматриваема съ точки зрѣнія тѣхъ особыхъ условій подъ вліяніемъ которыхъ она совершается.

5) На эту точку зрѣнія гг. ревизоры не могли бы стать, даже при всемъ къ тому желаніи. Чтобы быть въ состояніи судить основательно о дѣятельности Областнаго Правленія, о цѣлесообразности его распоряженій, о томъ, что возможно для него и что невозможно, для этого имъ нужно было бы имѣть такія же свѣдѣнія о Киргизахъ и такую же опытность въ степныхъ дѣлахъ, какія имѣютъ члены Областнаго Правленія въ полномъ составѣ присутствія. Ничего этого гг. ревизоры не имѣли и имѣть немогли, такъ какъ никто изъ нихъ никогда не только не живалъ, но и не бывалъ въ киргизской степи Оренбургскаго вѣдомства, не находился въ сношеніяхъ съ здѣшними Киргизами ни по какимъ дѣламъ, не знакомъ ни съ языкомъ ихъ, ни съ бытомъ, ни съ понятіями, и даже не имѣлъ доселѣ случая приглядѣться къ управленію степью хотя бы по канцелярскимъ занятіямъ этимъ предметомъ. Если одинъ изъ ревизоровъ, г. коллежскій ассесоръ Ш., и носитъ званіе чиновника при васъ для контроля въ степи, то одно званіе это еще не даетъ ему права на пониманіе степныхъ дѣлъ, тѣмъ болѣе, что и въ самую должность свою опредѣленъ онъ противузаконно, какъ неудовлетворяющій основнымъ условіямъ, которыя положено требовать отъ лицъ, опредѣляемыхъ въ чиновники для контроля въ степи. «Чиновникъ самый добросовѣстный и вполнѣ обладающій свѣдѣніями нужными для гражданской службы внутри Имперіи, но незнакомый основательно съ бытомъ, нравами и понятіями киргизовъ, можетъ, поставленный среди ихъ, быть обманутъ на каждомъ шагу, и потому будетъ вводить въ заблужденіе и самое начальство, на него положившееся». Это писалъ предмѣстникъ вашего высокопревосходительства генералъ-адъютантъ Катенинъ въ представленіи къ г. министру иностранныхъ дѣлъ объ учрежденіи чиновниковъ для контроля въ степи, отъ 30-го ноября 1858 года, за № 1563. Точно такимъ же образомъ не можетъ быть подобный чиновникъ и судьею въ дѣлѣ управленія степью, не можетъ быть ревизоромъ тѣхъ, которые спеціально занимаются этимъ дѣломъ; гг. ревизоры такъ мало знали нетолько степь, но и топографію Оренбургскаго края вообще, что въ запросахъ вашего высокопревосходительства явились несуществующіе форпосты Кылъ-Аральскій и Абиценскій; если же форпосты эти получили существованіе вслѣдствіе писарской ошибки, то какимъ образомъ просмотрѣлъ столь грубыя описки г. правитель канцеляріи вашей, скрѣплявшій бумагу? Судить о спеціалистѣ можетъ только другой спеціалистъ въ той же отрасли дѣятельности, а не всякій кому будетъ приказано. До послѣдняго времени, правда, у насъ не обращали вниманія на вредъ, происходящій для госу-

дарства отъ такого порученія чиновникамъ дѣлъ, заниматься которыми они вовсе неприготовлены, но теперь высшее правительство иначе уже смотритъ на этотъ предметъ, и всякій спеціалистъ, убившій годы и здоровье на изученіе своего предмета, вправѣ требовать чтобы его неподвергали аттестаціи со стороны людей вовсе незнакомыхъ съ дѣломъ (....).

7) Записка по поводу голода въ Башкиріи.

Оффиціальныя донесенія и частная корреспонденція извѣщаютъ, что между Башкирами въ Оренбургскомъ краю свирѣпствуютъ голодъ и повальныя болѣзни, ужасающимъ образомъ истребляющія народонаселеніе. Бѣдствіе это какъ будто съ неба свалилось. Удивляются, какъ это могло случиться, что Башкиры, изстари богатѣйшіе крестьяне-собственники въ Россіи, Башкиры, у которыхъ устроены давно запасные хлѣбные магазины и собранъ большой продовольственный капиталъ, Башкиры, устройству благосостоянія которыхъ посвящались въ теченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ самыя горячія заботы главной мѣстной администраціи, Башкиры, наконецъ, о хозяйственномъ и всякомъ преуспѣяніи которыхъ сообщались еще такъ недавно въ столичныя изданія самыя утѣшительныя, самыя розовыя вѣсти — что Башкиры эти отъ перваго же неурожая мрутъ съ голоду, а начальство не знаетъ какъ и помочь бѣдѣ. Удивляться тутъ ровно нечему. Можно удивляться развѣ тому, какъ этого раньше не случилось. Никто не виноватъ, что столицы не имѣютъ вѣрнаго понятія о томъ, что̀ дѣлается въ провинціяхъ, вѣрятъ всякимъ отчетамъ, всякимъ оффиціознымъ корреспонденціямъ, вѣрятъ, въ институтской наивности своей, что изъ провинцій возможно сообщать все, что тамъ происходитъ. Голоса̀, указывавшіе на истинное положеніе Башкиріи поднимались въ самомъ Оренбургскомъ краю года четыре тому; отголоски стали было проникать и въ столичныя изданія. Но почему-то и голоса и отголоски эти замолкли. Кто не только видѣлъ, но и въ состояніи былъ понимать, что̀ творилось въ Башкиріи въ послѣднія тридцать лѣтъ, тому нисколько не странно, что за третьимъ актомъ траги-комедіи послѣдовала развязка пьесы въ четвертомъ. Жалко бѣдныхъ Башкирцевъ; но настоящее горе — ничего въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ можетъ быть еще впереди, если не успѣемъ оглянуться во̀-время.

Ка̀къ вы думаете, чѣмъ кончитъ растеніе, которое ребятишки станутъ безпрестанно пересаживать изъ одной земли въ другую, хотя бы и лучшаго качества, не давая нигдѣ укорениться и окрѣпнуть? Всякій садовникъ скажетъ вамъ, что растеніе, благодаря такой заботливости о немъ, засохнетъ или сгніетъ. Садовнику это ясно, но весьма неясно это для ребятишекъ. Ребятишки, когда увидятъ плачевный результатъ своего ухода за растеніемъ, будутъ оправдываться тѣмъ, что вольно было растенію засохнуть, а намѣренія, относительно его, имѣли они самыя хорошія; какъ на неопровержимое возраженіе сошлются даже на англійскую книжку, въ которой видѣли они на картинкѣ что мальчикъ пересаживаетъ розанъ изъ

одного горшка въ другой. И ребятишки будутъ по-своему правы. Но зачѣмъ было ввѣрять уходъ за растеніемъ ребятишкамъ, которые не въ состояніи понимать того что читаютъ?

Три условія, по мнѣнію Болингброка, необходимы, чтобы человѣкъ могъ дѣйствовать благотворно: умъ, опытъ и знаніе; «даже геній, но безъ опытности и знанія—не болѣе какъ блестящій метеоръ, неправильный въ своихъ движеніяхъ, опасный при сближеніи и *способный только къ разрушенію*». Болингброкъ не зналъ, что есть добродѣтель, которая замѣняетъ собою и умъ, и опытность, и знаніе; это—«усердіе, которое все преодолѣваетъ». Мы слишкомъ долго вѣровали во «всепреодолѣвающую» способность усердія, лишеннаго какъ знанія, такъ и здраваго смысла, не говоря уже объ опытности; надо же было когда нибудь увидать и плоды этого вѣрованія. Нечего удивляться тому, что они горьки.

И не то еще бѣда, что мы когда-то полагались черезъ-чуръ на магическую силу «усердія», а то—что мы и теперь еще не отстали отъ этой привычки, и ни въ какомъ случаѣ не способны оказывать ничего, кромѣ голаго, ни къ чему не ведущаго, ни чему не помогающаго «усердія». Дѣлается въ какой нибудь странѣ голодъ, т. е. наличныя средства продовольствія въ распоряженіи жителей оказываются недостаточными для ихъ пропитанія въ теченіе извѣстнаго времени, пока средства эти могутъ быть возобновлены; затѣмъ естественнымъ послѣдствіемъ недостатка въ пищѣ является ослабленіе организма и разнаго рода болѣзни, дѣйствующія повально, потому что и голодъ повсемѣстенъ, и всѣ организмы ослабли болѣе или менѣе. Казалось бы явленіе такъ просто, что нечего надъ нимъ задумываться, и надо прямо, сейчасъ же приступать къ мѣрамъ, которыя могутъ ослабить бѣдствіе. Болѣзни появились какъ естественное и необходимое послѣдствіе голода, и не могутъ быть прекращены пока продлится голодъ: слѣдовательно о болѣзняхъ и толковать пока нечего, а надо прямо приниматься за устраненіе причины которая произвела ихъ, за устраненіе голода. Мѣры эти: раздача въ ссуду запаснаго хлѣба если онъ есть; если нѣтъ или растраченъ—немедленная закупка его въ ближайшихъ мѣстностяхъ на деньги продовольственнаго капитала, немедленная доставка на мѣста бѣдствія и немедленная раздача; если и продовольственнаго капитала нѣтъ—замѣна его заимообразно, до-времени, изъ другихъ мѣстныхъ капиталовъ. Затѣмъ уже можно, пожалуй, если есть средства на то, можно позаботиться и о медицинской помощи. Такъ по теоріи Болингброка. По теоріи «все преодолѣвающаго» усердія дѣло дѣлается иначе. Прежде всего выступаетъ на сцену вопросъ: «точно-ли бѣдствіе такъ велико, какъ гласятъ донесенія? Не преувеличивается-ли оно?» надо удостовѣриться въ этомъ личнымъ обозрѣніемъ. Да и что это за болѣзни, которыя проявились между населеніемъ? Пишутъ что «возвратныя горячки»; можетъ быть это не «возвратныя», а просто «гнилыя»; можетъ быть и вовсе не «горячки», а какія

нибудь другія болѣзни. Нельзя лечить болѣзни не зная какая она: надо удостовѣриться предварительно въ ходѣ и характерѣ распространившихся болѣзней, надо взять съ собою медика. И вотъ власти и медики разъѣзжаютъ по голодающей и болѣющей странѣ, производятся удостовѣренія всякаго рода, разсыпаются щедро слова утѣшенія и ободренія, узнаютъ въ въ чемъ дѣло и возвращаются во-свояси—разсуждать, какія бы мѣры принять лучше къ ослабленію бѣдствія, чтобы испросить затѣмъ разрѣшеніе на приведеніе ихъ въ исполненіе. Пока проявляется такимъ образомъ мѣстное «усердіе», народъ продолжаетъ мереть отъ голоду и болѣзней. Пособія, такія или другія, являются тогда уже, когда, съ наступленіемъ весны, оказывается надобность не въ мукѣ, а въ зернѣ, годномъ для посѣва; а пока закупаютъ его, проходитъ и время удобное для посѣва. Въ заключеніе всѣ послѣдствія «усердія» настоящаго управленія сваливаются огуломъ на недобросовѣстность и непредусмотрительность предшествующаго, которое тоже, когда выступало на оцену дѣятельности, первымъ долгомъ считало заявить, что до него никто ничего не понималъ и не умѣлъ сдѣлать въ краю. Дѣйствительно, предшественники ваши во многомъ дадутъ отвѣтъ Богу—«не берись за гужъ коли ты не дюжъ»—но вы-то сами чѣмъ же такимъ доказали что и способнѣе ихъ, и добросовѣстнѣе? Какъ тридцать лѣтъ тому, такъ и теперь, мы не видимъ на дѣлѣ ничего кромѣ «усердія»; только прежде распоряжалось оно одно, а теперь помогаютъ ему разные комитеты.

8) Замѣчанія Григорьева на проектъ положенія объ управленіи Башкирами.

Разсмотрѣніе представленнаго Оренбургскимъ и Самарскимъ генералъ-губернаторомъ проекта положенія объ управленіи Башкирами, въ связи съ административною исторіею Башкировъ и современнымъ бытомъ этого народа, хозяйственнымъ и общественнымъ, приводитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1. Существующее устройство управленія Башкирами и присоединенными къ нимъ Мещеряками и Тептерями—неудовлетворительно, какъ поддерживающее, безо всякихъ къ тому основаній, національную особность этихъ инородцевъ, задерживающее тѣмъ сліяніе ихъ съ прочимъ сельскимъ населеніемъ имперіи, и, при строгой опекѣ въ хозяйственномъ отношеніи, нисколько не содѣйствующее къ экономическому ихъ преуспѣянію.

2. По этимъ капитальнымъ недостаткамъ существующаго устройства Башкировъ, Мещеряковъ и Тептярей, не можетъ не быть желательною замѣна его инымъ, болѣе сообразнымъ съ общими государственными цѣлями, собственными выгодами этихъ инородцевъ, и видами относительно ихъ, неоднократно уже выраженными Высочайшею властью.

3. Основныя начала принятыя ген.-ад. Безакомъ въ руководство при начертаніи предположеннаго имъ устройства сказанныхъ инородцевъ, а

именно: образованіе у нихъ деревенскаго и юртоваго (волостнаго) управленія по образцу опредѣленнаго положеніями 19 февраля 1861 года для крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости; прекращеніе существованія ихъ какъ отдѣльнаго военнаго сословія на казачьемъ основаніи, и приравненіе ихъ затѣмъ, по правамъ и обязанностямъ, за нѣкоторыми исключеніями, къ прочимъ сельскимъ обывателямъ имперіи, съ подчиненіемъ общимъ полицейскимъ и судебнымъ инстанціямъ,—основанія эти представляются вполнѣ соотвѣтствующими какъ общимъ государственнымъ цѣлямъ, такъ и интересамъ самихъ инородцевъ и особымъ видамъ относительно ихъ Высочайшей власти.

4. Для приведенія въ исполненіе этого преобразованія, ген.-ад. Безакъ считаетъ необходимымъ сохранить до времени существующее уѣздное (кантонное) и центральное управленіе всѣми инородцами, входящими въ составъ нынѣшняго Башкирскаго войска, преобразовавъ его, впрочемъ, по образцу палатъ и бывшихъ окружныхъ управленій Министерства Государственныхъ Имуществъ. Мысли ген.-ад. Безака о совершенной невозможности передать сказанныхъ инородцевъ, при настоящемъ ихъ устройствѣ, въ вѣдѣніе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ—или Государственныхъ Имуществъ, нельзя не раздѣлять; но весьма позволительно усумниться въ необходимости преобразованія существующаго кантоннаго и центральнаго управленія Башкирскимъ войскомъ—*на время*, собственно для того, чтобы приготовить Башкировъ къ этой передачѣ. Казалось-бы, что задача эта, безъ излишней ломки и съ полнымъ успѣхомъ, могла-бы быть выполнена настоящимъ управленіемъ Башкирскаго войска въ томъ видѣ, какъ оно существуетъ, и затѣмъ управленіе это, вмѣсто того, чтобы продолжать его существованіе, въ измѣненной лишь формѣ, но съ прежнею сущностію, на неопредѣленное время,—упразднено окончательно.

5. Но если-бы даже и согласиться съ мнѣніемъ, что настоящее управленіе Башкирскимъ войскомъ не способно, по устройству своему, къ развитію въ Башкирахъ той административной и судебной самостоятельности, какою они должны пользоваться по примѣненіи къ нимъ положеній 19 февраля 1861 года, и что для снабженія настоящаго Башкирскаго управленія этою способностію, необходимо подвергнуть его преобразованію и тогда начало, на которомъ основано это преобразованіе въ разсматриваемомъ проектѣ положенія, таково, что отъ управленія согласно съ началомъ симъ устроеннаго слѣдуетъ ожидать успѣховъ въ политическомъ воспитаніи Башкировъ, а въ улучшеніи хозяйственнаго ихъ быта—еще менѣе нежели отъ существующаго, при всѣхъ несомнѣнныхъ его недостаткахъ. Начало это—строгая бюрократическая опека—то же самое, на которомъ возникали среднія и высшія учрежденія Министерства Государственныхъ Имуществъ. Опытъ достаточно показалъ уже, какъ мало учрежденія, въ такомъ духѣ дѣйствующія, способы къ воспитанію въ народѣ самостоятельности и самодѣятель-

ности. Ожидать впредь отъ того же начала другихъ послѣдствій нѣтъ никакихъ причинъ.

6. Особенно-же стѣснительно, и даже можно сказать разорительно, для Башкировъ является эта бюрократическая опека въ проектѣ правилъ «о продажѣ и отдачѣ въ оброкъ башкирскихъ общественныхъ земель и угодій и объ употребленіи выручаемыхъ черезъ то суммъ». Башкиры, при богатствѣ въ земляхъ и угодьяхъ, бѣднѣютъ, какъ извѣстно, съ году на годъ. Вникая въ причины этого явленія, нельзя не придти къ заключенію, что одною изъ главныхъ слѣдуетъ считать излишество начальственной заботливости о матеріальномъ благосостояніи Башкировъ, излишество усердія съ какимъ мѣстное управленіе вмѣшивается въ хозяйственный бытъ этого народа, и регулируетъ каждое его явленіе, убивая тѣмъ въ народѣ всякое расположеніе къ самодѣятельности въ этой области и обращая его такимъ образомъ изъ живаго организма, промышляющаго себѣ средства существованія, въ механизмъ, исполняющій пассивно лишь чужую волю. Эта неумѣстная и вредная заботливость, существующая доселѣ какъ злоупотребленіе, возводится проектированнымъ Положеніемъ въ законъ, слѣдовательно, вліяніе ея въ будущемъ, должно ожидать, будетъ еще гибельнѣе. Съ другой стороны, 26-ю и 37-ю статьями правилъ объ общественныхъ земляхъ и угодьяхъ совершенно нарушается освященное законами право собственности Башкировъ на принадлежащія имъ земли и свободное ими распоряженіе: распоряженіе это переходитъ въ руки не только мѣстныхъ башкирскихъ властей, не только центральнаго управленія народомъ, но даже и генералъ-губернаторскаго управленія: всѣмъ имъ за вмѣшательство въ хозяйственное распоряженіе землями и угодьями, принадлежащими сельскимъ обществамъ, полагается извѣстный процентъ арендной платы, получаемой за тѣ земли и угодья, безо всякаго на то согласія обществъ.—Означенное нарушеніе права собственности Башкировъ, не оправдывающееся никакою необходимостію, не можетъ, конечно, быть принято ими съ удовольствіемъ, и способно, при обнародованіи его, повести народъ къ волненіямъ и возстанію.

7. Вообще, при поспѣшности, съ какою писался разсматриваемый проектъ Положенія, онъ представляетъ собою не столько приложеніе къ быту и потребностямъ Башкировъ тѣхъ началъ, которыя обнародованы 19 февраля 1861 года и проявляются въ устройствѣ управленія государственными имуществами, сколько буквальное повтореніе положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости и учрежденій о палатахъ и окружныхъ управленіяхъ вѣдомства государственныхъ имуществъ. Сверхъ того, проектъ до представленія его военному министру не былъ разсмотрѣнъ предварительно въ управленіи командующаго Башкирскимъ войскомъ, которому дѣло это ближе чѣмъ кому бы то ни было: не имѣется,

слѣдовательно, для соображенія при разсмотрѣніи и обсужденіи предмета, заключенія того вѣдомства, отзывъ котораго всего важнѣе.

По всѣмъ изложеннымъ уваженіямъ, полагалось бы за наилучшее ограничиться въ настоящее время лишь разсмотрѣніемъ началъ, принятыхъ генералъ-адъютантомъ Безакомъ въ основаніе новому устройству Башкиръ, Мещеряковъ и Тептярей; по утвержденіи-же этихъ началъ, сообщить ихъ, для начертанія, въ сообразность съ ними, новаго Положенія объ управленіи сими инородцами—командующему Башкирскимъ войскомъ, съ тѣмъ, чтобы на совѣщанія по сему предмету приглашены были имъ способнѣйшіе изъ Башкировъ; затѣмъ проектъ Положенія, такимъ порядкомъ пересоставленный, имѣетъ поступить на разсмотрѣніе Оренбургскаго и Самарскаго генералъ-губернатора, и быть представленъ Высочайшему правительству съ его заключеніемъ.

III.

А. А. Бобровниковъ. (Записка читанная Чл. Корр. В. В. Григорьевымъ, въ Общемъ Собраніи Археологическаго Общества 11-го октября 1865 г.).

Странна участь науки въ Россіи. Жалобы повсюду — на недостатокъ ученыхъ дѣятелей; до ста каѳедръ въ университетахъ стоятъ пустыми; чтобы наполнить ихъ какъ нибудь, Правительство посылаетъ за-границу для приготовленія къ профессурѣ десятки молодыхъ людей, ничѣмъ еще не заявившихъ о своихъ способностяхъ, истрачивая на это огромныя суммы— а когда, по капризу судьбы, возникаютъ между нами ученые огромныхъ, несомнѣнныхъ достоинствъ, мы ухитряемся относиться къ нимъ такимъ образомъ, что эти люди гибнутъ, пропадаютъ и для себя и для науки.

Дѣло въ томъ, что для возможности существованія ученыхъ въ какой либо странѣ, мало что заведутъ въ ней академіи, университеты, общества для разработки всякихъ отраслей знанія: необходима, кромѣ этого, извѣстная степень насыщенности общества наукою, извѣстная степень развитія въ немъ научныхъ потребностей — степень на которую мы далеко еще не поднялись, доросши лишь до потребности увеселяться шпицъ-балами и до возможности произращать съ успѣхомъ чиновниковъ, золотопромышленниковъ и другихъ аферистовъ. Наука до сихъ поръ у насъ не существенная потребность общества, а—роскошь оффиціальная, тощій плодъ правительственныхъ заботъ. Отыми Правительство отъ науки нашей оказываемое ей оффиціальное покровительство, и завтра же наука наша заглохнетъ безслѣдно, а общество и не замѣтитъ этой утраты. Было бы иначе, если бы существовало у насъ дѣйствительное, а не искуственно-водворяемое, сочувствіе къ научному труду; не проходили бы мы мимо своихъ ученыхъ, не замѣчая ихъ, не заботясь объ нихъ, попуская, безучастно, помыкать ими

невѣжественное и завистливое начальство, или равнодушно смотря какъ гибнутъ они жертвою преслѣдованій со стороны негодяевъ и проидохъ. Своими глазами видали мы не разъ какъ общество наше соболѣзновало къ участи государственныхъ воровъ справедливо осужденныхъ закономъ и дѣлало всевозможное съ своей стороны, чтобы облегчить имъ жизнь въ ссылкѣ—similis simili gaudet—, и ни разу еще не удавалось намъ быть свидѣтелемъ, чтобы общество наше затронуто было за живое, вскипѣло негодованіемъ отъ несправедливости, отъ обиды нанесенной человѣку, существованіемъ своимъ приносящему честь родинѣ и подымающему умственный или нравственный уровень человѣчества: такіе люди не по плечу нашему обществу; понимать и цѣнить ихъ—еще не по силамъ ему.

Къ такому грустному взгляду на русское общество приводитъ насъ и судьба одного члена-корреспондента нашего, умершаго нынѣшнею весною; помянуть его въ настоящемъ собраніи считаю я своею обязанностію передъ русскою наукою и наукою вообще—хотя по предмету его занятій обязанность эта лежала бы скорѣе на другихъ, а не на мнѣ. Своею считаю ее потому, что всегда видѣлъ въ покойномъ одну изъ блистательнѣйшихъ надеждъ русскаго оріентализма, близко зналъ покойнаго въ теченіе послѣдняго періода его жизни, видѣлъ какъ жизнь эта несоотвѣтствовала его призванію, старался, насколько было въ моей возможности, обращать ее на пользу науки, и когда возможность эта для меня прекратилась, слѣдилъ, съ болью въ сердцѣ, за постепеннымъ приближеніемъ покойнаго къ тому роковому исходу, который должна имѣть всякая высокая даровитость въ столкновеніи съ преслѣдующими ее завистью и враждою, когда на сторонѣ послѣднихъ—оффиціальное право, а среда, въ которой осужденъ даровитый человѣкъ влачить свое существованіе, не способна — не то чтобы оцѣнить и поддержать своимъ сочувствіемъ,—а даже замѣтить его.

Покойный такъ мало заботился о своей извѣстности, что едва-ли многіе изъ присутствующихъ догадываются о комъ я говорю; имя его, между тѣмъ, заслуживаетъ почетнаго мѣста въ лѣтописяхъ русской науки. Покойникъ, котораго поминаю я—*Алексѣй Александровичъ Бобровниковъ.*

О личныхъ обстоятельствахъ его знаю я весьма немногое—только то, что родился онъ около 1820-хъ годовъ, въ Восточной Сибири, отцемъ имѣлъ священника, воспитывался въ Иркутской Семинаріи, и окончивъ курсъ ученія въ Казанской Духовной Академіи, со степенью магистра, въ 1846 году, вскорѣ затѣмъ поступилъ туда же преподавателемъ Монгольскаго языка.

Языкъ этотъ былъ для Бобровникова почти природнымъ, по происхожденію его изъ Бурятской стороны, и занятіе имъ было для покойнаго какъ бы семейнымъ преданіемъ: въ свое время отцемъ Алексѣя Александровича составлена была грамматика этого языка—едва-ли не первый трудъ этого рода въ Азіи и Европѣ, если только не предшествовалъ ему подобный же трудъ Игумнова, славившагося нѣкогда въ Сибири своимъ знаніемъ

языка и древностей Монголіи. Такъ или иначе, только Бобровниковъ-сынъ свѣдѣніями своими въ Монгольскомъ языкѣ и пониманіемъ его духа, затмилъ скоро всѣхъ предшественниковъ своихъ на этомъ поприщѣ, а въ числѣ предшественниковъ этихъ были люди, какъ профессоръ Ковалевскій и академикъ Шмидтъ. Такой отзывъ нашъ о Бобровниковѣ опирается на его «Грамматику Монголо-Калмыцкаго языка», написанную имъ, по порученію начальства, въ руководство для преподаванія этого языка въ учебныхъ заведеніяхъ духовнаго вѣдомства, и отпечатанную въ Казани въ 1849 году. Книга эта, въ 400 страницъ in—8, важнѣйшій и почти единственный изданный трудъ покойнаго, но одного подобнаго труда вполнѣ достаточно, чтобы упрочить за авторомъ его репутацію первоклассснаго ученаго. Для составленія этой грамматики не требовалось, конечно, и десятой доли той начитанности, какую положилъ въ основаніе знаменитой Арабской грамматики своей, стяжавшей ему славу перваго арабиста въ Европѣ, справедливо прославленный де-Саси; но въ отношеніи къ значенію своему въ наукѣ, трудъ Бобровникова можетъ быть смѣло поставленъ о-бокъ съ помянутымъ колоссальнымъ твореніемъ. Заслуга де-Саси въ отношеніи къ арабскому языку заключается въ томъ преимущественно, что здѣсь впервые раскрытъ былъ обстоятельно взглядъ на грамматическій строй этого языка туземныхъ его изслѣдователей, совершенно отличающійся, какъ въ этимологической, такъ и въ систематической части, отъ взгляда на грамматику, выработаннаго Греками и усвоеннаго новою Европою. Эту греческую мѣрку ученые ново-европейскіе прилагали долго ко всѣмъ языкамъ, дѣлавшимся имъ извѣстными, сколь бы семейно и по духу своему ни разнились они отъ языковъ классическихъ и однородныхъ съ ними языковъ ново-европейскихъ. Можно представить себѣ на какомъ прокрустовомъ ложѣ приходилось терзаться оттого языкамъ Симитскаго корня, столь существенно отличнымъ отъ Индо-Европейскихъ. Это-то именно и разъяснилось грамматикою де-Саси. Точно такую же услугу знанію оказалъ Бобровниковъ по отношенію къ языкамъ Средне-азіатскимъ. Отличные по началамъ, на которыхъ развивались, сколько отъ Симитскихъ, столько же и отъ Индо-Германскихъ, языки эти, до Бобровникова, обработывались европейскими оріенталистами въ грамматическомъ отношеніи, по греческо-римскимъ воззрѣніямъ. Бобровниковъ же, въ своей грамматикѣ Монголо-Калмыцкаго языка, первый положилъ начало своеобразной грамматической обработкѣ ихъ, т. е., другими словами, первый открылъ ту особую логику, по которой совершалось ихъ образованіе—заслуга огромная въ дѣлѣ лингвистики, и тѣмъ болѣе приносящая чести покойному, что онъ не имѣлъ при этомъ, какъ арабисты и санскритисты, руководителей въ туземныхъ грамматистахъ и лексикографахъ. Немного также могъ онъ воспользоваться, по малому съ ними знакомству, и трудами германскихъ корифеевъ лингвистики. Всѣми открытіями и соображеніями своими обязанъ онъ былъ исключительно собствен-

ной проницательности, собственному лингвистическому такту, которымъ обладалъ въ высшей степени, нерѣдко, при бесѣдахъ нашихъ о предметѣ, приводившей меня въ изумленіе и радовавшей за богатство даровъ, какимъ природа снабжаетъ нерѣдко русскаго человѣка. Появись, словомъ, грамматика Бобровникова не на русскомъ языкѣ, а на какомъ либо Европейскомъ, слава первостепеннаго филолога давно уже была бы упрочена за нимъ въ ученомъ мірѣ, тогда какъ у насъ едва-ли пятокъ, десятокъ человѣкъ знаютъ о существованіи этого монументальнаго труда. Императорская Академія Наукъ, единственное учрежденіе въ Россіи гдѣ, въ противуположность съ безурядицею, господствующею въ нашемъ литературномъ мірѣ, дѣльный ученый трудъ всегда находитъ безпристрастную оцѣнку и зависящее поощреніе, отдала, впрочемъ, съ своей стороны должную справедливость грамматикѣ Бобровникова, присудивъ автору ея половинную Демидовскую премію.

Заявивъ себя такимъ замѣчательнымъ дѣятелемъ въ области науки, Бобровниковъ, кажется могъ бы ожидать, что спеціальность его будетъ въ немъ уважаема, если не для него лично, такъ для пользы самой науки этой; ожидать, что ему не помѣшаютъ предаваться покойно любимымъ занятіямъ, съ платою отъ казны за преподаваніе Монгольскаго языка въ Казанской Академіи по 400 руб. сер. въ годъ. Но не суждено было исполниться и этимъ, конечно болѣе чѣмъ скромнымъ ожиданіямъ. На бѣду Бобровникова, къ прочимъ достоинствамъ его присоединялось и то, что онъ былъ отличнымъ математикомъ. При одной изъ перемѣнъ въ начальствѣ Академіи, столь частыхъ по духовному вѣдомству, найдено было полезнѣйшимъ поручить Бобровникову преподавать въ Академіи, вмѣсто Монгольскаго языка—математику. Слова нѣтъ, что онъ и это дѣло могъ дѣлать прекрасно, да не лежала душа у него къ этому дѣлу. Всякому спеціалисту легко представить себѣ какъ огорченъ былъ покойный такимъ распоряженіемъ начальства, на которое не могло быть принесено никакой апелляціи; какъ оскорблено было въ немъ этимъ распоряженіемъ достоинство ученаго; какъ разстроивало оно всю экономію его жизни. Былъ одинъ только выходъ изъ этого положенія—оставить службу по духовному вѣдомству, которое не цѣнило его по достоинству и искать другой. Но гдѣ найти такое мѣсто, на которомъ его Монгольскія знанія могли бы имѣть хотя какое либо приложеніе? Живалъ Бобровниковъ и въ кочевьяхъ Калмыковъ Астраханскихъ; кочевый бытъ былъ знакомъ ему; и вотъ онъ рѣшился обратиться съ просьбою о переводѣ его на службу — по управленію Оренбургскими Киргизами, на томъ основаніи, что завѣдывалъ тогда этимъ управленіемъ—я, оріенталистъ, который долженъ былъ понимать его лучше, чѣмъ люди чуждые этой спеціальности. Получивъ эту просьбу, пожалѣлъ я о Бобровниковѣ, и доставилъ ему единственное бывшее на тотъ разъ вакантнымъ, въ распоряженіи моемъ, мѣсто попечителя Прилинейныхъ Киргизовъ

Орской Дистанціи, съ содержаніемъ всего по 500 р. сер. въ годъ. Бобровниковъ и тому былъ радъ. Если не ошибаюсь, эта перемѣна въ служебной карьерѣ его имѣла мѣсто въ 1855 году, черезъ девять лѣтъ бѣднаго, но спокойнаго ученаго существованія. Изъ Казани въ Оренбургъ пріѣхалъ Бобровниковъ, страдая ревматизмомъ въ ногахъ до такой степени, что ходить могъ не иначе какъ на костыляхъ.

Зная его издавна по репутаціи, тутъ я впервые лично съ нимъ познакомился, и былъ такъ счастливъ, что успѣлъ радикально вылечить его отъ ревматизма—гомеопатіею. Смѣйтесь, господа, сколько угодно. Въ Орскѣ прослужилъ Бобровниковъ года два, и попечительскія обязанности свои исправлялъ отлично, мягкостію характера, доступностію, сообщительностію, прямотою дѣйствій и честностію заслуживъ общее расположеніе подвѣдомственныхъ Киргизовъ, не слишкомъ привычныхъ встрѣчать дотолѣ эти добродѣтели въ своихъ попечителяхъ. Между тѣмъ открылась вакансія совѣтника въ Областномъ Правленіи Киргизами, съ содержаніемъ въ 1000 р. сер. въ годъ и я выхлопоталъ это мѣсто Бобровникову, который вслѣдствіе того и переселился въ Оренбургъ, «обремененный уже», какъ говорятъ, «значительнымъ семействомъ». Тутъ, имѣя возможность часто видѣться и бесѣдовать съ Бобровниковымъ, первою моею—относительно его—заботою было—поддержать въ немъ расположеніе къ ученымъ занятіямъ, которое, при отсутствіи нужныхъ пособій, и при совершенномъ равнодушіи къ нимъ мѣстнаго общества и кружка знакомыхъ Бобровникова по службѣ могло весьма легко заглохнуть. Еще болѣе моего питалъ въ немъ это расположеніе добрѣйшій Н. И. Ильминскій, товарищъ Бобровникова по Казанской Духовной Академіи, вслѣдъ за нимъ также оставившій ее, и также перешедшій на службу въ Оренбургъ подъ мое начальство. Ильминскій и Бобровниковъ чуть ли и не жили вмѣстѣ, по крайней мѣрѣ видались почти ежедневно. Въ Оренбургѣ у насъ составилось, такимъ образомъ, свое маленькое общество оріенталистовъ, въ которомъ не дали бы заснуть Бобровникову на пожатыхъ имъ лаврахъ, если бы онъ и расположенъ былъ къ лѣности: но ему, какъ истинному ученому, достаточно было только разъ дохнуть въ атмосферѣ науки, чтобы ученая натура его сей часъ же откликнулась. Первымъ къ тому поводомъ послужило сообщеніе князя Оболенскаго «о восточныхъ надписяхъ на старинныхъ русскихъ грамотахъ», напечатанное въ первомъ выпускѣ II-го тома «Извѣстій» нашего общества. Бобровниковъ съ Ильминскимъ прочли одну изъ этихъ подписей иначе, нежели читали ихъ въ Казани гг. Ковалевскій и Махмудовъ, и дешифрировали другія, остававшіяся необъясненными; результатомъ этихъ занятій было письмо Бобровникова отъ 16 декабря 1860 года, къ настоящему секретарю нашего общества, напечатанное въ III-мъ томѣ «Извѣстій», подъ заглавіемъ: «О монгольскихъ подписяхъ на русскихъ актахъ»—письмо, исполненное интереснѣйшихъ соображеній и вѣроподобнѣйшихъ догадокъ о

разныхъ обстоятельствахъ, касающихся письменнаго дѣла у насъ въ монгольскій періодъ. Вслѣдъ затѣмъ статейка моя «о происхожденіи и памятникахъ квадратнаго монгольскаго письма», напечатанная въ 1861 году въ Journal Asiatique, напомнила Бобровникову, что не изданъ еще важнѣйшій извѣстный памятникъ этого письма, ярлыкъ императрицы Дарма-Балы, снимокъ съ котораго, сдѣланный въ Китаѣ архимандритомъ Аввакумомъ, подаренъ былъ имъ извѣстному Банзарову (тоже жертва неумѣнья нашего обращаться съ учеными даровитостями), а Банзаровымъ, въ проѣздѣ черезъ Казань изъ Петербурга въ Сибирь—ему Бобровникову. Тотчасъ же полетѣло письмо въ Казань объ отысканіи этого ярлыка въ оставшихся тамъ бумагахъ Бобровникова, отысканный ярлыкъ доставленъ былъ въ Оренбургъ, и Бобровниковъ съ наслажденіемъ засѣлъ за дешифровку его и объясненіе. Эта работа привела его къ сознанію въ необходимости исправить габеленцовское изданіе ярлыка Буянту-Ханова, а тамъ задумалъ онъ разъяснить по возможности и надпись квадратнымъ письмомъ подъ знаменитою Мангутскою пещерою въ Сибири, скопированную отчасти г. Юренскимъ и изданную имъ во 2-ой книжкѣ «Записокъ» Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Это удалось ему успѣшнѣе, чѣмъ самъ онъ ожидалъ. Въ цѣломъ вышло изслѣдованіе о квадратномъ письмѣ и памятникахъ его, подобнаго которому по достоинству я не знаю другаго въ области русско-оріентальной литературы. Изслѣдованіе это, къ которому написалъ я отъ себя введеніе, было къ концу 1861 года, совершенно окончено; оставалось только переписать его и отослать для напечатанія, какъ предполагалъ авторъ, въ «Извѣстія» нашего Общества, членомъ корреспондентомъ котораго состоялъ онъ съ декабря 1854 года; исполненіе этого намѣренія не состоялось затѣмъ лишь, что «Извѣстія» издавались въ это время съ такою невнимательностію въ корректурѣ статей о Востокѣ въ нихъ помѣщавшихся, что не было никакой возможности печатать въ нихъ статью, испещренную разнообразными азіатскими шрифтами и вдоль и въ кось, и поперегъ, безъ опасенія, что она будетъ изуродована. Рѣшено было вслѣдствіе этого печатать статью не прежде какъ представится мнѣ случай съѣздить въ Петербургъ и самому продержать ея корректуру. Чрезъ годъ послѣ того, оставилъ я службу въ Оренбургѣ и переселился въ «Сѣверную Пальмиру», но произошло это при такихъ обстоятельствахъ, что статья Бобровникова упущена мною изъ виду. Осталась она у него непереписанною на отдѣльныхъ листахъ и лоскуткахъ; а тамъ служебныя отношенія автора стали запутываться, и было уже ему не до ученой корреспонденціи со мною.

Изъ любви къ правдѣ, должно сказать, что службою Бобровникова въ должности совѣтника Областнаго Правленія не былъ я совершенно доволенъ, и много разъ ссорился съ нимъ, безуспѣшно убѣждалъ его прилагать къ служебнымъ занятіямъ ту же внимательность, ту же аккуратность,

какою отличались ученыя его работы. Не очень усердный къ канцелярскимъ занятіямъ, Бобровниковъ возмѣщалъ однако же съ лихвою этотъ недостатокъ сообразительностію и находчивостію въ серьезныхъ дѣлахъ службы. Этого послѣдняго не хотѣли видѣть начальники Бобровникова послѣ моего отъѣзда изъ Оренбурга; они умѣли видѣть только недостатки его, забывая о достоинствахъ, и непріятности по службѣ стали возрастать для него съ каждымъ днемъ. Враждебное Россіи польское чувство не могло переносить спокойно русскаго достоинства: Преслѣдованіе простерлось наконецъ до того, что Бобровниковъ былъ устраненъ отъ исправленія должности совѣтника Областнаго Правленія, и до разсмотрѣнія жалобъ его на начальство въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, подвергся вопреки всякому закону, удержанію $^8/_9$ частей изъ жалованья. Ему выдавали всего по 9 руб. въ мѣсяцъ, и на эти деньги долженъ былъ онъ жить съ женою и пятерыми дѣтьми, не имѣя никакихъ средствъ добыть что либо занятіями посторонними. Чтобъ не умереть съ голоду, несчастный долженъ былъ заложить единственно бывшія у него цѣнныя вещи — часы, обручальное кольцо, орденъ. Послѣдствіемъ нравственныхъ огорченій и физическихъ лишеній явилась—водяная, которая мѣсяца черезъ два и низвела его въ могилу; 8-го марта нынѣшняго года, былъ онъ, по настоянію лечившаго его медика Областнаго Правленія, отправленъ, для пользованія отъ этой болѣзни, въ военный Оренбургскій госпиталь; но лишь только привезенъ былъ туда, какъ черезъ пять минутъ скончался—на чужихъ рукахъ, подъ сѣрымъ солдатскимъ одѣяломъ. Подробности эти сообщены мнѣ, въ самый день кончины покойнаго, принимавшимъ въ этомъ живое участіе священникомъ Оренбургской Троицкой церкви, отцемъ Стефаномъ Семеновымъ. Кромѣ того, еще одинъ человѣкъ въ Оренбургѣ принялъ эту вѣсть съ болью въ сердцѣ—достойнѣйшій пастырь Оренбургско-Уральской епархіи, преосвященный Варлаамъ, бывшій наставникомъ Бобровникова въ Иркутской семинаріи, который тотчасъ же и выразилъ свое участіе денежною помощію оставшемуся безъ куска хлѣба семейству покойнаго. Изъ прочихъ обитателей Оренбурга безвременная кончина и страдальческая судьба жившаго между ними чуждымъ для нихъ Бобровникова никого, кажется, не тронула... Энергическое, задушевное слово, произнесенное отцемъ Стефаномъ при погребеніи этой жертвы польскихъ козней, прозвучало какъ гласъ вопіющаго въ пустынѣ...

Дорожа ученою памятью покойнаго, Н. И. Ильминскій, тотчасъ же по полученіи извѣстія о смерти его, озаботился, черезъ того же отца Стефана, розъисканіемъ въ бумагахъ Бобровникова изслѣдованія его о памятникахъ квадратнаго письма, изслѣдованія, о достоинствахъ котораго упомянулъ уже я выше. Мало было надежды найти листки этого труда неразорванными, нерастерянными. Къ утѣшенію всѣхъ, уважавшихъ и любившихъ покойнаго, статья отъискалась однакоже въ такомъ видѣ, что съ

небольшою склейкою и реставраціею нѣкоторыхъ мѣстъ—можетъ быть напечатана. Только на прошлой недѣлѣ получилъ я ее изъ Казани отъ Ильминскаго и поставлю долгомъ себѣ приготовить ее къ изданію какъ можно скорѣе. Не сомнѣваюсь, что Общество, съ своей стороны, поставитъ себѣ въ особое удовольствіе увидѣть превосходный трудъ этотъ, объемомъ около 8-ми печатныхъ листовъ, напечатаннымъ въ одномъ изъ своихъ изданій, и найдетъ возможнымъ дать за него какое либо денежное вознагражденіе нищенствующему семейству первостепеннаго русскаго ученаго, который погибъ не отъ чего другаго, какъ отъ равнодушія русскаго общества къ людямъ, которыми только и могло бы похвалиться оно передъ иностранцами, справедливо обвиняющими насъ въ нравственной дряблости и ученомъ скудоуміи.

Кромѣ изслѣдованія о памятникахъ квадратнаго письма, оказалось въ бумагахъ Бобровникова еще черновое письмо его къ секретарю нашему, заключающее въ себѣ соображенія о плебейскомъ происхожденіи Чингисъ-Хана, по поводу сна, видѣннаго будто бы Дай-Сеуэномъ, первымъ его тестемъ. Письмо это, повидимому, не было въ свое время переписано и отправлено по адресу. Я передамъ его по принадлежности, полагая, что В. В. тоже найдетъ его заслуживающимъ помѣщенія въ «Извѣстіяхъ» нашего Общества. Нашелся также въ бумагахъ его «Очеркъ религіознаго состоянія Калмыковъ», написанный по возвращеніи изъ командировки въ Калмыцкіе улусы Астраханской губерніи, въ 1846 году, но, неизвѣстно почему, оставшійся въ рукописи и напечатанный Н. И. Ильминскимъ лишь нынѣ, въ іюньской и августовской книжкахъ «Православнаго Обозрѣнія».

IV.

Письма къ Григорьеву разныхъ лицъ.

1) Письмо Н. И. Надеждина.

Я совсѣмъ не зналъ, любезнѣйшій мой Василій Васильевичъ, что вы считаете меня «замѣчательнымъ человѣкомъ» и придаете такую высокую цѣну моимъ автографамъ. Въ противномъ случаѣ, я бы давно позаботился увеличить для васъ коллекцію *сихъ* послѣднихъ. Впрочемъ, время еще не ушло. Обстоятельства даже располагаются такъ, что на будущее время я и не въ состояніи буду иначе сообщаться съ вами, какъ посредствомъ автографовъ. Увы! Злокозненная судьба позавидовала тому счастію, которымъ я наслаждался въ Одессѣ, посреди васъ. Я оставляю прелестную столицу русской Италіи, и можетъ быть не дождусь уже васъ, не буду имѣть удовольствія видѣть на челѣ вашемъ сіяніе магистерской славы. Развѣ не свидимся ли въ Москвѣ, черезъ которую намѣренъ я держать путь свой въ Петербургъ, уже растворившій для меня свои гранитныя объятія, куда вле-

кусь я неотразимою силою предопредѣленія?... Да! я ѣду въ Петербургъ! Ѣду—мало того на житье—на службу! Я уже и теперь въ службѣ. Сейчасъ Куторъ, со слезами на глазахъ, принесъ мнѣ новый вицъ-мундиръ министерства внутреннихъ дѣлъ, въ который облекъ меня, какъ въ погребальную плащаницу. Кажется, этотъ израильтянинъ, которому я аккуратно платилъ изрядную подать, одинъ и жалѣетъ обо мнѣ искренно. Да еще извѣстный плакса, М. Алек. Всѣ прочіе, болѣе или менѣе, радуются. Особенно торжествуетъ Ник. Никиф., который готовъ праздновать отъѣздъ мой всею торжественностью древнихъ игръ, описываемыхъ имъ такъ подробно и съ такою любовію. Что-то будетъ съ вами? Слезою, или улыбкою, почтите вы память моего пребыванія въ Одессѣ?

Какъ случилась эта внезапная перемѣна въ моихъ обстоятельствахъ? Трудно объяснить мнѣ это для васъ. Я и самъ ясно не постигаю. Министръ В. Д., невѣдомо почему, вздумалъ спросить меня оффиціальнымъ письмомъ: не хочу ли я служить у него? Я по правиламъ Риторики Кошанскаго, отвѣчалъ весьма краснорѣчиво составленнымъ періодомъ, что «таковое вниманіе в—ва вмѣняю себѣ въ отличную честь». Въ слѣдъ за тѣмъ—глядь—предписаніе ко мнѣ, яко къ «состоящему въ Мин. Вн. Д.», о томъ, чтобы «явиться въ Петербургъ къ настоящей моей должности». Вотъ и все (....). Здоровье мое все еще плохо (....). Письмо къ Аксаковымъ я напишу на св. недѣлѣ, и препровожу къ вамъ. Теперь истинно не имѣю ни охоты, ни силъ писать. Это можете вы замѣтить изъ слога этого письма, который, какъ я самъ вижу, гораздо тяжеле и угрюмѣе обыкновеннаго. Все это оттого, что я чувствую себя не по себѣ (....). Въ заключеніе, христосуюсь съ вами отъ души и желаю вамъ всѣхъ благъ тѣлесныхъ и душевныхъ. Вашъ доброжелательнѣйшій Н. Надеждинъ.

Одесса, 18 апрѣля 1842 г.

Приписка Княжевича. «А я такъ прилагаю вамъ письмецо къ Аксаковымъ теперь. Если вы еще не знакомы съ ними, то отнесите и познакомьтесь: добрые, умные люди, съ горячими сердцами. Вамъ пріятно будетъ съ ними познакомиться. Николай Ивановичъ не говоритъ вамъ ни слова о своемъ сюда возвращеніи. Намъ онъ его обѣщаетъ, но мнѣ что-то не вѣрится. А знаете ли что мы сдѣлаемъ? Мы сами за нимъ поплетемся опять въ Питеръ. Какъ вы объ этомъ думаете»?

2) Письмо А. И. Кошелева.

Милостивый Государь, Василій Васильевичъ. Истинно сочувственное письмо ваше отъ 3 апрѣля получено нами только 23 апрѣля: Спѣшу вамъ отвѣчать и съ великою благодарностію принять предлагаемое вами сотрудничество. Знаемъ и чувствуемъ вполнѣ всю трудность предпринятаго нами дѣла. Полагаемъ однако, что оно теперь не несвоевременно. Цензура хотя еще не освободилась вполнѣ отъ воспоминаній о прошедшемъ и подъ часъ предается прежнему разгулу, однако она стала все таки разумнѣе и есть воз-

можность имѣть съ нею дѣло. Постоянное сотрудничество гг. Хомякова, Аксаковыхъ, Кирѣевскихъ, Самарина, Чижова, Гилярова, Попова, Гильфердинга, Максимовича и нѣкоторыхъ другихъ искренно сочувствующихъ направленію Бесѣды, даетъ намъ надежду, съ Божьею помощью, повести журналъ не безъ пользы для общаго дѣла. Къ тому же многіе отозвались очень сочувственно къ нашему предпріятію и обѣщали намъ помогать. Пословица говоритъ: «одному и у каши не споро»; а другая прибавляетъ: «съ міра по ниткѣ, голому рубаха». Такъ и мы надѣемся, что съ помощью добрыхъ людей дѣло наше пойдетъ. Намъ весьма извѣстны труды ваши по направленію нашего просвѣщенія къ началамъ православно-русскимъ. Мы не смѣли обратиться къ вамъ съ просьбою потому, что мы вамъ слишкомъ мало извѣстны, такъ и потому, что желаемъ сотрудничества вольнаго, на сочувствіи основаннаго, а не искательствомъ добытаго. Журнальная дѣятельность у насъ до того опошлилась, что мы, не ради оригинальности, не изъ любви къ необычайному, но просто изъ уваженія къ предпринятому нами дѣлу, рѣшились дѣйствовать иначе, чѣмъ какъ дѣйствуютъ другіе журналы. Мы не зазываемъ ни сотрудниковъ, ни читателей, но, само собою разумѣется, съ распростертыми руками готовы принять и тѣхъ и другихъ.

Предлагаемые вами труды вполнѣ соотвѣтствуютъ цѣли Бесѣды и мы за счастіе сочтемъ ихъ помѣстить въ нашемъ изданіи. Хотя Т. Н. Грановскій былъ представителемъ западнаго направленія, но онъ былъ человѣкъ живой и мы часто услаждались въ бесѣдахъ съ нимъ. Ваши слова о немъ будутъ кладомъ для Бесѣды, ибо она докажетъ людямъ противнаго направленія, что мы умѣемъ цѣнить людей и иномысленныхъ, и они быть можетъ наведутъ кой-кого изъ нашихъ противниковъ на мысль о безплодности не своего воззрѣнія, даже при самыхъ богатыхъ дарованіяхъ. Что же касается до Н. И. Надеждина, то мы всѣ его болѣе или менѣе знали, любили и цѣнили. Намъ будетъ отрадно заплатить ему въ нашемъ журналѣ дань благодарности. Сочиненіе о *родовомъ бытѣ* есть дѣло истинно важное, ибо вопросъ этотъ еще далеко не уясненъ.—Намъ было бы также весьма желательно ознакомливать нашихъ читателей съ Востокомъ, ибо до сихъ поръ почти всѣ свѣдѣнія о немъ покоятся въ ученыхъ изданіяхъ и неизвѣстны людямъ даже образованнымъ. Значеніе же его для Россіи въ смыслѣ просвѣщенія вовсе не указано. Ваше сотрудничество по этой части было бы для Бесѣды истиннымъ благодѣяніемъ. Первая книжка Бесѣды выйдетъ въ концѣ этой недѣли. Она не будетъ такъ существенна, какъ мы надѣялись, потому что двѣ самыя полновѣсныя статьи застряли въ Главн. Упр. Цензуры, куда цензоръ, по особымъ причинамъ, долженъ былъ ихъ отправить. Надѣемся, что вторая книжка выкажетъ яснѣе наше воззрѣніе.

Съ будущаго года мы предполагаемъ издавать два раза въ мѣсяцъ прибавленія къ Бесѣдѣ. Сочиненія полновѣсныя, существенныя будутъ

помѣщаться въ Бесѣдѣ, а статьи нѣсколько легче, заимствующія особенный интересъ отъ текущихъ, или вѣрнѣе сказать отъ быстробѣгущихъ обстоятельствъ, найдутъ мѣсто въ Московскомъ Толкѣ. Каждая книжка Бесѣды будетъ содержать 30 печатныхъ листовъ, и книжка Толка отъ 7 до 8 листовъ; такимъ образомъ мы издадимъ въ годъ 300 печатныхъ листовъ.

Поручая себя и Бесѣду въ благосклонное ваше вниманіе, честь имѣю быть вашимъ покорнымъ слугою.

Александръ Кошелевъ.

Москва, 24 апрѣля 1856 г.

3) Письмо П. И. Мельникова.

Милостивый государь, Василій Васильевичъ!

Письмомъ своимъ вы доставили мнѣ отрадныя минуты. Видѣть, что истинно благомыслящіе Русскіе люди сочувствуетъ предпринимаемому мною дѣлу пріятно и это благотворно дѣйствуетъ на поддержку физическихъ и моральныхъ силъ, которыя теперь, въ хлопотахъ по приготовляемому изданію, расходуются до истощенія.

Пора, пора издавать эту газету. Теперь какъ почтенному моему сотруднику и глубоко уважаемому мною человѣку, разскажу вамъ въ короткихъ словахъ исторію этого дѣла.

Первая мысль, зародышь, можно сказать, мысли объ этой газетѣ относится къ концу 1855 года, когда мы посвободнѣе вздохнули на литературномъ поприщѣ, когда мы узнали еще частнымъ образомъ, что дозволено будетъ издавать новые журналы и газеты. Умиравшій Н. И. Надеждинъ за нѣсколько недѣль до смерти говорилъ со мной о такой газетѣ. Не было уже въ рѣчахъ его былой энергіи, той подталкивающей другихъ на работу силы, которою онъ обладалъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ— но мысль его запала мнѣ на умъ. Прошло почти два года, началось освобожденіе крестьянъ, наше министерство пришло въ сильную дѣятельность. Рескрипты Государя и отношенія министра посыпались по губерніямъ: органъ министерства (журналъ) оказался несостоятельнымъ, пришлось печатать акты по этому великому дѣлу въ постороннихъ вѣдомостяхъ, ибо журналъ выходитъ разъ въ мѣсяцъ, да, еще какъ слѣдуетъ всякому казенному журналу, по мѣсяцу опаздываетъ. Разъ С. С. Ланскій говоритъ мнѣ, что не худо издавать при журналѣ прибавленія, и такъ какъ редакторъ журнала В—овъ ужь очень серьезенъ, какъ подобаетъ доктору, то министръ хотѣлъ меня сдѣлать редакторомъ прибавленій и просилъ обдумать это дѣло и написать проектъ. Тогда мы придумали возстановить «Сѣверную Почту»» издававшуюся при Мин. Внутр. Дѣлъ съ 1809 по 1820 и разсматривая дѣло объ ней, нашли замѣчательную резолюцію Императора Александра Павловича. Былъ ему докладъ о томъ, что С. П. издавалась на суммы

Почтоваго департамента, этотъ департаментъ отошелъ отъ министерства и въ министерствѣ денегъ нѣтъ—пожалуйте изъ Государственнаго казначейства. Государь изволилъ написать: *газету не слѣдуетъ издавать правительственному мѣсту, потому что публика не можетъ вѣрить ей, лучше если частное лицо будетъ издавать газету подъ вліяніемъ министерства.* Этого исполнено не было, явилась вслѣдствіе этого «Сѣв. Пчела», но безъ министерскаго вліянія.

Вотъ мы и вздумали воскресить «Сѣв. Почту» въ томъ видѣ, какъ желалъ Императоръ Александръ Павловичъ. Газета такимъ образомъ находится подъ вліяніемъ министерства и такимъ образомъ это первый опытъ *полуоффиціальной* газеты въ Россіи. Составляя мою собственность, она основывается на деньги данныя Правительствомъ, обязательна для мѣстъ и лицъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, для чего данъ министромъ и циркуляръ, но мнѣнія ея *независимы* и она отнюдь не составляетъ органа министерства. *Добро, правда и гласность* вотъ ея девизъ. *Нужды и потребности разныхъ краевъ Россіи, средства къ ихъ удовлетворенію*—вотъ что болѣе всего желательно намъ отъ нашихъ сотрудниковъ. Разработка вопросовъ крестьянскаго, объ устройствѣ полицій и т. п. составятъ жизненный интересъ ея, хотя эти статьи по *особымъ* обстоятельствамъ не пишемъ съ первыхъ нумеровъ.

Что касается до воззрѣнія, оно будетъ мое личное. Я не знаю поняли ли вы меня изъ моихъ статей—объяснюсь передъ вами: я не славянофилъ и не западникъ, на ту и другую партію смотрю какъ на крайность. Все хорошо, будь оно англійское или китайское, германское или киргизское, но если оно хорошо и *примѣнимо* къ условіямъ нашей страны, всему этому я глубоко сочувствую, напротивъ дурное, тупое, темное, хотя бы оно выросло и созрѣло въ самомъ каменномъ кремлѣ, хотя бы исходило изъ алтаря Успенскаго собора—я все таки назову тупымъ и нелѣпымъ наслѣдствомъ темной татарщины и еще темнѣйшей византійщины. Истинно русское въ нашей исторіи я вижу лишь до XIII ст., а потомъ Сарай, Москва съ своими холмами и толпой греческихъ выходцевъ изъ околѣвшей въ невѣжествѣ Византіи, съ толпой монаховъ, мѣнявшихъ мощи на жемчуги и золото, съ Петромъ, окруженнымъ Нѣмцами—все это ужъ не родное, не русское. Вотъ взглядъ мой на нашу исторію. Печаленъ взглядъ,— но вѣдь кажется вѣренъ. Что вы на это скажете? Я нарочно заявляю вамъ себя. Если не такъ, спорьте. Du choc des opinions se fait la verité.

Съ нетерпѣніемъ ожидаю вашей статьи о Киргизахъ и буду очень счастливъ, если вы раздѣлите свою дѣятельность между «Парусомъ» и «Р. Дневникомъ». Мнѣ кажется, что мы съ Аксаковымъ одного поля ягоды».

С.-Петербургъ, 24 ноября 1858 г.

4) Письмо Н. А. Некрасова.

Ваше Превосходительство, милостивый государь, Василій Васильевичъ. Я узналъ, что вы взяли на себя трудъ лично прочесть мою поэму. Признаюсь, я этого только и желалъ и теперь прибѣгаю къ Вашему Превосходительству съ просьбою ускорить рѣшеніе по этому дѣлу, такъ какъ поэма моя предназначена въ 1 № Отеч. Зап. срокъ выхода котораго приближается.

Я принесъ нѣкоторыя жертвы цензору Л., исключивъ солдата и двѣ пѣсни, но выкинуть *исторію о Яковѣ*, чего онъ требовалъ подъ угрозою ареста книги журнала, не могу—поэма лишится смысла. Уродливости, до которыхъ доведено крѣпостное право, съ тѣмъ и приведены, чтобъ ярче высказать благодѣяніе отмѣны его.

Неужели поэма подлежитъ искаженію за то, что въ ней есть мрачныя пѣсни и картины относящіяся къ крѣпостной эпохѣ? Но за то въ ней есть и свѣтлыя перспективы.

Рѣшеніе зависитъ отъ вашего Превосходительства. Я же, признаюсь, жалѣю и тѣхъ мѣстъ, на исключеніе которыхъ согласился,—я сдѣлалъ это противъ убѣжденія.

Имѣю честь поднести Вашему Превосходительству экземпляръ моихъ стихотвореній: въ этихъ книгахъ почти нѣтъ пьесы, которая была бы менѣе рѣзкою, чѣмъ бракуемыя г. Л. мѣста моей поэмы. Я пишу стихи 38 лѣтъ—и публика и сама цензура давно привыкла къ тому, чего можно ожидать отъ моихъ стиховъ и они давно не производятъ неблагопріятныхъ исторій.

Простите, что пишу карандашемъ—очень болѣнъ. Весной 1876 года Ваше Превосходительство лично обѣщали мнѣ свое заступничество; на этомъ основаніи и рѣшился я васъ побезпокоить.

Примите увѣреніе въ моемъ истинномъ уваженіи и преданности. Вашего Превосходительства покорный слуга Н. Некрасовъ.

P. S. Если и ваше рѣшеніе будетъ неблагопріятно, то не запрещайте поэмы оффиціально, а просто возвратите мнѣ.

V

Некрологъ [1]).

Мы утратили одного изъ лучшихъ русскихъ людей. Вчера, 19-го числа декабря, скончался, послѣ не очень продолжительной болѣзни, бывшій профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, впослѣдствіи

[1]) „Новое Время“, № 2089.

начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати, Василій Васильевичъ Григорьевъ. Василій Васильевичъ былъ для своихъ университетскихъ слушателей не только отличнымъ преподавателемъ, но въ то же время и отцемъ, и другомъ, такъ какъ, независимо отъ университетскихъ лекцій, во все время служенія его университету дверь его дома была постоянно открыта для всякаго молодаго человѣка, искавшаго у него для себя совѣта или указаній; кромѣ же того, пишущему эти строки извѣстно, что нерѣдко охотно и щедро дѣлился онъ и своими матеріальными средствами съ любознательною неимущею молодежью. Товарищи, знавшіе ближе Василія Васильевича, имѣли въ немъ искренняго друга и никогда не забудутъ его открытаго нрава, его благородныхъ порывовъ ко всему прекрасному, его неисчерпаемаго остроумія и безпредѣльной любви къ отечеству, которой нельзя было не видѣть въ каждой бесѣдѣ съ нимъ. Оцѣнка ученыхъ трудовъ нашего дорогаго усопшаго и служебной его дѣятельности принадлежитъ потомству; намъ же, близко знавшимъ и любившимъ его, остается только скорбѣть о столь ранней его кончинѣ: онъ умеръ на 67 году жизни, въ полномъ цвѣту нимало не ослабѣвшихъ умственныхъ его силъ.

20 декабря 1881 года. *К. Коссовичъ.*

VI.

Слово протоіерея В. Г. Рождественскаго.

Благочестивые и достолюбезные братія и сестры во Христѣ! Прежде чѣмъ дать послѣднее христіанское цѣлованіе досточтимѣйшему собрату нашему во Христѣ, отходящему отъ насъ въ путь жизни вѣчныя, считаю долгомъ, и какъ служитель алтаря Господня, и какъ бывшій сослуживецъ по университету, посвятить хотя нѣсколько простыхъ, но искреннихъ словъ славной памяти почившаго.

Въ Василіѣ Васильевичѣ Григорьевѣ русское общество утратило, безспорно, одного изъ видныхъ и образованнѣйшихъ своихъ дѣятелей,—и въ частности русская наука лишилась въ немъ одного изъ блестящихъ, славныхъ представителей своихъ. Высоко-почтенная личность почившаго замѣчательна прежде всего тѣмъ, что она представляла въ себѣ рѣдкое, счастливое сочетаніе глубокаго, необыкновенно свѣтлаго ума съ широкимъ, разностороннимъ житейскимъ опытомъ. Это былъ истинный ученый, но это не былъ, однако, какой-либо замкнутый въ себѣ, сухой, черствый теоретикъ, судившій о насущнѣйшихъ вопросахъ и явленіяхъ жизни по заранѣе готовымъ, книжнымъ теоріямъ и формуламъ, готовый ломать или отрицать то или другое въ жизни ради своихъ предвзятыхъ, излюбленныхъ идей, какъ то или другое нерѣдко можно видѣть въ наше время. Почти полувѣковая служебная дѣятельность покойнаго на разнообразныхъ попри-

щахъ и въ различныхъ званіяхъ, дала ему возможность глубоко изучить бытъ и нравы русской жизни, узнать ея сильныя и слабыя стороны на разнообразныхъ мѣстахъ: и въ шумной столицѣ, и въ тихомъ губернскомъ городѣ, и среди степей Оренбургскихъ; вслѣдствіе этого сужденія покойнаго о лицахъ и вещахъ всегда были замѣчательно вѣски и точны, исполнены глубокой жизненной правды, мудраго совѣта. Вообще не слово, хотя бы и самое краснорѣчивое, а дѣло, правду жизни,—вотъ что любилъ и цѣнилъ болѣе всего покойный въ общественныхъ отношеніяхъ,—и онъ самъ являлъ въ себѣ достойный образецъ человѣка именно дѣла, а не однихъ лишь громкихъ словъ. Это былъ въ то же время истинно-русскій человѣкъ, преданнѣйшій слуга горячо любимаго имъ отечества: всякая неправда въ этомъ отношеніи, — скажемъ не обинуясь и при его гробѣ, — встрѣчала въ немъ строгаго и безпристрастнаго судію, не поддававшагося ни на какія уступки и сдѣлки съ ложными взглядами и вѣяніями духа времени, равно какъ, и на оборотъ,—все доброе, истинно-великое и полезное находило въ немъ стойкаго и мужественнаго защитника. Нужно ли говорить, что общество, хорошо понимающее свое благо и свои истинные интересы, должно глубоко чтить и вѣрно хранить память о такихъ дѣятеляхъ своихъ; потому что въ памяти такихъ дѣятелей оно всегда найдетъ себѣ и въ будущемъ живую опору, наглядные уроки для многихъ своихъ добрыхъ начинаній и предпріятій.

Но достопочтенная личность Василія Васильевича особенно близка и дорога нашему университету: Здѣсь--въ стѣнахъ нашего университета получилъ онъ свое высшее образованіе; ему же, какъ дань благодарности, отдалъ онъ лучшіе, зрѣлые годы своей жизни и своей плодотворной профессорской дѣятельности. Не мѣсто и не время входить здѣсь въ оцѣнку его многочисленныхъ учено-литературныхъ трудовъ; труды эти, безъ сомнѣнія, хорошо извѣстны и высоко цѣнятся всѣми, кому въ настоящее время приходится заниматься тою же не легкою спеціальностію, которой съ блестящимъ успѣхомъ посвятилъ себя покойный еще на школьной скамьѣ, и которою онъ съ неустанною энергіею и любовію занимался почти до конца дней своихъ. Ученые труды его давно уже оцѣнены по достоинству и у насъ, и за предѣлами нашего отечества,—образованнѣйшими людьми Запада, хотя, нужно сказать, большая часть сдѣланнаго имъ относится именно къ прошедшимъ судьбамъ нашего отечества, къ разъясненію исторіи и различныхъ памятниковъ его восточныхъ и юго-восточныхъ окраинъ. И здѣсь нашему талантливому оріенталисту приходилось, какъ извѣстно, во многихъ случаяхъ первому прокладывать ученую дорогу, собирать матеріалы, разрабатывать доселѣ никѣмъ еще нетронутое. Въ этомъ отношеніи онъ и по смерти своей надолго еще останется незамѣнимымъ учителемъ для своихъ учениковъ.

Не беремъ на себя смѣлости входить во всѣ подробности прекрасной

личности почившаго,—начертать, какъ слѣдовало бы, полный образъ его, и какъ христіанина, и какъ человѣка вообще. Просимъ всѣхъ—близкихъ знакомыхъ и друзей покойнаго—восполнить пробѣлъ нашего слова въ этомъ отношеніи своими личными воспоминаніями. А это былъ дѣйствительно, какъ легко было замѣтить и при непродолжительномъ знакомствѣ съ нимъ, не высокообразованный человѣкъ только, но и добрый христіанинъ, свято хранившій уставы св. церкви и добрые завѣты отцовъ своихъ. Никто изъ знавшихъ его никогда не забудетъ, конечно, его въ высшей степени привѣтливаго и мягкаго характера, его умныхъ, потокомъ лившихся, дружескихъ бесѣдъ, его истинно-русской общительности и добродушія.

Не въ словахъ, впрочемъ, хвалы и благодаренія отъ насъ нуждается теперь почившій собратъ нашъ! Ему нужна теперь первѣе всего общая, единодушная молитва наша къ Господу-Богу духовъ и всякія плоти, да упокоитъ Онъ духъ его въ селеніяхъ праведныхъ своихъ, — да пріиметъ его, какъ благаго и вѣрнаго раба, въ радость небеснаго царствія Своего!

Миръ праху твоему, доблестный гражданинъ земли русской! Вѣчная память тебѣ и твоимъ ученымъ и общественнымъ трудамъ и заслугамъ!

ХРОНОЛОГИЧЕСКІЙ СПИСОКЪ

УЧЕНЫМЪ И ЛИТЕРАТУРНЫМЪ ТРУДАМЪ

В. В. Григорьева.

1834.

Зографъ Заложникъ. Переводъ съ англійскаго. („Сынъ Отечества" и „Сѣв. Архивъ", т. XLV). Подписано: *В. Ве—р—і—въ*.

Объ образѣ правленія у Хазаровъ. („Журн. Мин. Нар. Пр.", 1834 г., ч. III. Въ Сборникѣ „Россія и Азія" подъ заглавіемъ: *О двойственности верховной власти у Хазаровъ*. Стр. 66—78).

Исторія Монголовъ отъ древнѣйшихъ временъ до Тамерлана. Переводъ съ персидскаго. Спб., 1834. Стр. 161, 8°.

1835.

О древнихъ походахъ Руссовъ на Востокъ. („Журн. Мин. Нар. Пр.", 1835 г., ч. V. Сборникъ „Россія и Азія", стр. 1—44).

Обзоръ политической исторіи Хазаровъ. („Сынъ Отечества и Сѣв. Архивъ", 1835 г., ч. XLVIII. Сборникъ „Россія и Азія", стр. 45—65).

О жизни и ученыхъ трудахъ Абель Ремюза. („Журн. Мин. Нар. Пр.", ч. VI). Подписано: *В. Г.*

Рецензія на книгу: Specimen academicum Pendnameh etc. Helsingforsiae, 1835. („Сѣверная Пчела", 1835 г., № 143). Подписано: *Финляндскій филологъ Изафети Маклубъ. Гельсингфорсъ.*

Рецензія на книгу: Монгольско-русско-нѣмецкій словарь, Я. Шмидта. Спб., 1835. („Журн. Мин. Нар. Пр.", 1835 г., т. VII, стр. 411—413).

Рецензія на книгу: Енисейская губернія, Степанова. Спб., 1835. (Тамъ же, стр. 413—414).

Историческіе и филологическіе труды русскихъ оріенталистовъ. („Московскій Наблюдатель“, 1835, ч. II, стр. 413—420).

Рецензія на книгу: Исторія Японіи, Горлова. Спб., 1835. (Тамъ же, стр. 415—416).

Литературная новость (объ изданіи сочиненія Абуль-Фазля). Написано вмѣстѣ съ Савельевымъ. („Молва“, № 27—30, стр. 58—60). Подписано: *С. М...*

1836.

Волжскіе Болгаре. („Библ. для Чтенія“, 1836 г., ч. XIX. Сборникъ „Россія и Азія“, стр. 79—106).

А. И. Булгаковъ. Некрологъ. („Спб. Академич. Вѣдом.“ 1837 г., № 8). Подписано: *В. Григорьевъ* и *П. Савельевъ. Дек. 1836.*

1837.

Рецензія на книгу: Bibliotheca Sanscrita, von Friedrich Adelung. St.-Petersb., 1837. („Ж. Мин. Нар. Пр.“ 1837, ч. XIII, стр. 695—700).

Рецензія на книгу: Славянскія древности, Шафарика, перев. Бодянскаго. М. 1837. (Тамъ же, ч. XV, стр. 146—159).

О состраданіи къ животнымъ. Пер. съ англійскаго. Спб. 1837. Стр. 20, in 12°.

Гибельныя слѣдствія отлагательства въ дѣлѣ спасенія души. Перев. съ англійскаго Спб. 1837. Стр. 12, in 12°.

Рецензія на книгу: Босфоръ и новые очерки Константинополя, Базили. Спб., 1836. („Литер. Прибавл. къ Русскому Инвалиду“, № 3, стр. 24—25).

Цѣна жизни. Разсказъ Э. Скриба. Перев. съ французскаго. (Тамъ же, № 13, стр. 119—122).

1838.

Рецензія: Славянскія древности. („Ж. Мин. Нар. Пр.“ т. XVII, стр. 191—201).

Рецензія: Обозрѣніе Россійскихъ владѣній за Кавказомъ. (Тамъ же, стр. 201—208).

Рецензія: Исторія генуезскихъ поселеній въ Крыму, Н. Мурзакевича. Одесса, 1837. (Тамъ же, т. XVIII, стр. 613—616).

Рецензія: Монгольская хрестоматія, О. Ковалевскаго. Т. I. Казань, 1836. (Тамъ же, т. XIX, стр. 170—181).

Рецензія: Монгольская хрестоматія, А. Попова. Т. I, Казань, 1836. (Тамъ же, стр. 181—183).

Рецензія: Военная библіотека, издав. И. Глазуновымъ. Спб., 1837. (Тамъ же, стр. 183—186).

Мысовскій-Свѣтогорскій. („Спб. Акад. Вѣдом." № 57). Подписано: *В. Г—въ.*

1839.

Рецензія: Очерки Іерусалима, А. Т. Спб., 1837. Воспоминанія о Востокѣ г. Корниля. Переводъ съ французскаго. М. 1837. („Литературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду", 1838 г., № 5, стр. 90—91).

Рецензія: Китайская грамматика, сочиненная монахомъ Іакинѳомъ. Спб., 1838. (Тамъ же, № 30, стр. 590—593).

Фирдоуси—довершитель возрожденія національной поэзіи въ Персіи. („Одесскій Альманахъ" на 1839 годъ). 21 стр.

Рецензія: Утренняя Заря, альманахъ В. Владиславлева. („Одесскій Вѣстникъ", № 2).

1840.

Объ отношеніи Россіи къ Востоку. („Собраніе рѣчей, произнесенныхъ въ торжественномъ собраніи Ришельевскаго лицея". Одесса, 1840). Въ нѣмецкомъ переводѣ: Eine Stimme über Russlands Verhältnisse zu Asien (въ Allgem. Augsburg. Zeit. 1841, № 2).

Рецензія этой рѣчи помѣщена въ „Отеч. Запискахъ" 1840 г., т. XI, отд VI, стр. 58; въ „Маякѣ" 1840 г., ч. VIII, гл. IV, стр. 204—208.

Поѣздка въ Константинополь. („Одесскій Альманахъ" на 1840 годъ). 59 стр. Подп. *Изафети Маклубъ.*

Рецензіи на эту статью: С.-Петербургскія Вѣдомости, 1840 г., № 52; Сынъ Отечества № 4; Библіотека для чтенія, кн. II; Ж. Мин. Нар. Пр. книжка мартовская въ „Обозрѣніи" русскихъ книгъ.

Нѣсколько замѣчаній для желающихъ съѣздить въ Константинополь. („Новороссійскій Календарь" на 1841 годъ, стр. 310—323). Подп. *В. Г.*

Рецензія: Dictionnaire français, arabe, persan et turc, par Handjeri. Moscou, 1840. („Одесскій Вѣстникъ" № 89).

1841.

Лекціи физики проф. Левтеропуло. („Одесскій Вѣстникъ" № 14). Подп. *Изафети Маклубъ.*

Описаніе куфическихъ монетъ X вѣка, найденныхъ въ Рязанской губерніи. Спб., 1881. 4°.

Рецензія этого труда помѣщена въ Archiv für Wissenschaftliche Kunde von Russland 1842, № 3.

Вѣсти изъ Одессы („Москвитянинъ", № 4, Смѣсь, стр. 553—559). Безъ подписи.

Рецензія: Collection orientale. Histoire des Mongols de la Perse, par Raschid ed-Din, traduite etc. par M. Quatremère. („Москвитянинъ", № VII, Критика, стр. 205—233).

1842.

О достовѣрности ярлыковъ, данныхъ ханами Золотой орды русскому духовенству. Москва, 1842, 8°. 140 стр. („Россія и Азія", стр. 170—258).

Рецензія Шотта въ Jahrbücher für wissenschaftliche Kritik. 1844, № 96.

О куфическихъ монетахъ находимыхъ въ Россіи и прибалтійскихъ странахъ, какъ источникахъ для древнѣйшей отечественной исторіи. Отд. от. Одесса, 1842, 4°, 54 стр. („Записки Одес. общ. исторіи и древностей, т. I, стр. 115—166. „Россія и Азія", стр. 107—169).

Рецензія: Устное повѣтствованіе бывшаго запорожца Н. Л. Коржа. („Москвитянинъ", № 1, критика, стр. 184—185). Подп. *В. Григорьевъ.*

Рецензія: Descriptio Musei publici Odessani. Cura et labore N. Murzakewicz. (Тамъ же, стр. 258—266).

1843.

Монеты Джучидовъ, Генуезцевъ и Гиреевъ, битыя на Таврическомъ полуостровѣ. Отд. от. Одесса, 1843, 8° стр. 40. („Записки Одесск. общ. исторіи и древностей", т. I, стр. 301—314 и 654).

1844.

Ярлыкъ Тохтамыша и Сеадетъ Гирея въ литографированныхъ снимкахъ съ переводомъ и примѣчаніями. Отд. от. Одесса, 1844, 4°,

10 стр. („Записки Одес. общ. исторіи и древностей", т. I, стр. 337—346).

Сказки сорока визирей и царицы. Пер. съ турецкаго. („Москвитянинъ", № 1, стр. 94—122). Подп. *В. Григорьевъ.*

Кириллъ, Архіепископъ Подольскій и Брацлавскій. Некрологъ. („Записки Одесск. общ. ист. и древностей", т. I, стр. 582).

Графъ Альбертъ Эдлингъ. Некрологъ. (Тамъ же, стр. 582—3).

1845.

О мѣстоположеніи Сарая, столицы Золотой Орды. („Ж. Мин. Вн. Дѣлъ", №№ 2, 3, 4. „Россія и Азія" стр. 259—321).

Цѣнность денегъ и нуждъ встарину и нынѣ, вычисленная для Франціи. Изъ Лебера. („Ж. Мин. Вн. Дѣлъ", мартъ, стр. 524—532).

Новое вычисленіе пространства въ Имперіи по губерніямъ. Передѣлка статьи Швейцера въ бюллет. Ак. Наукъ. („Ж. Мин. Вн. Дѣлъ", августъ, стр. 276—282).

Археологическіе поиски въ Керчи. („Ж. М. Вн. Дѣлъ", декабрь, стр. 425—449).

1846.

Монгольская надпись временъ Монгке хана, найденная въ восточной Сибири. („Ж. Мин. Вн. Дѣлъ", № 12). 26 стр.

Отвѣтъ г. Академику Шмиту на замѣчанія его о монгольской надписи временъ Монгке хана. („Отеч. Записки", № XII).

Рецензія въ той же книжкѣ Отечественныхъ Записокъ, отд. Библіогр., стр. 92—95.

Еврейскія религіозныя секты въ Россіи. („Ж. Мин. Вн. Дѣлъ", іюль, августъ, ноябрь, декабрь. Отд. от. Спб., 1847 г. 8°, 221 стр. „Россія и Азія", стр. 418—550).

Рецензія этого сочиненія въ „Финскомъ Вѣстникѣ" 1847 г., т. XIV. Библ. хрон. стр. 38—40.

О погребеніи обмершихъ и средствахъ къ предупрежденію этого несчастія. („Ж. Мин. Вн. Дѣлъ", мартъ, стр. 445—458).

Санъ-Фирменская земледѣльческая колонія. (Тамъ же, февраль, стр. 323—326). Перев. съ французскаго.

Заведеніе для призрѣнія безпріютныхъ дѣтей въ Ревелѣ и Митавѣ. (Тамъ же, іюнь, стр. 489—501).

Земледѣльческая колонія въ Голландіи. (Тамъ же, декабрь, стр. 615—619).

1847.

Второй отвѣтъ академику Шмиту на новыя замѣчанія его о монгольской надписи временъ Монгке хана. („Финскій Вѣстникъ", кн. майская, отд. наукъ и худож., стр. 6—20).

Рецензія: Босфоръ Киммерійскій съ его древностями и достопамятностями. Соч. Г. Спасскаго. Москва, 1846. („Фин. Вѣстникъ", кн. мартовская, отд. Библіогр. хрон., стр. 42—44). Безъ подписи.

Разборъ книги: Мухаммеданская нумизматика въ отношеніи къ русской исторіи. Соч. П. Савельева. Спб., 1846. (Тамъ же, кн. апрѣльская. Библ. хр., стр. 18—39, и въ біографіи Савельева, стр. 202—232).

Рецензія книги: Записки объ уженьѣ. Москва, 1847. (Тамъ же, кн. майская. Библ. хрон., стр. 21—24).

Рецензія: Всеобщая географія, приспособленная къ преподаванію въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Москва, 1845. (Тамъ же, кн. іюльская. Библ. хрон., стр. 34—39).

Александръ Вине. Біографическій очеркъ. (Тамъ же, кн. іюльская. Смѣсь, стр. 28—38).

Рецензія: Пѣсни крестьянъ Владимірской и Костромской губерній, собран. А. Смирновымъ. Москва, 1847. (Тамъ же, кн. августовская. Библ. хр., стр. 34—44).

Рецензія: Книга Наума о великомъ Божьемъ мірѣ. Изд. М. Максимовичемъ. Изд. 4-е, Спб., 1847. (Тамъ же, стр. 56—57).

Рецензія: Замѣтки для путешествующихъ по Крыму. Соч. Е. Шевелева. Одесса, 1847. (Тамъ же, стр. 57—58).

Рецензія: Поселянка Мавра Савишна. Соч. И. Кушина. Спб., 1847. (Тамъ же, кн. сентябр. Библ. хр., стр. 53—54).

Баронъ Гакстгаузенъ и его путешествіе по Россіи. Статья 1. (Тамъ же, кн. октябр., отд. Наукъ и худож., стр. 1—16).

Рецензія: Монгольско-русско-французскій словарь, составл. О. Ковалевскимъ. Казань, 1844. (Тамъ же, отд. Библ. хр., стр. 1—13). Подписано: *В. Григорьевъ.*

Рецензія: Справочный Энциклопедическій словарь. Изданіе К. Края. Томъ 6. Спб., 1847. (Тамъ же, кн. ноябр., отд. Библ. хр., стр. 19—23).

Четырехлѣтніе археологическіе поиски въ развалинахъ Сарая. (Тамъ же, стр. 347—374).

Рецензія: Дополненіе къ тюркской грамматикѣ, И. Березина. Спб., 1846. („Спб. Акад. Вѣдомости“, №№ 84—85).

Женскія общины въ Нижегородской губерніи. („Ж. Мин. Вн. Дѣлъ“, кн. авг., стр. 268—285).

Опытъ статистическаго распредѣленія губерній и областей Имперіи. (Тамъ же, стр. 286—294).

О половникахъ въ Вологодской губерніи. Изъ Гакстгаузена. (Тамъ же, кн. ноябр., стр. 234—253).

1848.

Рецензія: Путешествіе къ семи церквамъ. А. Норова. Спб., 1847. („Сѣверное Обозрѣніе“, январь, отд. крит. и библ., стр. 60—62).

Русская врачебная экспедиція отправленная на Востокъ отъ Мин. Внутреннихъ Дѣлъ. („Географич. Извѣстія“, Изд. И. Р. Геогр. Общ. на 1848 годъ, стр. 95—111). Извлеченіе изъ отчета Рафаловича въ „Ж. Мин. Вн. Дѣлъ“.

Этнографическое путешествіе Кастрена по Западной Сибири. (Тамъ же, стр. 129—152).

О продолженіи трудовъ Вивьенъ де Сенъ-Мартена по исторіи географическихъ открытій. (Тамъ же, стр. 159—161).

Рецензія: Обозрѣніе могилъ, валовъ и городищъ Кіевской губерніи, изданное И. Фундуклеемъ. Кіевъ, 1848. (Тамъ же, стр. 162—164).

Путешествіе Гукера по Виндійскимъ и Гималайскимъ горамъ. (Тамъ же, стр. 182—188).

Путешествіе во внутренность Африки, предпринятое Бялоблоцкимъ. (Тамъ же, стр. 188—190, и „Геогр. Извѣстія“ на 1849 г., стр. 130—131).

Экспедиція въ сѣверо-восточныя части Австралійскаго материка подъ начальствомъ Кеннеди. (Тамъ же, 190—191).

Извѣстія о сэрѣ Джонѣ Франклинѣ и экспедиціяхъ для его отысканія. („Геогр. Извѣстія“ на 1848 г., стр. 191—193; Г. И. на 1849 г. стр. 94, 128—130, 179—182, 270—274; Г. И. на 1850 г., стр. 54—67, 242—247).

Географія Абуль-Феды во французскомъ переводѣ.—Новое итальянское изданіе путешествій Марко Поло.—О новой топографической и этнографической картѣ Австрійской имперіи.—Гигантской морской змѣй или допотопный плезіосауръ, видѣнный въ Атлантическомъ океанѣ. И статьи въ Смѣси Геогр. Извѣстій 1848 г. стр. 205—214.

1849.

О поддѣльной арабской надписи на одномъ кинжалѣ. („Записки С.-Петерб. Археолого-нумизматическаго Общества“. Т. I, стр. 251—254).

Историческій очеркъ распространенія и устройства русскаго владычества подъ Кавказомъ и въ Закавказьѣ. („Ж. М. Вн. Дѣлъ“ 1849—1851 гг., ч. XXVIII—XXXIV. 103 стр.). Трудъ оставшійся недоконченнымъ.

Рецензія: Путешествіе во внутреннюю Африку. Е. Ковалевскаго. Спб., 1849. („Сѣверное Обозрѣніе“, т. I, стр. 265—271). Подп. *Гр.*

Статья *о провинціальной литературѣ* по поводу книгъ: Путевыя замѣтки, Т. Ч., Одесса, 1849; Порубежники, А. Скальковскаго, Одесса, 1849; Литературные вечера, Изд. Фумели, Одесса, 1849; Проба пера. Статьи для легкаго чтенія Константина Картамышева, Одесса, 1849. (Тамъ же, стр. 540—556). Подп. *Гр.*

Рецензія книгъ: Приготовительный курсъ географіи, Я. Кузнецова. Спб., 1849. Краткая всеобщая географія для уѣздныхъ училищъ, состав. А. Ободовскій, Спб., 1849. Палестина, соч. Рэра, перевелъ Ѳ. Надеждинъ. Спб., 1849. (Тамъ же, стр. 795—801). Подп. *Гр.*

Памятники русской старины, собранные и изданные въ Москвѣ. („Ж. Мин. Вн. Дѣлъ“, кн. январьская, стр. 1—23).

Статьи въ „Географическихъ Извѣстіяхъ“ на 1849 годъ: *Экспедиція Ковалевскаго* (стр. 9—15), *Странствованіе по Маньчжуріи* (15—19), статьи о путешествіяхъ (19—21), статьи въ Смѣси (32—47), Библіографія (48—52), *Нигерская Экспедиція* (72—78), статьи въ Смѣси (95—101), *Экспедиція Гревинка* (110—113), *Путешествіе Салтыкова по Индіи* (113—126), прочія путешествія (126—128, 131—132). Смѣсь (141—151), Библіографія (151—152), Путешествія (156—157, 179), Смѣсь (183—197), Путешествія (212—215), Статья К. Рафна (215—219), Смѣсь (219—224), *Путешествіе Березина* (224—226), *Поѣздка Гукера* (242—244), Смѣсь (245—248), *Русскіе на восточномъ океанѣ* (248—249), Versuch eines Quellen-Anzeigers alter und neuer Zeit, für das Studium der Geographie, Topographie und Statistik des Russischen Reiches. Von Stukenberg. Erster Band. (250). *Проэктъ Бодишона* (265—269), *Путешествіе Петерса* (269—270), Смѣсь (278—279), Записки Гидрографическаго Департамента, и проч. (280—282).

1850.

Загорская вотчина Владимірской губерніи въ Переяславскомъ уѣздѣ. („Ж. М. Вн. Дѣлъ“, № V). 15 стр. По свѣдѣніямъ доставленнымъ помѣщикомъ. Безъ подписи.

Объ инородческомъ, преимущественно нѣмецкомъ населеніи С. Петербургской губерніи. („Ж. М. Вн. Дѣлъ“, № XI). 29 стр. Передѣлка изъ статьи Кеппена. Безъ подписи.

Свѣдѣнія о городѣ Самарѣ. (Тамъ же). 22 стр. Компиляція изъ статьи Палласа и другихъ источниковъ. Безъ подписи.

Описаніе клада Золотоордынскихъ монетъ, найденнаго близъ развалинъ Сарая. („Записки С. Петерб. Археолого-нумизматическаго общества“, т. II, стр. 1—63).

Куфическія монеты, найденныя въ Псковской губерніи. (Тамъ же, стр. 159—16).

Монеты афганскихъ султановъ Индіи, найденныя въ развалинахъ Сарая. (Тамъ же, стр. 336—351). Та же статья на англійскомъ языкѣ: On the Patan Coins of Jndia found in the Ruins of Sarai. (Mémoires de la Société Jmp. d'Archéologie de St. Pétersb. T. V).

Рецензія: Библіотека восточныхъ историковъ, проф. Березина. („Москвитянинъ“, № 22, отд. Критики, стр. 67—80).

Этнографическія свѣдѣнія объ Эстахъ. („Ж. М. Вн. Дѣлъ“, кн. октябр., стр. 47—91). Изъ Поссартова описанія Эстляндской губерніи и другихъ источниковъ. Безъ подписи.

Рецензія: Монгольско-русско-французскій словарь, сост. О. Кавалевскимъ. („Сѣверное обозрѣніе“ 1850 г., кн. январьская, стр. 215). Подпис. *Гр.*

Рецензія: Новороссійскій календарь. (Тамъ же, стр. 216). Подп. *Гр.*

Рецензія: Русскіе въ Восточномъ океанѣ, С. А. Маркова. (Тамъ же, стр. 473—487). Подп. *Гр.*

Въ Географическихъ Извѣстіяхъ 1850 года:

О правописаніи въ дѣлѣ русской номенклатуры чужеземныхъ мѣстностей и народовъ. Стр. 175—201. *Путешествіе Аббада* (36—41). *Путешествіе Роше Дерикура* (41—48). *Путешествіе Стречи* (48—50). *Поѣздка Гукера* (53—54). Смѣсь (100—101, 107—116). Критика: Кастренъ, Гр. Небольсинъ (136—139). *Путешествіе фонъ-Мюллера* (226—229). *Ливингстонъ* (229—237, 655—659). *Экспедиція къ озеру*

Ньями (237—238). *Ричардсонъ* (238—242). *Валлинъ* (242). *Крузенштернъ* (247—249). Смѣсь (268—285). Критика: Уманецъ, Рафаловичъ (303—310). *Экспедиція къ Аральскому морю* (348—351). Мелкія путешествія (355—370, 422, 438). *Лазаристскія миссіи* (439—445). *Кохинхинскіе похороны*. Переводъ. (445—457). Смѣсь (457—460). *Поѣздка Ходзько*. Переводъ. (600—626). *Британская экспедиція* (627—634). Смѣсь (659—660). Критика разныхъ книгъ. (668—671).

1851.

Учрежденіе Самарской губерніи. („Ж. М. Вн. Дѣлъ", № I). Безъ подписи.

О древнихъ могилахъ въ Витебской и Псковской губерніяхъ). Тамъ же, № II). Переводъ и передѣлка статьи Брандта въ Jnland. Безъ подписи.

Новыя свѣдѣнія о численности и обиталищахъ литовскаго племени. (Тамъ же, № IV). Передѣлка статьи Кеппена. Безъ подписи.

О древнихъ статуяхъ, найденныхъ въ послѣднее время въ Керчи. тамъ же, ч. 36, стр. 297—308). Безъ подписи.

Чукчи и земля ихъ съ открытія этого края до новѣйшаго времени. (Тамъ же, № VI. „Россія и Азія", стр. 551—575).

О торговыхъ сношеніяхъ между туземцами сѣверо-восточнаго берега Азіи и сѣверо-западной Америки. (Тамъ же, № VII).

Цари Воспора Киммерійскаго, преимущественно по современнымъ имъ памятникамъ и монетамъ. („Ж. М. Вн. Дѣлъ", ч. 36, стр. 110—146, 267—296, 413—483. „Россія и Азія", стр. 322—417).

А. А. Рафаловичъ. Некрологъ. („Вѣстникъ И. Р. Геог. общества" на 1851 г., ч. I, стр. 73—79).

1852.

Историческій обзоръ этнографическихъ свѣдѣній о странахъ, имѣющихъ быть изслѣдованными Камчатскою экспедиціею И. Р. Г. Общества. (Въ сводѣ инструкцій для камчатской экспедиціи, предпринимаемой Р. Геогр. Обществомъ. Спб., 1852. Стр. 31—52).

Областныя великорусскія слова восточнаго происхожденія: замѣчанія къ „Опыту" областнаго Великорусскаго Словаря. („Извѣстія И. Академіи Наукъ" по отдѣленію Русскаго языка и словесности. Томъ первый. Спб. 1852, 4°).

Матеріалы для сравнительнаго и областнаго Словаря Русскаго языка. (Тамъ же, стр. 14—21, 68—70).

1853.

Илецкія соляныя копи. („Ж. М. Вн. Дѣлъ“, № I).

Извѣстіе о замѣчательной археологической находкѣ Пермской губерніи Красноуфимскаго уѣзда въ деревнѣ Шестаковой. („Записки И. Археолог. общества, т. V. Перечень засѣданій, стр. 58—61).

Объ арабскихъ надписяхъ на китайскихъ сосудахъ. (Тамъ же).

1855.

Современныя монеты Коканскаго ханства. („Труды Вост. отд. Археологич. общества“, т. II, стр. 113—118).

Записка турецкаго посланника Сами эль-хаджъ Ахмедъ эфенди о посольствѣ его въ Пруссію въ 1763—4 году. („Москвитянинъ“, №№ 17—18). Переводъ съ турецкаго.

1856.

Т. Н. Грановскій до его профессорства въ Москвѣ. („Русская Бесѣда“, кн. III—IV).

Разборъ сочиненія: Очерки торговли Россіи съ Среднею Азіею, П. Небольсина. (Отчеты о XXV-мъ присужденіи демидовскихъ наградъ. Спб. 1856, стр. 109—182).

1857.

Замѣтка. („Молва“, № 18). Подп. *Иркутскъ. Кассандра.*

О значеніи народности. Два письма редактору. (Тамъ же, № 24). Безъ подписи.

О воспитаніи въ духѣ народности. (Тамъ же, № 27). Подп. *Кострома. Я. Сахаровъ.*

1858.

Замѣчанія маіора Бланкеннагеля впослѣдствіе поѣздки его изъ Оренбурга въ Хиву. Издалъ съ объясненіями В. В. Григорьевъ. („Вѣстн. И. Рус. Геогр. Общества“, № 3).

Новооткрытыя Джучидскія монеты. („Извѣстія И. Археол. общества", т. I, вып. I).

1859.

Публичность и Мангышлакъ. („Русскій Инвалидъ", № 50). Подп. *Кр. Орская. Степанъ Рукавишниковъ.*

Съ береговъ Урала. („Русскій Дневникъ", № 104). Подп. *В. Г.*

1860.

Нѣсколько словъ о желѣзной дорогѣ черезъ Усть-уртъ. („Вѣстникъ промышленности", № 1). Подп. *В. Г.*

Неизданныя бухарскія и хивинскія монеты. („Извѣстія И. Археологич. общества", т. I, стр. 160—164).

Рецензія: Монеты Джучидовъ, Джагатаидовъ, Джелаиридовъ и другія, обращавшіяся въ Золотой ордѣ въ эпоху Тохтамыша, П. Савельева. (Въ XXVIII-мъ присужденіи учрежденныхъ П. Н. Демидовымъ наградъ; и въ „Жизнь и труды П. С. Савельева", стр. 238—262).

1861.

Замѣтки относительно земледѣлія въ Башкиріи и пожаровъ въ Оренбургѣ. („Вѣстникъ Промышленности", № 1, стр. 29—41). Подп. *Стерлитамакъ. Я. Сахаровъ.*

О первыхъ монгольскихъ монетахъ Сельджукскаго типа, приписанныхъ Алушъ-Беку. („Извѣстія И. Археологич. общества" т. I, стр. 342—345).

Михаилъ Ѳаддеевичъ Зеленка. („Сѣверная Пчела", № 74).

Хрисанѳа, митрополита Новопатрасскаго о странахъ Средней Азіи, посѣщенныхъ имъ въ 1790 годахъ. Съ введеніемъ и объясненіями. „Чтенія въ Имп. обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ". Кн. I).

Жизнь и труды П. С. Савельева. Изданіе Имп. Археолог. общ. Спб., 1861.

Описаніе Хивинскаго ханства и дороги туда изъ Сарайчиковской крѣпости. („Записки И. Р. Географ. общества", кн. II. Изслѣдованія и матеріалы, стр. 105—138).

О нѣкоторыхъ событіяхъ въ Бухарѣ, Хокандѣ и Кашгарѣ. За-

писки Мирзы Шемса Бухари, изданныя въ текстѣ съ переводомъ и примѣчаніями В. В. Григорьевымъ. („Ученыя записки Казанскаго университета". Отд. от. Казань, 1861, стр. VI+125+38).

Рецензія на эту книгу, за подписью С. С., помѣщена въ Сѣверной Почтѣ 1862 г., № 50.

Куфическія монеты найденныя въ Псковской губерніи. („Извѣстія И. Археологич. общества", т. III, вып. II, стр. 114–121).

Рецензія: Самоучитель Русскаго языка для Киргизовъ. („Ж. М. Народн. Просвѣщенія", кн. ноябрьская). Подп. *Султанъ Миндали Пираліевъ.*

О Троицкой школѣ. („Сѣверная Пчела", № 241). Подп. *Троицкій житель.*

О пароходствѣ по Уралу. („Сѣверная Пчела").

Sur l'origine et les monuments de l'écriture carrée dont l'invention est attribuée au Pagba-lama. („Journal Asiatique" 1861).

1862.

О нашихъ среднеазіатскихъ дѣлахъ. („Акціонеръ", № 12). Подп. *В. Григорьевъ.*

Нѣчто о цифрахъ оффиціальной торговой статистики. („Акціонеръ", № 16). Подп. *С. Рукавишниковъ.*

О бухарскомъ хлопкѣ и о возможности разведенія хлопчатника на Сыръ-Дарьѣ. („Сѣверная Пчела", № 110). Подп. *Султанъ Миндали Пираліевъ.*

Еще о коканскихъ монетахъ и событіяхъ. („Извѣстія Имп. Археологич. общества", т. IV, вып. I, стр. 60—71).

Рецензія: Матеріалы къ изученію киргизскаго нарѣчія, Н. И. Ильминскаго. („Ж. Мин. Народн. Просвѣщенія", кн. іюльская). Подп. *Султанъ Миндали Пираліевъ.*

О передачѣ звуковъ киргизскаго языка буквами русской азбуки. („Ученыя записки Казанскаго университета", по отд. историко-филологич. наукъ; вып. 2). Подп. *В. Григорьевъ.*

Неизданныя монеты уйгурскихъ владѣльцевъ Мавераннагра. (Тамъ же). Подп. *В. Григорьевъ.*

Письма изъ Зауральской степи. (Газета „День", №№ 28, 32, 35). Подп. *султанъ Мендали Пираліевъ.*

Корреспонденція изъ Оренбурга. (Тамъ же, № 52). Подп. *С. Р.*

1863.

Изъ Верхнеуральска. („День“, № 4). Подп. *Б. К.*

Рецензія: О касимовскихъ царяхъ и царевичахъ, В. В. Вельяминова-Зернова. Ч. I, Спб., 1863. („День“, № 29, подп. *В Григорьевъ*, и „Сѣверная Пчела“, № 97, безъ подписи).

Бесѣды съ народомъ о прошломъ и теперешнемъ. I. Много ли русскаго народу, и кто ему родня. („Народная Бесѣда“, № 4). Безъ подписи.

Торговля съ Среднею Азіею. („Сѣверная Пчела“, № 33. Передовая статья). Безъ подписи.

Письма изъ Башкиріи (Тамъ же, № 41. Фельетонъ). Подп. *В. Г.*

О перенесѣ таможенной линіи съ рѣкъ Урала и Иртыша на пограничныя Оренбургскую и Сибирскую линіи. (Тамъ же, № 71. Передовая статья). Безъ подписи.

Въ опроверженіе корреспонденцій изъ Оренбурга въ № 61 Сына Отечества. (Тамъ же, № 77).

Проектъ товарищества для развитія торговли Россіи съ Среднею Азіею. (Газета „Народное Богатство“ 1863 г., № 40). Передовая статья, безъ подписи.

Изъ Оренбургскаго края. Письмо первое. (Тамъ же, № 97). Подп. *Льготный Казакъ.*

1864.

Оренбургскіе Киргизы: ихъ честность и умѣнье въ торговомъ дѣлѣ. („Народная Бесѣда“, № 1).

Бухарцы и хлопокъ. („Торговый Сборникъ“, № 20).

Къ вопросу о перенесеніи таможенной линіи съ р. Урала на Сыръ-Дарью. (Тамъ-же, № 46). Подп. *В. Г.*

Русскіе торговые дѣятели. Ник. Мих. Дѣевъ. (Тамъ-же, № 48). Подп. *В. Г.*

Нѣсколько новыхъ видовъ и варіантовъ Джучидскихъ монетъ. („Труды Восточн. отд. Имп. Археологич. Общества“, ч. VIII, стр. 321—334).

Объ изслѣдованіи вопроса: текла ли когда Аму-Дарья въ Каспійское море? (Извлеченіе изъ записки, представленной въ совѣтъ общества, въ янв. 1864 г. Журналъ Совѣта Императ. Русск. Географич. Общества).

1865.

Іюльское засѣданіе парижскаго географическаго общества въ прошломъ году. О чтеніи этнографа Духиньскаго въ Парижскомъ Географ. обществѣ. („Извѣстія Импер. Русск. Геогр. Общества“ т. I, отд. II, стр. 101—103).

Альбомъ видовъ изъ Киргизской степи. La vie des steppes kirghises; descriptions, récits et contes. Texte et illustrations à l'eau forte par Bronislas Zaleski. Paris 1865. (Тамъ же, стр. 189—190). Подп. *В. Г.*

Рецензія: Изслѣдованіе о Касимовскихъ царяхъ и царевичахъ, В. В. Вельяминова-Зернова. Спб. 1864 г., ч. II. (Газета „День“ № 3, стр. 70—72). Подп. *В. Григорьевъ.*

Въ опроверженіе нѣкоторыхъ мнѣній, высказанныхъ въ последнее время о преподаваніи восточныхъ языковъ въ Россіи и объ изученіи у насъ Востока вообще. (Тамъ же, статья I—№ 18, стр. 432—436, подп. *В. Г.* Статья II—№ 33, стр. 792—795, подп. *В. Григорьевъ*).

Наши среднеазіатскія дѣла. (Тамъ же, I—№ 25, стр. 583—587; II—№ 26, стр. 631—635; III—№ 32, стр. 752—754; IV—№ 33, стр. 778—780; V—36, стр. 851—855; VI—№ 38, стр. 896—899; VII—№ 47—48, стр. 1137—1141). Подп. *Заилецкій.*

1866.

Извѣстія Антропологическаго отд. Московскаго общества любителей Естествознанія. („Извѣстія Имп. Русск. Геогр. Общества“, т. II, отд. I, стр. 21).

Чтеніе о Средней Азіи. („Изв. Имп. Русск. Геогр. Общества“, т. I, стр. 45).

О трудахъ членовъ Россійской миссіи въ Пекинѣ. (Тамъ же, т. II, стр. 157—161).

О положеніи дѣлъ по задержанію русскихъ товаровъ и русскихъ торговцевъ въ Бухарѣ. („Торговый Сборникъ“, № 7).

Образчикъ полемики „Биржевыхъ Вѣдомостей“. (Тамъ же, № 12).

1867.

Отчетъ о поѣздкѣ на этнографическую выставку въ Москвѣ.

(„Извѣст. Императ. Русск. Геогр. Общества“ т. III, отд. I, стр. 116—117).

О русскихъ интересахъ въ подвластныхъ намъ осѣдлыхъ странахъ Средней Азіи. (Газета „Москва“, №№ 23, 24, 32, 53 и 54).

Землевѣдѣніе К. Риттера. Кабулистанъ и Кафиристанъ. Перевелъ, съ присовокупленіемъ критическихъ примѣчаній, и дополнилъ по источникамъ, изданнымъ въ теченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ, В. В. Григорьевъ. Стр. XIV+1010.

Рецензія В. В. Вельяминова-Зернова въ Журн. Мин. Народн. Просв. 1867 г., ч. 134, отд. критики и библіографіи, стр. 615—685.

Общество распространенія полезныхъ знаній въ Лагорѣ и возникшій тамъ проектъ объ учрежденіи восточнаго университета. („Журн. Мин. Народн. Просвѣщ.“, ч. 133, отд. соврем. лѣтоп., стр. 292—297).

Рецензія: Исторія мусульманскихъ народовъ съ Магомета до временъ султана Селима, Густава Вейля. (Тамъ же, ч. 136, отд. критики и библіог., стр. 193—203).

Грекобактрійское царство. (Тамъ же, ч. 136, отд. педагогіи и наукъ, стр. 321—359).

Старая погудка на новый ладъ. (Газета „Москва“, № 46).

О новомъ экземплярѣ монеты Антимаха Θеоса, съ именемъ Діодота. („Древности“, Археологич. Вѣстн., изд. Моск. Археологич. Обществомъ за 1867 г., стр. 165—168).

Рецензія: Arbeit der Mitglieder der russischen Geistlichen Mission in Peking, Band IV. St. Petersb., 1866. (Zeitschrift der deutschen Morgenländischen Gesellschaft, 1867, т. 21, стр. 499—503). Подп. *Basil Grigoryeff.*

1868.

Очерки Средней Азіи, соч. Германа Вамбери. Skizzen aus Mittelasien. Leipzig 1868. („Извѣстія Импер. Русск. Географ. Общества“, т. IV, отд. II, 305—308).

Отзывъ о статьѣ г. Насырова: „Очеркъ татарскихъ повѣрій и обрядовъ“. (Тамъ же, отд. I, стр. 42—43).

1869.

О трудѣ проф. Хвольсона: Извѣстія о Хозарахъ, Буртасахъ, Болгарахъ и проч. („Извѣстія И. Р. Геогр. общества“, т. V, стр 133—136).

Записка Григорьева въ „Сборникѣ документовъ и статей по вопросу объ образованіи инородцевъ“. Спб., 1869. Стр. 204—205.

Землевѣдѣніе К. Риттера. Восточный или Китайскій Туркестанъ. Выпускъ первый: переводъ и примѣчанія. Стр. VI+557.

1870.

О путешествіи Гарбера въ Хиву въ 1732 г. („Извѣстія И. Р. Геогр. общества“, т. VI, отд. I, стр. 46—48).

Объ описаніи Зеравшанской долины В. Радлова. (Тамъ же, I, стр.48—49).

Императорскій С. Петербургскій университетъ въ теченіе первыхъ пятидесяти лѣтъ его существованія. Историческая записка составленная В. В. Григорьевымъ. Стр. 432+96+CXXII.

1871.

Умственная діета. („Торговый сборникъ“, № 14). Безъ подписи.

О скиѳскомъ народѣ Сакахъ. Историческая монографія, написанная къ 25-лѣтнему юбилею И. Р. Археологическаго Общества. („Труды Восточн. отд. И. Р. Археол. общества“, т. XVI, стр. 91—294). Отд. оттискъ, Спб., 1871. 202 стр. 8°

Рецензія А. Г. въ „Гражданинѣ“ 1872 г., № 13.

Рецензія: Средняя Азія и водвореніе въ ней русской гражданственности, Л. Ѳ. Костенко. Спб., 1870. („Ж. Мин. нар. просвѣщенія“, т. 154).

Грамота вдовы Дарма-баловой и Буянту хана, писанныя квадратнымъ письмомъ, съ присовокупленіемъ общихъ замѣчаній объ этомъ письмѣ, и догадокъ о значеніи надписи на Мангутской пещерѣ, А. А. Бобровникова, съ дополненіями В. В Григорьева. („Труды Восточ. отд. И. Р. Археол. Общества“, т. XVI, стр. 1—90).

1872.

Объ Арабскомъ путешественникѣ X вѣка Абу-Долефѣ и странствованіи его по Средней Азіи. („Ж. Минист. народ. просвѣщенія“, ч. 163).

Некрологъ: Мирза Джафаръ Топчибашевъ. („Извѣстія И. Р. Археол. Общества“, т. VII, стр. 302—304). Подп. *В. В. Григорьевъ.*

1873.

Рецензія: Кучибей Гӧмюрджинскій и другіе Османскіе писатели XVII вѣка о причинахъ упадка Турціи, В. Д. Смирнова. („Русскій Міръ“, № 48). Подп. *Султанъ Мендали Пираліевъ.*

Землевѣдѣніе К. Риттера. Восточный или Китайскій Туркестанъ. Выпускъ второй: дополненія; отдѣлъ первый—историко-географическій. Стр. VI+525.

Письма Султана Мендали Піраліева въ редакцію газеты „Русскій Міръ“. (№№ 52, 61, 73, 74, 80, 89, 94, 98, 102). Отд. изданіе: *Султана Мендали Пираліева девять Хивинскихъ писемъ въ редакцію „Русскаго Міра“.* 158 стр.

Рецензія: History of Bokhara from the earliest period down to the present, composed for the first time, after oriental known and unknown historical manuscripts, by Arminius Vambery. London 1873. („Ж. Мин. народ. просвѣщенія“, 1873 г., кн. наябрьская. Отд. крит. и библ. стр. 105—137). На англійскомъ языкѣ разборъ этотъ помѣщенъ у Скайлера въ Turkistan, London 1876, vol. I, appendix II, p. 360—389).

1874.

Поѣздка въ Стокгольмъ на международный конгресъ по Антропологіи и Археологіи доисторическихъ временъ. Письма въ газету „Русскій Міръ“. (№№ 208, 215, 217, 222). Подп. *Изафети Маклубъ.*

Международный съѣздъ оріенталистовъ въ Лондонѣ. Письма въ газету „Русскій Міръ“. (№№ 248, 251, 252, 255). Подп. *Русскій Оріенталистъ.*

Рецензія: Очерки современнаго Китая, М. Венюкова. („Русскій Міръ“, № 257). Безъ подписи.

Караханиды въ Мавераннагрѣ по тарихи Мунеджимъ-баши. („Труды Восточ. отд. И. Археологич. общества“, т. XVII, стр. 189—258).

О русской политикѣ въ отношеніи къ Средней Азіи. („Сборникъ государственныхъ знаній“, т. I). На англійскомъ языкѣ въ Turkistan by E. Schuyler, vol. II: The russian policy regarding Central Asia. Appendix IV, p. 391—415. Въ нѣмецкомъ переводѣ П. И. Лерха напечатана статья эта въ Russische Revue 1875, B. VI, подъ заглавіемъ: Die russische Politik in Hinsicht auf Central-Asien. Eine historische Skizze von W. W. Grigorjew.

О нелѣпости предположенія, будто Вамбери не ѣздилъ по Средней Азіи. („Русскій Міръ“ 1874, № 26).

Еще нѣсколько словъ по дѣлу о Вамбери. (Тамъ же, № 45).

1875.

Объ отношеніяхъ кочевниковъ къ осѣдлымъ. Рѣчь на актѣ въ И. С. Пб. университетѣ 8 февраля 1875 года. (Ж. Мин. народ. просвѣщ., кн. мартовская). На нѣмецкомъ языкѣ въ переводѣ Лерха напечатана въ Russische Revue 1875, B. VI: Ueber die Beziehungen der Nomaden zu civilsirten Staaten.

Рецензія: 1) Liter. Centralblat, 1876, № 47. 2) Magazin für die Literatur d. Ausl. 1877, № 48.

Еще два десятка неописанныхъ Джучидскихъ монетъ. („Извѣстія И. Р. Археол. Общества“, т. VIII, стр. 123—128).

1876.

Россія и Азія. Сборникъ изслѣдованій и статей по исторіи, этнографіи и географіи, написанныхъ въ разное время В. В. Григорьевымъ.

Рецензія этого сборника г. Г. М. подъ заглавіемъ „Востокъ или Западъ“ въ журналѣ „Дѣло“ 1876 г., кн. майская.

1877.

Примѣчанія къ статьѣ архимандрита Палладія: Старинные слѣды христіанства въ Китаѣ, по китайскимъ источникамъ. („Восточный Сборникъ“, Спб., 1877., т. I, стр. 62—64.

Письмо о нѣкоторыхъ монетахъ, относящихся къ царствованіямъ императрицъ Елизаветы Петровны, Екатерины II, императоровъ Павла I, Александра I и Александра II. („Извѣстія И. Р. Археол. Общества“, т. VIII, стр. 90—91).

1880.

Русскіе стихотворцы въ турецкихъ переводахъ. Замѣтка по поводу Пушкинскаго юбилея. (Газета „Берегъ“ № 107). Подп. *В. В. Г.*

1881.

Рецензія: Arbeiten des dritten internationalen Orientalisten—Congresses in St. Petersburg im Jahre 1876. Erster Band, herausgegeben unter Redaktion von W. W. Grigorjew. („Russische Revue“ X Jahrgang, 3 Heft. S. 271—285).

Рецензія: „Путешествіе въ Китай“, П. Я. Пясецкаго. (Журналъ „Отголоски“, № 1).

По поводу кашгарскихъ монетъ съ именемъ Абдуль-Азизъ хана. („Извѣстія И. Р. Археолог. общества“, т. X, стр. 50—55).

О походахъ Александра Великаго въ Западный Туркестанъ. (Ж. Мин. народ. просвѣщенія“, кн. сентябр. и октябр.).

Некрологъ: Академикъ Б. А. Дорнъ. („Новое Время“, № 1924).

О предметахъ вызывающихъ на размышленія. Девять писемъ султана Мендаля Пираліева въ редакцію „Новаго Времени“. (Газета „Новое Время“, №№ 1935, 1942, 1951, 1958, 1966, 1980, 1996, 2010, 2029). Отд. от. Спб. 1881, 183 стр. 16°.

Статьи въ Энциклопедическомъ Лексиконѣ Плюшара:

Томъ I. *А*) *Статьи самостоятельно сбработанныя*: Акъ-Коюнлу. Аларесія. Аль-Газали. *Б*) *Статьи компилятивныя*: Абуль-Ола. Абу-Суфіянъ. Абуль-Фазлъ. Абуль-Фараджъ. Абуль-Фараджъ эль-Исфагани. Абуль-Феда. Абу-Машаръ. Абу-Муслемъ Марузи. Абу-Таммамъ Таіи. Абу-Хафсиды. Абу-Хамидъ Андалуси. Абу-Ханифа. Аверроэсъ. Австралія (I—V). Агра. Агрименъ. Адель. Аденъ. Адула. Аише. Акаба. Аксумъ. Аль. Аламутъ. Аланы (Кавказскіе). Ала-уддинъ. Ата-меликъ Джувейни. Албанія (африканская). Альгамбра. Алгвазилъ. Алжиръ. Али-бей. Альманахъ. Аль-Мансуръ.

Томъ II. *А*) Альмогады. Альморавиды. Альфараби. Альфергани. Ансари. Арабшахъ. Аравія. Араксъ. *Б*) Аль-Хазенъ. Амгара. Ангола. Ангора. Андаменскіе острова. Андреоси. Анзуанъ. Анкетиль Дю-Перронъ. Аннамабоэ. Антаръ. Антіохія.

Томъ III. *А*) Араратъ. Атабеки. Атель. Афганистанъ. Ахемениды. Ахмедъ-шахъ. *Б*) Арафатъ. Арбела. Аркико. Арменія. Арсиноя. Ассирія. Аталыкъ. Атласъ (горы). Аурунгабадъ. Африка (I—VI). Африканскій институтъ. Африканское общество. Афъюнъ-Кара-Гисаръ. Ахмедабадъ Ахминъ. Ашантія.

Томъ IV. *А*) Бабериди. Багадуръ. Бальбекъ. *Б*) Бабель мандебъ. Багаръ. Бадръ. Байрамъ. Бальфурушъ. Бамбарра. Баміанъ. Банкокъ. Барбаросса. Барка (страна). Баркохеба.

Томъ V. *А*). Баторъ-хонь-Тайдзи. Бату-Ханиды. Бату-ханъ. Бахръ. Баши. Башкиры. Баядеры. Бегъ. Беки. Бесмеле. *Б*) Бассора. Баттасъ. Бафометъ. Бахрейнъ. Бахрейнскій заливъ. Бахръ бела-ма. Бахтеганъ. Башлыкъ. Бегарми. Беджа. Бедноръ. Бедуины. Бейдави. Бейтъ. Беледъ. Бельмесъ. Белуджистанъ. Бенаресъ. Бенгази. Бенгалоръ. Бенгалъ. Бенгуэла. Бендеръ-аббаси. Бендеръ. Бендъ-Эмиръ. Бенинъ. Бенкуленъ. Бераръ. Берберы. Береника (имя женск.). Береника (городъ). Бетчуана. Бетъ. Бидеръ. Биджинагуръ. Биджни. Биджоръ. Бендрабендъ.

Т. VI. *А*) Бога-Эддинъ. Бохтори. *Б*) Бира. Биркетъ-эль-Маръютъ. Бирманская Имперія. Бируни. Біафра. Боглипоръ. Бомбей (президентство и городъ).Бона. Бопалъ. Борнео. Боснія. Боудичъ. Бошисманы.

Т. VII. *А*) Бреннъ. Булгары. *Б*). Брирвудъ. Британнія. Брунегильда. Бугія. Буканьеры. Буксторфъ. Булгаръ. Бундельвендъ. Бунди. Бурханпоръ. Буссагиръ. Бутанъ. Бхадринатъ. Бхуртпоръ.

Т. VIII. *А*) Вавилонія. Вавилонское царство. Вавилонъ. Вади. Ваккеди. Вакфъ. Валеріи Валиде. Валтасаръ. *Б*) Вали. Вильянъ. Ванслебенъ. Ванъ-Кули. Варварія.

Т. IX. *А*) Векиль. Вергобретъ. Верцингеториксъ. *Б*) Васель, ибнъ Ата Абу-Гудайфа. Васетъ. Ватье. Веггабиты. Велисарій (?).

Т. X. *Б*) Вигье. Византійскіе историки. Византія. Визапуръ. Вильберфорсъ. Вильфордъ. Висделу.

Т. XIII. *А*) Газна. Газневиды. Галданъ-Бошокту-ханъ. Галлы. Гассаниды. Гаюкъ. *Б*) Газаль. Галданъ-Церынъ. Галлія. Гельмендъ.

Т. XIV. *Б*) Герилья.

Статьи въ Военномъ Энциклопедическомъ Лексиконѣ Зедделера:

Мавераннагръ, Мавры, Магребъ, Мамелюки. (Т. VIII).
Монголія, Монголы, Ногаи, Ногай. (Т. IX).

Списокъ этотъ далеко не полонъ, особенно по отношенію къ статьямъ не подписаннымъ. Въ число послѣднихъ вошли только тѣ, принадлежность которыхъ В. В. Григорьеву, я зналъ доподлинно. При всемъ стараніи мнѣ не удалось даже привести въ извѣстность всѣ псевдонимы В. В-ча: такъ обширна и разнообразна была его литературная дѣятельность; но все существенное, важное вошло въ прилагаемый списокъ. *Н. В.*

Милостивый Государь

А....А......въ,

Въ послѣдній разъ какъ я имѣлъ удовольствіе видѣть Васъ у себя, мы, кажется, достаточно наговорились о всѣхъ предметахъ "относящихся къ разсмотрѣнію", чтобъ убѣдиться въ совершенномъ несходствѣ нашихъ воззрѣній. Что предлагаемо Вами утвердительнымъ и окончательнымъ, то полагаю и вредно, и непрактично. И на-оборотъ. Словомъ я не имѣю, не люблю, не желаю, и не имѣю [illegible], кромѣ того что [illegible] всякій [illegible]. При такихъ условіяхъ, я не понимаю какимъ образомъ могъ бы я быть судьею той или другой изъ вашихъ работъ. Что Вы любите отечество и желаете ему блага, я и не сомнѣваюсь, но позволяю себѣ думать что и самъ не уступаю Вамъ въ томъ.

только, впрочемъ, и есть между нами общаго. Во всемъ остальномъ мы расходимся. Вы вѣрите въ прогрессъ, а я даже слово это ненавижу, такъ оно засалено и истаскано. Вы вѣрите въ то что съ измѣненіемъ формъ измѣнится и сущность, а для меня всякое стремленіе къ измѣненію сущности посредствомъ измѣненія формы — смѣшно. Вы намѣрены дѣйствовать на среду; я вѣрю въ необходимость дѣятельности обращенной каждымъ на себя самого. И такъ далѣе, и такъ далѣе. Наконецъ, я такъ занятъ своимъ дѣломъ, что не имѣю никакой возможности заниматься чужими. Извините за откровенность и примите увѣренія въ искреннемъ моемъ желаніи Вамъ всякаго добра.

Вашъ покорнѣйшій слуга

В. [illegible].

10 февраля 1876.

P.S. До сентября я рѣшительно самъ не свой. Если доживемъ до сентября